

56

В-42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

38

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

56
B-42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Византийский временник

Том 38

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

Г П И Б
ОБМЕН. ФОНД

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Член-корреспондент АН СССР *З. В. Удальцова* (ответственный редактор),
действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
доктор филологических наук *Е. Э. Гранстрем*,
доктор исторических наук *А. П. Каждан*,
академик АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
доктор исторических наук *Г. Л. Курбатов*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
доктор исторических наук *Е. Э. Липшиц*,
доктор исторических наук *Г. Г. Лигаврин* (зам. отв. редактора),
кандидат исторических наук *Р. А. Наследова* (ответственный секретарь),
доктор исторических наук *Е. Ч. Скржинская*,
доктор исторических наук *М. Я. Сюзюмов*

Госуд. публичная
историческая
библиотека СССР
ПОР. 32 1977г.

Х. КЭПШТЕЙН

О ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ПО «ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ЗАКОНУ»*

Сельская община в Византии, как она представляется по «Земледельческому закону»¹, дает отчетливую картину существования независимого крестьянства. Возобновившееся укрепление сельской общины в Византии в VII—VIII вв. должно рассматриваться прежде всего как обстоятельство, тормозящее феодальное развитие. Конечно, процесс развития крупной земельной собственности, с одной стороны, и зависимого мелкого владения с другой, уже в позднеантичном классовом обществе зашел так далеко, что это замедление могло быть только временным. Кроме того, нельзя упускать из виду существование в сельской общине «Земледельческого закона» отчетливо заметной социальной дифференциации, которая привела в конце концов к отношениям феодальной зависимости. Нам хотелось бы специально остановиться далее на этом вопросе, который не всегда в должной степени привлекал внимание исследователей. При этом хорошо известно, что в этой области, особенно советскими коллегами, уже собран богатый научный урожай, поэтому в кратком докладе можно не более как расставить акценты.

В «Земледельческом законе» термином γεωργοί обозначаются сельскохозяйственные производители, крестьяне, которые располагают участком земли. Эту землю они сами обрабатывают и за нее уплачивают налог. Однако на основании анализа этого термина нельзя решить, идет ли при этом речь о владельце или собственнике земельного участка. В греческом языке в отличие от латинского нет юридически ясного языкового разделения между собственностью (proprietas) и владением (possessio): как κτήμα, так и κτήσις могли обозначать оба понятия. Также выражения ἐργαζόμενον τὸν ἴδιον ἀγρόν (§ 1), ἐξῆλον δίκην ἐν ἀγρῷ (§ 6) и даже κέρσις τοῦ ἀγροῦ (§ 15), κέρσις τῆς χώρας (§ 2, 13), ὁ τοῦ κωποῦ κέρσις (§ 32) указывают на наличие не права собственности, а только права распоряжения².

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.).

¹ Ashburner W. The Farmer's Law I. II. — JHS, 30, 1910, p. 85—108; 32, 1912, p. 68—95.

² Уже И. Безобразов (ВВ, XVII, 1910, с. 345 и сл.) выражал сомнение в правильности утверждения Панченко и Мутафчиева о том, что понятие ἴδιος ἀγρός и ему подобные однозначно свидетельствуют о полной собственности. См. об этом также работу Г. Вернадского (Вуз., 2, 1925, p. 175—177), предположение которого о том, что ἴδιος в «Земледельческом законе» следует понимать как технический налоговый термин, является не вполне удовлетворительным и не вытекает из контекста. По нашему мнению, ἴδιος ἀγρός в § 1 следует понимать не узко, а исключительно как собственный, специально выделенный мелкий участок земли (τὸν ἑαυτοῦ ἀγρόν), который нельзя самовольно расширять за счет соседа. См. также § 78, 79. Об употреблении термина κέρσις, в том числе в папирусах, см., например: Rostowzew M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats. Leipzig—Berlin, 1910, S. 21 f.; о значении слова ἴδιος см.: ibid., S. 75, 307 f.

С другой стороны, текст памятника не позволяет сделать определенный вывод о существовании права помещика на парцеллы, крестьяне имеют только право распоряжения ими³. В пределах общины γεωργοί были, совершенно очевидно, собственниками своих земельных участков, хотя в этих своих правах ограничивались правом общины или правом других ее членов.

Тот факт, что эти сами ведущие свое хозяйство крестьяне повсеместно обозначаются термином γεωργοί, не может быть использован для доказательства их полного социального равенства. Нельзя также на основании анализа различных телесных наказаний, применяемых по «Земледельческому закону» за нарушение прав собственности, причислять всех γεωργοί в целом к humiliores, как это делает Эшбернер⁴. Поразительно, что ни в одной из 23 статей⁵, в которых перечисляются такие обычные для рабов и humiliores наказания, как побои, членовредительство, клеймение, смерть на костре, преступник не называется γεωργός (даже там, где речь вполне определено идет о нем)⁶; здесь говорится о пастухах, полевых сторожах, μισθωτοί⁷, именно о них идет речь в большинстве такого рода статей, а это как раз означает, что при этом имеются в виду не все γεωργοί, а в первую очередь те, кто оказался на более низких ступенях социальной лестницы. Категория этих экономически слабых γεωργοί, которые иногда обозначаются как ἀποροί γεωργοί (§ 14), γεωργοί ἀπορήσαντες (§ 11, 12, 18), выступает в разных видах. Их бедность выражается прежде всего в том, что они отдают за долю в урожае участки земли для обработки, а затем и в том, что они сначала временно, а в конце концов навсегда оставляют свою землю. Этому сопутствует вначале случайная, а позднее постоянная практика нанимательства за плату. Следовательно, можно отчетливо наблюдать процесс социальной деградации земледельцев как следствия их экономического ослабления.

Прежде всего, перед нами крестьянин, который не в состоянии сам обрабатывать весь свой земельный участок. Он передает поле (§ 11, 13—15) или виноградник (§ 12) другому γεωργός либо вследствие отсутствия рабочей силы, либо вследствие недостатка в зерне для посева или даже в орудиях труда. Степень обработки участка и доля в урожае, которую имел обрабатывающий, как правило, составляла половину⁸ и устанавливалась на основании договора (см. особенно § 11⁹ τὰ σὺμφωνά). Если об-

³ Статьи 9 и 10, в которых упомянуто об отношениях между μορτίτης и χωροδότης, хотя и допускают предположение в этом направлении, все же не могут служить доказательством этого. Таким образом, высказанные П. Лемерлем (*Leмерлем P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. — «Revue historique», 219, 1958, p. 57*) и М. Я. Сюзюмовым (*Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону».* — ВВ, X, 1956, с. 29 и сл.), мы считаем совершенно обоснованными.

⁴ Ashburner W. Op. cit., II, 73, 76.

⁵ § 28, 30, 33, 34, 41, 42, 44, 58—61, 64, 66, 68—70, 75—80 (§ 46, 47 относится к рабам). Об этом подробнее см.: Ashburner W. Op. cit., II, 73—76; см. также: Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого закона. — В кн.: Византийский сборник. М.—Л., 1945, с. 102.

⁶ См. § 66, 78—80. Причем в § 66 и 80, возможно, речь идет о долгое время находившихся в отсутствии, только что возвратившихся, а потому экономически слабых γεωργοί.

⁷ § 28: ἀγελάριος; § 33: ἀποροφύλαξ; § 34: ποιμήν μισθωτός.

⁸ Ashburner W. Op. cit., II, 80 f.

⁹ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 40) объясняет эту статью в смысле условия оплаты труда μισθωτός, который «при определенных условиях фактически превратился в арендатора». Но был ли в состоянии ἀπορήσας γεωργός, у которого, очевидно, даже отсутствует посевное зерно, заставить работать на себя рабочую силу за плату? Притом § 11 непосредственно предшествует статье, касающейся ημίσεια, данной в § 12—15. Также и формулировка εἰς τὴν λάβη, по нашему мнению, не говорит в пользу отношений оплаты. Равным образом представляется, что ссылка на μισθωτός в § 24 не вполне убедительна. Здесь речь идет о γεωργός, ко-

рабатывающий отказывался от выполнения условий договора своевременно, еще до оплаты работ по уходу за участком, то он не нес никакого наказания (§ 15). Если же он не проявлял необходимого усердия в работе, то *ἄπορος* как *χέρσις* земли имел право на весь урожай (§ 12, 13). Если же *ἡμισιατής* вовсе не возделывал пашню отсутствующего *ἄπορος γεωργός*, то он был обязан в двойном размере возместить урожай (§ 14). Тем самым избегали того, чтобы земля оставалась необработанной или обрабатывалась недостаточно; ведь от интенсивности обработки земли зависел размер урожая, а от его своевременного поступления (через налоги и поборы) — содержание армии и чиновничества. Принимая во внимание довольно высокую долю, которая приходилась на *ἄπορος*, сдающего свой участок в обработку, вполне возможно, что обязанности по уплате налогов и в дальнейшем оставались за ним¹⁰. Но если он должен был их выполнять, то он должен был также получать свою часть урожая. Поэтому столь строги наказания для нарушившего договор *ἡμισιατής*. Передача земли от *γεωργός* к *γεωργός* с целью обработки, по-видимому, должна была происходить, смотря по обстоятельствам, только на время одной уборки урожая или нескольких уборочных кампаний — согласно контексту статей о *ἡμισία*, относящихся к пахотной земле, — очевидно, для преодоления временной нужды. Текст не дает ответа на вопрос, передавалась ли при этом вся земля или только ее часть¹¹. В случае отсутствия *γεωργός* (как в § 14), вероятно, для обработки передавалась вся земля. Отсутствие *γεωργός* упомянуто еще в двух других статьях. В то время как описанный в § 14 случай, благодаря нейтральной формулировке *ἀποδηήσας*, производит впечатление законного отсутствия, — быть может, *γεωργός* нес военную службу, *ἀποβαῖν* и *διαφορεῖν* в § 19—20 скорее позволяют сделать вывод о нежелательном уходе, бегстве. Все же и в этом случае отсутствующий крестьянин, если он платит ежегодные налоги, — речь, таким образом, идет о длительном отсутствии — защищается возмещением ему штрафа *ἡμισιατής* в двойном размере урожая, чтобы тот не убрал его продукты полеводства (§ 19). Но если же он с помощью бегства уклоняется от обработки своего виноградника, а его часть налога собирается с других *γεωργοί*, то они могут также, не боясь наказания, убирать его урожай (§ 18).

В то время как при передаче земли в *ἡμισία* передающий землю *ἄπορος γεωργός*, совершенно очевидно, надеется на скорое улучшение своего экономического положения, заключается настоящий договор, налоговые недоимки по меньшей мере не упоминаются, то положение переселяющегося *γεωργός* уже намного сложнее: он сбегал со своего участка земли, уклоняется от обработки своего виноградника. Требуемая больших затрат культура виноградарства, по-видимому, вообще должна была быть пределом хозяйственной работоспособности крестьянина¹². Но какую выгоду могло принести *ἐπιτεθεῖν* обедневшему крестьянину? Возможно, он надеялся твердо встать на ноги в новом месте, более благоприятном по своим природным условиям для земледелия и садоводства.

торый в состоянии построить на чужой земле дом, посадить виноград и даже при известных условиях дать отпор, *ἀντιτοπία*.

¹⁰ Таково предположение Лемерля (op. cit., p. 57).

¹¹ Ни в одной из статей (§ 11—15) не говорится ясно о передаче всей земли. В § 11—13 *γῆ*, *ἀπέλων* и *χώρα* стоят без артикля, а в § 14—15 речь идет о *ἡμισία τοῦ ἀγοῦ* или о *ἡμισία*. На этом основании мы считаем неправомерным допускать, что *γεωργός*, отдающий землю в обработку, в каждом случае не располагал никакими орудиями труда и семенным зерном (так у Е. Э. Липшиц, указ. соч., с. 123). Для обработки части своей земли могло быть достаточно своих хозяйственных сил.

¹² Обращают на себя внимание многочисленные статьи, специально посвященные виноградарству, особенно защите виноградных культур: § 12, 18, 50, 51, 52, 58, 59, 61, 79, 80, 85; см. также § 16, 25, 38, 83.

Во всяком случае, он мог временно уклониться таким образом от уплаты налогов¹³. Третья и последняя возможность заключалась в том, что он временно или навсегда на чужбине или даже в собственной деревне брался за наемный труд. Тем самым он достигал на социальной шкале самой низшей ступени, а фактически переходил из категории γεωργοί в категорию μισθωτοί (хотя граница между ними была еще расплывчатой).

В шести статьях «Земледельческого закона» (§ 22, 25, 33, 34, 36, 62) речь определенно идет о плате: один раз в связи с обозначением γεωργός (§ 22), один раз в связи с термином μισθωτός (§ 34) и по одному разу в связи с названием профессии ἀγέλαριος (§ 25), ποιμήν (§ 34), ὄπωροφόλαξ (§ 33). Таким образом, наиболее предпочтительной работой за плату был труд пастуха и сторожа фруктового сада; для этого требовались простые орудия труда и малоквалифицированная рабочая сила¹⁴. Так что во всех аналогичных случаях следует иметь в виду μισθωτοί, даже если это не выражено прямо. Но, как показывают статьи о краже орудий труда (§ 22, 62), за плату выполняются также и более квалифицированные или более трудные работы, как, например, расчистка поля под пашню, рытье канав, вспашка, косьба, подрезание виноградных лоз. Только при упоминании этих работ речь определенно идет о ежедневной плате в 12 φάλλεις, только в связи с такими работами ясно говорится о γεωργός, получающем плату (§ 22), но отдавшем, по крайней мере частично, свою землю в ἤμισια — в противном случае он едва ли был бы в состоянии взять на себя дополнительную работу. Характерно, что γεωργός, работающий за плату, был настолько плохо обеспечен хозяйственно, что кража инструментов вообще и особенно тогда, когда они более всего нужны (кража лопат и мотыг во время вскапывания поля, серпов или кос в период жатвы, виноградных ножей во время сбора винограда, топоров в период корчевки), была обычным явлением, иначе соответствующее наложение штрафа в § 22¹⁵ было бы ненужным. Эти μισθωτοί были наверняка когда-то полноправными γεωργοί деревни и остались таковыми с некоторым ограничением, в то время как о ἀγέλαριοι скорее можно думать как о чужаках, которые в деревне исполняли обязанности только μισθωτοί, а не γεωργοί.

То, что пастухи и полевые сторожа среди μισθωτοί стояли в деревне действительно на последнем месте, за исключением рабов, которые, впрочем, привлекались к подобным работам¹⁶, становится ясным уже из перечня телесных наказаний¹⁷, которые применялись к ним (см. выше). О их социальном положении можно также узнать по роду их проступков. За исключением нерадивости, это были чаще всего преступления против собственности из нужды: кража скота (§ 36), молока (через пастуха — § 34), фруктов и продуктов полеводства (через полевого сторожа)¹⁸.

¹³ О снижении налога при его возможном возвращении, как это известно от более позднего времени (см.: Ashburner W. Op. cit., II, § 14, а также § 12, 13), «Земледельческий закон» ничего не говорит.

¹⁴ К таким работам, безусловно, привлекались члены семей бедных крестьян, которые еще по своей молодости или уже по старости больше не могли выполнять слишком тяжелые и сложные работы в поле, лесу и саду.

¹⁵ § 36: Тот, кто увел вола, осла или другое животное, наказывается штрафом в двойном размере убытка. § 62: Кража плуга, лемеха или хомута наказывалась штрафом в 12 фоллиев в день с того времени, как произошла кража.

¹⁶ Рабы определенно упомянуты как пастухи в § 71, 72; другие статьи, которые касаются рабов (§ 45—47), говорят о краже скота, следовательно, речь идет с большей степенью вероятности также о пастухах.

¹⁷ § 33, 34: потеря платы и побию.

¹⁸ § 33. В § 61 кража винограда и инжира, если речь идет о хищении на пропитание (βρώσεως ἐνεκεν), а не о κλοπή (с целью продажи?), остается безнаказанной; правда, здесь не упомянут пастух, как и в § 69 относительно кражи винограда и в § 35, 60, 68 относительно кражи зерна. Для характеристики социального положения широких слоев в деревне эти статьи довольно выразительны. (Так же

Так постепенно происходила социальная деградация γεωργοί. Но кто извлекал пользу из этого? Сопровождалась ли деградация одних γεωργοί возвышением других, или этот процесс в той или иной мере затрагивал всех?

Ἡμισιατής, который обрабатывал пашню или виноградник другого γεωργός и должен был передать половину дохода собственнику, очевидно, нередко отказывался от соглашения¹⁹. Это было обременительно и для необедневшего γεωργός, так как он должен был обрабатывать дополнительно к своему участку и другой, к тому же если ἄπορος находился на чужбине и о его возвращении не было известно. Но для экономически более сильного γεωργός, который располагал достаточной рабочей силой (члены семьи, наемные работники или даже рабы) и который обрабатывал дополнительное поле, дополнительная доля в урожае означала, без сомнения, прибыль.

Более ясным является тот случай, когда отсутствующий крестьянин не уплачивает налога. Тогда он взимается с других членов общины, которые в свою очередь имеют притязания на его урожай. Таким образом, γεωργός, который в состоянии платить налог за соседа, может получить в дальнейшем вместе с урожаем постепенно также и право распоряжения его землей. С другой стороны, с переносом налога на общину разорение бедного γεωργός не прекращалось, а еще более ускорялось, так как прекращение уплаты налога было связано с потерей урожая. Ведь если он не был в состоянии уплатить налог, то как он мог после потери урожая снова вступить в свои права в будущем году?

Некоторой защитой он, разумеется, пользовался. В случае возвращения он мог претендовать если уже не на свой, то по меньшей мере на другой равноценный участок, так как тому, кто в это время обрабатывал землю, нельзя было причинить ущерб. Права человека, обрабатывавшего землю в сельской общине, были достаточно большими. Если дерево посажено на «неподеленной земле» (§ 32), а мельница построена на «общинной земле» (§ 81), то такая деятельность ни в коем случае не осуждалась, а скорее поощрялась, во всяком случае принималась во внимание. Это имело силу и тогда, если один γεωργός обрабатывал наряду со своим оставленный участок другого. Право на урожай имел не тот, кому принадлежал участок, а тот, кто его обрабатывал (§ 6); если кем-либо на чужом участке был посажен виноградник или построен дом, то они не могли быть уничтожены собственником, даже если тот не предложит ἀντιποία (§ 21)²⁰. Следовательно, решающим было право вложенного труда, а не формальное право собственности. Является также спорным положение о том, вступало ли в силу право на собственный участок и тогда, когда крестьянин отсутствовал в течение года, не платя налоги за свою землю. Срок, с истечением которого действие этого права прекращалось, правда, нигде не назван в «Земледельческом законе»²¹, но, без сомнения, после длительного отсутствия фактически это право терялось. Земельный участок, который не обрабатывался ни владельцем, ни кем-либо другим по его поручению — в ἤμισια или за плату, как πορτίτης, становился владением соседа при условии ухода за ним и уплаты за него налога. П. Лемерль предполагает, что такие оставленные участки земли — после определенного периода считающиеся до некоторой сте-

---

как кража скота в § 30, 41, 42, 44, которые определенно не называют пастуха или сторожа преступниками.) За исключением § 35, во всех названных статьях налагаются телесные наказания.

¹⁹ § 14: μεταμεληθεῖς; § 15: μὴ ισχύων.

²⁰ Ἀνάρχος — следовательно, даже не ожидая такого предложения, они не должны повреждать дома или изгороди. Судебная тяжба, упомянутая в § 80, относится, возможно, к такому делу о возвращении.

²¹ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 39) предполагает срок в 30 лет.

пени ἀμέριστοι τόποι (§ 32) — подлежали снова разделу²². Во всяком случае § 8, 32, 82 «Земледельческого закона» не подтверждают этого. Экономическая дифференциация внутри деревни ускорялась бы новым разделом не менее чем фактическим овладением без формального наделения. Скорее отсутствие γεωργοί, чем их возвращение, было правилом, отсутствие, которое подтверждается наличием многочисленных μισθωτοί в деревне, бежавших γεωργοί из других деревень.

Это означает, что обязанности по уплате налогов ускоряли социальную деградацию одних, а для других предоставляли законную возможность упрочить свое материальное положение. «Земледельческий закон» фиксирует начало процесса социальной дифференциации. Различие уже сейчас довольно заметно. Между крестьянином, который может возделывать только небольшой участок земли и должен отправиться на заработки (или оставить даже совсем свою землю, чтобы жить в другом месте как μισθωτός), и членом общины, который нанимает μισθωτοί и рабов и в состоянии взять на себя уплату налога соседа и обработать его участок, имеется много промежуточных ступеней.

Несмотря на все попытки законодателя поддержать равновесие, тенденция еще большего усиления имущего и обеднения бедняка уже не имела препятствий на пути своего развития. Этот процесс экономической и социальной дифференциации происходил прежде всего внутри деревни и был более медленным по сравнению с позднейшим поглощением крестьянского участка династами вне деревни. Но в «Земледельческом законе» его уже можно ясно увидеть и понять, что он начинался не в IX—X вв., от которых в нашем распоряжении имеются ясные свидетельства источников. Новое усиление и относительно внутренняя стабилизация деревенской общины привели только к задержке развития, которая была недолговременной.

²² Lemerle P. Op. cit., p. 60; М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 38 и сл.) идет еще дальше, понимая как μερισμός и овладение покинутой парцеллой, вытекающее из взаимной ответственности по уплате налогов, с указанием на такие более поздние источники, как трактат Эшбернера и судебные решения магистра Козмы.

Б. Б. ЗАСТЕРОВА

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ МИССИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИКОМОРАВСКОГО ГОСУДАРСТВА *

Обширные археологические исследования последних 25 лет, дополненные интенсивным изучением языка и истории, радикальным образом изменили существующие представления об историческом развитии Великой Моравии. В новом свете предстают прежде всего две проблемы: экономическое и общественное развитие и вопрос о распространении христианства до прибытия византийской миссии.

Систематическое изучение городищ и погребений выявило высокий уровень производства в Великой Моравии в первой половине IX в., а именно — существование специализированного ремесла, которое уже отделилось от сельского хозяйства. Некоторые городища можно рассматривать как агломераты городского характера. В их непосредственной близости, а также вне их округа были открыты усадьбы магнатов. Социальное расслоение в указанное время также зашло гораздо дальше, чем предполагали до сих пор. Доказано наличие дружины, причем не только дружины государя, но и магната. И все же пока еще отсутствуют необходимые доказательства существования в Великой Моравии в первой половине IX в. развитого феодального строя. Впрочем, высказывается точка зрения, что процесс феодализации уже шел в главных центрах великоморавского государства.

По-новому приходится говорить и об уровне христианизации этой страны в первой половине IX в., т. е. до прибытия византийской миссии. На городищах были обнаружены фундаменты каменных церквей различных строительных типов и различного происхождения. Всего до сих пор было открыто 17 церквей.

О том, что христианство пустило в Великой Моравии более глубокие, чем предполагали раньше, корни уже в первой половине IX в., свидетельствуют также филологические исследования. Они подтверждают, что в начале IX в. на славянский язык были переведены некоторые основополагающие церковные тексты и уже тогда выработана славянская церковная и юридическая терминология, которую могли перенять Константин и Мефодий. Отсюда следует, что баварские миссионеры, а также, вероятно, и миссионеры из истрийских областей уже пытались приобщить моравский народ к новой вере на его языке.

Чем в таком случае было вызвано появление византийской миссии в христианизированной стране, где в крепостях и магнатских усадьбах имелись христианские церкви и где — судя по почти повсеместному расположению скелетов в погребениях — христианство явно влияло на широкие слои народа?

Причина, побудившая Ростислава обратиться в далекую Византию с ходатайством о епископе и учителе, связана не с языком, на котором

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.).

говорили миссионеры, а с политическими целями. Видимо, в Моравии уже с 30-х годов IX в. существовала подчиненная Пассаускому епископству церковная организация в форме архипресвитериата; из источников следует, что представители баварского клира выражали интересы франкских государей. В. Вавржинек убедительно доказал, что предшественник Ростислава князь Моймир приспособился к такому положению и использовал хорошие отношения с Франкской империей для того, чтобы укрепить и расширить свое господство. Однако в изменившейся исторической ситуации планы Ростислава вступили в противоречие с Франкской империей: они были направлены на ликвидацию зависимости от могущественного соседа.

О попытках избавиться от влияния франкского клира говорит ряд мероприятий Ростислава: в 855 г., когда напряженные отношения с Франкской империей вылились в конфликт, он выслал баварский клир из страны. В начале 60-х годов Ростислав попытался получить для Моравии церковное управление из Рима, и лишь после того, как он не добился успеха в папской курии, он обратился с аналогичной просьбой к византийскому императору. Ростислав просил о «епископе и учителе», иными словами, о создании самостоятельной и независимой церковной организации, которая должна была положить конец вмешательству Франкской империи во внутренние дела Моравии и укрепить власть князя как внутри, так и за пределами его государства.

Во время этих переговоров стали обрисовываться и внешнеполитические аспекты, которые исследовали В. Златарский и Ф. Дворник: союз франков и болгар против Византии в связи с борьбой папской курии за церковно-правовые полномочия в Иллирике. Этот союз представлял собой угрозу Великой Моравии как со стороны Франкской империи, так и со стороны Болгарии. В этом историческом контексте вполне ясно, что византийский двор пошел навстречу просьбе Ростислава и послал в Моравию хотя и не епископа, но все же известных и зарекомендовавших себя своей предшествующей деятельностью лиц, а именно Константина и Мефодия, с заданием создать в Моравии необходимые предпосылки для организации церковного управления. Разумеется, лишь на следующем этапе там должен был быть утвержден диоцез, подчиненный константинопольскому патриарху.

Византийские миссионеры приступили к выполнению этого задания, имея собственный план: они стремились создать в Великой Моравии такие условия, которые позволили бы привлечь на ее сторону и включить в моравское государство другие славянские страны. Это в свою очередь должно было принести пользу византийской церкви, расширить сферу влияния византийской культуры и власти. Основная особенность этого далеко идущего плана заключалась в том, что средством к достижению указанной цели должна была стать славянская литургия.

Одновременно Мефодий стремился к тому, чтобы разработать определенную церковно-правовую основу для деятельности церковной миссии в Моравии. Об этом свидетельствуют переводы правовых памятников. Исследования Номоканона, переведенного Мефодием, показывают, что перевод представляет собой выборку из Синагоги Иоанна Схоластика, которая была обработана с учетом местных условий, так что можно говорить о «новом, великоморавском типе Номоканона». Й. Вашица датирует его возникновение временем борьбы за собственный, независимый от франкской иерархии диоцез, борьбы, в которой Мефодий опирался на нормы Номоканона.

К великоморавскому правовому наследию причисляют также так называемую анонимную Гомилию сборника Клоца, в которой Гривец и Вайан, независимо друг от друга, определили наставление Мефодия судьям-князьям. Анализ памятника показал, что речь идет о комментарии к Закону Судному людем, возникновение которого чехословац-

кие исследователи связывают и с великоморавской средой. Здесь не место спорить о том, является ли этот памятник по происхождению великоморавским, болгарским или македонским. Однако тот факт, что определенный слой его юридической терминологии лингвистически принадлежит великоморавскому времени, является доказанным. Следовательно, возможен вывод, что по крайней мере некоторые нормы этого законника были переведены на славянский язык уже в Моравии. В пользу этого говорит и пассаж из жития Мефодия, в котором Мефодий спорит с княжеским советником (где речь идет о законности брака, заключенного этим советником со своей крестницей).

Как недвусмысленно показывает Наставление Мефодия судьям-князьям, переводы юридических сочинений должны были служить надежной идеологической основой не только церковной организации, но и всего великоморавского государства. С точки зрения византийской концепции отношений между церковью и государством, которая предполагала обоюдное взаимопроникновение и тесную связь, это обстоятельство, т. е. ориентированность переводов юридических сочинений не только на церковь, но и на государство, было вполне естественно.

В интересах подъема моравского государства Мефодий достиг в конце концов всего того, чего ждал от него Ростислав. Став моравским архиепископом, он продолжал свою деятельность, несмотря на все препятствия, встречавшиеся на его пути. Но самостоятельная церковная администрация, с организации которой он начал, при существовавших исторических условиях была подчинена не Константинополю, к чему первоначально стремились как Ростислав, так и Византия, а римской курии.

Источники свидетельствуют, что моравская церковь во главе с Мефодием была опорой государства и во времена его быстрого роста при Святополке. Согласно историческим сообщениям, она готовила пути моравской экспансии в Паннонию, Богемию, польское Повисленье. Тем самым моравская церковь принимала активное участие в становлении империи Святополка.

Византийская миссия в Моравии играла роль государственно-образующего фактора, поскольку она создала такую церковную организацию, которая стала опорой великоморавского государства. Она пыталась ввести правовые нормы, опирающиеся на основы византийского права, т. е. вводила более прогрессивный общественный порядок, чем славянское обычное право. Наконец, она осуществляла грандиозную культурную программу, выходившую далеко за пределы первоначальных устремлений моравского государя и ставшую подлинным завещанием славянским народам, хотя и не непосредственно моравским славянам, для которых она была первоначально предназначена.

СТАТЬИ

И. Ф. ФИХМАН

У ИСТОКОВ КРУПНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В ОКСИРИНХЕ

Крупные имения сыграли, как известно, большую роль в социально-экономической истории византийского Египта. Основная документация, многочисленная и разнообразная, относится к Оксиринху, а именно к концу V—началу VII в. К концу V в. крупные имения предстают перед исследователями как мощные и сложные хозяйственные комплексы. Допуская, что процесс формирования крупных имений принял в V в. особенно бурный характер, нельзя полностью исключить возможность наличия элементов крупного землевладения и их постепенного развития в предшествующий период.

По всей вероятности, отдельные крупные имения существовали уже в римское время, во всяком случае в III в.¹ Наряду с данными об имениях, принадлежавших неизвестным нам собственникам², имеются тексты, упоминающие конкретных землевладельцев. Это прежде всего, хотя и не исключительно, представители александрийской муниципальной знати, римской бюрократии³.

В самом начале века тексты отмечают Аврилия Ориона⁴, бывшего в свое время агораномом, евфиниархом, стратегом города (Александрии), послом и архидикастом, владевшим вместе с сыновьями землями в разных деревнях Оксиринхского нома. Учитывая тяжелое положение своих земляков, он внес с разрешения императоров Септимия Севера и Каракаллы определенную сумму для покупки земли, доход с которой был бы обращен на оказание помощи будущим литургам. Судя по Р. Оху., XXXVIII, 2848₇₋₈ (225 г.), аналогичный взнос⁵ сделал и Кальпурний Фирм. Он принадлежал к знатной семье, члены которой занимали высокие посты не только в александрийской и оксиринхской муниципальной организации, но и в провинциальной римской, и, конечно, владел землями в Оксиринхском номе⁶.

¹ Ссылка Мак Леннана (*Mac Lennan H. Oxyrhynchus. An Economic and Social Study. Princeton, 1935, p. 38*) на монографию Ростовцева (*Rostovtzeff M. A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C. Madison, 1922*) как на исследование, посвященное изучению земельных владений в римском Египте, вызывает недоумение.

² Р. Оху., XIX, 2240 (241 г.); XVIII, 2204 (нач. III в.); X, 1339; XII, 1577; PSI, VII, 803 (все — III в.) и т. д.

³ Данные о землевладении оксиринхских куриалов см.: *Фихман И. Ф. Оксиринхские куриалы. — АРФ, XXII—XXIII (1974), с. 52.*

⁴ Р. Оху., IV, 705, III = W. Chrest., 407; стб. I—II = W. Chrest., 153 = C. P. Jud., II, 450 (199—200 г.); XII, 1560_{3, 10, 13} (209 г.); PSI, XII, 1255_{6, 15, 18} (нач. III в.); см. и Р. Оху., XXXVIII, 2848₆ (225 г.).

⁵ О величине взноса свидетельствует возможность выдачи ссуды в 12 талантов 1700 драм.

⁶ См. введение к Р. Оху., XXXVIII, 2848 (225 г.) и примечание к Р. Оху., XXXIV, 2723₁ (III в.).

Их современницей была Клавдия Исидора, она же Апия⁷, ἀξιολογώτατη. Она владела землями в районе деревень Пеенно (Р. Оху., XLI, 2997₅ — 214 г.), Фолфис (Р. Оху., XII, 1578₂ — 221 г.) (топархия Фмоисефо), Псобофис (BGU, XI, 2126, I₁₂ — 232—233 г.), Талао (BGU, XI, 2126, II₉) (Нижняя топархия), Ффохис (Р. Оху., XII, 1530_{2,22} — 215—216 г.) (Восточная топархия) и, возможно, в Малом оазисе⁸. У нее были свои фронтисты, управлявшие землями, расположенными в районе отдельных деревень⁹, эпитроп (Р. Оху., XII, 1578_{1,20})¹⁰. Это свидетельствует не только о разбросанности ее владений, но и о большой их площади¹¹. В состав земель входили пахотные угодья, виноградники¹², они были оборудованы оросительными сооружениями (Р. Оху., XLI, 2997). Кроме того, она владела домами в районе Сада Паммена (Р. Yale, I, 69—214 г.), Гусятников¹³ и Ермия (Р. Oslo, III, 114₁₂₅₋₁₃₀—235 г.). По неизвестным причинам ее имущество (полностью или в значительной мере) перешло к фиску¹⁴.

Опубликованные в 1974 г. Р. Оху., XLII, 3047 (245 г.) и 3048 (246 г.) выявили существование в Оксиринхе еще одной крупной земельной собственности — Кальпурнии Ираклии, она же Евдамия¹⁵, дочери Кальпурнии Феона, члена Музея. По-видимому, она принадлежала к той же семье, что и упомянутый выше Кальпурний Фирм. О ее связях с оксиринхскими муниципальными кругами свидетельствует то обстоятельство, что в Р. Оху., XLII, 3048 одним из ее юридических представителей выступает бывший притан и бывший гимнасиарх Оксиринха, вулевт Аврилий Пекилл, он же Феон. Согласно Р. Оху., XLII, 3047, Кальпурния Ираклия владеет в пяти деревнях Восточной топархии (Фминаком, Фминесобфис, Схивис, Осорроннофрис и Тихиннекотис) примерно 1700 арурами земли различного статуса¹⁶, в основном приобретенной путем покупки, начиная со времени императора Тиберия¹⁷. По данным Р. Оху.,

⁷ Данные о ней и литература приводятся в примечании к Р. Оху., inv. [29] 4B 63/A (1—3) a=XLI, 2997; см.: *Constantinides E. An Oxyrhynchus Papyrus.* — *BASP*, VI (1969), p. 56—57; введение к Р. Yale, I, 69 (214 г.); см. также: *Thomas J. D. A Document Relating to the Estate of Claudia Isidora Reconsidered* (BGU, XI, 126). — *JJP*, XVIII (1974), с. 239—244. Согласно Дж. Томасу, имеется еще по крайней мере шесть неизданных текстов.

⁸ Р. Оху., XIV, 1630₃ (223 г.). Наличие земельной собственности в Арсиноитском номе (на основе Р. Оху., VI, 919, вероятно, 214 г., см.: *BL*, III, S. 133) спорно; см.: *Constantinides E. Op. cit.*, p. 57.

⁹ Р. Оху., XLI, 2997₃ (214 г.), XII, 1578_{2,22} (221 г.).

¹⁰ В Р. Оху., XIV, 1634₄, [24] (223 г.) она действует через вулевта Сару. Известно, имеется ли в виду простое представительство, свидетельствующее о связях с курialesными кругами, или подчиненное положение лица, находившегося в ее штате. Первое объяснение представляется более приемлемым.

¹¹ О состоятельности Клавдии Исидоры говорят и высокая арендная плата (Р. Оху., XIV, 1630), и зерновые ссуды, даваемые ею (Р. Оху., XXXI, 2566, I₉₋₁₀ — 600 артаб; II₁₅₋₁₆ — 300 артаб), и сумма налога *aurum coronarium* (Р. Оху., XIV, 1659₅ — 236 драхм), и то, что она приобрела каменный дом (Р. Оху., XIV, 1634₅).

¹² Р. Оху., VII, 1046_{8,9} (218—219 г.): XII, 1578₂ (221 г.); возможно, в первом тексте идет речь о пальмовой роще; см.: *Mac Lennan H. Op. cit.*, p. 41₆; *Hennig D. Untersuchungen zur Bodenpacht im ptolemäisch-römischen Ägypten.* München, 1967, S. 291, N 407.

¹³ Р. Оху., XIV, 1634_{3, 6, 19, 23} (223 г.). Вероятно, это второй ее дом в этом районе, поскольку в числе соседей упоминается сама Клавдия Исидора (стр. 6); следовательно, у нее был там либо дом, либо городской участок.

¹⁴ BGU, XI, 2126, I₃₋₅; II (указания нет, но прагматевт тот же); Р. Оху., XXXI, 2566, I₇; II₉; возможно, и Р. Oslo, III, 114₁₂₆₋₁₃₀.

¹⁵ Она упоминается и в неизданном оксиринхском папирусе, в котором выступает в качестве арендодателя виноградников; в Р. Erl., 101₂₈ (269 г.) говорится о владениях, некогда принадлежавших некоей Кальпурнии; см. прим. изд. к Р. Оху., XLII, 3047₂.

¹⁶ 14 1/5 аруры являлись царской землей.

¹⁷ Все сведения относятся к деревням, подчиненным комограмматии Фовоу. Упоминание в Р. Оху., XLII, 3048 зерновых запасов в еще двух деревнях той же

XLII, 3048, на ее зерновых складах в трех деревнях Нижней топархии (Суис, Досифеу и Исион Трифонов) и в трех деревнях Восточной топархии (Фминепсифис, Лиле и Сатиру) имелись 5045 артаб зерна. У Кальпурнии Ираклии был свой административный штат: прагматевты (Р. Оху., XLII, 3048^{15,19}), фронтисты (там же, стк. 20), писарь-секретарь (Р. Оху., XLII, 3047⁴). Хотя основная часть земли сдавалась в аренду, в том числе земледельцам ранее не засвидетельствованного «дома божественных Веспасиана и Тита» (Р. Оху., XLII, 3047^{5, (8), 9, (11), 19, 24, 35, 37}) часть земель обрабатывалась хозяйственным способом, поскольку упоминаются выплаты γεωργοῖς καὶ παιδαρίοις καὶ καταμνηστοῖς (Р. Оху., XLII, 3048²⁰)¹⁸.

Дальнейшая судьба земель Кальпурнии Ираклии неизвестна¹⁹; что же касается владений некоего Аммониона, то их постигла та же участь, что и имущество Клавдии Исидоры, — его поселок перешел в собственность фиска: Р. Оху., XXXVI, 2775⁶⁻⁷ (конец III в.). Судя по тому, что прагматевт Аврилий Максим, ведавший в данном тексте владениями Аммониона, перешедшими к фиску, в Р. Оху., XII, 1544⁴ и XX, 2285⁸ получает распоряжения от Аврилия Филомуса, прагматевта Аврилия Аммониона, который обозначен как κράτις²⁰, можно предположить, что Аммонион принадлежал к высокопоставленной бюрократии, а переход его имущества к фиску говорит о том, что в беспокойные времена III в. формировавшиеся владения, принадлежавшие представителям высшей администрации, может быть, в силу неизбежного участия последних в политических смутах не могли еще конституироваться в достаточно прочные комплексы.

К владениям, общественное положение собственников которых более или менее поддается установлению²¹, следует добавить ряд других, существование и характер которых еще недостаточно выяснены. Если принять интерпретацию и датировку, которую Х. Геремек²² дает Р. Iand., VI, 99 (начало III в.), то в лице адресата письма — Кальпурния (он ἀξιολογώτατος)²³, упоминаемого, по-видимому, и в Р. Оху., XIV, 1764¹¹, мы имеем землевладельца, заинтересованного в садоводстве и виноделии, а возможно, в международной виноторговле. PSI, I, 35 (265 г.?), Р. Оху., VII, 1054 (263 г.) и 1055 (267 г.) сообщают о некоем Пекилле (в штате у него имелся фронтист), поставлявшем вино виноторговцам. В Р. Оху., VIII, 1141 и Р. Alex., 13 некий Юлий Диоген²⁴ распоряжается о выдаче вина двумя разными οἰνοπαραλήρηται фронтисту деревни Серифис и по-

Восточной топархии и в трех деревнях Нижней топархии дает основание полагать, что у Кальпурнии Ираклии еще были земли в Оксиринхском номе и, быть может, в других номах.

¹⁸ Отношения между Кальпурнией Ираклией и городскими мясниками (стк. 21—23: μάγειροι τῆς πόλεως) неясны.

¹⁹ Как указывалось, в Р. Egl., 101²⁸ (269 г.) упоминаются земли, некогда принадлежавшие Кальпурнии, но нельзя быть уверенным в том, что речь идет именно о данной Кальпурнии.

²⁰ В Р. Оху., XII, 1514¹ и XX, 2286¹ прагматевт Максим получает распоряжения от некоего Немесаммона.

²¹ О землевладении ветеранов см.: Р. Оху., XII, 1459 (226 г.); XIV, 1646 (268—269 гг.). В последнем идет речь о ветеране, ставшем вулветом Александрии. О проблеме в целом см.: *Bieżuńska-Malowist I. La propriété foncière dans l'Égypte romaine et le rôle de l'élément romain.* — In: *Problèmes de la terre en Grèce ancienne, sous la direction de M. I. Finley, Paris—La Haye, 1973, p. 253—265.*

²² *Geremek H. P. Iandana 99: Italian Wines in Egypt.* — JJP, XVI—XVII (1971), p. 159—171.

²³ *Ἀξιολογώτατος* являлся и Аполлон из Р. Оху., XVII, 2153 (III в.), также богатый землевладелец.

²⁴ См. и SB, X, 1055⁹ (после 282 г.), где он упоминается в качестве притана. По сообщениям З. Борковского (*Borkowski Z. Le papyrus de Berlin inv. 11314 et les prytanes d'Oxyrhynchus de 277 à 282.* — ChE, XLIII, 1968, p. 329) и А. Швидерек (*Swiderek A. Les BGU de Varsovie.* — В кн.: *Akten des XIII Internationalen Papyrologenkongresses. München, 1974, p. 395—396*), о нем идет речь и в Р. Ве-

гонщику ослов в качестве заработной платы. Об имени Феона говорит Р. Оху., IX, 1220=Sel. Pap., I, 139=Lettere cristiane, 5 (III в.).

К концу века относятся владения Аврилии Диогениды, она же Турвиена. М. Вандони²⁵ удалось установить принадлежность к ее архиву PSI, I, 83 (283 г.), V, 472 (295 г.) и XIII, 1338 (299 г.). Возможно, что к нему следует отнести и Р. Оху., XII, 1569 (конец III в.) и PSI, VI, 712 (295 г.). В первом тексте содержится распоряжение Аврилии Диогениды о выдаче вина строителю; распоряжение адресовано Аммонию, прагматевту, и не ею лично. Во втором распоряжение о выдаче денег за изготовление кирпичей дает Димитрий (должность неизвестна) некоему Палле πρρ. [. Аврилий Палла упоминается в качестве составителя документа в PSI, I, 83₁₉, там же фигурирует и Димитрий ἐπ(), а в тексте упоминается неоднократно оплата изготовления кирпичей. В PSI, XIII, 1338₂₃ от имени Аврилии Диогениды выступает проноит Аврилий Орион. Быть может, в PSI, VI, 712₁ следует читать πρρρ[ηστῆ] и предположить, что в 293—295 гг. он был проноитом Аврилии Диогениды. Аврилия Диогенида — высокопоставленная дама, она λαμπροτάτη (PSI, V, 472₂), matrona stolata (PSI, XIII, 1338₂), у нее владения в Сенеpte и, возможно, в других местах, там ведется строительство, производятся посадки винограда. У нее свой штат: проноит (Аврилий Орион, возможно, и Аврилий Палла), по крайней мере два фронтиста: Паген (PSI, I, 83_{6, 7, 14}; V, 472₃) и Фоний (PSI, I, 83₁₃).

Разумеется, не только представителям высокопоставленных кругов удавалось создавать более или менее прочные владения. В эпоху кризиса III в., приведшего к катастрофическому обесценению денег, интерес к земле, стремление вкладывать средства в земельную собственность не могли не возрасти, несмотря на связанный с этим риск. В острой конкурентной борьбе за выживание отдельные предприимчивые и цепкие землевладельцы мелкой и средней руки могли, конечно, пробиться в ряды более состоятельных, а затем положить начало крупным имениям. Примером такого дельца Мак Леннан²⁶ считает Аврилия Серина, он же Сарапион, с. Агафина²⁷, карьеру которого он восстанавливает, допуская ряд грубых ошибок²⁸. Он приходит к неожиданному выводу, что Аврилий Серин, начав в качестве дельца, кончил свою деятельность ландграфом, лендлордом (с. 39, 43, 44)²⁹. Аврилий Серин, безусловно, проделал успешный «путь наверх», увеличил свои земельные владения, по тем

rol., inv. 17367. В P. Vindob. Salomons, 73-4 (293 г.) (*Salomons R. P. Fünfzehn Wiener Papyri*. Amsterdam, 1974, S. 77—85) наследники Гая Юлия Диогена, бывшего ипомнематографа, выдают через своих прагматевтов ссуду. Возможно, его наследники упоминаются и в PSI, V, 461₃₀ (290 г.), где мы предлагаем читать Ἰουλί[ου Διο]γένους.

²⁵ Vandoni M. Note papirologiche. — RIL, CII, 1968, p. 439—440.

²⁶ Mac Lennan H. Op. cit., p. 39, 42—45, 49, 78; ср.: Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire². Oxford, 1957, p. 490.

²⁷ Документы, относящиеся к нему: Hombert M., *Préaux Cl. Un petit propriétaire égyptien du milieu du IIIe siècle de notre ère: Aurelius Serenus Sarapion*. — In: *Miscellanea philologica historica et archaeologica in honorem H. van Weerd*. = AC, XVII (1948), p. 331.

²⁸ Отметим только существенные погрешности. В PSI, VIII, 886, который мы датировем 312—313 г., речь идет не о Серине, он же Сарапион, а о другом лице — страте, бывшем куриале и магистрате Аврилии Сарапионе, он же Серин (см.: Филман И. Ф. Указ. соч., с. 81, № 119); идентификация невозможна, поскольку в 251—253 гг. (Р. Оху., IX, 1209₉) Аврилию Серину было уже 34 года. Об этом же куриале, а не об Аврилии Серине идет речь, вероятно, и в PSI, V, 461₂₃ (290 г.). Аврилий Серин не может быть идентифицирован с эдиком Серинном из PSI, VII, 790, поскольку это текст VI в., а не IV в., как утверждает Мак Леннан. Наконец, предположение, что потомком Аврилия Серина был комит священного консистория Фл. Серин из Р. Оху., I, 140=W. Chrest., 438=Contratti 17 (550 г.) (с. 45, 78), ни на чем не основано.

²⁹ См. с. 39: «Если бы землевладельцы начала века создали систему подобно той, которую построил Серин, то они получили бы в свое распоряжение олигархию, готовую взять под свой полный контроль весь ном к концу века».

не менее он весьма далек от данной ему Мак Леннаном оценки. Истинные размеры и значение его деятельности правильно охарактеризованы в приведенной выше статье М. Омбера и Кл. Прео. В той же мере, в какой неверно утверждение А. Джонсона и Л. Уэста³⁰ об отсутствии свидетельств о начале развития частных имений в Египте в III в., преувеличены Мак Леннаном значение и ритм этого процесса.

Документы конца III—середины V в., хотя и не образуют большие архивы и еще весьма далеки от документации настоящих крупных имений последующего периода, все же позволяют судить о формировании имений с иными, чем прежде, отношениями между собственниками и обслуживающими хозяйство работниками. Рассмотрим вкратце тексты, которые по тем или иным соображениям можно отнести к этим имениям³¹.

В Р. Оху., XII, 1571 (297 г.) содержится распоряжение земледельцу выдать декапроту Димитриану³² 23 артабы зерна. Список крупных землевладельцев приводится в Р. Оху., XIV, 1747₅₈₋₇₂ (III—IV вв.)³³. В Р. Ryl. Uncat., 5 (III—IV в.) автор письма (Виссарион) называет адресата «патроном» (стк. 1). У последнего — владения в Плело (Средняя топархия) и Лиле (Восточная топархия), скот, который сдается в аренду, есть оросительные сооружения, правда, плохо ремонтируемые плотниками, хозяйство, возможно, заинтересовано в текстильном производстве. О хозяйстве с винодельческо-садовым уклоном говорится в PSI, IV, 286 (III—IV вв.), но там имеется и старший пастух, какие-то помещения, сдаваемые в аренду (в стк. 21 упоминаются *ἐνοίκια*), возможно, какие-то участки под патронатом (стк. 17: *ἀπατησίμων τῆς προστασίας*), но в целом дела идут плохо, неурядицы (стк. 5: *πόλεμος*), автор письма не прочь прибегнуть к военной силе (стк. 25). В Р. Оху., XXIV, 2421, II_{26,43} (начало IV в.) упоминаются прагматевты неких Феониллы и Ирины. В Р. Oslo, II, 44 (324—325 гг.) у Лоллианы, она же Плутиена, есть проноит и земледелец. О женщинах-землевладельцах говорится и в Р. Оху., XIV, 1653 (306 г.) и X, 1288 (IV в.). В последнем речь идет о сложном хозяйстве: выдается плата пекарям, находящимся на постоянной службе (в стк. 4 упоминаются пекарни), другим лицам, в том числе речным работникам, икету Мору; хозяйство располагает вином, которое продает (в стк. 12 упоминается винный склад, покупает (неоднократно) текстильное сырье и готовые изделия (стк. 24)).

В имении, по-видимому, чувствовалась нехватка в деньгах, поскольку говорится о залогах (стк. 18, 33), процентах (стк. 19), о посылке икета Мора к ситологам. Отправка того же икета за деньгами в деревню указывает, что управление имением находилось в городе. Собственница же либо проживала в Александрии³⁴, либо временно там находилась (стк. 17 и приписка в начале текста). Она активно вмешивалась в дела имения (см. приписку), а сумма, посланная ей в Александрию (стк. 17), настолько незначительна, что вряд ли это была часть регулярно пересылаемых доходов.

К одному и тому же имению относятся, возможно, Р. Оху., I, 92 (336 г.)³⁵ и Р. Princ., II, 80 (337 г.). В первом идет речь о распоряже-

³⁰ Johnson A. C., West L. C. *Byzantine Egypt: Economic Studies*. Princeton, 1949, p. 40.

³¹ См. также: Р. Оху., XIV, 1752 (378 г.); SB, IV, 7445 (382 г.); VIII, 9825 (388 г.? 393 г.?); Р. Harr., 148; Р. Oslo, III, 146; Р. Оху., VI, 939=W. Chrest., 128=Sel. Pap., I, 163=Lettere cristiane, 35=Cristianesimo, 61 (все — IV в.) и др.

³² О нем см.: *Thomas J. D. Notes on Documentary Papyri* (Р. Оху., 1572 and 2561, BGU, 2118). — ZPE, VIII, 1970, p. 278—281.

³³ Противопоставление геухов и комитов нашло отражение в Р. Оху., VII, 1531 (сер. III в.), причем доля геухов раз в 15 превышает взнос деревенских жителей. Правда, не исключено, что имеется в виду соотношение владений городских и сельских жителей; первое толкование предпочтительнее.

³⁴ Braunert H. *Die Binnenwanderung. Studien zur Sozialgeschichte Ägyptens in der Ptolemaer- und Kaiserzeit*. Bonn, 1964, p. 308₇₈.

³⁵ К дате: Р. Оху., XIV, p. 28.

нии Аффония некоему Оффелию выдать ветеринарному врачу (ἰπποῖ-ατρος) вино за обслуживание имения (стк. 2: γεουχική οἰκία), во втором — о выплате денег торговцу шерсти также в связи с нуждами имения (стк. 4). Судя по Ve, где имеется запись: Эффелию, проноиту, можно предположить, что оба документа относятся к одному имению³⁶. В пользу этого говорит и повторяющееся в них выражение γεουχική οἰκία не в смысле дома, а имения. Очевидно, это переходная форма κοῖκος, с которым мы встретимся в это же время³⁷.

К имению, принадлежащему к муниципальным кругам, относятся Р. Оху., I, 93 (362 г.); Р. IFAO, II, 13 (IV в.); PSI, III, 247 (IV в.). Упоминаемый в них Евтригий, у которого имеются проноит (PSI, III, 247) и воиף (Р. Оху., I, 93) был, по-видимому, экс-логистом; см. Р. Оху., I, 66₅ (357 г.) и VIII, 1403₃ = W. Chrest., 465 (360 г.).

К крупным землевладельцам следует отнести, возможно, и некоего Лимения. В PSI, IX, 1081 (IV в.) сохранился, к сожалению неполностью, текст письма к нему Аммония, вероятно, проноита. Он называет его своим господином и патроном (стк. 1 и 35). Среди зависимых от Лимения лиц находились и жители деревни Паомис. Речь идет не об отдельных людях, а о жителях деревни в целом (стк. 10—11: ὅλοι οἱ ἀπό τῆς κώμης). Они всегда безропотно выполняют распоряжения геуха (стк. 15—17)³⁸, берут у него ссуды, возвращая их с процентами (стк. 9), и в данном случае собираются просить у него небольшую ссуду в несколько номис и даже направились в другую деревню, полагая, что геух будет там. Поскольку письмо написано не представителями деревни, а приближенными Лимения, нельзя с уверенностью утверждать, что и жители деревни видели в нем своего патрона, но их зависимость от него, причем постоянную, следует считать неоспоримым фактом. Возможно, что это тот же Лимений, который в Р. Оху., XIV, 1753 (390 г.) приказывает воифу Афанасию выдать прагматевту Вассу деньги за масло, мед, смолу и другие материалы (что говорит о связи с рынком). Издатель PSI, VIII, 884 (391 г.) связывает с ним и Лимения из PSI, IX, 1081. Если это так (в чем мы не уверены), то следует отметить наличие у Лимения, во-первых, доверенного зависимого лица (ἰδιος) Сарациона, во-вторых, мельницы, которую он эксплуатировал непосредственно.

PSI, IX, 1073 (389 г.) и 1074 (400 г.) — распоряжения, адресованные одному и тому же воифу Параклию (в первом тексте упоминается еще воиף Дидим), уплатить в счет аннопа *militaris* различные суммы денег. В PSI, IX, 1073 распоряжение отдает, очевидно, Зоил, сын геуха, в PSI, IX, 1074 — некий Птолемина. Среди оксиринхских текстов сохранилось еще одно распоряжение Птолемина (Р. Оху., VII, 1056 — 360 г.) Фонию, проноиту Нигру (Верхняя топархия). Большая разница во времени не позволяет причислить Р. Оху., VII, 1056 к данной группе текстов, но и он, вероятно, имеет отношение к крупному землевладению.

К концу IV в. следует отнести и Р. Оху., IX, 1223 = Sel. Pap., I, 164³⁹. Хозяйство называется οἶκος (стк. 18), у геуха есть свое судно, матрос, курьер; управление находится, очевидно, в городе. Крупное имение еще не завоевало столь большого авторитета, чтобы его не беспокоили правительственные агенты, и присутствие или, как в данном случае, отсутствие собственника сказывается на их поведении. Письмо свидетельствует и о финансовых затруднениях. О зависимом гончаре говорится

³⁶ В Р. Оху., X, 1303 (ок. 336 г.) говорится о донесении логисту, сделанном трачом через некоего Аффония, с Исихия, но, думается, нет оснований для включения текста в состав данной группы документов.

³⁷ См. уже в Р. Оху., XXXIV, 2713₁₁ (297 г.); в то же время οἰκία в смысле имения фигурирует в Р. Оху., XXIV, 2730₁₆ (IV в.).

³⁸ Ср.: Р. Princ., II, 104 (?V в.), в котором садовник, обращаясь к геуху-патрону, упоминает об указаниях господина τοῖς λειτουργοῖσι τῆς κώμης.

³⁹ См. и PSI, VII, 809 (IV—V вв.), геух упоминается в стк. 2.

и в Р. Оху., XIV, 1754₅₋₉ (конец IV или V в.): *κεραμί τῷ διαφέροντι... Ἀβρααμῖφ τῷ βοηθῷ τῶν κληρονόμων Πρωτιδίου*. Имение перешло в наследство, наследники не раздробили его, и поэтому, вероятно, гончар, хотя и принадлежит имению, обозначен как принадлежащий реальному руководителю хозяйства — воифу.

Большинство документов V в., которые можно было бы отнести к крупным имениям, не датированы, поэтому их трудно расположить в хронологической последовательности⁴⁰. В данной связи можно упомянуть Р. Merton, I, 41 (ок. 406 г.), содержащий распоряжения некоего Фиваммона, с. Ламасы (у него оросительные сооружения, земледельцы); Р. Mich., XI, 611 (412 г.): наследники бывшего дукса (?) Фиваммона сдают в аренду 30³/₄ арур земли; Р. Оху., XVI, 1973₃₋₄ (420 г.); Р. Harr., 149 (443 г.). К началу V в. (из-за обращения «патрон», запрещенного, как известно, после 415 г.) мы бы отнесли и PSI, VII, 835 = Cartas, 59, который издатель датирует V—VI вв.⁴¹ В тексте, представляющем письмо патрону (стк. 1, 26) и геуху Филоксену, упоминается проноит и говорится о возможности приезда геуха в деревню, вряд ли целесообразного, если бы в ней находился только один патронируемый.

С архивом Фл. Кирии⁴² мы вступаем в новую фазу развития крупного землевладения. Р. Оху., XXXIV, 2724 (469 г.) является первым документом V в., который типологически можно причислить к последующим текстам, относящимся к крупным имениям⁴³, самым старым текстом из серии расписок в получении оборудования для орошения⁴⁴ зависимыми держателями⁴⁵, обозначающими себя по всем формам позднейшей апионовской документации.

⁴⁰ См. и Р. Оху., VI, 940 — винодельческое хозяйство, имеется фронтист, нотариус, упоминаются *μερίδες*; X, 1325 — расписка в получении вина от виноградарей, но маловероятно, что речь идет о виноторговке; Р. Оху., XVI, 1931₂; Р. Princ., II, 88; Р. Оху., XVI, 2006 (V—VI вв.); имеется проноит, банщик. Ремондон (*Rémondon R. L'Égypte au 5-e siècle de notre ère: les sources papyrologiques et leurs problèmes.* — In: *Atti dell' XI Congresso Internazionale di Papirologia. Milano, 1966, p. 144*) относит к началу V в. архив Флавиана, в состав которого он включает Р. Оху., XVI, 1957 (430 г.), Р. Rein., II, 105 (432 г.) и Р. Med., I, 56 = SB, VI, 9445. Если первые два текста еще можно сблизить благодаря упоминанию в них писца Феодора, то для третьего нет основания для объединения в один архив с ними. Неизвестно, был ли Флавиан крупным землевладельцем. Зато к числу крупных землевладельцев следует, вероятно, отнести геуха Та-тиана из Р. IFAO, II, 12₂ (V в.), поскольку упоминаемый там в стк. 7 *ἐπίκλιον Δέοντος*, вопреки утверждению издателя, не только известен, но и локализуется в Оксирихском номе. Р. Оху., VIII, 1131 принадлежит к архиву Апионов, поэтому, быть может, его следует датировать не V, а VI в.

⁴¹ О тексте см.: *Horn R. C. Interpretation of a Papyrus Letter PSI 835 Chaeremon to Philoxemus.* — CPh, XXII, 1927, p. 296—300; *O'Callaghan J. Sobre la interpretación de PSI VIII, 835 (V/VI p.).* — «Emerita», XXIX, 1961, p. 121—127; *Dunphy W. A Note on PSI VII, 835 «Chaeremon to Philoxenus».* — «Emerita», XL, 1972, p. 171—173; *O'Callaghan J. Nuevas consideraciones sobre PSI VII, 835.* — «Emerita», XLI, 1973, p. 403—407.

⁴² *Gascou J. Notes critiques sur quelques papyrus des Ve et VIe siècles.* — ChE, XLVII, 1972, p. 248—249.

⁴³ Первым, возможно, является Р. Оху., XVI, 1967 (427 г.), но до нас дошло только начало текста.

⁴⁴ О них см.: *Фихман И. Ф. Ремесло и крупное имение в византийском Египте (по данным греческих папирусов).* — ПС, 7 (70), 1962, с. 57—62; *его же. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, с. 214—219.* Перечень расписок см.: *Фихман И. Ф. Ремесло и крупное имение в византийском Египте, с. 72—76. его же. Египет на рубеже двух эпох, с. 228—233; добавить: Р. Оху., XXXIV, 2724 (469 г.); XXXVI, 2779 (530 г.); Р. L. Bat., XIII, 20 (592 г.) и неизданные: Р. Giss. Univ. Bibl., inv. 37 (589 г.) и 46 (о них: *Van Haelst J. De nouvelles archives. Anastasia propriétaire à Oxyrhynchus.* — In: *Atti dell' XI Congresso Internazionale di Papirologia, p. 587*).*

⁴⁵ *Ἐπαπόγραφοι γεωργοί.* Это, по-видимому, первое упоминание в папирусах; в Р. Med., I, 64₅ = SB VI, 9503 (440 г.) слово восстановлено.

З. В. УДАЛЬЦОВА

ОТКЛИКИ НА ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ
В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Трагедия, разыгравшаяся в мае 1453 г. на берегах Босфора, имела огромный политический резонанс. Известие о падении Константинополя облетело все страны и народы Европы, вызывая гнев и печаль одних, тайное злорадство и насмешки других.

Ни одно событие со времени крушения Римской империи не получило такого яркого отражения в источниках, как завоевание Византии турками. Византийские историки Сфрандзи и Халкокондил, Дука и Критовул, западноевропейские хронисты и политические деятели Леонард Хиосский, Убертин Пускул, Никколо Барбаро, Жак Тедадьди, Йорген из Нюрнберга, Янош Туроци, Ян Длугош и многие, многие другие, каждый по-своему, с различных политических и конфессиональных позиций повествуют о потрясших их воображение последних днях некогда великой империи¹.

В странах Восточной Европы, в частности в России, весть о гибели Византии произвела глубокое и тягостное впечатление, породив искреннюю печаль и сострадание к несчастьям греческого народа. И это вполне понятно, ибо Русь и Византия были связаны между собой прочными узами: давними торговыми и политическими связями, общностью религии, длительным и постоянным культурным общением².

Последствия турецкого завоевания в сфере экономики, политики и культуры коснулись как многих стран Европы, так и Руси. Оборвались внезапно и трагически нити, связывавшие Россию со странами Балканского полуострова, на несколько столетий попавших под власть турок. В международной политике той эпохи появился новый фактор первостепенной важности — могущественная Османская держава, с которой должны были считаться все монархи Европы и в том числе правители Русского государства.

Османская держава вновь подчинила единой власти некогда принадлежавшие Византии огромные владения в Европе и Азии. Во второй половине XV в. государство османов простиралось от Месопотамии до берегов Адриатики. С захватом Константинополя турки не только овладели военно-стратегическим пунктом выдающегося значения, но и стали полными хозяевами проливов, что давало Турции как военные, так и экономические преимущества. Под контроль турок попали важнейшие торговые пути из Средиземного моря в Черное, торговые коммуника-

¹ Удальцова З. В. Основные причины падения Византии и последствия турецкого завоевания. — В кн.: История Византии, т. III. М., 1967, с. 207—213; *её же*. О внутренних причинах падения Византии в XV в. — ВИ, 1953, № 7, с. 102—120.

² См.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

ции, соединявшие Европу с Ближним и Средним Востоком³. Это нанесло сильнейший удар торговле не только европейских держав, в первую очередь итальянских республик Генуи и Венеции, но и торговле стран Восточной Европы и в особенности Русского государства.

Торговые связи с Византией и итальянскими городами-государствами имели первостепенное значение для России XIV—XV вв. Как показал выдающийся советский ученый акад. М. Н. Тихомиров, торговые отношения России с Византией в этот период были гораздо более оживленными, чем это считалось в научной литературе⁴. Такие достоверные и богатые ценной информацией источники, как «Хождения» русских купцов и путешественников, например, «Хождение Пимена в Царьград» (конец XIV в.), свидетельствуют о регулярности и интенсивности экономических связей России с Византией⁵. Эти памятники сообщают о наличии проторенных, хорошо известных и часто используемых путей из Русского государства в страны Средиземноморья⁶.

В ту эпоху особенно оживленная торговля велась по Черноморско-Донскому пути, начальным пунктом которого была Москва, а конечным — Константинополь. От Москвы плыли по рекам до Рязани, затем до верховьев Дона шли сухим путем и везли суда на колесах, далее спускались по Дону до Таны (Азова) и оттуда плыли морем мимо Кафы (Феодосии) и Сурожа (Судака) к Синопу и, наконец, к Царьграду. Путешествие от Москвы до Царьграда длилось около двух с половиной месяцев. Старый Днепровский водный путь к этому времени уже утратил свое былое значение, хотя и не полностью; сохранялись и другие сухопутные дороги из России на юг. В ранних (XIV—XV вв.) географических чертежах и картах, созданных в Русском государстве, как показал недавно акад. Б. А. Рыбаков, нашли отражение и связи России со странами Средиземноморского бассейна⁷.

Все пути из России в Средиземноморье в конечном итоге сходились в Константинополе, или «Новом Риме». Перефразируя известное изречение древних, М. Н. Тихомиров писал, что «для русских путешественников все дороги вели в «Новый Рим»⁸. Царьград всегда привлекал русских купцов, паломников, книжных людей, монахов. В Константинополе, как свидетельствуют русские и византийские источники, искони существовала постоянная русская колония, которая имела свой особый квартал и свою церковь Иоанна Предтечи. В XIV в. автор «Хождения Пимена в Царьград» монах Игнатий с гордостью рассказывал о теплой встрече, оказанной ему и его товарищам их русскими соотечественниками в византийской столице. «Тамо живущая Русь», по его словам, «добре успокоили» русских путешественников, дали им кров и устроили пиршество в их честь. Другой путешественник XIV в. Стефан Новгородец сообщает о встрече в Константинополе со своими земляками-новгородцами. В XIV—XV вв. русская колония, возможно, была перенесена в Галату.

О постоянной русской колонии в Константинополе накануне турецкого завоевания свидетельствуют и многочисленные записи на славянских рукописях, написанных в Константинополе и привезенных в Россию. Греческий язык был знаком не только русскому духовенству, но и некоторым русским купцам: известно, например, что купец Семен Анто-

³ Удальцова З. В. Завоевания турками Византии и падение Константинополя. — В кн.: История Византии, т. III, с. 184, 198; Каждан А. П. Завоевание турками Морей, островов Эгейского моря и Трапезундской империи. — В кн.: История Византии, т. III, с. 199—206.

⁴ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, 15—77.

⁵ Русский временник, ч. I, М., 1820, с. 293—303.

⁶ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 28—29.

⁷ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии. М., 1974.

⁸ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 31.

нов в XV в. говорил на трех языках: русском, татарском и греческом. Греческий язык был гораздо более распространен в России XIV—XV вв., чем это обычно предполагается⁹.

Турецкое наступление на Балканский полуостров затруднило, но не прервало торговых связей Константинополя. Вплоть до начала осады Константинополь, как показали новейшие исследования советских ученых, сохранял значение центра транзитной торговли. Велась торговля и с Причерноморьем, хотя часть транзита европейских товаров переместилась в Трапезунд¹⁰.

Падение Константинополя нанесло тяжелый удар экономическим связям России со странами Средиземноморского бассейна. Гибель Византии и разрыв исконных экономических связей болезненно переживались «ходившими в Царьград» русскими торговыми людьми, которые теперь распространяли по всей России драматические рассказы о последних днях Византии.

Не менее чувствительными для России были и политические последствия падения Византийской империи. Эти последствия имели несколько аспектов. Образование могущественной Османской державы представляло если не прямую, то все же реальную угрозу для Русского государства. Увеличилась военная опасность со стороны Крыма и причерноморских степей, где при помощи турок утвердились татарские ханы. Они превратились в постоянных врагов Русского государства, за спиной которых всегда стояла Османская империя¹¹.

Правители Турции заняли враждебную позицию в отношении России. К тому были особые политические причины. Когда Константинополь пал, возник вопрос о наследниках великой империи, и Московская Русь в большей мере, чем другие державы Европы, использовала в своих политических интересах традиции и авторитет Византийской империи.

Россия, занятая в период турецкого нашествия на Византию тяжелой борьбой с Золотой Ордой и внутренними междоусобицами, не могла подать руку помощи осажденному Константинополю и ограничивалась лишь денежной поддержкой византийским императорам. Но уже в 1480 г. Россия сбросила татарское иго; она переживала период внутреннего подъема и создания единого централизованного государства. Естественно, что Русское государство стремилось играть и более крупную роль в международных отношениях, объявив русских государей прямыми наследниками Византии, а Москву провозгласив «третьим Римом».

Теория «Москва — третий Рим» устраивала и Запад, ибо объявление Москвы наследницей Византии неизбежно сталкивало Россию с Турцией. Турецкая экспансия нависла страшной угрозой над всей Европой и поэтому западноевропейские державы и папский престол были крайне заинтересованы в том, чтобы включить Россию в антитурецкую коалицию. Династический брак великого князя Московского Ивана III (1462—1505) с Софией Палеолог, дочерью морейского деспота Фомы, имел целью подкрепить притязания Руси на роль преемницы Византии, поднять авторитет правителя Москвы среди православных народов Юго-Восточной и Восточной Европы. «Папа манил русских правителей титулом царя Востока, Запад толкал Россию на Восток, воротами к которому была Турция»¹².

⁹ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 43—46.

¹⁰ Шигиков М. М. Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера. — ВВ, 30, 1969, с. 48—62; Карпов С. П. Трапезундская империя в системе международных отношений XIV—XV вв. М., 1974 (канд. дисс.).

¹¹ Удальцова З. В. Основные причины падения Византии, с. 214.

¹² Алпагов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 165.

Политическая теория «Москва — третий Рим» была окончательно сформулирована в правление Василия III (1505—1533) русским книжником монахом Филофеем. Эта теория получила особое распространение на Балканах как символ общеславянского единства и идейное знамя борьбы против турок. Однако в самой России она оставалась лишь абстрактной политической доктриной, а не руководством к действию. Россия в конце XV и в XVI вв. еще не могла вступить в открытую борьбу с Турцией и отклоняла все дипломатические акции Запада, имевшие целью столкнуть ее с Турецкой державой. Вплоть до 70-х годов XVII в. Россия, занятая другими делами, не вела крупных военных действий против Османского государства. В подобной международной обстановке политическая теория «Москва — третий Рим» оставалась уделом книжников и долго не могла превратиться в официальную государственную доктрину¹³. К тому же наряду с ней возникли и другие политические теории, одна из которых делала не Москву, а Новгород духовным преемником Византии, другая — Владимирских князей — наследниками императора Августа¹⁴.

Падение Византии имело немаловажные и притом по большей части негативные последствия для общеевропейского культурного развития. До самого конца своего существования Византия сохраняла славу крупнейшего центра культуры в средневековой Европе. Константинополь и Мистра до последних дней оставались очагами утонченной византийской цивилизации. Для России и других славянских народов, а также для Грузии и Армении культурные связи с Византией, стимулируемые религиозной общностью, имели первостепенное значение. Константинополь был обязательным перевалочным пунктом для русских паломников, направляющихся в Иерусалим и на Афон. Сношения с Афоном имели не только важное церковное, но культурное и политическое значение для России, теснее сближая ее с Византией, Болгарией, Сербией. Даже в годы турецкой опасности в Константинополь стекались из многих стран Европы люди, жаждавшие приобщиться к высокой византийской образованности. Здесь можно было встретить не только фрягов-итальянцев и людей из других западных стран, но и многочисленных паломников из Руси, Болгарии, Сербии, стран Закавказья. Через Константинополь, Морею и Афон поддерживалось живое культурное и церковное общение византийских ученых, богословов, деятелей культуры, живописцев и водчих с образованными людьми Восточной и Западной Европы¹⁵. Захват турками последних очагов византийской цивилизации на Босфоре и в Мистре чрезвычайно затруднил, хотя полностью и не уничтожил, эти исконные культурные связи¹⁶. Затухание византийской культурной традиции в последующее время, однако, не подлежит сомнению. И оно не могло быть восполнено деятельностью греческих ученых, мыслителей, художников, эмигрировавших на Запад. Вместе с тем широко известен их вклад в развитие культуры Западной Европы в эпоху Ренессанса¹⁷.

Немало византийских ученых и церковных деятелей нашло убежище и в Русском государстве, и в других странах Восточной Европы. Еще в XIV—XV вв. в России возникло несколько центров греческой образо-

¹³ *Алпатов М. А.* Указ. соч., с. 165—166; *Каштанов С. М.* Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. — ВВ, XI, 1956, с. 308—324; *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 15—24; *Гольдберг А. Л.* Три послания Филофея. — ТОДРЛ, т. 29, 1974, с. 68—97; *его же.* Отражение историко-политических идей русской письменности в западноевропейской печати XVI—XVII вв. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 127—130.

¹⁴ *Алпатов М. А.* Указ. соч., с. 164—174.

¹⁵ *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 43—47.

¹⁶ Там же, с. 26, 46—47.

¹⁷ История Византии, т. III, с. 215.

важности, важнейшим из которых, естественно, был митрополичий двор в Москве. Греческие книги московских митрополитов XIV—XV вв., по-видимому, вошли в состав знаменитого Синодального собрания греческих рукописей. В Москве существовал греческий монастырь Николы Старого и расположенная близ него греческая колония. Другим центром греческой образованности был Троице-Сергиев монастырь, поддерживавший прочные связи с Константинополем. Широко известны контакты Византии и Руси в сфере искусства. Обильным был приток в Россию зодчих, художников и мастеров-ремесленников из Константинополя. «Связи с далеким Константинополем, — писал М. Н. Тихомиров, — помогали русской культуре окрепнуть в тяжелые годы татарщины, создать свое высокое мастерство. Так, рядом с Феофаном Гречином появляется русский Андрей Рублев»¹⁸.

После падения Византии спасшиеся от гибели и плена греки принесли в Россию греческие рукописи, предметы христианского культа, художественные изделия. Тем самым они способствовали дальнейшему ознакомлению образованных людей Руси с достижениями византийской культуры. Приток греков продолжался и позднее. В первой половине XVI в. на русской почве появляется такая гигантская, хотя и противоречивая фигура, как Максим Грек.

Падение Византии рассматривалось в России как событие всемирно-исторического значения. Оно нашло необычайно широкое отражение в литературных памятниках конца XV и всего XVI в., отзвуки этой исторической драмы слышны еще и в XVII и XVIII столетиях¹⁹. Недаром рассказ о взятии Константинополя турками был включен в многочисленные русские хронографы самых ранних редакций, в русские летописи (в частности, в Никоновский и Воскресенский летописные своды), в отдельные сборники (совместно с описанием падения Иерусалима в «Истории» Иосифа Флавия) и во многие другие литературные произведения того времени.

Самые близкие по времени русские памятники, рассказывающие о падении Константинополя, имеют четко выраженную политическую и конфессиональную направленность. Все они написаны в православно-ортодоксальном духе, проникнуты сочувствием к грекам и их императору, враждебны к туркам и турецкому султану Мехмеду II Завоевателю. В этом отношении они близки к большинству византийских историков XV в., которые, несмотря на различие религиозно-политических взглядов, восприняли падение Константинополя как величайшее бедствие. Трагическую участь великого города горько оплакивает и православный ортодокс Сфрандзи, и латинофил Дука. Для склонного к философским размышлениям и увлеченного гуманистическими идеями Халкокондила падение Византии — одно из звеньев в неизбежной смене мировых монархий. Однако эта концепция у Халкокондила окрашена в оптимистические тона: он верит в будущее возрождение греческого народа и эллинского языка. И лишь ренегат туркофил Критовул одинок в прославлении завоевателя своей родины, хотя втайне и он потрясен ее гибелью. Для всех же без исключения византийских писателей той эпохи судьба Византии — горький пример изменчивости человеческого счастья.

Среди многочисленных откликов в России на падение Константинополя первое место, бесспорно, занимает самобытный русский памятник, принадлежащий перу очевидца и участника событий. — «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера. Долгое время автор этой «Повести» оставался неизвестным, хотя его сочинение было включено в летописные

¹⁸ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 46.

¹⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973, с. 79; Алпатов М. А. Указ. соч., с. 186—191.

своды и хронографы и пользовалось огромной популярностью на Руси. Лишь в 1886 г. в одной из рукописей Троице-Сергиевой лавры была открыта полная самостоятельная редакция этого произведения, которая содержала послесловие с указанием имени автора и краткие сведения о его жизни²⁰.

В научной литературе было немало споров о времени создания «Повести», но теперь этот вопрос решен окончательно в пользу второй половины XV в.²¹

Судьба автора «Повести» была столь же трагична, как и описанные им события. Еще в юности он попал в плен к туркам и был насильственно обращен в мусульманство. «Аз многогрешный и беззаконный Нестор Искандер измлада взят був и обрезан»²², — пишет он о себе. Русский юноша, невольный потурченец стал воином турецкой армии и принужден был воевать против греков, которым сочувствовал всей душой. Долгие годы Нестор Искандер переживал тяжелую внутреннюю драму: он глубоко ненавидел турок, но должен был им служить, он оставался верен религии своих предков, но подчинялся установлениям ислама. Об истинных религиозных чувствах Нестора Искандера можно судить по его горестному восклицанию: «Да не умру в окаянной сей вере!» — и по общей православно-ортодоксальной окрашенности всей «Повести». Большую часть своей жизни Нестор Искандер был воином и перенес немало тяжелых испытаний в воинских походах («много пострадах в ратных хождениях») ²³.

Во время осады Константинополя армией Мехмеда II Нестор Искандер как простой воин находился в войске султана. Весь ход осады проходил на его глазах, он лично участвовал в штурме города и вошел в него с победителями. В течение всей осады он тайно вел дневник событий. Когда совершалось это «великое и страшное дело», он, скрываясь от турок, то притворяясь больным, то используя помощь своих друзей, постоянно наблюдал за всем происходящим, «писал в каждый день творимая деяния вне града от турков»²⁴. Войдя в город с войсками завоевателей, он немедленно стал собирать «от достоверных и великих людей» сведения с том, что говорилось в Константинополе во время осады и как сражались осажденные против «безверных». Все собранные факты он вкратце изложил и передал христианам, чтобы сохранилась память об этих ужасных и дивных событиях²⁵.

О дальнейшей судьбе Нестора Искандера ничего не известно. Мы можем лишь гадать о том, каким образом он передал свою «Повесть» христианам и через кого она попала на Русь. Был ли это бежавший, от турок грек, возвратившийся из захваченной «неверными» Византии русский торговый гость или благочестивый паломник, — мы не знаем. Однако сам факт передачи «Повести» в Россию вполне закономерен: именно здесь это, проникнутое православным духом, грекофильское произведение могло быть встречено с сочувствием и найти своего читателя.

Итак, источниками «Повести» Нестора Искандера были в первую очередь его личные наблюдения и рассказы очевидцев. Это значительно

²⁰ «Повесть о Царьграде» (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера XV в. (По рукописи Троице-Сергиевой Лавры начала XVI в. № 773). Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886; ср.: «Повесть о Царьграде», чтение И. И. Срезневского. — УЗ II отд. Академии наук, I, 1854.

²¹ В одной из последних работ по этому вопросу говорится: «...создание русской Повести о взятии Царьграда турками не только произошло в XV в., но и было, вероятно, отделено сравнительно небольшим промежутком времени от описываемых в этом памятнике событий» (Азбелев С. Н. К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками. — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, с. 337).

²² «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера, с. III.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

повышает историческую ценность сочинения: подобно тому, как венецианец Никколо Барбаро вел дневник осады Константинополя, находясь в осажденном городе, русский воин писал свой дневник вне его стен, в стане турок. На Руси, однако, «Повесть» подверглась литературной обработке: в нее были внесены переведенные из византийских источников добавления в югославянских изводах²⁶. Позднейшей вставкой является предпосланный «Повести» легендарный рассказ об основании Константинополя. В нем имеются не только мотивы, почерпнутые из «Александрии» и — через «Еллинский и Римский летописец» — из Георгия Амартола, но и истолкованный в духе концепции «Москва — третий Рим» миф о поединке змея и орла. Первоначально в этом поединке победа была на стороне орла, затем стал одолевать змей, но тогда наблюдавшие за смертельной схваткой христиане убили змея и спасли орла. Мудрецы истолковали исход поединка в том смысле, что «орел есть знамение христианское, а змий — знамение бессерменское; и понеже змий оделе орла, являет яко бессерменство одолеет христианства, а понеже христиане змия убиша, а орла изымаша, яко напоследок паки христианство одолеет бессерменства, а Седмохолмого примут и в нем воцарятся»²⁷.

Редактирование в русских летописях первоначального текста «Повести» Нестора Искандера имело совершенно определенную тенденцию — усилить показ обреченности византийцев, погрязших в грехах, и доказать, что ныне роль Константинополя переходит к Москве: «Русии же род... всего Измаилта победят и Седмохолмага примут...»²⁸ Позднейшей вставкой в «Повести» является также и краткий перечень лет правления византийских императоров, имеющий немало пропусков и ошибок²⁹.

Что же касается рассказов апокрифического характера о знаменьях, предвещавших гибель великого города³⁰, а также многочисленных молитв и стенаний, вложенных в уста народа, императора и патриарха³¹, то они, на наш взгляд, не являются непременно плодом благочестивого рвения безымянных русских книжников, редактировавших сочинение Нестора Искандера. Думается, что они могли попасть в «Повесть» и через тех пострадавших от турок жителей Константинополя, которых, как мы знаем, спрашивал наш автор непосредственно после захвата города войсками султана. Эти фантастические и суеверные рассказы, естественно, отражали ту атмосферу фатальной безысходности и религиозной экзальтации, которая царил в городе в последние часы его существования. Недаром они перекликаются с известиями Сфрандзи и Дуки.

Ценность «Повести» как исторического источника заключается прежде всего в достаточно компетентном и подробном описании военных действий. Автор не только хорошо осведомлен об их ходе, но и разбирается в военном деле, знаком с организацией турецкой армии, знает ее технические средства, имена турецких военачальников и их действия во время осады³².

Нестор Искандер находился во время осады перед городскими стенами, охранявшими Константинополь с суши. Действия турецких войск на сухопутном участке фронта описаны им правдиво, он сообщает немало подробностей, которых не знают византийские историки. Зато действия турецкого флота и морские сражения остаются вне поля его зре-

²⁶ Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРЛ, т. X, 1954, с. 166—189.

²⁷ ПСРЛ, т. 12, с. 79.

²⁸ Там же, с. 97.

²⁹ Там же, с. 81—83.

³⁰ Там же, с. 90—91, 95.

³¹ Там же, с. 86, 89, 91, 92, 94.

³² Смирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. — ВВ, VII, 1953, с. 50—71.

ния. Так, например, Нестор Искандер ни словом не обмолвился о таком важном событии, как переброска по суше турецкого флота из Босфора в Золотой Рог, события, которое византийские авторы расценивают как поворотный момент осады. Из его рассказа ясно, что решающую роль в захвате Константинополя сыграли сухопутные войска.

В «Повести» все время противопоставляются турецкая и византийская армии, методы ведения войны турок и греков. Оценка турецкой армии у него скорее негативная: он хотя и признает ее силу, но не скрывает и ее слабостей. Успехи турок, по его мнению, определялись в первую очередь численным превосходством, а не достоинствами их военной системы. Турки побеждали скорее числом, чем умением. На глазах автора «Повести» турецкие войска неоднократно обращались в бегство, но их снова и снова гнали в бой палками³³. Жестокое обращение с солдатами было обычным явлением в войске Мехмеда II. Султан не считался с потерями, не заботился о раненых, зачастую оставлял непогребенными трупы своих солдат. Так, турки наполняли рвы и проломы в стенах города трупами павших своих и чужих воинов, среди которых были еще живые, и шли по их телам на штурм города³⁴. Султан, желая заразить Константинополь моровой язвой, приказал было бросать непогребенные трупы турецких солдат за стены города. Он отказался от этого страшного намерения, лишь узнав, что из-за огромных размеров византийской столицы подобная кощунственная мера не принесет вреда осажденным³⁵. Мехмед II бросал в бой свои войска, то подгоняя их страхом наказаний, то разжигая их жадность. В критический момент осады, чтобы поднять боевой дух турецкой армии, он обещал отдать Константинополь, богатейший город средневекового мира, на разграбление своим солдатам³⁶.

Иными красками рисует Нестор Искандер атмосферу, царящую в армии осажденных. Он неизменно подчеркивает патриотизм, храбрость, стойкость, религиозное одушевление, неутомимость, жертвенность защитников города. Греки неутомимо расчищают засыпанный турками ров, поправляют разрушенные стены, взрывают турецкие пушки и подкопы, сжигают стенобитные орудия; они сражаются стойко («сечахуся крепко»), «яко дикие звери»³⁷. Византийские воины идут на смерть не из-за страха наказания или жажды добычи, а ради спасения своего города, религии, своих семей. Византийский император, в отличие от султана, заботится о своих воинах, стремится избежать потерь. Он запрещает воинам выходить за укрепления и приказывает отражать нападения врага только со стен города³⁸. Василевс велит священникам и диаконам собирать и погребать трупы византийских солдат — греков, фрягов, армян, а раненых отдает на попечение врачей³⁹. Греческие воины дерутся до последнего, их сопротивление продолжается и после того, как турки ворвались в город. Воины, рассказывает Нестор Искандер, сражавшиеся в «стрельницах» на стенах, отказались сдаться в плен и продолжали биться с врагом, «находившимся вне города и в самом городе». Днем, одолеваемые турками, они прятались в тайных убежищах («пропастях»), а ночью вылезали оттуда и избивали турок. Воинам помогали жители города, отчаянно сражавшиеся с завоевателями на улицах Константинополя. Мужчины, женщины и дети бросали на турок с крыш своих домов черепицу и кирпичи («керамиды и плиты»), поджигали деревянные кровли⁴⁰. Известия Нестора Искандера о стойком сопротивлении туркам

³³ ПСРЛ, т. 12, с. 88, 93.

³⁴ Там же, с. 84—85.

³⁵ Там же, с. 86—87.

³⁶ Там же, с. 86.

³⁷ Там же, с. 88.

³⁸ Там же, с. 83.

³⁹ Там же, с. 86.

⁴⁰ Там же, с. 96.

не только со стороны гарнизона, но и жителей города заслуживают внимания и вносят коррективы к сообщениям византийских авторов.

Образы главных героев «Повести» — турецкого султана и византийского императора — создаются автором также путем противопоставления. Мехмед II Фатих и Константин XI Драгаш предстают перед читателем как антиподы. Это проявляется не только в эпитетах, которыми награждает их автор, но и в эмоциональной окраске образов, интерпретации их действий, наделении их полярно противоположными чертами.

Султана Нестор Искандер всегда называет «неверным», «скверным», «безбожным», «окаянным», «звероподобным», «лукавым». Он всячески подчеркивает дурные черты его характера: он коварен, нападает на греков вероломно во время мира, нарушив договоры и клятвы⁴¹, он жесток и груб не только с врагами, но и со своими приближенными, часто впадает в неистовый гнев, но порою проявляет поразительное малодушие. Несколько раз во время осады он предавался отчаянию и готов был отступить от города. Во время главного штурма султан, окруженный янычарами, отсиживался в обозе и ждал, когда посланные им воины найдут и убьют императора, которого он боялся. Султан успокоился лишь тогда, когда ему принесли голову последнего василевса ромеев⁴². Другими словами, образ султана в «Повести» полностью дегероизирован, низведен со своего пьедестала, сугубо приземлен.

Совершенно иным предстает в сочинении Нестора Искандера византийский император. Его образ зачастую наделяется эпископскими и житийными чертами. Василевса ромеев автор прежде всего рисует как героя-воителя, огромного роста и невиданной силы («велик бо zelo и исполнен силою»)⁴³. Он совершает чудеса храбрости. Своими подвигами император неоднократно спасает город от неминуемой гибели. Физическая сила василевса была столь велика, что мечом он рассекал пополам врагов, а иногда и их коней вместе со сбруей⁴⁴. В бою до времени его чудесным образом хранит провидение и он остается невредим, хотя враги осыпают его тучами стрел и ядер. Император пытается вступить в поединок с самим султаном и только приближенные удерживают его от столь отчаянного поступка. Однако в поединке он убивает турецкого командира азиатских войск («беклербея востока»), разрубив его мечом до седла⁴⁵. В последней смертельной схватке, по рассказам оставшихся в живых греков, император «убил своєю рукою безбожных турок более 600»⁴⁶.

Нестор Искандер подчеркивает твердость и героизм правителя ромеев, василевс отвергает предложения вельмож и патриарха⁴⁷ покинуть город и остается там на верную смерть⁴⁸. Он деятельно помогает защите города, воодушевляет защитников, дни и ночи проводит на укреплениях.

Но рядом с могучим воителем в императоре как бы живет другой человек: это благочестивый, крайне чувствительный и добрый правитель. Он проводит долгие часы в молитве в храме св. Софии, произносит перед народом, воинами и вельможами длинные речи, непрестанно рыдает и возносит молитвы о спасении города. Он слушает советы патриарха и приближенных, милостив ко всем, добр и благороден. Чудесные знамения повергают его в ужас: он падает на землю как мертвый и лежит безгласный много часов, так что его едва приводят в чувство⁴⁹. Он как бы сознает свою обреченность, его гибель и гибель великого города давно

⁴¹ Там же, с. 83.

⁴² Там же, с. 95—97.

⁴³ Там же, с. 89.

⁴⁴ Там же, с. 90, 94.

⁴⁵ Там же, с. 93, 95.

⁴⁶ Там же, с. 96.

⁴⁷ В «Повести» патриарх ошибочно назван вместо Геннадия Анастасием; см.: ПСРЛ, т. 12, с. 91.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 91.

предречены в предсказаниях: «... Константином создася и паки Константином и скончася»⁵⁰.

Итак, образ византийского императора в «Повести» окутан полуполюгендарными сказаниями, и героические черты его крайне гиперболизированы. В этом чувствуются отзвуки народной молвы, тех рассказов, которые слышал Нестор Искандер в завоеванном Константинополе непосредственно после гибели василевса.

«Повесть» Нестора Искандера проникнута провиденциалистскими идеями: гибель Византии — наказание господне за грехи ромеев. Она давно предречена Мефодием Патарским и Львом Мудрым, а также зловещими знамениями во время осады⁵¹. При всей своей ортодоксальности Нестор Искандер проявляет умеренность и даже известную лояльность в отношении Запада и католической церкви, хотя и обвиняет латинян в намеренном отказе от помощи гибнущей Византии. «... а фрягове не всъхотеша помощи, но глаголаху в себе: «не дейте, да възмутъ их турки, а у них мы възмемъ Царьградъ»⁵². Вместе с тем Нестор Искандер умалчивает о предательском поведении во время осады итальянцев Галаты. Генуэзец Иоанн Джустициани (Зустунеа) занимает у него среди защитников Константинополя место рядом с императором. Князь Зустунеа — любимец императора, мудр и искусен в ратном деле⁵³, руководит самым опасным участком обороны, его уважают и фряги и греки, от нападения янычара его спасает греческий воин⁵⁴. Он сам выстрелом разбивает огромную пушку турок, без его участия не совершается ничего важного в защите города. Автор чужд каких-либо подозрений против Джустициани — генуэзец был дважды ранен, и его вторая, смертельная, рана было роковой для защитников города⁵⁵. Похвалы Джустициани в «Повести» расходятся с его оценкой в трудах некоторых византийских авторов: так, Сфрандзи и Халкокондил единодушно обвиняют его в трусливом бегстве после ранения со стен города, которое в тот критический момент было равносильно предательству.

Весьма благожелателен автор «Повести» и к великому дукe Луке Нотаре: у него нет и тени сомнения в преданности Нотары императору и стойкости в защите города⁵⁶. С большим пиететом относится Нестор Искандер к патриарху, духовенству, всем византийским архонтам и стратигам.

Итак, «Повесть» Нестора Искандера — безыскусный, глубоко искренний рассказ очевидца, написанный под непосредственным впечатлением падения Византии. Его писал человек, не получивший уточненного образования, но одаренный наблюдательностью и талантом рассказчика. По широте исторического кругозора и осведомленности, блеску литературного стиля он не может соперничать с прославленными византийскими писателями той эпохи. Суровый воин, он порою наивен и суверен, доверчиво собирает «творимые легенды», апокрифы, рассказы о знамениях и чудесах. Иногда он ошибается в хронологии, путает незнакомые имена, названия кварталов огромного города. И все же ему можно верить в главном — увиденное и пережитое он описал правдиво и честно.

«Повесть» — не только заслуживающий доверия исторический источник, но и самобытное литературное произведение. Это человеческий документ большой жизненной правды, вылившийся из наболевшего сердца рассказ о потрясшей автора исторической трагедии. Грубоватый, но соч-

⁵⁰ ПСРЛ, с. 96.

⁵¹ Там же, с. 97.

⁵² Там же, с. 85; ср. с. 98.

⁵³ Там же, с. 93.

⁵⁴ Там же, с. 88—89.

⁵⁵ Там же, с. 93—94.

⁵⁶ Там же, с. 89, 97.

ный образный язык писателя привлекателен, хотя его несколько портят длинные речи и ламентации, быть может вставленные в повествование каким-либо ученым книжником. Нестор Исскандер склонен к картинности изображения, гиперболизации и нагнетанию ужасов: тучи стрел у него помрачают свет, потоки крови окрашивают пурпуром воды Золотого Рога, горы трупов засыпают рвы и громоздятся до стен Константинополя, а от невообразимого шума боя раскалывается весь город. Но рассказчик одушевлен таким сильным и живым чувством, что оно невольно захватывает читателя.

Все это создавало огромную популярность «Повести» Нестора Исскандера на Руси. Недаром это произведение оказало воздействие даже на русское прикладное искусство⁵⁷. Сочинение Нестора Исскандера одновременно отражало впечатление, произведенное падением Византии на народы Восточной Европы, и отвечало настроениям, царившим в Русском государстве той эпохи.

---

⁵⁷ *Мамаев К. К.* «Видение Царьградское» в «Повести о Царьграде» Нестора Исскандера и его интерпретация в некоторых памятниках прикладного искусства. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, с. 342—352.

П. И. ЖАВОРОНКОВ

У ИСТОКОВ ОБРАЗОВАНИЯ
НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(оценка деятельности Константина XI Ласкаря)

В ночь на 13 апреля 1204 г., после бегства из Константинополя Алексея Дуки Мурчуфла, столичная знать выдвинула кандидатами на императорский трон Константина Ласкаря и Константина Дуку¹. Предпочтение было отдано первому. С этим фактом, который был впервые доказан Б. Зиновицием еще 30 лет назад², теперь согласно большинству ученых³. Однако, согласно «Истории» Никиты Хониата, он не принял знаки царской власти и не был коронован патриархом Иоанном Каматиром⁴. На этот факт ссылаются те исследователи, которые, решая вопрос о том, можно ли считать Константина Ласкаря императором, в особенности после того, как он покинул Константинополь, дают на него отрицательный ответ⁵. Однако некоторые наблюдения над сочинениями Никиты Хониата и Георгия Акрополита, а также свидетельства сельджукского историка Ибн Биби заставляют сомневаться в истинности описания Хониатом акта избрания Константина Ласкаря.

Во-первых, если Константин Ласкарь действительно отказался от императорской короны, непонятно его стремление во что бы то ни стало доказать другому претенденту на престол свои права — этот факт имел место в св. Софии перед коронацией⁶.

¹ 'Ο Δούκας οὗτος καὶ ὁ Λάσκαρις, ἀμφὸν δ' ἡ κλήσις ὁμώνυμος τῷ ἀρχηγῷ τῆς πίστεως βασιλεῦ. — *Nicetae Choniatae Historia*. Bonnæ, 1835 (далее — *Nic. Chon.*), p. 756 1—3; *Chronicon Venetum* (vulgo Altinate). — *MGH, SS*, v. 14, p. 68.11—14 и др. См.: *Sinogowitz B.* Über das byzantinische Kaisertum nach dem vierten Kreuzzuge (1204—1205). — *BZ*, 45, 1952, S. 352—353. Все древние рукописи труда Хониата имеют выражение πίστεως ἀρχηγός, под которым надо понимать Константина I, а выражение ἀμφοτέροι Θεόδωροι καλούμενοι — позднейшая и искаженная интерпретация; см.: *Dieten J.-L. van. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie*. Berlin—New York, 1971, S. 153; *Sinogowitz B.* Op. cit., S. 351—352. Таким образом, оба претендента (Дука и Ласкарь) имели имя Константин.

² *Sinogowitz B.* Die abendländische Politik der griechischen Staatenwelt zur Zeit des lateinischen Kaiserreiches (1204—1261). Dissertation. München, 1944, Anhänge I—III, S. 221—238.

³ История Византии, т. II. М., 1967, с. 345; т. 3. М., 1967, с. 30; *Παναδριανος У.* Да ли је Константин Ласкарис био византийский цар? — *ЗРВИ*, 9, 1966, с. 217—221; *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 353; *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West 1180—1204. Cambridge, 1968, p. 258; *Vacalopoulos A. E.* Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period. 1204—1261. New Brunswick, 1970, p. 34; *Dieten J.-L. van.* Op. cit., S. 143, 153; *Karpozilos A. D.* The ecclesiastical controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217—1233). Thessalonike, 1973, p. 18.

⁴ *Nic. Chon.*, p. 756.10.

⁵ См., например: *Hendy M.* Coinage and Money in the Byzantine Empire 1081—1261. Washington, 1969, p. 156; *Χριστοφιλοπούλου 'Α.* Ἐκλογή, ἀναγόμενοι καὶ ἀπέψις τοῦ βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. — «Πραγματεῖαι τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν», XXII, 1956, σελ. 170—172.

⁶ *Nic. Chon.*, p. 756.5—7.

Во-вторых, тотчас после избрания Константин, выйдя из церкви вместе с патриархом, начал призывать воинов и народ к сражению с латинянами⁷. Этот факт едва ли может трактоваться иначе, как обращение к народу новоизбранного и коронованного императора, — если бы он не был коронован, то трудно объяснить присутствие вместе с ним патриарха.

В-третьих, свидетельство Акрополита о том, что жители Никеи не пожелали впустить в город Феодора Ласкаря⁸, можно понимать в том смысле, что они уже ранее признали императором Константина, который бежал из Константинополя через несколько часов после своего избрания, тогда как Феодор покинул город только через несколько дней⁹, да к тому же потом находился некоторое время в плену у латинян¹⁰. Факт пребывания Константина в Никее подтверждает свидетельство Ибн Биби: когда поздней осенью 1204 г. султан Кей-Хюсрев I возвращался в Иконий через Никею, он был задержан здесь «императором»¹¹. Императором в это время мог быть только Константин¹².

Наконец, становится понятным отказ патриарха Иоанна Каматира прибыть в конце 1205 г. в Никею и короновать Феодора Ласкаря¹³: коронованный им Константин был еще жив и находился недалеко от брата (см. ниже).

Таким образом, на основании вышеприведенных свидетельств и принимая во внимание тенденциозное отношение Хониата и Акрополита к Константину Ласкару, причины которой уже указывались в литературе¹⁴, можно с большей долей уверенности сказать, что Константин был императором после апреля 1204 г. и, возможно, был коронован патриархом в св. Софии.

В связи с этим возникает ряд вопросов: каково было положение Константина и Феодора после апреля 1204 г.? В каких отношениях они находились между собой? На какие силы опирались? Каким образом Феодору удалось стать императором? Имеющиеся в нашем распоряжении скудные свидетельства источников позволяют ответить на эти вопросы только в общих чертах и часто предположительно.

Феодор Ласкар, не принятый жителями Никеи, которые уже признали императором его брата Константина, ушел в район Прусы¹⁵, а оттуда далее на юг. Никита Хониат так описывает действия Феодора

⁷ Ibid., p. 756.11—20.

⁸ Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg, v. 1. Lipsiae, 1903 (далее — Асгр., I), p. 10.21—24.

⁹ Ibid., p. 17.14—17.

¹⁰ *Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae*, rec. I. A. van Dielen. Berolini et Novi Eboraci, 1972 (далее — *Nic. Chon. Orationes*), p. 126.33—34; *J.-L. van Dielen. Op. cit.*, S. 143. Свидетельство Альберика, монаха монастыря «Трех Фонтанов» (*Albericus. Chronicon.* — MGH, SS, 23, 1874, p. 885.48—886.1) о том, что Феодор Ласкар после захвата латинянами Константинополя прибыл к Балдуину и предложил ему, на условии избрания его самого императором ромеев, завоевать области Малой Азии и присоединить их к Латинской империи, в связи с изложенным представляется не столь невероятным и, по-видимому, имеет в своей основе действительные факты.

¹¹ *Duda H. W. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi*. Kopenhagen, 1959, S. 38; *Sinogowitz B. Über das byzantinische Kaisertum*, S. 454—455.

¹² Трудно предположить, что Феодор Ласкар, будучи императором, стал задерживать Кей-Хюсрева: зять Алексея III, которого почитал султан, Феодор был лично знаком с Кей-Хюсревом и мог рассчитывать на его помощь в случае занятия императорского трона. Если бы Феодор задержал султана в Никее, разве смог бы он через несколько месяцев после этого отправиться к Кей-Хюсреву за помощью, когда тот вторично взойшел на престол (см. ниже)?

¹³ *Acrop.*, I, p. 11.14—15; *Grumel V. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople*, I: Les actes des Patriarches, v. 3. Bucarest, 1947, N 1202; *Wirth P. Zur Frage eines politischen Engagements Patriarches Johannes X Kamateros nach dem vierten Kreuzzuge.* — «Byzantinische Forschungen», 4, 1972, S. 252.

¹⁴ *Андреева М. А.* Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927, с. 6; *Горянов В. Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962, с. 62.

¹⁵ *Acrop.*, I, p. 10.26—27.

сразу же после взятия Константинополя: «Ты объезжаешь восточные города, обращаешься с речью к жителям, указываешь (им), какие несчастья их ожидают, если они немедленно не будут повиноваться тебе. Одних ты бранишь, других наказываешь; то ты говоришь перед толпою народа, то зовешь к себе некоторых влиятельных людей и приглашаешь (их) на обед»¹⁶. Эти строки показывают, что Феодор, используя свой титул деспота и родство с Алексеем III, пытался подчинить себе города южной Вифинии и Мисии, а возможно, даже район Смирны, что ему, по-видимому, и удалось¹⁷. Именно эти районы стали колыбелью будущей Никейской империи. Однако не везде его принимали хорошо, и он, по словам Хониата, «выносил даже оскорбления»¹⁸, ибо первоначально греческое население видело в нем одного из многих византийских вельмож, которые стремились отделиться и быть самостоятельными от центральной власти. Но предприимчивость, энергия и умение использовать обстоятельства помогли Феодору в деле укрепления своей власти больше, чем императорский титул — находившемуся в Никее Константину.

О деятельности Константина в этот период мы знаем очень мало. Тем не менее, на основании данных Ибн Биби можно с уверенностью говорить, что если Феодор в начальный период подготовки к борьбе с латинянами пытался опираться на греческое население южной Вифинии и Мисии, то Константин прежде всего считал необходимым иметь мирные отношения с сельджуками и, опираясь на их помощь, вести военные действия против латинян. Поэтому уже в первые месяцы своего пребывания в Никее он отправил султану Сулейману II (1196 — 6 июля 1204¹⁹) большую сумму денег и подарки²⁰, возможно, как плату за мир и будущую помощь. Вскоре после смерти Сулеймана Константин заключил договор с новым султаном, Кылич Арсланом III (июль 1204 — март 1205²¹). Об этом сообщает все тот же сельджукский источник. Когда султан Кей-Хюсрев I (вторичное правление: март 1205 — 17 июня 1211²²) возвращался с Мануилом Мавродзюмом в Иконий²³ через Никею в по-

¹⁶ *Nic. Chron. Orationes*, p. 131.17—21.

¹⁷ Именно южная Вифиния и Мисия, прилегающие к неприступному Олимпу, стали ареной его борьбы с латинянами осенью 1204—весной 1205 гг. Славившийся своими естественными богатствами район Смирны, в котором имелось много императорских земель и земель св. Софии (см.: *Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317), particulièrement au XIIIe siècle.* — *TM*, I, 1965, p. 16—19, 31—32; *eadem.* «La politique agraire des empereurs de Nicée. — *Byz.*, 28, 1959, p. 54—55), представлял для Феодора базу снабжения и пополнения людьми своего войска.

¹⁸ *Nic. Chron. Orationes*, p. 131.25.

¹⁹ См.: *Мюллер А.* История ислама, т. 3. СПб., 1896, с. 179; *Løytved J. H. Konia.* Berlin, 1907, S. 7; *Wittek P. Von der byzantinischen zur türkischen Toponymie.* — *Byz.*, 10, 1935, S. 22; *Cahen C. Seldjukides de Rüm, Byzantins et Francs d'après le Seljuknâme* anonyme. — «*Annales de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves de l'Université de Bruxelles*», XI, 1951, p. 100, 103.

²⁰ *Duda H. Op. cit.*, S. 32.

²¹ П. Виттек (*Wittek P. Op. cit.*, S. 25) убедительно доказал, что вторичное занятие трона Кей-Хюсревом произошло в Redjeb 601 (22.II.—24.III.1205). Это, в свою очередь, является и конечной датой правления его племянника, который был свергнут им; см.: *Cahen C. Une famille byzantine au service des Seldjukides d'Asie Mineure.* — «*Polychronion. Festschrift F. Dölger.*» Heidelberg, 1966, p. 146. Однако в некоторых работах этот факт ошибочно относится до сих пор к 1204 г.; см.: *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971, с. 111; *Rice T. T. The Seljuks in Asia Minor.* London, 1961, p. 21; *Werner E. Wandel im Osten: Das Sultanat Konya im 13. Jahrhundert.* — «*Byzantinische Forschungen*», 4, 1972, S. 224.

²² См.: *Жаворонков П. И.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. — *ВВ*, 37, 1976, с. 50.

²³ Кей-Хюсрев I, изгнанный из Иконии в 1196 г. своим братом Сулейманом II, отправился за помощью в Константинополь, но, не получив ее от Алексея III (*Nic. Chron.*, p. 690.3—19), обратился к Левону II, однако и здесь он получил отказ, так как тот был уже в союзе с Сулейманом. Тогда султан вторично, в 1198 г. прибыл к Алексею III (*Nic. Chron.*, p. 691.9—13; *Aboulfeda.* *Annales Mus-*

ябре—декабре 1204 г.²⁴, то он был задержан Константином Ласкарем, который не желал пускать его к себе на родину, мотивируя это тем, что у него заключен союз с Кылыч Арсланом и он не может его нарушить²⁵. Однако этот союз, кроме мира с сельджуками, ничего не дал Константину ни в борьбе с латинянами, ни в укреплении своей власти в Никее, тогда как положение Феодора Ласкаря упрочивалось с каждым месяцем.

Вопрос об отношениях между братьями из-за скудости сведений источников почти неразрешим. Б. Зиноговиц предполагает, что Феодор находился в некоторой зависимости от Константина и именно он был послан последним заключить союз с Кылыч Арсланом III, а затем и с Кей-Хюсревом I в феврале—марте 1205 г.²⁶ Но данные источников не подтверждают этого предположения. Действительно, в «Силенционе» Феодору I Ласкарю, написанном в марте 1208 г.²⁷, Никита Хониат сообщает, что Феодор совершал «частые поездки к соседним народам», получая «помощь оттуда»²⁸. Однако в «Энкомии» Феодору, написанном летом 1206 г.²⁹, Хониат говорит только об одной поездке Феодора к сельджукам, а именно, о поездке к Кей-Хюсреву I в феврале—марте 1205 г.³⁰, причем определенно указывает, что она была предпринята по решению самого Феодора Ласкаря³¹. Хониат, подробно описывая здесь деятельность Феодора, едва ли умолчал бы о его поездках к сельджукам до марта 1205 г., если бы они имели место. Поэтому выражение «частые поездки» следует отнести к весне 1205—весне 1208 гг., когда Феодор, кроме уже упомянутого договора с Кей-Хюсревом I, имел многочисленные столкновения

lemici, t. IV, ed. Adler. Copenhagen, 1794, p. 213), был им крещен и усыновлен (*Асвор.*, I, p. 14, 10—14).

Относительно времени и пути возвращения султана в Иконию сведения греческих и восточных источников несколько противоречивы. Акрополит пишет, что Кей-Хюсрев I бежал из Константинополя в Иконий сразу же после бегства императора Алексея III (*Асвор.*, I, p. 14.16—20), когда узнал о смерти брата (это неверно, т. к. брат умер 6 июля 1204 г., т. е. после взятия Константинополя). Такого же мнения Скутариот [*Theodori Scutariotae Additamenta.*—In: *Georgii Aropolitae Opera*, v. I. Lipsiae, 1903 (далее—*Scut.*), p. 277.10], Абульфедда (Op. cit., p. 213) и Смбаг (*Le connetable Sempad. La chronique du royaume de la petite Armenie.*—RHC. Doc. arméniens, t. I. Paris, 1869 (далее—*Sempad. La chronique*) p. 642. Но сельджукский источник дает нам другую версию—версию бегства султана из Константинополя перед IV крестовым походом на остров к Мавродзому (gezire может означать также полуостров; см. *Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter.*—SBAW, Phil.-hist. Klasse, Bd. 124, 1891, S. 30), женитьбы на его дочери и возвращения в Иконий через Никею вместе с Мавродзомом, когда ему сообщили о смерти брата; см.: *Duda H. Op. cit.*, S. 31—39. Этой же версии придерживаются Рашид-ад-Дин (*Рашид-ад-Дин. Сборник летописей*, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, с. 156), Ибн-аль-Асир (см.: *Wittek P. Op. cit.*, S. 23) и Григорий Абу-ль-Фарадж (*Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chronicon Syriacum*, vol. 2. Lipsiae, 1789 (далее—*Abulpharagii Chronicon*), p. 58; с той лишь разницей, что они говорят не об острове, а о замке Мавродзоба. Мы считаем, что в данном случае более достоверны последние четыре источника. К тому же последняя версия объясняет нам ход взаимоотношений Кей-Хюсрева I и Мануила Мавродзоба. Если отбросить эту версию, как недостоверную, то у нас не будет никаких сведений о связях между этими двумя лицами кроме данных Хониата, говорящего уже о союзе между ними.

²⁴ Прибытие Кей-Хюсрева I в Никею имело место в ноябре—декабре 1204 г., т. к. в январе 1205 г., как сообщает Ибн-аль-Асир, он уже был в пределах Иконии; см. *Wittek P. Op. cit.*, S. 24.

²⁵ *Duda H. Op. cit.*, S. 38; *Мелиоранский П.* Сельджук-намеа как источник по истории Византии в XII и XIII вв.—ВВ, I, 1894, с. 624.

²⁶ *Sinogowitz B. Op. cit.*, S. 354—355. Датировку договора с Кей-Хюсревом см. здесь же. Ф. Дельгер (*Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*, III. München, 1932, N 1670) неоправданно объединил эти два разных договора в один.

²⁷ *Dieten J.-L. van. Op. cit.*, S. 59.

²⁸ *Nic. Chon. Orationes*, p. 127.3—4.

²⁹ *Dieten J.-L. van. Op. cit.*, S. 59.

³⁰ *Nic. Chon. Orationes*, p. 132.21—27.

³¹ *Ibid.*, p. 132.21.

с туркоманами, Мануилом Мавродзюмом и вел переговоры о мире с султаном. О том, что такие поездки были (и именно после весны 1205 г.), свидетельствует Акрополит. Он сообщает, что Феодор отправился к султану Кей-Хюсреву I, «своему союзнику»³², за помощью и получил ее. Но союзником султан мог стать только после заключения договора с ним в февралю—марте 1205 г.

Таким образом, источники не дают никаких сведений о сношениях Феодора Ласкаря с сельджуками до весны 1205 г., а значит в заключении договора Константина Ласкаря с Кылич Арсланом III он не принимал участия. Это ставит под сомнение тезис Б. Зиноговича о зависимости Феодора от Константина Ласкаря в 1204 г.

Скорее можно предположить, что так как братья действовали независимо друг от друга, то и отношения между ними были не совсем дружественными (не в этом ли одна из причин молчания о Константине у Хониата?). События конца 1204—марта 1205 г. дают некоторые основания для такого предположения.

Как известно, Балдуин, провозглашенный императором еще 9 мая, из-за конфликта с Бонифацем Монферратским, вождем IV крестового похода³³, смог послать войска в Малую Азию только осенью. Первым из Константинополя в Никомидию отправился в конце октября граф Луи Блуа со 120 рыцарями, чтобы завоевать отданную ему в лен Никею³⁴. 1 и 11 ноября выступили соответственно знатный рыцарь Петр Брайшель и брат императора Генрих³⁵. К началу 1205 г. Генрих, переправившийся из Галлиполи на восточный берег, дошел до Адрамития и взял его³⁶, а Петр Брайшель, отправившийся из Пиг и разбивший в декабре 1204 г. войско Феодора Ласкаря около Пиманинона³⁷, захватил Лопадий, Аполонию и Кесарию³⁸, но потерпел поражение под Прусой³⁹.

По-видимому, не позднее этого времени, но и не ранее начала декабря 1204 г.⁴⁰ Константин Ласкарь покинул пределы Никеи и отправился на юг, к Феодору Манкафе Филадельфийскому. Манкафа уже давно отложился от империи, чеканил собственную монету, имел значительное войско, состоящее как из ромеев, так и из сельджуков, помощью которых он неоднократно пользовался⁴¹. Он представлял для Константина ту реальную силу, которую тот надеялся использовать и для борьбы

³² *Acrop.*, I, p. 11.1.

³³ *Nic. Chon.*, p. 792.15—19; 793.22—794.9; *Villehardouin G. La conquête de Constantinople*, vol. II. Paris, 1939 (далее — *Villehardouin*, II), p. 264—265, 275—288, 290—295; см. *Ферjanчић В.* Почеди Солунске краљевине (1204—1209). ЗРВИ, 8 (2), 1965, с. 103—104.

³⁴ *Gerland E.* Geschichte des lateinischen Kaiserreiches vom Konstantinopel, I. Teil: Geschichte der Kaiser Balduin I und Heinrich (1204—1216). Hamburg, 1905, S. 36.

³⁵ *Villehardouin*, II, p. 117—118, N 309—310. О численности войск латинян см.: *Hendrickx B.* A propos du nombre des troupes de la quatrième croisade et de l'empereur Baudouin I. — «Byzantina», 3, 1971, p. 40.

³⁶ *Villehardouin*, II, p. 130, N 321; *Nic. Chon.*, p. 796.6—9.

³⁷ *Nic. Chon.*, p. 796.9—13; *Villehardouin*, II, p. 126—128, N 319—320; *Nic. Chon. Orationes*, p. 127.4—5; 132.7—20; см.: *Longnon J.* L'empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. Paris, 1949, p. 68; *Dietsen J.-L. van.* Op. cit., S. 153.

³⁸ *Nic. Chon.*, p. 796.14—15; 798.1—6; *Villehardouin*, II, p. 128, N 320.

³⁹ *Nic. Chon.*, p. 797.1—798.1.

⁴⁰ В начале декабря 1204 г. он еще был в Никее, о чем свидетельствует Ибн Биби, рассказывающий о возвращении Кей-Хюсрева I в Иконий (см. прим. 24). Вел ли он какие-либо боевые действия против Брайшеля и Блуа, угрожавшего Никее с севера, источники, к сожалению, ничего не сообщают.

⁴¹ Феодор еще при Исааке II Ангеле, в 1188—1190 гг., выступил против центральной власти, привлек на свою сторону народ и овладел всей Лидией и соседними областями. Посланный императором Василий Ватац заставил его бежать к султану Кылич Арслану II, который позволил Феодору формировать войска из сельджуков (*Nic. Chon.*, p. 521.21—524.21). Перед 1204 г. он вновь овладел Лидией и Филадельфией (*Nic. Chon.*, p. 798.8; *Acrop.*, I, p. 12.10—11). Факт Чеканки Феодором монеты в последнее время подвергается сомнению; см.: *Hendy M.* Op. cit., p. 149.

с латинянами, и для укрепления своего шаткого положения как императора, ибо у него не было опоры в среде знати малоазийских городов и он не был признан ею.

Объединившись с Феодором Манкафой, Константин выступил вместе с ним против Генриха, находившегося уже третий месяц в Адрамитии, однако в сражении 19 марта 1205 г. был разбит⁴². Однако он не погиб, как думают Зиноговиц⁴³, ван Диттен⁴⁴ и Бекердорф⁴⁵. Уже высказывавшееся предположение⁴⁶, что погибший при защите Лентяны в конце 1211 г. брат Феодора Ласкаря⁴⁷ и есть Константин, представляется вполне обоснованным. И не только потому, как думает Пападрианос⁴⁸, что из пяти братьев (из шести, добавим мы) только Константин отличался воинскими способностями, но просто потому, что все остальные братья еще долго жили после 1211 г.⁴⁹ Таким образом, если не думать, что это был какой-то не известный нам брат Феодора Ласкаря, то остается заключить, что при осаде Лентяны в 1211 г. погиб Константин Ласкарь; в битве же с Генрихом при Адрамитии 19 марта 1205 г. он остался жив. Подтверждением этого предположения, на наш взгляд служит свидетельство Виллардуэна⁵⁰ о том, что весной 1207 г. военные действия против сенешаля Тьерри де Лопш в Никомидии вели братья Феодора Ласкаря, которыми могли быть Константин и Георгий.

Поражение при Адрамитии поставило греков в критическое положение. Феодор Ласкарь, не решаясь атаковать латинян своими незначительными силами, отправился за помощью к только что занявшему трон султану Кей-Хюсреву I. Сельджуки охотно пошли на заключение договора, ибо они тоже опасались латинян и не желали видеть их своими соседями, и дали Феодору союзное войско⁵¹. Однако вследствие изменившихся обстоятельств (уход латинских рыцарей из Малой Азии в конце марта—начале апреля 1205 г.⁵², то есть еще до битвы под Адрианополем

⁴² Villehardouin, II, p. 130—132, N 322—323; Nic. Chon., p. 798.5—799.8.

⁴³ Sinogowitz B. Op. cit., S. 355—356.

⁴⁴ Dieten J.-L. van. Op. cit., S. 154.

⁴⁵ Fischer Weltgeschichte, Bd 13: Byzanz. Frankfurt/M., 1973, S. 324.

⁴⁶ Μηλιαράκης 'Α. 'Ιστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου (1204—1261). 'Εν Ἀθήναις, 1898, σελ. 8; Пападрианос У. Указ. соч., с. 221.

⁴⁷ Acrop., I, p. 29.3.

⁴⁸ Пападрианос У. Указ. соч., с. 221.

⁴⁹ Алексей и Исаак бежали в Константинополь после воцарения Иоанна III Ватаца (Acrop., I, p. 34, 21—27), Мануил и Михаил были изгнаны Ватацем и вернулись в Никею при Феодоре II Ласкаре (1254—1258) (Acrop., I, p. 123.4—6; 126.9—11), причем Михаил был жив еще в 1272 г. Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Paleologis libri XIII, rec. I. Bekker, v. I. Bonnæ, 1829, p. 318). Наконец, шестой брат Феодора Ласкаря Георгий в 1211 г. был дуккой Фракийской фемии и руководил обороной Смирны. Можно было бы предположить, что он и погиб при защите Лентяны, тем более, что в 1213 г. дуккой был уже Василий Хрисомалис (Ahrweiler H. Op. cit., p. 138). Однако на основании анализа трех сохранившихся грамот от 1235—1236 гг. видно, что он был жив еще в сентябре 1235 г. (MM, IV, p. 35, 38), но умер к январю 1236 г. (грамота Иоанна III Ватаца, где Георгий назван ἐκείνος. — Ibid., p. 40). Ср.: Ahrweiler H. Op. cit., p. 138—139; Ферьянчић Б. Севастократоры в Византии. — ЗРВИ, 11, 1968, с. 173—174.

⁵⁰ Villehardouin, II, p. 300, N 486.

⁵¹ Nic. Chon. Orations, p. 132.21—27; Acrop., I, p. 14.20—23; Dölger F. Op. cit., N 1670.

⁵² Время ухода латинских войск из Малой Азии (Генриха из-под Адрамитии, а Паганус де Аврелия и Петра Брайшеля из-под Никеи; см. Migne, PL, t. 215, 1855, p. 707) можно датировать концом марта—началом апреля 1205 г., так как известно, что в марте Балдуин послал грамоту (а может быть и устный наказ) Генриху, чтобы тот прибыл к нему с войском к Адрианополю; см.: Buchon J. A. C. Recherches historiques sur la principauté française de Morée et de ses hauts baronies, v. I. Paris, 1845, p. 493; Hendrickx B. Les chartes de Baudouin de Flandre comme source pour l'histoire de Byzance. — «Byzantina», 1, 1969, p. 80. Кроме того, сообщение источника о продвижении Генриха к Адрианополю из-под Адрамитии говорит о том, что он после битвы с Феодором Манкафой и Константином Ласкарем при Адрамитии 19 марта еще не успел начать наступательную опера-

14 апреля 1205 г., а также разгром в этом сражении рыцарей Балдуина) сельджукское войско сыграло свою роль не в изгнании латинян, а в укреплении положения Феодора Ласкаря и провозглашении его императором.

Адрианопольская битва сыграла решающую роль в образовании Никейской империи и спасения малоазиатских ромеев⁵³. За исключением Пиг. латиняне оставили все ранее захваченные территории⁵⁴. В течение апреля—мая Феодор Ласкарь с помощью сельджукско-ромейского войска⁵⁵ подчинил себе оставленные латинянами города и области⁵⁶.

Таким образом, большинство областей на Востоке оказалось в руках Феодора. И «за это доблестное продвижение вперед», — как говорит Хониат, — его избирают сначала полководцем, а после отражения им нападения Мануила Мавродзома⁵⁷ (не позднее конца мая⁵⁸) — и императором⁵⁹. Как могло, однако, произойти избрание Феодора, если императором еще был Константин Ласкарь? Предположение Б. Зиновица, что Константин погиб в сражении 19 марта 1205 г., хорошо объясняло провозглашение Феодора. Теперь же мы знаем, что он остался жив.

Очевидно, после поражения при Адрамитии Константин Ласкарь вместе с Феодором Манкафой бежал в Филадельфию, которая была вскоре взята Феодором Ласкарем; Константин был при этом захвачен и отказался от трона: согласно Акрополиту, Феодор легко одолел «Морофеодора и Савву и затем стал безопасно владеть всем Кальвианом, Меандром, Филадельфией и Неокастрами»⁶⁰. Это могло произойти как во время его первого похода против Мавродзома, т. е. еще до провозглашения императором, так и в результате последующих походов на Меандр в 1205—1206 гг.

Константин не пользовался поддержкой греческого населения, не имел авторитета, о его избрании в Константинополе знали немногие, а его продолжительное пребывание в Никее, в то время, как отовсюду наступали латиняне, подорвали его престиж и как полководца⁶¹. Успехи Феодора;

значит это произошло вскоре после битвы. Свидетельство Хониата (*Nic. Chron.*, p. 814, 15—16) о том, что Генрих, шедший с рыцарями и 20 тыс. армян Трояды (вместе с семьями), встретился в Редесто с только что прибывшим сюда из-под Адрианополя дожем Дандоло (т. е. 15—20 апреля), также говорит за то, что Генрих, чтобы пройти от Адрамития до Редесто, должен был затратить немало времени.

⁵³ См. подробнее: *Злагарски В.* Гръцко-български союз 1204—1205 гг. София, 1914, с. 18; *Петров П.* Поражението на латинците при Одрин през 1205 г. и неговото историческо значение. — *Исторически преглед*, 16, ч. 4, 1960, с. 50—51.

⁵⁴ *Acrop.*, I, p. 11.21—123; *Vasiliev A. A.* The Foundation of the Empire of Trebizond. — *Speculum*, 41, 1936, N 1, p. 24.

⁵⁵ Из повествования Никиты Хониата о значении сельджукской помощи (*Nic. Chron. Orationes*, p. 132, 28—133.24) можно заключить, что Феодор сумел, опираясь на союзное войско, привлечь на свою сторону многих греков и заставить их сражаться вместе с ним.

⁵⁶ «Еще более прославляющим тебя является то, что ромейские города не смотрят больше злобно друг на друга со времени твоей власти»: *Nic. Chron. Orationes*, p. 134.1—2.

⁵⁷ После вторичного восшествия на трон в феврале—марте 1205 г. Кей-Хюсрева I прибывший с ним Мавродзом, получив от султана войско, начал опустошать область по нижнему течению реки Меандр; см.: *Nic. Chron.*, p. 827.16—828.2.

⁵⁸ *Sinogowitz B.* Op. cit., S. 348—351.

⁵⁹ *Nic. Chron. Orationes*, p. 134.14—18; ср.: *Nic. Chron.*, p. 828.2—4.

⁶⁰ *Acrop.*, I, p. 12.18—21. О Савве Асидене см.: *Orgels P.* Sabas Asidenos, dynaste de Sampson. — *Byz.*, 10, 1935, p. 67—80; *Jerphanion G.* Σαμψών et 'Αμύσις une ville à déplacer de neuf cent kilometres. — *OChP*, 1, 1935, p. 257—267.

⁶¹ Нельзя ли видеть в словах Хониата о том, что императорская власть в это время предлагалась «не как игра судьбы» (*Nic. Chron. Orationes*, p. 131.4—5) и что на царство избирают человека совершенно не способного к военным делам» и не умеющего «решать и делать то, что необходимо» (*ibid.*, p. 134.11—12), намек на «случайное» избрание Константина в Константинополе и на его неспособность руководить делами.

дора в борьбе с латинянами, его родство с Алексеем III, его личные качества и — не в последнюю очередь — поддержка со стороны как малоазийской, так и бежавшей константинопольской знати⁶², решили вопрос о том, кому быть императором. Первым императором после апреля 1204 г. был Константин XI Ласкарь, который должен быть признан первым василевсом династии Ласкарей, правившей в Никейской империи⁶³. Однако основателем и действительно первым императором Никейской империи является Феодор I Ласкарь.

---

⁶² Хониат сообщает, что он щедро, как никто из древних, раздавал деньги и дары, чтобы привлечь на свою сторону знатных греков и своих противников (*Nic. Chron. Orationes*, p. 135.22—26). Едва ли это были его собственные богатства. Кроме того, он мог использовать земли и имущество, принадлежавшие константинопольской церкви и императорскому домену, а также своим политическим противникам.

⁶³ Что уже и сделано в кн.: Fischer *Weltgeschichte*, Bd 13: Byzanz, S. 407.

С. П. КАРПОВ

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ
И РУССКИЕ ЗЕМЛИ

Протянувшаяся тонкой полосой по южному берегу Черного моря, Трапезундская империя (1204—1461) занимала важное место в системе экономических и политических связей стран Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Через ее территорию проходили магистральные торговые пути из Европы в Малую Азию, Персию и Крым¹. В XIII—XV вв. Трапезунд был значительным культурным и религиозным центром православного Востока, связи с которым были традиционными для древнерусских княжеств.

Отдельные свидетельства русских летописей о Трапезунде и Трапезундской империи не раз привлекали внимание исследователей. Еще А. А. Куник и С. М. Соловьев отметили ламентации древнерусских книжников по поводу горестной судьбы погибших греческих земель, в том числе Трапезунда². Л. В. Черепнин обратил внимание на сведения о посещении трапезундским митрополитом Москвы в 1388—1389 г.³ Я. Н. Щапов обнаружил в Уставе князя Всеволода приписку XV в. с упоминанием Трапезунда⁴. Нельзя не отметить изысканий Б. Л. Фонкича, установившего, что рукопись ГИМ № 284 переписана трапезундским митрополитом Феодулом в период его пребывания в Москве⁵. Единственная статья, специально посвященная нашей теме, написана английскими исследователями Р. Милнер-Галланд и А. Брайером. В ней освещается посещение Москвы и Новгорода двумя трапезундскими митрополитами⁶. Однако авторов больше занимал вопрос о преемственности на архиерейской кафедре в Трапезунде, чем сами связи между Русью и империей Великих Комнинов. Авторы приходят к заключению, что эти митрополиты направлялись в Россию Константинопольским патриархом и их посещение Русского государства стоит вне связи с политикой трапезундских императоров.

Таким образом, в специальной литературе рассматривались лишь отдельные эпизоды из истории трапезундско-русских отношений, притом

¹ О Трапезундской империи см. последнюю публикацию: *Janssens E. Trébizonde en Colchide*. Bruxelles, 1969; см. также: *Карпов С. П. Трапезундская империя и государства Европы в XIII—XV вв.* Автореф. канд. дисс. М., 1974.

² *Куник А. А. Основание Трапезундской империи в 1204 г.* — УЗ АН по I и III отд., т. 2. СПб., 1854, с. 707; *Соловьев С. М. История России*, кн. III. М., 1960, с. 214.

³ *Черепнин Л. В. Отражение международной жизни XIV—начала XV в. в московском летописании.* — В кн.: *Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 234—235.*

⁴ *Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 176.*

⁵ *Фонкич Б. Л. Рец. на кн.: H. Follieri. Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti.* — ВВ, 35, 1973, с. 285.

⁶ *Millner-Gulland R. R., Bryer A. Two metropolitans of Trebizond in Russia.* — «*Archéion Pόντου*», 27, 1965, p. 21—27.

в связи с разработкой особых тем. Еще не учтена вся совокупность летописных свидетельств, а некоторые источники, как, например, цикл древнерусских повестей о Флорентийском соборе, «Послание новгородцам» московского митрополита Феодосия (1464), хроника Жана де Ваврина о торговле трапезундцев и т. д., до сих пор не привлекались для исследования трапезундско-русских отношений. Я полагаю, что историко-ведческая база темы сможет еще более расширяться: наличие таких возможностей показало уже упомянутое исследование Б. Л. Фонкича.

Связи Понта с русскими землями, существовавшие еще до образования Трапезундской империи⁷, не прекратились и после 1204 г. Они должны были стать еще более интенсивными: ведь в состав государства Великих Комнинов входил и юго-западный берег Крыма, зависимость от Трапезунда признавали Херсон и Сурож, крупные торговые центры Северного Причерноморья⁸. Через Сурож в Трапезунд поступал русский хлеб, пушнина и другие товары⁹. «История сельджуков» Ибн ал-Биби дает основания говорить о тесных связях Сурожа с каким-то из русских князей: когда в 1223 г. сельджукский флот эмира Чолпана выступил в поход против Сурожа, последний находился в союзе с русскими и кипчаками¹⁰. Отождествить русского князя не удастся: Ибн Биби называет его просто «маликом русов». Примечательно лишь, что он был союзником половцев, а после их поражения, стремясь сохранить свое присутствие в Крыму, согласился платить иконийскому султану дань льном, конями и пр.¹¹ Еще В. Г. Васильевский справедливо заметил, что поход сельджуков против Крыма был эпизодом «большой войны иконийского султана с царем трапезундским»¹², которая закончилась полным разгромом войск султана под Трапезундом в 1223 г. императором Андроником I Гидом¹³.

Битва при Калке (1223) и затем татарское нашествие на Русь превали складывавшиеся связи, уничтожили на время старые, идущие через

⁷ См.: *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge*, vol. 2. Leipzig, 1886, p. 92—93; *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX века. М.—Л., 1961, с. 95—96; *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, с. 274—278.

⁸ *Брун Ф. К.* Материалы для истории Сугдеи. — «Черноморье», т. 2. Одесса, 1880, с. 133; *его же.* О поселениях итальянских в Газарии. М., 1872, с. 8—10; *Васильевский В. Г.* Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожаго. — В кн.: Труды В. Г. Васильевского, т. 3. Пг., 1915, с. CLXVIII—CLXXVIII; *Heyd W.* Op. cit., vol. 1. Leipzig, 1885, p. 297; vol. 2, p. 208—211; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936, p. 150, 158—160, 162, 168, 170; *Bratianu N.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929, p. 181—183, 203—204, 305; *idem.* La Mer Noire. Dès origines à la conquête ottomane. München, 1969, p. 180—183; *Janssens E.* Op. cit., p. 69; *Лугаврин Г. Г.* Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи. — В кн.: История Византии, т. 3. М., 1967, с. 49.

⁹ *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. — ВВ, XXV, 1928, с. 65.

¹⁰ *Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi*, hrsg. von H. Duda. Kopenhagen, 1959, S. 130—139; *Мелиоранский П.* Сельджук-намах как источник по истории Византии в XII и XIII вв. — ВВ, I, 1894, с. 640.

¹¹ *Якубовский А. Ю.* (указ. соч., с. 62) считал, что это был рязанский князь, так как именно он мог платить дань льняными изделиями, не производимыми в связанных с Киевом южных княжествах. Однако этот аргумент необоснован, так как льняные ткани производились отнюдь не в одной Рязани и могли, кроме того, быть приобретены путем обмена и торговли. Нам, например, неизвестно, чтобы в Рязанском княжестве выращивались породистые скакуны, которые также были подарены султану от «малика русов». Последний, по тексту Ибн Биби, настойчиво пытался сохранить свои позиции в Крыму и даже упорчить их, идя ради этого на уплату дани. Не правильнее ли думать, что перед нами князь-изгой?

¹² *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. CLXXIV, CLXXVI; ср.: *Куник А. А.* О связи трапезундско-сельджукской войны 1223 г. с первым нашествием татар на северное Черноморье. — УЗ АН по I и III отд., т. 2. СПб., 1854, с. 734—746.

¹³ *Пападопуло-Керамевс А.* Сборник источников по истории Трапезундской империи, т. 1. СПб., 1897, с. 117—132; ср.: *Успенский Ф. И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, с. 48—58.

Крым торговые пути¹⁴. Лишь с подъемом Москвы происходит оживление политических, торговых и церковных связей Руси с Византией и Трапезундом. В XIV—XV вв. функционировал ряд торговых путей из Руси к Черному морю: 1) путь по Днепру (основной для X—XI вв.) — теперь он имел меньшее значение и вследствие татарской угрозы, и потому, что днепровские пороги препятствовали перевозу возросшего объема грузов; 2) путь, описанный в «Хожении» митрополита Пимена (конец XIV в.), — через Тану (Азов) в Крым, затем на Синоп и в Константинополь; 3) путь через Смоленск и Слуцк по западным украинским землям — к Белгороду (Монкастро) и Константинополю. По этому пути шли как из Северо-Восточной Руси, так и из Новгорода (через Полоцк)¹⁵. Е. Ч. Скржинская указывает на существование еще двух путей: 4) «по суху» до крымского берега (чаще к Кафе) и 5) по Волге до Сарая, затем либо до Тамани, либо — по Дону — до Таны¹⁶. Помимо этих путей существовал еще один — по Волге к Астрахани и через «черкаскую» и «грузинские земли» — до Трапезунда и Царьграда. Правда, упоминание о нем относится уже к XVI в., к 1565 г.¹⁷ Эта магистраль была резервной и могла широко использоваться только после присоединения к России Казанского и Астраханского ханств. Но иногда по Волге и Каспию ходили и прежде; так, например, через Фассо, Шемаху, Дербент, Астрахань добирался из Персии на Русь в 1475—1476 г. венецианский посол Амброджо Контарини¹⁸.

Наибольшее значение, бесспорно, имели два направления. Первое — к Белгороду и Тане, а оттуда — к малоазийскому берегу. Анализ значительного числа дошедших до нас источников¹⁹ показывает, что путь от Таны до Константинополя чаще всего лежал через Трапезунд, далеко не каждый раз с заходом в Синоп, который в XIV в. был настоящим пиратским гнездом. Единичное свидетельство «Хожения» Пимена о пути через Тану — Синоп, видимо, не может приниматься во внимание при определении важнейших станций на пути из Азова в Черное море.

Другой важнейший путь вел из Монкастро (Белгорода) к Константинополю, минуя Трапезунд. Но примечательно, что именно в Монкастро, где начинался черноморский путь из Руси, Польши и Литвы на юг, и прибывали в значительном числе сами трапезундские купцы, во всяком случае, в XV в.²⁰ О связях Трапезунда с кипчакской степью и другими

¹⁴ См.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). — «История СССР», 1967, № 3, с. 407—408.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 28—31, 48—52, 70—72; его же. Средневекковая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966, с. 81—88; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 521—522.

¹⁶ Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, с. 61.

¹⁷ Ввиду чрезвычайных обстоятельств — войны с Литвой — Иван IV отпустил таким путем в Царьград Кизикского митрополита Иоасафа и афонских старцев, отправившихся вместе с грузинским послом; см.: ПСРЛ, т. 13, с. 391; т. 30, с. 340—341.

¹⁸ Скржинская Е. Ч. Указ. соч., с. 192—202, 214—226.

¹⁹ Важнейшие публикации документов и перест: *Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato)*, Serie «Mistorum», vol. 1, a cura di R. Cessi e P. Sambin; vol. 2, a cura di R. Cessi e M. Brunetti. Venezia, 1960—1961; *Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*, t. 1—3. Paris, 1958—1961; *idem. Délibérations des Assamblées vénitienes concernant la Romanie*, t. 1—2. Paris, 1966, 1971; *Jorga N. Notices et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle.* — «Revue de l'Orient Latin», 4—8, 1896—1900; *Bratianu G. I. Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du XIIIe siècle.* Bucarest, 1927; *Gênes et l'Outre-Mer*, t. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289—1290, par M. Balard. Paris, 1973; «*Diplomatarium Veneto-Levanticum*», pars 1, ed. G. M. Thomas. Venetiis, 1880; pars 2, ed. R. Predelli. Venetiis, 1889.

²⁰ *Jehan de Wavrin. Anciennes croniques d'Engleterre*, t. 2, ed. Mlle Dupont. Paris, 1859, p. 85. В том же Белгороде турками был замучен трапезундский купец Иоанн Новый: ПСРЛ, т. 31, с. 119 (под 1491—1492 г.); архив. Порфирий.

северными странами (прежде всего, русскими княжествами) через Крым писал в XIV в. арабский географ аль-Умари, черпавший многие свои сведения из разговоров с генуэзцами и сочинений арабских писателей²¹.

Данные о прямых политических и церковных связях Трапезунда и Руси немногочисленны. Все летописи, связанные с Москвой, и общерусские своды сообщили о приезде в Москву трапезундского митрополита Феогноста: «И на том же лете прииде некий гречин митрополит на Русь, именован Феогност тряпизоньский милостыня ради»²². Феогност пробыл на Руси более года и 20 мая 1389 г. присутствовал на погребении великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского. Он назван в русских источниках первым среди всех епископов²³ — в соответствии с его местом в *Notitiae episcopatum*²⁴.

Приезд Феогноста пришелся на тяжелое для Московской Руси время: всего 5—6 лет назад Москва была сожжена Тохтамышем. Борьба с татарами, приведшая к победе на поле Куликовом, требовала большого напряжения сил и стоила огромных жертв. Но именно эта победа еще выше подняла авторитет Москвы, ее роль в сплочении единого Русского государства. В этих условиях московские князья всячески поддерживали свой международный престиж, учитывая значение прямых связей с Византией и всем греческим миром для укрепления авторитета великого князя и московского митрополита. Л. В. Черепнин указал на то, что поддержка православного населения Малой Азии, Средиземноморья, Палестины, Синая была *политикой* московских великих князей²⁵. Поэтому визит иерея одной из самых почитаемых во вселенском патриархате митрополий и нашел отражение в московском летописании.

Другим трапезундским митрополитом, посетившим Русь, был Феодул. Новгородская I летопись отметила его приезд в Новгород «в лето 6915» (сентябрь 1406—август 1407 г.). Мотив поездки тот же: «милостыня ради»²⁶. После богатого Новгорода, от которого было естественно ждать денежной помощи, в следующем году Феодул посетил Москву. Его пребывание здесь было достаточно продолжительным: тут им были написаны две рукописи. Одна (сборник типа «цветослова» — избранные службы из Океиха, Триоди, Минеи и т. д.) — cod. Vatic. Gr. 779 — содержит пометы переписчика, где он сообщил о себе, «смирнном и недостойном грешнике, а ныне епископе Феодуле, прежде (митрополите) Трапезундском». Из приписки ясны и обстоятельства, и время написания рукописи: она создана в Москве, во время болезни Феодула, видимо, вызванной тяжестью путешествия для уже немолодого человека. Рукопись завершена в августе 1408 г. Н. Красносельцев, изучавший манускрипт и издавший его пометы, справедливо заметил, что рукопись предназначалась для продажи: переписчик хотел своим трудом увеличить сумму собранной милостыни²⁷. Принадлежность еще одной греческой рукописи, написанной в Москве, перу Феодула (ГИМ № 284) была установлена методом отождествления почерка Б. Л. Фонкичем. Это Триодь постная и цветная, принадлежавшая митрополиту московскому Фотию²⁸.

Мученичество и Житие св. Иоанна Нового Трапезундского. — ЗООИД, IX, 1875, с. 149—160.

²¹ *Quatremère M.* Mesalek Alabsar fi Memalek Alamsar, voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées. — «Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi et autres bibliothèques», vol. 13, partie 1. Paris, 1838, p. 380.

²² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 433; ПСРЛ, т. 8, с. 52; т. 11, с. 94; т. 18, с. 138.

²³ ПСРЛ, т. 4, с. 354; т. 6, с. 109; т. 8, с. 58; т. 11, с. 116—117; т. 18, с. 138; *Приселков М. Д.* Указ. соч., с. 434.

²⁴ См. об этом: *Карпов С. П.* Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 36, 1974, с. 95—98, табл.

²⁵ *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 234—235.

²⁶ ПСРЛ, т. 3, с. 103.

²⁷ *Красносельцев Н.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885, с. 38—48.

²⁸ *Фонкич Б. Л.* Указ. соч., с. 285; *его же.* Греческая рукопись митрополита Фо-

Какую же миссию выполняли трапезундские митрополиты во время этих поездок в Москву и Новгород? Казалось бы, русская летопись дает ответ на вопрос о цели их приезда — сбор подаяния. Но кому предназначались эти деньги, и только ли в этом смысл поездки? Р. Милнер-Галланд и А. Брайер полагают, что трапезундские митрополиты отправлялись на Русь из Константинополя сразу же после их избрания, даже не побывав в Трапезунде, т. е. они были посланы туда не Великими Комнинами, а Константинопольским патриархом, неоднократно отправлявшим на Русь и других архиереев. Авторы считают, что трапезундские митрополиты поставлялись не в Трапезунде, а в византийской столице, т. е. привилегии, данные трапезундской кафедре в 1261 г.²⁹, были отменены. Эти замечания, однако, нуждаются в больших оговорках.

Во-первых, порядок избрания трапезундского митрополита в Константинополе лишь начинал устанавливаться в это время и был связан с общим сближением Трапезундской и Византийской империй, с универсалистской политикой в делах церкви патриарха Филофея Коккина. Из двух предшественников Феогноста один, Иосиф Лазаропул, был избран в Трапезунде (1364 г.), другой, Феодосий, в Константинополе (1370)³⁰. Во-вторых, трапезундские императоры вовсе не отказывались от контроля за назначением на трапезундскую и аланскую митрополичьи кафедры. Мануилу III (1390—1416) удалось добиться поставления нужного кандидата даже вопреки строгим каноническим правилам³¹. Оставление столицы империи на длительный срок без архиерея могло произойти только по согласованию с императором, с учетом его интересов. В этом отношении миссия трапезундского митрополита не может быть приравнена к посылке архиерея любой, даже высокой, но не столичной кафедры. Логичнее предположить, что после смерти митрополита Феодосия в 1388 г. избранный на его место Феогност был с согласия Алексея III (1349—1390) отправлен в Россию с целью, которая в равной мере учитывала интересы и трапезундской кафедры, и патриархата.

В конце XIV в. для Трапезундской империи наступили тяжелые времена: усилилась турецкая угроза, значительно сократились поступления от итальянской торговли, испытывавшей упадок после Кюджской войны (1376—1381), снижался вес основной трапезундской монеты — серебряного аспра, все больше средств требовали содержание войск, строительство крепостей, флота. В то же время при Алексее III были издержаны значительные суммы на строительство и возобновление монастырей и храмов как в самой империи, так и далеко за ее пределами³². По мере нарастания финансовых и политических трудностей правящие круги Тра-

тия. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 189—195. Б. Л. Фонкич установил, что рукопись была написана до пасхи 1409 г., так как содержащаяся в ней пасхалия начинается с этого года. *Terminus post quem* — пасха 1408 г. Греческий исследователь митрополит Хрисанф предполагает, на основании употребленного Феогностом слова *πασέ*, что в августе 1408 г. из-за болезни Феогност отрекся от места: *Μητροπολίτης Χρυσανθος. Ἡ Ἐκκλησία Τραπεζούντος. — «Ἀρχαῖον Πόντος», т. 4—5, 1936, сел. 258—259. Митрополит Фотий прибыл в Москву лишь весной 1410 г. и, вероятно, здесь и приобрел эту рукопись, ценную реликвию греко-русских культурных связей.*

²⁹ См.: *Petit L. Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde.* — ИРАИК, VIII, вып. 3, 1903, с. 163—171.

³⁰ См. подробнее: *Карпов С. И. Трапезунд и Константинополь*, с. 98—99.

³¹ См.: ММ, II, № 636, 673. Кстати, эти факты отмечены и английскими исследователями.

³² На средства трапезундской казны был основан монастырь на Афоне (Дионисий, 1374 г.), обновлены или реконструированы трапезундский монастырь Сумела (1364), храм св. Фоки в Кордилах (ок. 1361 г.), монастырь Феоскепаст (1364) и некоторые другие. Причины такого строительства лежали не только в сфере духовных, но и политических интересов. Трапезундской империи приходилось вести борьбу за свой престиж в греческом мире и на международной арене, и одним из орудий этой борьбы была церковная политика. Показательно, что именно со второй половины XIV в. начинается значительное возвышение трапезундской митрополии во вселенском патриархате.

пезундской империи обращали все большее внимание на усиливавшееся Московское княжество. С другой стороны, высокое положение трапезундского архиеерея среди иерархов византийской церкви делало его подходящей кандидатурой патриархата для почетной миссии в Москву и Новгород. Налаживавшиеся через купцов связи Понта с русскими землями закреплялись по официальным каналам.

Важным событием для Византии и Руси был Ферраро-Флорентийский собор. О нем, помимо греческих и латинских источников, ценные сведения сообщают источники русские³³. Это прежде всего «Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе», составленная вскоре после 1447 г. и написанная участником собора. Симеон повествует о прибытии на собор трапезундского царства митрополита Дорофея и посла трапезундского императора Иоанна IV. Среди других греческих митрополитов особо упомянуты лишь иверский и митрополит «волошских земель»³⁴. Только из «Повести» мы узнаем имя трапезундского посла: им был Иоанн, патроним которого — Макродука — сообщает автор пристрастных воспоминаний о соборе великий епископ константинопольской церкви Сильвестр Сиропул³⁵.

На основе «Повести» Симеона и некоторых дополнительных источников в 1461—1462 г.³⁶ в Москве было составлено «Слово избрано» о низвержении митрополита-униата Исидора. Это прославление ортодоксальной политики московского великого князя, обоснование прав русской церкви на автокефалию носило официальный характер и было выполнено по заказу правящих кругов Московской Руси. Позднее «Повесть» была включена в состав ряда летописей. Несмотря на сделанные сокращения и переработки, автор счел нужным оставить упоминание следующего непосредственно за патриархом «трапизоньскаго царя митрополита»³⁷. Может быть, это и память о недавней трагической гибели Трапезундской империи, сохранившей свое православие, не принявшей унию?

Наконец, в записках анонимного суздальца — «Хождение» митрополита Исидора на Флорентийский собор — и созданной на их основе компиляции приведены данные о присутствовавших на соборе греческих митрополитах. В целом автор следует принятому порядку греческих нотаций епископий, хотя и допускает погрешности. Трапезундскому владыке отведено занимаемое им место — вслед за представителями восточных патриархов³⁸. В упомянутой компиляции из анонимных путевых записок и сочинения Симеона имеется указание, что на соборе присутствовал трапезундский император. В других русских источниках такой ошибки нет³⁹.

³³ См.: Делекторский Ф. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии. — ЖМНП, 1895, июль, с. 131—184; Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей русской полемики против латинян. СПб., 1878; Щербина А. Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса, 1902; Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. — СВ, 25, 1964, с. 176—187; Моцинская Н. В. Литературная история «Повести об осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского. — УЗ МГПИЛ, № 455, 1971, с. 43—60; Алпагов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 129—151. См. также: Казакова Н. А. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. — ТОДРЛ, т. XXX, 1976, с. 73—94.

³⁴ См.: Павлов А. С. Указ. соч., с. 199.

³⁵ Laurent V. Les «Mémoires» du Grand Eclésiarcque de l'Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438—1439). Paris, 1971, p. 460, 462, 604.

³⁶ Датировка А. Н. Попова — Ф. Делекторского — А. Д. Щербины — Л. В. Черепнина. Н. В. Моцинская (указ. соч., с. 55) считает, что «Слово» появилось в 70-х годах XV в.

³⁷ Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, с. 364; ср. ПСРЛ, т. 6, с. 152; т. 8, с. 104; т. 12, с. 26; т. 18, с. 178, 182.

³⁸ Древняя российская вивлиофика, ч. VI. М., 1788, с. 36—37; Сахаров И. Сказания русского народа, ч. 2, кн. VIII. СПб., 1849, с. 85.

³⁹ Ошибка свидетельствует, между прочим, о том, что компилятивный источник

Перед нами заблуждение компилятора, которое само по себе свидетельствует о характере сложившихся отношений, о роли Трапезундской империи в системе связей Руси с Востоком.

Итак, если мы имеем разнообразие свидетельств знакомства русских с Трапезундской империей, закономерно спросить: когда на Руси узнали о падении Трапезунда и какой была реакция на это известие? Обычно считали, что весть о взятии Трапезунда турками пришла на Русь в конце 70-х—начале 80-х годов XV в. В пользу такого предположения приводят сведения «Хожения» Афанасия Никитина и летописной повести «О царе Ахмате, как приходил на Угру» (1481)⁴⁰. Однако имеется документ, позволяющий утверждать, что такое известие было получено значительно раньше. Речь идет о «Послании митрополита Феодосия новгородцам и иерусалимцам о милостыни на искушение св. Гроба Господня от неверных» (1464). Суть дела такова: в результате землетрясения в Иерусалиме была разрушена одна из наиболее почитаемых святынь Востока — храм Гроба Господня. За разрешение вновь отстроить храм и уберечь его от предполагавшегося сноса мамлюкский султан потребовал большой выкуп — сначала 10, а затем 6 тыс. венецианских дукатов. Чтобы собрать деньги, сам патриарх Иерусалимский Иоаким отправился на Русь, но умер по пути, в Кафе. Довести это дело до конца было поручено его протосинкелу Иосифу, поставленному по просьбе покойного патриарха в Москве митрополитом Кесарии Палестинской. Этот Иосиф сообщил об оскуднении казны патриарха, «зане бо много тма беззаконных поганых насилием объят веру благочестия и святаа места града Иерусалима, даже и святаго града Костянтинополя, с ним же Болгарскаа и Сербскаа и Тряпизонскаа земля, и иныя многия святыя места, иже помогали святому Христову Гробу, и ныне тые вои покрышася мѣглою безверия, погаными, увы! последним сим временем, грех ради наших»⁴¹. Таким образом и было получено на Руси известие о падении столицы последней греческой империи⁴². Позднее о взятии Трапезунда под 6970 г. (1 сентября 1461—31 августа 1462 г.), приведя почти точную дату события, сообщила Воскресенская летопись⁴³.

Наконец, самое яркое свидетельство того сочувствия, с которым наши предки отнеслись к судьбе Трапезунда, находится в анонимной повести «О царе Ахмате», написанной в связи с походом Ивана III и стоянием на Угре, событием, положившим конец татарскому игу на Руси. Повесть звала к мужеству в критический момент русской истории, выступала за решительную и последовательную борьбу с врагом. Автор ее писал: «Да не узрят очи ваши разлепления домов ваших... якоже пострадаша и инии велиции и славнии земли от Турков, еже глаголются Болгари, и Серби, и Грецы, и Трапезон, и Аморрея ... и Манкуц, и Кафа... И скигаются по чюжим странам бедне воистину и странне и много плача и слез достойно, укоряеми и поношаеми и оплюваеми, яко немужьствени...»⁴⁴

не был составлен очевидцем событий, самим Симеоном, как полагал Делекторский (указ соч., с. 157). Вопрос авторства «Хожения» разобран в работе: *Мощинская Н. В.* Об авторе «Хожения на Флорентийский собор» в 1439—1441 гг. — УЗ МГПИЛ, № 363, 1970, с. 288—300.

⁴⁰ См., например: *Щапов Я. Н.* Указ. соч., с. 176.

⁴¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1841, с. 127—129.

⁴² Сведения о поездке Иосифа на Русь сохранились и в московском летописании; см.: ПСРЛ, т. 12, с. 116; т. 25, с. 278. См. также: *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. 3, с. 198.

⁴³ ПСРЛ, т. 7, с. 251. Это свидетельство отсутствует в основном источнике Воскресенской летописи — Московском летописном своде 1479 г. Воскресенскую летопись вообще отличает повышенный интерес к греческим делам. В связи с этим встает вопрос об особых источниках ее информации.

⁴⁴ ПСРЛ, т. 8, с. 207; т. 12, с. 202; т. 22, ч. 1, с. 501—502; т. 23, с. 182; т. 24, с. 201—202; т. 28, с. 151, 316.

Единственное описание посещения русскими Трапезунда в интересующее нас время, принадлежит знаменитому путешественнику Афанасию Никитину, возвращавшемуся на Русь из Персии в 1472 г., когда Трапезунд был уже под властью османов. Путь Никитина лежал от Эрзинджана к Трапезунду, а оттуда морем к Кафе⁴⁵. Русский землепроходец привел интересные данные о войне правителя Ак-Коюнлу Узун Хасана с турецким султаном Мехмедом II. Узун Хасан был союзником последнего трапезундского императора Давида. Получив персидский трон (1471), Узун Хасан начал вести наступательную войну против османов. Афанасий Никитин сообщил, что «Асанбег» послал против турок 40 тысяч своей рати, которая взяла Сивас, Токат, Амасию и пошла к Караману⁴⁶. Войска были близко от Трапезунда, и в городе сохранялась тревожная обстановка — искали лазутчиков Узун Хасана. Никитин шел через территорию последнего и подвергся в Трапезунде досмотру, все его имущество забрали «в город, на гору» (т. е. в трапезундскую крепость) и обыскали, стремясь обнаружить грамоты от Узун Хасана. Эттеров список «Хождения» добавляет, что имущество путешественника во время обыска было ограблено⁴⁷. Эти данные указывают на то, что и после падения Трапезундской империи в ее столице оставались сторонники прежней династии, в пользу которой действовал Узун Хасан. Значение сочинения Афанасия Никитина для нашей темы, конечно, не исчерпывается приведенными в нем фактами из истории политической борьбы в Малой Азии. Эта книга знакомила более широкий круг русских людей с далекими землями, в числе которых был и Трапезунд.

Весьма показательно, что сложившиеся в более ранний период связи Московской Руси с понтийским регионом сохранились и после турецкого завоевания последнего, заметно усиливаясь к концу XVII в. В 1688 и 1694 гг. в Москву за подаением приезжали архимандриты трапезундского монастыря св. Георгия⁴⁸, в 1693 г. здесь была целая делегация от трапезундского Вазелонского монастыря во главе с архимандритом Лаврентием, которая получила царскую жалованную грамоту, а один из членов посольства, греческий ученый иерей Гервасий, остался в Москве для преподавания⁴⁹. В 1742 г., когда вводилась унифицированная форма распределения милостыни монастырям Востока, тот же Вазелонский монастырь был в числе получивших право на получение из российской казны 175 рублей каждые 5 лет⁵⁰.

Что же знали наши предки о Трапезундской империи? Скучность источников затрудняет ответ на этот вопрос. И все же некоторые факты обращают на себя внимание. Как правило трапезундские владения не рассматривались в числе византийских территорий, а позже выделялись

⁴⁵ Афанасий Никитин. Хождение за три моря. 1466—1472. М.—Л., 1958, с. 29, 50, 67.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, с. 29, 50.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 7196 (1688), 13 декабря, № 8, — приезд архим. Селивестра; 7202 (1694), 26 января, № 15 — приезд архим. Лаврентия. За сообщение этих сведений приносим благодарность О. А. Белобровой.

⁴⁹ Παπαδόπουλος — Κεραρέας Α. Ἱεροσολυμιτικῆ Βιβλιοθήκη, т. А. Ἐν Περτρούπολει, 1891, σελ. 451—452. В письме вазелонских монахов царям Ивану и Петру излагалась краткая история этого знаменитого монастыря и его бедствия в турецкое время. См. также: Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Л., 1927, № 188, с. 124. Возможно, что Гервасий предназначался для преподавания в Славяно-греко-латинской академии. Примечателен и еще один факт — приезд трапезундских греков в Москву в 1693—1694 гг. состоялся накануне русско-турецкой войны.

⁵⁰ Кангерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914, с. 135—136. В трапезундском Сумелийском монастыре с XVIII в. сохранялась рукопись начала XVII в. с интереснейшими мемуарами архиепископа сюздальского грека Арсения о событиях смутного времени; см. Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899, с. 198—199.

и среди турецких земель⁵¹. Само название Трапезунда всплывает подчас у составителей и редакторов самых разнообразных русских источников. Укажем на добавление XV в. в Уставе князя Всеволода. В Соловецком списке этого новгородского памятника редактор ввел отсутствующее в других списках замечание: киевский митрополит Михаил был взят князем Владимиром «от земля Трапизоньская к Белой Руси, к граду Киеву»⁵². Другой пример — упоминание трапезундской митрополии в русских летописях при изложении Устава (нотииции епископий) Льва Премудрого⁵³. С Трапезундской империей мы встречаемся и в произведениях древнерусской литературы, связанных с турецкой темой. В «Сказании брани венециан противу турецкого царя» говорится о покорении Трапезундского царства османами. И хотя эта повесть, вероятно, принадлежит к числу переводных произведений, она значительно переработана, приспособлена к русским вкусам и представлениям начала XVI в. Несмотря на историческую недостоверность многих свидетельств повести, сдвиги в хронологии событий, она верно оценивает общий ход османских завоеваний, указывает важнейшие из них. О Трапезундской империи говорится трижды на восьми страницах рукописи, в то время как даже Константинополь упомянут лишь раз (правда, сведения о его падении точные)⁵⁴.

Все приведенные данные, однако, на наш взгляд, не дают оснований говорить об особой роли Трапезундской империи как наследницы Византии в связях с Русью с 1453 по 1461 г.⁵⁵ Это было исключительно тяжелое время для империи Великих Комнинов. Интенсификация связей в этот период в источниках не прослеживается, не менялся и характер взаимоотношений. При всей значительности политических и церковных связей Трапезунд не мог иметь для Руси того же значения, что и Константинополь. Если бы Трапезунд мог казаться русским преемником Византии, это нашло бы адекватное выражение в русских источниках. Кроме того, и в этот период Морея имела более важное значение для Руси, чем Трапезунд⁵⁶.

Оценивая совокупность данных об отношениях русских земель с Трапезундской империей, можно констатировать, что сам характер источников выделяет на первый план сферу церковных связей. Материалов по истории торговли чрезвычайно мало. Но нельзя пренебрегать тем, что, несмотря на узость сферы церковного общения, сама эта сфера в средние века неотделима от политических и культурных связей, для Византии в особенности. Государственные взаимоотношения могли реализоваться в церковной политике и даже растворяться в последней⁵⁷. Это было логическим следствием положения церкви в средние века, выступавшей «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»⁵⁸. Нельзя упустить и еще одно обстоятель-

⁵¹ Это наблюдается почти во всех цитированных выше произведениях древнерусской литературы (см. прим. 37, 44); Акты исторические, т. I, с. 128. В Никоновской летописи «Трапизонская земля» обособляется от «турского салтана земли»; см. ПСРЛ, т. 13, с. 391 (под 1565 г.); ср. т. 30, с. 340—341; Казакова Н. А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 69—70. В конце XVII в. в Мазуринском летописце город Трапезунд — уже «арменския страны»; см. ПСРЛ, т. 31, с. 119.

⁵² Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 176.

⁵³ См., например: ПСРЛ, т. 5, с. 90—91.

⁵⁴ Казакова Н. А. Указ. соч., с. 69—70.

⁵⁵ Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 176 и прим. 114.

⁵⁶ См.: Тихомиров М. Н. Греки из Морей в средневековой России. — СВ, 25, 1964, с. 166—175.

⁵⁷ М. Н. Тихомиров писал, что «в средневековье церковная и гражданская политика смешивались в единое целое»; см.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией, с. 37.

⁵⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361.

ство: как явствует из источников XVI—XVII вв., восточные иерархи приезжали на Русь в сопровождении многочисленных торговых людей⁵⁹. Отмеченные свидетельства трапезундско-русских отношений, учитывая ограниченность и фрагментарность материалов, имеют более весомый смысл, чем только объективно содержащаяся в источниках информация: ведь в летописи и акты попадали лишь важнейшие факты, имевшие значение для социальных заказчиков этих источников. Ими отмечены немногие проявления экономических и торговых связей. Между тем историки искусства подчас считали возможным говорить о близости живописных школ Древней Руси и трапезундской области, связанной с Востоком⁶⁰. Но эта сторона взаимоотношений еще ждет своего исследователя.

---

⁵⁹ См.: *Каптерев Н. Ф.* Указ. соч., с. 117—118.

⁶⁰ См., например: *Алпатов М., Брунов Н.* Краткий отчет о поездке на Восток. — ВВ, 24, 1926, с. 62.

Я. Н. ЩАПОВ

ПРОХИРОН
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Среди известных восточным славянам памятников византийского права, таких как Эклога, Земледельческий закон, Номоканоны разных редакций и т. д., особенно широкое распространение получило на Руси руководство, известное под названием *Πρόχειρος νόμος*.

Издание Прохирона императором Василием I Македонянином в 870-х годах должно было положить начало большой работе по пересмотру и очищению старых законов». Формально он был направлен против Эклоги иконоборческих императоров, которая во введении к новому сборнику называлась «извращением законов», и должен был заменить этот юридический справочник, составленный во время укрепления свободного крестьянства на территории империи и стать новой компиляцией норм Юстинианова законодательства и позднейшего времени. В действительности реставрация в Прохироне Юстинианова права сочеталась с заимствованиями из этого иконоборческого сборника¹.

История Прохирона на Руси в составе отдельных сборников и компиляций изучалась А. С. Павловым², А. И. Соболевским³, М. И. Бенеманским. О связи Прохирона со статьями Пространной редакции Закона Судного людем писали Т. Сатурник и М. Н. Тихомиров⁴.

Бенеманский посвятил истории Прохирона в России специальное исследование, в котором показал значение этого памятника в истории права России⁵. Исследователь выделил три периода в истории применения норм Прохирона. Первый период связан с распространением отдельных частей памятника, ограниченных главным образом церковным правом, и охватывает время с конца X в. и до второй половины XIII в. Второй период — это история памятника в полном его составе до середины XVII в. В это время, по Бенеманскому, византийским кодексом пользовалось в основном духовенство, как привилегированный вотчинник, обладающий большим количеством населенных земель, где церковные власти чинили суд и расправу. Третий период — от указа царя Алексея Михайловича 1648 г.

¹ Издания текста: *Jus graeco-romanum*, ed. J. et P. Zepos, v. 2, Athenes, 1932, p. 114—228. С. Е. Zachariae von Lingenthal. 'Ο πρόχειρος νόμος. Heidelberg, 1837. Исследования: *Zachariae von Lingenthal* С. Е. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1892; Бенеманский М. И. 'Ο πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Сергиев Посад, 1906.

² Павлов А. С. «Книги законныя», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885; его же. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869, с. 13.

³ Соболевский А. И. Рец. на «Книги законныя» А. С. Павлова. — ЖМНП, т. 243, 1886, февраль; его же. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 180—183.

⁴ *Saturnik Th. Příspěvky k šíření byzantského práva u slovanů. Praha, 1922, s. 143, 154, 157; Тихомиров М. Н. Пространные списки Закона Судного людем. — В кн.: Закон Судный людем Пространной и Сводной редакций. М., 1961, с. 13—17.*

⁵ Бенеманский М. И. Закон градский. М., 1917.

о составлении Уложения и до XIX в. — время, когда начала Прохирона берет под свое покровительство светская законодательная власть, которая применяет их и измененном виде, а духовенство с утратой своих прав теряет нужду и в этом памятнике⁶.

Эта схема изменения значения Прохирона в России, построенная на данных только истории правовых отношений, не учитывает ряда других, в частности политических и идеологических, факторов, способствовавших вниманию к нему в течение этого длительного времени. Привлечение новых рукописей, содержащих тексты памятника XIII—XVII вв., позволяет несколько изменить эту периодизацию, выделив важный период XV—XVI вв., и обратить внимание на интерес к Прохирону в XVII в. не только в России, но и на Украине. Нас интересует здесь распространение славянских текстов памятника с древнейших времен и до того времени, когда в составе Уложения 1649 г. появились нормы Прохирона, а в Кормчей, напечатанной в 1650 и 1653 гг. в качестве официального кодекса православной церкви, был издан его полный текст.

Время появления славянского перевода Прохирона не определено в литературе. Русский историк славянского права Ф. Ф. Зигель, обосновывая свое мнение, считал, что перевод Эклоги, так называемого Земледельческого закона и Прохирона должен быть отнесен к Болгарии времени царствования Симеона⁷, т. е. к концу IX—первой четверти X в. Однако столь ранним можно считать перевод лишь отдельных частей памятника. Наследнику Симеона царю Петру (927—969) и его окружению не был известен 39-й его титул о казнях, где говорится о казнях еретиков. Об этом свидетельствует Послание патриарха Феофилакта (933—956) к Петру о богомилах⁸. К тому же, в составе славянской кормчей 14 титулов без толкований Ефремовской редакции, как считают исследователи, переведенной в Восточной Болгарии при Симеоне⁹, находится только три выписи из этого памятника, посвященные отдельным вопросам деятельности высшей церковной администрации. Это: 1) определение спорных степеней родства и свойства, препятствующих браку (титул 7)¹⁰, 2) установление об имуществе поступающих в епископство и монашество (гл. 1—4 титула 24) и 3) правила поставления епископов и попов (титул 28). Определению физического и духовного родства посвящена и выпись из Эклоги (гл. 2 титула 2)¹¹. Другие части «Градских законов» в кормчей воспроизведены не были.

Древнеславянская кормчая 14 титулов без толкований стала известна на Руси не позже XI в. — в памятниках этого времени есть следы использования ее текстов¹², а от XII в. дошел старший древнерусский ее список¹³. В XI—XIII вв. она представляла собой на Руси основной кодекс

⁶ Там же, с. 15—17.

⁷ Зигель Ф. Общественное значение деятельности Кирилла и Мефодия. — «Мефодиевский юбилейный сборник». Варшава, 1885, с. 16—17. Sigel F. Lectures on Slavonic Law. London, 1902, p. 16, 24.

⁸ Петровский Н. М. Письмо патриарха константинопольского Феофилакта к царю Болгарии Петру. — ИОРЯС, т. XVIII, кн. 3, 1913, с. 364, 370.

⁹ Соболевский А. И. Материалы и исследования, с. 124—122, 127. Vašica J. Collectio 87 (93) capitulorum dans les Nomocanons slaves. — BS, 120, 1959, N 1, p. 5—7; Шапов Я. Н. Рецепция сборников византийского права в средневековых балканских государствах. — ВВ, 37, 1976, с. 124—125.

¹⁰ Бенешевич В. Н. Синагога в 50 титулах и другие канонические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914, стр. 205; Горчаков М. И. О тайне супружества. СПб., 1880, стр. 149—150.

¹¹ Все эти статьи изданы: Шапов Я. Н. Новый список кормчей Ефремовской редакции. — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 266—269, 271.

¹² Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский помоканон, с. 15, 58—59.

¹³ ГИМ, Синод. 227. Этот старший список дефектен (с утратой листов) и не имеет выписей из Прохирона, находившихся в конце его. Старший полный список кормчей в первоначальном ее составе — ГПБ, ГИЛ.250, последней четверти XV в.

источников права восточной православной церкви, она распространялась и целиком, и в сокращенном виде. Однако и в сокращенном составе, представленном в Уваровском списке XIII в., выписи из Прохирона (в частности титулы 7 и 28) опущены не были¹⁴. Мало того, популярность этих установлений была причиной того, что те же фрагменты Прохирона были включены в состав Устюжского церковно-юридического сборника XIII в. (так называемой «Устюжской кормчей»)¹⁵, соединившего номоканон Иоанна Схоластика с Законом Судным людем и юридическими памятниками, появившимися на Руси в составе Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.

Эта кормчая, однако, не была единственным источником знакомства с нормами Прохирона в домонгольской Руси. Изучение источников устава князя Ярослава о церковных судах в Пространной редакции, которую можно относить к концу XII—первой четверти XIII в.¹⁶, показало, что в его состав входит небольшой кодекс права развода, очень близкий по содержанию и расположению статей к 11 титулу Прохирона (главы 5—10)¹⁷. Различие перевода этого текста с другими переводами, известными в древнерусской письменности, заставляет считать, что эти статьи заимствованы на Руси из греческого текста Прохирона, или, скорее, его источника—Новеллы 117¹⁸. Греческими текстами византийских юридических памятников пользовались на Руси митрополиты и епископы—греки по происхождению, бравшие с собой при выезде на Русь наиболее важные книги. Так, митрополит Иоанн II ссылается на правила, отсутствующие в славянском переводе в кормчей 14 титулов¹⁹.

Значительно полнее, чем в ранней кормчей, Прохирон представлен в славянской компиляции, рассчитанной на представителей не церковной, а светской власти, которая названа «Книги законные, ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем». Источник большей части статей (114 из 202) — Прохирон; из него включены нормы заключения и расторжения брака (гл. 26 и 27 титула 4, гл. 4 титула 5, гл. 28 титула 7 и весь титул 11), нормы процессуального (о свидетелях, титул 27), уголовного и пенитенциального права (о казнях, титул 39 и гл. 2 титула 26), порядок раздела военной добычи (титул 40). Кроме Прохирона, источниками «Книг законных» были Земледельческий закон (83 статьи) и Эклога (из нее заимствовано введение «Книг законных» и 5 статей)²⁰.

«Книги законные» существуют не в одной редакции, как это считал А. С. Павлов, а в двух. Старшая начинается Предисловием и Земледельческим законом, за которым следуют титулы Прохирона²¹, младшая (подробнее о ней ниже) является переработкой старшей.

¹⁴ ГИМ, Уваров, 124, лл. 172—174 об.

¹⁵ ПБЛ, Рум. 230, лл. 73 об.—79; ГБЛ, МДА 54, лл. 50 об.—54. См.: Бенешевич В. Н. Синагога..., с. 205.

¹⁶ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 248—254, 257.

¹⁷ Бенеманский М. И. Закон градский, с. 21.

¹⁸ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь, с. 248—254.

¹⁹ Русская историческая библиотека, т. VI. СПб., 1908, стб. 1—20 (подстрочные примечания в издании А. С. Павлова).

²⁰ Павлов А. С. «Книги законныя»..., с. 41—90. О Земледельческом законе в составе «Книг законных» см.: Литвиц Е. Э. К истории «Земледельческого закона» в Византии и в средневековых балканских государствах. — ВВ, XXIX, 1968.

²¹ Списки: 1) ГИМ, Увар. 264 (Царск. 48), опубликован Павловым в указанном издании. Рукопись середины XV в., происходящая из Усть-Выми, с крайней северо-восточной территории Русского государства, где функции государственной власти в конце XIV—XV в., отправляли местные пермские епископы; 2) ГБЛ, Муз. 6634, конец XVI—начало XVII в., без начала, в конволюте с Судебником 1550 г. Рукопись по составу и времени близка к той, которая была использована С. Вашиловым (Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику, и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768). Список любезно указан В. Д. Назаровым. См. также: ГПБ, К-Б 9/1086.

Происхождение «Книг законных» неясно: в языке компиляции, наряду с русскими, есть южнославянские черты (тоужди, моужета), в терминологии — и ранние реалии, современные Пространной Правде (рѣз, холоц, рота, лице), и поздние, XIV—XV вв. (казна, грош). Наиболее убедительно мнение Павлова о русском их происхождении конца XII—начала XIII в. и переменах в тексте в процессе их применения на Руси²². Перевод Прохирона в «Книгах законных» отличается от перевода полного его текста в Сербской кормчей²³, ставшего хорошо известным на Руси с последней четверти XIII в. Поэтому, если «Книги законные» возникли на Руси, это могло быть действительно не позднее 1260—70-х годов, когда полный новый перевод еще не был распространен.

Таким образом, до середины XIII в. на Руси были известны разделы Прохирона, содержащие нормы заключения и расторжения брака (в нескольких переводах и обработках), отдельные нормы уголовного и процессуального права, а также правила поставления епископов, касающиеся и имущественных отношений в этом случае. Сборники, содержащие эти нормы, были адресованы как светскому, княжескому суду, так и церковному.

Полный перевод Прохирона появился на Руси во второй половине XIII в. в составе кормчей так называемой Сербской редакции, как глава 55. Это была кормчая (номоканон) в 14 титулах расширенного состава и с толкованиями правил XII в. Алексея Аристина и Иоанна Зонары, которая сложилась в славянском варианте в конце XII—начале XIII в., вероятно, на Афоне в связи с деятельностью Саввы Сербского. Перевод Прохирона получил здесь заглавие «Закона градстаго главы различны в четырех десятих гранех, от них же 28-я о поставленьи епископ и презвитер», т. е. в нем вновь подчеркивалось наличие в этом кодексе правил поставления епископов и попов, которые были известны на Балканах и на Руси еще со времен перевода кормчей Ефремовской редакции.

В переводе Прохирона (как и других частей кормчей) принимали участие, вероятно, и русские монахи афонских монастырей, в которых находился Савва до поставления его епископом. На это указывает использование в переводе, наряду с южнославянской, также древнерусской лексики, сохранившейся в сербских списках XIII—XVII вв.²⁴ (пращур — Прохирон, грань 7, гл. 1; отчим и падщерица — Прохирон, грань 39, глава 69) и снабженной сербскими глоссами, объясняющими значение слов.

Новый перевод Прохирона получил распространение сразу после его появления на Руси. Появились первые полные его списки, из которых сохранился ранний Рязанский список 1284 г. и большое число списков XV—XVII вв. Новый перевод лег в основу местной переработки Прохирона, 1260—1270-х годов, о которой ниже.

Хотя Прохирон попал на Русь по инициативе местного церковного главы и в составе сборника церковного права, он получил здесь более широкое значение и как пособие для светского суда, причем довольно рано, уж по крайней мере с начала XIV в. На это указывает включение его в состав двухчастного юридического и поучительного сборника «Мерило праведное», известного в списках XIV—XVI вв.²⁵ Как показывает изучение содержания обеих его частей, собрания поучений о праведных судьях, князьях и властелях и юридического сборника, включающего также иконоборческую Эклогу, он предназначался церковными состави-

²² Павлов А. С. «Книги законныя». . ., с. 16—19, 25.

²³ Сравнение различных текстов см. там же, с. 14—15; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь, с. 252—253.

²⁴ Издание текста: Дучић Н. Крмчаја Морачка. Гласник Српског ученог друштва, књ. VIII, отд. III. Београд, 1877, с. 34—134.

²⁵ Мерило праведное по рукописи XIV в. М., 1961, с. 463—666.

телями в качестве руководства для княжеского суда. На это указывает и обращение к князьям в «посвящении» и предисловии к сборнику; о таком назначении сборника говорит и исследование выходной миниатюры в Троицком списке, оказавшейся изображением царя Соломона в виде «справедного» судьи²⁶.

В составе Мерила праведного Прохирон в полном составе распространяется в XIV—XVI вв. в Северо-Восточной Руси, на территории Русского централизованного государства, представляя собой скорее всего пособие для решения тех имущественных, наследственных дел, для которых Пространная Правда и обычное местное право до Судебников конца XV—XVI в. не содержали достаточно материала.

Особое значение в градостроительной практике на Руси (т. е. вновь в светской сфере управления) имел, как считает Г. В. Алферова, титул 38 («О здании новых домовъ и поновлении всѣхъ ихъ, и о инѣхъ вещехъ»), который затрагивает все стороны благоустройства и реконструкции средневекового города. Совпадение и принципов, и конкретных решений русского средневекового градостроительства с нормами Прохирона позволяют исследователю видеть в этом памятнике действующий кодекс русского строительного права²⁷.

Полный текст Прохирона, включающий титул 39 «О казнях», был, вероятно, одним из источников при создании Пространной редакции Закона Судного людем. М. Н. Тихомиров установил заимствования в составе этого русского памятника из ряда статей 39 титула²⁸. Создание Пространной редакции Закона исследователь относит к XIII—началу XIV в.²⁹ Появление на Руси полного текста Прохирона во второй половине XIII в. может сузить эту датировку памятника. Если формулы в статьях Пространного Закона считать заимствованными из титула «о казнях» в составе Кормчей, с которым дает сравнение М. Н. Тихомиров, а не в составе «Книг законных», то возникновение памятника нельзя датировать ранее 70-х годов XIII в.

Наряду с полным текстом Прохирона, большим распространением пользовался с 1270-х годов, в конце XIII—XVI в. сокращенный текст этого нового перевода. Это сокращение возникло очень скоро после появления Прохирона на Руси, еще при митрополите Кирилле, в 1260-х гг., скорее всего, в Киеве, при Софийской кафедре. Оно связано с созданием в это время местной, Русской редакции кормчей на основе двух предшествующих, Ефремовской и Сербской редакций³⁰. В новой Кормчей были оставлены только пять титулов Прохирона, посвященных двум темам: все те же правила заключения (титулы 1—3) и расторжения (титул 11) брака, а также порядок передачи движимого и недвижимого имущества при жизни или по завещанию (гл. 12). Все остальные титулы Прохирона, в том числе 38 (о строительстве) и 39 (о казнях), в новую Кормчую не попали. Наряду с указанными пятью титулами нового перевода в Русскую редакцию были включены и древние фрагменты Ефремовской кормчей (титулы 7, 28, часть титула 24) о поставлении епископов и их имуществе и о препятствиях браку, которые сохраняли, следовательно, значение в юридической практике.

²⁶ Вадорнов Г. И. Из истории искусства русской рукописной книги XIV в. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 162—167.

²⁷ Алферова Г. В. Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства. Ее влияние на художественный облик и планировку русских городов. — ВВ, 31, 1973, с. 195—220; *ее же*. «Кормчая книга» и Законы градские. — «Художник», 1971, № 7, с. 36—41.

²⁸ Тихомиров М. Н. Пространные списки Закона Судного людем. — В кн.: Закон Судный людем Пространной и Сводной редакций. М., 1961, с. 14—15.

²⁹ Там же, с. 21.

³⁰ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси (кормчие книги) в XI—XIV вв. Автореф. докт. дисс. М., 1975, с. 32—38.

Таким образом, в церковной юрисдикции, а Кормчая книга, связанная своим происхождением с митрополитом Кириллом, была официальным пособием в церковном управлении и суде, продолжали ценить нормы заключения и расторжения брака, регулирования имущественных отношений, поставления епископов и попов.

Это отношение к Прохирону церковных властей объясняется, очевидно, не тем, что византийские нормы брачно-семейного права были известны древнерусским церковным судьям давно, еще с XI в., а другие нормы гражданского и уголовного права были для них новостью. Различие в отношении к византийскому памятнику светских и церковных юристов в XII—XIV вв. нужно, очевидно, объяснять неодинаковым объемом юрисдикции каждой из сфер суда и администрации в это время. Церковными властями были взяты на вооружение те нормы права и разделы памятника, которые входили в церковную юрисдикцию, а опущены те, которые были за ее пределами³¹. В княжеском же судопроизводстве и административной деятельности, пособием для которых должен был стать сборник Мерило праведное, текст Прохирина мог использоваться более широко и он был полностью включен в этот сборник.

Определенные изменения в отношении к Прохирону прослеживаются в XV и особенно в XVI вв. и это время можно выделить в особый период истории памятника на Руси.

В XV—XVI вв. на Руси нормы Прохирина не только не теряют своего значения, но привлекают большой интерес и светской, и церковной власти. О том, что идеи и принципы этого византийского памятника находят в это время поддержку со стороны власти, говорят неоднократные ссылки на «Градские законы» в учительных и полемических сочинениях русских церковных деятелей XV—XVI вв., в частности митрополитов Киприана и Феодосия³². В отличие от раннего времени, когда Прохирином интересовались церковные юристы, которые обращались главным образом к брачным и семейным нормам памятника, теперь он привлекает внимание также церковных и государственных политиков, которых интересуют жестокие нормы наказания преступников, права церковных организаций на владение землей и крестьянами. Эта растущая популярность «градских законов» прослеживается не только в Северо-Восточной Руси с центром в Москве, но и на других территориях Руси, в частности в Западной Руси, где при переработке устава Ярослава в начале XV в. появляются ссылки на «градскую казнь»³³.

На рубеже XIV и XV вв. была переработана старшая Уваровская редакция «Книг законных». В результате перестановки частей этой компиляции и вынесения вперед 39 титула, в новой Архангельской редакции было обращено особое внимание на титул 39 «о казнях», за которым следовали поучения к судьям и властелям, а за ними — титулы 40, 11 и 27 из Прохирина. Земледельческий закон вместе с заглавием компиляции и предисловием оказался в заключительной части³⁴. Возникновение младшей редакции может быть связано с созданием сборника Архангель-

³¹ Об объеме церковной юрисдикции см.: *Щапов Я. Н.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв. — В кн.: *Польша и Русь*. М., 1974.

³² Грамота митрополита Киприана 14 июня 1404 г. (РИБ, т. VI, стб. 243). Послание митрополита Феодосия во Псков 1463—1465 гг. (там же, стб. 703); ссылки на «градские казни» в посланиях в Новгород Ивана III и митрополита Геронтия 13 февраля 1488 г. (там же, стб. 760—764). См. также: *Бенеманский М. П.* Закон градский, с. 108—111.

³³ *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь, с. 240.

³⁴ А. С. Павлов отметил другой порядок расположения частей памятника в некоторых списках («Книги законных», с. 41, прим. 1); см. также: *Бенеманский М. П.* Закон градский, с. 412.

ского типа, неизменной составной частью которого она является³⁵. Можно предположительно связать сложение этого сборника с Полоцком начала XV в.³⁶

Полный текст Прохирона именно в это время вытесняет сокращения и выписи, которые удовлетворяли прежних русских юристов. На территории Русского государства он переписывается в составе Кормчей Сербской редакции (6 списков XV—первой половины XVII в.) и в новых сводных редакциях — в Кормчей, соединенной с Мерилом (Чудовской редакции, 37 списков XV—XVII вв.), в Кормчей Мясниковской редакции (7 списков XV—XVI вв.)³⁷. Находит он новое распространение и в составе Мерила праведного, ставшего в XVI в. в высших церковных судах пособием в борьбе за традиционные привилегии церкви и защиту ее интересов государственной властью³⁸.

На практическое значение Прохирона в судопроизводстве на Руси в XVI—XVII вв. может указывать, наряду со включением его в новые сводные кормчие этого времени, также распространение его списков вне кормчих и Мерила праведного. В этом отношении первостепенный интерес представляют сочетания ранних «Книг законных» с Судебником 1550 г. в сборнике — конволюте конца XVI—начала XVII в., названном выше, и полного текста Прохирона и Эклоги с Уложением 1649 г. и новоназванными статьями 1685 г. в рукописи конца XVII в. (ГПБ, Ф. II. 72).

В связи с содержащимися в Прохироне рекомендациями о наказании еретиков и отступников от веры, с имеющимися в этом памятнике указаниями на «села» и «имения», принадлежащие церкви, вокруг него велась борьба между представителями различных и враждебных взглядов на место церковной организации в России и функции, которые она должна иметь.

Прохирон вместе с большей частью «градских законов» не был заимствован Иваном Волком Курицыным в переписанный им в конце XV в. сборник³⁹. Определялся ли пропуск Прохирона активным отношением самого составителя сборника или всего лишь источниками, которые были в его распоряжении?⁴⁰ В обоих правовых сборниках, которыми он пользовался, и в Мериле праведном (заглавие сборника, предисловие с посвящением, поучения о праведных судьях заимствованы из первой части Мерила, Русская Правда — из второй части), и в кормчей Сербской редакции (из нее взяты не только соборные правила, но и болгарские записи, связанные с изготовлением списка и посылкой его на Русь), Прохирон находился в полном виде. Однако, заимствовав из Мерила «Избрание от закона» Моисеева, Правило о церковных людях — трактат в защиту привилегий церкви и ее землевладения, Правду Русскую, составитель не сделал этого с «градскими законами», в том числе с Эклогией и Прохироном. Это нельзя считать случайным.

В XVI в. полемика об авторитетности, каноничности, этого византийского кодекса права продолжалась. Она отразилась в высказываниях самих деятелей осифлянского и нестяжательского лагерей, а косвенно и

³⁵ ГБЛ, Овчин. 156 (оригинал Крестининского списка, о котором писал Павлов на с. 5—6); ГПБ, Ф. II. 251; О. XVII. 178; БАН, 45.10.4; ГИМ, Увар. 482; Увар. 611 (Царск. 414); Барс. 166.

³⁶ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь, с. 106—109, 219.

³⁷ Об этих редакциях Кормчей см.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской правде. М., 1940, с. 107—138.

³⁸ ГИМ, Синод. 525, конец XV в., лл. 256—349 об.; ГПБ, Кир.-Бел. 145/1222, середина XVI в. лл. 300—329; ГИМ, Синод. 524, 1587 г., лл. 285—394 об. М. Н. Тихомиров писал о «Мериле», что сборники с этим названием распространились в среде высшего духовенства. Из четырех списков три принадлежали митрополитам XVI в. Иоасафу, Макарию, Дионисию.

³⁹ ГБЛ, МДА 187.

⁴⁰ Такой вопрос ставит Я. С. Лурье в рецензии на кн.: Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли первой трети XVI в. Л., 1970 — «История СССР», 1972, № 4, с. 167.

в вышедших из их рук сборников. Митрополит Даниил обвинял Вассиана Патрикеева, сделавшего выборку статей из кормчей, что он не уделил в ней нужного места «градским законам», которые следовали в кормчей после использованных им правил⁴¹. Последний, действительно считал, что все, что написано о наказаниях еретиков кроме евангелия, апостола, соборных и отеческих правил — достойно осуждения и проклятия⁴². В кормчей, переписанной Вассианом, Прохирона и других «градских законов» действительно нет.

На настроенном отношении к нормам «градских законов» о казнях настаивали и те византийские толкования к правилам, которые только теперь стали актуальными для русских полемистов и получили доступ в сводные кормчие и сборники правил. Так, в сборнике середины XVI в., включающем также Устав Иосифа Волоцкого Минеиной редакции, известное 27-е апостольское правило, запрещающее священнослужителям применять физические наказания грешников и неверных, сопровождается шестью толкованиями византийских юристов и богословов, в том числе комментарием Феодора Вальсамона, который, прямо противопоставляя заповеди Христа «Закону градскому», осуждает применение последнего⁴³.

В обстановке отрицательного отношения к Прохирону и другим «Градским законам» со стороны нестяжателей, Иосиф Волоцкий, горячо защищая авторитет этих кодексов, ставил их на один уровень с каноническими сочинениями, входившими в состав кормчих⁴⁴. Это подтверждает и состав рукописей, вышедших из официальных кругов середины второй половины XVI в. В сборник середины века, составленный в Иосифо-Волоколамском монастыре, оказались внесены собрание новелл Юстиниана в 87 главах, новеллы Алексея I Комнина и текст Прохирона, причем без пропусков, характерных для ранней Русской редакции XIII в.⁴⁵ Полный текст Прохирона включается и в связанные с митрополитской кафедрой сводные редакции кормчих: Годуновскую, второй половины XVI в., Белозерскую, конца XVI в.⁴⁶

На территориях Украины и Белоруссии, входивших в состав Литовского и Польского государств, полный Прохирон был известен в XIII в.

⁴¹ «В той божественной книге апостольская правила и седми вселенских соборов и поместных и особ сущих, иже последуют священным правилом градския закони, малую сию некую часть ко твоему малоумию угодна писал, а иная вся разметал...» (Казанова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 286; см. также с. 285).

⁴² «Аще ли кто речет, приведуя от ветхага закона к новому закону христову, что еретиков казнити лютыми казньми, убивати — и мы противу сему речем: Аще... от евангелия, и от апостольских посланий во апостоле, и от святых правил седми собор, и от поместных — сие приемлем. Аще ли же кто что нововведет, или что приложит, или уложит... в святых правилах сего иноязычника и мытари именует и проклятию предает» (там же, с. 274).

⁴³ ГИМ, Шукин. 363, середина XVI в. Здесь толкования 27 апостольского правила Алексея Аристина, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Иоанна Зонары, Матфея Властаря, Феодора Вальсамона. В толковании Вальсамона говорится: «господское учение» повелевает: «бьющему в десную ланиту обращати и шуюю». «Градский же закон съпротивное повелевает глаголя: леть (можно) есть силою силу отрывати и оружию оружия. Но словеса сиеваго закона уразумеются в мирских, и сия по страсти, а не по закону Христову. Заповедь бо господня соборна сущи къ всем» (л. 246 об.) См. также: Правила святых апостол с толкованиями. М., 1876; с. 60. На этот список, а также на указанный в сноске 45 любезно указала Н. В. Синицына.

⁴⁴ Градские законы подобны суть пророческим, и апостольским, и святых отец писаниям (Просветитель Иосифа Волоцкого. Казань, 1904, с. 588).

⁴⁵ ГИМ, Синод. 759, лл. 136—175 об. См.: Горский А., Невострюев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2, ч. 3. М., 1862, с. 608—609. Здесь текст Прохирона обрывается на грани 11 из-за последующей утраты части конволюта.

⁴⁶ О Белозерской редакции кормчей и повести, основанной на толковании 27 апостольского правила в ней, см.: Брюсова В. Г., Шапов Я. Н. Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом. — ВВ, 32, 1971, стр. 91—92.

в составе кормчих Сербской редакции (9 списков XV—первой половины XVII в.) и украинской, Киево-Академической редакции (5 списков). В Кормчую Тарновской редакции XV в. Прохирон также входит в полном составе⁴⁷.

Когда правительство царя Алексея Михайловича предприняло в середине XVII в. ряд кодификационных мероприятий и вслед за Уложением в 1649—1653 гг. была издана так называемая Печатная Кормчая, как официальное собрание традиционных памятников церковного права, в отношении к «градским законам» была сохранена позиция церковной власти, возобладавшая в XVI в. В основу печатного издания был положен текст Сербской редакции с полным Прохироном, а кроме того, вслед за ним, была включена и Эклога, отсутствующая в этой редакции. Издание было выполнено по поздним спискам XVI—XVII вв., что привело к многочисленным искажениям в печатном тексте Прохирина сравнительно с греческим оригиналом и даже ранними русскими списками⁴⁸.

Интерес к Прохирону со стороны правительства России XVII в. проявляется не только в этом включении его в пособие для церковного суда, но и в использовании его норм в Уложении 1649 г.⁴⁹ «Градские законы греческих царей» указаны в предисловии к Уложению в качестве одного из основных его источников. Действительно, сравнительное изучение памятников показало, что в этом государственном судебнике есть нормы и формулы, заимствованные из 17, 38, 39 и многих других титулов Прохирина, развитые авторами этого русского законодательного памятника применительно к местным условиям⁵⁰. Исследователь византийских источников Уложения Н. И. Тиктин писал, что в этот судебник вошли только те нормы византийских памятников, которые уже ранее, в результате использования Кормчей книги, были приняты в русском обществе⁵¹.

На украинских землях, находившихся в первой половине XVII в. в составе феодальной Речи Посполитой, Прохирон также привлекал внимание, но, конечно, не государственной администрации, а читателей-украинцев, видевших в его положениях некоторые нормы, подходящие к местным условиям. Памятником такой неофициальной «рецензии» византийских норм являются украинские глоссы, сделанные скорописью XVII в. в списке Кормчей, связанным с Межигорским монастырем под Киевом. Некоторые из заметок на полях носят иронический характер, показывая неактуальность для Украины XVII в. материалов сборника, но большая их часть представляет собой изложение отдельных норм или просто перевод текста. Очевидно, критический и иронический характер некоторых маргиналий был причиной того, что большая их часть оказалась позднее стертой. Стерты маргиналии и к основной части Прохирина.

⁴⁷ Библиотека Ягеллонская в Кракове. Акс. 71/1952, с. 450—556 (гл. 95).

⁴⁸ М. Бенеманский приводит немало таких искажений первоначального смысла в печатном тексте XVII в. (указ. соч., с. 227—247). Сравнение этих мест с текстом Мерила праведного показывает, что большая часть измененных ошибочных чтений появилась в позднейших списках.

⁴⁹ О Прохироне, как одном из источников Уложения см.: *Тиктин Н. И.* Византийское право как источник Уложения 1648 г. и новоуказных статей. Одесса, 1898; *Бенеманский М.* Закон градский, с. 184—223. С. В. Юшков («История государства и права СССР», ч. I. М., 1950, с. 255) и вслед за ним К. А. Софроненко («Памятники русского права», вып. 6. М., 1957, с. 12) считают, что ссылка в Уложении на византийские «градские законы» была вызвана лишь желанием московских царей придать авторитетность их законодательной деятельности, и, отвергая заимствования из этих законов, обосновывают это тем, что основы византийского права были известны на Руси еще со времен Древнерусского государства.

⁵⁰ Например, из 38 титула Прохирина: о запрещении использовать общую стену двух домов для пристройки к ней печи (титул 38, гл. 17; Уложение, гл. 10, § 278), о запрещении спускать нечистоты с верхних помещений домов на нижние (титул 38, гл. 18; Уложение, гл. 10, § 279). См.: *Бенеманский М.* Закон градский, с. 212—213.

⁵¹ *Тиктин Н. И.* Византийское право, стр. 32.

Лишь к последним его титулам, 28—40, приписки сохранились⁵². Украинские записи на полях содержат не только перевод-пересказ (грань 39, гл. 51, 64, 74, 81) или краткое изложение некоторых норм Прохирона⁵³, но и приспособление их к местным условиям первой половины XVII в. (грань 39, гл. 5, 9, 14)⁵⁴, а также развитие этих норм. Таким развитием представляются маргиналии к грани 39, гл. 82, где более аргументированно, чем в оригинале⁵⁵ дифференцирована ответственность за убийство в случае открытого поединка и при преследовании убийцей жертвы⁵⁶.

Однако на территории собственно Польши, для населения, исповедовавшего православную веру и руководствовавшегося собраниями правил восточной церкви, нормы светского государственного права Византии не были актуальны. Это население было подданным польского короля и управлялось польскими государственными законами. Люблинский священник Василий в Кормчую, составленную им в 1604 г. на основе славянских и латинских переводов византийского номоканона⁵⁷, включил только апостольские, соборные и отеческие правила. Ни один памятник, содержащий императорские установления, в том числе Прохирон, в это собрание не попал.

⁵² ГИМ, Барсов 162, 1620-е годы, лл. 251—263.

⁵³ Грань 34, гл. 10 о выкупе при освобождении рабов: «И чл[о]в[ѣ]к чл[о]в[ѣ]ку не ровни: мужик дешевшій, ремесник дорогшій; «За лаценника 50 червоних, а за цѣлорника 60 червоних, за рѣзанця (скопца) 70 червоних». Грань 38, гл. 28: «Не годится сусѣда своего стѣни посикати или каляти»; гл. 30: «Драбина на межѣ повинна стояти»; гл. 64: «Неволикам и хорым не треба упиватися для того, щоб хоріе оздоровѣли, а неволики щоб [не] утекли з неволѣ». Грань 39, гл. 41 (42): «Як хто застане кого з своєю жонкою и забіе его, не маш ему грѣха»; гл. 44 (45) о соучастниках прелюбодеяния: «Ходатаи — то есть баби або хлопцѣ»; гл. 45 (46): «Судии неправедному и свѣдковѣ — язык [урѣзати]»; гл. 47 (48): «Хто между переорут»; гл. 49 (50): «Если просив пойхати за мило, а пойхав 3»; гл. 50 (51): «Як заимеш [овну] у житѣ — дай исти»; гл. 51 (52): «Если скотина набѣжит на тую скотину, що пасеться на своего пана полю и она нѣби отгоняючи ей с свое(го) пана поля ей забіе, то пан не виноват. Але если тая чужая забіе тую, що с (я) пасет на своим полю, то той другій пан повинен за забітое заплатити»; гл. 54 (55): «Пан повинен приказати слугѣ, щоб отдав крадѣж або его отдати обезденному»; гл. 60: «Як богатій согрѣшит, то толко даст 36 червоній. А коли убогій, то по та бити, щоб достало за 36 червоних»; гл. 63 (64): «Если жонки не карает, его бити»; гл. 64 (65): «Хлопец як согрѣшит с дѣвчиною, нех ей возмет; а коли не хочет — нех ей даст 72 червоних. А если убогій — то нех даст половину ей своего господства. А если барзо убогій — так бити, як собаку»; гл. 74 (76): «Если хто пустит пожар на своем пустом грунту, а около его будут чужіе грунты не пустіе, але будет на них що [...] и от его пожару погорит и чужое доброе, а он або не искусній в том, або не могли оборонити чужого, або не хотячи тое вчинив, не виноват за то»; гл. 75 (77): «Не вивоват той, от кого ся огонь загорит»; гл. 76 (78) об отравлении: «Як хто кого отруит — шію утяти»; гл. 81 (83): «Если хто кого ударит шаблею, хоча й не будет рани, треба ему руку отѣяти»; гл. 84 (85): «Що рукою ударит и умрет, тавет(о) не судити на см(е)рть» (л. 263 об.). В скобках указаны номера соответствующих глав Прохирона по печатной кормчей, если они отличны от нумерации в списке.

⁵⁴ Грань 39, гл. 5: «Як товариш товариша продаст — руки отѣяти, або даст чл(овѣ)ка татаром за родича»; гл. 9: «Татарам и ляхам не продавати шаблѣ»; гл. 14: «Клеветник — що кого зовет пред паном францоватим»; гл. 52 (53): «Кзаки не кровте, бо руки утнут вам»; гл. 72 (74) о мужеложестве: «От сего нехай избавит Х(ри-сто)с б(о)г нас и прес(вя)тая Б(огороди)ца, щобисмо не знали. А тих, що тое чинят, щоби их земля пожегла, або перун побив»; грань 40: «Наука, як раздѣляти здобич звѣтяживши неприятеля. Дай, г(оспо)де б(о)же, щоб и(а)ши христіане вигубили татаров и турков и да би дѣлилися их имѣнием. Аминь».

⁵⁵ «Сваде между некими бывши, аще приключится кому убиену быти, судии да видят сосуды ими же сотворится смерть, и аще обряцут дровом дебельым, или каменем великим, или пханіем смерть бывшу, се сотворшему руде да усекуть. Аще ли легчайшими казньми прилучится смерти быти, бывше сего да и женут». (Кормчая, напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912, л. 493).

⁵⁶ «Если един другого визов(ет) на поединок и один другого забіе, такого бити и вигна(ти). А если один пред другим утѣк, а от за ним гонив и двери виломав або каменем уби, такому руки утяти». (ГИМ, Барс. 162, л. 263).

⁵⁷ ГБЛ, Рум. 237, список XVII в.

Изучение рукописной традиции славянских переводов Прохирона в русских, украинских и белорусских рукописях XII—XVIII вв. дает новый и важный материал для выяснения места этого памятника в различные периоды истории права восточнославянских народов. Повторим основные выводы нашей работы.

В XI—XIII вв. (до 1260-х годов) на Руси были известны переводы отдельных частей Прохирона, посвященные таким вопросам практической деятельности церковной администрации, как определение спорных степеней родства и свойства, препятствующих браку, правовое положение имущества поступающих в епископство и монашество и правила поставления епископов (в Кормчей Ефремовской редакции), а также нормам заключения и расторжения брака, процессуального и уголовного права, полезные для светских судей (в составе «Книг законных»).

Во второй половине XIII в. на Руси становится известным перевод полного текста Прохирона, однако в составе сборников церковного права в течение первых веков, в период феодальной раздробленности он не находит значительного распространения. В местную, древнерусскую редакцию Кормчей 1260—1270-х годов, связанную с деятельностью митрополита Кирилла, из полного Прохирона было включено только пять титулов, посвященных правилам заключения и расторжения брака и порядку отчуждения имущества. В то же время полный текст Прохирона распространялся в юридических сборниках, предназначенных для светских, княжеских органов суда и управления, а также в списках Кормчих, восходящих не к Русской редакции, а к ее источнику — Сербской кормчей.

Внимание к Прохирону в полном составе, с титулами «о казнях», в том числе о преследованиях еретиков и вероотступников, об имущественных отношениях, со строительным уставом, проявляется в XIV—XVI вв., когда, с одной стороны, этот памятник включается в Кормчие книги новых редакций, связанных с московской митрополичьей кафедрой, а с другой — выбрасывается из состава церковно-юридических сборников представителями оппозиционных еретической и нестяжательской групп.

Наращение интереса к Прохирону в процессе укрепления Российского централизованного государства сопровождается распространением списков полного текста этого памятника и приводит к типографскому изданию его в составе московской кормчей 1649—1653 гг. и к включению его норм в Соборное уложение 1649 г.

На территории Украины Прохирон был не только также широко распространен в XVI—XVII вв., но и имел своеобразную местную неофициальную рецепцию, заключающуюся в переводе статей памятника на украинский язык, переработке и развитии некоторых его норм.

Г. В. ХАУССИГ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГУННОВ

Исследователь, который ставит своей целью рассмотреть свидетельства о происхождении гуннов, должен начинать с известного сообщения Аммиана Марцеллина в «Римской истории». Данные Аммиана о происхождении гуннов ограничиваются, в сущности, его замечанием о том, что гунны пришли с севера, от океана¹. Совершенно очевидно, что в данном случае воспроизведены не точные исторические факты, а лишь мифические данные. В комментарии к Апокалипсису Андрея Кесарийского гунны названы гиперборейями². По свидетельству Приска о переселении народов, начавшемся с аваров, пары океана и истребляющие все грифы наставили некий упомянутый Приском народ покинуть свои жилища, а этот народ, в свою очередь, вынудил переселиться аваров³.

Океан, гипербореи и грифы хорошо известны из тех мифов, которые Геродот передает в своем рассказе о происхождении скифов⁴. По Геродоту, одноглазые мифические существа аримаспы вынудили к переселению исседонов, которые из-за этого сами отправились в путь и вытеснили скифов⁵. Согласно другой легенде, приведенной Геродотом, скифов изгнали массагеты⁶. Аммиан также упоминает массагетов, отождествляемых им с аланами, которых покорили гунны⁷.

¹ *Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt*, ed. C. U. Clark, vol. II. Berolini, 1915, p. 557, 7.

² PG, t. 106, 416. В: Народы гог и магог, с которыми здесь отождествляются гунны, были, по представлениям древних израильтян, северными народами.

³ *Priskus Panites. Excerpta de legationibus*, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 386, 7—16. Издание Боора экскеритов Константина Багрянородного из труда Приска не учитывает полный текст соответствующего места, содержащийся в словаре Суды (ed. A. Adler, I, p. 4—14). Ср. также исследование Д. Моравчика «Zur Geschichte der Onoguren» («Ungarische Jahrbücher», Bd. X, 1930, S. 55), в котором доказано, что цитата словаря Суды является частью первоначального текста Менандра.

⁴ *Herod.*, IV, 13. Данные Геродота в данном случае восходят к труду Аристеев. Скифское обозначение упоминаемых здесь грифов звучит в греческой передаче как «Ταρκυναίοι» (Стефан Византиец: *Ταρκυναίοι*). По Геродоту, гипербореи жили у океана. За ними следовали грифы и аримаспы. Аримаспы (по Геродоту, это скифское название со значением «одноглазый» — IV, 27) похищали золото у стерегущих его грифов (III, 116).

⁵ *Herod.*, IV, 13.

⁶ *Ibid.*, IV, 11.

⁷ *Ammian. Marcellin.*, p. 559, 13. Аммиан говорит также о местах обитания аланов, восточной границей которых он называет Ганг в Индии (p. 559—560). Какая из групп аланов здесь подразумевается, становится ясно из идентификации их с массагетами, чье местожительство известно по походу Кира. По Геродоту, массагеты жили восточнее Каспийского моря (I, 204). Как явствует из одного фрагмента Бероза (*Schnabel P. Berossos. Leipzig—Berlin, 1923, fragm. 55*), Кир был убит массагетами на равнине Даа. По Страбону (XI, 555), даи, а следовательно и массагеты, жили у Окса. В этом пассаже Страбона речь идет об Арсаке, основателе Парфянского государства.

Не подлежит сомнению, что переданные Геродотом мифы о скифах имеют прямое или косвенное отношение к рассказам, переданным Приском, Аммианом и Андреем Кесарийским. Возникает вопрос об их общем источнике. Если у Аммиана и Андрея Кесарийского сведения о происхождении этих рассказов отсутствуют, то у Приска они есть. То, что Приск рассказывает об истоках переселения народов, которое, подобно описанному Аммианом переселению гуннов, начинается с океана, общают, наряду с другими, и послы оногуров, принятые императором Львом I⁸.

По Феофилакту Симокатте, обозначение народа, названного у Приска аварами, является неверным, ошибочным по вине оногуров, сабиров и барселтов, так называвших пришедшие в их области народы. В связи с этими переселенцами неоднократно говорится об огурах, которые приняли эти имена по их прежним властителям *War* и *Kunpi*⁹.

Где же состоялась встреча уар и хунни с оногурами и другими гуннскими народами? Орхоно-енисейские надписи, китайские источники а также Феофилакт упоминают о пребывании оногуров в районе между Сырдарьей, Чу и Или¹⁰. Второе упоминание относится к району, расположенному непосредственно к северу от Дарьяльского ущелья на Кавказе¹¹, и, наконец, третье — к району в устье Дона¹². Так как авары, по греческому преданию, только в 558 г. покинули свои жилища в Западном Туркестане¹³ и оттуда, как сообщает очень обстоятельный исто-

⁸ Ср. выше, прим. 3; упоминаемые также в рассказе Приска авары причислялись, как явствует из Геродота (IV, 36), к гиперборейям, жившим у океана. Употребленное Геродотом в качестве обозначения некоего лица имя *Abaris* было, наряду с *Abaros*, и в византийское время обычным обозначением аваров. Об этом свидетельствует и статья «*Abaris*» в словаре Суды.

⁹ *Theophylacti Simocattae Historiae*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 258, 19; 259, 4, где сообщаются данные о замене названием «авары» названий «уар» и «хунни». По Феофилакту Симокатте (p. 258, 4—19), в связи с так называемыми аварами речь идет об огурах, которые по их прежним властителям назывались «уар» и «хунни».

¹⁰ Ср.: *Chavannes E. Documents sur les Tou-kieue (Turcs) occidentaux*. St.-Petersburg, 1900, p. 56. Из китайских источников явствует, что племя, для которого употреблялись названия «Десять племен» и «Десять стрел» (китайцы объясняют в данном случае значение тюркских названий *On ogur* и *On oguz*), располагалось между Верхней Сырдарьей и Или; ср.: *Die alttürkischen Erwähnungen. Inschrift für Kül tegin*, ed. A. v. Gabain. *Alttürkische Grammatik* (далее — *Kül tegin*), p. 251, 31; E 19; *Inschrift für Tonjukuk*, ed. P. Aalto. *Materialien zu den Alttürkischen Inschriften*. — ISFOu, 1958, p. 41. Упоминание об *On ogur* имеется у Феофилакта (p. 260, 10—13) в связи с упоминанием некоего восточнотюркского хана, который сравнивает Согдиану и страну оногуров со своей областью, находившейся на нынешней территории Монгольской Народной Республики. Порядок расположения данных об оногурах у Феофилакта соответствует расположению данных в орхоно-енисейских надписях, где за покорением *On oq*, которые идентичны оногурам, после перехода через *Yinçü ögüz* (Сырдарья), следует покорение Согда (*sogdiq budun*) (*Kül tegin*, E 38). Эта часть эскурса Феофилакта о скифских народах обязана своим происхождением послам, которые посетили восточнотюркского хана после крушения государства Тарду.

¹¹ О пребывании оногуров на Кавказе можно заключить из пребывания там сабиров, которые, по свидетельству Приска (*Exc. de legat.*, p. 586, 7—9) прогнали оногуров. Прокопий (BC, IV, 11, ed. Hauray. Lipsiae, 1907, p. 538, 15—23) говорит о пребывании сабиров на Кавказе, где, должно быть, жили до середины V столетия вытесненные ими оногуры. О последних напоминает находившаяся в Колхиде крепость Оногурис, которая, по упоминанию Агафия (*Agathiae Myrinae historiarum libri quinque*, ed. R. Keydell. Berolini, 1967, p. 89, 8—33), находилась вблизи Археополя. Очевидно, она прикрывала важный проход через Дарьяльское ущелье на юг. Эта крепость упоминается как важный пункт торгового пути, идущего от Керченского пролива, в *Notitiae episcopatumum* (C. de Boor. *Nachträge zu den Notitiae episcopatumum*. — «*Zeitschrift für Kirchengeschichte*», Bd. 12, s. 531) и у Равеннского географа (*Ravennatis Anonymi Cosmographia*, ed. Schnetz, p. 45, 267).

¹² *Jordanes. Getica*, ed. Th. Mommsen, p. 63, 14. Они названы здесь соседями альтицагиров, кочевавших между Крымом и южной частью приазовских степей.

¹³ Датировка определяется по прибытию в Константинополь их первого посоль-

рик Евагрий, через Кавказ и Керченский пролив попали на территорию Северного Причерноморья,¹⁴ то относительно оногуров, которые считали уар и хунни аварами, речь может идти только о том племенном союзе, который находился между Сырдарьей и Или и известен нам по орхон-енисейским надписям¹⁵.

Чтобы оценить этот вывод в свете данных Аммиана о происхождении гуннов, следует обратиться к переданным Геродотом мифам о происхождении скифов. Геродоту известны гипербореи (к которым Андрей Кесарийский причисляет гуннов), живущие у океана¹⁶. То же относится к упоминаемым Приском грифам¹⁷. По Геродоту аримаспы, одноглазые мифические существа, прогнали исседонов, которые, в свою очередь, вытеснили скифов¹⁸.

Исседоны известны также по одному упоминанию Птолемея¹⁹. Согласно ему, они населяли тогда часть бассейна Тарима и запад нынешней китайской провинции Ганьсу. Для их местонахождения Птолемей использует также обозначение «Серикэ»²⁰. Весьма вероятно, что назва-

---

ства, посланного ими после перехода Дарьяльского ущелья (*Menander*. — «*Excerpta de legationibus*», ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 442, 3—9; *Theophanis Chronographia*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 232, 6—13). Так как послы аваров отправились в Константинополь из византийского опорного пункта в Колхиде, они должны были очень быстро прибыть в столицу.

¹⁴ *Evagrius. The ecclesiastical History*, ed. Bidez. London, 1898, p. 196, 6—18.

¹⁵ Сравнение изложения Феофилакта и Приска вносит здесь окончательную ясность. По Феофилакту, оногуры жили в 558 г. на востоке Причерноморских степей, на западном берегу Азовского моря, сабиры — в западной части Кавказа у берега Черного моря, по соседству с областью, называвшейся тогда Колхидой (ср. выше, прим. 11). Так как прибывшее в Константинополь в 558 г. посольство аваров, отправленное из области сабиров (*Menander*, p. 442, 3—9), обозначалось этим именем, оногуры, которые тогда уже жили в степях на севере Крыма, не могли, в соответствии с сообщением Феофилакта (p. 258, 16—24), иметь отношение к их названию. Упомянутое Приском движение народов (ср. выше, прим. 3), источником для описания которого послужили высказывания гуннских послов в Константинополе в 463 г., явилось, очевидно, всего лишь причиной захвата сабирами прежней области оногуров на Западном Кавказе и переселения оногуров в Причерноморские степи (ср. выше, прим. 12). Следовательно, упомянутые Феофилактом события не могли происходить ни в 463, ни в 558 г. Отсюда также вытекает, что события, о которых рассказывает Феофилакт, происходили не на территории к северу от Кавказа, а в Центральной Азии, где позднее имеется упоминание об оногурах применительно к территории, расположенной к северу от Сырдарьи (ср. выше, прим. 10). Это также дает возможность понять содержание других имеющихся в экскурсе Феофилакта сведений, которые относятся к Средней и Центральной Азии. Хронологически же, следовательно, распространение на запад уар и хунни-огуров, которых оногуры именовали аварами, происходило в середине IV столетия, в период переселения на запад гуннов. Тогда, должно быть, оногуры отчасти присоединились к народам, называемым ими аварами, и осели уже в той области на Кавказе, из которой они в 463 г. были вытеснены сабирами, не присоединившимися в середине IV в. к так называемым аварам. Мы можем, таким образом, утверждать, что название «авары» употреблялось народами, отчасти пришедшими из Центральной Азии, а отчасти еще жившими там, по отношению к различным народам, пришедшим с востока, к которым принадлежали и гунны.

¹⁶ *Herod.*, IV, 13; ср. выше, прим. 2.

¹⁷ Ср. выше, прим. 4.

¹⁸ *Herod.*, IV, 13.

¹⁹ *Ptolemaios. Geographia*, ed. Wilberg, p. 431, 5. Упоминаемые в этом пассаже кассии являются жителями Кашгара. Название содержит слово Кас (нефрит). Оно встречается в биографии китайского монаха Хуэн-Цяня в форме Ch'ia — sha (k'jiasa), близкой к форме названия, переданной Птолемеем. Throana являлось названием Дуньхуана, которое встречается также в форме Thurwan в письме согдийца Нанай Вандака от 311 г. н. э. (*Hennig W. B. The Date of the Sogdian Ancient Letters*. — BSOAS, XII, 1948, N 3, p. 615). Исседоны, следовательно, жили в северной части бассейна Тарима, через которую шел шелковый путь от Кашгара до пограничного китайского города Дуньхуана.

²⁰ *Ptolemaios*, p. 429, 11—27. О местоположении земли «Серикэ» см.: *Haussig H. W. Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Ptolemaios*. — ZDMG, Bd. 109, NF, Bd. 34, 1959, p. 150.

ние «Серикэ», так же как и название «исседоны», имеет связь с китайским словом, означающим шелк²¹.

Геродот описывает караванный путь, который ведет от Северного Причерноморья через область аргишпеев к исседонам²². Он отмечает, что аргишпеев от исседонов отделяют высокие горы. Эти горы населялись, согласно рассказу аргишпеев, народом с козлиными конечностями²³. Птолемию известны горы, расположенные к северо-западу от города Куча, которые он обозначает как Auzak²⁴. Azak в Авесте значит «козел». Аргишпеев, очевидно, жили в долине верхнего Или. В языке аргишпеев, которых Геродот описывает как народ, живущий в юртах²⁵, имелось слово «асхи» (горький). Это слово еще и сегодня в тюркских языках имеет то же значение²⁶. Видимо, аргишпеев говорили на языке родственном тюркскому.

Если, согласно Геродоту, скифов вытеснили исседоны, которые позднее жили в бассейне Тарима и западной части нынешней китайской провинции Ганьсу²⁷, то местожительство скифов находилось в той области, которая в китайских источниках обозначалась как страна народа юечжи²⁸.

²¹ Хотя непосредственной парафразы первоначальной передачи китайского слова, как выяснили Пеллио (*Pelliot P.* «T'oung Pao», 13, p. 741 A) и Пулибланк (*Puleyblanc E. G.* *The Consonantal System of Old Chinese.* — «Asia Major», n. s., vol. IX, 1962, p. 229), не существует, все же со времен первых западных литературных упоминаний о шелке прослеживается его связь с названием народа серов.

²² Herod., IV, 21—25. Описание караванного пути начинается с той его части, которая ведет по восточной стороне Азовского моря в течение пятнадцати дней через область сарматов. Дорога проходит через степи. Лес впервые встречается в области будинов (здесь имеется в виду зона лесов и лугов между Ахтубой и Волгой). Отсюда семь дней пути дорога ведет через пустыню. Затем простирается земля, где леса расположены по соседству с полями. Следующую за ней область населяют скифские племена, которые восстали против господства царских скифов и потому переселились в эту область на востоке. Сведения Геродота, очевидно, относятся к парфянам, которые, согласно Меле (III, 33) и Юстину (XI, 2—3), переселились на восток, как и упомянутый здесь Геродотом народ, находившийся под скифским господством. Географически, очевидно, имеется в виду область к северу от Сырдарьи. Отсюда дорога, по Геродоту, приводит к народу, жившему у подножья высокой горы и называемому аргишпеев. Описание их внешности (плоский нос и тяжелый подбородок) свидетельствует о том, что они были монголоидами. Образно описаны их жилища — юрты из белого войлока. Исходя из приведенного Геродотом слова, имеющего значение «горький», можно считать, что они говорили на одном из тюркских языков. К востоку от аргишпеев караванный путь вел к стране исседонов (Herod., IV, 25). По Геродоту, этим торговым путем пользовались греческие торговцы причерноморских городов.

²³ Данные Геродота, ориентированные по странам света, следует понимать, учитывая направление караванного пути. «К востоку от аргишпеев» указывает на направление еще и сегодня используемого перехода в бассейн Тарима. Дорога ведет через перевал в бассейн Тарима к исседонам.

²⁴ *Ptolemaios*, p. 429, 28—30: καὶ τῶν Ἀζακίων τὸ ἀνατολικόν. Ср. также: *Haussig H. W.* *Op. cit.*, S. 154—155. В среднеперсидском языке «azak» имеет значение «коза» или «козел». Название с подобным значением упоминает Птолемей (III, 5, 14) в форме Ἀζακίων для местности в районе современного Никополя на нижнем Днепре. В работе *Vasmer M.* *Die Iranier in Südrussland*, S. 68, название объясняется как «Козлиная гора». По-видимому, миф о людях с козлиными конечностями, живущих на горе, был распространен не только в Центральной Азии, но и в Северном Причерноморье у скифских племен.

²⁵ Ср. выше, прим. 22.

²⁶ Приводимое Геродотом слово ἄσχι («горький») и в других тюркских языках используется с тем же значением. Ср., например, опубликованный Рахмати (SBAW, 11, 1932, 2, 12) уйгурский текст.

²⁷ Если, по Геродоту (IV, 13), скифов вытеснили исседоны, то они должны были до этого жить в той области, в которой позднее оказались исседоны. Так как, по Птолемию, еще около 150 г. н. э. (т. е. почти через триста лет после переселения юечжи) исседоны также жили в бассейне Тарима вплоть до Дуньхуана (ср. выше, прим. 19), то и скифы должны были до их переселения в Среднюю Азию жить в этом районе.

²⁸ Ср.: *Chavannes E.* *Op. cit.*, p. 134. Следовательно, жилища юечжи располагались к востоку от Дуньхуана.

В этой связи можно отметить, что Халоун употребляет китайское обозначение «юечжи» в связи с названием «скифы»²⁹.

Как сообщает Геродот, скифы были также изгнаны массагетами и под их давлением устремились в Причерноморье³⁰. Массагеты жили позднее к востоку от Каспийского моря³¹. Итак, вытесненные исседонами скифы до их изгнания массагетами жили в этой области и, следовательно, после изгнания их исседонами из западной части Ганьсу они переселились в Западный Туркестан³². Таким образом, то, что Геродот принимает за два различных сообщения о происхождении скифов³³, является частями одного известия, которое отображает две различные стадии переселения скифов на запад.

Как следует из этого мифа, который был известен гуннам и их союзникам (об этом свидетельствует Приск), гунны, как, должно быть, и теснимые исседонами скифы, идя с северо-востока, вторглись в Западный Туркестан. Следовательно, гунны до того, как они в середине IV в. попали в Западный Туркестан, также, наверное, пересекли область, лежащую к северо-востоку от Сырдарьи, а значит, и реки Или и Чу³⁴. Здесь на западе жили серы — по ним Яксарт был назван Силисом, а позднее Сырдарьей³⁵. Очевидно, это и есть та река, у которой, по сообщению Плиния, происходил так называемый немой торговый обмен³⁶. Китайцы называли эту реку также Жемчужной рекой, вероятно, из-за жемчуга, который здесь обменивали на шелк³⁷.

Согласно китайским источникам, здесь жили усунь, чья внешность характеризовалась теми же особенностями, которые, по описанию Плиния, были присущи серам³⁸. У китайцев эта область называлась K'ang-chü (kam-kiat). Kang-chü может передавать чуждое китайцам слово Kan-gar³⁹. Кангаром называлось одно из трех ведущих племен печенегов⁴⁰.

²⁹ Haloun G. Zur Ue-tsi-Frage. — ZDMG, Bd. 91, 1937, S. 316. Реконструированное им название звучало бы как «Zgyja», в китайской передаче — юечжи. По всей вероятности, это так и есть, поскольку то, что в античных источниках обозначается как страна скифов, в китайских источниках связывается с юечжи.

³⁰ Herod., IV, 11.

³¹ Ср. выше, прим. 7.

³² Обозначение «скифы» для осевших в Средней Азии кочевников оставалось в употреблении и после переселения изгнанных массагетами скифов (ср.: Herod., VII, 64).

³³ Herod., IV, 11, 13.

³⁴ Ср. выше, прим. 15.

³⁵ Jordanes. Getica, 31. Употребляемое для Яксарта обозначение Silis соответствует персидскому (парфянскому) северо-восточному диалекту. Наряду с этим всегда существовало обозначение Сыр, которое еще и сегодня в сочетании «Сырдарья» связано с этой рекой.

³⁶ Plinius. Hist. Nat., VI, 21.

³⁷ Chavannes E. Op. cit., p. 9, 140, 148. Река здесь обозначена как Чжень-чу, «настоящая жемчужина». Вероятно, в данном случае мы имеем дело с переводом иранского обозначения уахсарт — Яксарт. Там поступающий из Северной Индии жемчуг обменивали на вывозимый из Китая шелк. Об этих торговцах шелком слышал также отец упоминаемого Плинием Рахия (Plinius, VI, 21). Об экспорте индийского жемчуга в Юго-Восточную Европу, где он встречается в сарматских гробницах в Венгрии, см. в рец.: Harmatta J. — «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1953, p. 345.

³⁸ Plinius, VI, 21: ipsos vero excedere hominum magnitudinem, rutilus comis, caeruleis oculis, oris sono truci ... В комментариях к летописям Ханьского периода говорится об усунях, живущих на той же территории, что и серы, имеющих лазурно-голубые (ts'ing) глаза, красные боролы и обладающих внешностью обезьян. Ср.: Charpentier. Die thenographische Stellung der Tocharer. — ZDMG, Bd. 77, S. 374.

³⁹ У Ибн-Хордабеха нижний Яксарт назван Кангаром. Кангар может быть передачей китайского обозначения K'ang-chü (Khamkiat) согласно реконструированному Пулибланком (Pulleblanc E. G. Op. cit., p. 248) старокитайскому звучанию. Кангар соответствует переданному Константином Барянородным (De administrando imperio, p. 170, 68) в форме Káγγap названию одного из трех ведущих племен печенегов.

⁴⁰ Ср. прим. 39.

Название Кангар дает возможность предположить, что еще до прихода сюда гуннов здесь жили тюркоязычные племена. Для территории к северу от K'ang—chü (долины Или) это засвидетельствовано уже Геродотом⁴¹, который упоминает здесь аргипшеев, говоривших, вероятно, на одном из тюркских диалектов. Для территории, расположенной к западу от K'ang—chü, можно привести в качестве примера переданное Птолемеем тюркское название реки Урал—Яик⁴². Расселившиеся здесь тюркские племена жили вместе с индоевропейскими народами. Об этом свидетельствуют не только найденные захоронения того времени, где при вскрытии были обнаружены скелеты индоевропейского типа рядом со скелетами монгольского типа⁴³, но и историческая традиция⁴⁴. Надпись Тонъюкука упоминает рядом с огузами Türk Sir, т. е. тюркский народ серов⁴⁵. Türk Sir образовывали, очевидно, древнюю западную группу тюрок⁴⁶. Таким образом, можно утверждать что гунны, кочевавшие через области Или, Чу и Сырдарьи, уже встречали здесь тюркские племена, смешанные, однако, с индоевропейцами.

Теперь следует установить, были ли здесь оногуры, о которых Приск и Феофилакт упоминают в одной и той же связи⁴⁷. Большое значение для ответа на этот вопрос имеет упоминавшееся уже в экскурсе Феофилакта о скифах замечание об оногурах и сабирах, которых ошибочно принимали за аваров проходящие по их территории народы⁴⁸. Слово «авары»

⁴¹ Ср. выше, прим. 22.

⁴² *Ptolemaios*, III, 5, 10; Δαῖξ; у Менаандра («Excerpta de legationibus», p. 453, 9); спустя четыре столетия, появляется форма Δαῖχ. Обе формы передают тюркское уауиç, которое своим значением «распростертый» указывает на область устья Яика.

⁴³ «Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», сост. под руководством А. Н. Бернштама. — МИА СССР, 14, 1950.

⁴⁴ В этом районе китайским и западным источникам известны киргизы. Китайские источники упоминают их здесь уже около 200 г. н. э., византийские источники впервые говорят о них во второй половине VI в. Китайская форма Kie—Ku (*kep—kuan) указывает на тюркскую форму *qir qrup. Греческая форма χερκίς у Менаандра («Excerpta de legationibus», p. 194, 26) воспроизводит известное уже из орхон-енисейских надписей название Qırqız. На наличие индоевропейских групп населения в области реки Талас указывает упоминание об усунях. Халоун (*Haloun G. Op. cit.*, s. 252, Anm.) считает слово «усунь» китайским воспроизведением имени народа, упоминаемого Страбоном (XI, 8, 2) в форме Ἄσιον. Эти азии вместе с тохарами принадлежали к тем народам, которые, согласно Страбону, в 127 г. до н. э. перешли Яксарт. Вместе с аланами они образовали ту большую группу народов, часть которых переселилась в Европу. Часть их осталась в области реки Талас. Так, надпись в честь Кюль-тегина упоминает как о народе аз (Kül tegin, E 19—Az budun), так и о предводителях азов (Kültegin E 38—Az tutuq), а также и о человеке-азе (Az äri—Inscription für Tonjukuk, № 23). Эти «азы» были известны еще исламской традиции (*Minorsky V. Hudud al'Alam*, p. 99, 302).

⁴⁵ *Inscription für Tonjukuk*, ed. Aalto, S. 49, N 62. Здесь восточные тюрки Oguz budun вместе с западными тюрками названы Sir türük, т. е. Sir Türk приравниваются к Он ог или Он огур, западнотюркскому объединению племен между верхней Сырдарьей и Или.

⁴⁶ Как следует из китайских источников (*Maenchen-Helfen O. Huns and Hsiung—Nu.*—Vuz., XVII, 1945, p. 226) хйунг-ну при их выступлении в Среднюю Азию покорили сначала область K'angchü.

⁴⁷ Ср. выше, прим. 15.

⁴⁸ *Theophyl.*, p. 258, 19—24. Эту «ошибку» оногуров, сабиров и барсилитов Феофилакт констатирует на основании факта существования «истинных аваров», которыми он считал побежденных тюрками жужаней (p. 257, 11—17). Для объяснения этого противоречия следует исходить из того, что название «авары» у тюркских племен могло означать совершенно различные народы. Можно сравнить, например, известие Приска об аварах с данными Феофилакта о них (ср. выше, прим. 15). Оба известия относятся к разным народам, хотя в обоих случаях речь идет об одних и тех же народах, оногурах и сабирах, которые так обозначали нападавшие на них с востока племена. Другой пример подобной передачи названия приводится в китайских источниках. Здесь на территории к северу от Пекина, в Южной Маньчжурии к западу от реки Ляо, до III в. н. э. (еще

являлось, прежде всего, не названием определенного народа, а было обозначением мифических существ со сверхчеловеческими способностями. Славянское обозначение великанов «обры» — авары также позволяет предполагать это старое значение. Наиболее полно относящиеся к аварам мифы представлены у Геродота⁴⁹. Так, там говорится об одном аваре (греческая форма у Геродота звучит как Абарис⁵⁰), который со стрелой в руке промчался по странам мира. По приведенной Геродотом греческой версии мифа Абарис был жрецом Аполлона⁵¹. Но Аполлон является богом солнца, иранским Митрой. Миф, таким образом, возможно, означает, что авар со стрелой бога солнца промчался по странам с быстротой солнечного луча.

Здесь следует вспомнить другой скифский миф, который также передан Геродотом. Он рассказывает о Геракле (его имя является в данном случае греческим обозначением Митры), который искал коней солнечной колесницы⁵².

О солнечном культе в религии кочевников, нашедшем здесь свое выражение, упоминает также Страбон при описании живших в Западном Туркестане массагетов⁵³. Этот культ прослеживается и в Авесте⁵⁴. По Геродоту, упоминаемый им Абарис был гипербореем⁵⁵. Следовательно, и аваров, как и гуннов, принимали за гипербореев.

и в IV в.) упоминается народ, обозначаемый соседями как «у-хуань» (ср.: *Hausig H. W. Zur Lösung der Awarenfrage.* — BS, XXXIV, 1973, 2, S. 173—192. Как показал Пулибланк (*Pulleyblank E. G. Op. cit.*, p. 242), «Wu huan» может быть воспроизведением чуждого слова «авар». Эти «у-хуани» не имеют ничего общего с жужанями, которые у Феофилакта также обозначены как авары (p. 257, 9—11). Правда, возможно, что часть уар и хунни была с ними связана — они жили вблизи притока Ляо, обозначаемого как *Saga muren* — (Черная река). Так как, по Феофилакту (p. 258, 5—13), уар и хунни (он называет их огурами) также жили на некоей реке на востоке, получившей свое название от тюрок, это обозначение допустимо. Заключить, однако, можно лишь то, что западнотюркские огуры как в Европе, так и в Средней Азии (и как, по-видимому, показывает название «у-хуань», — в Восточной Азии), все приходящие с востока племена называли обычно аварами. У восточных тюрок, т. е. у племени телеского объединения, например, этим именем обозначались только племена в Западном Туркестане; ср.: *Hausig H. W. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker.* — *Vuz.*, XXIII, 1953, S. 330, Anm. 180. Коктюрки использовали то же обозначение для народов Западного Туркестана, что и восточные турки первой тюркской империи, от которых получали свои сведения китайцы.

⁴⁹ *Herod.*, IV, 13.

⁵⁰ Абарис по Моравчику (*Byzantinoturcica*, Bd. II. Berlin, 1958, S. 51—53) является одним из воспроизведений названия народа в византийских источниках.

⁵¹ Упомянутое Геродотом (IV, 36) греческое предание о связи между гипербореем Абарисом и Аполлоном является очень древним и восходит, очевидно, к Гекатею; см.: *Moravcsik Gy. Abaris, Priester von Apollon.* — *KCSA*, 1935, p. 105.

⁵² *Herod.*, IV, 8. Связь с Митрой устанавливается уже благодаря колеснице с конями. Однако и пройденный Гераклом с колесницей путь — от Геракловых Столбов до Некропил, входа в царство мертвых, который, как полагали, находится у Меотиды, на севере Понта, указывает на связь иранского мифа о солнце с греческими представлениями. Отождествление Геракла с иранским богом солнца *Mihr* есть и в армянской мифологии, где Геракл олицетворяет собой божества *Vahagn* и *Mihr*. Так как до подчинения Армении Ахеменидами на территории к югу от реки Куры существовало Скифское государство, о котором сообщал еще Страбон (XI, 8, 4), там, как и в Северном Причерноморье, были известны скифские мифы в греческой интерпретации.

⁵³ *Strabo*, XI, 6. Страбон сообщает здесь, что массагеты почитали солнце, которому приносили в жертву лошадей. Известно, что почитание солнца существовало и у тюрко-орхонских тюрок. См.: *Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-kü)*, Bd. II. Wiesbaden, 1958, S. 8, 10). Отголоски мифа о конях бога солнца достигли, очевидно, и Китая. Даже у юэчи в Западном Туркестане упоминается о «небесных конях», в связи с которыми Страбон и сообщил о лошадях, приносимых в жертву саками (XI, 8, 6—7).

⁵⁴ *Videvdat*, 21, 5; *Jasna*, 16, 4; *Jast*, 6, 1 и 12, 34; ср.: *Litvinskij B. A. Das K'ang-chü-sarmatische Farnah.* — *«Central Asiatic Journal»*, vol. XVI, 1972, p. 259.

⁵⁵ *Herod.*, IV, 36.

Название «авары», употребляемое оногурами, жившими к северо-востоку от Сырдарьи, для кочевавших через их область уар и хунни⁵⁶ может быть засвидетельствовано после 469 г. также и для некоего народа в Средней Азии⁵⁷. Этот народ отличается от упоминаемых также в Средней Азии эфталитов⁵⁸. Часть этих аваров во время войны тюрков с эфталитами покинула Среднюю Азию и в 558 г. через Кавказ и Керченский пролив переселилась в Юго-Восточную Европу⁵⁹. Различие между эфталитами и аварами засвидетельствовано и китайскими источниками. Они упоминают об аварах только для последней трети VI в.⁶⁰ Используемая ими для аваров перифраза «а-па» употребляется только по отношению к народу, жившему в Средней Азии, но никогда — по отношению к жу-жаням⁶¹. Если в переданном Феофилактом сообщении о делах хана Тарду последние также названы «истинными аварами»⁶², то это восходит к обычаю некоторых народов Средней Азии, уже отмеченному нами у оногуров и сабиров, называть именем этих первоначально сверхъестественных и мифических существ племена, чью быстроту передвижения и военные способности они не могли объяснить⁶³. Тем не менее это прозвище стало впоследствии, как свидетельствует Феофилакт, обозначением действительно существовавшего народа⁶⁴.

⁵⁶ Ср. выше, прим. 15.

⁵⁷ *Theophyl.*, p. 257, 9—11; *Evagrius*, p. 196, 6—10.

⁵⁸ *Menander*. — «*Excerpta de legationi bus*», p. 451, 35; p. 452, 10. Покоренные тюрками эфталиты отличаются от аваров, которые избежали господства тюрков благодаря переселению в Европу. Бегство аваров происходило во время войны тюрков и эфталитов (*Menander*. *Excerpta de sententiis*, ed. U. Ph. Boissevain. Berolini, 1906, 18, 7—17).

⁵⁹ *Evagrius*, p. 196, 6—10. Период, в который произошло это переселение, определяется благодаря упоминанию об аварах в области Кавказа Захарией Ритором (ed. Brooks, II, p. 14). Привлеченное здесь место находится в той части этого произведения, которая, благодаря колофону, датируется 552 г. Здесь авары упоминаются рядом с кутригурами и хазарами. Кутригуры, по Проконию (BG, p. 503, 14) жили по восточному берегу Азовского моря до Кубани. Хазары, по Феофану (p. 358, 5—8), населяли расположенную в Сарматии I землю Берзилию. Не поднимая здесь спорный вопрос о локализации Берзилии, можно на основании данных о местонахождении кутригуров и известного указания, что Берзилия находилась в Сарматии I, утверждать, что у Захарии авары упоминаются в области, находящейся к северу от Кавказа. Они, следовательно (о чем упоминает Евagriй в сообщении об их переселении в Европу), в то время еще не перешли Керченский пролив, что, благодаря византийской поддержке, могло быть сделано только в 558 г. после положительных результатов переговоров их посольства в Константинополе (*Theophanes*, p. 257, 6—14). Период переселения аваров на запад можно определить с помощью замечания Менандра (см. выше, прим. 58), касающегося их бегства во время войны тюрков с эфталитами. Если у Захарии Ритора упоминается об аварах на севере Кавказа, то речь может идти об ингерполяции первоначального текста, где говорится об их переселении на территории, расположенные к северу от Кавказа, только в 558 г. Это вытекает из того факта, что Захарий упоминает и об эфталитах, и об абделах в Средней Азии, но не о тюрках, которые покорили оба эти народа. С другой стороны, из повести о деяниях хана Тарду следует, что поход тюрков против абделов (Ye-ta китайских источников) происходил до их похода против жу-жаней («истинных аваров» Феофилакта), о котором упоминается в китайских летописях под 552 г.

⁶⁰ Доказательства у Хауссига (Byz., XXIII, S. 331). Упоминания относятся ко времени от 583 до 603 г.

⁶¹ Ср. выше, прим. 48.

⁶² *Theophyl.*, p. 257, 15. Так как он говорит об аварах в Европе, то получается, что это название они носят незаконно. Идентификация «истинных аваров» устанавливается из упоминания об их бегстве в Тавгаст и к народу мукри. Тавгаст (идентично тюркскому Тавгаџ) является той частью государства династии Вей, в которой искала прибежища часть жу-жаней. О Тавгаџ как обозначении северного Китая ср.: *Schaeder H.* — «*Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*», *Phil.-hist. Kl.*, III, F. 10. Berlin, 1934, S. 44—46. Мукри (*Theophyl.*, p. 257, 25; 258, 4) является, по Шаванну (p. 230, л. 3), самым северным из тогдашних трех корейских царств. Его идентификация устанавливается по Сакрито-тибетскому словарю *Bagchi* (*Deux lexiques*, II, p. 448).

⁶³ Ср. выше, прим. 51.

⁶⁴ *Theophyl.*, p. 259, 2—4.

Первые данные, свидетельствующие о том, что название «авары» применялось к племенам, переселившимся с Востока в Среднюю Азию, содержатся в древнетюркских и китайских источниках. Здесь, как у Феофилакта, появляются сведения о каких-то тюрках, очевидно, оногурах, хан которых в начальный период тюркской империи, до 603 г., тоже назывался Великим Ханом. Тарду и его предшественник Истэми, западно-тюркские Великие Ханы из племени оногуров, также были известны византийцам и китайцам. Кроме того, китайская передача имени народа, звучащая как «а-па», указывает на древнетюркское слово «апар», подтвержденное надписью в честь хана Кюль-тегина. Отсюда можно предположить, что упомянутое Феофилактом имя кочующего народа, пришедшего с Востока, родилось в Средней Азии у оногуров. Сообщение Приска, напротив, относится к оногурам, вытесненным сабирами из своих жилищ на территории, расположенной к северу от Дарьяльского ущелья на Кавказе. Эти жившие на Кавказе оногуры не имели, в противоположность сабирам, никакого контакта с аварами.

На вопрос, кто называется здесь аварами, отвечает историческое предание, возникшее в начале второй половины V в. Бежавшие из Средней Азии на Кавказ сабира, очевидно, называли аварами абделов (Ye-ta китайских источников), которые в свое время поселились в Средней Азии⁶⁵. Однако Феофилакт предполагает контакт с аварами не только оногуров, но и сабиров. Из этого следует, что оба народа, сабира и оногуры, тогда еще жили в Средней Азии, и что ни одно из этих племен, либо частей их, еще не устремилось в области, расположенные к северу от Кавказа. Что касается упомянутых Феофилактом аваров, то в данном случае речь может идти лишь о гуннах, захвативших Согдиану около 350 г. н. э. Это подтверждает и сам Феофилакт, который передал нам их первоначальное имя — уар и хунни и, наряду с этим, сообщил о причинах принятия ими этого имени⁶⁶.

Таким образом, мы находим у Феофилакта имя «гунны», которое в Средней Азии встречается как выражение отнюдь не зависимости. Хеннинг упоминает о слове «hun-zadek», обозначающем в хорезмийском языке раба⁶⁷, что можно сравнить с китайским обозначением народа hiung-nu⁶⁸. Совершенно очевидно, что хйунг-ну китайских источников, которые завоевали Среднюю Азию, и гунны, о которых то же самое сообщает Аммиан, упоминая о подчинении ими массагетов, являются одним и тем же народом⁶⁹. Действительно, согдийское письмо Нанай

⁶⁵ Как было показано в прим. 15, обозначение «авары» употреблялось для различных народов. Приск (см. выше, прим. 3) сообщает о некоем движении народов, упоминая при этом о народах, живших к северу от Кавказа: оногурах, сарагурах и уругах. Сабира, согласно этому сообщению, являлись единственным народом, который был вытеснен аварами. Оногуры и сабира считали пришедшие с востока столетиями раньше народы, так называемых уар и хунни, аварами (*Theophyl.*, p. 258, 19—25). Из упоминаемых здесь народов, которые жили тогда в Центральной Азии, только сабира находились там столетие спустя. Тесными так называемыми аварами, они прогнали оногуров из их жилищ на территории, расположенной к северу от Кавказа. Из китайских источников известно, что Ye-ta до своего переселения в Среднюю Азию обитали в восточном Тянь-Шане (*Hermann A.* — «Asia Major», Bd. II, 1925, S. 568). Сабирам, жившим, вероятно, у Или, должны были быть известные народы, обитавшие в восточной части Тянь-Шаня. Следовательно, сабира не могли считать их сверхъестественными существами — «аварами». Иначе обстояло дело с племенами, обитавшими к северу от Кавказа. От них-то, должно быть, и ведет свое происхождение переданное Приском сообщение.

⁶⁶ *Theophyl.*, p. 258, 10—13. Ватиканский кодекс, древнейшая рукопись, передает форму Κοουί. См.: Клеменц Д. А.: О волжских гуннах и хйунг-ну. — «Архив востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР», с. 28.

⁶⁷ *Henning W. B.* Op. cit., p. 615, n 4.

⁶⁸ См.: *Werner R.* Das früheste Auftreten des Hunnennamens Yüe-çi und Nephthaliten. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», NF. Bd. 15, 1967, S. 525.

⁶⁹ О китайских известиях относительно завоевания Западного Туркестана народом хйунг-ну см.: *Maenchen-Helfen O.* Op. cit., p. 225—231. Цитированные здесь изве-

Вандака от 311 г. употребляет для покоривших тогдашнюю китайскую столицу хйунг-пу обозначение Hup⁷⁰. Китайское обозначение hüng-pu в своей первой части могло передавать название, звучащее как hup⁷¹. Вторая часть — слово pu — имеет в китайском языке значение «раб». Таким образом, вполне вероятно, что hüng-pu выражает те же отношения зависимости, которые можно представить на основании замечания Феофилакта и примера из хорезмийского языка. Соединение слова pu с именем не является для китайского языка необычным⁷². Оно, по большей части, указывает на связи религиозного характера, что присуще китайскому буддизму, но такое сочетание встречается и в восточно-иранских частях Средней Азии. Здесь можно вспомнить о согдийском имени Нанай Вандак — «слуга Наная». Слово «Vandak» соответствует здесь китайскому обозначению pu⁷³. Но было бы необычно, если бы народ называл себя подданным другого народа или вообще перенял бы его имя, как это, согласно Феофилакту, могло случиться, на первый взгляд, с аварами⁷⁴. Обозначение «авары» указывает на скифский миф. Абарис находится в совершенно очевидной связи с богом солнца Аполлоном-Митрой. В древнетюркском языке солнце обозначалось күп. Очевидно Hup или Kip является передачей этого слова. Обозначение Hüng-pu могло бы в данном случае означать «слуга Kün'a, солнца»⁷⁵.

Но что могло означать в этой связи слово War? Согласно замечанию Иордана, гунны называли Днепр War⁷⁶. Из скифского мифа, переданного в греческой интерпретации Геродотом, известно, что дочь бога реки Днепра и Геракл вступили в союз, от которого родился Скиф⁷⁷, родоначальник скифских царей. Геракл, благодаря дочери бога реки получивший обратно коней своей упряжки, явно олицетворяет собой в этой греческой передаче скифского мифа Митру⁷⁸. Ведь представляли же себе иранцы, которыми и были скифы, как показывают места из Вендидад, Ясны и Яшты, движение солнца как езду некоей повозки, которая мчится по небу, запряженная небесными конями⁷⁹. Бог солнца и солнечная повозка являются неотъемлемой частью их религиозных представлений⁸⁰. Позднейшая «жизнь» этого мифа у так называемых аваров, по-видимому, подтверждается тем фактом, что тот авар, с которым делил власть каган, звался Таргитаем⁸¹. У Геродота так назван мифический

стия упоминают о стране Yen-ts'ai, которая переименовала свое название на A-lan; см.: *Junge J. Saka-Studien.* — «Klio», Beiheft XLI, 1939, S 77. Об определении аланов, побежденных, согласно Аммиану Марцеллину, гуннами, см. выше, прим. 7.

⁷⁰ *Henning W. B. Op. cit.*, p. 605, 608.

⁷¹ Пулябланк (op. cit., p. 139—140) убежден, что согдийская форма «xwn» основана на той же форме, что и китайское слово «Hsiung».

⁷² *Serruys H. Some Types of Names Adopted by the Mongols During the Yüan and the Early Ming Period.* — «Monumenta Serica», vol. XVII, 1958, p. 354—355.

⁷³ Для восточно-иранских областей есть очень известный пример личного имени, когда носитель имени обозначался как «слуга или раб божества», — пример имени согдийского купца Нанай Вандака («Раба Наная»); см.: *Henning W. B. Op. cit.*, p. 602, 603.

⁷⁴ *Theophyl.*, p. 258, 10—13; *Ὀδάρ καὶ Χωννί*. Соответствующая форма у Менандра («*Excerpta de legationibus*», p. 206, 12) звучит *Ὀδαρχωνίται*.

⁷⁵ «Kün», древнетюркское слово, означающее солнце, могло входить в различные формы передачи имен hup, hion и kün. Это значение напрашивается в связи с почитанием бога солнца у тюрков. См. выше, прим. 53.

⁷⁶ *Iordanes. Getica*, 127, § 1.

⁷⁷ *Herod.*, IV, 8—10. Источником Геродота являлась передача этого мифа греческим населением городов Понта. Поэтому здесь он облечен в форму, присущую греческим мифам.

⁷⁸ Нельзя не упомянуть при этом, что в парфянской «*Interpretatio Graeca*» Геракл соответствует иранскому богу войны. Но интерпретация у Геродота передается с помощью постоянных черт скифского мифа.

⁷⁹ Ср. выше, прим. 54.

⁸⁰ Еще у кушан бога солнца представляли у повозки.

⁸¹ *Menander.* — «*Excerpta de legationibus*», p. 196, 23: *Ταργίτης*; *Theophyl.*, p. 52, 1: *Ταργίτος*. Каган аваров обычно принимал иностранных послов в присутствии Тагитая (*Theophyl.*, p. 51, 11).

предок царского рода⁸². В гуинской державе Аттилы самый могущественный человек после властителя звался Skuttas-Skythes⁸³.

Таким образом, мы приходим к мысли, что уар и хунни, как называли себя так называемые авары, являются не названиями народов, а обозначением тех сверхъестественных существ, бога солнца и бога реки, к которым, по их собственному мнению, восходила родословная так называемых аваров.

Замечание Феофилакта должно, таким образом, означать, что собственное имя так называемых аваров восходит к основателям их царского рода, божеству реки War и богу солнца Hun или Kunni⁸⁴.

Что касается племенной принадлежности этих аваров, то Феофилакт говорит, что они являлись огурами. Эти уар и хунни были, очевидно, идентичны хйунг-ну, подчинившим себе, как утверждают китайские источники, Согдиану, и гуннам, которые, по Аммиану, должно быть, сделали то же самое. Следовательно, если восстанавливать путь переселения на запад части хйунг-ну, оказывается, что, согласно данным Приска и Феофилакта, первоначально под этим именем выступали только огуры⁸⁵. На своем пути на запад в «K'ang—chü», область между верхней Сырдарьей и Или, они подчинили оногуров, сабиров и сарагуров, часть ко-

⁸² Herod., IV, 5: Ταργίτας.

⁸³ Priskus, p. 125, 22: Σκώττας (является воспроизведением иранской формы, звучащей как Skutha). О Семерени (Szemerényi O. Iranica.—ZDMG, 101, 1951, S. 212) считает, что ее следует выводить из индоевропейского корня skeud (стрелять). Его объяснение подтверждается греческой интерпретацией имени у Лукиана, Тохар., 1—10 (Τόχαρις). По Геродоту (IV, 10), Скиф (греч. Σκόθης) был первым скифским царем. Так объясняется как его собственное имя Skythes, так и имя народа Skythai. Следует отметить, что Халоун считает название народа юечжи воспроизведением слова *zguja (Haloun. Op. cit., p. 316). *Zguja могло передавать то же самое название народа, которое греки произносили как Skythai. В этой связи для историков имеет значение то, что глава западнотюркских Он ог, «десятки стрел», как это поясняет китайское известие (Chavannes E. Op. cit., p. 56), носил титул uabgu. Предложенное Альтхаймом объяснение uabgu тюркским uabäg, «господин луков» (Altheim F. Literatur und Gesellschaft..., Bd. I. Halle, 1948), приобретает в этой связи определенное значение. Совместное существование тюрко- и ираноязычных народов в области, расположенной к северу от Яксарта, могло бы объяснить наличие этого титула у кушан в форме юпо.

⁸⁴ Скифский миф о связи божества реки (дочери бога реки Днепра) с богом солнца, скифское обозначение которого было, очевидно, Таргитай (ибо скифская версия мифа называет это имя вместо Геракла), передан Геродотом на основе скифского и греческого предания. Поэтому Геракл (Таргитай скифской версии), который, очевидно, является эманацией бога солнца, вступил в связь с дочерью оставшегося неназванным здесь бога реки Днепра. Ее фигура, человеческая вверху и змеиная, или, вернее, рыба внизу, описана в греческой версии (Herod., IV, 9). Сыновья от этого союза должны были выдержать различные испытания, например, унести охраняемые грифами, таркинеями, золотые предметы, которые начинали гореть, когда их поднимали, натянуть лук, опоясаться поясом. Эти задания смог выполнить только самый младший сын, Скиф (Herod., IV, 5—10). Этот миф о связи божества реки Днепра, чье гуинское (скифское) имя War упоминается Иорданом (см. выше, прим. 76) с богом солнца, существовал не только у скифов Северного Причерноморья. Имя War являлось обозначением не только Днепра, но, должно быть, и Амударьи (Окса). У Птолемея обитатели берегов Окса назывались Обарои (Ptolem., p. 420, 6—9). Поэтому можно предположить, что и река Тил (Тарим), бассейн которой обозначен у Феофилакта как родина уар и хунни, также связана с этим мифом. Можно предполагать, что содержание переданного Геродотом мифа о появлении первых скифских царей было известно и хйунг-ну. На это намекает часть титула правителей хйунг-ну, где носитель его назван «солнцем и луной назначенным» (Müller F. W. K. Uigurische Glossen, p. 315). Сколько времени употреблялся этот титул, основывающийся на длительном знакомстве со скифским мифом, указывает титул уйгурского хана, который сохранился на известных столбовых надписях из Хотчо: «Царь, получивший свою власть от божеств солнца и луны...» (Müller F. W. K. Zwei Pfahlschriften aus Turfanfunden. Berlin, 1915).

⁸⁵ Theophyl., p. 258, 4—11.

торых присоединилась к ним и вместе с ними двинулась дальше на запад⁸⁶.

Картина, которая вырисовывается в процессе изучения данных Приска, Феофилакта и Аммиана, становится в отдельных подробностях более ясной, когда привлекаются и другие свидетельства. Так, то, что покорение Согдианы удалось хйунг-ну, убившим при этом властителя этой страны, подтверждается обозначением общности согдийских государств при посредстве термина Wen-na-scha. Wen-na-scha может быть воспроизведением чуждого слова Hunasahr — «империя гуннов»⁸⁷, которая, возможно, соответствовала известной из иранских источников расположенной в северном Хорасане Abarsahr — «империи аваров»⁸⁸.

После Согдианы гунны покорили Бактрию, где, согласно Приску⁸⁹, их правитель назывался «Кюнь-хан» (kün chan), титулом, в состав которого, возможно, входило слово kün — «солнце». В отношении завоевателей здесь употребляли два названия: «гунны, которых называют Кушан»⁹⁰, и «кидаритские гунны». Последнее обозначение восходит, очевидно, к греко-бактрийскому периоду, когда Saka Tigrahauda, старое иранское название кочевников, вторгшихся в Бактрию с севера, через Окс, было заменено равнозначной греческой перифразой Kidaritai⁹¹. Позднее это слово стало названием господствующих в Бактрии и Индии кочевников и их правителей.

Гунны в Согдиане, известные с середины IV в. персидским шахам и как союзники, и как враги, обозначались персами как hion, что в западных источниках передавалось как Chionitae⁹².

⁸⁶ Часть переселившихся на запад огуров осела у нижней Кубани (Menander. — «Excerpta de legationibus», p. 453, 10—11). Они известны также Захарии Ритору (II, p. 144, 30; ср. выше, прим. 15). Так как на своем пути на запад они встретили в области к западу от Или оногуров, речь в данном случае может идти только о живших на востоке токкуз-огузах (или токкуз-огурах). Это подтверждается китайскими источниками (*Chavannes E. Op. cit.*, p. 50).

⁸⁷ Wen-na-scha (AD 1316, AD 647 и AD 846: *uənā-sa-Hunašahr. Другое туземное обозначение: Нью-ми/Nw'mēv тоже связано с названием покорителя — гуннского племенного союза «Девять племен Хун». Название Нью-ми являлось, по Шаванну (*Op. cit.*, p. 136), обозначением Бухары, которая упоминается в качестве одного из восьми согдийских государств (*Chavannes E. Op. cit.*, p. 134).

⁸⁸ *Sebeos*, ed. Macler, p. 48—49. Apr-sahr. Ср.: *Haussig H. W. Zur Lösung der Awarrenfrage*, S. 181.

⁸⁹ *Priskus*, p. 590, 28. Их хан обозначался, согласно Приску (*ibid.*, p. 154), *кюбучав*. Встречающаяся несколькими строчками ниже форма *кюбучас* возникла из-за ошибки писца, который понял *кюбучав* как винительный падеж от *кюбучас*. *Кюбучав* может быть воспроизведением чуждого слова Kün chan — «солнечный князь», что, видимо, по значению соответствует известному афталитскому названию правителя — Mihirakwla (о Mihirakwla см.: *Lüders. List of Brahmi inscriptions*). Представление о правителе — потомке солнечного бога, которое распространено было у скифов, встречается также и у усуней в форме позднейшего тюркского названия солнца — «кюнь» (kün). Речь, вероятно, идет о том же самом названии правителя, которое приводит Приск в форме «кню-хан», когда говорит о предводителе так называемых «кидаритских гуннов». Подобный титул фигурирует и в североиндийских надписях, где прослеживается связь княжеского титула афталитов — Jauvla со словом Mihira — «солнце» (*Lüders. Op. cit.*, p. 238 ff.). Название правителя усуней передано в китайской форме K'unno (*kuən-mwak). По мнению Пеллио (*Pelliot P. A propos des Comans. — JA*, 1920, p. 139), форма *кунбау*, воспроизведенная Марквартом (*Markwart J. Op. cit.*, p. 70), могла бы быть теоретически вероятной. Сам Пеллио склонен предположить другую форму, звучащую как *kum a*.

⁹⁰ *Elisaios Vardapet* (перев. у *J. Markwart. Eranšahr*), p. 55.

⁹¹ «Кидарис», острокопечный головной убор, был частью одежды саков; см.: *Junge J. Saka-Studien*, Taf. 4; *Ammian. Marcellin*; p. 558, 6.

⁹² Среднеперсидское hion употреблялось в латинских и греческих источниках с суффиксом — itae или — itai. О тождестве с гуннами см.: *Joshua Stylites*, ed. Wright. Cambridge, 1882, p. 19, 16. Иосифа Стилист ясно подчеркивает, что обозначения народов «кюни», и «хун» тождественны. Вторым примером является сравнение между уар и хунни у Феофилакта (p. 258, 11) и Warchonitai у Менаандра («Excerpta de legationibus», p. 205, 27). Уже в 359 г. хиониты (гунны) под пред-

Следующая группа гуннов перешла через Кавказский хребет. Часть их осела между Кубанью и Тереком. Еще в середине VI в. эта область называлась по их имени «землей гуннов»⁹³. Здесь, вблизи Дарьяльского ущелья, осела также часть оногуров, которым суждено было позднее стать еще более известными под именем болгар⁹⁴. Другая часть гуннов пересекла Керченский пролив и положила конец готским племенам на территории Северного Причерноморья. На основе этой группы гуннов возникло как государство Аттилы, так и государство протоболгар⁹⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что гунны, появившиеся в Европе, состояли отчасти из хйунг-ну, т. е. тюрок огуров, вероятно, предшественников позднейших токкуз-огузов. Затем эти огуры в области между Или и Сырдарьей приняли в свой союз другие, уже жившие там до их прихода, племена, например, оногуров. После этого, через Западный Туркестан, Кавказ и, наконец, Керченский пролив гунны пришли на территорию Северного Причерноморья, где и уничтожили готские племена.

водительством их вождя Грумбата принимали участие в осаде Амиды Шапуром II.

⁹³ *Zacharias Mitylenaios*, ed. Brooks, II, p. 145.

⁹⁴ О местожительстве оногуров на Кавказе см. выше, прим. 11.

⁹⁵ Ср.: *Haussig H. W.* Exkurs, s. 364, Anm. 341.

В. П. СТЕПАНЕНКО

О ПРИЧИНАХ И ДАТИРОВКЕ ПЕРЕДАЧИ ВАСПУРАКАНА ВИЗАНТИИ

Передача Васпураканского царства Арцруни Византии явилась одним из ключевых этапов экспансии империи в Закавказье, начало которой было положено присоединением Тарона (966) и Тао (1000). В течение 1000—1021 гг. царство Арцруни постепенно вовлекалось в орбиту византийского влияния. Именно тогда были созданы предпосылки для позднейшего захвата Васпуракана империей, осуществленного в форме межгосударственного соглашения.

Причины передачи царства Арцруни Византии все еще остаются вопросом в достаточной степени дискуссионным. Наиболее аргументированная гипотеза была предложена С. Г. Агаджановым и К. Н. Юзбашьяном в статье «К истории тюркских набегов на Армению в XI в.»¹. Авторы пришли к выводу, что присоединение Васпуракана не имело характера единовременного акта и осуществлялось по крайней мере в два этапа:

1. Под впечатлением тюркского набега на Васпуракан в 1016 г. и под давлением Византии Сенекерим Арцруни согласился на передачу царства империи.

2. Переселение Арцруни в Византию произошло в 1021 г., когда имел место второй тюркский набег на Армению. Капитуляция Арцруни была следствием политики империи в Закавказье, тюркский же набег лишь способствовал ее осуществлению².

Г. Г. Литаврин также полагает, что в 1016 г. имело место лишь соглашение о передаче Васпуракана Византии, осуществленное позднее³. Ему же принадлежит исследование отрывка из «Повествования» Аристаркеса Ластивертци, посвященного отправке болгарских войск на восток империи после аннексии Болгарии Византией (1018)⁴. Аристаркес не датирует события, но так как известие о нем помещено после описания захвата Болгарии (1018) и предшествует событиям 1021 г., то и датировать его следует периодом 1018—1021 гг.⁵ По мнению Г. Г. Литаврина, болгары могли быть отправлены в одну из грузино-армянских фем импе-

¹ ПС, вып. 13 (76), 1965, с. 144—159.

² Там же, с. 151—152.

³ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 588. Но здесь же он приписывает Скилице 1001 г. в качестве даты уступки Васпуракана Византии. Но у Скилицы (см. ниже) передача Васпуракана огнесена к 6524 г. и 14 индикту (1016 г.), Лоран же, на которого ссылается Г. Г. Литаврин, допускает ошибку.

⁴ Литаврин Г. Г. Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарях. — В кн.: Славяне и Россия. М., 1972, с. 27—31.

⁵ «Повествование вардапета Аристаркеса Ластивертци», пер., предисловие и комментарии К. Н. Юзбашьяна. М., 1968 (далее — *Аристаркес Ластивертци*), с. 57.

рии-Халдию, Феодосиополь, Иверию, Васпуракан, Тарон и Месопотамию⁶.

Вслед за статьей Г. Г. Литаврина появилась работа Р. М. Бартияна⁷. Автор сопоставил вышеупомянутый пассаж Ластивертци с местом из Хроники Скилицы, посвященным взятию Моглен Василием II и последующей отправке плененных болгарских воинов в Аспраканию-Васпуракан. Предположив, что Скилица и Ластивертци описывают одно и то же событие, Р. М. Бартиян предпринял попытку пересмотра традиционной точки зрения на дату и причины передачи Васпуракана Византии. Его выводы свелись к следующему.

1. После взятия крепости Моглены в Македонии Василием II в апреле 1015 г. боеспособные болгары были отправлены в Аспраканию-Васпуракан.

2. В 1016 г., после тюркского набега на Васпуракан, Сенекерим Арцруни обратился за помощью к Византии. Вслед за этим в Константинополь было направлено посольство во главе с сыном и наследником Сенекерима Давидом Арцруни, который и информировал Василия II о появлении нового врага на восточных границах империи. Главной целью посольства была просьба об оказании Васпуракану военной помощи против тюрков.

3. Прибывшее в страну болгарское войско сыграло роль троянского коня, взорвав Васпуракан изнутри, что и вынудило Сенекерима Арцруни передать царство империи.

4. Переговоры 1016 г. не имели отношения к передаче Васпуракана Византии, так как у царя не было на то причин. Если бы соглашение о передаче царства Арцруни имело место, то империя не стала бы откладывать его реализации на шесть лет (1016—1021).

Таким образом, аннексия Васпуракана трактуется как следствие ряда случайностей, главная из которых — тюркский набег 1016 г., которому отводится роль решающего фактора, повлекшего за собой передачу царства Арцруни Византии.

Но отождествление описанных Скилицей и Аристаркэсом Ластивертци событий, послужившее основанием для гипотезы Р. М. Бартияна, никак не аргументировано; неясно также, почему отдано предпочтение датировке отправки болгар в Васпуракан у Скилицы⁸.

Аристаркэс Ластивертци пишет: «Сыновей болгарского царя... император лишил прав наследства и места им пожаловал в ромейской стране. Болгарские же войска он обманым путем собрал в одном месте, словно желая одарить их, а затем приказал переписать всех и отправить на восток путями, по которым не будет возврата. Они прибыли туда и вконец разорили всю ту сторону»⁹.

Скилица более краток. Он сообщает лишь, что после взятия Моглен Василием II пленные болгарские воины были отправлены в Аспраканию¹⁰. Но он не датирует падения Моглен¹¹. Далее Скилица пишет, что

⁶ Литаврин Г. Г. Указ. соч., с. 31. Из данного списка следует исключить Феодосиополь, по-видимому, вошедший в состав Иверии (см.: Арутюнова-Фиданян В. А. Византийские правители фемы Иверия. — ВОН АН АрмССР, 1973, № 2, с. 64), и Васпуракан, так как до 1021 г. он сохранял независимость.

⁷ Бартиян Р. М. Об армянском царстве в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов. — ВОН АН АрмССР, 1973, № 10, с. 88—96.

⁸ Как известно, Э. Хонигман, впервые предположивший, что в основе сообщений обоих источников лежит один факт, датировал его 1021—1022 гг., т. е. после аннексии и Болгарии, и Васпуракана; см.: Honigmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935, S. 173.

⁹ Аристаркэс Ластивертци, с. 57.

¹⁰ Georgius Cedrenus. Joannis Skylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus, II. Bonnæ, 1839 (далее — *Cedr.*), p. 462.3—5.

¹¹ Р. М. Бартиян датирует его апрелем 1015 г., ссылаясь на кн.: Златарски В. Н. История на България през средните веков, т. I, ч. 2. София, 1971, с. 707.

в пятый день недели император отправился в Константинополь¹². Неделя Скилицы — не что иное, как страстная неделя, пятый день которой является Великим четвергом, приходившимся в 1015 г. на 10 апреля¹³. Следовательно, приказ об отправке болгар мог быть дан только до отъезда императора из Моглен. Но тогда и отправиться в Аспраканию они должны были немногим позднее отъезда Василия II — после 10 апреля, а посольство Давида Арцруни в Константинополь имело место после побега, возможно, в том же 1016 г.¹⁴

Не останавливаясь пока на характере переговоров 1016 г., рассмотрим хронологию событий.

1. Взятие Моглен и отправка пленных болгар в Васпуракан — апрель 1015 г. Месяц для нас существенного значения не имеет, так как у Скилицы это событие предшествует переселению Арцруни, датированному 1016 г.

2. Тюркский набег на Васпуракан — 1016 г.

3. Послание Сенекерима Арцруни Василию II и последующее посольство Давида Арцруни в Константинополь — 1016 г. или, что менее вероятно, начало 1017 г.

Таким образом, в 1015 г. болгарские войска еще могли быть отправлены в Васпуракан. Независимо от времени их прибытия из-под Моглен в Васпуракан, они были отправлены в 1015 г., т. е. за год до тюркского набега. Вопреки мнению Р. М. Бартияна, отправка этих войск была произведена вне связи с тюрками и без какой-либо просьбы Сенекерима Арцруни. О посольстве Арцрунидов в Константинополь сообщает лишь Матфей Эдесский, наиболее подробно описавший и тюркский набег 1016 г.; вслед за этим он помещает пространный рассказ о том, как под впечатлением набега Сенекерим Арцруни «...задумал отдать свою отчину императору греков Василию, который, узнав об этом, обрадовался и пожаловал ему Севастию. Сенекерим отдал страну Васпуракан: 72 крепости и 4400 деревень...¹⁵ Все это он письменно отдал Василию. Император Василий написал Сенекериму, чтобы тот отправил к нему своего сына Давита. Сенекерим послал к нему своего сына, вместе с ним также сыновей азатов, епископа владыку Елише, нагруженных сокровищами и разным снаряжением, 300 вьючных мулов и 1000 арабских коней. Василий, увидев Давита, очень обрадовался. Он ввел его в св. Софию и усыновил. Его, Давита, почитали как царевича. Император дал ему много даров и отправил обратно к отцу, которому пожаловал Севастию со множеством гаваров, Сенекерим со своей семьей и простонародьем пришел в Севастию»¹⁶.

Аристокэс Ластивертци в главе, посвященной событиям 1021 г., пишет: «Давит, второе имя которого Сенекерим, был притесняем персами и свою наследственную вотчину, страну Васпуракан, отдал самодержцу Василию, получив взамен город Севастию и окружающие ее области. *Причем случилось это не в отдаленные времена, а два или три года назад*» (курсив наш. — В. С.)¹⁷.

Наконец, Скилица сообщает: «Тогда и Синахерим, архонт Высокой Мидии, которую ныне называют Аспраканией, явился со всем своим племенем к императору и передал ему всю принадлежащую ему страну. Ему был пожалован сан патрикия и должность стратига Каппадокии, а взамен Васпуракана он получил города Севастию, Лариссу и Авару,

¹² *Cedr.*, II, p. 462, 8.

¹³ Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н. Указ. соч., с. 147—149.

¹⁴ Ср.: Grousset R. Histoire de l'Arménie dès origines jusqu'à 1071. Paris, 1948, p. 553.

¹⁵ Ср.: Samuel D'Ani. Tables chronologiques. — «Collection d'historiens arméniens», trad. par M.-F. Brosset, v. 1, St.-Ph., 1874 (далее — *Анеци*), p. 443.

¹⁶ Матфей Эдесский. Хронография. Вагаршанат, 1898 (на арм. яз.), с. 48—49. В переводе Э. Дюлорье (Chronique de Matthieu d'Edesse, trad. par E. Dulaurier. Paris, 1858) данный пассаж отсутствует.

¹⁷ Аристокэс Ластивертци, с. 64—65.

и много других владений. Будучи стесненным агарянами и не в состоянии противостоят им, он перешел к императору, уступив ему свою страну»¹⁸.

Итак, три не зависящих друг от друга источника связывают переселение Арцрунидов в Севастию с 1016 г. или с датой, предшествующей 1021 г., видя причину его либо в тюркском набеге, либо в том, что Сенекерима теснили «персы» или агаряне.

Матфей Эдесский ставит в прямую связь с набегом и послание Сенекерима Василию II и последующее посольство царевича Давита в Византию, полагая, что и в первом, и во втором случае речь шла именно о передаче Васпуракана Византии и что еще до прибытия посольства в Константинополь император обещал Сенекериму Севастию в обмен на его царство.

Каковы же были предыстория и причины этого, несомненно, вынужденного со стороны царя Васпуракана соглашения?

Известно, что к началу XI в. внешнеполитическое положение армянских государств значительно ухудшается. Процесс распада царства Багратидов зашел достаточно далеко — в 963 г. отпал Вананд, в 970 г. — Сюник, в 978 г. — Ташир-Дзорагет. Шаханшахам Смбату II и Гагику I на некоторое время удалось стабилизировать обстановку. К Анийскому царству были присоединены Двинский эмират Саларидов, Вайоц-Дзор, ряд районов Сюникского и Парисосского царств¹⁹. Но в условиях прогрессирующей феодальной раздробленности мероприятия шаханшахов Ани не имели успеха. Тотчас же после смерти Гагика I (ок. 1017 г.?)²⁰ Анийское царство распалось на два удела. Васпуракан подобная участь постигла еще в 1003 г., когда после смерти Гургена Арцруни государство распалось на три части.

Положение усугублялось не только постоянными междоусобицами армянских владетелей²¹, но и вмешательством соседних государств — эмиратов Саларидов, Раввадидов и Шаддадидов, а также Грузии²².

В то же время и Византия никогда не отказывалась от своих экспансионистских планов в Закавказье. К началу XI в. в состав империи был уже включен ряд армянских территорий, в том числе Тарон (966) и Тао (1000). После аннексии последнего и образования фемы Иверия военное присутствие Византии в Закавказье стало особенно ощутимым, что также не могло не отразиться на внешнеполитическом положении армянских государств. Уже в 1000 г., когда после смерти куропалата Давида император совершил поход в Закавказье, он прошел вдоль границ Вананда, Ани и Васпуракана²³. «Василий продолжил свой путь, когда навстречу ему выехал... юный царь вананский Абас... и царь васпураканский Сенекерим, брат Гургена. Император, обрадованный их приездом, оказал им царский прием и, подарив им коней, мулов, богатую одежду и много золота, отпустил каждого в их страну. Сам же отправился в город Маназкерт харкского округа, отсюда в Багреванд, где и расположился лагерем на равнине близ города Валаршакерта, ожидая прибытия царя армянского Гагика. Но Гагик счел для себя унизитель-

¹⁸ *Cedr.*, II, p. 464.

¹⁹ Последнее было разделено между Гагигом I и владетелем Аррана Шаддадидом Фадлом I; см.: Всеобщая история Степаноса Таронского, Асолика по прозвищу, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминим. М., 1864 (далее — *Асолик*), III, XI, 130—131.

²⁰ См.: *Юзбашян К. Н.* К хронологии правления Гагика I Багратуни. — АДСВ, 10, 1973, с. 195—197.

²¹ См.: *Асолик*, III, XI, 130—131; XIV, 202—203; *Аристархэс Ластивертци*, с. 59—60.

²² См.: *Асолик*, III, XII, 131—132; XVIII, 140; XIX, 140—141; *Аристархэс Ластивертци*, с. 59—60; *Матфей Эдесский*, X, 9 (здесь и далее — в переводе Э. Дюлорье).

²³ См.: *Асолик* III, XIII, 199—201; ср. *Аристархэс Ластивертци*, с. 56. См. также: *Даниэлян Э. Л.* Цель и направление восточного похода Василия II в 1000 г. — ВОН АН АрмССР. 1973, № 10, с. 61—74.

ным явиться к нему...»²⁴ «Сыновья же Абусала, оба брата Ашота, Гургэн и Сенекерим, вступили на престол в то время, когда царь греческий Василий прибыл в страну востока, пришли к нему навстречу, сначала Сенекерим, а затем Гургэн, старший брат его»²⁵. Матфей Эдесский сообщает, что «в год 449 был мир и союз торжественный между императором Василием и Сенекеримом, царем армянским»²⁶.

Если Гагик I чувствовал себя достаточно прочно, чтобы противостоять византийскому давлению (а поход Василия II вдоль границ армянских государств трудно расценить иначе, как демонстрацию силы)²⁷, то цари Вананда и Васпуракана поспешили навстречу императору. Какова бы ни была опасность со стороны Византии, без наличия провизантийских настроений у определенной части армянской знати подобная встреча была бы невозможна. По-видимому, как первый шаг, она должна была означать признание армянскими владетелями сюзеренитета императора, что ранее было сделано царем Абхазии-Картли Багратам III, его отцом Гургэном и эмиром Диарбакра Марванидом Муммахид ад-даула Са'идом²⁸.

Таким образом, уже в 1000 г. Византия имела определенные планы в отношении армянских государств Закавказья и в том числе — Васпуракана. По крайней мере, в отношении последнего эти планы в определенной степени были реализованы, что констатируют Асолик, и Матфей Эдесский. По-видимому, в период завоевания Болгарии Василием II продолжал следить за обстановкой на восточной границе империи, что и объясняет отправку в Васпуракан или, более вероятно, к границам Васпуракана, болгар, плененных при взятии Моглен в апреле 1015 г.

В 1016 г. царство Арцруни подверглось первому тюркскому набегу. Он был совершенно неожиданным и произвел огромное впечатление на современников. Матфей Эдесский сообщает: «Когда армянское ичисление достигло 465 г., проснулся страшный гнев божий и пал на весь христианский народ и на поклоняющихся святому кресту, ибо пробудился губительный вишاپ со своим смертоносным огнем и поразил верующих в святую троицу. В этот год заколебались основы (здания), воздвигнутого апостолами и пророками, ибо налетели крылатые змеи и засверкали над всем миром верующих во Христа. Это — первый выход кровожадных зверей. В эти дни составила рать из племени неверных, которые зовутся турками, и они вступили в Армянскую страну и, безжалостно предав острию меча, перебили верующих во Христа... До этого ни разу не видели турецкого конного войска и, встретившись с ним, увидели, что отличны они обликом — вооружены луками, с распущенными, как у женщин, волосами. И тогда армянское войско не сумело приготовиться к отражению стрел»²⁹. Армяне понесли большие потери и отступили. Царевич Давид, принимавший участие в отражении тюрков, прибыл в Остан к отцу и рассказал о случившемся.

Именно после этого Сенекерим отправил послание Василию II, а затем, после согласия императора передать ему Севастию в обмен на Васпуракан, в Константинополь было отправлено посольство во главе с Давидом Арцруни, целью которого, по-видимому, было заключение соглашения о передаче Васпуракана Византии.

²⁴ Асолик, III, XIV, 201.

²⁵ Там же, XVI, 203—204.

²⁶ Матфей Эдесский, XXII, 36—37.

²⁷ Помимо войск, предназначенных для сирийского похода, император взял с собой фемные контингенты Тарона и Мелитены (IV Армения); см.: Асолик, III, XIII, 200.

²⁸ Баграт III получил сан куропалата, Гургэн и Муммахид ад-даула Са'ид — магистра; см.: Асолик, III, XIII, 200; *Аристакэс Ласгивертци*, с. 57; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхья Антиохийского. СПб. (далее — *Яхья Антиохийский*), 1883.

²⁹ Матфей Эдесский, XXXVIII, 40—42.

Капитуляция Сенекерима Арцруни вряд ли была вызвана только тюркским набегом. Определенную, если не решающую роль в этом сыграло постепенное укрепление позиций империи в Закавказье — территориальный рост фемы Иверия и появление у границ Васпуракана византийских войск (после апреля 1015 г., но до набега 1016 г. — по Скилице, между 1018—1021 гг. — по Аристакэсу Лативертци).

Тот факт, что армянские и византийские источники связывают переселение Арцрунидов в Севастию именно с 1016 г. (Матфей Эдесский прямо утверждает, что это произошло после переговоров в Константинополе), доказывает, что переговоры завершились успешно для Византии, которая получила согласие царя Васпуракана на передачу царства империи. Аргумент Р. М. Бартияна, что если бы в 1016 г. имело место соглашение о передаче Васпуракана Византии, последние не стала бы ждать его реализации в течение шести лет, несостоятелен. Известно, что между вынужденным завещанием Тао Византии, сделанным куропалатом Давидом под угрозой вторжения византийских войск после подавления мятежа Варды Фоки в 989 г., и аннексией Тао империей в 1000 г. прошло одиннадцать лет, а после Трапезундского соглашения 1021 г., по которому Анийское царство было завещано Византии шаханшахом Иованнесом-Смбатом, империя в течение двадцати лет поддерживала с ним нормальные дипломатические отношения³⁰, выжидая момент, когда она сможет присоединить царство Багратидов на «законном» основании. Лишь нарушение, с точки зрения Византии, соглашения 1021 г., выразившееся в коронации шаханшахом Гагика II (1041—1045), вынудило империю перейти к открытым военным действиям. Характерно, что аннексия Ани произошла только после того, как шаханшах, вызванный в Константинополь, был вынужден отречься от своих прерогатив (которые, по-видимому, основывались на самом факте коронации его в качестве шаханшаха) и выслан в пожалованные ему владения в империи³¹. Таким образом, и в данном случае Византия до последнего момента пыталась сохранить видимость выполнения юридически оформленной сделки, сущностью которой являлась передача владельцем своих суверенных прав империи, включая и его сюзеренные права в качестве главы государства. Лишь этим можно объяснить тот факт, что Византия аннексировала не только удел шаханшаха Иованнеса-Смбата (Ашот IV если и завещал свои владения империи, то сделал это до Трапезундского соглашения 1021 г., после того, как с помощью византийских войск он воцарился в своем уделе), но и владения Ашота IV. По-видимому, последнее было связано с тем, что сын и наследник Ашота IV Гагик II короновался шаханшахом и, следовательно, формально или фактически объединил под своей властью оба удела, всю территорию царства. Поэтому после формального отречения шаханшаха в пользу империи последняя и унаследовала всю территорию Анийского царства. В Васпуракане Византия также получила не только удел царя Сенекерима Арцруни, но и владения наследников его старших братьев — Ашота и Гургэна. Таким образом, и здесь права империи на всю территорию царства Арцруни основывались на передаче ей сюзеренных прав царя как главы государства.

³⁰ Роман III Аргир (1028—1034) выдал за Иованнеса-Смбата свою племянницу; см.: *Cedr.*, II, p. 498, 9—11.

³¹ *Аристакэс Лативертци*, с. 84—85; Всеобщая история Вардана Великого. Перевел Н. Эмин с примечаниями и приложениями. М., 1861 (далее — *Вардан*), с. 124. В 1054 г. нечто подобное имело место и в Грузии, где, потерпев поражение в борьбе с византийским ставленником Липаритом Орбелиани, царь Баграт IV был вынужден выехать в Константинополь. Однако к этому времени империя, столкнувшись с сельджуками, была уже не в состоянии продолжать экспансию в Закавказье; Баграт IV был задержан в Константинополе, но затем отпущен, так как позиции Липарита в Грузии постепенно слабели. Вскоре был достигнут компромисс. См.: *Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'en 1446*. Trad. par M.-F. Brosset, v. 4, St.-Ph., 1849, p. 323—326.

Следовательно, в 1016 г. под впечатлением тюркского набега и, что более вероятно, под давлением Византии Сенекерим Арцруни мог дать лишь согласие на передачу Васпуракана империи, оговорив свои пожизненные права на него. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что посольство Васпуракана в Константинополь возглавил наследник царя Давид, которому, если верить Матфею Эдесскому, был оказан торжественный прием. Обеспечив себе наследование Васпуракана, Византия могла и не спешить с его аннексией, имея все основания сделать это позже, хотя бы после смерти царя. Напомним, что в результате подобных соглашений ранее были аннексированы Тао, возможно, Тарон, и позже — Анийское царство и Вананд.

В начале 20-х гг. XI в. предельно обострившаяся внешнеполитическая ситуация вынудила Арцрунидов пойти на реализацию соглашения 1016 г. Около 1017 г. умер шаханшах Гагик I. Тотчас же вспыхнула междоусобная борьба между его наследниками, что привело к разделу Анийского царства на две части; Матфей Эдесский сообщает, что Ашот IV отправился к Сенекериму и с помощью его войск воцарился в своем уделе³². По-видимому, междоусобицы продолжались на протяжении 1017(?)—1021 гг., так как Ластивертци сообщают, что после раздела страны, произведенного при посредничестве грузинского царя Георгия I, Ашот IV, могущественные соседи которого «отняли у него многие земли... не стерпел и, покинув свою страну, явился ко двору ромейского императора. Он был милостливо принят, попросил в помощь войска и с ними вернулся в свою страну... и вновь овладел многими гаварами и крепостями»³³. На стороне Ашота IV выступили и Васпуракан, и Грузия. Нет оснований полагать, что, поддерживая Ашота, Сенекерим Арцруни сознательно действовал в пользу Византии, заинтересованной в ослаблении Анийского царства³⁴; на стороне Ашота выступил и Георгий I, которого трудно заподозрить в провизантийских настроениях, ибо с 1014 г. он находился в состоянии войны с империей³⁵.

В 1021 г. имел место второй тюркский набег на Закавказье. Кочевники прошли западнее Васпуракана — через Нахчаван и Двин и были остановлены в гаваре Ниг Васакон Пахлавуни³⁶. В это же время в Закавказье появляется Василий II. Восточная политика империи активизировалась тотчас же после аннексии Болгарии (1018). Уже в 1018—1019 гг. предпринимается восстановление стен Феодосополя как опорного пункта империи у границ Грузии и армянских государств,³⁷ а в 1018—1021 г. на «восток» империи направляются болгарские войска³⁸. В 1021 г. империя начала войну с Георгием I за Тао, наследство куропалата Давида, что также не могло не отразиться на внешнеполитическом положении армянских государств. Военные действия велись и на территории нейтрального Вананда³⁹. Грузинская часть Тао, ставшая ареной военных действий, подверглась тотальному разорению. Ее население было частично перебито, частично — угнано — в фему Халдию⁴⁰.

В этой обстановке Сенекерим Арцруни был вынужден пойти на реализацию соглашения 1016 г. Во время зимовки Василия II в Трапезунде (1021/22 г.), накануне второго этапа византийско-грузинской войны, Сенекерим прибыл на встречу с императором и дал согласие на передачу

³² Матфей Эдесский, XI, 6.

³³ Аристакэс Ластивертци, с. 60.

³⁴ Бартикян Р. М. Указ. соч., с. 92.

³⁵ Аристакэс Ластивертци, с. 59—60.

³⁶ Матфей Эдесский, XI, 9—12; Вардан, с. 122; Histoire des Ardzrouni par le vartaped Thoma Ardzrouni. — «Collection d'Historiens arméniens», trad. par M.-F. Brosset. St.-Pb., 1874 (далее — *Продолжатель Арцруни*), р. 246—248.

³⁷ Аристакэс Ластивертци, с. 60.

³⁸ Там же, с. 57.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 61—62.

Васпуракана Византии⁴¹. Одновременно католикос Петрос доставил Василию II завещание шаханшаха Иованнеса-Смбата, предопределившее переход Анийского царства под власть Византии⁴².

В том же 1021 г. Арцруниды переселились в Севастию. Сенекерим стал патриkiem и стратигом Каппадокий, получив Севастию, Лариссу, Авару и «много других владений»⁴³. Вместе с ним переселились сыновья — Давид (получивший в 1022 г. Кесарию, Цамндав и Хаватенек⁴⁴), Атом и Абусахл и племянники — Дереник, Ашот и Гагик⁴⁵.

К сожалению, неизвестно, в какой форме и на каких условиях получили Арцруниды владения в империи. К 1065 г. наследники Сенекерима утратили Лариссу, а Гагик II — Кесарию, Цамндав и Хаватанек, полученные им в качестве приданого жены — дочери Давида Арцруни⁴⁶. Эти города были переданы империей Гагику Карсскому в обмен на Вананд.

Р. М. Бартиякн предположил, что Византия взорвала царство Арцруни не снаружи, как считалось до сих пор, а изнутри, и главную роль в этом сыграли прибывшие еще в 1016 г., «союзные» византийские войска⁴⁷. Основанием для этого послужил следующий пассаж Ластивертци: «Они (болгарские войска, — В. С.) прибыли туда и вконец разорили всю ту сторону. О, каким бедствием был их приход на восток, сколь несчастны места, где они проходили. Что за жестокий и безжалостный народ, жестокосердый и склонный к насилию!»⁴⁸

Г. Г. Литаврин считает, что риторика Аристакэса Ластивертци отражает реальный факт разорения болгарами одной из армянских фем⁴⁹. Р. М. Бартиякн пошел в своих выводах еще дальше, приписав болгарам разорение Васпуракана. Как уже отмечалось, основанием для этого послужили отождествление событий, описанных у Скилицы и Ластивертци. Закономерен следующий вопрос: если болгарские войска начали разорение Васпуракана по прибытии туда (а защищать его до 1021 г. было не от кого), почему Сенекерим Арцруни капитулировал перед Византией лишь в 1021 г., после тюркского набега, начала византийско-грузинской войны, распада Анийского царства, т. е. шесть лет спустя? Это произошло, вероятно, потому, что аннексия Васпуракана не была ни случайной, ни неожиданной. Она явилась закономерным этапом в развитии армяно-византийских отношений в целом и византийско-васпураканских — в частности и не имела характера случайной военной акции. Передача царства Арцруни Византии во многом повторяет более ранние аннексии — Тарона и Тао и, в свою очередь, повторяется в более поздних — Анийского царства и Вананда. В заключение следует подчеркнуть, что для политики Византии в Закавказье в период X—XI вв. характерна многолетняя и целеустремленная дипломатическая подготовка условий для присоединения армянских государств. В обстановке прогрессирующей феодальной раздробленности и ослабления последних, это привело к целому ряду аннексий, произведенных в специфической форме межгосударственных соглашений, подписание которых создавало юридическую основу для присоединения независимых армянских государств к империи. Таким путем в 966 г. был присоединен Тарон, в 1000 г. — Тао, в 1021 г. — Васпуракан, в 1041—1045 гг. — Анийское царство, в 1064 г. — Вананд.

⁴¹ *Яхья Антиохийский*, с. 62.

⁴² *Аристакэс Ластивертци*, с. 63.

⁴³ *Седг.*, II, р. 464.13—16; *Яхья Антиохийский*, с. 62; *Продолжатель Арцруни*, с. 246—248; *Анеци*, с. 443; *Кекавмен* («Советы и рассказы Кекавмена», с. 383) называет его магистром.

⁴⁴ *Вардан*, с. 116.

⁴⁵ Вероятно, еще в 1072 г. он владел Мутарасуном; см.: *Матфей Эдесский*, CV, 175—176; *Adontz N. Les Dallassenes. Notes armenobyzantines.* — *Вуз.*, X, 1, 1935, р. 181; ср. «*Chronique de Matthieu d'Edesse*», р. 416.

⁴⁶ *Аристакэс Ластивертци*, с. 85; *Вардан*, с. 116.

⁴⁷ *Бартиякн Р. М.* Указ. соч., с. 94.

⁴⁸ *Аристакэс Ластивертци*, с. 57.

⁴⁹ *Литаврин Г. Г.* Указ. соч., с. 31.

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

ФЕМА ВАСПУРАКАН

Фема-катепанат Васпуракан была юго-восточным пограничным форпостом Византийской империи в XI в. Она не была специально исследована, хотя постоянно упоминается в общих трудах по истории Армении и Византии. Предметом настоящей статьи является выяснение территориального состава и установление правителей фемы Васпуракан. Этим вопросам в той или иной степени коснулись в своих исследованиях И. Маркварт, Н. Скабаланович, Э. Хонигман, В. Варданян¹. Опираясь на одни и те же источники, эти исследователи, тем не менее, приходят к разным выводам относительно размеров Васпураканского катепаната.

По свидетельству Яхьи Антиохийского, «...уступил Сенахериб царь Асфарагана все свои крепости и земли и всю страну асфараганскую царю Василию и уступил ему Ибн-ал-Дайранц, сосед первого, свои крепости и замки, и присоединил царь все это к своему государству. И было число их более сорока — крепостей и замков. И сделал царь из них особое катепанство, и поместил в крепостях воинов, и поставил над ними правителей. Сенахерибу и Ибн-ал-Дайрани с их семействами и родственниками он дал в вознаграждение обширные имения, большие деньги и высокие титулы»².

Матфей Эдесский полагает, что Сенекерим передал Василию II 72 крепости и 4400 деревень³, приблизительно то же число называет Самвел Анеци⁴. В памятной записи одной рукописной Минеи указано, что Сенекерим дал императору свое владение — «72 крепости, 3400 обширных и доходных деревень и 10 городов: Хлат, Холц, Хизан и Кецан, Востан и Ван, Беркри Арджеш, Арцке и Манцкерт и все туманы Хлата от гор Сасуна до Севана и Нкана, до Саламаста и Джлмара, который Джуламерк»⁵.

Н. А. Скабаланович, мало знакомый с армянскими источниками⁶ дает

¹ Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1898, с. 199—200; Markwart I. Südarmenien und die Tigrisquellen. Wien, 1930, p. 400—490; Honigmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1961, p. 169—172; Варданян В. А. Царство васпураканских Арцрунидов 908—1021 гг. Ереван, 1969, с. 196—201, 240—250 (на арм. яз.).

² Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, с. 69; Повествование Аристагаса Ластивертци. Ереван, 1963, с. 34 (на древнеарм. яз.). По Скилице, «Сенекерим, архонт Верхней Мидии, которую ныне именуют Аспраканией», получил сан патрикия, звание стратега Каппадокии, города Севастию, Лариссу, Авару и многие другие владения; см.: Georgius Cedrenus. Ioannis Skylitzae op. ab. I. Bekkero suppletus et emendatus, II. Bonnæ, 1839 (далее — Cedr.), p. 464, 11—16.

³ Матфей Эдесский. Хроника. Валаршапат, 1898, с. 49 (на древнеарм. яз.).

⁴ Самвел Анеци. Валаршапат, 1893, с. 104 (на древнеарм. яз.).

⁵ Ташьян А. Перечень армянских рукописей Матенадарана мхитаристов в Вене. Вена. 1895, с. 100 (на арм. яз.).

⁶ См., например: Скабаланович Н. Указ. соч., с. 199.

несколько расплывчатое описание границ Васпураканской фемы: «Верхняя Мидия или Васпуракан—фема—катепанат, лежащая на восток от оз. Ван и с трех сторон охваченная мусульманскими владениями — с юга Курдистаном, с востока Азербайджаном, с севера Двином»⁷.

В работах других упомянутых выше исследователей (И. Маркварт, Э. Хонигман, В. Варданян) полностью использованы армянские источники, причем оценка этих источников у всех троих почти совпадает. Исключение составляет текст записи Минеи.

В. Варданян считает свидетельство Минеи бесспорным и полагает, что Манцкерт (он имеет в виду известный Манцикерт в Апахунике. — В. А.), Беркри, Арджеш, Арцке и Хлат были в свое время отняты Василием II у мусульманских владетелей и пожалованы Сенекериму в 1001 г., когда византийский император прибыл на Восток, чтобы завладеть наследством Давида Куропалата. Этот дар, по мнению Варданяна, должен был вызвать распри между Арцруни и грузинскими Багротидами и облегчить впоследствии захват Византией Васпуракана⁸. Это остроумное предположение не находит, однако, опоры в источниках. Асолик, рассказывая о свидании князей Арцруни с Василием II, указывает только, что эти владетели были встречены императором с большим почетом и получили богатые дары⁹. Что касается Хлата, Арджеша, Беркри и Арцке, то они не были завоеваны Василием II и, следовательно, не могли быть пожалованы Сенекериму в 1001 г. Хлат так никогда и не попал в руки ромеев, а Арджеш и Беркри перешли к империи уже во время существования Васпураканской фемы¹⁰. Маназкерт (Манцикерт) в Апахунике Василий II также не пожаловал Сенекериму по той причине, что Апахуник вошел в состав фемы Иверия, созданной императором в том же 1001 г.¹¹ Кроме того, как будет показано ниже, в тексте Минеи речь идет вовсе не об этом Маназкерте. В. Варданян считает также бесспорным, что Сасун принадлежал Арцрунидам и что Сенекерим передал его Василию II. Он опирается на памятные записи и сведения арабского историка Ибн-ал-Азрака, приведенные Марквартом¹².

Сам Маркварт, однако, отмечает, что упоминание в источниках Арцрунидов как владетелей Сасуна может быть не столько отражением исторической действительности, сколько данью литературной традиции, идущей от Мовсеса Хоренаци, который упоминает Санасара, сына Сенахериба, завладевшего южной Арменией¹³. Впрочем, он допускает, что Сасун в конце X в. существовал как своего рода анклав Васпуракана, окруженный с юга, юго-запада и юго-востока мусульманскими владениями¹⁴. Маркварт подвергает сомнению приведенные данные Минеи, утверждая, что Беркри, Арджеш и Арцке принадлежали мусульманским эмирам, никогда не входили во владения Сенекерима и только впоследствии, благодаря усилиям византийских катепанов, вошли в фему Васпуракан¹⁵. Крепости же Хлат и Балеш так никогда и не попали в руки ромеев и, по мнению Маркварта, не может быть и речи о том, что они были подвластны Сенекериму¹⁶. Маркварт отмечает, что император не жаловал Сенекериму Харк и Апахуник, а, напротив, «взял их в собственное вла-

⁷ Там же.

⁸ Варданян В. Указ. соч., с. 199.

⁹ Степанос Гаронский (Асолик). Всеобщая история. СПб., 1885, с. 273—274 (на древнеарм. яз.).

¹⁰ См. ниже.

¹¹ Арутюнова В. А. Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI в. — ИФЖ, 1972, № 1, с. 92—96.

¹² Варданян В. А. Указ. соч., с. 197, прим. 493.

¹³ Markwart I. Op. cit., S. 473.

¹⁴ Ibid., S. 490.

¹⁵ Ibid., S. 470—471.

¹⁶ Ibid., S. 487.

дение»¹⁷. Маркварт сомневался и в том, что Сенекериму принадлежали города Хизан и Кецан¹⁸.

Э. Хонигман полностью разделяет сомнения Маркварта в осведомленности автора записи в Минее и полагает, что текст этой записи относится к XII в., не содержит точных данных и потому не представляет для нас никакой ценности¹⁹. Хонигман определяет границы Васпуракана к 1000 г. следующим образом: «На северо-западе Васпуракан граничил с византийскими областями Харком и Апахуником с Манкертом. Западную границу образовывало оз. Ван; Востан на его южном берегу принадлежал еще Васпуракану. На юге он примыкал к Андзевацику, арабский аз-Завазан, который лежал к югу от Хайоц дзора на берегу Бохан-су и ее притока Марием-су... Часть Верхнего Заба с крепостями Джуламерк (арм. Джлмар) и Сринг в области Малого Албака принадлежала к провинции Корджайк, в то время как Большой Албак с Адамакертом и Хасабом еще находился в Васпуракане. На востоке большую часть границы образовывал горный хребет, по которому проходит современная турецко-персидская граница. Хой, Саламас и Зареванд принадлежали к Адарбайджану. Только самая северо-восточная область Васпуракана Джвап (Շվաֆ или Շվաֆրոտ) простиралась до Аракса. Резиденцией князей Васпуракана были Остан в Рштунике и Ван»²⁰.

Нетрудно заметить, что при определении территории царства Сенекерима Хонигман почти во всем солидаризуется с Марквартом, но если Маркварт допускает, что Сасун мог входить во владения Сенекерима хотя бы в качестве энклава, то Хонигман решительно утверждает, что упоминание Сенекерима как владетеля Сасуна есть литературная традиция. В лучшем случае, по мнению Э. Хонигмана, Сенекерим, владетель Сасуна, был тезкой или родственником Сенекерима Арцруни²¹. Хонигман считает, что фема-катепанат Васпуракан была образована из земель Сенекерима и владетеля Андзевацика, а позже в нее вошли города Кайсика, «которые частью были уже византийскими, как Манцикерт, а частью были завоеваны позже, как Арджеш и Беркри»²². За пределами царства Сенекерима, по Хонигману, остаются не только Хлат, Арджеш, Арцке, Беркри и Манцикерт, но и Мокк с Хизаном и Кецаном, и область крепости Джуламерк на юге, крепости Саламаст и Зарехаван на востоке, районы Севана и Нкана на севере.

Заключения относительно территории фемы Васпуракан находятся в зависимости от отношения исследователей к сведениям упомянутой выше памятной записи рукописной Минеи. Присмотримся внимательнее к этому важному источнику.

Текст памятной записи — значительно более позднего времени, чем эпоха последнего царя Васпуракана. Он относится даже не к XII в., как полагают Й. Маркварт и Э. Хонигман, а к эпохе монгольского владычества, т. е. был написан не ранее XIII в., поскольку в нем упоминаются туманы (*ᠲᠦᠮᠠᠨ*) Хлата²³. С. Т. Еремян отметил хорошую осведомленность автора записи в топонимике Южной Армении, указал, что с точки зрения исторической географии это полностью исключает возможность фальсификации и предположил, что автор записи опирался на хорошо информированный источник. Однако, при анализе текста записи нельзя не учитывать того, что Манцикерт действительно вошел в состав фемы Иверия, а Беркри, Арджеш, Хлат и Арцке находились в момент

¹⁷ Markwart I. Op. cit., S. 473.

¹⁸ Ibid., S. 490.

¹⁹ Honigmann E. Op. cit., S. 169.

²⁰ Ibid., S. 170.

²¹ Ibid., S. 171.

²² Ibid., S. 171—172.

²³ Туман (монг.) — область, которая может выставить 10 000 всадников.

передачи Сенекеримом своих владений Византии под управлением мусульманских эмиров.

Как же разрешить противоречие между осведомленностью автора записи Минеи и его утверждением относительно принадлежности Сенекериму владений мусульманских эмиров? Для решения этого вопроса рассмотрим все города, названные в записи Минеи.

Холц, Хизан и Кецап²⁴ — это города области Мокк, владельцы которой находились в теснейшей вассальной зависимости от князей Васпуракана. Востан и Ван — столичные города Васпураканского царства. Крепости Севан и Нкан издавна принадлежали васпураканским владетелям²⁵. Саламаст также был во владении васпураканских князей. В истории Псевдо-Шапуха Багратуни, где в повествовательную ткань легендарных сказаний и новелл вкраплены ценнейшие исторические факты, рассказывается о том, что ишхан Васпуракана Дерэн при взятии города Саламаст сказал: «предки мои заложили его основы и окружили его стеной»²⁶. Тот же ишхан Дерэн, по Псевдо-Шапуху, построил в Зараванде укрепленный город и «благоустроил всю область Дапшт-авари вплоть до моря Али»²⁷. Крепость Джлмар или Джуламерк находилась в области Корджайк²⁸, где правили князья из дома Арцруни, находившиеся, как и моккские владельцы, в вассальной зависимости от старшей ветви Арцрунидов.

Упоминание о Манцикерте рядом с этими городами, находящимися в самом Васпуракане или в непосредственной близости от него, выглядит настолько неожиданным, что невольно возникает сомнение в том, идет ли здесь речь о Манцикерте в Апахунике. Кроме этого прославленного в истории средневекового Востока города, был еще маленький городок Манаkert, который находился в Васпуракане, в области Рштуник напротив острова Ахтамар²⁹. Несомненно, автор записи имел в виду именно его.

Итак, в памятной записи Минеи названы владения Сенекерима, которые простирались от областей Севана и Нкана на севере до Андзевацика и Корджайка на юге и от оз. Ван на западе до Саламаста и Зарехавана на востоке. Помимо собственно Васпураканского царства, в Минеи названы также территории, подвластные Сенекериму на основе вассальных отношений: Андзевацик и Корджайк (которые граничили на севере с Васпураканским царством, на юге — с владениями эмиров Мосула, на западе — с Мокком, на востоке — с мусульманскими владетелями Хоя³⁰) и Мокк, который с юга и запада охватывали владения Мерванидов, а с севера и востока — собственно Васпуракан.

Упоминание в Минеи Хлата, Беркри, Арджеша и Арцке, наряду с Мокком и Андзевациком, свидетельствует, может быть, о том, что мусульманские эмиры этих городов были в тех же отношениях к Сенекериму Арцруни, что и христианские владельцы Мокка и Андзевацика. Армянские источники хранят память о том, что Беркри и Арджеш были ленными владениями «татчиков», полученными ими от царя Смбата I

²⁴ Атлас Армянской ССР. Ереван—Москва, 1961, с. 105.

²⁵ История анонимного повествователя. Псевдо-Шапух Багратуни. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1971 (далее — *Пс.-Шапух*), с. 128, 144, 146, 170, 192.

²⁶ *Пс.-Шапух*, с. 156. О том, что Саламаст входил в Васпуракан, см. там же, с. 166.

²⁷ Там же, с. 130. Море Али — озеро Урмия (там же, с. 222). Зареберд, который благоустроил другой Дерэн Арцруни — возможно, Зарехаван (там же, с. 156, 225).

²⁸ Атлас Армянской ССР, с. 105 (карта «Армения на рубеже X—XI вв.»).

²⁹ Там же, с. 104. Приношу глубокую благодарность С. Т. Еремяню, обратившему мое внимание на этот город. С. Т. Еремян указал, что Манаkert ведет свое происхождение со времен царства Урарту и что в исторических документах нередко путаются Маназкерт и Манаkert; последний именуется ныне Карагаштом.

³⁰ Атлас Армянской ССР, с. 105.

Багратуни (890—914)³¹. Мусульманские эмиры небольших областей охотнее признавали сюзеренитет соседних христианских царей, чем своих могущественных единоверцев³².

Известно, что ряд соседних мусульманских владетелей был в вассальных отношениях к владыкам Васпуракана³³. Возможно, что в начале XI в. эмиры Хлата, Беркри, Арджеша и Арцке признавали своими сюзеренами князей Арцруни. Это предположение подтверждается свидетельством Аристакаса Ластивертци, который указывает, что «бердакалак Беркри принадлежал стране Арцрунидов вместе с окружающими его дастакертами»³⁴. Что касается горной области Сасун, то вряд ли упоминания Арцрунидов в надписях и исторических хрониках как владык Сасуна на рубеже X—XI вв. можно связывать только с исторической традицией, хотя последняя, без сомнения, имела место. Возможно, Сасун после захвата Византией Таронской области, с которой он был исторически связан, признал сюзеренитет Васпуракана. Можно предположить, следовательно, что Сенекерим передал Византии как свои личные владения, так и владения своих вассалов.

Итак, кажущиеся противоречия сведений памятной записи Минеи могут быть разрешены в том смысле, что автор записи, назвав города и селения, действительно подвластные Сенекериму, не стал уточнять степень их зависимости. Эта деталь представится отнюдь не случайной, если учесть время составления записи. В эпоху монгольского владычества в Ахтамаре пребывали католики из рода Арцруни — Хеденикидов, сделавшие этот сан наследственным. Появление записи, рассказывающей об огромных владениях дома Арцруни, могло быть обусловлено стремлением католиков Ахтамара обосновать свои претензии на доходы от пасты по всей территории, в той или иной мере некогда подвластной Сенекериму Арцруни. При этом не в их интересах было подчеркивать, что одни области безоговорочно подчинялись васпураканскому владетелю, другие находились в действительной зависимости от него, а третьи только формально признавали его сюзеренитет. А между тем эта разница и определила различное отношение этих территорий к катепанату Васпуракана. Разумеется, одного волеизъявления Сенекерима было достаточно, чтобы передать его родовые владения Византии. Но с землями его вассалов дело обстояло не так просто.

Одного решения сюзерена для такой передачи, по-видимому, было недостаточно. Из сообщения Яхьи Антиохийского видно, что Ибн-ал-Дайрани, владетель Андзевацика, подтвердил лично согласие на передачу своих владений Византии. Очевидно, так же должен был поступить и владетель Мокка, поскольку в источниках нет никаких сведений о том, что позже эту область пришлось завоевывать. Да и маловероятно, чтобы непосредственно граничащая с мусульманским миром маленькая область отказалась принять покровительство Византии. Скилица упоминает Арцке как город Васпураканской фемы³⁵ и нет никаких данных о том, что он был завоеван кем-либо из византийских наместников уже после передачи Васпуракана. Мы, следовательно, можем предположить, что правитель

³¹ *Овсепян Г.* Памятные надписи рукописей, т. 1. Ереван, 1954, с. 180; ср. также: *Ис.-Шапух*, с. 160: «Некоему татчику, имя которого было Абухечр он (Смбат I. — В. А.) отдал крепость Беркри. Город Арчеш он дал другому татчику, который пришел к царю Смбату из города Дербенда. Область Цахкоти он отдал еще какому-то татчику по имени Рача».

³² Так, например, эмир Тбилиси был вассалом грузинского царя, а не халифа. Мелкие эмиры опасались своих могущественных единоверцев, подчинение последним нередко приводило к физическому уничтожению семей этих эмиров и захвату их эмиратов.

³³ *Ис.-Шапух*, с. 126. Мусульманские эмиры Гера и Маранда оказывали военную помощь братьям Арцруни (там же, с. 158).

³⁴ Повествование Аристакаса Ластивертци, с. 75.

³⁵ II, р. 577, 6—10; ср.: Повествование Аристакаса Ластивертци, с. 48.

Ардже признал волю своего сюзерена. Однако, эмиры Хлата, Беркри и Арджеша, как и горцы Сасуна, отказались признать власть Византии. Сасун вел самостоятельное политическое существование вплоть до столкновения с Филаретом Варажнуни. Хлат так никогда и не попал в руки ромеев. А Беркри и Арджеш были завоеваны уже после образования Васпураканской фемы: Арджеш завоевал Никифор Комнин, бывший катепаном Васпуракана до 1026—1027 гг.³⁶; Беркри был завоеван в 1033—1034 гг.³⁷

Итак, к 1034 г. фема-катепанат Васпуракан простиралась от областей Арджеша, Беркри, Севана и Нкана на севере до Мокка, Андзевацика и Корджайка на юге, от оз. Ван на западе до районов Саламаста и Зареванда на востоке³⁸. Фема Васпуракан граничила на севере с царством Ширакских Багратидов и гаварами Багреванд, Цахкоти, Коговит — вассалами этого царства, на северо-западе — с византийской фемой Иверия, на западе (по оз. Ван) — с эмирами Хлата и Балеша, на юге — с государством Мерванидов, а на востоке — с мусульманскими владельцами северо-западного Ирана³⁹.

Отдельные правители Васпуракана упоминаются в различных исследованиях. Попытку составить их список предпринял Н. А. Скабаланович, однако его перечень наместников является неполным⁴⁰. Список, приведенный В. Варданяном, также неполон и не всегда точен⁴¹.

Первым правителем Васпуракана Василий II назначил патрикия Василия Аргира, который был отозван за неспособность в том же, очевидно, 1022 г.⁴²

Его преемником на посту правителя фемы был протовестиарий Никифор Комнин⁴³. Скилица сообщает, что император Константин VIII (1025—1028) утвердил «архонтом Мидии и Аспракании и находящихся по соседству народов Никифора Комнина, мужа разумного и прославленного храбростью»⁴⁴. Столь же панегирически отзываясь о нем и армянский историк: «Комиан, муж храбрый и воинственный, поставленный еще братом Константина. Комиан прославился своими смелыми и мужественными делами против персидского двора и стал знаменит на весь Восток»⁴⁵. Этот популярный полководец задумал государственный переворот⁴⁶ и начал соответствующую подготовку в войсках, подчиненных

³⁶ Повествование Аристаркеса Ластивертци, с. 40—41.

³⁷ Там же, с. 48—49; ср.: *Honigmann E.* Op. cit., S. 171—172.

³⁸ В области Зараванда, кроме районов, входящих в Васпураканское царство, были и владения мусульманских эмиров; см.: *Марфей Эдесский.* Указ. соч., с. 90.

³⁹ Фема по размерам весьма значительна, и возможно, что число крепостей и деревень, переданных Сенекеримом Василию II, не настолько завышено источниками, как полагали исследователи (см. выше).

⁴⁰ Не упомянуты Кавасила, Григорий магистр, Багарат.

⁴¹ Не упомянуты Константин Кавасила, Стефан Лихуд, Багарат, дука Михаил. Причиной некоторых неточностей является использование сведений греческих источников из вторых рук; см., например, пассаж о назначении Аарона на пост правителя Васпуракана в 1058 г. (*Варданян В.* Указ. соч., с. 249). Список васпураканских правителей дает и Р. М. Бартикан в комментариях к книге Лео. Однако, приводя свой перечень, исследователь не сопровождает его пояснениями относительно порядка наместников (с которым не всегда можно согласиться); см.: *Лео.* История армянского народа, т. II. Ереван, 1970, с. 761.

⁴² *Cedr.*, II, p. 464. Р. Гийан ошибочно датирует передачу Васпуракана 1016 г. и соответственно относит правление Аргира к 1016 г.; см.: *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin—Amsterdam, 1967, p. 106—107; ср. также p. 307.

⁴³ *Cedr.*, II, p. 464, 20—22; *Guilland R.* Op. cit., p. 107 (о фамилии Комнинов см.: *ibid.*, p. 318—319).

⁴⁴ *Cedr.*, II, p. 481, 22—23.

⁴⁵ Повествование вардапета Аристаркеса Ластивертци, перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Юзбашяна. М., 1968, с. 70.

⁴⁶ Аристаркес полагает, что Комнин собирался царствовать на Востоке; см.: Повествование Аристаркеса Ластивертци, с. 41.

ему как стратигу фемы. Заговор был раскрыт, Константин VIII отозвал Никифора Комнина в Константинополь и ослепил⁴⁷.

Вопрос о наместниках Васпуракана в период между правлениями Никифора Комнина и Георгия Маниака в историографии чрезвычайно сложен и запутан. Проводятся необоснованные идентификации, хронология правления преемников Никифора Комнина почти совсем не выяснена. Ряд исследователей без всяких оснований идентифицирует Константина Кавасилу (очевидно, грека) с болгариним Хрисилием⁴⁸. К. Н. Юзбашян, справедливо указывая на ошибочность такой идентификации⁴⁹, сам делает попытку отождествить Гандзи и Хрисилия⁵⁰.

Что же касается хронологии этого периода, то у Э. Хонигмана, например, Константин Кавасила, правивший, по Аристархосу, в Васпуракане в царствование Михаила IV Пафлагона (1034—1041), оказывается отнесенным к периоду правления Романа III Аргира (1028—1034). Э. Хонигман, вопреки свидетельству Матфея Эдесского, считает, что Гандзи осаждал Беркри в 1033—1034 гг., а не в 1036—1037 гг. Правление Николая Хрисилия и Никиты Пигонита не датируется у этого исследователя, но поставлено после захвата Беркри войсками Гандзи⁵¹. У Н. А. Скабалановича Кавасила не упоминается вовсе, а Никита Пигонит считается преемником или офицером Георгия Маниака⁵².

Отождествление несопоставимых лиц и произвольность хронологии у ряда авторов можно объяснить, с одной стороны, недостаточным знанием армянских источников и запутанной хронологией этих источников. С другой стороны, исследователей вводит в заблуждение своеобразная судьба города-крепости Беркри.

Как упоминалось выше, Беркри был передан Сенекеримом Арцруни в числе прочих владений его вассалов императору Василию II. Однако мусульманский владетель города не признал этой передачи. В течение последующего десятилетия Беркри, как явствует из армянских и греческих источников, переходил из рук в руки. Каждому византийскому наместнику Васпуракана приходилось вновь завоевывать Беркри. Однако частые упоминания о Беркри в течение столь короткого промежутка времени заставили некоторых исследователей отнестись с недоверием к этой информации и высказать предположение, что в ряде случаев речь идет не о разных, а об одном и том же захвате Беркри. Между тем, пристальное внимание к Беркри со стороны византийцев и арабов не должно удивлять. Это был стратегически важный пункт, и поэтому естественно, что ромеи старались овладеть этой крепостью, а арабы удержать ее в своей власти.

В царствование Романа III Аргира наместником Васпуракана был патрикий Николай, болгарин по прозвищу Хрисилий. Скилица сообщает о том, что в наместничество Хрисилия (1032—1033) владетель крепости Беркри Алим решил передать ее императору ромеев и потребовал взамен титул патрикия и «много иных почестей». Алим отправил сына в Константинополь, а крепость сдал наместнику Васпуракана. Сыну Алима не удалось добиться аудиенции у императора. Очевидно, в Константинополе считали Беркри уже принадлежащим империи по воле Сенекерима Арцруни и не пожелали вновь платить за то, что было однажды куплено. Посланец вернулся в гневе и побудил отца снестись с соседними

⁴⁷ *Cedr.*, II, p. 482, 3—16; Повествование Аристархаса Ластивертци, с. 40—41; Скабаланович А. Указ. соч., с. 8.

⁴⁸ См.: Бартикян Р. М. К вопросу о политической ориентации Григория Магистра. — В кн.: Страницы истории и филологии армянского народа. Ереван, 1971, с. 69—70.

⁴⁹ Повествование вардапета Аристархаса Ластивертци, с. 158, прим. 13.

⁵⁰ Там же, прим. 15. А. П. Каждан отметил, что была болгарская фамилия Хрисилиев, никак не связанная с Гандзи; см.: Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, с. 123.

⁵¹ *Honigmann E.* Op. cit., p. 172.

⁵² Скабаланович Н. Указ. соч., с. 199.

эмирами, чтобы с их помощью вновь завладеть своей крепостью. При захвате Беркри погибло 6000 ромейских солдат⁵³.

«Однако, спустя малое время, — пишет Скилица, — патрикий Никита Пигонит, посланный туда (в Васпуракан. — В. А.) архонтом, в течение долгого времени осаждал город с русскими⁵⁴ и всеми прочими ромейскими войсками». Наконец, город был взят, Алим и его сын убиты. По Скилице, это произошло в 1034 г.⁵⁵ Пигонит, следовательно, был наместником Васпуракана между 1033 и 1034 гг.

В 1034 г. императором Византии становится Михаил IV Пафлагон. Аристокэс Ластивертци сообщает, что в правление этого императора правителем Васпуракана был Кавасила⁵⁶. Скилица называет его «патрикий Константин Кавасила»⁵⁷. Очевидно, к началу его наместничества Беркри вновь попал в руки арабов, поскольку Константину Кавасиле опять пришлось завоевывать этот город. Город был взят, и в нем в качестве гарнизона были оставлены конные отряды.

«Но в это время, — пишет Аристокэс, — его место занял другой и с остальными войсками удалился от Беркри, он расположился в местности Арцак»⁵⁸. Бывший владетель Беркри Хтрик обратился за помощью к соседним мусульманским владетелям. Объединенные силы мусульман, воспользовавшись недостаточной бдительностью защитников города, взяли Беркри штурмом. При этом, как пишет Аристокэс, погибло 24 тысячи человек; войска, находившиеся в Арцаке, не успели подать им помощь⁵⁹.

В этом отрывке не названо имя наместника Васпуракана, сменившего Кавасилу, а также имя византийского коменданта Беркри. А о дате известно только то, что это событие произошло в правление Михаила IV, очевидно, в первые годы его царствования.

О борьбе с Хтриком, правителем Беркри, рассказывает и Матфей Эдесский. По свидетельству этого автора, «великий князь армянский Гандзи» в 1036—1037 гг. отнял Беркри у «татчиков». Однако, заняв город, его войско «делалось беспечным и предалось великому пиру», и Хтрик, бывший эмир Беркри, с помощью своих соплеменников вновь захватил город. В битве был убит князь Гандзи⁶⁰.

Нетрудно заметить, что Аристокэс и Матфей Эдесский повествуют об одних и тех же событиях. Но рассказ Матфея содержит более точную информацию о дате. Назван и комендант Беркри. По Матфею Эдесскому, город захватил Гандзи.

Сопоставляя данные Аристокэса и Матфея, можно предположить, что Гандзи руководил при Константине Кавасиле штурмом города, а затем стал его комендантом и оставался им и при новом наместнике Васпуракана. Кто же был этот новый правитель? По Скилице, в 1035 г. император «отозвал из Эдессы патрикия Георгия Маниака и послал его архонтом в верхнюю Мидию и Аспраканию»⁶¹. Очевидно, Маниак оставался на этом посту и в 1036—1037 гг., когда ромеи вновь утратили Беркри⁶². «На следующий год, — пишет Аристокэс, — император вновь отправил войска, которые по прибытии установили машины и камни и начали крушить крепостные стены». Сильный натиск привел

⁵³ *Cedr.*, II, p. 502, 16—18; 503, 1—4.

⁵⁴ О русском корпусе в составе византийской армии см.: Советы и рассказы Кавкамена, сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 438—439.

⁵⁵ *Cedr.*, II, p. 503, 4—8; о Пигоните см.: *ibid.*, p. 467, 2—4.

⁵⁶ Повествование Аристокэса Ластивертци, с. 48.

⁵⁷ *Cedr.*, II, p. 537, 18—19; Константин Кавасила был «дукой Запада» при императрице Зое (1042): *ibid.*, p. 541, 14.

⁵⁸ Может быть, Арцке?

⁵⁹ Повествование Аристокэса Ластивертци, с. 48—49.

⁶⁰ *Матфей Эдесский*. Указ. соч., с. 75.

⁶¹ *Cedr.*, II, p. 512, 9—11.

⁶² О Георгии Маниаке см.: *Moravcsik G. Byzantinoturcica*, II. Berlin, 1958, S. 181.

к тому, что защитники города заключили мир с ромеями и передали им «крепость и дастакерты» на условиях свободного выхода из Беркри. «С тех пор и поныне упразднена власть персов над этим местом», — заключает Аристокэс, Ластивертци⁶³. Поскольку Аристокэс пишет, что все это произошло «на следующий год» после потери Беркри, а это событие, как мы видели выше, произошло в 1036—1037 гг., то, очевидно, окончательное утверждение власти ромеев в этом городе следует отнести к 1037—1038 гг.⁶⁴

Матфей Эдесский пишет, что сын Гандзи Татчат наследовал отцу⁶⁵. Может быть, это означает, что Татчат был комендантом Беркри после 1038 г.?

В «Хронике» Матфея Эдесского упоминается также некий Хачик, князь из васпураканского гавара Торнаван, сыновья которого Хасан и Чинчилук с войсками находились на службе императора Михаила⁶⁶. При этом не указано, проходила ли служба императору в Константинополе, или же они находились при византийском наместнике Васпуракана. Скорее всего, верно последнее предположение: когда Хачик и его младший сын Ишхан погибли во время набега мусульман из Гера и Саламаста, Хасан немедленно отомстил за их гибель⁶⁷.

В. Варданян полагает, что борьба Хачика и его сыновей с мусульманами говорит о том, что Васпуракан обороняла не Византия, а местные князья⁶⁸. Однако этот пассаж скорее можно понять в том смысле, что местные князья обороняли свои земли, вошедшие в византийский военно-административный округ, находясь со своими военными отрядами в составе фемного войска империи.

Есть и другие свидетельства источников, доказывающие, что в византийских фемах, организованных на армянских землях, оставались армянские военные силы. Так, Матфей Эдесский рассказывает, что «царь ромеев Михаил собрал войско со всей греческой земли и также из армянских войск из областей, которые находились под управлением ромеев: Себастья и Тарон и весь Васпуракан»⁶⁹. Князь Гандзи штурмовал Беркри с армянским (*Armenian*) войском⁷⁰. Скилица, рассказывая о столкновении Стефана Лихуда с сельджуками, отмечает, что катепан Васпуракана послал для отражения неприятеля местное войско, τὸ ἐγχώριον στρατόν⁷¹.

Эти факты могут поколебать установившееся в историографии представление о том, что Византия, переселяя правящие дома Армении с их дружинами в глубь империи, полностью лишала страну ее военных сил. Очевидно, на месте оставались менее крупные князья, прежние вассалы Арцруни и Багратидов, а затем подданные империи в лице ее наместников; их отряды, по-видимому, составляли немалую часть фемного войска. Скилица полагает, что распущенное в феме Иверия местное войско включало в себя около 50 000 человек⁷².

В царствование Константина IX Мономаха (1042—1055) катепаном Васпуракана был патрикий Стефан Лихуд, племянник первого министра

⁶³ Повествование Аристокэса Ластивертци, с. 49.

⁶⁴ К. Н. Юзбашян, следуя за Э. Хонигманом, ошибочно полагает, что «следующий год» — это год 1035; см.: Повествование вардапета Аристокэса Ластивертци, с. 153.

⁶⁵ Матфей Эдесский. Указ. соч., с. 75.

⁶⁶ Там же, с. 90.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Варданян В. Указ. соч., с. 244.

⁶⁹ Матфей Эдесский. Указ. соч., с. 88.

⁷⁰ Там же, с. 75.

⁷¹ *Cedr.*, II, p. 571, 3—4.

⁷² *Ibid.*, p. 608, 20—24. Возможно, эта цифра преувеличена, но и самая ее завышенность указывает на значение, количественное и качественное, местных отрядов в системе пограничной обороны Византии.

императора⁷³. Матфей Эдесский называет его так: «некий полководец ромеев, имя которого было Степан катапан»⁷⁴. И греческий и армянский хронисты рассказывают о самом драматическом моменте наместничества Стефана. В 1045 г. эмир Мосула разбил турок-сельджуков под командованием Кутулмыша, родственника Тогрул-бека. Кутулмыш, подойдя к Васпуракану, послал гонцов с дарами в Арджеш, резиденцию наместника, и просил разрешения свободно пройти через Васпуракан, клятвенно обещая не причинять области никакого вреда, что вовсе не было в привычках сельджуков. Очевидно, сыграли роль и недавнее поражение, и осведомленность о военных силах, которыми располагал наместник Васпуракана. Стефан Лихуд отказал Кутулмышу и выступил против турок. Битва закончилась поражением ромеев. Лихуд был уведен в плен⁷⁵.

В 1047—1049 гг. наместником Васпуракана был Аарон, сын болгарского царя Ивана Владислава⁷⁶.

Во время правления Аарона сельджуки несколько раз пытались захватить как Васпуракан, так и всю остальную Армению. Византийские наместники в армянских землях (с ведома и по приказу императора) объединили свои силы для отпора врагу. Совместные действия Кекавмена, правителя фемы Иверия, Аарона, наместника фемы Васпуракан, Григория Пахлавуни и князя Липарита весьма подробно освещены в армянских и греческих источниках и хорошо изучены в историографии⁷⁷. Я хочу только остановиться на политике, которую проводил Аарон в качестве правителя Васпуракана в чрезвычайных условиях сельджукского нашествия.

В 1048 г. султан послал против ромеев 20 000 солдат под командованием своего племянника Асана для захвата Васпуракана. Асан через Тавриз достиг Васпуракана и принялся опустошать эту область, не встречая никакого сопротивления. По свидетельству Скилицы, Аарон «не считал себя достойным противником (*ἀξιόμαχος*) Асана и решился выступить против сельджуков, только объединившись с Кекавменом⁷⁸. После разгрома Асана султан послал еще более значительное войско. Скилица рассказывает, что на военном совете Катакалон Кекавмен предложил встретить турок «за пределами Романии», т. е. вне подведомственных им фем. Аарон же предлагал сохранить силы, укрепить города и крепости и, затворившись внутри стен, сообщать обо всем императору и без его приказа не воевать против столь огромного войска варваров. Победило мнение Аарона⁷⁹. Император приказал стратигам ждать Липарита с войском, и, пока они бездействовали, Асан с огнем и мечом прошел через Васпуракан. Когда сельджуки осадили богатый торговый город Арцке, Кекавмен предложил напасть на них, «а Аарон вновь предложил ничего не предпринимать до подхода Липарита», теперь уже ссылаясь на приказ императора. В результате Арцке был взят, жители перебиты, сельджуки взяли огромную добычу и двинулись в Иверию⁸⁰.

⁷³ Скабаланович Н. Указ. соч., с. 200; ср.: Beck H.-G. Der byzantinische Ministerpräsident. — ВЗ, 48, 1955. О πρώτος ἀνδράπορος (первом человеке) при императоре см.: Советы и рассказы Кекавмена, с. 333—334.

⁷⁴ Матфей Эдесский. Указ. соч., с. 99.

⁷⁵ Матфей Эдесский. Указ. соч., с. 99; Cedr., II, p. 570, 18—23; 571, 1—9; Michaelis Attaliatae Historia. Bonnae, 1853 (далее Attal), p. 43, 21—22; 44, 1—10.

⁷⁶ Cedr., II, p. 573, 23; 574, 1. О жизни и деятельности Аарона см.: Schlumberger G. La Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, p. 316—317; Lascaris M. Sceau de Radomir Aaron. — BS, III, 1931, p. 404—412.

⁷⁷ Cedr., II, p. 575—581; Attal., p. 44—45; Матфей Эдесский. Указ. соч., с. 107—109; Повествование Аристаркса Ластивертци, с. 80—81; Бенешевич В. Н. Три анийские надписи XI в. из эпохи византийского владычества. Петроград, 1921, с. 9 и сл.; Заатарски В. Н. История на Българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, с. 131—132; Dölger F. Regesten der Keiserurkunden des Oströmischen Reiches, II. Teil. Berlin—München, 1925, p. 9.

⁷⁸ Cedr., II, p. 573, 19—23; 574, 1—5.

⁷⁹ Ibid., p. 575, 12—24; 576, 1—2.

⁸⁰ Ibid., p. 577, 6—24; 578, 1—16.

После битвы в Басене у крепости Капетра, в результате которой Липарит попал в плен, вожди ромеев осадили крепость, где засели сельджуки, но простояли там только ночь⁸¹. «На рассвете, — пишет Скилица, — Аарон, собрав свое войско, отошел в Ван, столицу Васпуракана (*Մթաւ տօ՛ւ Վասփրական*), а Кекавмен со своими отошел в Ани»⁸². По Скилице, Аарон был только инициатором отхода уже после битвы, а Аристакэс Ластивертци считает, что «сын Булгара» бежал без боя⁸³. Так или иначе, но и греческий и армянский хронисты показывают, что принятая Ароном тактика борьбы с сельджуками была пассивной и потому безрезультатной.

В одном из своих посланий известный военный и политический деятель Армении и Византии Григорий Магистр Пахлавуни пишет, что он был магистром и дукой Месопотамии, Васпуракана, Тарона, Манцикерта и других областей⁸⁴. Очевидно, в этой фразе отражен *cursus honorum* Григория. Надпись на соборной церкви Кечариса уточняет, что дукой Васпуракана и Тарона он был в 1051 г.⁸⁵ Возможно, Григорий Магистр был непосредственным преемником Аарона на посту наместника Васпуракана, административно объединенного в этот период времени с Тароном. Очевидно, Месопотамия уже не находилась под управлением Григория, иначе это было бы отражено в Кечарисской надписи⁸⁶.

В памятной записи монаха Феодула указано, что в 1059 г. правителем Васпуракана был некий Панкратий⁸⁷. Неизвестно, был ли он непосредственным преемником Григория Магистра. Предположение, что этот Панкратий и правитель Ани Багарат Вхкаци — одно и то же лицо⁸⁸, остается пока гипотезой⁸⁹. Ко времени правления Панкратия (Баграта?) территория катепаната Васпуракан значительно сократилась. Скилица сообщает, что в 1053 г. сельджукские орды прошли по Васпуракану. По свидетельству Матфея Эдесского, в 1054 г. султан Тогрул-бек захватил Беркри, Арджеш и ряд других городов⁹⁰. Н. А. Скабаланович полагает, что города и области, захваченные турками, остались в их владении⁹¹.

⁸¹ *Cedr.*, II, p. 578, 17—23; 580, 1—5.

⁸² *Ibid.*, p. 580, 6—10.

⁸³ Повествование Аристакэса Ластивертци, с. 80.

⁸⁴ *Бартикян Р. М.* Ответное послание Григория Магистра Пахлавуни сирийскому католикоосу. — ПС, вып. 7 (70), 1962, с. 130; см. также: *Бартикян Р. М.* Два послания Григория Магистра Пахлавуни относительно еретиков-тондракитов. — ПС, вып. 9 (72), 1962; *его же.* К вопросу о политической ориентации Григория Магистра, с. 63—72. В этой статье Р. М. Бартикян делает попытку доказать, что Григорий Магистр был сторонником Багратидов и истинным патриотом — в противовес мнению ряда других исследователей (Лео, Мнацаканян и др.), полагающих, что Григорий Пахлавуни был убежденным деятелем провизантийской ориентации. Справедливо предположить, что жизненный путь Григория Магистра не был прямолинейным и его взгляды и ориентация менялись с течением времени и под влиянием внешних обстоятельств, среди которых не последним было завоевание Армении Византией.

⁸⁵ *Юзбашян К. И.* Экскурсия в армянской надписи 1051 г. — ПС, вып. 23 (86), 1971, с. 104 и сл. О Григории см. также: *Honigmann E.* Op. cit., p. 175; ср. также: *Варданян В.* Указ. соч., с. 244—249.

⁸⁶ В. Н. Бенешевич (указ. соч., с. 8) полагает, что Григорий был правителем Месопотамии до 1058 г.

⁸⁷ *Бенешевич В. И.* Завещание византийского боярина XI века. — ЖМНП, 1907, май, с. 220. В. Варданян (указ. соч., с. 249) полагает, что Аарон вновь становится правителем Васпуракана в 1058 г. как преемник Григория Магистра, на том основании, что в 1059 г. Аарон был проэдром фемы Месопотамия. Однако Месопотамия не была объединена с Васпураканом, и в памятной записи Феодула, наряду с Ароном, проэдром Месопотамии, назван Панкратий, правитель Васпуракана.

⁸⁸ *Бартикян Р. М.* Относится ли прозвище *Παραβουαζης* к магистру Василию в памятной записи монаха Феодула (1059 г.). — ИАН АрмССР, общественные науки, 1959, № 8, с. 86; *Каждан А. П.* Указ. соч., с. 66.

⁸⁹ Если это предположение верно, то Багарат оставался на посту правителя Васпуракана недолго, в начале 60-х годов (1060—1063) он становится дукой Иверии; см.: *Бенешевич В. И.* Три аийские надписи, с. 25—26.

⁹⁰ *Матфей Эдесский.* Указ. соч., с. 118; Повествование Аристакэса Ластивертци, с. 84.

⁹¹ *Скабаланович Н.* Указ. соч., с. 200.

Фема Васпуракан*

Это представляется справедливым, однако нельзя согласиться с его утверждением, что после 1056 г. Васпураканская фема прекратила свое существование⁹². Помимо данных о правителях Васпуракана после 1056 г., есть еще свидетельство Аристакэса о византийских владениях при императоре Романе IV Диогене (1068—1071). «Ибо обширные пределы империи, — пишет армянский хронист, — от финикийских долин, где находится Антиохия Великая, до крепости Ван и страны Рштуник против Нера находились пока под его властью»⁹³. Возможно, к 1071 г. от всей фемы Васпуракан остались только эти области: Рштуник и район Вана, а также область города Арчке⁹⁴, но тем не менее фема продолжала существовать.

Источники не говорят о том, кто был правителем Васпуракана с 1059 по 1071 г. Сохранилась печать Михаила, вестарха и дуки Васпуракана⁹⁵, но нет никаких данных о времени его правления.

В течение полувека Васпуракан был пограничной областью Византийской империи. Здесь была введена византийская административная и налоговая система. Присутствие военных отрядов, офицеров и чиновников в феме было необходимым, но, разумеется, не единственным условием для закрепления власти Византии. Значительную роль играли и внешнеполи-

⁹² Там же.

⁹³ Повествование Аристакэса Ластивертци, с. 130.

⁹⁴ Атталиат пишет, что Арчке сельджуки захватили только в 1071 г. (Attal., p. 148, 1—3).

⁹⁵ Schlumberger G. Op. cit., p. 431.

* Автор карты — С. Т. Еремян.

тические условия (постоянная угроза со стороны мусульманского мира) и обстановка внутри страны. В Армении, несомненно, существовали группировки, которые придерживались провизантийской ориентации и могли явиться опорой для византийской администрации⁹⁶. Это были, по-видимому, те, кого общность вероисповедания, близость к имперской ортодоксальной церкви делала терпимыми и даже дружественными Византии, т. е. армяне-халкидониты.

В феме Иверия, например, как свидетельствуют источники, армяне-халкидониты составляли заметную часть населения. В Тайке и Кларджии халкидониты преобладали. Были халкидонитские епархии и в Ани, Карсе и Басене⁹⁷. Константинопольское правительство часто назначало наместниками в фему Иверия представителей армяно-халкидонитской аристократии (Катакалон Кекавмен, Багарат Вхкаци, Григорий Пакуриан⁹⁸), подчеркивая тем самым свое доверие к этой части армянского населения.

Армяне халкидонитского вероисповедания были и в Васпуракане, хотя сведения источников о них крайне скупы. В 965 г., как сообщает Асолик, католикосом стал некий Вааник, который «завел переписку с последователями халкидонского собора». Ученые монахи собрались в Ани, осудили Вааника и поставили нового католикоса. Асолик сообщает, что Вааник, спасаясь от гнева вардапетов, бежал в Васпуракан⁹⁹. Известно, что в XI в. в Беркри, Амюке, Арджеше и Арцке существовали халкидонитские епархии¹⁰⁰, соответственно была и паства, придерживавшаяся халкидонитского вероисповедания. Из Васпуракана вышел такой блестящий представитель армяно-халкидонитской знати, как Филарет Варажнуни.

Можно с определенной долей уверенности предполагать, что византийские наместники Васпуракана учитывали в своей деятельности эти слои населения и опирались на них.

После Манцикертской битвы фема Васпуракан перестала существовать. По сочинениям византийских историков можно проследить, как стиралось представление о Васпуракане, крайней юго-восточной феме империи. У Скилицы представление об этой феме достаточно четкое: «Сенекерим архонт Верхней Мидии, которая ныне именуется Аспраканией (ὁ τῆς ἀνω Μιδίας ἀρχὼν ἣν Ἀσπρακίαν ὀνομάζουσι σήμερον) передал всю свою страну... Василию II»¹⁰¹. Никифор Комнин именуется Скилицей архонтом «Мидии и Аспракании и соседних народов»¹⁰²; Георгий Маниак был назначен в «Верхнюю Мидию и Аспраканию»¹⁰³. Стефан Лихуд правил в «Мидии, т. е. Васпуракане» (ἦτοι Βασπρακίαν)¹⁰⁴. Позже фема называется просто Васпуракан (Βασπρακίαν)¹⁰⁵.

Атталиат уже не знает о Васпураканской феме. Слова «Васпуракан» нет в его труде, а Стефан Лихуд, наместник Васпуракана, именуется правителем Сирии¹⁰⁶.

В «Алексиаде» Анны Комнины, первые главы которой касаются последней четверти XI в., вообще нет упоминания ни о Васпуракане, ни о его наместниках.

⁹⁶ Иначе нельзя понять успешное продвижение и закрепление Византии в армянских землях. При активной и всеобщей ненависти народа это было бы просто невозможно.

⁹⁷ Об ареале распространения халкидонитства см.: Арутюнова В. А. К вопросу об армяно-халкидонитах. — ВОН АН АрмССР, 1971, № 3, с. 88—90, 94—96.

⁹⁸ Арутюнова-Фиданян В. А. Византийские правители фемы Иверия. — ВОН АН АрмССР, 1973, № 2.

⁹⁹ Асолик, с. 181.

¹⁰⁰ Markwart I. Op. cit., p. 470.

¹⁰¹ Cedr., p. 464, 11—12.

¹⁰² Ibid., p. 482, 1.

¹⁰³ Ibid., p. 512, 10—11.

¹⁰⁴ Ibid., p. 570, 19—20.

¹⁰⁵ Ibid., p. 571, 15; 590, 17.

¹⁰⁶ Attal., p. 44, 9—10.

ПРАВИТЕЛИ ФЕМЫ ВАСПУРАКАН

1. Василий Аргир, патрикий	1021—1022
2. Никифор Комнин, протовестиарий	1022—1026
3. Николай Хрисидий, патрикий	1032—1033
4. Никита Пигонит, патрикий	1033—1034
5. Константин Кавасила, патрикий	1034—1035
6. Георгий Маниак, патрикий	1035—1036/37
7. Стефан Лихуд, патрикий между	1042—1045
8. Аарон, вест	1047—1049
9. Григорий Магистр Пахлавуни, китонит	1051
10. Панкратий	1059
11. Михаил, дука	?

В. В. КУЧМА

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА НА РУБЕЖЕ IX—X ВВ. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ БОЯ

Общее состояние византийской военной организации на рубеже IX—X вв. отражено в широкоизвестном военном трактате, именуемом в литературе «Тактикой Льва»¹. Богатство и разнообразие содержащихся в «Тактике» сведений привлекли к ней внимание многих исследователей², черпающих здесь материал как для решения общих проблем византийской истории в указанный период, так и для обоснования частных аспектов.

В данной работе мы остановимся на важнейших элементах византийского военного искусства IX—X вв. — основных стратегических, тактических и оперативных принципах, которыми автор «Тактики» рекомендует руководствоваться военачальнику при подготовке и проведении боевых операций. Решая указанные вопросы, мы будем сопоставлять данные «Тактики Льва» со свидетельствами исторического труда Льва Дякона³: это сочинение наиболее близко в хронологическом отношении к нашему трактату по сравнению с другими источниками подобного типа. Поэтому его описание военных событий могут служить своего рода проверочным материалом для выяснения вопроса о практическом характере рекомендаций «Тактики Льва»⁴.

Автор «Тактики» рассматривает бой как единственное средство достижения полной и окончательной победы над противником⁵. При этом он не проводит четкого деления между боем наступательным и оборонительным — в его описании эти два основных вида тесно взаимосвязаны и могут трансформироваться один в другой.

Решительному сражению должна предшествовать тщательная подготовка. Она включает в себя несколько важнейших элементов, в том числе моральную подготовку стратиотов, разведку местности, построение боевого порядка на избранном месте сражения, меры обеспечения на случай неблагоприятного исхода сражения и т. д.

Подготовка к бою должна производиться заблаговременно и начинаться за один или два дня до момента сражения. Рекомендуется укомплектовать личный состав подразделений⁶, снабдить войска продоволь-

¹ Пользуемся изданием: *Leonis Imperatoris Tactica* (далее — TL). — PG, t. 107, 1863. Сведения об изданиях «Тактики» суммированы А. Даном; см.: *Dain A. Les stratégistes byzantins*. — TM, 2, 1967, p. 354—355.

² Анализ «Тактики» как исторического источника, а также обзор литературы даны нами в предыдущих статьях; см.: ВВ, 30, 1969, с. 153—169; ВВ, 33, 1972, с. 75—87.

³ *Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem*. Vonnae, 1828 (далее — *Leo Diac.*).

⁴ Ряд общих соображений о критериях достоверности сведений «Тактики Льва» (в сопоставлении с данными «Стратегикона Псевдо-Маврикия») был высказан нами ранее (см.: АДСВ, 8, 1972, с. 89—94).

⁵ TL, XIV, 25—26, col. 856 C—D.

⁶ *Ibid.*, XIII, 1, col. 844 A.

ствием и фуражом⁷. Одновременно организуется разведка для выяснения сил противника, места и способа его построения⁸. Все вопросы предстоящего сражения должны быть обсуждены на военном совете⁹. Стратиг и архонты проводят перед боем беседы с целью укрепления морального состояния воинов¹⁰. Стратиготы должны перед сражением получить пищу¹¹. Войсковые священники освящают знамена¹² и благословляют личный состав войска¹³.

Подготавливая боевой строй, стратиг должен максимально использовать местные условия. Поле битвы надо тщательно изучить, чтобы выяснить, нет ли на нем каких-либо препятствий (ямы, рвы и т. п.), естественных или искусственных¹⁴. Если место не подходит для боя, нужно уклониться от немедленного сражения и поискать лучшие условия. При этом Лев, заботясь о самолюбии стратига, разъясняет ему, что такое отступление не является позорным, — речь идет лишь о перемене места¹⁵.

При описании боевых приемов основное внимание автора уделено тактике кавалерийских подразделений. Пехотные колонны играют роль живых крепостей, о которые разбиваются вражеские атаки. Кавалерийские же подразделения выступают в качестве основной ударной силы, решающей исход сражения.

Руководя сражением, стратиг должен стараться всячески затруднить действия противника, ввести его в заблуждение относительно численности и боевого порядка своего войска. «Тактика Льва» требует тщательно скрывать от врага численность¹⁶ и расположение¹⁷ войска. Одновременно следует всемерно стремиться к тому, чтобы у противника создавалось ложное впечатление о византийском войске. Для этого, по мнению автора трактата, можно пользоваться следующими методами: увеличивать число знамен в войске, чтобы противник считал численность византийцев большей, чем она есть на самом деле¹⁸; соединять две боевые линии на марше в одну, а в последующем снова развертывать войско в две линии непосредственно перед самым сражением для того, чтобы дезориентировать противника относительно численности и боевого порядка своей армии¹⁹; демонстрировать врагу немногих, специально отобранных и хорошо вооруженных воинов и архонтов, чтобы враг думал, что и остальные воины так же искусны и хорошо вооружены²⁰; искусственно повышать численность тяжеловооруженных воинов в составе армии, не останавливаясь даже перед прямыми подделками в вооружении и снаряжении²¹.

⁷ Ibid., XIII, 6, 11, 15—16, col. 844 D—848 B—C.

⁸ Ibid., XIII, 2, col. 844 A—B. У Льва Диакона находим любопытные сведения о ночной разведке, предпринятой Никифором Фокой во время его критской экспедиции. Отобрав часть храбрых и молодых воинов, Никифор тайно выступил из своего укрепления и двинулся в глубь острова. От захваченных пленных он узнал, что противник концентрирует свои силы на одном возвышенном месте, намереваясь оттуда напасть на византийцев. Дождавшись следующей ночи, Никифор послал войска к указанному месту (при этом были использованы местные проводники), окружил его и внезапным ударом уничтожил крупные силы противника. См.: *Leo Diac.*, I, 7, p. 13—14.

⁹ TL, XIII, 8—9, col. 845 B; подробнее о функциях и роли совета говорится в VII главе трактата.

¹⁰ TL, XII, 71—72, col. 825 D—828 B; XIII, 3, col. 844 B.

¹¹ Ibid., XIII, 7, col. 845 A.

¹² Ibid., XIII, 1, col. 844 A.

¹³ Ibid., XIV, 1, col. 848 D.

¹⁴ Ibid., XII, 108, col. 837 A; XIV, 28, col. 857 A—B.

¹⁵ Ibid., XIII, 13, col. 845 D—848 A.

¹⁶ Ibid., XII, 24, col. 812 C; XIV, 37, col. 860 B—C.

¹⁷ Ibid., XIV, 5, 12, col. 849 B; col. 852 B.

¹⁸ Ibid., XII, 73, col. 828 B—C.

¹⁹ Ibid., XIV, 6, col. 849 C.

²⁰ Ibid., XV, 8, col. 888 D.

²¹ Ibid., XV, 9, col. 888 D.

Сражению должны предшествовать меры по разложению армии противника, чтобы к моменту боя враг был уже ослаблен. Условия места и времени для сражения следует выбирать таким образом, чтобы извлечь максимальные выгоды для себя и затруднить действия противника²². Если войско неприятеля составлено из различных народов, нужно подарками, милостями и красноречием расположить к себе отдельные группы в составе этой армии²³. Аналогичным образом следует поступать, если в войске противника существуют враждующие партии²⁴. После этого можно приступать к построению боевого порядка и обеспечению его безопасности.

По мнению автора трактата, перед боевым порядком целесообразно иметь замаскированный ров шириной в 8—10 пагов. Когда выстроенные за рвом подразделения отступят, враги бросятся за ними в погоню и угодят в этот ров. Здесь они будут добыты специально выделенными подразделениями, спрятанными в засаде недалеко от рва²⁵. Подобные ловушки для врагов можно устраивать и при помощи других средств, таких, как палы²⁶, триболы²⁷ и «волчьи ямы»²⁸. Оборудование поля боя с помощью указанных средств производится в строгой тайне и непосредственно перед сражением. Все стратиоты должны быть оповещены об этих сооружениях²⁹.

С самого начала боя стратиг должен завладеть военной инициативой и не упускать ее до конца. Нападать на врага следует врасплох, тогда, когда он еще не выстроился в боевой порядок³⁰ или производит различные перестроения³¹. Признается благоприятным для нападения и такой момент, когда враги, нагруженные добычей, возвращаются домой³².

Добиться того, чтобы противник расстроил свои ряды, можно и искусственным путем, выпустив, например, на поле боя стадо скота: когда враги бросятся ловить его, нужно совершить внезапное нападение³³.

Переходя к описанию основных тактических принципов, автор трактата настойчиво проводит мысль о преимуществах скрытых фланговых и тыловых ударов перед прямыми, лобовыми. Прямые открытые удары признаются не только бесполезными, но даже пагубными, ибо таят в себе большие опасности³⁴. Попытка достичь победы таким путем расценивается как безрассудство³⁵, причем не только тогда, когда неприятельское войско сильнее, но и когда оно равно византийскому или даже слабее его³⁶.

В связи с этим основным положением автор трактата детально описывает приемы охвата, обхода и окружения противника. Для успешного осуществления всех этих маневров необходимо, чтобы протяженность фронта боевого строя византийской армии была большей, чем у противника. Превзойти протяженность фронта противника или, по крайней

²² TL, XII, 129, col. 841 A; XIV, 110, col. 844 A.

²³ Ibid., XII, 130, col. 841 B. Нарративные источники свидетельствуют, что эта идея всегда проводилась в жизнь. Как указывает Лев Диакон, Никифор Фока, понимая опасность войны сразу с двумя народами, стремился расколоть союз болгар со Святославом (*Leo Diac.*, V, 2—3, p. 79 sqq.).

²⁴ TL, XII, 131, col. 841 B.

²⁵ Ibid., XIV, 43, col. 861 B—D.

²⁶ Ibid., XIV, 44, col. 861 D.

²⁷ Ibid., XIV, 45, col. 861 D—864 B.

²⁸ Ibid., XIV, 46, col. 864 B—C.

²⁹ Ibid., XIV, 47—48, col. 864 C—865 A.

³⁰ Ibid., XIV, 32, col. 857 D; XVII, 9, col. 916 A—B.

³¹ Ibid., XII, 86, col. 832 C.

³² Ibid., XVII, 77, col. 932 D—933 A.

³³ Ibid., XVII, 12, col. 916 B.

³⁴ Ibid., XVII, 4, col. 913 D.

³⁵ Ibid., XII, 138, col. 841 D—844 A.

³⁶ Ibid., XII, 35—37, col. 816 B—C.

мере, уравниваться с ним — одна из главных задач, стоящих перед командованием³⁷. Если эта задача будет решена, будут, с одной стороны, сорваны замыслы противника окружить византийское войско³⁸, а с другой стороны, созданы условия для собственных фланговых маневров и тыловых рейдов³⁹.

Серьезное внимание автор «Тактики» обращает на выделение скрытых резервов и организацию засад. Небольшие подразделения, скрыто передвигающиеся на флангах или находящиеся в засаде, способны сыграть важную роль в сражении или даже решить исход битвы. Различным случаям применения таких подразделений Лев посвящает многочисленные разделы своего трактата⁴⁰.

Еще до начала общего сражения, используя условия местности, эти подразделения проникают глубоко в тыл противника и наносят ему неожиданный удар⁴¹. Особенно важную роль они призваны сыграть в случае ложных отступлений ромейского войска, когда противник, бросившись его преследовать, расстроит свои ряды. Тогда удар из засады будет весьма действенным. Если к тому же отступающие, внезапно остановившись, тоже нападут на противника, такой удар может оказаться решающим⁴². Между подразделениями скрытых резервов и остальным войском должно быть налажено взаимодействие, различные случаи которого детально рассмотрены в трактате⁴³.

Подразделения, предназначенные для фланговых и тыловых ударов по противнику, а также все резервные кавалерийские части, выделенные для защиты тыла строя, имеют особый порядок, который обозначается в трактате термином «друнгисти». Объясняя этот термин, Лев пишет, что он означает, собственно, отсутствие порядка⁴⁴, так как при таком построении ни численность войска, ни глубина его расположения или протяженность его фронта не являются определенными. Единственное условие такого расположения — его сплоченность. Подразделение, имеющее такое построение, может быть легко скрыто в засаде, быстро изменяться в случае необходимости и легче поддается управлению⁴⁵. Термин «друнгисти» встречается в трактате неоднократно, в том числе и при описании воинских упражнений плагифилаков и гиперкерастов⁴⁶, и обозначает именно беспорядочное, «тестообразное» (по выражению Льва⁴⁷), но тесно сплоченное расположение группы кавалеристов, вызванное необходимостью приспособливаться к быстрым изменениям боевой обстановки⁴⁸.

³⁷ TL, XII, 88, col. 832 D.

³⁸ Ibid., XII, 81, col. 829 C—D.

³⁹ Ibid., XII, 84, col. 832 A—B.

⁴⁰ Лев Диакон подробно описывает разгром Львом Фокой арабского войска. Византийцы предпочли уклониться от решительного сражения. Они заняли все возвышенные и удобные места на пути движения арабского войска, и когда угмленные длительным переходом арабы приблизились, засадные отряды внезапно напали на них и нанесли им жестокое поражение (*Leo Diac.*, II, 2—5, p. 18—24).

⁴¹ TL, XIV, 40, col. 860 D—861 A.

⁴² Ibid., XIV, 42, col. 861 A—B. В одном из сражений периода войны со Святославом Варда Склир разделил все свое войско на три части, две из которых он оставил в засаде, а третью повел в сражение. Когда выяснилось, что такими силами византийцы не смогут одержать победу, был подан сигнал, по которому запасные части появились на поле сражения и окружили противника. Этот удар решил исход сражения в пользу византийцев. См.: *Leo Diac.*, VI, 12—13, p. 109—110.

⁴³ TL, XIV, 51—56, col. 865 A—868 A.

⁴⁴ TL, XIV, 57, col. 868 A—B.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid., VII, 47, col. 748 B.

⁴⁷ Ibid., XIV, 57, col. 868 B.

⁴⁸ Термин «друнгисти» как с этимологической, так и со смысловой точки зрения был объектом специального исследования Ю. А. Кулаковского «Друнг и друнгарий» (ВВ, IX, 1, 1902).

Автор трактата является сторонником решительных и быстрых действий, цель которых — достижение окончательной победы над противником. Он неоднократно предостерегает от излишней поспешности в подготовке к генеральному сражению. Но если противник уже находится перед глазами, следует быстро напасть на него⁴⁹. Только таким образом можно завладеть инициативой, необходимой для успеха сражения. Длительные раздумья и колебания могут неблагоприятно отразиться на моральном состоянии войска⁵⁰.

Сражение должно вестись с максимальным напряжением сил и завершиться полным разгромом врага⁵¹. По мнению автора трактата, противника не следует лишать возможности спастись бегством. Поэтому при описании одной из деталей боя Лев специально указывает, что на захваченного врасплох противника следует нападать не с четырех, а только с трех сторон, чтобы враг имел возможность для бегства⁵². В этом отношении Лев следует старинному правилу византийского военного искусства, отраженному в более ранних трактатах⁵³.

Если враг дрогнул и побежал, надо организовать его энергичное преследование. Однако это преследование не является самоцелью, а лишь служит средством достижения окончательной победы⁵⁴.

Бой требует от стратига четкого руководства всеми подразделениями, организации их постоянного взаимодействия. В ходе боя обстановка может неоднократно меняться: стремительные атаки чередуются с глубокими отходами, наступательные действия — с отражением вражеских контрударов. Поэтому автор трактата требует от войска умения быстро и организованно перестроиться, сменить фронт, сузить или, напротив, растянуть фланги. В трактате предусмотрены действия на случай, когда вынуждена отступать не только первая, но и вторая линия строя. Тогда основная тяжесть сражения возлагается на плагифилаков, составляющих третью линию строя, а также на пехотные и конные резервы⁵⁵. В случае глубокого проникновения в тыл значительных сил противника предусматривается поворот боевой линии на 180 градусов⁵⁶.

Естественно, что такие сложные перестроения требуют от военачальников и солдат большого опыта. Поэтому все детали будущего сражения должны быть тщательно отработаны в ходе воинских учений, характеристике которых отводится специальная глава⁵⁷. Воинские учения следует проводить в условиях, максимально приближенных к боевым⁵⁸. Единственное отличие заключается в том, что в бою воинам придется иметь дело с настоящим оружием, а на учениях оно должно быть «нежелезным и небоевым», во всем остальном воинские учения в точности, вплоть до мелочей, должны соответствовать военным действиям⁵⁹. Не удивительно поэтому, что во многих местах описания военных упражнений в трактате Льва являются почти дословным воспроизведением описаний боя.

⁴⁹ TL, IX, 44, col. 777 B.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibid., XIV, 25—26, col. 856 C—D.

⁵² Ibid., XVII, 27, col. 920 B—C.

⁵³ Der Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. — In: Griechische Kriegsschriftsteller, ed. H. Köchly und W. Rüstow. Zweiter Theil: Die Tactiker. Zweite Abteilung. Leipzig, 1855, XXXIV, 4, S. 166; XXXIX, 12, S. 182; cp.: *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, ed. I. Schefferus. Upsaliae, 1664, VIII, 1, p. 178; IX, 2, p. 210.

⁵⁴ TL, XII, 75, col. 828 D—829 A.

⁵⁵ Ibid., 93—94, col. 833 B—C.

⁵⁶ Ibid., XII, 94—95, col. 833 B—C.

⁵⁷ Ibid., const. VII, col. 733—760.

⁵⁸ Ibid., VII, 51, col. 749 A.

⁵⁹ Ibid., XIV, 73, col. 872 D—873 A.

Уже в ходе упражнений армия должна быть обучена многочисленным военным хитростям, основанным на умелом использовании места и времени. «Тактика Льва» насыщена описанием военных хитростей. Буквально каждое действие войска, кроме своего непосредственного назначения, должно иметь и вторую цель — обмануть противника, дезориентировать его, подтолкнуть к совершению таких действий, которые в конечном счете оказались бы для него пагубными. Применение воинских хитростей должно иметь место в ходе всего сражения, а выбор их предоставляется на усмотрение стратега. Почти все воинские хитрости основаны на принципе внезапности. Многочисленные и разнообразные советы по организации внезапных нападений суммированы автором трактата в специальной главе⁶⁰.

Многие из этих советов касаются организации ночных нападений⁶¹. Так, можно нанести большой урон противнику, если за два или три часа до рассвета напасть на его лагерь. При этом важнейшую роль должны сыграть лучники⁶². Чтобы обеспечить успех такого ночного предприятия, целесообразно заранее направить в расположение врага посольство, которое создаст у противника настроение беззаботности и беспечности, после чего можно будет ошеломить внезапным нападением⁶³. Вообще использовать посольства и отдельных лазутчиков с целью дезориентации врага нужно максимально широко⁶⁴.

Войско противника должно находиться под постоянным и тщательным наблюдением, организуемым непрерывно в любое время суток. Кроме данных, добываемых различными караулами, разъездами и разведывательными постами, а также лазутчиками, о которых в трактате говорится неоднократно⁶⁵, рекомендуется обращать самое пристальное внимание на сведения, сообщаемые вражескими перебежчиками и пленными. Отношение к перебежчикам должно быть доброжелательным⁶⁶. Стратегу настоятельно рекомендуется в любом случае принимать всех тех, кто желает ему что-либо сообщить⁶⁷. Однако перебежчики должны находиться под контролем⁶⁸. Сообщаемые ими сведения следует сопоставлять с показаниями пленных, которым отдается предпочтение в случае расхождения данных⁶⁹.

В свою очередь должны быть приняты меры к поимке вражеских разведчиков, засылаемых в византийское войско. Рекомендуемый способ основан на том положении, что каждый византийский стратег твердо

⁶⁰ TL, const. XVII, col. 913—944. Следует отметить, что содержание целого ряда разделов этой главы выходит за рамки частных тактических (в современном смысле слова) проблем. Лев касается здесь вопросов подготовки к войне не только армии, но всего государства в целом, или, по крайней мере, той его области, которой угрожает вражеское нашествие (см., например: TL, XVII, 79—86, col. 933 A—936 A). Среди главных мероприятий перечисляются укрепление крепостей, эвакуация людей и скота, организация непрерывного наблюдения за врагом. Однако главная забота стратега должна заключаться в подготовке боеспособной армии, постоянно угрожающей вторгнувшимся врагам. Лучшее же средство, с помощью которого можно добиться ухода врагов из пределов страны, заключается, по мнению Льва, в осуществлении вторжения на вражескую территорию (TL, XVII, 81, col. 933 B). Если неприятель, узнав о вторжении, устремится против этой армии, ее нужно спешно вывести с территории врага другим путем, не ввязываясь в бой (TL, XVII, 82, col. 933 B—C). Тем самым будет достигнуто освобождение захваченной врагом области, а армия останется невредимой.

⁶¹ В своей «Истории» Лев Диакон неоднократно упоминает об удачных ночных нападениях; см., например: *Leo Diac.*, I, 7, p. 14; II, 2, p. 19 и др.

⁶² TL, XVII, 8, col. 916 A.

⁶³ *Ibid.*, XVII, 16, col. 917 A.

⁶⁴ *Ibid.*, XVII, 7, col. 916 A; XVII, 19, col. 917 B—C etc.

⁶⁵ См., также: *Leo Diac.*, VI, 11, p. 108; VII, 5, p. 120; VIII, 2, p. 130.

⁶⁶ TL, XV, 36, col. 896 B—C.

⁶⁷ *Ibid.*, XVI, 21, col. 913 A.

⁶⁸ *Ibid.*, XVII, 43, col. 924 A; XVII, 116, col. 944 C—D.

⁶⁹ *Ibid.*, XVII, 40—42, col. 921 D—924 A.

знает свое место в лагере или в строю; когда будет дана команда занять свои места, вражеские разведчики могут быть легко выявлены и схвачены, так как останутся без места⁷⁰. Иногда они могут быть пойманы, так как не знают условленных сигналов или пароля⁷¹.

С захваченными разведчиками можно поступить двояко. Если византийское войско находится в хорошем состоянии, разведчика нужно провести по расположению всего войска и отпустить, чтобы он, возвратившись к себе, рассказал обо всем виденном начальству: автор трактата полагает, что это окажет угнетающее воздействие на врага. В противном случае вражеские разведчики подлежат уничтожению⁷².

С самого начала сражения и вплоть до его исхода стратиоты должны четко соблюдать дисциплину строя, быстро и беспрекословно подчиняться всем распоряжениям стратига. Последний осуществляет руководство боем через архонтов и мандаторов. Еще накануне должна быть разработана система условных сигналов, подаваемых трубами и войсковыми знаменами. Сохранение порядка особенно необходимо при захвате добычи, брошенной на поле боя отступающим врагом. Стратиотам нужно постоянно напоминать, что снимать доспехи с убитых врагов можно только после битвы⁷³. Заниматься этим делом, а также грабить обоз или лагерь неприятеля до исхода сражения — дело весьма опасное, ибо при этом расстраивается боевой порядок, чем может воспользоваться неприятель⁷⁴. Автор рекомендует стратигу поручить захват добычи специальным подразделением⁷⁵. При этом одна часть воинов захватывает добычу, другая — охраняет их⁷⁶. Такой порядок должен соблюдаться и тогда, когда собирать добычу разрешено всему войску: должны быть выделены подразделения, готовые к отражению вражеских ударов⁷⁷. Несколько ниже эти рекомендации дополнены чрезвычайно важным положением: если кто-либо из стратиотов самовольно присоединится к подразделениям, назначенным для сбора добычи, он должен быть схвачен и строго наказан — его обнаженным выставляют перед войском⁷⁸.

Как уже отмечалось, автор трактата неоднократно подчеркивает, что цель войны заключается в достижении полной победы над врагом. Однако Лев допускает, что эта цель может быть и не достигнута в результате первого сражения. Напротив, бой может закончиться поражением византийской армии. Поэтому автор «Тактики» предлагает стратигу целую программу действий на случай неблагоприятного исхода первого сражения.

Прежде всего, он не советует стратигу сразу же, без всякой подготовки, давать второе сражение, учитывая тяжелое моральное состояние воинов⁷⁹. Если можно рассчитывать на помощь союзников или на раскол среди врагов⁸⁰, тогда нужно выиграть время, уклоняясь от решительных сражений, но удерживая войско неприятеля в состоянии постоянного

⁷⁰ TL, XVII, 109, col. 941 C—D.

⁷¹ Ibid., XVII, 112, col. 941 D—944 A.

⁷² Ibid., XVII, 114—115, col. 944 B—C.

⁷³ Ibid., XII, 124, col. 840 C.

⁷⁴ Ibid., XIII, 14, col. 818 A—B. Лев Диакон рассказывает, что в одном из сражений Лев Фока нанес решительное поражение противнику (кстати сказать, путем умелой организации засад на пути движения вражеского войска), и предводитель арабов спасся от неминуемого плена лишь благодаря своей находчивости: он приказал рассыпать на дороге серебро и золото, и когда византийцы бросились собирать драгоценности, он с немногими оруженосцами воспользовался этой задержкой и ушел от преследования. См.: *Leo Diac.*, II, 5, p. 22—23.

⁷⁵ TL, XVII, 33, col. 921 A.

⁷⁶ Ibid., XVII, 48, col. 924 C—D.

⁷⁷ Ibid., XVII, 49—50, col. 924 D.

⁷⁸ Ibid., XVII, 67, col. 929 C.

⁷⁹ Ibid., XIV, 17, col. 853 B—D.

⁸⁰ Ibid., XIV, 20, col. 853 D.

напряжения⁸¹. Если же такая возможность отсутствует, нужно решиться на повторное сражение, проведя среди стратиотов соответствующую агитацию⁸² и организовав перестроение войска, в частности поменяв местами первую и вторую линии⁸³. Пока еще войско не утратило боеспособности, надо повторной решительной битвой исправить допущенные ранее ошибки⁸⁴.

Таким образом, бой рассматривается автором трактата как кульминационный пункт всякой военной кампании. Именно бой является испытанием моральных и боевых качеств архонтов и стратиотов, проверкой слаженности и четкости в работе громадной и сложной военной машины Византийской империи. Поэтому вся жизнь армии должна быть постоянной и целенаправленной подготовкой к этому ответственному и решающему моменту.

---

⁸¹ Ibid., XIV, 18, col. 853 C—D.

⁸² Ibid., XIV, 20, col. 856 A.

⁸³ Ibid., XIV, 19, col. 853 D.

⁸⁴ Ibid., XIV, 21, col. 856 A—B.

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ
К «КАТАЛОГУ МОЛИВДОВУЛОВ» Б. А. ПАНЧЕНКО

Работа над моливдовулами, изданными Б. А. Панченко¹, является частью работы над печатями с родовыми именами из собрания б. Русского археологического института в Константинополе, которые хранятся в настоящее время в Ленинграде в Эрмитаже. Непосредственное изучение этих моливдовулов позволило выявить целый ряд расхождений в чтении легенд печатей по сравнению с «Каталогом» Панченко.

Эти расхождения вызваны главным образом сохранностью самих печатей. Многие годы они не реставрировались, и свинец, легко подверженный воздействиям внешней среды, оказался в плохом состоянии; не последнюю роль сыграли здесь условия хранения печатей в военное время. С началом реставрации начались и поиски путей сохранения моливдовулов. Однако все предпринимаемые меры, введение новых методов защиты продлевают жизнь печатей лишь в известной степени. Техника реставрации² пока не позволяет осуществить восстановление свинца, поэтому при ликвидации очагов поражения печати окисью потеря текста и изображения бывает весьма значительной. Вместе с тем благодаря реставрации выявляются прежде нечитавшиеся буквы, и текст надписей становится более доступным для понимания.

Из 500 изданных Б. А. Панченко моливдовулов 100 печатей — с родовыми именами. В эрмитажной коллекции в настоящее время хранится 91 такая печать, местонахождение остальных девяти — неизвестно. Чтение одних имен для издателя было бесспорным, в прочтении других он сомневался, в некоторых же случаях высказывал лишь предположения.

Наше исследование моливдовулов позволило разделить печати на несколько групп.

I группа включает печати, прочтение родового имени на которых остается без изменения. Таких печатей 30.

Лев Иасит, анфипат патрикий, (№ 5 = М-2259⁴)
вест, стратиг³

¹ Панченко Б. А. Каталог моливдовулов. — ИРАИК, VIII, 1903, с. 199—246; IX, 1904, с. 341—396; XIII, 1908, с. 78—151.

² Реставрация печатей состоит из нескольких процессов: очистка предмета от продуктов коррозии электрохимическим способом, промывка, сушка, нанесение ингибиторного состава (покрытие содержит вещество, предотвращающее коррозию).

³ А. П. Каждан не согласен с отнесением печати ко времени Комнинов и на основании анализа титулатуры предположительно датирует ее XI в. или временем правления Алексея I; см.: Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974, с. 142. Р. Гийян датирует печать XII в.; см.: Gaillard R. Recherches sur les institutions byzantines, t. 2. Berlin—Amsterdam, 1967, p. 75.

⁴ Номеру «Каталога» Панченко соответствует номер печати в эрмитажной коллекции.

Михаил Ангел, кесарь ⁵	(№ 18 = М-4685)
Константин Стравовасилиади ⁶	(№ 28 и № 30 = М-318 и М-2918)
Константин Антиохит	(№ 32 = М-82)
Никита Моск, препозит китония и судья ⁷	(№ 33 = М-1731)
Иоанн Комнин	(№ 72 = М-4388)
Константин Гавра, протоновеллссим	(№ 98 = М-2967)
Мавроп	(№ 106 = М-2992)
Феодор Авдин, сын Феодора ⁸	(№ 119 = М-2043)
Василий Зонара, вест	(№ 133 = М-2764)
Лев Гудел, магистр ⁹	(№ 180 = М-2024)
Константин Ханта	(№ 228 = М-2263)
Василий Мусарафа	(№ 243 = М-4270)
Григорий Пакуриан, севаст и дука ¹⁰	(№ 314 = М-2953)
... Вениамин? (Вениамит?), ипат и стратиг	(№ 317 = М-3182)
Феодор Иасит ¹¹	(№ 323 = М-3144)
Евмафий Филокал, магистр ¹²	(№ 346 = М-4356)
Комнин, сын Ватаца и Евдокии Комниной, тата ¹³	(№ 347 = М-1596)
Никифор Ватац, куропалат	(№ 350 = М-2958)
<u>Георгий Абас</u> ¹⁴	(№ 359 = М-1565)
Катакалон, кувуклисий ¹⁵	(№ 360 = М-2665)
Исаак Комнин	(№ 369 = М-2981)
Елена Палеологиня, августа и автократорисса ромеев	(№ 380 = М-4502)
Иоанн Кекавмен	(№ 417 = М-2891)
Иосиф Вальсамон ¹⁶	(№ 427 = М-2978)
Феодор Вальсамон, хартофилак ¹⁷	(№ 428 = М-2016)

⁵ *Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1931, № 135; Zacos G., Beglery A. Byzantine lead seals. Basel, 1972, N 2741: Михаил Ангел, кесарь. Конец XII в.*

⁶ *Laurent V. Les bulles métriques... N 150. Автор вносит поправку в чтение начала легенды: Σωζ(ov).*

⁷ *Laurent V. La collection C. Orghidan. Paris, 1952, N 107: XI—XII в.; Р. Гийян склоняется более к XII в., а не к XII—XIII в. (Панченко); см.: Guillard R. Op. cit., t. 1, p. 365.*

⁸ 650—750 гг. *Zacos G., Beglery A. Op. cit., № 1035.*

⁹ В настоящее время легенда читается полностью. Относительно датировки см.: *Laurent V. Les bulles métriques... N 688: скорее всего, конец XI в.*

¹⁰ Об атрибуции см.: *Laurent V. Les bulles métriques, N 564; Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII в. Ереван, 1975, с. 62, № 8 и с. 64, № 12.*

¹¹ Другой экземпляр печати, но менее полный. XI в. См.: *Laurent V. La collection C. Orghidan, № 432.*

¹² Об идентификации и датировке см.: *Bees N. Zur Sigillographie der byzantinischen Themen Peloponnes und Hellas. — BB, XXI, 1914, с. 229—230; Laurent V. Les bulles métriques... N 531.*

¹³ *Laurent V. Les bulles métriques... N 400; Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии, с. 155.*

¹⁴ *Laurent V. Les bulles métriques... N 678. Судя по воспроизведению, В. Лоран считает, что изданная Панченко печать поздней эпохи.*

¹⁵ В. Лоран не согласен с датировкой Панченко (XII—XIII в.) и предположительно относит печать к концу XI в.; см.: *Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin (далее — Laurent V. Corpus), t. V, 1. Paris, 1963, N 241.*

¹⁶ *Laurent V. Les bulles métriques... № 339. Автор датирует печать приблизительно 1200 г. (Панченко — XI—XII в.).*

¹⁷ В. Лораном приведены две печати, владельцем которых был Феодор Вальсамон, хартофилак; см.: *Laurent V. Corpus, t. V, 1, N 103; t. V, 2, N 1648. Последняя пе-*

Константин Дука, протопроедр (№ 467 = М-1729)
 Стефан Псодинит¹⁸ (№ 473 = М-3370)
 Никифор Лахана (№ 491 = М-1695)

На императорской печати Алексея Комнина сохранилась лишь часть надписи: «Комнин», а «Алексей, деспот» не читается (№ 10 = М-4527).

II группа охватывает те печати, в чтении легенд которых произошли различного рода изменения. Для сопоставления мы приводим параллельно чтение Панченко и наше; тексту предшествует описание лицевой стороны печати.

№ 6 (ИРАИК, VIII, с 205, табл. XXVIII, 6) = М-2965¹⁹ (табл. I, 1).
Феофилакт Сплиниар

Л. с. Св. воин Георгий с копьем в правой и со щитом округлой формы (умвноном?) в левой руке. Надпись имени по сторонам: ΟΑΓΙΟ, ΓΕΩΡΓΟ, — Ὁ ἄγιο(ς) Γεώργ[ι]ο(ς)

О. с.

+ COZE YΠO THN CKEΠHN
 CΣ ΘEOΦYΛAKTON TON +
 CΠANNIAPHN

+ COZE
 YΠO THN CK.
 ΠHHCΣYΘEOΦY
 ΛAKTONTON
 CΠANNIA
 PHN

+ Σωζε
 ὑπὸ τὴν σκ[έ]-
 πην σου Θεοφό-
 λακτον τὸν
 Σπληνιά
 ρην

+ Σωζε ὑπὸ τὴν σκέπην σου Θεοφό-
 λακτον τὸν Σπληνιάρην.

« + Охраняй (святой Георгий) под защитой своей Феофилакты Сплиниара». XII в.

Феофилакт Сплинидра²⁰

№ 12 (ИРАИК, VIII, с. 211) = М-390²¹ (табл. I, 2). **Михаил Сагиар, протоканцелларий.**

Л. с. Погрудное изображение богоматери Кириотиссы. Титлы: ΜΡ ΘΥ.

О. с.

+ ΘΚΕΡ
 ΘΤΩCΘΔC
 Λ, ΜΙΧΑΝΛ
 ΚΑΓΚΕΛΛ
 ΑΡ, ΤΩCΑ
 ΓΙΑΡ,

+ Θεοτόκε β(οή)θ(ει) τῷ σῶ
 δοῦλ(ω) Μιχαήλ καγκελλαρ(ίω)
 τῷ Σαγιαρ(ῶ?)
 XII—XIII в.

+ ΘΚΕΡ
 Θ, ΤΩCΘΔC
 Λ, ΜΙΧΑΝΛΑ
 ΚΑΓΚΕΛΛ
 ΑΡ, ΤΩCΑ
 ΓΙΑΡ,

+ Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δοῦλ(ω) Μι-
 χαήλ πρωτοκαγκελλαρ(ίω) τῷ Σαγια-
 ρ(ῶ?). « + Богородица, помоги твоему
 рабу Михаилу Сагиару, протоканцел-
 ларию». Вторая половина XI в.

Б. А. Панченко в тексте указывал, что Михаил Сагиар имел должность протоканцеллария, однако в его передаче легенды Α' = πρώτος отсутствует.

чать лучшей сохранности, она позволяет полностью восстановить чтение легенды. Печать датируется второй половиной XII в.

¹⁸ Чтение первых двух строк иное, чем у Панченко: ΟΧΕCΟ|ΖΗ — ὁ Χριστέ, σώζοις.

¹⁹ Размер 2,7×2,6 см. Сохранность: вертикальная трещина с выпадением металла на л. с.; сквозное отверстие внизу.

²⁰ Поправка чтения Панченко сделана А. П. Кажданом: CΠANNIAPHN; см.: Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии, с. 134.

²¹ Размер 2,4×2,6 см. Сохранность: сквозное отверстие, потеря.

№ 15 (ИРАИК, VIII, с. 214; табл. XXIX, 2) = М-3833²² (табл. 1, 3). Евфимий Ака. н. (Акапни?), протоспафарий.

Л. с. Погрудное изображение богоматери с руками перед грудью; ладони обращены к зрителю. Титлы: $\overline{M. \Theta\upsilon.}$

О. с.

.....
 ΤΘΣΘΔ
 ΕΝΘΥΜΙΩ
 ΡΣΠΑΘΑΡ,
 ΤΩΑΧΑ
 ΙΩ
 + [Κύριε βοήθει] τῷ σῶ
 δ(ούλῳ) Εὐθυμίῳ β(ασιλικῷ)
 σπαθαρι(ῳ) τῷ Ἀχαιῷ

..... [+ Θ(εοτά)κε β(οή)θ(ει)]
 ΤΘΣΘΔ τῷ σῶ δ(ούλῳ)
 ΕΝΘΥΜΙΩ Ἐὐθυμίῳ
 ἈΣΠΑΘΑΡ, (πρωτο)σπαθαρι(ῳ)
 ΤΩΑΚΑ τῷ Ἀκά-
 . Ν .ν (ἡ?)
 + Θεοτάκε βόήθει τῷ σῶ δούλῳ Εὐθυ-
 μιῳ πρωτοσπαδαριῳ τῷ Ἀκά. ν (ἡ).
 (Ἀκάπνη?)! « + Богородица, помоги
 твоему рабу Евфимию Ака.н.
 (Акапни?), протоспафарию». Вторая поло-
 вина XI в.

Панченко предполагал, что вместо β(ασιλικῷ) может стоять α'σπαθαρι(ῳ) и оказался прав. Что касается родового имени, то здесь оно другое; может быть, это Ἀκάπνης?

№ 30 (ИРАИК, VIII, с. 216) = М-554²³ (табл. I, 4). Никита Кендистин (Кендистон), друнгарий.

Л. с. Крестообразная монограмма с формулой по сторонам: ΤΘΣΘΔΣΔΩ — + Θ(ε)στοκ(ε) βοήθ(ει) τῷ σῶ δούλῳ

О. с.

ΝΗΚΙΤΑ
 ΔΡΟΝΓΑΡΙΩ
 ΚΕΝΔΥΣΤΙ
 ΝΩΑΜΝ'
 Νηκίτα δρονγαριῳ[τῷ]
 Κενδυστι[α?]νῶ, ἀμή[ν]

ΝΗΚΙΤΑ Νηκίτα
 ΔΡΟΝΓΑΡΙΩ δρονγαριῳ
 ΚΕΝΔΥΣΤΙ Κενδυст<υ или ω>-
 ΝΩΑΜΝ' νῶ, ἀμήν
 + Θεοτάκε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Νι-
 κήτα δρουγαριῳ Κενδυст<υ или ω>νῶ,
 ἀμήν « + Богородица, помоги твоему
 рабу Никите Кендистину (Кен-
 дистону?), друнгарию. Аминь.»

ΙΧ—Χ в.²⁴

Конец ΙΧ в.

Панченко при передаче легенды вставляет в имени «Кендистин» после ι альфу (или она предполагается?). Идущая после τ буква сохранилась частично, это может быть либо υ, либо ω. Отсюда: Кендистин или Кендистон.

№ 35 (ИРАИК, VIII, с. 217) = М-81²⁵ (табл. I, 5). Георгий Армигианососи (?)

Л. с. Погрудное изображение богоматери Оранты. Из титлов сохранилось справа: . . . Θ

²² Размер 2,2×2,3 см. Оттиск смещен вправо. От верхней строки видны лишь концы букв. Сохранность: помята, вертикальная трещина с выпадением металла на о. с., сквозное отверстие в центре.

²³ Размер 2,4×2,2 см. Сохранность хорошая.

²⁴ Р. Гийян пишет: «Концом ΙΧ в., кажется, датируется печать друнгария (флота?) Никиты Kendustianos»; см.: *Guilland R. Op. cit., t. 1, p. 538.*

²⁵ Размер 1,4×1,5 см. Оттиск о. с. неполный. Сохранность: выщерблен в нижней части л. с.

О. с.
ΓϞ Ϙ ΓΙ
ΘΑΡ. .
ΓΙΑΝΙ
С

ΓϞ Ϙ ΓΙ   Γεωργί-
ΘΑΡМ.   φ 'Αρμ<υ>-
ΓΙΑΝ.   γιαν<ώ>-
СОС   σοσ(η?)
Γεωργίφ 'Αρμ<υ>γιαν<ώ>σοσ(η) «Георгию
Армигианососи(?)»

Имя владельца было Георгий Арм[е?]гианиси или Арк[е?]-гианиси.

Панченко сомневался в чтении буквы, стоящей во 2-й строке после Ϙ; сейчас хорошо видно, что это М, стоящую за ней букву можно лишь предполагать — Γ. В 3-й строке после Ν может быть омега. Чтение последних букв 4-й строки тоже предположительно.

№ 56 (ИРАИК, VIII, с. 222—223) = М-2336²⁶ (табл. I, 6). **Иоани Сага**, протоспафарий, хрисотриклина, нотариий.

Л. с. Погрудное изображение св. Николая. Надпись имени по сторонам: . . . ΛΑΟС — [‘Ο ἄ(γίος) Νικό]λαος

+ Κ̄ϞΡ, Θ,
ΙϞΑСП.
ΘΑΡ, ϞΠ, Т.
Ϙ ΓΚΛΗΝϚ
ΤΑΕ, Т, СА
ΓΑ

+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) 'Ιω(άννη)
(πρωτο)σπ[α]θαρι(φ) ἐπι(ι) τ[οῦ]
χρ(υσο)τ(ρι)κλ(ι)νου τᾶξ(εως?)
τ(ῶ) Σαγᾶ.

+ Κ̄ϞΡ, Θ,
ΙϞΑ, СП.
ΘΑΡϞΠ, Т,
Ϙ ΓΚΛΗΝΟ
ΤΑΡТ, СА
ΓΑ

+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) 'Ιω(άννη) πρωτοспаδαριφ
ἐπι τοῦ χρυσοτρικλίνου, νοταριῶ τῷ
ηαγᾶ « + Господи, помоги Иоанну
Саге, протоспафарию хрисотри-
клина, нотарию ».

XII или XIII в.

XI в.

Панченко отмечал трудность расшифровки начальных букв пятой строки и объяснял их как сокращение слова τᾶξεως. Исключая обозначение отдельного звания (таксиарх, например), он считал необходимым соединять τᾶξ с предшествующим ἐπι τοῦ χρυσοτρικλίνου. А. П. Каждан при рассмотрении иконографии печатей приводит примеры использования образа цивильного святого на моливдовулах полководцев, называя среди последних печать таксиарха Иоанна Сага (?)²⁷.

№ 64 (ИРАИК, VIII, с. 225) = М-2483²⁸ (табл. I, 8). **Георгий Контоан<а>н**.

Л. с. Погрудное изображение св. Николая, надпись имени по сторонам: . . . ΛΑΟС — [‘Ο ἄ(γίος) Νικό]λαος

О. с.

+ Κ̄ϞΡ, Θ,
ϞΩΡΓΙϞ
ΟΝΤΩΑΝ
ΝΗ

+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) [Γ]εωργίφ
[Κ]οντωαννη. Может быть вм.
Κοντωιῶννη.
XIII—XIV в.

+ Κ̄ϞΡ, Θ,
ϞΩΡΓΙϞ
ΟΝΤΩΑΝ
.ΝΝΗ

+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) Γεωργίφ Κοντω-
αν<ά>ννη. « + Господи, помоги
Георгию Контоанану ».
X—XI в. (?)

²⁶ Размер 2,8×2,6 см. Сохранность: сломана на две части с выпадением металла, погнута.

²⁷ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии, с. 134.

²⁸ Размер 1,4×1,4 см. Сохранность: потерята, щербини на поверхности.

№ 75 (ИРАИК, VIII, с. 230) = 92²⁹ (табл. II, 1). **Иоанн Мавродзом.**
Л. с. Погрудное изображение богоматери с младенцем типа «Знамение».

Титлы: ΜΡ ΘΥ.

О. с.

ΙΘ	+ ΙΘ	+ 'Ιω(άννου)
CFPAG,	CFPAG,	σφράγ(ισ)-
MATOV	MATOV	Μα τοῦ
MAΥPO	MAΥPO	Μαυρο-
·Θ . .	·ΘMH	[ζ]ώμη
'Ιω[άννου] σφράγ(ι)[σ]μα	+ 'Ιωάννου σφράγμα	
τοῦ Μαυρο(ιωάννη?) ³⁰	τοῦ Μαυροζώμη «+ Пе- чать Иоанна Маврод- зома».	

XII в.

Панченко писал, что буквы последней строки приплюснуты, перед омегой могло быть С или Г, после омеги: NH.

№ 82 (ИРАИК, VIII, с. 233; табл. XXXII, 2) = M-80³¹ (табл. II, 2).
Евдокия Филокалина, проедриса.

Л. с. Погрудное изображение богоматери с младенцем типа «Знамение».

Титлы: ΜΡ Θ.

О. с.

ΘΚΕΡ,	+ ΘΚΕΡ,	[+]Θ(εοτό)κε β(οή)θει
ΕΥΔΟΚΙΑΝ	ΕΥΔΟΚΙΑΝ	Εὐδοκίαν
ΔΕΔΡΗΣΑ	ΔΕΔΡΗΣΑ	(προ)εδρίσα(ν)
ΤΗΝ ΦΙΛΟ	ΤΗΝΦΗΛΟ	τὴν Φιλο-
ΚΑΛΙΝΑ	ΚΑΛΗΝΑ	καλήνα(ν).
Θ(εοτό)κε β(οή)θει Εὐδοκίαν	+ Θεοτόκε βοήθει, Εὐδοκίαν προεδρί-	
ΔΕΔΡΗΣΑ τὴν Φιλοκαλί-	(σ)αν τὴν Φιλοκαλήναν. «+ Богоро-	
να(ν) Евдокия de Drisa ³² .	дица, помоги Евдокии Филока-	
	лине, проедрисе».	

XI в.

XI в.

№ 99 (ИРАИК, VIII, с. 239—240; табл. XXXIII, 2) = M-103³³
(табл. II, 3). **Михаил Авалант**, севаст, происходящий из рода Калофетов.

Л. с. Богоматерь с младенцем, сидящая на троне с высокой спинкой.

Титлы: ΜΡ ΘΥ.

О. с.

CFPAGICCE	CFPAGICCE	Σφραγίς σε-
ΒΑΣΤΥΜΧΙΑΒΑ	ΒΑΣΤΥΜΧΙΑΒΑ	βαστοῦ Μιχα(ήλ) 'Αβα-
ΛΑΝΤΗΕΚΚΑ	ΛΑΝΤΗΕΚΚΑ	λάντη ἐκ Κα-
ΔΟΘΕΤΟΝΤΗΣ	ΔΟΘΕΤΟΝΤΗΣ	λοθετῶν τῆς
ΦΥΛΗΣΚΑΤ.	ΦΥΛΗΣΚΑΤΗ.	φυλῆς κατῆ[γ]-
ΜΕΝΟΝ	ΜΕΝΟΝ	μένου
Σφραγίς σεβαστοῦ Μιχα(ήλ)	Σφραγίς σεβαστοῦ Μιχαήλ 'Αβαλάντη ἐκ	

²⁹ Размер 1,9×1,8 см. Оттиск смещен. Сохранность: потеря.

³⁰ Laurent V. Les bulles métriques..., N 194. Автор указывает ошибочность чтения издателя и справедливо предлагает читать «Μαυροζώμη».

³¹ Размер 1,5×1,6 см. Сохранность: потеря, выщерблена сверху на о. с. со стороны канала.

³² Поправка чтения была сделана Н. Вейсом: проедрисса. См.: Bees. N 'Αναγνώσεις καὶ κατατάξεις βυζαντινῶν μολυβδοβούλλων. — «Journal International d'Archéologie numismatique», t. XIII, 1911, p. 10. № 12.

³³ Размер 3,0×3,2 см. Сохранность: сильно потеря, выщерблена сверху и особенно по ходу канала.

Ἀβαλάντη ἐκ Καλοαστ(ῶ?)
Τῆς φυλῆς κατ(η?)μένου.

Καλοθετῶν τῆς φυλῆς κατηγμένον. «Печать
Михаила Аваланта, севаста, происходя-
щего из рода Калофетов».

Не ранее XIV в.³⁴

Вторая половина XIII в.

Другой экземпляр печати Михаила Аваланта (ныне хранится в Гос. Историческом музее в Москве) был издан Н. П. Лихачевым с указанием: надпись сделана поздними буквами³⁵.

По особенностям письма (характерные начертания отдельных букв, наличие лигатур) и иконографии моливдовул может быть датирован второй половиной XIII или даже XIV в.

№ 112 (ИРАИК, VIII, с. 243) = М-2983³⁶ (табл. II, 4). Лев Генес... ари.

Л. с. Святой Стефан в рост с кадилом в правой и ладанницей (?) в левой руке. Часть надписи слева: ... ΦΑΝ — [Ὁ ἄ(γίος) Στέ] φανος

О. с.

ΣΘΔΣΔ,
ΟΝΤΙ.
ΥΓΕΝΕΣ
.ΑΡΗ

[Κ(ύρι)ε βο(ή)θ(ει) τῷ]σῶ
δοῦλ(ω) [Δέ]οντι [Ε]ύγενεσ. αρη

.... [+Κ(ύρι)ε βο(ή)θ(ει)]
.. ΣΘΔΣΔ, [τῷ]σῶ δοῦλ(ω)
.. ΟΝΤ. [Δέ]οντι
.. ΥΓΕΝΕΣ [τῷ]φ Γενεσ-
.. ΑΡΗ ..αρη

+Κύριε βοήθει τῷ σῶ δοῦλῳ Δέοντι
τῷ Γενεσ. αρη. «Господи, помоги
Льву Генес. ари».

XII—XIII в.

X—XI (?) вв.

№ 134 (ИРАИК, IX, с. 344) = М-154³⁷ (табл. II, 5). Николай Трипсих, претор.

Л. с. Богоматерь в рост. Из-за плохой сохранности тип изображения установить трудно. Титлы: ΜΡ..

О. с.

.... ΓΙC
ΠΡΕΤΩΡΟC
ΤΡΙΦΩΧΥ
ΝΙ.ΟΛΑΥ

[Σφρα]γίς πρ(αί)τ(ο)ρος
Τριφωχ(ί)ου Νι[χ]ολάου

XI в.

.Φ. ΓΙC
ΠΡΕΤΩΡΟC
ΤΡΙΨΥΧΥ
ΝΙ.ΟΛΑΥ

Σφραγίς πρ(αί)τ(ο)ρος Τριψύχου³⁸
Νικολάου. «Печать Николая
Трипсиха, претора».

XII в.

Панченко предполагал в начале третьей строки Π вместо Τ и перед конечной буквой — Χ вместо Κ. В последнем он оказался прав.

³⁴ В. Лоран дал исправление чтения Панченко: Калофетов, а не Калоастов. Что касается даты, то автор относит печать к Михаилу Аваланту, посланному в качестве апокрисиария папы в 1263 г.; см.: *Laurent V. Les bulles métriques...*, N 445.

³⁵ Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911, табл. VIII, 21, с. 36.

³⁶ Размер 1,6×1,8 см. Оттиск смещен влево, первая строка вне поля. Сохранность: выщерблена по краю, выбоинки.

³⁷ Размер 3,4×3,6 см. Сохранность: сломана на две части с выпадением металла, погнута, выбоины, вмятины на поверхности.

³⁸ «Трипсих» вместо «Трифокий» предложил читать Н. Веис; см.: *Wees N. 'Avayvovcic*, № 4; *idem. Zur Sigillographie*, с. 205—206, № 23. Веис датирует печать концом XII в. См. также: *Laurent V. Les bulles métriques...*, № 433. А. П. Каждац, указывая на исправление Н. Веиса, предлагает иную расшифровку родового имени: «не считать ли владельцем печати претора и патрикия Николая Фокия (Фоку)»; см.: *Каждац А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи*, с. 74.

№ 135 (ИРАИК, IX, с. 345) = М-4590³⁹ (табл. II, 6). **Константин Варис**, протопроедр, симпон.

Л. с.

+ ΘΕΙΩ	θείω	+ ΦΕΡΩ	+ Φέρω
СΦΡΑΓΙ	σφραγί	СΦΡΑΓΙ	σφραγί-
ΔΑΜΟΙΤΥ	δ(α)μοι τοῦ-	ΔΑΚΑΙΤΥ	δα και τυ-
..ΙΩΑ	[το?] 'Ιωά-	ΠΟ,ΚΩΝ	πο<ν> Κων(σταντίνου)
..	[ννη] ⁴⁰		

О. с.

ΠΡΩ	ΠΡΩ	πρω-
ΤΟΠΡΟΕ	ΤΟΠΡΟΕ	τοπρoε-
ΔΡΥСУМ	ΔΡΥСУМ	δρου, συμ-
ΠΟΝΥΤΥ	ΠΟΝΥΤΥ	πόνου τοῦ
ΡΑΡΕОС	ΡΑΡΕОС	Βαρέως
πρωτοπρoεδρου συμ-	+ Φέρω σφραγίδα και τύπον	
πόνου τοῦ Βαρέος	Κωνσταντίνου πρωτοπρoε-	
	δρου, συμπόνου τοῦ Βαρέως.	
	«Я несу печать и знак	
	Константина Вариса,	
	протопроедра, симпона».	

X в.

Середина XI в.

№ 178 (ИРАИК, IX, с. 359) = М-1722⁴¹ (табл. II, 7). **Григорий Арсакид**

Л. с.

+ ΚΕΡΘ	+ ΚΕΡ,Θ,	+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
ΤΘСCΔ	ΤΘСCΔ	τῷ σῶ δ(ούλφ)
ΓΡΙГО	ΓΡΙГ.	Γριγ[ό]
ΡΙΟΝ	ΡΙΟΝ	ριον

О. с.

TON	TON	τόν
ΧΑΣΑ	ΑΡСА	'Αρσα-
ΝΑΔΙ	ΚΙΔΙ	κίδη(ν)
+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) τῷ	+ Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλφ	
σῶ δ(ούλφ) Γρ(η)γόριον	γόριον τόν 'Αρσακίδην. «+ Γοc-	
(sic!) τόν Χασανάδ(ην)	ποδι, помоги твоemu рабу	
	Григориу Арсакиду».	

Очень мелкие буквы

XI в.

XI или X в.

В. Лораном опубликована печать из собрания С. Orghidan с именем Григория Арсакита (XI в.)⁴². А. П. Каждан пишет: «Нельзя ли считать (его) армянином, судя по имени»⁴³. Изданная В. Лораном печать, как мне кажется, является другим экземпляром нашей печати, однако матрица иная.

Может быть, Григорий Арсакид (Аршакид) — это знаменитый Григорий Магистр, видный политический и военный деятель Армении XI в.?

³⁹ Размер 1,8×1,8 см. Сохранность: потерята.

⁴⁰ В. Лоран считал неприемлемым чтение первого стиха и вместо «Иоанн» предложил читать «Михаил», датировав в этом случае печать XI в.

⁴¹ Размер 1,6×1,7 см. С л. с. оттиск неполный.

⁴² Laurent V. La collection C. Orghidan, N 416.

⁴³ Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи, с. 134.

№ 181 (ИРАИК, IX, с. 359; табл. II, 2) = М-5231⁴⁴ (табл. III, 1). **Прасиан.**

Л. с. Погрудное изображение архангела.

О. с.

.....	...ΓΙC	[Σφρα]γίς
.ONM,ΠE	<M>ON.CΠE	
ΓKATΩN	ΦNKATΩN	τῶν
ΠPACIANZ	ΠPACIANZ	ΠPασιανοῦ
...[Δ]ουκᾶ τῶν ΠPασιανοῦ	Σφραγίς... τῶν ΠPασι-	
Печать слов (или пись-	ανοῦ, «Печать...ΠPα-	
мен) Луки Прасиана.	сиана».	
XII в.		

Легенда непонятна, во всяком случае личного имени в надписи не видно. Мне неизвестно, существовало ли имя Прасиан как родовое.

№ 184 (ИРАИК, IX, с. 360—361) = М-2639⁴⁵ (табл. III, 2). **Николай Камин.**

Л. с. Погрудное изображение св. Николая. Надпись имени по сторонам: ON.KOΛ — 'O ἄ(γίος) Ν[ι]κόλ(αος).

О. с.

+CΦPА	+CΦPА	+Σφρα-
ΓΙCΝΙΚ.	ΓΙCΝΙΚC	γίς Νικο-
ΔΑGΤG	ΔΑGΤG	λάφ τῷ
.KAMG	KAMIN	Καμίν<φ>
+Σφραγίς Νικ(ο)λάφ (sic) τῷ	+Σφραγίς Νικολάφ τῷ	
[Γ'Α?]κά(μ?)φ	Καμίν<φ>. «Печать	
	Николая Камина».	

Может быть, Κακῶ? XI—
XII в.

XI в.

№ 197 (ИРАИК, IX, с. 364; табл. II, 8) = М-2941⁴⁶ (табл. III, 3). **Адриан Комнин.**

Л. с. Св. воин Георгий в рост с коньем в правой и со щитом в левой руке. Надпись имени по сторонам: O ΓEΓP... — 'O [ἄ(γίος)] Γεώρ-γίος].

О. с.

+KGRΘ	+KGRΘ	+K(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
CΓΔOVA	TΓCCΓΔ,	τῷ σῷ δ(ούλφ)
PACIAN,T,	ADPIAN,T,	'Αδpιαν(ῶ) τ(ῷ)
KOMNH	KOMNH	Κομνη-
NG	NG	νῷ
+K(ύρι)ε β(οή)θ(ει) σῷ δοῦλ(φ)	+Kύριε βοήθει τῷ σῷ δοῦλφ 'Αδ-	
Βασιλ(είφ) τ(ῷ) [Κομνηνῷ]	ριανῷ τῷ Κομνηνῷ. «+Господи,	
	помоги твоему рабу Адриану	
	Комнину».	

Фамильное имя предпола-
гается. XI в.

В эрмитажной коллекции хранятся печати с тем же именем. Моли-
довул М-3083 из собрания РАИК называет не только имя, но и титула-
туру владельца: Адриан Комнин, севаст и великий доместик всего За-
пада.

⁴⁴ Размер 1,9×1,7 см. Сохранность: в двух частях с выпадением металла.

⁴⁵ Размер 1,4×1,5 см. Сохранность: потерта.

⁴⁶ Размер 2,0×1,9 см. Сохранность: погнута, сильно потерта.

№ 241 (ИРАИК, IX, с. 376; табл. IV, 2) = М-2974⁴⁷ (табл. III, 4).
Никифор Ватац, магистр, дука и претор (фемы) Эгейского моря.
Л. с. Св. воин Дмитрий в рост с копьем в правой и со щитом округлой(?) формы в левой руке. Надпись имени по сторонам: ΟΔΗΜΗΤΡΙ... —
 'Ο [ἄ(γ)ιος] Δημήτρι[ος].

О. с.

+ Κ̅Ε̅R,Θ,
 ΝΙΚΗΦΟΡΩ
 . . . . ΔΡΩΡΕ
 . . . . . J ΣΚΙ
 . ΠΡΑΙΤ,Ρ,ΤΥ
 ΑΙΓΑΙΩΤΩ
 ΡΑΤΑΤ, Ι
 Κ(ύρι)ε βοήθει Νικηφόρω
 [(πρωτο)προέ]δρω βε[στάρχ(η)
 μ(ε)γ(άλω) δουκί [και] πραι-
 τ[ω]ρ(ι) τοῦ Αἰγαίου τῷ
 Βατάτζη

XI—XII в.⁴⁸

+ Κ̅Ε̅R,Θ,
 ΝΙΚΗΦΟΡΩ
 ΜΑΓ . . ΤΡΩΡΕ
 . . ΑΡΧ.ΔΣΚΙ
 ΣΠΡΑΙΤΩΡ,ΤΥ
 ΑΙΓΑΙΩΤΩ
 ΡΑΤΑΤΣΙ
 + Κύριε βοήθει Νικηφόρω μαγίστρω, βε-
 στάρχη, δουκί και πραιτωρι τοῦ Αἰγαίου
 τῷ Βατάτζη. «Господи, помоги Ни-
 кифору Ватацу, магистру, дуке и
 претору (фемы) Эгейского моря».

Вторая половина XI в.

Новое чтение (магистр вм. протопроедр, дука вм. великий дука⁴⁹) за-
 ставляет по-иному рассматривать содержание легенды, однако это особая
 тема. В Эрмитаже есть и другие печати с именем Никифора Ватаца —
 вестарха и стратига, проедра и дуки Болгарии, куропалата.

№ 270 (ИРАИК, IX, с. 385) = М-3369⁵⁰ (табл. III, 5). **Георгий Мунтулуф**.

Л. с. Погрудное изображение богоматери с руками перед грудью; ла-
 дони обращены к зрителю. Титлы: ΜΡ ΘΥ.

О. с.

ΘΚΕ
 ΡΘΓΩΡ
 Γ,ΤΩ . .
 ΤΣΔΣΦ
 Θ(εοτό)χε βοήθει Γεωρ-
 γ(ίω) τῷ . . τουλουφ(ω)

ΘΚΕ
 R,ΘΓΩΡ
 Γ,ΤΩΜΣΝ
 ΤΣΔΣΦ
 Ι
 [+Θ(εοτό)χε
 βοήθει Γεωρ-
 γ(ίω) τῷ Μουν-
 τουλοῦφ
 + Θεοτόχε βοήθει Γεωργίω τῷ
 Μουντουλοῦφ(η). «+ Богоро-
 дица, помоги Георгию Мун-
 тулуфу».

XI—XII в.

№ 282 (ИРАИК, IX, с. 391) = М-4836⁵¹ (табл. III, 6). **Василий Гурн**
 монах, кувуклисий и игумен.

Л. с. Процветший крест на трех ступенях, круговая надпись: + Κ̅Ε̅ΡΟ-
 ΗΘΕΙ ΤΩΣΩΔΟΝΑ' + Κ(ύρι)ε βοήθει τῷ σῷ δουλ(ω)

О. с.

+ RACI
 Α,ΜΟΝΚΣΡΥ

+ RACI
 Α,ΜΟΝΚΣΡΥ

+ Βασι-
 λ(είω) μον(αχῶ) κουβου-

⁴⁷ Размер 2,3×2,4 см. Сохранность: погнута, в центре — сквозное отверстие.

⁴⁸ По мнению Р. Гийяна, печать, вероятно, датируется временем правления Алек-
 сая I Комнина.

⁴⁹ Указание Д. Закифиноса (дука вместо великий дука) неверно, ибо он дает
 ссылку на «Каталог» Панченко; см.: Ζακυθηνός Δ. Α. Μελέται περί τῆς διοικητικῆς
 διαίρεσεως καὶ ἐπαρχιακῆς διοικήσεων ἐν τῷ Βυζαντινῷ κράτει. — ΕΕΒΣ, 17, 1941, с. 258.

⁵⁰ Размер 1,8×2,1 см. Сохранность хорошая.

⁵¹ Размер 1,7×1,8 см. Сохранность: потерта.

ΚΛΙΣΙΩΤ,
ΓΟΥΡΝ,
Βασιλ(είφ μον(αχῶ) κουβουκ-
λισίφ τῷ Γουρν(ῶ?)⁵²
Чтение 3 и 4 строк пред-
положительно.

X—XI в.

ΚΛΙΣΚΗΓ,Τ, κλισ(ίω) κ(αί) ἡγ(ουμέ-
ΓΟΥΡΝ' νω) τ(ῶ) Γουρν(ω?)
+ Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλφ Βασιλείφ μο-
ναχῶ, κουβουκλισίφ καὶ ἡγουμένω τῷ Γουρνῶ.
«+Господи, помоги твоему рабу Васи-
лию Гурну, монаху, кувуклисию
виглы (?)».

№ 299 (ИРАИК, IX, с. 396) = М-4579⁵³ (табл. III, 7). **Константин Далассин Дука.**

Л. с.

ΓΡΑΦ
ΣΦΡΑΓΙ
ΖΩ

ΓΡΑΦ   Γραφ(άς)
ΣΦΡΑΓΙ   σφραγι-
ΖΩ   ζω

О. с.

ΚΩΝ
.Α...
ΝΣΤΥ
ΔΣΚ'
Γραφ(άς) σφραγίζω Κων[στ]α[ντι]
νου τοῦ Δούκ(α) Κωνσταντίν
Дука.

ΚΩΝ   Κων(σταντίνου)
ΔΑΛΑΣ.   Δαλασ[η]
ΝΣΤΥ   νοῦ τοῦ
ΔΣΚ'   Δούκ(α)
Γραφ(άς) σφραγίζω Κωνσταν-
τίνου Δαλασ(σ)ηνοῦ τοῦ
Δούκα. «Я опечатаываю
писания Константина
Далассина Дуки».

XI—XII в.

XI в.

В собрании Эрмитажа имеются еще три печати с тем же именем: М-6003, М-8398 (изданы Г. Шлюмберже⁵⁴) и М-9338 (моливдовул имеет ту же легенду, что и наша печать, но сделан другой матрицей; не издан).

№ 290 (ИРАИК, IX, с. 393) = М-384⁵⁵. **Иоанн Мадурит, монах.**

Л. с. Богоматерь с младенцем на троне. Круговая надпись, от которой сохранилась лишь часть: VPIΘH M.ΔYPIΘH — M[α]δουρίτη

О. с.

Θ̄Κ̄ΕR. .
ῙΩ̄Μ̄Χ̄ΟΤ̄Θ
ΜΑΔΟΥ
ΡΙΤΗ
Θ(εοτό)κε β(οή)[θ](ει) 'Ιω(άννη)
μο(ναχῶ) τ(ῶ) Μαδουρίτη

Θ̄Κ̄ΕR. .   [+](Θ(εοτό)κε β(οή)[θ](ει))
ῙΩ̄Μ̄Χ̄ΟΤ̄Θ   'Ιω(άννη) μ(ονα)χῶ τῷ
ΜΑΔΟΥ   Μαδου-
ΡΙΤΗ   ρίτη
Θεοτόκε βοήθει 'Ιωάννη μοναχῶ τῷ
Μαδουρίτη. «+ Богородица, помоги
Иоанну Мадуриту, монаху».

Хотя чтение родового имени осталось прежним, разночтения касаются имени в круговой надписи на л. с. и второй строки легенды на о. с. Заметим, что В. Лораном дано ее чтение в таком виде: 'Ιωάννη μοναχῶ ὁ τοῦ. Автор считал, что собственник печати прибег к перифразе, используя оборот: ὁ τοῦ. Последний был «en grande faveur» в XII в., если к этому времени относится печать⁵⁶. Сомнения в правильности написания патронима — Μαδουρίτης, как показывает наша печать, не подтвердились.

⁵² Laurent V. Corpus, V, 1, N 165.

⁵³ Размер 1,5×1,6 см. Сохранность: выщерблена со стороны канала.

⁵⁴ Schlumberger G. La sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884, p. 654, 7.

⁵⁵ Размер 1,9×2,2 см. Сохранность плохая.

⁵⁶ Laurent V. Corpus, V, 2, N 1401.

№ 308 (ИРАИК, XIII, с. 80) = М-2544⁵⁷ (табл. IV, 1). **Димитрий Фотиан.**

Л. с. Погрудное изображение св. воина Димитрия с копьём в правой и со щитом в левой руке. Надпись имени по сторонам: ΔΗΜΗ ΤΡΙΟΣ — [‘Ο ἄ(γ)ιος] Δημήτριος.

О. с.

+ .ΗΜΗ	+ ΔΗ ΜΗ	+ Δημή-
ΤΡΙΟΝΦ.	ΤΡΙΟΝΦ.	τριον φ[υ]-
ΛΑΤΕΦΟ	ΛΑΤΕΦΟ	λάτ(τ)ε Φω-
ΤΙ.ΝΟΝ	ΤΙΑΝΟΝ	τιανόν
ΜΑΡΤ,	ΜΑΡΤ,	μάρτ(υ)ς
[Δ]ημήτριον φ[υ]λάτ[τ]ε Φω-	+ Δημήτριον φύλαττε Φωτια-	
τι.νόν, μάρτ(υ)ς Димитрий	νόν, μάρτυς. «+ Мученик,	
Фотиан ⁵⁸	охраняй Димитрия	
	Фотиана».	

X—XI в.

В начертании родового имени, по мнению Панченко, после Т в 4-й строке могла стоять не Н (вм. ΕΙ), но ΙΑ. Это подтверждается настоящим чтением печати.

№ 333 (ИРАИК, XIII, с. 91) = М-455⁵⁹ (табл. IV, 2). **Никита Арем (?), проедр.**

Л. с. Погрудное изображение богородицы с младенцем типа «Знамение». Из титулов сохранилось справа ΘΥ.

О. с.

CONOI	CON. .	Σόν [οί]-
.ΕΤΗ СКΕ	.ΕΤΗ СКΕ	[χ]έτην σκέ
.ΠΑΝΑΓΝΕ	.ΠΑΝΑΓΝΕ	[π(οις)] Πάναγνε
.ΙΚΗΤΑΝ	.ΙΚΗΤΑΝ	[Ν]ικήταν
.ΡΟΕΔΡ	.ΡΟΕΔΡ	[π]ροέδρ(ον)
ΑΣΕΜ	.ΑΡΕΜ,	[τ(όν)] 'Αρεμ(?)
Σόν οи[χ]έτην σκέ[π(οις)],	Σόν οиκέτην σκέποις Πάναγνε Νι-	
Πάναγνε, [Ν]ικήταν [π]ρό-	κήταν προέδρον τόν 'Αρεμ(?) «Все-	
εδρ(ον) [τ(όν)] 'Ασεμ	святая, защити твоего раба	
	Никиту Арема (?), проедра».	

XI—XII в.

№ 418 (ИРАИК, XIII, с. 121; табл. V, 8) = М-2822⁶⁰ (табл. IV, 3). **Николай Ксир (?), судья вила и протонотарий (фемы) Фессалоники (?).**

Л. с. Погрудное изображение св. Николая. Надпись имени не сохранилась.

О. с.

ΚΕΡΘ	ΚΕΡ,Θ,	[+]Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
.ΩΣΩΔΣΔ,	ΤΩΣΩΔΣ	τῷ σῷ δοῦλ(ω)
.ΙΚΟΛΙΟ.	ΝΙΚΟΛ, ΟΥ	Νικολ(ά)ου
.ΡΙΠΗΤΟΥ	ΚΡΙΠΗΤΟΥ	κριτῆ τοῦ
.ΗΔ, SANOT,	ΡΗΑΣΑΝΟΤ	βήλ(ου) (καί) (πρωτο) νοτ(αρίω)

⁵⁷ Размер 1,9×2,4 см. Сохранность: помята, потерта.

⁵⁸ По поводу чтения родового имени В. Лоран пишет, что если издатель транскрибировал ΦΟΤΙ. ΝΟΝ, то следует дополнить Φωτι[α]νόν. Однако это делает стих гиперметрическим. То, что было принято за Ι, В. Лоран считает вертикальной чертой буквы Ε; с другой стороны, патроним Φωτεινός известен; см.: *Laurent V. Les bulles métriques...*, N 105.

⁵⁹ Размер 1,9×1,7 см. Оттиск немного смещен. Сохранность: выщерблена сверху на о. с., потерта.

⁶⁰ Размер 3,0×2,6 см. Сохранность: трещины, сильно потерта.

.ΑΤΑ.ΘΙ

ΤΗ

Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) [τ]ῷ σῶ
δοῦλ(ω) [Ν]ικολά(άω) [β(ασι-
λικῶ) κ]ριτῆ τοῦ [β]ήλ(ου)
καὶ πρωτο)νοτ(αρίω) [τ](ῷ)
Ἀτ(τ)α[λ]ει[ά]τη

XI в.

Сохранность печати не позволяет ручаться за достоверность предлагаемого чтения легенды. В передаче имени ΝΙΚΟΛΙΟΥ — возможное сокращение после Α и очевидное несогласование в падеже.

№ 417 (ИРАИК, XIII, с. 137) = М-327⁶¹ (табл. IV, 4). Роман Склир.

Л. с. Погрудное изображение богоматери с младенцем типа «Знамение».

Титлы: М. Θ.

О. с.

ΘΚΕΘΘ

...AN

ΤῶΣΚΛΙ

.Θ

Θ(εοτό)χε β(οή)θ(ει) [Δαμια?)-
ν(ῶ) τῷ Σκλ(η)[ρ]ῷ

XI—XII в.

.ΘΣΣΑΛΟΝ

ΤῶΖΗ<P>

Θ

[+]Κύριε βοήθει τῷ σῶ δοῦλῳ Νικολάου κριτῆ
τοῦ βήλου καὶ πρωτονοταρίῳ Θεσσαλονίκης(?) τῷ
Ἐηρῷ (?). «+ Господи, помоги рабу твоему
Николаю Ксиру (?), судье вила и прото-
нотарию Фессалоники (?».

XI—XII в.

+ ΘΚΕΘΘ

ΡΟΜΑΝ

ΤῶΣΚΛΙ

ΡΘ

+ Θεοτόχε βοήθει Ῥ(ω)μανῷ τῷ
Σκληρῷ. «+ Богородица, помоги
Роману Скиру».

XII в.

А. П. Каждан, говоря о печатях Склиров, датировка или прочтение легенд которых остаются проблематичными, ссылается на изданную Панченко печать и предлагает чтение «Мариан» или «Адриан»⁶².

В эрмитажной коллекции имеются моливдовулы с именем Романа Склира, магистра и дуки Антиохии; проедра, стратопедарха Востока, дуки Антиохии; кроме того, имеются печати без указания титулатуры⁶³.

№ 474 (ИРАИК, XIII, с. 143; табл. VII, 9) = М-3418⁶⁴ (табл. IV, 5).

Григорий Халкуц, асикрит.

Л. с. Погрудное изображение св. Григория с книгой в левой руке. Надпись имени по сторонам: Ο ΓΡΗΓ — Ο ἄγιος Γρηγ(όριος), справа — следы букв.

О. с.

+ ΚΕΘΘ

ΓΡΗΓΟΡ,

ΣΗΚΡΗ

ΘΧΑΛ

<ΣΤ,

+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) Γρηγο-
ρ(ίω) [πρωτ]οσηκρή[τ(ις) τ]ῷ
Χαλκούτ(ση)

XII—XIII в.⁶⁵

Κ.Ρ.Θ,

ΓΡΗΓΟΡ,

.ΣΗΚΡΗ

.ΤῶΧΑΛ

<Σ.

+Κύριε βοήθει Γρηγορίῳ ἀσηκρήτη
τῷ Χαλκούτ(ση). «+ Господи, помоги
Григорию Халкуцу, асикриту».

XI—XII в.

⁶¹ Размер 1,5×1,7 см. Сохранность: склеена из двух кусков, вертикальная трещина с выпадением металла.

⁶² Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи, с. 81; *Seibt W. Die Skleroi*. Wien, 1976.

⁶³ Они включены в работу В. Зейбта, посвященную Склирам.

⁶⁴ Размер 2,0×2,4 см. Сохранность: сломана на две части с выпадением металла, особенно в нижней части печати.

⁶⁵ Н. Веис относил печать к более раннему времени; см.: *Bees N. Zur Sigillographie...*, с. 206, N 24.

Другой экземпляр той же печати из собрания Эрмитажа издан Г. Шлюмберже и датирован им XI—XII вв.⁶⁶

№ 455 (ИРАИК, XIII, с. 150; табл. VIII, 9) = М-457⁶⁷ (табл. IV, 6).
Константин Спондил, вестиярит.

Л. с. Поясное изображение богоматери Халкопратийской, обращенной в правую сторону. Вверху — благословляющая рука. Титлы: ΜΡ ΘΥ.

О. с.

+ ΘΚΕΡΘ
 ΚΩΝΣΤΑΝ
 ΤΙΝΩΡΕΣΤ,
 ΚΡΙΤΗΤΩ
 ΣΠΟΝΔΥ

Λ.

+ Θεοτόκε β(οή)θ(ει) Κων-
 σταντίνω βέσ(η) κριτή τῷ
 Σπονδύλ(ω)

XI—XII в.⁶⁸

+ ΘΚΕΡΘ,
 ΚΩΝΣΤΑΝ
 ΤΙΝΩΡΕΣΤ,
 ΑΡΙΤΗΤΩ
 ΣΠΟΝΔΥ

Λ.

+ Θεοτόκε βοήθει Κωνσταντίνω βεστια-
 ρίτη τῷ Σπονδύλῃ. «+ Богородица,
 помоги Константину Спондилу,
 вестияриту».

XI—XIIв.

+ Θ(εοτό)κε β(οή)θ(ει)
 Κωνσταν-
 τίνω βεστ(ι)-
 αρίτη τῷ
 Σπονδύ-
 λ(η)

В эрмитажном собрании находятся две печати с именем Константина Спондила без указания титулатуры; одна из них издана Г. Шлюмберже⁶⁹.

В рассматриваемой группе разночтений следует особо выделить, с одной стороны, те печати, где чтение родовых имен не подтверждается — они прочитаны ошибочно (№ 20 и 68), а с другой стороны, печати, где впервые фиксируются родовые имена (№ 19 и 335).

№ 20 (ИРАИК, VIII, 213; табл. XXIX, 6) = М-2837⁷⁰ (табл. V, 1).
Виген, анфипат патрикий и страгиг Сасуна.

Л. с. Погрудное изображение св. воина Георгия с копьем в правой и орнаментированным щитом миндалевидной (?) формы в левой руке. Надпись имени по сторонам: О. Γ. ΘΡΓ. — 'Ο ἄ (γίος) Γ[ε]ώργ(ιος).

О. с.

+ ΚΕΡ,Θ,
 . ΗΚΕΜΑΝ
 .. ΠΑΤ, ΠΡΓ
 ΣΤΡΑΤ,Γ,
 .. ΣΣΝ

+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει).ηκεμ
 ἄν[θ]υπάτω, π(α)τρι(κίω)
 [ε] στρατ(η)γγ(ῶ) [τ(ῶ)]'Α]-
 σοῦν . ηκεμ ('Α?)σοῦν-
 тюркское имя.

XI или XII в.

+ ΚΕΡ,Θ,
 . ΗΚΕΝΑΝ
 . VΠΑΤΠΡΓ
 . ΣΤΡΑΤ,Γ.
 . ΑΣΣΝ

+ Κύριε βοήθει Βῆκεν ἀνθυπάτω, πα-
 τρικίω καὶ στρατηγγῶ Σασοῦν. «+ Господи,
 помоги Вигену, анфипату патри-
 кию и страгигу Сасуна».

XII в. (?)

+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
 [R]ῆκεν ἀν-
 [θ]υπάτω π(α)τρι(κίω)
 [(καὶ)] στρατ(η)γγ(ῶ)
 [Σ]ασοῦν

Молибдовул, владельцем которого был Виген, правитель Сасуна, представляет большой интерес для истории Армении и армяно-византийских связей.⁷¹

⁶⁶ Schlumberger G. Op. cit., p. 444, 3=p. 635, 2.

⁶⁷ Размер 1,8×1,9 см. Сохранность хорошая.

⁶⁸ В. Лоран датирует печать XII—XIII в.; см.: Laurent V. Les bulles métriques..., № 101.

⁶⁹ Schlumberger G. Op. cit., p. 702, 2.

⁷⁰ Размер 2,8×2,8 см. Оттиск смещен влево. Сохранность: сильно потерта.

⁷¹ Этой печати будет посвящена отдельная статья.

№ 68 (ИРАИК, VIII, с. 226; табл. XXXI, 1) = М-2241⁷² (табл. V, 2). Лев, спафарий и прото (?) нотариий (фемы) Анатоликов.

Л. с. Погрудное изображение архангела Михаила со скипетром в правой руке. Надпись по сторонам: ΜΙ . Δ — Μι[χ(αή)]λ.

О. с.

ΔΕΘΝ
 ΣΠΑΘ, S
 ΝΟΤΑΡ,
 ΤΟΜΑΝΑΤ
 С . . . .
 (+) Δέ(ο)ν[τ(ι) β(ασιλικῶ)] σπα-
 θ(αρίφ) (καί) νοταρ(ίφ) τ(ῶ)
 Μανατ(ση?)

ΔΕ. Ν (+) Δε[ο]ν-
 . . ΣΠΑΘ, S [τι] σπαθ(αρίφ) (καί)
 . ΝΟΤΑΡ [κ(ρωτο)] νοταρ(ίφ)
 ΤΟΝΑΝΑΤ τῶν Ἀνατ-
 Θ . . . . (ω)λικ(ῶν)]
 + Δέοντι σπαθαρίφ καί κ(ρωτο)νοτα-
 ρίφ τῶν Ἀνατολικῶν. «+ Льву,
 спафарию и прото(?)нотарию
 [фемы] Анатоликов».

XII—XIII в.

Чтение «протонотариий», хотя и поставлено под вопрос, все же не исключено, ибо при определенном повороте печати в начале 3-й строки видна альфа.

№ 19 (ИРАИК, VIII, с. 213) = М-4694⁷³ (табл. V, 3). Ирина Антиохисса.

Л. с. Сцена Благовещения. Фигура архангела справа от богородицы, сидящей на троне без спинки с пряжей в руках. Между фигурами надпись:

ΧΕΡΕ — Χαίρε[τισμός].

О. с.

+ ΣΦΡΑΓΙΣ
 ΓΡΑΦΗΣ
 ΕΙΡΗΝΗ ΑΥ
 ΤΗΟΧΙΗ
 Η
 Σφραγίς γραφής Ειρήνης Χιγη
 или Χιση или Χιπη

ΣΦΡΑΓΙΣ Σφραγίς
 ΓΡΑΦΗΣ γραφής
 ΕΙΡΗΝΗΝΑΝ Ειρήνη(ς) Ἀν-
 ΤΗΟΧΙΣ. τοχίσι[σ]
 Η η(ς)
 Σφραγίς γραφής Ειρήνης Ἀντιο-
 χίσις. «Печать писаний
 Ирины Антиохиссы».

XIII или XIV в.

XII (?) в.

Отыскание имени Ирины Антиохиссы в источниках поможет решить вопрос хронологической атрибуции памятника, что важно и для датировки композиции Благовещения с присущими ей на данном моливдывуле особенностями. Заметим, что изображение здесь праздничной сцены отличается от подобной композиции на ряде печатей с родовыми именами, датированных XII в. Быть может, оно одновременно им, но выполнено мастером иного круга.

№ 335 (ИРАИК, XIII, с. 91) = М-1694⁷⁴ (табл. V, 4). Феодор Веривои, протопроедр.

Л. с.

.ΕΘΔΘ
 .ΧΣΦΡΑ

ΘΕΘΔΘ Θεοδώ-
 .ΟΥΣΦΡΑ [ρ]ου σφρά-

⁷² Размер 2,5×2,6 см. Оттиск неполный. Сохранность: помята, трещины с выпадением металла.

⁷³ Размер 2,8×2,9 см. Сохранность: погнута, вертикальная трещина с выпадением металла на о. с.

⁷⁴ Размер 1,7×1,6 см. Оттиск на л. с. несколько смещен влево. Сохранность: выщерблена в нижней части о. с.

.ICMATY
.EPIPO

ΓICMATY γισμα το
R̄EPIPO Βεριβό
H η

Ο. с.

ΠΡΩΤΟ
ΠΡΟΕΔΡΥ
.N....
Π....
[Θ]εοδώ[ρ]ου σφρά[γ]ισμα
του .επιβο.. πρωτοπροέ-
δρου⁷⁵

ΠΡΩΤΟ πρωτο-
ΠΡΟΕΔΡΥ προέδρου
.H. .ΟΥ .η. .ου
ΠΡ. . Η пр. . η
... ..
Θεοδώρου σφράγισμα τοῦ
Βεριβοή πρωτοπροέδρου...
«Печать Феодора Вери-
вои, протопроедра...»

X—XI в.

XII в.

Промежуточное положение между I и II группой занимают печати, где предполагаемое Панченко чтение родовых имен получило подтверждение.

№ 423 (ИРАИК, X, с. 122—123) = М-972⁷⁶ (табл. V, 5). **Иоани Марулик**, благородный раб царствующего деспота Мануила.

Л. с. Монограмма имени?

Ο. с.

.ΦΡΑΓΙ.
ΜΑΡΟΥΔΗ.
. .ΚΛΕΟΥCΙΘ̄Δ.
ΔΟΥΜΑΝΟΥΗ.
ΤΟΥΚΡΑΤΟΥ.
ΤΟCΔΕCΠ.
ΤΟΥ

.ΦΡΑΓΙ. [Σ]φραγί [ς]
ΜΑΡΟΥΔΗΚΕ Μαρουλήκ ε-
. .ΚΛΕΟΥCΙΘ̄Δ. [δ]κλεοῦς Ἴω(αννου) δ[ού]
ΔΟΥΜΑΝΟΥΗ. λου Μανουή[λ]
ΤΟΥΚΡΑΤΟΥ. τοῦ κρατοῦ[ν]
ΤΟCΔΕCΠΟ τος δεσπό
ΤΟΥ του

[Σ]φραγί[ς] Μαρουλή[κ] εἰς κλε-
οῦς Ἴω(αννου) δ[ού]λου Μανουή[λ]
τοῦ κρατοῦ[ν]τος δεσπ[ό]του.⁷⁷

Σφραγίς Μαρουλήκ εὐκλεοῦς Ἰωάννου δού-
λου Μανουήλ τοῦ κρατοῦντος δεσπότη. «Пе-
чать Иоанна Марулика, благородного
раба царствующего деспота Мануила».

XII в.

XII в.

Панченко предполагал в конце имени *Μαρουλή κ* или *λ*. В эрмитажной коллекции хранится еще один экземпляр печати, изданный Н. П. Лихачевым в рукописи «Моливдовулы греческого Востока»⁷⁸.

№ 59 (ИРАИК, VIII, с. 224) = М-4718⁷⁹ (табл. V, 6). **Мануил Хумн**, куропалат.

Л. с. Два св. воина в рост.

Ο. с.

CIPA....
MANZHAK.
POΠAΛATOV

.ΦΡ. . [Σ]φρ[αγ] (ιζω)
MAN..AK. Μαν[ουή]λ κ[ου]-
.ΟΠ..ΑΤΟ. [ρ]οπ[αλ]άτο[υ]

⁷⁵ В. Лораном неверно указано на повторение печати, изданной Панченко, в коллекции Ватикана. При совпадении надписи л. с., легенда оборота другая; см.: *Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Città del Vaticano, 1962, № 63.*

⁷⁶ Размер 2,4×2,7 см. Отгиск букв справа на о. с. неполный. Сохранность: выщерблена сверху с л. с., щербилы.

⁷⁷ Чтение легенды приведено В. Лораном (*Laurent V. Les bulles metriques...*, N 691), но вместо читаемого Панченко слова *εὐκλεοῦς* им дается *ἀκλεοῦς*.

⁷⁸ *Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока (рукопись). — Архив АН СССР, ф. 261, оп. 1, № 119, табл. LXXI, № 14.

⁷⁹ Размер 2,0×2,1 см. Сохранность: склеена из двух частей с выпадением металла.

ΜΑΡΤΥΡΑΣ

.Σ. ΣΜΝ

Σ

Σ[φ[ρα[γίζω] Μανουήλ
κ[ου]ροπαλάτου μάρ-
τυρας [τ]οῦ [Χ]οῦμνου

ΜΑΡ . . ΡΑ.

. . ΧΣΜΝ

Ι

μάρ[τυ]ρα[ς]
[τοῦ] Χοῦμν
[ου]
Σφραγίζω Μανουήλ κouroπαλάτου
μάρτυρας τοῦ Χοῦμνου. «Я опе-
чатываю свидетельства Ману-
ила Хумна, куропалата.»

ΧΙΙ—ΧΙΙΙ в.

В III группу входят печати, из-за плохой сохранности которых прочесть родовые имена невозможно.

№ 38 = М-4472 — Алексей Комнин.

№ 296 = М-2823 — Константин Тарханиот.

№ 385 = М-4552 — Иоанн Палеолог, деспот, автократор.

IV группу составляют те печати, где Панченко читал родовые имена предположительно, и эти предположения остаются в силе. Сюда относятся следующие печати.

№ 140 (ИРАИК, IX, с. 347) = М-2282 — Георгий Хумн?

№ 182 (ИРАИК, IX, с. 360) = М-118 — Феодор Иатрос?, проедр.

№ 319 (ИРАИК, XIII, с. 86) = М-2067 — Печать Григория, происходящего из рода Χωνητρο[φ](έων?) (Панченко)⁸⁰ (может быть, Χωνιάτης). В настоящее время не читается ни личное имя, ни родовое, от последнего сохранились лишь буквы: .ωνητρο.

№ 375 (ИРАИК, XIII, с. 105) = М-2239 — Иоанн . . γεστη. Панченко отмечал, что первая буква после артикля похожа на κ или ρ. Действительно, первая буква, скорее всего ρ, после нее буква не читается. В 4-й строке — γεστη или γεσνη.

В эту же группу входят моливдовулы, где чтение родовых имен основывалось лишь на нескольких сохранившихся буквах или наличие родовых имен лишь предполагалось (приводим номера печатей по «Каталогу»):

№ 49, 50, 114, 123, 124, 162, 201, 216, 222, 259, 278, 336, 337, 345, 354, 373, 387, 400, 415, 457.

№ 120 (ИРАИК, VIII, с. 245) = М-1520⁸¹.

Л. с. Шестиконечный процветший крест на трех ступенях с круговой надписью: ΚΕΡΟΝΘΕΙΤΩΣΣΩΔΟΥ — Κ(ύρι)ε βοήθει τῷ σῷ δοῦ(λ)φ.

Ο. с.

+ ΘΕΟΔ

. CIGP̄RCPI

. Θ. ΚΑΝΔ

. Τ. ΑΓ

+ Θεοδ(ο)σίω β(ασιλικῶ)

σπ[α]θ(α)[ρ](ο)κανδ(ι)

[δ](άτω) τῷ . αγ.

ΘΕΟΔ

. CIGP̄RCPI

. Θ. ΚΑΝΔ

ΧΤΣΛ'Ρ

+ Κύριε βοήθει τῷ σῷ δοῦλω Θεο-

δοσίω βασιλικῶ σπαθαρoκaνδιάτω,

χαρτουλαρίω (?). « + Господи, по-

Θεοδ-

[ο]σίω β(ασιλικῶ) σπ-

[α]θ(αρο)κανδ(ιδάτω)

χ(αρ)τουλ(α)ρ(ίω) (?)

⁸⁰ Laurent V. Les bulles metriques. . . , № 98: Χωνιατρόφων. Автор отмечает, что у него нет возможности ни проконтролировать, ни объяснить удовлетворительно данный патроним.

⁸¹ Размер 2,1×2,2 см. Оттиск смещен. Сохранность: выпадение металла с л. с. в нижней части печати, а также с обеих сторон сверху.

(фамилия)

моги твоему рабу Феодосию,
императорскому спафароканди-
дату, хартуларию(?)».

Предположение о существовании родового имени, по-моему, необоснованно.

Итак, исследование легенд изданных печатей дало следующие результаты: в 30 случаях чтение не изменилось (I группа), в 34 случаях внесены изменения, касающиеся в основном имен и титулатуры (II группа), на 3 печатях — нечитаемые надписи (III группы) и в 25 случаях (IV группа) предположительное чтение родовых имен сохраняется или представляется необоснованным.

«Каталог моливдовулов» Панченко хорошо известен, к нему обращаются исследователи истории и культуры Византии; на основании содержания надписей делаются порой важные исторические выводы и создаются научные гипотезы. Во избежание неверных толкований следует принять во внимание сделанные здесь поправки и дополнения, хотя приведенные чтения и даты вызывают иногда сомнения и у автора статьи и нуждаются в коррективах⁸².

Работа над печатями с родовыми именами представляет собой лишь первую ступень в пересмотре и переиздании моливдовулов, включенных в «Каталог» Б. А. Панченко⁸³.

---

⁸² Хочу выразить признательность В. Зейбту (Австрия) за помощь в расшифровке легенд печатей Василия Гурна и Николая Ксира.

⁸³ Уточнения и дополнения к данной статье см. в одном из следующих томов «Византийского временника».

М. В. КРИВОВ

**«ЭФИОПИЯ» В «ОТКРОВЕНИИ»
ПСЕВДО-МЕФОДИЯ ПАТАРСКОГО**

Среди памятников апокалиптической литературы, распространенной в Византии на протяжении всего ее существования, важное место принадлежит «Откровению», приписываемому Мефодию Патарскому (ум. 312 г.)¹, в действительности же составленное, вероятнее всего, на рубеже VII—VIII вв.², так как оно отражает византийско-арабские отношения второй половины VII в. Написанное в форме эсхатологических пророчеств, «Откровение» содержит краткий обзор важнейших событий мировой истории (большей частью легендарных) и предсказание будущего владычества измаильтян, их гибели и последующих затем событий, предшествующих «концу света».

Согласно этому пророчеству, измаильтяне, т. е. арабы, завоеуют и разорят почти всю землю³, но затем против них выступит христианский царь (βασιλεὺς Ἑλλήνων ἦτοι Ῥωμαίων), который, разгромив их, прогонит вплоть до Ятриба (Медины), откуда они вышли (. . . οὗτος ἐξελεύεται ἐπ' ἑαυτοὺς ἐκ τῆς Θαλάσσης Αἰθιοπίων καὶ βάλλει ῥομφαίαν καὶ ἐρήμωσιν ἕως Ἐθρίμβρον ἦτοι εἰς τὴν πατρίδα αὐτῶν καὶ αἰχμαλωτεύσει τὰς γυναῖκας αὐτῶν καὶ τὰ τέκνα).⁴ Любопытно, что этот βασιλεὺς Ἑλλήνων ἦτοι Ῥωμαίων должен выступить в поход против измаильтян ἐκ τῆς Θαλάσσης Αἰθιοπίων. Случайно ли это?

В «Откровении» Эфиопии отводится весьма видная роль: она упоминается в числе четырех великих держав, наряду с империями Александра Македонского, Римской и Эллинской (т. е. Византийской)⁵. Здесь же мы находим легенду о женитьбе отца Александра Македонского Филиппа на дочери эфиопского царя Фола Хусифи, отождествлявшейся с действительной женой Филиппа, матерью Александра Олимпиадой⁶. Согласно этой легенде, Хусифь после смерти своего сына Александра, умершего бездетным, вышла замуж за основателя Византии Византа⁷. От этого брака родилась дочь — Византия, вышедшая замуж за римского

¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 628; Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897.*

² *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 426. М. Кмоско и П. Аликсандер считают, что первоначальная редакция «Откровения» была составлена на сирийском языке, греческие же и латинские его редакции являются лишь наиболее ранними ее переводами; см.: Kmosko M. Das Rätsel des Pseudo-Methodius. — Byz., 6, 1931, S. 273—296; Alexander P. J. Medieval Apocalypses as Historical Sources. — «American Historical Review», 73, 1968, p. 998 sq. Возражения против их точки зрения см.: Trumpf J. Alexander, die Bersiler und die Brüste des Nordens. — BZ, 64, 1971, S. 326—328.*

³ *Истрин В. Указ. соч., с. 15.*

⁴ Там же, с. 40—41.

⁵ Там же, с. 17.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 17, 20. О происхождении этой легенды см.: *Kmosko M. Op. cit., S. 287—290.*

царя Армалея⁸, или Армелая, который в некоторых рукописях отождествляется с основателем Рима Ромулом⁹. Три сына Армалея и Византии стали царствовать: первый, Армалей, — в Риме, второй, Урбан, — в Византии, третий, Клавдий, — в Александрии, в результате чего *κατεκράτησεν οὐ τὸ σπέρμα τῆς Χουρῆθ Θουγατρὸς Φῶλ βασιλέως Αἰθιοπίας τῆς τε Μακεδόνων καὶ Ῥωμαίων καὶ Ἑλλήνων*¹⁰.

Излагая эту легенду, автор «Откровения» хотел доказать близкое родство македонян, эфиопов, греков и римлян¹¹. Вместе с тем он стремился доказать, что слова псалма 67, 32: «Αἰθιοπία προφθάσει χεῖρα αὐτῆς τῷ Θεῷ» («Эфиопия прострет руки свои к Богу») относятся к Византии, так как в представлении византийца царству христианскому, т. е. греческому, надлежит стоять до скончания века. Таким образом, для автора «Откровения» под Эфиопией в данном псалме подразумевается современная ему империя ромеев (ἔστι δὲ νῦν ἡ βασιλεία τῶν Ῥωμαίων ἡ γούν Ἑλλήνων ἐκ σπέρματος τῶν Αἰθίοπων αὐτῆ προφθάσασα χεῖρα αὐτῆς τῷ Θεῷ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ κατὰ τὴν προφητικὴν ἐκφαντορίαν)¹².

Описывая предстоящие ужасы, автор «Откровения» называет среди разоренных измаильтянами стран (Персия, Киликия, Сирия, Каппадокия, Исаврия, Африка, ближайшие к Риму земли и острова) также и Романию¹³. Под Романией греческие авторы понимали обычно всю Византийскую империю, но так как упомянутые в памятнике Каппадокия, Исаврия и прилегающие к Риму земли с островами не были оторгнуты от Византии в эпоху составления «Откровения», хотя и подвергались (кроме прилегающих к Риму земель) набегам, то Романия обозначает здесь внутренние византийские земли.

Почему же царь, выступающий в роли освободителя христиан, должен выйти ἐκ τῆς θαλάσσης Αἰθιοπίων? Ответить на этот вопрос можно, лишь проследив историю эфиопско-арабских отношений в VII—начале VIII в.

Известно, что эти отношения были весьма враждебными. В 651 г. эфиопы совершили набег на Йемен¹⁴. В 702 г. был осуществлен еще один набег, во время которого эфиопы угрожали самой Мекке. Не исключено, что набеги имели место и между этими двумя датами¹⁵.

Вероятно, вследствие опустошительных арабских нашествий во второй половине VII в. положение Византии многим казалось настолько безнадежным, что, не надеясь на собственные силы, определенная часть византийского общества возлагала надежды лишь на помощь извне, со стороны христианской Эфиопии, вести о победах которой над арабами доходили до Византии. Эти вести могли приносить в Византию прежде всего возвращавшиеся из Халифата на родину пленные, а также переселенцы из захваченной арабами Сирии.

Можно предполагать, что сношения Византии с Эфиопией (Аксумом) не прерывались полностью до конца VII в. Хотя Египет, через который в основном осуществлялся в предшествующее время контакт с Аксумским царством, был завоеван арабами еще в 40-е годы VII в., у Византии оставались еще другие владения в Северной Африке: Триполитания была захвачена арабами в 667—668 гг., Карфаген был оставлен византийцами в 698 г., а последнее владение — Септем — лишь в 704 г.¹⁶ В VI в., не имея возможности осуществлять сношения с Тюркским каганатом через территорию державы Сасанидов, Византия осуществляла

⁸ *Истрин В.* Указ. соч., с. 20.

⁹ Там же, с. 53.

¹⁰ Там же, с. 22.

¹¹ Там же, с. 17.

¹² Там же, с. 22.

¹³ Там же, с. 39.

¹⁴ *Кобищанов Ю. М.* Аксум. М., 1966, с. 111—112.

¹⁵ Там же, с. 112.

¹⁶ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи, т. I. СПб., 1912, с. 862—865.

их обходным путем, через Северный Кавказ, северный берег Каспийского моря и далее — через Среднюю Азию¹⁷. Не исключено, что после потери Египта византийское правительство пыталось таким же обходным путем, по пустыне, через земли племен берберов, часть которых находилась в союзных отношениях с Византией¹⁸, а затем через владения влеммиев и нубадов, издавна поддерживавших с империей добрососедские отношения, осуществлять контакт с Эфиопией и, может быть, в какой-то мере влиять на ее политику по отношению к Арабскому халифату. Ввиду сравнительно малого количества дошедших до нас исторических источников, относящихся к данному периоду, прямые известия о таких сношениях не сохранились. Однако из текста Феофана мы знаем, что среди домашней прислуги Юстиниана II (при вторичном его правлении) находился повар-«индеец» (μάγειρος Ἰνδός ὢν)¹⁹, под «индийцами» же, как известно, в византийской хронографии обычно подразумевались эфиопы²⁰. Возможно, это известие Феофана следует рассматривать как косвенное подтверждение византийско-эфиопских связей.

Видимо, победы эфиопов над арабами были весьма впечатляющими, что и побудило автора «Откровения», используя легенду о Хусифи, выдвинуть теорию родства эфиопов и ромеев, которая в условиях того времени наиболее простым путем разъясняла читателю причины эфиопско-арабской вражды, и вместе с тем приписать греческому «царю-избавителю» эфиопское происхождение.

Таким образом, как нам кажется, «Откровение» Псевдо-Мефодия, в своеобразной форме отражая эфиопско-арабские отношения в VII в., лишний раз свидетельствует о том, что в эту эпоху Аксум был еще довольно сильным государством²¹, и в какой-то мере проливает свет на один из наиболее темных периодов эфиопской истории.

¹⁷ Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, с. 184—211.

¹⁸ См. об этом: Чураков М. Завоевание Северной Африки арабами. — ПС, 3, 1958, с. 110—112; его же. Хариджитское движение и восстание шиитов в Магрибе. — ПС, 13, 1964, с. 126—127.

¹⁹ *Theophanis Chronographia*, t. I. Lipsiae, 1883, p. 379.

²⁰ Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 163.

²¹ Кобищанов Ю. М. Указ. соч., с. 113.

Л. З. ХУСКИВАДЗЕ

ГРУППА ГРУЗИНСКИХ ЭМАЛЕЙ РУБЕЖА XII—XIII ВВ.

Из большого материала грузинских средневековых эмалей, хранящихся в Гос. музее искусств Грузии, особое внимание привлекают три пластины со сценами Сретенья, Воскрешения Лазаря и Сошествия св. духа (№ 3223, 3222, 3224). Эти пластины интересны, в первую очередь, тем, что дают прекрасные декоративные картинки сюжетных композиций, в то время как большинство эмалей представляют собой отдельные изображения фигур. Кроме того, это поистине яркие образцы декоративного искусства, обладающие высокими художественными достоинствами. Трудно остаться равнодушным перед поразительной лиричностью и особой настроенностью сцен, выразительностью эмоциональных восточных лиц, гармонией и яркой цветовой звучностью контрастных тонов.

Сохранность пластин хорошая. Случаи, где эмаль выкрошилась, очень незначительны. Дырочки на кирпично-красной краске должны являться свидетельством накипи при обжиге. Блеск и чистота красок поразительны. Размеры иконок с незначительными расхождениями почти одинаковы (высота — ок. 13 см., ширина — ок. 10 см.). Почти одинаковы и места расположения укреплений.

Эмалевые композиции Сретенья, Воскрешения Лазаря и Сошествия св. духа входили в серию икон на тему двенадцатых Праздников, хранящихся одно время в коллекции М. П. Боткина. Эта серия объединяла одиннадцать композиций. Где и когда была утеряна одна из двенадцати сцен, а именно композиция Благовещенья, мы не знаем. Три из них были возвращены Грузии в 1923 г. и поступили в Гос. музей искусств Грузии. Судьба остальных композиций неизвестна¹. Однако сохранились цветные иллюстрации этих сцен, представленные в издании собрания М. П. Боткина: Вход в Иерусалим, Распятие, Сошествие во ад, Сошествие св. духа, Рождество, Крещение, Преображение, Вознесение, Успение богородицы, Воскрешение Лазаря и Сретенье². Из этих сцен только Распятие и Сошествие во ад содержат надписи, причем греческие. Манера исполнения всех пластин одинакова, и с первого взгляда ясно, что они были исполнены одним и тем же мастером, по всей вероятности, для одного большого произведения. Знаменитая венецианская Пала д'оро также содержит композиции Христовых Праздников, но здесь они представлены наряду с другими отдельными изображениями и сценами. Так как наши иконки своеобразием некоторых сцен находят ближайшие аналогии с грузинской чеканной иконой, известной под именем лаклакидзеvской мадонны (нач. XI в.), то логично сравнивать их с этой последней.

¹ *Amiranachvili Ch. Les émaux de Géorgie. Paris, 1962, p. 60.*

² Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911, табл. 87—90.

В самом деле, мы имеем совпадения некоторых иконографических и композиционных элементов в отдельных евангельских сценах. В этом отношении особенно показательна композиция Сретенья. Общим для обоих памятников моментом является особенность архитектуры — барабан с коническим куполом и фланкирующими сферическими куполами, редкая иконографическая деталь — наличие подсвечника с горящей свечой в центре изображения и, наконец, строгая уравновешенная композиция с двумя парами фигур. Фриз же и раковина — архитектурные элементы здания в чеканной композиции Стретенья — перенесены в эмалевую сцену Сошествия св. Духа. Здание в эмалевой сцене Воскрешения Лазаря содержит декоративный элемент, в точности воспроизводящий таковой в чеканной композиции Благовещенья. В композиции Входа в Иерусалим одежда, разостланная для встречи Христа, вернее, прореха на рубахе, перенята с чеканной иконы почти механически. Крещение во всех деталях следует соответствующей сцене лаклакидзевской иконы: аналогично построение — центральная фигура Христа уравновешивается двумя массивами гор, равномерно выделяющими изображения по обе стороны центра: с одной стороны — Иоанн Креститель, с другой же — три славословящих ангела; аналогична поза Христа и положение его ног, т. е. перенос левой через правую; река также изображена со змием и рыбами; наверху — десница и голубь в луче. Прием выделения фигур двумя массивами гор и, тем самым, создания уравновешенной композиции применен и в другой сцене лаклакидзевской иконы, а именно в Сошествии во ад, и перенесен мастером эмалевой иконы: та же подчеркнутая строгая вертикаль креста, то же противопоставление группы Адама и Евы (у нас три фигуры) со спокойно представленными фронтально парями. Сцена Распятия также очень напоминает лаклакидзевскую: поза распятого Христа, сильно согнутого в локтях и коленях, распределение и состав групп по сторонам Христа — группа жен слева и Иоанн со свидетельствующим «сотником» справа, а также поза этого последнего. В сцене же Преображения в обоих случаях применяется круглая gloria. Даже очень своеобразная, отличающаяся от лаклакидзевской сцена эмалевой композиции Рождества по сложности, перегруженности и составу роднится с чеканной иконой — пастухи с дубинками в руках, овцы, сидящий в углу задумчивый Иосиф, волхвы, явившиеся на поклон к богоматери, ясли с младенцем, их форма и узор украшения.

Итак, очевидно, что в создании наших эмалевых пластин большое влияние оказала известная лаклакидзевская икона³. Можно думать, что она же могла подсказать и композиционное построение нашего предполагаемого памятника в целом. По-видимому, существовало какое-то центральное изображение, обрамленное бордюром, украшенным эмалевыми композициями. В хахульском триптихе также имелось центральное изображение, как было оно и в Пало д'оро, однако принцип распределения эмалевых пластин здесь отличен от лаклакидзевской иконы, которой, по нашему предположению, должен был следовать и наш памятник. Трудно сказать, в какой последовательности и как были расположены эти сцены и следовали ли они хронологически принятой последовательности изображаемых событий, тем более, что мастер Лаклакидзевской мадонны нарушает ее, как видно, совершенно сознательно, руководствуясь прежде всего глазом «художника, искавшего возможность создать узор, распределенный в равновесии направо и налево от средней вертикали»⁴. Возможно, и наш мастер, столь искушенный в построении отдельных сцен, изображенных на эмалевых пластинах, должен был исходить из художественных принципов создания гармонического ансамбля всего произведения. Трудно что-либо определенно утверждать,

³ О популярности и влиянии лаклакидзевской иконы говорят и тот факт, что поздняя икона Ацкурской богоматери (XVI в.) создана в ее подражание.

⁴ Чубинашвили Г. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959, с. 198.

однако предположение о компоновке отдельных эмалевых сцен наподобие композиции лаклакидзевского ансамбля кажется приемлемым. Мы не будем заниматься здесь разбором утерянных сцен каждой в отдельности, так как считаем более целесообразным рассмотрение дошедшего до нас материала, на примере которого можно свободно судить о характерных чертах остальных однородных композиций. Мы будем касаться утраченных композиций только в том случае, когда та или иная особенность отдельных сцен послужит подтверждением определенной даты или стилистической характеристики всего памятника.

Все три сохранившиеся сцены исполнены на золотом фоне. Сцена Сретения с двумя парами симметрично распределенных изокефальных фигур (№ 3223) разворачивается перед фронтальным фасадом, белым, поделенным темно-синей узкой полосой на два регистра и украшенным окнами с охристо-желтой рамой. Глубокий дверной проем в нижнем регистре открывает вид на изумрудно-зеленую круглую колонну с арками. Справа, над дверным проемом выделяется желтый крест, посаженный в темно-синий круг. Центр подчеркнут темно-синим коническим куполом, завершающимся крестом. В барабане прорезаны узкие длинные окна — темно-синие на белом фоне. Центр фланкирован равномерно расположенными круглыми куполами по бокам. Варьирование куполов (один поменьше и со скатом, слева, другой же — побольше, без ската, один решен в синих тонах, другой — с красными полосами) несколько смягчает строгость. Этому же впечатлению служит отклонение от четко выделенного центра — подсвечника с длинной горящей свечой, переданной в голубоватых тонах. По обе стороны свечи расположены по две фигуры — слева Иосиф и Мария с Христом на руках, справа Симеон-богоприемец и Анна со свитком в руке, встречающие младенца. Богоматерь протягивает Христа Симеону. Фигура богоматери полна изящества и лиризма. Особо следует отметить оригинальное решение открытой, обнажающей пальцы ног, красной обуви богоматери.

Почтенный старец изображен чуть подавшимся вперед. Протянутые к младенцу руки его покрыты гиматием, фигура выделена изумрудно-зеленым подиумом, окаймленным красной полосой. Особо звучит голубой цвет разных оттенков, обогащающий колористическую палитру этих произведений. Мастер прекрасно решает цветовые соотношения разных тонов. Сочетания темно-синего и голубого в одеждах богоматери и Симеона оживлены сочетанием кирпично-красного с темно-синим и изумрудно-зеленым у фланкирующих фигур. Чередование изумрудно-зеленых и голубых нимбов создает прекрасный цветовой ритм. В результате мы имеем уравновешенные цветовые пятна, выгодно сочетающиеся как с золотом фона, так и молочно-белым тоном архитектуры. Однообразие же большой плоскости темно-синего цвета, объединяющего хитон Симеона и мафорий богоматери, нарушается ярким звучным акцентом светящегося желтого корзинки с двумя белыми голубками в руках Иосифа, а также желтыми крестиками, украшающими плечи и лоб богоматери. Одевания фигур оживлены также складками — сетью многочисленных золотых перегородок, то закручивающихся, главным образом на коленях, то располагающихся в елочку, то принимающих эллипсоидную форму, иногда же просто падающих длинными вертикальными линиями. Одевание Христа представлено полосатым светло- и темно-голубым хитоном. Крестчатый нимб серо-синего цвета украшен белым крестом с красными полосами. Особенно выразительны лики изображений. Желтовато-коричневый оттенок карнации придает коже смуглый вид. У Марии и Симеона лицо более светлое, с розовым оттенком. Овал обведен тонкой аккуратной линией и создает деликатную и привлекательную форму. Большие глаза, оттененные дугой густых черных бровей, особенно выразительны. Круглые черные зрачки угольками горят на фоне белых глазных яблок. Линия бровей непосредственно соединяется с линией носа,

где шпилькой загнутая форма перегородки просто передает характерную форму носа. Маленькие губы, очерченные золотой перегородкой то бантиком, то просто округлой линией, в основном окрашены кармином. У Иосифа же они переданы только изгибом золотых перегородочек. Иосиф изображен с черными волнистыми волосами, бородой и обвисающими черными усами. Их рисунок целиком объединен. Седина длинной бороды и ниспадающих на плечи волос Симеона передана бело-голубым тоном. Ритм, созданный постановкой фигур, наклоном их голов, сменой цветовых пятен и игрой золотых перегородок, необычайная выразительность значимых ликов, больших черных глаз придает особую настроенность и некоторую взволнованность всей этой сцене.

Другая пластина — Воскрешение Лазаря (№ 3222) — характеризуется аналогичной для сцены Сретенья трактовкой фигур, а также сходным колористическим решением. Однако композиционное ее построение отлично от Сретенья — здесь мы имеем большее число фигур и многоплановость композиции. Действие разворачивается не фронтально, как в Сретеньи, а диагонально, на фоне сходного архитектурного пейзажа, осложненного двумя массивами скал. На пересечении диагоналей, чуть влево, представлен Христос в голубом хитоне и темно-синем гиматии, с крещатым белым нимбом, черными волосами и бородой. Жестом благословения он обращается вправо, к помещенному в глубине, в проеме здания запеленутому в белом Лазарю, рядом с которым находится одетый в кирпично-красную одежду слуга. Фигура Лазаря акцентирована большой аккуратной окружностью светло-голубого нимба, особенно выразительного на фоне белого здания и пелен Лазаря.

Христос и Лазарь — главные действующие лица сцены, вокруг которых концентрируются остальные элементы композиции. Христа сопровождает толпа апостолов, от которых отделился Петр, приблизившийся к учителю с жестом изумления. Лицо мудрого, убеленного сединами Петра тоже очень значительно. К ногам Христа припали сестры Лазаря — одна распростерлась на земле, другая пала на колени. Мария облачена в голубую столу и темно-синий мафорий. Марфа одета в черный мафорий. За ними изображен другой слуга в профиль, рукой придерживающий крышку гроба прозрачно-изумрудного цвета. Кирпично-красный цвет его одеяния прекрасно сочетается с синим и черным мафориями сестер Лазаря. Композиция строго продумана и ясна. Большая скала объединяет обширную группу апостолов во главе с Христом, которой противопоставляется другая скала поменьше с архитектурой и воскресшим Лазарем, с одной стороны, и группой сестер, с другой. Все части взаимно уравновешены и дают твердую основу композиции, созданную пересечением диагоналей. Смещение же Христа с центра служит смягчению жесткой, строгой симметрии всей композиции. Христос является средоточием направленности всех фигур и групп композиции, все они и каждая в отдельности жестом и позой устремлены к Христу, основному логическому центру композиции. В свою очередь, Христос жестом связан со слугой, распеленывающим Лазаря и служащим связующим звеном между передним и задним планами. Христос связывается также с фигурой слуги, изображенного в профиль.

Большую роль в равновесии и гармонии построения играет цвет — два интенсивно-синих массива, разреженные молочно-белым тоном архитектуры, — и круговой ритм, созданный акцентами кирпично-красного одеяния двух слуг, двух фигур из второго ряда апостолов слева, Петра, и, наконец, возвращенный к первому слуге.

Следующая сохранившаяся сцена Сошествия св. Духа (№ 3224) гораздо проще композиции Воскрешения Лазаря и, если можно так выразиться, менее монументальна, чем Сретенье. Однако та же четкость композиции, ее ритм, акцентирование, выделение каждой фигуры и в какой-то степени их значимость, несмотря на их маленькие размеры,

характеризует и эту родственную предыдущим двум композицию. Прекрасно очерченный овал, в который вписан строго фронтальный седовласый царь (седина передана голубовато-белым тоном) изображен с развернутым белым свитком. Одежия царя — красное с синим, обильно украшено желтым. Желтая трехчастная корона усыпана синими драгоценными камнями. Двенадцать сидящих на скамье апостолов размещены вокруг этого центрального изображения, следуя воображаемой линии овала, повторяющей овал, в который вписана царская фигура. Раковина в центре здания служит плавному переходу от одной группы апостолов к другой, которые увязываются между собой еще и жестом правой руки апостола Павла. Купола по обе стороны здания — темно-синий конический справа и округлый красный слева — служат усилению композиционной уравновешенности сцены. Строгость центральной вертикали подчеркнута находящимися точно над раковиной условным изображением неба с равномерно распределенными расходящимися лучами. Однако эта строгость выделения центра и противопоставленной ей горизонтали, подчеркнутой на белом фасаде двумя синими поясами, смягчена оживленностью поз сидящих апостолов. Колорит мажорный и гармоничный — звучный красный, особенно выразительно оттеняющий темно-синий; охристо-желтые пятна служат прекрасными цветовыми акцентами, перекликающимися с желтыми тонами центральной фигуры, где они применены особенно щедро.

Иконы Праздников исполнены в технике перегородчатых эмалей, столь распространенной как в Грузии, так и в Византии⁵.

В иконах Праздников эмалью украшена не вся поверхность пластинки — фон золотой, а изображения эмалевые. Многие византийские и грузинские произведения исполнялись аналогичным образом. В таких случаях силуэт изображения или углубляли при помощи матриц, или вырезали пластинку по контуру изображения, краями припаяв снизу изготовленный золотой лоточек. При этом в одних случаях вырезался контур всего изображения в целом, в других — силуэт отдельных изображений. Обратная сторона пластин Праздников показывает, что в нашем случае пластины были углублены при помощи матриц по контуру всего изображения в целом. Местами они прорваны (см., например, скалы в сцене Воскрешения Лазаря).

Контур отдельных изображений, в основном, четко выделяет их силуэт, линия его едина. Но в некоторых случаях, особенно там, где одежия двух рядом стоящих фигур — одного или близких цветов, эта контурная линия очень слаба и ее трудно отделить от общего рисунка всей плоскости. Например, в сцене Сретенья, где мафорий Марии и Иосифа — темно-синего цвета, или в сцене Воскрешения Лазаря, где свисающий с руки Христа темно-синий мафорий на фоне темно-зеленого одежия Петра сливается с этим последним, трудно определить, где кончается одежда одного и начинается одежия другого. Таким образом, получается большая плоскость, вся испещренная множеством складок разнообразной формы и рисунка, создающих единый напряженный волнующий ритм. При этом складки одежий произвольно создают богатый декоративный узор. Так, традиционные спиральные завитки на коленях, имеющиеся у некоторых византийских изображений (см., например, парные фигуры апостолов Петра и Иоанна, Павла и Матфея, или изображение Христа-Пантократора в центральной части триптиха из Хахули,

⁵ О технике перегородчатой эмали см.: *Molinier E. L'émallerie. Paris, 1891; Кондаков Н. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892; Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911; Rosenberg M. Zellenschmelz. Frankfurt am Main, 1922; Dalton O. Byzantine art and archaeology. New York, 1961; Русская эмаль. Каталог. М., 1962; Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948; Amiranachvili Ch. Op. cit.; Muraro M., Grabar A. Les trésors de Venise. Genève, 1963; Wessel K. Byzantine Enamels. New York, 1967.*

маленькую эмалевую пластину с изображением апостола Петра⁶, фигуру Христа-Пантократора на запрестольном образе Пала д'оро⁷ и др.), повторяются и на наших изображениях. Однако здесь они носят совсем другой характер. В перечисленных изображениях завиток очень аккуратен и нарочито очерчен уверенной рукой. Он резко противопоставляется таким же аккуратно выведенным прямым или линиям, уложенным в елочку, или вертикально падающим вниз. У нас завитки не выделены особо, а постепенно подготовлены круговыми очертаниями горизонтально развернутых складок вверху и внизу. Они как будто больше соответствуют передаче коленных или локтевых суставов. Большое сходство с нашими пластинами проявляет одежда Христа-Пантократора на хахульском триптихе. И здесь форма спиральных завитков на коленях подготовлена таким же ритмом проведенных складок в верхней части одежды, что создает резкое противопоставление завитка остальным складкам. Правда, по сравнению с пластинами Праздников здесь больше ощущается намеченное выделение этой части. В наших пластинах больше свободы, широты, размашистого почерка — складки и завитки выделены не такой аккуратной и твердой рукой, как в названных выше византийских примерах, но зато и не так сухо, а темпераментно и взволнованно. Наш мастер так увлечен этим ритмом и декоративным течением складок, что иногда совсем теряет чувство хотя бы приблизительного следования силуэту фигуры. Прекрасной иллюстрацией этого является фигура Христа в сцене Воскрешения Лазаря — Христос стоит совершенно ровно, а гиматий у его левой ноги вздут по форме согнутой в колене ноги с выделением ее спиралью, которая приходится фигуре у верхней части бедра. Несмотря на это, такое нарушение не воспринимается глазом, так как сама фигура построена прекрасно, с соблюдением пропорций и с широким свободным моделированием форм. На примере Христа в Воскрешении Лазаря или Симеона из сцены Сретенья можно говорить и о присущем мастеру-грузину чувстве пластического восприятия форм. Здесь, видимо, сказалось, с одной стороны, традиционное стремление наших мастеров к пластике, в силу определенных обстоятельств не получившее, к сожалению, дальнейшего развития, а с другой, — думается, влияние прекрасных образцов грузинской и византийской монументальной живописи.

Фигуры наших пластин гармоничны и мягки. Это особенно ощутимо при сравнении их с вытянутыми пропорциями фигур XI в. (например, тех же хахульских апостолов). И даже чуть увеличенные головы не нарушают эту гармонию, а служат подчеркиванию большей выразительности этих фигур. Каждая отдельная фигура, каждая группа наших пластин отмечена определенной эмоциональной выразительностью, что также объединяет их с грузинскими памятниками в отличие от византийских, где мы имеем большую строгость и отточенность образа. Так, группа апостолов в сцене Воскрешения Лазаря с выразительными своеобразными ликами, с выделяющимися экспрессивными черными глазами очень напоминает таковые из самобытных фресок Бертубани, близких нашим пластинам и по времени их исполнения. Особой лиричностью отмечена фигура богоматери в сцене Сретенья — она нежно склоняет голову к бережно поддерживаемому ею сыну. В отличие от этой сцены композиция более ранней лаклакидзевской иконы гораздо строже и репрезентативнее. Поза Марии, передающей Христа Симеону на вытянутых руках, серьезный младенец, торжественно восседающий на руках матери, как на троне, с устремленным в пространство взором, Симеон, Анна и Мария, обращенные к зрителю, подчеркивают торжественную демонстрацию отдельных участников сцены. На эмалевой же пластине все персонажи активно включены в событие. Иосиф же, столь безучастный

⁶ *Amiranachvili Ch. Op. cit.*, p. 116—117, 103, 90.

⁷ *Bacchion E. L'église de Saint Marc. Paris, 1972, p. 39.*

в композиции лаклакидзевской иконы, всем своим движением (резко подавшейся вперед фигурой, жестом протянутой вперед руки, держащей на весу корзину и готовой для преподнесения жертвы), взором, устремленным в сторону Симеона, всем обликом служит для создания определенного отношения к происходящему. Выведенные полукругом перегородки, удлиненный эллиптический заворот складок в верхней части ноги подчеркивают этот порыв в позе Иосифа, это устремление к центру, но не разобщенное, а объединенное с другой фигурой. Здесь главным является общий декоративный ритм, так сильно акцентированный в представленных нами эмалевых композициях.

Именно это нарастание декоративных элементов и вместе с тем гармония и ритм движений наводят на мысли об аналогии с прекрасным памятником грузинской монументальной росписи Кинцвиси, датируемой рубежом XII—XIII вв. Безусловно, подобная ассоциация была вызвана и колоритом — сочетанием зеленых и сине-голубых тонов. Так как мы имеем дело с эмальями, то всегда надо помнить и о каких-то технических ограничениях или специфике, выработанной в этом виде искусства. Так, легкая плавкость прозрачно-зеленого, а также светло-бирюзового тона обусловила пристрастие к ним в византийской и грузинской эмали. Эти тона не теряют блеска, будучи даже перегретыми, и, разливаясь ровной плоскостью, крепко пристают к стенкам перегородок⁸.

Однако трудно верить, что столь искусленный мастер, каким был наш эмальер, мог исходить лишь из технического удобства применения того или иного цвета. Особого внимания заслуживает отношение мастера эмалевых пластин к характеру линии. «Линия... наделялась грузинским мастером особенной силой, жизненностью и, главное, динамикой, т. е. всем тем, что делает эту линию средоточием максимальной выразительности и эмоциональности образа»⁹. Но в разное время она носила различный характер. Так, например, линия в росписях интересующего нас периода, а именно, в росписи Кинцвисского храма, становится более динамичной и плавной, где она, по сравнению с более ранними росписями, выписывается вполне освобожденную фигуру. Такой характер линии в наших пластинах — «движение ее по плавным кривым, придающее ей непрерывную динамичность»¹⁰, — сближает эмалевые иконы с кинцвисской росписью. Общим для обоих памятников является в целом и их декоративно-динамический стиль, характерный для конца XII—начала XIII в.¹¹: построение сцен, отход от чисто фронтальных фигур, в основном, их трехчетвертной поворот, течение линий, начинающееся в одной фигуре и продолженное в другой, т. е. осуществление взаимосвязи чисто декоративным путем, движение от крайних фигур к центру (Сретенье) или, наоборот (Воскрешение Лазаря), с нарастанием или ослаблением динамики. В порядке чисто декоративного соподчинения объединяются в наших произведениях фигуры, архитектурные сооружения, скалы, декоративно разделенные на конусообразные блоки сетью переплетающихся золотых перегородок. Правда, здесь уже появляется многоплановое развертывание, а также стремление к передаче пространства. Например, в сцене Воскрешения Лазаря скала слева закрывает часть здания, которое, в свою очередь, прикрывает скалу справа, куполы здания с барабанами изображены один за другим, линия, отделяющая барабан от купола, несколько выгнута так, чтобы подчеркнуть его объем (то же и в сцене Сретенья), Христос представлен в следующем за первым плане: апостолы в Сошествии

⁸ Кондаков Н. Указ. соч., с. 96.

⁹ Алибегашвили Г. Четыре портрета царицы Тамары. Тбилиси, 1957, с. 78.

¹⁰ Там же, с. 78—79.

¹¹ О грузинских росписях XII—XIII вв. см.: Вирсаладзе Т. Фресковая роспись художника Микаела Маглакели в Мацхвариши. — «Ars Georgica», IV, 1955, с. 213.

св. Духа распределены по два в разных планах; в Сретении супеданиум Симеона построен с учетом перспективных линий; кустики в сцене Преображения, уменьшенные в разных планах, но не всегда с учетом их перспективного уменьшения вглубь, явно служат для передачи той пространственной среды, где происходит действие; крайние левые фигуры в сцене Распятия и Успения богородицы переданы за фигурами переднего плана; арка здания в сцене входа в Иерусалим подчеркивает глубину пролета; два фланкирующих изображения здания в Успении богородицы представлены с пониженной и повышенной точки зрения. Все эти моменты определенно указывают на пространственные элементы XIII в. Однако композиции в целом плоскостны, плоскость строго лимитирована с обеих сторон. Взаимоотношения между фигурами и архитектурно-горным фоном не приобретают пространственного характера. Фигуры и действие развертываются перед плоскими декоративными кулисами, а не вписаны в него. Так, колонна с арками в сцене Сретения не воспринимается в пространстве, так как она сильно выдвинута на передний план, а супеданиум и ноги изображений повисают в плоскости, подчеркнутой еще и золотом фона. Даже кустики на переднем плане сцены Воскрешения Лазаря воспринимаются, в первую очередь, как декоративные элементы, украшающие пластину, хотя они и предназначены для того, чтобы отметить место происходящего.

То же можно сказать и относительно постановки фигур: они представлены на плоскости, а не в пространстве, что особенно видно при сравнении их с византийской эмалевой пластиной, изображающей апостола Петра¹². При общей плоскости всего изображения в целом отведенная в сторону одна нога апостола отмечает глубину, а контраст дает более естественную постановку фигуры.

Такое плоскостное разворачивание композиций пластин Христовых Праздников указывает на момент временной, т. е. характерный еще для конца XII в. К этому следует добавить, что в подобной трактовке композиций определенную роль должно играть и особое пристрастие мастера-грузина к выразительности линии и плоскости. Однако в данном случае нельзя забывать и о специфике самих эмалей, где в силу технических ограничений изображение бывает плоскостным, а излишняя сеть перегородок оживляет монотонность больших моделированных плоскостей.

Итак, в наших пластинах мы отметили черты, характерные для конца XII в., а также некоторые отдельные моменты, предвещающие стиль XIII в. Определенная стилистическая близость их к Кинцвисской росписи позволяет нам несколько расширить границы датировки икон Праздников, предложенной Ш. Амиранашвили, и перенести их дату с XII в. на перелом XII—XIII вв.

Что же дает сравнение наших произведений с памятниками собственно эмальерного искусства? Из доступного нам материала иконы Праздников проявляют большое сходство, в первую очередь, с византийской иконой, изображающей сцену Сошествия во ад, которая хранится в Гос. Оружейной палате и также датируется XII в.¹³ С первого взгляда, она действительно сродни нашим эмалям. Действительно, она имеет много общего с иконами Праздников — в гармоничной композиции, в типе ликов и, что самое главное, в манере распределения линий-перегородок — они уложены в аналогичном рисунке.

Такое распределение перегородок, а именно закономерный ритм определенных узоров, и высокий технический уровень исполнения икон Праздников наводят на мысль о византийском влиянии. Однако суще-

¹² *Amiranachvili Ch. Op. cit.*, p. 90—91.

¹³ *Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, табл. 185.*

ствуует один нюанс, который заставляет взглянуть на наши вещи несколько иначе, — это характер самого рисунка — несколько огрубленный и, можно сказать, неловкий, но более нервный и динамичный. Рисунок византийской иконы строже и суше, как бы упорядоченнее. Это едва видимое различие дает особый эмоциональный накал иконам Праздников и тем самым противопоставляется духовно уравновешенному изображению византийской иконы. Из грузинского материала нашим эмалям более всего соответствует икона Спаса из Корцхели, некогда украшавшая оклад, заказанный Леваном II Дадияни. Икона имела широкое обрамление с эмалевыми сценами и фигурами. Н. П. Кондаков относит эти эмали к византийской работе второй половины XI в.¹⁴ Ш. Амиранашвили же считает их грузинской работой XIII в., исполненной позже икон Праздников; близость корцхельской иконы к композициям Праздников он видит в стиле исполнения, а также эмоциональности, с которой трактованы традиционные темы¹⁵. На самом деле, экспрессия, ощутимая в наших пластинах, с еще большей силой чувствуется в корцхельских композициях¹⁶ (это, главным образом, относится к композиции Успения богородицы, столь драматичной и трогательной в выражении охватившей апостолов скорби). Большие глаза с выделяющимися зрачками под густыми черными бровями, местами чуть увеличенные головы и особенно увеличенные руки евангелистов, апостолов, Марии и благовествующего ангела — все это служит усилению экспрессии изображения, что также сближает корцхельские эмали с нашими. Некоторые пространственные моменты — расположение ложа Анны по диагонали в глубину в сцене Рождества богородицы, передача уменьшенной фигуры на втором плане с более увеличенной — на первом, супеданиум в Успении, постановка фигур в Благовещении, частота перегородок, создающих определенный узор складок, примечательный и в фигурах икон Праздников, а также колорит, повторяющий сочетания светло и интенсивно-голубого, синего, зеленого, красного и желтого, определенно напоминает композиции Христовых Праздников.

Но некоторые отличительные черты корцхельских изображений и отдаляют их от наших икон. Первое, что бросается здесь в глаза, это то, что при всей плоскости и линейности изображения здесь особенно усиливается живописный момент — роль цвета увеличилась по сравнению с эмалями икон Праздников. Цвет становится объединяющим (голубые или двуцветные голубые фоны в сцене Успения богородицы, выделяющие группы апостолов и евангелистов), иногда акцентирующим (особенно киноварно-красный кричащий тон ложа богородицы, красное одеяние Анны), сам тон же более тусклым и не таким чистым, как в наших иконах. В отличие от яркой, но прекрасно сгармонизированной колористической гаммы икон Праздников, колорит корцхельского памятника пестр. Однако в данном случае эта пестрота служит передаче возросшего драматического накала. Драматизм корцхельских икон достигается как выбором сюжета (глубокие чувства и большая скорбь по поводу смерти богородицы, например), так и чисто внешними средствами — лица апостолов в отчаянии, с тревогой вглядывающийся в лицо матери Христос, скорбящий апостол Андрей, припавший головой к груди богородицы, рыдающие ангелы, прикладывающие белые платки к лицам, большие глаза, приподнятые брови, увеличенные руки и т. д. Но в этих изображениях нет того достоинства и внутренней силы, каким обладают еще фигуры Праздников. Здесь нет величия и значимости образа, присущей более ранним вещам и характеризующей также наши эмали, да и эмоциональность этих произведений различна. В иконах Христовых Праздников господствует лиризм, в иконе же из Корцхели — драматизм. Там лиризм и экспрессия передаются в основ-

¹⁴ Кондаков Н. Указ. соч., с. 152, рис. 447.

¹⁵ Amiranashvili Ch. Op. cit., p. 68—69.

¹⁶ Ibid., p. 67.

ном линией очень плавной и выразительной как в контурах изображений, так и в обработке волнующих складок, здесь — более спокойное течение складок, как бы не соответствующее общему драматизму сцен. Разница ощутима и в колорите, а также в степени исполнения изображений. Колорит эмалевых икон Праздников состоит из ярких локальных тонов, но сочетавшихся очень гармонично. Колорит корцхельской иконы пестр, хоть и содержит отдельные полутона и переходы (например, эллинистические реминисценции в переходах голубого в фиолетовый одежд изображений). Характер перегородок в обоих произведениях одинаков, но рисунок здесь более небрежен и маловыразителен.

Известная близость к эмалевым пластинам Праздников, а также и некоторые расхождения с ними могут определить корцхельскую икону как произведение XIII в. Как мы видели выше, нарастание живописных элементов, большая драматизация изображений, колористическая гамма, обогащаемая цветовыми рефлексам¹⁷, а также иконография Успения¹⁸ указывают именно на XIII век. Сопоставление корцхельского памятника с группой грузинских эмалей из Гелати¹⁹, Хоби, Джумати (икона архангела Михаила), содержащих грузинские надписи, и Цаленджиха²⁰ говорят о возможности отнесения корцхельской иконы к грузинскому мастеру.

Сходство между этими памятниками проявилось, в первую очередь, в типаже, технике нанесения перегородок, в трактовке лиц — густые, часто приподнятые или находящиеся на разном уровне брови, широко раскрытые большие глаза, удлиненный нос. Таким образом, грузинское происхождение корцхельских эмалей служит лишним доказательством национального характера эмалевых икон Праздников, с которыми они определенно связаны.

Эмалевые иконы Христовых Праздников содержат еще некоторые примечательные детали, которые делают неоспоримым их грузинское происхождение²¹. Во-первых, грузинский архитектурный стаффаж — типичный для грузинской церкви конический купол с барабаном, в котором прорезаны характерные для грузинской архитектуры окна. Подобная архитектура встречается и в других грузинских композициях Сретенья, таких, как лаклакидзевская икона, оклад иконы Ацкурской богородицы, а также грузинская деревянная икона в Эрмитаже из бывшего собрания Штиглица, исполненная в XVI в. по ранним образцам²². В миниатюрах XIII в. Ларгвисского четвероглава А-26²³ мы видим тот же конический купол и барабан с характерными окнами.

Другая редкая иконографическая деталь — подсвечник с горящей свечой, изображенный между фигурами Марии и Симеона, встречается только в грузинских сценах Сретенья. Вышеназванные примеры грузинских икон с этой композицией содержат изображение такой свечи, установленной в подсвечнике. Ни Византия, ни Запад такого представления сцен Сретенья не знает.

На наличие подсвечника с горящей свечой в композиции лаклакидзевской иконы обратил в свое время внимание А. Баумштарк. Отвергая за-

¹⁷ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи, т. 1. М., 1947, с. 160—161.

¹⁸ Что касается иконографии Успения данной композиции, то следует особо отметить, что она иллюстрирует апокрифическую сцену, где один ангел приводит апостола Иоанна к постели богородицы в Иерусалим, другой же ангел приводит апостола Марка. Сцены с подобной иконографией до XIII в. как будто не являлись.

¹⁹ *Amiranachvili Ch.*, p. 72—73.

²⁰ *Ibid.*, p. 78—79, 81, 74.

²¹ Греческие надписи сцен Сошествия во ад и Распятия не могут отвести грузинское происхождение наших иконок, так как мы имеем немало случаев, когда грузинские памятники содержат греческие надписи.

²² *Каковкин А.* Грузинская деревянная икона «Сретенья». — «Сообщения Государственного Эрмитажа», XXIII, 1971, с. 82—85.

²³ *Мачавариани Е.* Грузинские рукописи. Тбилиси, 1970, илл. 39.

падные влияния в строго восточной иконографии этой сцены, он пишет: «Тогда не остается ничего другого, как в соответствии с тесной литургической связью Грузии и Палестины видеть в этом отзвук древнехристианского культа собственно Иерусалима»²⁴. В самом деле, праздник в честь встречи Господа с Симеоном имел место именно в Иерусалиме в раннюю эпоху: описание его находим у паломницы IV в. Сильвии, а в сочинениях Александрийского патриарха V в. Кирилла отмечено, что этот праздник, следующий за Рождеством, справлялся с возжиганием свечей²⁵. Первоначально Сретенье отмечалось 14 февраля, при Юстиниане оно было перенесено на 2 февраля. Примечательно, что с февралем с незапамятных времен ассоциируются ритуалы очищения, а языческий праздник Lupercalia — античный ритуальный праздник очищения был, видимо, неспроста заменен христианским Сретеньем, справлявшимся в тот же день. Термин Candlemas, выработанный в IX в. для праздника очищения, был связан, безусловно, с тем, что он еще и раньше сопровождался процессией со свечами²⁶. Так как в западных, сравнительно более поздних (начиная с XIII в.) изображениях Сретенья не так редко представление зажженных свечей, можно заключить, что они в этих сценах заостряли внимание одновременно и на очищении. А восточная сцена, делавшая упор только на встречу Христа с Симеоном, не содержит зажженных свечей²⁷.

Рассмотрение грузинских сцен Сретенья с подсвечником и свечой, а также некоторые исторические справки дают возможность несколько иначе взглянуть на отдельные трактовки этой иконографии. На основании изучения памятников грузинской церковной письменности К. С. Кекелидзе выяснил, что самый праздник Сретенья в древней Грузии назывался «სვეტის დღე», т. е. «праздником светильников»²⁸. Он отмечался, согласно «Картлис цховреба», зимой до Рождества, т. е. как раз в тот промежуток времени, в котором находится Сретенье в церковном календаре²⁹.

И. А. Джавахишвили, считая «სვეტის დღე» древним народным праздником, связывает его со сванским «სვეტის დღე», считавшимся пережитком христианского праздника Сретенья. В силу особых обстоятельств, затруднявших принятие христианства в Сванетии, он потерял свое первоначальное лицо и превратился в полуязыческий, народный праздник, который отмечался в ограде церкви несением зажженных веток березы.

Таким образом, в Грузии издавна существовал термин «სვეტის დღე», соответствующий западному Candlemas, принятому для обозначения праздника очищения. Можно предположить, что в грузинской интерпретации сцены Сретенья издавна существовала тенденция акцентирования момента очищения богоматери, чего нельзя видеть в восточных и византийских трактовках этой сцены, изображающей всего лишь Принесение Господа во храм и встречу его с Симеоном. В сравнении же с западными ил-

²⁴ Baumstark A. Eine Wanderausstellung georgischer Kunst. — «Oriens Christianus», III Serie. Leipzig, 1930, S. 241; Чубинашвили Г. Указ. соч., с. 205.

²⁵ Римская матрона Гикелия, жившая в середине V в., считается одной из первых в Иерусалиме, установившей обычай встречи господ со свечами. При изучении иконографии Сретенья мы опираемся главным образом на статью: Shorr D. C. The Iconographic Development of the Presentation in the Temple. — «The Art Bulletin», v. XXVIII, 1946, March, N 1, p. 17—32.

²⁶ Наличие свечей во время праздника Очищения Dorothy C. Shorr связывает с римским праздником в честь Плутона, имевшим место в феврале и описанным Якобо де Ворагине в его «Золотой легенде». Плутон похитил Прозерпину. Родители искали ее со свечами и светильниками. Римлянки также участвовали в процессии со свечами, чтобы заслужить любовь Прозерпины. Так как трудно стереть обычай, то и папа Сергий I, с целью придания этому ритуалу христианского значения, постановил ежегодно прославлять в этот день св. Деву и при этом держать в руках благословенную свечу. Свеча, таким образом, должна была ассоциироваться с Богоматерью.

²⁷ Shorr D. C. Op. cit., p. 24.

²⁸ Кекелидзе К. Иерусалимский канонарь VII в. (грузинская версия). Тифлис, 1912, с. 180—183; Чубинашвили Г. Указ. соч., с. 206.

²⁹ Кекелидзе К. Указ. соч., с. 182.

люстрациями этой композиции грузинские сцены с горящей свечой являются более ранними: лаклакидзевская икона датируется XI веком, тогда как западные изображения Сретенья со свечой появляются лишь с XIII в. Примечательно и то обстоятельство, что в итальянских изображениях свеча, ассоциирующаяся с ритуалами очищения, очень редка по сравнению с северными представлениями Принесения во храм. Идея очищения богоматери всегда была менее значительной у итальянских художников, которые были ближе к оригиналу византийского источника с подчеркиванием встречи Симеона и Христа; по их представлениям Мария не могла подвергнуться ритуалам очищения: «... Ты не нуждаешься в очищении: напротив, ты вся свет и очищение!»³⁰

Грузия, с ее особым почитанием богоматери (считается, что эта страна является уделом богоматери), не упустила бы случай заострить внимание и на богоматери. Поэтому кажется логичным намек в грузинской сцене Сретенья на богоматерь, на ее очищение. В силу того, что отношение грузин к религии было гораздо более человеческим и менее трансцендентным по сравнению с Византией, что грузинская «*სველი სობის*» по сравнению с отвлеченным понятием холодной божественной «*Μήτηρ Θεοῦ*» является просто матерью, ей, как и всякой матери-христианке, полагалось после Рождества очищение на сороковой день. Поэтому-то и грузинское Сретенья заостряет внимание на ритуале очищения, на что указывает изображение свечи в сцене Принесения во храм. Этим грузинская интерпретация иконографии Сретенья сближается с западной трактовкой сцены. В западных изображениях эти свечи не так привлекают к себе внимание, как в грузинских, где одна высокая горящая свеча в подсвечнике выделена композиционно, она помещена в центре и привлекает к себе внимание зрителя.

Так как сцена Сретенья в подобном виде сохранилась только в грузинских изображениях, а самую раннюю ее трактовку со свечой являют собой только грузинские образцы, следует думать, что местом происхождения такой иконографии должна быть именно Грузия. Правда, празднество, описанное в письменных источниках, имело место в Иерусалиме, но отражение его дано только в грузинском изобразительном искусстве — других подобных памятников не сохранилось ни в восточном, ни в византийском искусстве. Если даже предположить, что подобные памятники существовали и там, но не дошли до нас, то сам факт сохранения этих традиций в грузинских изображениях очень важен. Он указывает на тесные культурные связи Грузии с Палестиной.

Пространный экскурс в иконографию нам понадобился для того, чтобы показать грузинские корни той иконографии, которая представлена на наших произведениях. Это может послужить еще одним свидетельством местного происхождения эмалевых иконок с Христовыми Праздниками.

Многое в смысле выявления национального характера наших пластин может дать также сравнение их с византийскими и западными образцами. Из огромного материала византийских памятников выделим некоторые изображения Пала д'оро, близкие к нашим иконам как во времени, так и по выбору сюжетов. Это — 6 пластин, расположенных в верхней части алтаря и датируемых XII в. Считают, что они происходят из монастыря Пантократора и были привезены в Венецию из Константинополя в 1204 г.³¹ Как считает Дальтон, прежде всего последовательность расположения сюжетов (Вход в Иерусалим, Сошествие во ад, Распятие, Воскрешение Лазаря, Сошествие св. Духа, Вознесение богоматери) очень характерна для иконографии Константинополя³². При сравнении с нашими пластинами выясняется как общность, так и различие этих работ. Первое,

³⁰ Shorr D. C. Op. cit., p. 27.

³¹ Diehl Ch. Manuel d'art byzantin. Paris, 1910, p. 657; Dalton O. Op. cit., p. 512; Muraro M., Grabar A. Op. cit., p. 53.

³² Dalton O. Op. cit., p. 512.

что их объединяет, — это распределение перегородок, их узор и широкое употребление голубого и зеленого — характерный для этого времени колорит. Однако сами эти сочетания и каждый тон в отдельности отличны от нашей цветовой гаммы. Византийские композиции очень выдержаны в колорите — они решены в зелено-голубых тонах. Наши сцены многокрасочны и ярки, локальны и живы. Глубокий изумрудно-зеленый полупрозрачный тон эмалевых иконок Праздников противопоставляется зеленому цвету с несколько иным оттенком.

Нельзя не отметить и разницу в оттенках телесного византийских и грузинских изображений. Последние часто имеют лилово-винный оттенок лица, что объясняется примесью марганца, т. е. применением местного сырья, добываемого в Грузии³³. Византийские памятники такого оттенка телесного не знают. Изображения в указанных сценах Пала д'оро имеют желтовато-розовый оттенок лица.

Эти византийские пластины отличны от наших сцен также строгостью композиционного построения, сведенного, по словам Морея, к окоченелой симметричности, где формы плоски и абстрагированы, а техника довольно ограничена³⁴. Наши композиции отмечены большей свободой построения, отходом от строгой, жесткой симметрии, с более живым, более пластическим восприятием формы, а также с более свободной, хоть и грубоватой манерой технического исполнения. Разницей отмечен и характер рисунка — совершенно четко и сухо выделяющий отдельные декоративные отрезки одеяний, с одной стороны, и свободно льющийся рисунок складок, вольнее облегающий формы, создающий общий взволнованный ритм одежд, с другой. Сами же фигуры более вытянуты на византийских эмалях. Черты лица этих двух памятников также трактованы различно. Удлиненному овалу византийских образов противопоставляются округлые овалы наших ликов; узкому и длинному носу — нос поменьше, тонкие брови там и густые здесь, мелкие глаза с острым взглядом на византийских памятниках и широко раскрытые, излучающие мягкий свет — на грузинских. Более строгие тонко выписанные и отвлеченные лики византийских сцен отличны от мягких, лиричных изображений наших пластин. Оба памятника являют собой усиление декоративных моментов. Но и в этой декоративности они отличны друг от друга.

Правда, и в византийских и в грузинских изображениях декоративное течение складок тесно связано еще с фигурой, но в грузинских оно произвольнее, свободнее и мягче облегает фигуру. В византийских изображениях ритм декоративно сменяющихся друг друга узоров строг и продуман, сильно акцентирован. Эта линия еще более выявлена в западных изображениях, где узор уже геометризмуется, а складки представляют совершенно самостоятельный декоративный мотив (см. эмалевый крест из Козенца, считающийся работой XII в.)³⁵.

Таким образом, грузинские произведения эмали (на примере эмалевых пластин Праздников) являются третьим феноменом, отличным как от византийских, так и от западных памятников. Эмалевые иконки Праздников являются произведениями грузинского искусства рубежа XII—XIII вв. и относятся к эпохе, когда политическая, экономическая и культурная мощь Грузии могла создать базу для процветания и этого вида грузинского искусства.

³³ Винный оттенок грузинских изображений впервые был отмечен Н. П. Кондаковым; см.: *Amiranachvili Ch.* Op. cit., p. 7.

³⁴ *Morey Ch. R.* Medieval art. New York, 1942, p. 124.

³⁵ *Talbot Rice D.* The art of Byzantium. London, 1959, p. 329, pl. XXIV. Д. Талбот Райс датирует его концом XII в., А. Фролов и К. Вессель — концом XII—началом XIII в. Терминус ante quem является тот факт, что крест был подарен Кафедралу в 1222 г. императором Фридрихом II (*Wessel K.* Op. cit., pl. 56, p. 176—181). Я придерживаюсь мнения тех авторов, которые считают крест итальянской работой (I. Deér, A. Lipinsky), возможно, созданной под определенным византийским влиянием.

В. Д. ЛИХАЧЕВА

ОТНОШЕНИЕ К ОБРАЗЦАМ ГРУЗИНСКИХ МИНИАТЮРИСТОВ
XIV СТОЛЕТИЯ

(на примере рукописи ГПБ)

В 1913 г. Публичная библиотека приобрела рукопись, которая сейчас хранится в ГПБ под № 01, 58¹. За два года до этого владелец кодекса, пожелавший остаться неизвестным, предложил Н. Я. Марру определить его текст. Первым краткое описание рукописи дал Н. Л. Окунев², который высказал предположение, что рукопись происходит из собрания князей Дадияни и была известна Г. Г. Гагарину, представившему графические копии трех ее миниатюр Роо де Флери. Последний опубликовал их в 1883 г.³, отнеся миниатюры (лл. 32 об., 33, 33 об.) к XI столетию. В то же самое время Ж. Мурье датировал кодекс XVII—XVIII вв.⁴

Впервые внимание на художественные принципы миниатюр рукописи обратил Ш. Я. Амиранашвили⁵. Он включил в свою «Историю грузинского искусства» репродукцию двух миниатюр — «Погребение Христа» (л. 41 об.) и «Оплакивание» (л. 42), предложив датировать кодекс концом XV в. Ученый, ссылаясь на то, что среди святых в медальонах на листах рукописи изображены и особенно чтившиеся грузинской церковью святые Нина, Евфимий и Георгий Святогорцы, Иоанн Зедазнели, Илларион-грузин, полагал, что рукопись была создана в Ивирском монастыре на Афоне. Ш. Я. Амиранашвили высказал предположение, что наличие этих святых среди миниатюр Минология объясняется стремлением грузинского художника доказать грекам существование своих святых.

В 1953 г. Л. А. Шервашидзе определил, что лист с миниатюрами «Воскрешение Лазаря» и «Преображение», а также лист с медальонами святых, включенные в рукопись Минеи Кутаисского музея, происходят из кодекса ГПБ № 01, 58⁶. Л. А. Шервашидзе также отнес рукопись к концу XV в.

В 1966 г. Ш. Я. Амиранашвили, повторив то, что им было написано о кодексе ранее, отказался от его точной датировки; он посвятил ему строки раздела, касающегося миниатюры позднего средневековья (XIV—XV вв.)⁷.

Таким образом, рукопись только упоминалась в трудах по истории грузинского изобразительного искусства. Ни репертуар ее многочисленных миниатюр, ни особенности иконографии, объясняемые использова-

¹ *Абрамович Д. И.* Сведения о приобретениях отдельных рукописей в 1913 году. — В кн.: Сборник Российской Публичной библиотеки, т. I, вып. 1, Пг., 1920, с. 2.

² *Окунев Н. Л.* О грузино-греческой рукописи с миниатюрами. — В кн.: Христианский Восток, т. I, 1912, с. 44.

³ *Rohault de Fleury.* La Messe. Études Archéologiques sur les monuments, v. II. Paris, 1883, pl. CI; v. VI, Paris, 1888, pl. CDLXXXIX.

⁴ *Mourié J.* L'art au Caucase. Odessa, 1883, p. 65.

⁵ *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства, т. 1. М., 1950, с. 252—254.

⁶ *Шервашидзе Л. А.* Миниатюры Кутаисской рукописи № 115 и Ленинградской 01 № 58. — «Сообщения АН СССР», т. XIV, 1953, № 1, с. 61.

⁷ *Амиранашвили Ш. Я.* Грузинская миниатюра. М., 1966, с. 34.

нием художниками разных образцов, ни связь изображений и текста пока еще не исследовались.

Рукопись ГПБ № 01,58 содержит текст евангельских чтений, избранных тропарей, полного минология, а также апокрифической переписки Иисуса Христа и Авгара Эдесского. Кодекс состоит из 146 бумажных листов размером 124×82 мм. На 88 листах рукописи расположены миниатюры. Водяные знаки бумаги не просматриваются и не могут быть привлечены для датировки рукописи. По-видимому, в XVII в. ее листы были значительно обрезаны при помещении рукописи в серебряный оклад, имеющий форму ковчега.

Основная часть текста написана на грузинском языке и располагается на листе, за редким исключением, двумя столбцами. Текст евангельских чтений и тропарей на лл. 63—72, 75—75 об., 135 об. греческий. Сопровождающие миниатюры строки на лл. 44—62 об. также греческие. В написании текста участвовало, без сомнения, несколько мастеров. На основании палеографических особенностей почерка как грузинских, так и греческих писцов Н. Я. Марр и В. Н. Бенешевич датировали кодекс XIV—началом XV столетия⁸.

Рукопись начинается грузинским текстом, представляющим собой евангельские чтения. К нему относятся миниатюры на лл. 30—43 об., имеющие размер в величину листа. Их золотой фон ограничен тонкой кинovarной рамой. Они подобны произведениям станкового искусства. Изображения воспринимаются в отрыве от текста, так как следуют одно за другим, не перемежаясь с листами, покрытыми строками. В многофигурных композициях (каковыми они все являются) весьма подробно переданы архитектура и пейзаж.

Пейзаж рисуется длинными, как бы текущими линиями. Лещадки с острыми углами отличаются сложными нагромождениями в верхней части изображения. Передача пейзажа в сцене «Рождества Христа» (л. 30 об.) напоминает динамизмом длинных, очерчивающих его формы линий, утяжелением верхней части композиции, как и ее построением с сильно завышенной линией горизонта, византийскую фреску той же темы в монастыре Перивлепты в Мистре (ок. 1350 г.).

Архитектура легких и изящных пропорций сочетается с удлиненными фигурами («Сретение», л. 31). Между узкими павильонами с их кровлями сложной формы перекинуты велумы, концы которых свисают многочисленными складками с острыми углами. Художник чередует купола и двухскатные перекрытия, особое предпочтение отдавая кивориям на тонких колоннах. Движение фигур иногда чрезмерно усложнено, в результате чего позы персонажей получают неестественный ракурс, как, например, в сцене «Крещения», где Иоанн Креститель в бурном порыве устремляется вниз к Иисусу Христу (л. 31 об.). Сложный рисунок скал на берегах Иордана как бы вторит причудливым изгибам тел святых, ангелов, раздевающих людей.

В цикл иллюстраций, относящихся к тексту евангельских чтений, включены редкие в иконографии средневекового искусства сцены божественной литургии с изображением идущих с зажженными свечами ангелов (л. 32 об.), ангелов, несущих пурпурный саркофаг и покров (л. 33), Христа, стоящего под киворием в одежде священника и совершающего службу (л. 33 об.), Евхаристии, разделенной на три композиции (лл. 34—34 об., 35). Изображение сцен литургии появляется в Византии и искусстве византийского круга в самом конце XII в.⁹, что связано с характерным для того времени воздействием богослужения на изобразительное искусство. На миниатюры рукописи оказали влияние композиции, распо-

⁸ Окунев Н. Л. Указ. соч., с. 44.

⁹ Babit G. Les discussions christologiques et le décor des églises byzantines au XIIIe siècle. — «Frühmittelalterliche Studien», Bd. II. Berlin, 1968, S. 374.

лагаемые в абсиде храма. Так же, как в монументальной живописи, миниатюрист, строя изображение на листах рукописи по фризу, изменяет ритм движения фигур апостолов и отцов церкви. Наклон каждой фигуры определяется тем, как далеко она отстоит от Христа. Эта особенность становится понятной, если предположить, что миниатюрист копировал фреску той же темы, располагаемую в абсиде храма, где ритм фигур и их движения зависят от того, что они изображены на вогнутой стене.

Страстной цикл, включенный в эту первую группу миниатюр, представлен весьма подробно. Жесты персонажей, их устремленные друг на друга взгляды особенно выразительны в миниатюрах этой темы и отличаются даже известной патетикой. Композиция Распятия, как это обычно для византийского искусства периода палеологовского Возрождения, включает фигуры плачущих ангелов¹⁰. Сцена Распятия повторена в этом цикле миниатюр трижды (лл. 39 об., 40—40 об.). Художник изображает распятого Христа на кресте (л. 41), два раза представляет сцену Оплакивания (лл. 41 об.—42). Интерес к подробному изображению Страстного цикла — черта, характерная для иконографии византийского искусства конца XIV столетия, когда сцены страстей появляются даже в алтаре храмов. Недавно расчищенные фрагменты фресок Феофана Грека в абсиде церкви Спаса Преображения на Ильинской улице в Новгороде — один из самых ярких тому примеров.

На следующих листах рукописи (лл. 44—48) располагаются тропари. Их иллюстрируют медальоны с погрудными изображениями святых, идущих один за другим по вертикальным краям листа. Внизу и вверху на каждом листе размещаются повествовательные композиции, горизонтально вытянутые и тем самым обрамляющие текст. Введением подробно переданных архитектуры и пейзажа, принципами их соотношения с динамичными тонкими фигурами действующих лиц эти небольшие изображения близки к композициям первого цикла, располагаемым на отдельных листах. Среди изображений этого типа особенно показательна для времени создания рукописи миниатюра на тему «Не рыдай мене мати» (л. 47 об.), распространенная в искусстве конца XIV в. (фрески церкви Волотова и Ковалева в Новгороде)¹¹.

Принцип расположения медальонов единой лентой неизвестен в декорировании листов рукописей, но широко распространен в мозаиках и фресках восточнохристианского искусства начиная с XI в. В сложившейся к этому времени системе оформления интерьера храма медальоном отводилось определенное место. Ленты из таких медальонов покрывают подпружные арки и столпы.

На лл. 48—52 об. рядом с медальонами святых находятся фигурки, греческие надписи к которым указывают, что они представляют собой аллегории месяцев года. Аллегорические изображения месяцев года в виде человека не характерны для произведений православного искусства. Впервые они появляются в рельефах и витражах готических французских соборов, а затем в часословах, где, как указывает Мартен, каждый месяц календаря обозначается двумя символами — знаком зодиака и аллегорическим изображением типичного для определенного времени года занятия¹².

Перед глазами художника, иллюстрировавшего рукопись ГЛБ, несомненно, был западный образец, используя который он разместил фигуры начиная с сентября, а не с января (как полагалось по католическому календарю). Однако при определении атрибутов каждой из символических фигур он следует западной символике; например, ян-

¹⁰ Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I. М., 1947, с. 161.

¹¹ Лазарев В. Н. О связях новгородской живописи с сербской. — «Ежегодник Института истории искусств АН СССР», 1958, с. 250—254.

¹² Martin H. Les miniaturistes français. Paris, 1906, p. 142.

варь представлен в виде пьющего человека, октябрь символизирует охотник, ноябрь — человек с серпом. Изображение января в виде пьющего человека характерно для французского искусства XIV в.; до этого олицетворением января служил двуликий Янус, позднее вместо фигуры человека появляется сцена обеда семьи¹³. Таким образом, перед глазами грузинского миниатюриста находилась готическая рукопись XIV столетия.

В распределении святых в медальонах сохранен, за некоторыми исключениями, календарный порядок. На л. 62 помещено изображение одного из основных праздников православной церкви — Воздвижения креста. Здесь художник следует той иконографии, которая сложилась в византийском искусстве под влиянием описания этого праздника в «Книге церемоний» Константина Багрянородного. Художник изображает, как патриарх и сопровождающие его диаконы поднимаются на амвон в храме св. Софии, держа в руках святую реликвию — крест господень. На иконографию этой сцены оказала влияние литургия¹⁴.

На лл. 76—126 помещены миниатюры, которые имеют непосредственное отношение к предшествующему им и сопровождающему их тексту полного Минология.

Первые иллюстрированные Минологии появились в Византии в конце X в.¹⁵ Их возникновение относится к тому периоду, когда Симеон Метафраст в соответствии с проведенной тогда же реформой литургии собрал в единое целое все существующие жития святых. Возникшая одновременно со стандартизацией текста система иллюстраций обусловила как норму включение одной миниатюры с портретом святого в начале жития и иллюстрацию с изображением его мучения или основного события его жизни — в конце. Несколько позднее, уже, очевидно, в XI в., возник тип иллюстрирования Минология, при котором все святые, упомянутые в тексте, представлены на одной миниатюре, выполняющей роль фронтисписа. На миниатюры этого типа, по мнению К. Вейцмана, оказали влияние житийные иконы¹⁶. К такого рода композициям относятся и миниатюры изучаемой рукописи, которые включают фигуры святых, держащих в руках свои атрибуты.

В вытянутых по горизонтали композициях, ограниченных тонкими кинокамерными рамами, представлены стоящие рядом друг с другом святые. Их позы не всегда строго фронтальны. Одежды отличаются разнообразием: монашеские, воинские, облачения священников. У многих в руках находятся их атрибуты: крест, евангелие, развернутый свиток. Столпники помещены на столпы. Иногда несколько персонажей стоят, тесно прижавшись друг к другу или друг за другом. Это святые, память которых приходится на один день церковного календаря. По принципам своих композиций миниатюры близки к византийским житийным иконам XIV в.¹⁷ Каждый месяц начинается изображением знака зодиака.

Вслед за Минологием в кодексе идет текст, содержащий апокрифическую переписку Авгара с Иисусом Христом. Цикл легенд, связанных с именем эдесского царя Авгара, возник в Сирии не позднее IV в.¹⁸ Особенно популярна была легенда о переписке, которую вел с Иисусом Христом Авгар, исцеление которому принесло нерукотворное изображе-

¹³ Ibidem.

¹⁴ Weitzmann K. Studies in classical and byzantine manuscript illumination. London, 1971, p. 260.

¹⁵ Delehaye H. Les ménologes grecs. — «Analecta Bollandiana», XVI, 1897; *idem*. Le ménologe de Métaphraste. — Ibid., XVII, 1898; *Мужовић П.* Менолог. Београд, 1973, с. 210—218.

¹⁶ Weitzmann K. Op. cit., p. 297.

¹⁷ Sotiriou G. et M. Ikones du Mont Sinaï, I. Athènes, 1956, pl. 221, 231.

¹⁸ Меуцержская Е. Н. К изучению сирийских источников и греко-славянских версий апокрифических легенд (на материале сказания об Авгаре). — ПС, 23, 1971, с. 168.

ние лица Христа. Эту легенду широко использовали византийские историки, в X в. Константин Багрянородный дал ее самое подробное изложение¹⁹. Текст переписки часто включался в греческие Миналогии²⁰.

С середины X в., т. е. после того, как нерукотворный образ, по преданию излечивший Авгара, был перенесен в Константинополь, появились миниатюры, иллюстрирующие текст переписки²¹. Однако в исследуемой рукописи, все части текста которой сопровождаются многочисленными миниатюрами, заключительная глава их совершенно лишена. Возможно, это связано с тем, что фигура Авгара в позе Оранта с изображением Нерукотворного Спаса перед его грудью была уже создана миниатюристом и помещена среди святых Миналогия (л. 86 об.).

Таким образом, для иллюстраций рукописи были использованы различные образцы: иконы, фрески, византийские и даже западные миниатюры. Определить число художников, работавших над оформлением кодекса, мы не можем, так как различия в манере исполнения миниатюр связаны не столько с разнообразием творческого почерка нескольких художников, сколько с использованием различных по своему характеру образцов.

Миниатюры были выполнены грузинскими художниками, верными национальным традициям своего искусства. Об этом можно судить не только по тому, что основная часть текста написана на грузинском языке. Интерес к портрету с ярко выраженными индивидуальными характеристиками персонажей характерен для грузинского искусства начиная с эпохи его блестящего расцвета при царице Тамаре²². Миниатюры рукописи с ее многочисленными изображениями святых отличаются таким подчеркнутым вниманием к индивидуализации лиц, которое не свойственно византийскому искусству. Интерес к аллегорическим фигуркам месяцев (хотя и не в виде человека, выполняющего характерную для определенного месяца работу) имел место в грузинской миниатюре; об этом можно судить по миниатюрам канонов Гелатского евангелия (Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, Q 908), где представлены фигуры акробатов, очевидно, календарные символы.

О том, что рукопись ГПБ была создана во второй половине XIV в., свидетельствуют не только палеографические признаки ее текста, но и описанные выше особенности ее миниатюр.

Использование миниатюристами (или миниатюристом) кодекса разных образцов, будь то произведения западного и византийского искусства, миниатюры и монументальной живописи, умение их творчески переработать, приспособить к требованиям своего времени и к особенностям создаваемого произведения свидетельствуют о высокой художественной культуре грузинских художников XIV в. Местом создания кодекса мог быть только Афон, где в эти годы расцвело искусство рукописной книги и где художники имели возможность встретиться с различными образцами византийского и западного искусства.

¹⁹ PG, t. 113, col. 424—453.

²⁰ Мещерская Е. Н. Указ. соч., с. 168.

²¹ Weitzmann K. Op. cit., p. 231.

²² Velmans T. Le portrait dans l'art des Paléologues. — In: Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971, p. 111.

Б. Л. ФОНКИЧ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ
МАКСИМА МАРГУНИЯ *

Библиотека выдающегося греческого гуманиста Максима Маргуния (1549—1602)¹ состояла из трех частей: 1) рукописные сборники, частично или полностью переписанные самим Маргунием; 2) рукописные книги IX—XVI вв.; 3) печатные издания XV—XVI вв. В сохранившейся обширной переписке Маргуния постоянно встречаются сведения о принадлежавших ему или интересовавших его рукописных и печатных книгах². В завещании, составленном 26 июня 1602 г., Маргуний сам распорядился дальнейшей судьбой своей библиотеки³:

1) все переписанные им книги (автографы) переходили к критскому греку Мануилу Мосхиотису⁴;

2) девять ящиков различных книг были отправлены в Ивирский монастырь на Афоне;

3) все оставшиеся после этого пергаменные рукописи завещались монастырю св. Антония в Кандии, находившийся же среди них «Номоканон монастыря св. Екатерины на Синае» должен был быть передан критскому метоху синайского монастыря св. Екатерины;

4) остальные книги, находившиеся в это время в Венеции у Маргуния и в Муссоленте у Рафаила Созомена (последних было около 15), передавались тому же метоху монастыря св. Екатерины в Кандии.

* Исследование принадлежавших Максиму Маргунию рукописных и печатных книг, хранящихся в собраниях Москвы и Ленинграда, было начато нами по инициативе Е. Э. Гранстрем в 1961 г. На протяжении всех этих лет Евгения Эдуардовна проявляла постоянный интерес к нашей работе, помогая многочисленными советами и библиографическими справками. Горячо благодарим Е. Э. Гранстрем как за идею заняться библиотекой Маргуния, так и за помощь и поддержку в работе.

¹ О нем см.: *Fedalto G. Massimo Margunio e il suo commento al «De Trinitate» di s. Agostino (1588)*, Brescia, 1967; *Μαρούσακας Μ. Ι. Ἀνέκδοτα πατριαρχικά γράμματα (1547—1806) πρὸς τοὺς ἐν Βενετία μητροπολίτας Φιλαδελφείας καὶ τὴν ὀρθόδοξον ἑλληνικὴν ἀδελφότητα*, Βενετία, 1968, σελ. 21—25, 27—29, 46—49; *Canart P. Alvise Lollino et ses amis grecs. — «Studi Veneziani», XII, 1970, p. 553—587*. В этих работах с почти исчерпывающей полнотой указана литература о Маргунии.

² Значительная часть эпитолярного наследия Маргуния теперь издана; см., например: *Ενεπεκίδες Ρ. Κ. Maximos Margunios an deutsche und italienische Humanisten. — JÖBG, X, 1961, S. 93—145; Ἐνεπεκίδης Π. Κ. Χρηστομάνος — Βικέλας — Παπαδιαμάντης. Ἐπιστολαὶ Μαξίμου Μαργουνίου, ἐπισκόπου Κυθέρων (1549—1602)*. Ἀθήναι, 1970, σελ. 215—438. См. также: *Canart P. Op. cit., p. 575—577; Πατριώλης Χ. Γ. Ἐπιστολαὶ Ἑλλήνων πρὸς τὸν πάπαν Γρηγόριον ΙΓ' (1572—1585) καὶ τὸν καρδινάλιον Σιρόλετον († 1585) (ἐκ τοῦ ἑλληνικοῦ Βατικανοῦ κώδικος 2124)*. — «Ἐπετηρὶς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου», 17 (1967), σελ. 99—104.

Однако афонский сборник писем Маргуния к Давиду Гешелю (Pant. 750), в которых содержится наибольшее количество сведений о рукописных и печатных книгах, интересовавших Маргуния или находившихся в его библиотеке, остается до сих пор неизданным. Эту рукопись использовал в своей работе Дж. Федальто; см.: *Fedalto G. Op. cit., p. 297—319*.

³ *Legrand E. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs aux XVe et XVIe siècles, t. 2. Paris, 1885, p. 391—393*.

⁴ О нем см.: *Ἐνεπεκίδης Π. Κ. Op. cit., σελ. 422*.

Для исследователя деятельности Максима Маргуния очень важно обнаружить принадлежавшие греческому ученому книги, выявить и изучить следы его работы над текстами, проанализировать состав написанных его рукой сборников, наконец, проследить судьбу книг Маргуния после его смерти. В последние годы появилось несколько работ, содержащих сведения о многочисленных автографах Маргуния⁵, о принадлежавших ему греческих манускриптах⁶ и целого собрания латинских печатных изданий⁷. Ставшие доступными исследователям знаменитый Афонский сборник писем Маргуния к Давиду Гешелю и некоторые другие сборники обширной корреспонденции епископа Кифиры⁸ позволяют еще глубже изучить книжные интересы Маргуния, его деятельность как переписчика, издателя, владельца и исследователя рукописных и печатных книг.

В своей работе мы хотели бы сообщить некоторые результаты непосредственного изучения тех книг библиотеки Маргуния, которые хранятся в Москве и Ленинграде.

В нашем распоряжении находятся 4 сборника, переписанных полностью или частично рукой Маргуния (ГИМ, № 244, 245, 252, 441), 28 принадлежавших ему греческих кодексов IX—XVI вв. (ГИМ, № 7, 28, 48, 78, 109, 112, 215, 432, 446, 463, 465, 467, 469, 471, 472, 474, 475, 476, 498, 499, 500, 504, 506, 507, 508, 509, 510; БАН, Ф, № 193) и 1 печатная книга (ЦГАДА, БМСТ, № 3040). На 25 рукописях и печатной книге имеется владельческая помета «'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κοβήρων»; рукописи ГИМ, № 465, 469 и 474, не имеющие этой пометы, относятся нами к числу книг Маргуния предположительно.

Указанная помета находится, как правило, на нижнем поле первого (основного) листа манускрипта; в 15 рукописях (ГИМ, № 7, 28, 48, 78, 109, 215, 467, 472, 499, 504, 506—509, БАН, Ф, № 193) и печатной книге помета сделана самим владельцем, 8 рукописей (ГИМ, № 112, 432, 463, 471, 475, 476, 498, 510) помечены рукой Мануила Мосхиотиса⁹, 2 (ГИМ, № 446, 500) — третьим писцом¹⁰.

⁵ Πατριεῖλης Χ. Γ. "Ἑλληνες κωδικογράφοι τῶν χρόνων τῆς Ἀναγεννήσεως. — «Ἐπιστολὴς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου», 8/9 (1958—1959), 1961, σελ. 95—97; Canart P. Scribes grecs de la Renaissance. Additions et corrections aux répertoires de Vogel — Gardthausen et de Patrinélis. — «Scriptorium», XVII, 1963, p. 65; Фонкич В. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения. — ВВ, XXVI, 1965, с. 270; Fedalto G. Op. cit., p. 284—286; Πατριεῖλης Χ. Γ. Ἐπιστολαὶ Ἑλλήνων, σελ. 99—104, πιν. XIV.

⁶ Fedalto G. Op. cit., p. 286; Фонкич В. Л. Московская рукопись Фукидида. — ВДИ, 1969, № 3, с. 150—152; его же. Московские списки поэм Гесиода. — ВДИ, 1970, № 3, с. 167—171; Лебедева И. Н. Греческие рукописи с Афона в собрании Библиотеки АН СССР. — Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению, II. Л., 1970, с. 273—276; Мергасина М. Е. Московская рукопись Диона Хрисостома. — ВДИ, 1971, № 4, с. 101—105; Лебедев И. Н. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 5. Греческие рукописи. Л., 1973, с. 85—86.

⁷ Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West: two worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. New York, 1966, p. 165—193.

⁸ Афонский сборник писем Маргуния — Pant. 750 — стал доступен исследователям благодаря экспедициям на Афон М. Ришара (парижский Институт исследования и истории текстов). Мы пользовались микрофильмом этой рукописи, полученным Отделом рукописей ГИВ. Другие сборники писем легли в основу издания переписки Маргуния, осуществленного П. К. Энепекидисом (см. его работы, указанные в прим. 2).

⁹ К этому заключению мы приходим на основании следующих данных. Как уже нами было доказано (Иерусалимский патриарх Досифей и его рукописи в Москве. — ВВ, XXIX, 1969, с. 279—280), вторым писцом рукописи ГИМ, № 238 является Мануил Мосхиотис. Начав переписывать одно из сочинений Максима Маргуния, он на л. 139 этой рукописи поместил следующий заголовок: Μαξίμου πατριεῖλης ἐπισκόπου Κοβήρων λόγος. Тождество почерка этого заголовка и почерка помет 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κοβήρων в указанных восьми рукописях у нас не вызывает сомнений.

¹⁰ Этим же писцом помечена еще раз и книга ЦГАДА, БМСТ, № 3040 (л. а 1 об.).

Можно было бы думать, что Маргуний помечал свои рукописи по мере их приобретения. Однако тогда остается непонятным, почему некоторые книги, отправленные в Ивирский монастырь на Афоне еще самим владельцем (в завещании Маргуния об этих книгах говорится как о посланных уже в монастырь), оказались помеченными не Маргунием, а другими лицами. Нужно, по-видимому, предположить, что владельческие пометы ставились Маргунием и его друзьями непосредственно перед отправкой их на Афон, т. е. уже, вероятно, в мае—июне 1602 г. Эту догадку подтверждают как чернила одного оттенка в пометах всех трех лиц, так и особенно следующая деталь.

В рукописях ГИМ, № 499 и 509, которые метил сам епископ Кирилы, владельческая запись смазана, и это свидетельствует о спешке в работе. Если бы Маргуний ставил экслибрис на свои книги по мере их приобретения, у него не было бы необходимости закрывать книгу, не дав просохнуть чернилам владельческой записи; при подготовке же рукописей для отправки на Афон, уже, по-видимому, при укладке их в те «девять ящиков», о которых упоминает его завещание, спешка в такого рода работе была неизбежной: большой владелец библиотеки торопился лично распорядиться судьбой своего основного богатства — книг.

Восстановить пути появления в России части библиотеки Максима Маргуния нетрудно. Четыре переписанных Маргунием сборника после 1602 г. попали на Крит и до 1669 г., когда остров был захвачен турками, находились в монастыре св. Антония τῶν Βροντηρίων. В 1669 г. они были вывезены с Крита в Константинополь великим драгоманом Оттоманской империи Панайотисом Никусиосом, после смерти которого в 1674 г. перешли в руки Иерусалимского патриарха Досифея. Последний и прислал эти 4 рукописи в Москву в 1692 г. в составе целой коллекции греческих антилатинских сборников¹¹.

Что касается 28 рукописей IX—XVI вв. и одной печатной книги, завещанных владельцем в Ивирский монастырь на Афоне, то они были приобретены в этой обители в 1654 г. и затем доставлены в Москву Арсением Сухановым¹².

Мы не ставим своей задачей дать детальное описание хранящихся в Москве и Ленинграде рукописей Маргуния и отсылаем читателя к достаточно полным каталогам архимандрита Владимира и И. Н. Лебедевой¹³. Целью нашей работы является описание тех особенностей рукописей, которые могут пролить свет на историю библиотеки Максима Маргуния, характеризовать его как переписчика и читателя.

I

Москва, Гос. Исторический музей

1. № 244 (420/СССХСIII)¹⁴. Бумага, 197×147/150.

159 лл.: IV (л. I—XIX в., л. IV — кон. XVIII в., лл. II—III—XVI в.) + 154 + I (XIX в.); лл. I—II об., III об.—IV об., 11 об.—12 об., 22 об., 25 об.—28 об., 80—83 об., 89—89 об., 93 об., 103 об.—104 об., 125—125 об., 153—154 об., I—I об. (конечный) — чистые.

¹¹ Подробно см.: *Фонкич Б. Л.* Иерусалимский патриарх Досифей..., с. 278—280.

¹² *Белокуров С.* Арсений Суханов, ч. 1. М., 1894, с. 326—421.

¹³ *Архим. Владимир.* Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894 (далее — *Владимир*); *Лебедева И. Н.* Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР.

¹⁴ *Владимир*, с. 324—326.

Филиграни (листы сложены in 4°) типа Брике¹ № 571 (1583 г.) — «якорь в круге», № 643 (1554, 1567, 1574 гг.) — «ангел», № 652 (1576 г.), № 653 (1584 г.) — «ангел».

Таким образом, по водяным знакам бумага сборник может быть датирован концом 70-х—80-ми годами XVI в.

Сборник переписан тремя писцами: I (Максим Маргуний¹⁵) — лл. III (πίναξ τοῦ παρόντος βιβλίου), 1—88 об., 94—118 об.; число строк на странице от 20 до 40—43; II — лл. 90—93, 119—124 об.; число строк от 24 до 34; III — лл. 126—152 об.; число строк от 26 до 36.

Листы рукописи пронумерованы Маргунием арабскими цифрами в верхнем правом углу.

л. 31, в конце послания Иоанну-Петру, воеводе угровлахийскому, — запись Маргуния: Ἐκ τῆς σεβασμίας μονῆς τῆς Χρυσοπηγῆς τοῦ Γαλατᾶ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, θαρρηλιῶνος πέμπτη ἐπὶ δέκα, ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας ἀφ' ἧς.

л. 79 об., после текста трактата Маргуния «Об исхождении св. духа», — его запись: Συνετέθη ἐν τῷ Γαλατᾶ τῆς Κωνσταντινουπόλεως κατὰ τὸ ἀφ' ἧς ἔτος ἀπὸ τῆς τοῦ σωτῆρος ἡμῶν ἐνσάρκου οἰκονομίας, θαρρηλιῶνος δὲ πέμπτη ἐπὶ δέκα τετέλεσται. Ниже — помета Маргуния: Μάξιμος¹⁶. Ἐἴ τι τυχόν ἐν τούτοις παρὰ τὴν κοινὴν τῆς ὀρθοδόξου πίστεως γνώμην εἴρηται, ἀπαλειφθήτω. Τῷ θεῷ δόξα.

Помимо многочисленных небольших маргиналий Маргуния следует отметить две его пометы:

л. 103, где на словах ἀπελαύνουσιν εἰ (= PG, 102, col. 309 c) обрывается текст сочинения Фотия Περί τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος μωσαγωγίας, — помета: ἔλειπεν τὸ ἐξῆς ἐκ τοῦ ἀντιβόλου.

л. 144, перед текстом 3-й главы сочинения, переписанного рукой Захарии Скордилиса, — помета Маргуния: Ἀδήλου περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος, ζῆτει δὲ τὰ πρῶτα δύο κεφάλαια.

л. 1 — помета XVII в.: Ἐκ τῶν τῆς μονῆς τοῦ Βροντηρίου.

Переplet конца XVIII в., картон в темно-коричневой коже.

2. № 245 (423/СССХСIV)¹⁷. Бумага, 190×137/150 (внешний край листов обрезан неровно, поэтому ширина верхней части листа — 137 мм, а нижней — 150 мм).

320 лл.: I (XIX в.) + 317 + I (XVIII в.) + I (XIX в.); лл. I—I об. (начальный), 86—86 об., 148 об., 167 об., 206 об., 229 об., 281 об., 317—317 об., I—II об. (конечные) — чистые.

Филиграни (листы сложены in 4°) представляют собой несколько разновидностей знака «ангел» типа Брике¹ № 621 (1573 г.), № 655 (1576 г.), что позволяет датировать рукопись концом 70-х—началом 80-х годов XVI в.; при датировке сборника следует учесть приписку Маргуния на л. 128 с подписью Μάξιμος Μ. ἱερομοναχός, которая свидетельствует о написании Маргунием этой части сборника до его поставления в епископы в 1584 г.

Сборник переписан 9 или 10 писцами.

I (Максим Маргуний) — лл. 2—39 об., 40 об.—41 об., 41 об.—43, 44—44 об., 45 об.—46 об., 47 об.—48, 49 об.—51, 53 об., 62—64 об., 65—67 об., 68 об.—79 об., 80—85 об., 87—148, 149—167, 224—229, 230, 232 об., 253—253 об., 259—259 об., 272—273 об.; число строк на странице от 35 до 47.

II (Мелетий Пигас¹⁸) — лл. 39 об.—40, 41 об., 43 об., 44 об.—45, 47, 48 об.—49 об., 51—53 об., 53 об.—54, 54 об.—55, 55 об.—62, 65, 68—68 об.; число строк на странице от 27 до 30.

¹⁵ Об автографах Маргуния в рукописях ГИМ см.: Фонкич В. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения, с. 270—271.

¹⁶ Так Маргуний отмечает обычно принадлежющие ему глоссы, приписки, заметки.

¹⁷ Владимир, с. 326—329.

¹⁸ Отождествлено по почерку, ср.: Πατριάρχης Χ. Γ. Ἐπιστολαὶ Ἑλλήνων, πιν. IV.

III — лл. 43 об.—44, 54, 55. Этот писец переписал лишь незначительную часть текста на указанных листах.

Работа над текстом лл. 2—79 об. велась тремя указанными писцами попеременно (с использованием одинаковых чернил, применявшихся для отдельных частей работы: то коричневых, то черных), так что часто один писец заканчивал работу, переписав одну-две страницы текста, а иногда лишь несколько строк, а другой продолжал ее.

IV — лл. 168—206, 207—224, 233—266 об., 282—303 об., 305—313 об.; число строк на странице 28—30. Мы не уверены в том, что лл. 282—303 об., 305—313 об. переписаны IV писцом. В зависимости от решения этого вопроса находится и определение числа работавших над рукописью переписчиков — 9 или 10.

V — л. 189 (5 строк).

VI — лл. 230 об.—232 об.; число строк на странице 30.

VII (Захария Скордилис; отождествлено по почерку¹⁹) — лл. 267—271 об., 314—316 об.; число строк на странице от 21 до 31.

VIII — лл. 274—281; число строк на странице 33.

IX — лл. 304—305; число строк на странице 35.

Листы рукописи нумерованы Маргунием арабскими цифрами в верхнем правом углу (эта нумерация была изменена в XIX в., когда был проведен новый счет листов, которому мы и следуем).

л. 1об. — Πίναξ τῶν κεφαλαίων τοῦ παρόντος συγγράμματος, составленный Маргунием.

В рукописи находится большое число помет, принадлежащих Маргунию; часть из них помечена его именем, другие являются анонимными, но, бесспорно, принадлежат ему же. Укажем некоторые пометы.

1) л. 1 — Γρηγόριος ὁ Ναζιανζοῦ ἐν ταῖς ὡδαῖς, φθῆ θ', εἰ καλῶς μέμνημαι, ἧς ἡ ἐπιγραφή Ἰγνός ἐσπερινός. Нач. Σε καὶ νῦν εὐλογοῦμεν. Кон. δόξαν ἀθροισομένου.

2) ряд помет Маргуния содержит ссылки к другим рукописям, привлекавшимся при переписывании текста нашего сборника: л. 32 — πρόσθεσις ἐξ ἐτέρου τινός βιβλίου (и затем следует текст дополнения); л. 46 — ταῦτα πρόσκειται ἐν ἐτέρῳ τινὶ ἀντιγράφῳ (и затем идет текст выписки); л. 70 — ἐν ἄλλῳ; л. 71об. — ἐν ἄλλῳ οὐχ εὐρηται τοῦτο τὸ ἐπιχείρημα (относится к четырем строкам текста, подчеркнутым Маргунием), и т. д.;

3) помета на л. 94 об. и две большие пометы на л. 95 содержат комментарии Маргуния к тексту сочинения Виссариона Никейского *Δογματικός*, ἢ περὶ ἐνώσεως и отмечены — Μάξ^{ος} Μαργ^{ης} и Μάξ^{ος}. Такого же рода помета к другому сочинению Виссариона находится на л. 293 об.;

4) л. 128. Закончив текст сочинения Марка Евгеника *Πρὸς Λατίνους ἀπόκρισις*, Маргуний делает следующую приписку: οἱ ἀναγινώσκοντες δεήθητέ μοι συγχώρησιν ἀμαρτημάτων διὰ τὸν κύριον, καὶ σέγγνωτέ μοι περὶ τὰ τοιαῦτα ἀσχυλοῦμένῳ, πάντων γὰρ μᾶλλον τὸ τῆς ἡμετέρας θρησκείας μοι περισπούδαστον, ταύτη τοι καὶ ὁ, τι ἂν εἴη πρὸς ἡμῶν οὐκ ὀκνῶ καὶ ἐκμανθάνειν εἴπερ οἶόν τέ ἐστι, καὶ γραφῆ ὅπωςδῆποτα παραδιδόναι, οὕτως ὑμᾶς καὶ περὶ τοῦτο τὸ σύγγραμμα, καὶ περὶ τὰ ἄλλα διακείσθαι παρακαλῶ. Μάξιμος Μ. ἱερομοναχός.

5) л. 229. После текста сочинения Виссариона Маргуний делает примечание о протографе этого текста: ἐκ τινος βιβλίου τῆς κυρίας τῆς ψυχασώστρας, ἐν ἐκείνῳ δὲ ἐμπεριείχοντο καὶ τινες λόγοι τοῦ Κυδώνη εἰς τὸν ἅγιον Λαυρέντιον, εἰς τὸν Εὐαγγελισμόν, καὶ εἰς τὴν Ἀνάληψιν, καὶ ἐπιστολαὶ τοῦ αὐτοῦ.

В рукописи находятся многочисленные маргиналии, сделанные, по-видимому, рукой первой половины XVII в.

л. 2, нижнее поле — помета XVII в.: βιβλίον τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Ἀντωνίου τοῦ Βροντηρίου. Той же рукой на верхнем поле листа было написано и затем смазано: τοῦ ἁγίου Ἀντωνίου τοῦ Βροντηρίου.

¹⁹ Ср.: *Omont H. Facsimilés de manuscrits grecs des XVe et XVIe siècles. Paris, 1887, pl. 50.*

На л. 107 об. — небольшая пометка Иерусалимского патриарха Досифея²⁰.

Переплет конца XVIII в., картон в темно-коричневой коже.

3. № 252 (337/СССХХIV)²¹. Бумага, 197 × 147.

301 лл.: I (XVIII в.) + 299 + I (XVIII в.); по нумерации (она принадлежит Маргунию, но на лл. 1—201 правлена рукой XIX в.) в рукописи содержится 307 лл., однако в действительности их 299 — между лл. 201 и 206 нет по нумерации 4 лл. (однако разрыва в тексте нет), отсутствуют лл. 248—250, 259; лл. I—I об. (начальный), 1 об., 95 об., 247 об., 251—251 об., 306 об., 307—307 об., I—I об. (конечный) — чистые.

Филиграни (листы сложены in 4°) представляют собой несколько разновидностей знака «ангел» типа Брике¹ № 621 (1573 г.), 650 (1570, 1576 г.), 655 (1576 г.).

Таким образом, по водяным знакам бумаги сборник может быть датирован концом 70-х—80-ми годами XVI в.

Рукопись полностью переписана Максимом Маргунием; число строк на странице от 36 до 43; чернила коричневые различных оттенков, в написании на л. 2 — красные.

л. 1 — составленный Маргунием Πίναξ τοῦ παρόντος βιβλίου, с отсылками к номерам листов рукописи.

Приводим важнейшие пометы, принадлежащие Маргунию.

1) л. 60 об. Закончив копирование Слова Николая Кавасилы на Благовещение, Маргуний замечает: Ἐπεταί ὁ εἰς τὰ σωτήρια πάθη τοῦ σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ λόγος τοῦ αὐτοῦ, ὃν ζήτηί ἀλλαχού.

2) л. 95. После текста Энкомия св. Феодоре Солунской — приписка (на поле) Маргуния, связанная по содержанию с пометой на л. 60 об.: Πρόσθετε τούτοις τήν εἰς τὰ πάθη ὁμιλίαν τοῦ αὐτοῦ.

3) л. 124. К месту ἐξ αὐτοῦ τοῦ πατρὸς сочинения Нила Кавасилы Πρόс τοῦ συμπέρασμα, ἢ περί τοῦ ἁγίου πνεύματος, λόγος γ' Маргуний делает маргинальную помету: Μάξ. τοῦτον ἴσως μιμούμενος καί ὁ μακάριος Δόγουστινός ἐλεγε ἐν τῷ πρὸς Λαυρέντιον ἐγχειριδίῳ, ἐκ τοῦ αὐτοῦ πατρὸς ἐκπορεύεσθαι.

4) л. 306. Закончив переписывать последнее сочинение сборника, Маргуний спустя некоторое время (другими чернилами и пером) делает пометку: Ζήτηί ἐν ἄλλῳ καί ἕτερον λόγον εἰς τήν αὐτήν πραγματείαν.

Кроме того, Максим Маргуний сохранил важные маргиналии, находившиеся, по-видимому, в том оригинале, с которого им был переписан текст (так как текст заметки на л. 246 обрывается, то мы считаем приводимые ниже маргиналии принадлежащими не Маргунию, а его протографу): л. 244 — Αὕτη ἡ πράξις εὐρέθη οὕτως ὡς κεῖται ἐνταῦθα ἐν τινι βιβλίῳ καί ἀντιγράφῳ ὧδε. л. 246 — Αὕτη ἡ ἐπιστολή εὐρέθη ἐν βιβλίῳ ἀγιορειτικῷ τῆς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου, πολλὰ καί διάφορα ἔχοντι περί ἀσκητικοῦ βίου, καί μεταγράφη ἐκείθεν ὡς κεῖται. εὐρέθη καί ἐν Κωνσταντινουπόλει βιβλίον ἕτερον, ἔ- (текст сбывается).

На лл. 260, 261 об., 262 об., 302, 304 и 304 об. — пометки на полях, сделанные Мануилом Мосхиотисом²².

Во многих местах сборника имеются следы работы над книгой того же читателя первой половины XVII в., которому принадлежат обширные маргиналии в № 245²³ (см., например, лл. 20, 39 об., 217 об., 260 и др.).

л. 2, нижнее поле — помета XVII в.: τὸ παρὸν ἐστὶ τῆς μονῆς τοῦ Βροντισίου, καί ἔχει φύλλα 306. л. 306 — помета той же рукой: τὸ παρὸν ἐστὶ τῆς μονῆς τοῦ Βροντισίου. На верхнем поле лл. 75 об., 91, 217 — пометы той же рукой: Βροντισίαι.

²⁰ Фонкич Б. Л. Иерусалимский патриарх Досифей..., с. 298 (Приложение I, № 9).

²¹ Владимир, с. 345—347.

²² Ср.: Фонкич Б. Л. Иерусалимский патриарх Досифей..., с. 279; см. также выше, с. 142.

²³ См. выше, с. 145.

л. 307 об., внизу — заметка рукой Иерусалимского патриарха Досифея: *λατινῶν βιβλίων ἀναφορά 171-172-181*²⁴.

Переплет конца XVIII в., картон в темно-коричневой коже.

4. № 441 (315/СССII)²⁵. Бумага, 201 × 147.

441 лл.: I (XIX в.) + I (XVI в.) + 438 + I (XIX в.); по нумерации XIX в. — 449 лл., но в счете отсутствуют № 259, 390—399 (лакун в тексте при этом нет), т. е. фактически в рукописи 438 лл.; лл. I—II об., 2 об., 3, 15—15 об., 27—30 об., 48 об.—49, 124, 129 об.—134 об., 159 об.—160 об., 253—253 об., 255 об.—256 об., 313 об.—316 об., 328 об.—330 об., 340—340 об., 352—359 об., 436 об., 441—441 об., 443 об.—449 об., I—I об. — чистые.

Филиграни (листы сложены in 4°) типа Брике¹ № 667 (1598 г.) — «ангел», № 730 (1590 г.) и № 755 (1592, 1594 гг.) — «арбалет».

Таким образом, рукопись датируется последним десятилетием XVI в.

Вся рукопись, за исключением лл. 16—26 об., переписана Максимом Маргунием; число строк на странице от 33 до 37. Вторым писцом, работавшим одновременно с Маргунием, писаны лл. 16—26 об.; число строк на странице от 17 до 21.

лл. 1—2 — возможно, что перечень глав переписанного затем на лл. 4—14 об. сочинения Λέοντος φιλοσόφου προοίμιον, ἤτοι σύνοψις τῆς ἱατρικῆς составлен Маргунием, однако быть уверенным в этом нельзя: Маргуний мог заимствовать его из протографа.

В рукописи находятся многочисленные приписки Маргуния, как помеченные его именем, так и без таких помет. Приведем важнейшие из них.

1) л. 7. В тексте протографа имеется значительная лакуна — отсутствует один лист. Маргуний оставил для пропущенного текста 15—16 строк, пометив на поле в начале лакуны: *λείπει ἐν φύλλον*. Такого же рода пометки имеются на лл. 123 об. (*λείπει ἐν φύλλον*), 125 (*λείπει κἀναθθα ἐν φύλλον*), 331 (*λείπει ἡ ἀρχὴ τοῦ παρόντος λόγου*), 339 об. (*λείπει ὀλίγον τι οἶμαι*), 351 об. (*ἀτελής ἐστὶν ὁ λόγος*), 436 (*λείπει φύλλον ἐν*), 440 об. (*ἐλλιπές*). Ошибочно перевернув вместо одного два листа и оставив незаполненными текстом лл. 48 об.—49, Маргуний помечает на л. 48 об.: *λάθος*.

2) л. 16. К заглавию сочинения, скопированному вторым писцом, Маргуний добавил имя автора: *Ἀρέθα ἀρχιεπισκόπου Καισαρείας*.

3) л. 251 об. Закончив переписывание сочинения Димитрия Кидониса «Об исхождении св. духа», Маргуний заполнил свободное место на л. 251 об. следующей шестистроичной припиской: *Μάξ^{ος} ταπεινὸς ἐπίσκοπος Κυθήρων. Ἔοικεν οὗτος ὁ ἀνὴρ τὰ μὲν ἄλλα καὶ πάνυ σοφὸς εἶναι, καὶ οὐδ' ἄκριος χεῖλεσιν ἄψασθαι φιλοσοφίας, τὰ μὲντοι περὶ τὸ δόγμα οὐχ ἱκανῶς ἐξησηκήμενος ἔμοιγε δοκεῖν, οὐδὲ πρὸς ἀκριβείαν ἐπιβαλεῖν τοῖς παρὰ τῶν ἱερῶν διδασκάλων συντελεῖσι συγγραμμάσιν, ἄλλως τε ἐφ' οἷς ἡ περὶ τῆς τοῦ πνεύματος τοῦ παναγίου ἐκπορεύσεως θεωρία καὶ μάλιστα γίνεται, τάχα γε ἀγνοήσας τὸν τῶν λεγομένων ἐν ἐκείνοις σκοπὸν²⁶.*

4) л. 252. Здесь начинается текст сочинения Манουήλ τοῦ Χρυσολογῆ κεφάλαιον, ὅτι καὶ ἐκ τοῦ υἱοῦ τὸ ἅγιον ἐκπορεύεται πνεῦμα. На внутреннем поле листа, у начала текста, находится следующая приписка: *Μάξ^{ος}. Φέρει εἰς μέσον ἀναριθμήτους μαρτυρίας ἐκ τε τῆς ἱερᾶς γραφῆς καὶ τῶν θεολόγων, ὡς δῆθεν τό, καὶ ἐκ τοῦ υἱοῦ ἐκπορεύεσθαι δεικνύσας, εἶτα καὶ τὰ ἐνταῦθα ἐπιφέρει. παρελείψαμεν δὲ τὰς μαρτυρίας ὡς καὶ ἐξ ἄλλων προβαλλομένας ὁμοίως τούτῳ ἔχεται δὲ καὶ οὕτως τῆς τοῦ Θωμᾶ διδασκαλίας, ὡς δὴ καὶ ὁ πρότεροι ἐν τῇ συστάσει τῆς τοιαύτης ἀποδείξεως.*

²⁴ В нашей работе «Иерусалимский патриарх Досифей...» этот автограф не указан.

²⁵ Владимир, с. 672—676.

²⁶ Архим. Владимир (указ. соч., с. 675) ошибочно полагал, что эта приписка Маргуния относится не к сочинению Димитрия Кидониса, а к начинающемуся на л. 252 сочинению Мануила Хрисолога.

5) л. 316. Находящаяся здесь запись Маргуния расположена на чистом листе, поэтому трудно решить, относится ли она к оканчивающимся на л. 313 сочинениям Варлаама или к начинающимся на л. 317 сочинениям Никифора Григоры. Судя по тому, что запись находится значительно ближе к л. 317, чем к л. 313, можно думать, что она относится к тексту сочинений Григоры. Ἐνετίησιν. Ἐκ τινος βιβλίου τοῦ ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ ἁγίου Ἀντωνίου, ἐν ᾧ περιέχεται καὶ τινα τοῦ Θωμᾶ μεταφρασθέντα εἰς τὴν Ἑλλάδα ἐκ τῆς τῶν λατίνων παρὰ Δημητρίου τοῦ Κυδωνη.

6) л. 327. Закончив переписку сочинения Григоры на Благовещение богородицы, Маргуний сделал следующую приписку: Ἀνεγνώσθη παρ' ἡμῶν τοῦ αὐτοῦ Γρηγοῦ λόγος εἰς τοὺς ἁγίους τρεῖς μεγάλους μάρτυρας, Δημήτριον, Γεώργιον καὶ Θεόδωρον τὸν Στρατηλάτην, καὶ ἕτερος τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν ἅγιον Ἀντώνιον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως, τὸν κτήτορα τῆς μονῆς τοῦ Καλλέως, ἐν ᾧ ταυτὶ παρεστημειώσαμεν.

Затем на лл. 327—328 следует текст выписок, заканчивающийся на л. 328 еще одной заметкой Маргуния: Ἀνεγνώσθη τοῦ αὐτοῦ Γρηγοῦ λόγος, ἐν ᾧ βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεράρχου Παντοκρατορίας, συγγραφεὶς παρὰ τοῦ σοφωτάτου κύρ Νικηφόρου τοῦ Γρηγοῦ τοῦ καὶ ἀνεψιοῦ αὐτοῦ, ἀτελής, εὐφραδέστατος μέντοι καὶ πολὺ τὸ γλαφυρὸν συνεπιφερόμενος (это сочинение Григоры затем переписано Маргунием на лл. 341—351 об.).

л. 334 об. — аналогичная помета: Ἀνεγνώσθη τοῦ αὐτοῦ λόγος εἰς τὴν ἁγίαν μάρτυρα Βασιλισσαν, οὗ ἡ ἀρχὴ Νικομήδεια πόλις.

На лл. 146 об., 317 об., 318—318 об., 319—319 об., 320 об., 321 находятся маргиналии Мануила Мосхиотиса²⁷.

На лл. 206 об., 218, 251 — маргинальные пометки того же читателя первой половины XVII в., которому принадлежат маргиналии в № 245 и 252²⁸.

л. 252, верхнее поле — помета другой рукой XVII в.: ἐν ἄλλῳ ταυτὶ τὰ κεφάλαια τοῦ Νείλου εὐρηγται εἶναι, γράμμασιν τούτοις τοῦ αὐτοῦ κύρ Μαξίμου γεγραμμένα, ἃ ὡς ἐκ προσώπου τῶν λατίνων προβάλλεται.

л. 3 об. — запись иерусалимского патриарха Досифея²⁹: Ἀλωθέντος τοῦ κατὰ τὴν Κρήτην Χάνδακος παρὰ τοῦ Ἀχμέτ πασᾶ βεζύρη ἐν ἔτει τῷ σωτηρίῳ ὁ μέγας τῆς βασιλείας ἐρμηνεὺς Παναγιώτης ἦκε φέρων καὶ τὴν παροῦσαν βίβλον εἰς Κωνσταντινούπολιν. οὗ κοιμηθέντος ἐν τῷ κατὰ Ῥωξολάνων πολέμῳ παρὰ τὸν Δάνουβιν, ἐλάβομεν ἡμεῖς πρὸς τοῖς ἄλλοις καὶ τὸ παρὸν παρὰ τῆς ἐκείνου συζύγου κυρίας Περούζης, καὶ ἀφιερῶσαμεν τῷ ἁγίῳ Τάφῳ. Εἶη δὲ ὑπόδικος τῷ ἁλύτῳ ἐπιτιμίῳ ὁ τοῦτο ὀπωδῆποτε τοῦ ἁγίου Τάφου ἀφαιρησόμενος. 1674, ἐν Κωνσταντινουπόλει. + ὁ Ἱεροσολύμων Δοσίθεος ἀποφαίνεται.

Переplet конца XVIII в., картон в темно-коричневой коже.

II

Москва, Гос. Исторический музей

1. № 7 (471/t. II, XLIIqu.)³⁰. Первая половина XIV в. Три книги Ветхого завета.

л. 3, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

лл. 3—6 об., верхнее поле — владельческая помета XV в.: Νικόλ(αος) Λουπί³¹. л. 110 об. — латинская пометка о покупке книги в 1424 г.

²⁷ Ср.: Фонкич Б. Л. Иерусалимский патриарх Досифей..., с. 279.

²⁸ См. выше, с. 146.

²⁹ Эта запись впервые была издана нами в работе «Иерусалимский патриарх Досифей...», с. 278.

³⁰ Владимир, с. 7. В каталоге архим. Владимира рукопись отнесена к XV в., однако филигранные бумаги (основной знак — типа: *Mosin—Traljić*, № 7126, 1334—1336 гг.; кроме того, имеется филигрань типа: *Лихачев*, № 660—662, 1310—1328 гг.) позволяют датировать ее первой половиной XIV в.

³¹ Подобная владельческая помета имеется в рукописи Ватиканской библиотеки Palat. gr. 268 (XIV в.). Сведениями об этом (так же, как указанием на рукописи,

2. № 28 (385/t. II, V, in fol.)³². Первая половина XI в. Книга Бытия с толкованиями.

л. 1, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

3. № 48 (194/CXCV)³³. XI в. Псалтирь с толкованиями и 10 библейских песней с молитвами.

л. 1, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

4. № 78 (80/LXXXI)³⁴. X—XI в. Иоанн Златоуст, 47 бесед на Евангелие от Иоанна.

л. 1, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων. На внешнем поле лл. 68, 89 — различения рукой Маргуния с его пометкой: Μάξ.

5. № 109 (35/XXXVI)³⁵. IX — первая половина X в.; лл. 43—50 бумажные, с филигранью типа Mošin—Traljč, № 1952 (1364 г.), писаны и добавлены писцом XIV в., которому принадлежат многочисленные схолии на полях рукописи. Сочинения Дионисия Ареопагита и др.

л. 3, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων. У верхней и нижней крышек переплета — по 2 защитных листа из пергаменной латинской рукописи XIV—XV вв.

6. № 112 (215/CCXVI)³⁶. Первая половина XVI в. Сочинения Иоанна Дамаскина, Иоанна Геометра, Дионисия Ареопагита.

л. 1, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

7. № 215 (284/CCLXXI)³⁷. Первая половина X в. Торжественник.

л. 1, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων. На внешнем поле л. 78 — примечание Маргуния с его пометкой Μάξ.

8. № 432 (10/X)³⁸. Первая четверть XVI в. 'Ιωνία. Автограф Арсения Монемавсийского³⁹.

л. 1, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

9. № 446 (1/I)⁴⁰. Начало XVI в. Александр Траллиан, «Терапевтика» в 12 книгах.

Рукопись написана двумя писцами: I — лл. 3, 4—75 об., 77—80 об.; II — лл. 76—76 об., 81—123 об.

л. 4, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

10. № 463 (152/CLIII)⁴¹. Вторая половина XV в. Афиней, Демосфен, Диоген Лаэртций.

Рукопись написана тремя писцами: I — лл. 1—179 (этим же писцом написана рукопись № 500; см. ниже); II — лл. 179 об. — 191, 192—195 об.; III — лл. 196—254 об. Писцы I и II работали совместно, так как II писец непосредственно продолжил работу I.

л. 1, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων. Рукописи № 463 и 500 до того, как они попали к Маргунию, принадлежали одному владельцу (см. ниже). По-видимому, общая судьба связывала и № 463 с № 465 (см. ниже), так как в обеих рукописях на л. I, в верхнем правом углу находится идентичная помета: — А.

11. № 465 (282/CCLXIX)⁴². Вторая половина XV в. Гален.

Рукопись не имеет владельческой пометы Маргуния; мы считаем возможным отнести кодекс к числу его книг на следующих основаниях.

принадлежавшие Балтазару Меливакке, — см. ниже, с. 152) мы обязаны скриптору Ватиканской библиотеки г-ну П. Канару, которого искренне благодарим.

³² Владимир, с. 32. Архим. Владимир датирует рукопись X в.

³³ Там же, с. 48—49.

³⁴ Там же, с. 73.

³⁵ Там же, с. 104—105.

³⁶ Там же, с. 106—107. Филигрань типа *Briquet*¹, № 3459 (1522 г.).

³⁷ Владимир, с. 262—267 (где рукопись датирована IX в.).

³⁸ Там же, с. 652—653.

³⁹ Фонкич Б. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения, с. 269.

⁴⁰ Владимир, с. 684—685. Филиграния: 1) *Briquet*¹, № 2543 (1514 г.) и 2) *Briquet*¹, № 14555 (1515 г.).

⁴¹ Владимир, с. 701.

⁴² Там же, с. 703.

1. Рукопись привезена в Москву, подобно остальным кодексам с пометой 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κουθήρων, из Ивирского монастыря на Афоне: на л. 1 находится помета «Арсений РНЕ», а рукопись с таким номером может происходить только из Ивира⁴³.

2. Писца рукописи мы отождествляем по почерку с писцом рукописей № 475 и лл. 2—4 об. № 504 (см. ниже), а обе эти книги принадлежали Маргунию.

3. Так как рукописи № 475 и 504 находились, прежде чем они оказались в руках Маргуния, у Джованни Баптиста Разарио, можно предположить, что и третий автограф того же писца, № 465, попал к Маргунию тем же путем.

12. № 467 (507/l. II, VII, fol.)⁴⁴. 1518 г. Гален.

л. 104 — помета писца: 'Εγραφεν ὁ 'Αμβρόσιος ὁ Λέων ὁ Νωλανεύς. 'Ενετίησι ΜΦΙΗ.

л. 1, нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κουθήρων.

13. № 469 (404/CCCLXXIV)⁴⁵. XV—XVI вв., пергамен. Гесиод.

Рукопись не имеет владельческой пометы Маргуния, однако отнести ее к числу книг его библиотеки позволяют следующие данные.

1. На л. 1 находится помета Rasarius; следовательно, в XVI в. рукопись принадлежала итальянскому философу и медику Джованни Баптиста Разарио (1517—1578).

2. Разарио был владельцем еще трех рукописей — № 475, 504, 508, перешедших затем к Маргунию и попавших позже, как и № 469, в Ивир; можно предположить, что и № 469 попал на Афон через собрание епископа Кифиры, т. е. в 1602 г., и что лист, на котором находился его экслибрис, исчез в конце XVIII в., когда рукопись получила новый переплет⁴⁶.

14. № 471 (72/LXXIII)⁴⁷. Первая половина XV в. Гесиод и Феокрит.

л. 1 об., нижнее поле: 'Εκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κουθήρων. Рукопись попала в библиотеку Маргуния при следующих обстоятельствах⁴⁸. На нижнем поле л. 48 об. одна строка писана по-гречески той же самой рукой, которой принадлежит заголовок на л. 1 в № 474 (Гомер): 'Εκ τοῦ 'Αλφα ραφωδίας, помета на л. 2 в № 475 (Демосфен и Эсхин): 'Ην τοῦ 'Ραζαρίου, многочисленные глоссы на полях рукописей № 498 и 499 (Орибазий), БАН, F, № 193 (Орибазий)⁴⁹. Это, несомненно, рука европейца, не грека. Указанная помета в № 475 свидетельствует о том, что рукопись Демосфена принадлежала прежде Разарио (и в № 475 имеются пометы: Rasarius), от которого, вероятно, перешла к интересующему нас владельцу. Должно быть, это случилось после смерти Разарио, т. е. после 1578 г. Можно думать, что новый владелец был хорошо знаком с Разарио, так как нашел нужным отметить в № 475 факт принадлежности книги известному медику. Не был ли сам «наследник» Разарио медиком? Тогда можно легко понять его огромный интерес к сочинениям Орибазия (см. бесчисленные маргиналии в № 498 и 499 и в рукописи БАН), которым, кстати, занимался и Разарио.

Итак, владельцем нашей рукописи Гесиода до того времени, когда она стала собственностью Маргуния, был, по-видимому, итальянский врач, имевший в своей библиотеке неплохую коллекцию античных авторов: № 471, 474, 475, 498, 499, БАН, F, № 193. Так как все перечисленные сейчас рукописи оказались затем в руках Максима Маргуния (№ 471,

⁴³ Белокуров С. Указ. соч., с. 354—376.

⁴⁴ Владимир, с. 705.

⁴⁵ Там же, с. 707.

⁴⁶ Подробнее см.: Фонкич Б. Л. Московские списки поэм Гесиода, с. 167—168.

⁴⁷ Владимир, с. 707—708.

⁴⁸ Далее мы приводим в основном наблюдения, изложенные нами в работе «Московские списки поэм Гесиода», с. 169—171.

⁴⁹ Лебедева И. Н. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, с. 85—86.

475, 498, 499, БАН, F, № 193 имеют помету о принадлежности их Маргунию; для № 474 мы вправе предполагать тот же путь, что и для названных пяти рукописей, — от неизвестного итальянского медика к Маргунию), можно думать, что последний имел достаточно широкие связи в медицинском мире (ведь он и сам изучал медицину в Падуанском университете), позволявшие ему приобретать рукописи то непосредственно после Разаро (№ 504, 508, возможно, № 469), то после одного из его коллег (№ 471, 475, 498, 499, БАН, F, №, 193, возможно, № 474).

15. № 472 (299/CCCLXXXVI)⁵⁰. XIII—XIV вв., пергамен. Гомер, «Одиссея».

л. 2, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

16. № 474 (74/LXXV)⁵¹. XIV в. Гомер, «Илиада».

Владельческая помета Маргуния отсутствует. О возможности отнесения рукописи к числу книг епископа Кифиры см. выше, № 14.

17. № 475 (267/CCCLIV)⁵². Вторая половина XV в. Демосфен и Эсхин.

Судя по почерку, рукопись переписана анонимным писцом, работавшим для Виссариона Никейского⁵³.

л. 2, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων. До Маргуния рукопись принадлежала Разаро, затем — неизвестному итальянскому медику, сделавшему помету на л. 2: Ἦν τοῦ Ραζαρίου (см. выше, № 14).

18. № 476 (224/t.II, IX, fol.)⁵⁴. Середина XVI в. Дион Хрисостом.

Рукопись написана двумя писцами: I — лл. 1—155 об., 164—329; II — лл. 156—163 об. Имя первого писца устанавливается путем отождествления по почерку — Бартоломео Занетти⁵⁵.

л. 1, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου (так!).

19. № 498 (187/CLXXXVIII)⁵⁶. Начало XVI в. Орибазий.

л. 1, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

О судьбе рукописи до момента ее включения в состав библиотеки Маргуния см. выше, № 14.

20. № 499 (188/CLXXXIX)⁵⁷. Середина XVI в. Орибазий.

л. 3, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων. См. выше, № 14.

21. № 500 (193/CXCIV)⁵⁸. Вторая половина XV в. Павсаний.

Рукопись написана рукой первого писца рукописи № 463 (см. выше, № 10). И в дальнейшем, вплоть до времени включения этих двух манускриптов в библиотеку Маргуния, они были связаны общей судьбой: в верхнем правом углу л. 1 в № 500 находится латинская пометка XV в., идентичная по почерку пометке в верхнем правом углу л. 1 в № 463.

л. 1 об. — Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

22. № 504 (370/CCCLVII)⁵⁹. XIV в. Софокл.

⁵⁰ Владимир, с. 708.

⁵¹ Там же, с. 709 (где рукопись отнесена к XV в.).

⁵² Там же.

⁵³ Отождествлено путем сличения с образцом почерка, приведенного в работе: *Diller A. Three Greek Scribes working for Bessarion: Trivizias, Callistus, Hermonymus.* — *Italia medioevale e umanistica*, 10, 1967, pl. XXVI. А. Диллер считает возможным отождествить этого писца с Андроником Каллистом (этот вывод принимает и Д. Харлфингер; см.: *Harlfinger D. Specimina griechischer Kopisten der Renaissance, I. Griechen des 15. Jahrhunderts.* Berlin, 1974, S. 25, 26, Taf. 44—46). Нам кажется, что опубликованные материалы не позволяют настаивать на этой идентификации, и мы надеемся подробно изложить свои наблюдения в специальной работе.

⁵⁴ Владимир, с. 709—710.

⁵⁵ Образцы почерка писцов рукописи см.: *Мерхасина М. Е.* Указ. соч., с. 101—105, рис. 1—3. Определение по почерку имени первого писца проведено путем сличения с табл. 20 в кн.: *Harlfinger D. Die Textgeschichte der Pseudo-Aristotelischen Schrift Peri atomon yramion.* Amsterdam, 1971.

⁵⁶ Владимир, с. 719. Филигрань типа *Briquet*¹, № 478 (1500—1502 гг.) и № 480 (1508—1519 гг.).

⁵⁷ Владимир, с. 719—720. Филигрань типа *Briquet*¹, № 6302 (1545 г.).

⁵⁸ Там же, с. 720.

⁵⁹ Там же, с. 723.

Текст на лл. 2—4 об. переписан во второй половине XV в. тем же писцом Виссарiona Никейского, который написал № 465 и 475 (см. выше). Его же рукой правлен текст Софокла и писаны маргиналии на лл. 42 об., 47 об., 48 об., 50 об., 51 об., 52 об., 53 об., 54 об., 62 об., 63 об., 64, 65—65 об., 72—72 об., 73 об., 76 об., 80 об., 84, 120, 125, 130 об., 131 об., 137, 138 об.

л. 1 — владельческая помета XV в.: Ἐροῦ Βαλτάσαρος τοῦ Μελιαβακκοῦ. Mei Baltasaris Meliavassae⁶⁰.

л. 2 — владельческая помета: Rasarius (см. выше, № 11, 17).

л. 2, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

23. № 506 (204/CCV)⁶¹. Первая половина XV в. Страбон.

Рукопись переписана константинопольским писцом Георгием Хрисококком⁶².

л. 8, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

24. № 507 (257/CCXLIV)⁶³. 1487 г., пергамен. Письма Фалариса и Брута.

Рукопись переписана Иоанном Рососом в Венеции.

л. 1, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

25. № 508 (272/CCCLIX)⁶⁴. Вторая половина XV в. Эсхил и Еврипид.

Рукопись переписана 6 писцами: I — лл. 1—61 об., II — лл. 62—111, III — лл. 114—121 об., 130—158, 159—201 об., IV (Аристул Апостолидис ?) — лл. 122—129 об., V — лл. 202—212; VI писцу принадлежат многочисленные схолии начиная с л. 114 об. Аристулом Апостолидисом, кроме того, писаны маргинальные и междустроочные глоссы на лл. 39 об. (?), 40—43 об., 44 об., 45, 46—47, 48 (?), 50 об.—51, 52, 63, 149, 150 об., 151 об., 162 (?), 182 (верхнее поле ?), 186, 213 об. Рукой второго писца писаны отдельные маргиналии в № 510 (см. ниже).

Рукопись, по-видимому, написана на Крите.

л. 1 — владельческая помета: Rasarius (см. выше, № 11, 13, 17).

л. 1, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

Маргунию принадлежит помета на л. I об.: τινές Δίσχόλου τραγῳδίαί, καὶ Ἐδρίτιδου.

26. № 509 (415/CCCXCVII)⁶⁵. Середина XV в.⁶⁶ Феокрит. Гермес Трисмегист и др.

л. 1, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων. л. III — пинакс, составленный Маргунием: Θεοκρίτου εἰδύλλια. Ἐροῦ τοῦ Τρισμεγίστου πρὸς Ἀσκληπιὸν περὶ βοτανῶν τῶν ζῳδιῶν. Πυθαγόρου πλινθίς. Περὶ μηροευσείου.

На лл. 4—60 об., т. е. в той части рукописи, которая содержит «Идиллии» Феокрита, находятся многочисленные интерлинейные и маргинальные схолии, написанные Маргунием. Приведем несколько наиболее интересных примеров.

л. 16 об. Против 4—6 стихов идиллии «Κῶρος» Маргунием проведена вертикальная черта с пометкой: Virg. 9. Там же, против стиха 14 — большая схолия со ссылкой на Афины.

л. 27 об. Против стиха 6 идиллии «Θαλύσια ἢ ἑαρινὴ ὁδοπορία» Маргунием на внешнем поле сделана следующая помета: Γρ. ἐν παλαιῷ ὡς ἐνταῦθα. ἐν ἄλλοις δὲ γράφεται, βούρειαν, ἕως τὴν μέγα ἔχουσαν ῥεῦμα ἀναδίδοσθαι ἐποίει.

⁶⁰ См.: Kristeller P. O. *Iter Italicum*, I. London—Leiden, 1963, p. 260, 359. Балтазар Мелиавакка был одним из владельцев рукописи Ватиканской библиотеки *Regi-sensis gr. 133* (первая половина XIV в.).

⁶¹ Владимир, с. 723—724.

⁶² См.: Фонкич Б. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения, с. 271.

⁶³ Владимир, с. 724—725.

⁶⁴ Там же, с. 725.

⁶⁵ Владимир, с. 725—726.

⁶⁶ Две основные филигранные: 1) «рог изобилия» типа *Briquet*¹, № 7684 (1416—1430 гг.); 2) «корова» типа *Briquet*¹, № 4879 (1458 г.). На л. 79 об. находятся памятные записи 1455, 1457—1459 гг. о смерти Анны Сиропулины, дочери Иоанна Триволиса, и ее дочери Фомаис, Иоанна Триволиса, Николая Франгопула, Матуила Франгопула и Ирины Франгопулины.

л. 28 об. Против стиха 44 той же идиллии Маргуний сделал на поле пояснение со ссылкой на Пиндара.

л. 40 об. Против 1 стиха идиллии «Αἴτης» на внутреннем поле — заметка Маргуния со ссылкой на Гомера.

27. № 510 (216/ССХVII) ⁶⁷. 70-е—80-е годы XV в. Фукидид.

Основная часть текста рукописи переписана критскими писцами Михаилом Лигизосом и Фомой Вициманосом, многочисленные маргинальные схолии писаны Антонием Дамиласом ⁶⁸. Кроме того, в рукописи имеются маргиналии (и редко междустрочные глоссы), принадлежащие Аристобулу Апостолидису: лл. 1, 6, 7 об., 8 об., 10 об., 11, 24, 29, 29 об. (?), 34, 34 об., 35, 35 об., 170 об. (?). Второй писец рукописи № 508 (см. выше) написал в № 510 часть маргиналий: лл. 1 об., 2, 6, 7 об., 9, 14 об., 16 об. (?).

л. 1, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

Ленинград, Библиотека Академии наук СССР

28. F № 193 ⁶⁹. Первая половина XVI в. Орибазий.

Писцом рукописи является Бернардо Феличано ⁷⁰. Весь текст правлен и дополнен (на полях), главным образом двумя руками XVI в.: одна из них идентична почерку пометы «Ἦ τοῦ Ραζαρίου» в рукописи ГИМ, № 475 (см. выше), почерк второго писца маргиналий, возможно, принадлежит Разарио, в библиотеке которого, по предположению И. Н. Лебедевой, могла находиться эта книга.

л. 1, нижнее поле: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων.

III

Москва, Центральный гос. архив древних актов

БМСТ, № 3040. ΠΑΡΑΚΑΝΤΙΚΗ ΣΥΝ ΘΕΩ ἌΡΙΩ, Περιέχουσα τὴν πρέπουσαν αὐτῇ ἀκολουθίαν... Ἡ θεία αὐτῆ και ἱερὰ βίβλος, τετύπωται ἐνετίησι ἐγγύς Ἰωάννου βαπτιστοῦ τοῦ ρικαίνου. ἀναλώμασι μὲν τοῖς αὐτοῦ, ἥτις ἐστὶν ἐκ τοῦ καθολικοῦ τύπου, τοῦ ποτὲ Σπινέλου. Ἐπιμελεῖα δὲ και ἐπιδιορθώσει Διονυσίου ἱεροδιακόνου, μαθητοῦ τοῦ πανερωτάτου, και λογιωτάτου, μητροπολίτου Φιλαδελφείας, κυρίου Γαβριήλ, ἐπιτρόπου και ἐξάρχου τοῦ τῆς Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης οἰκουμενικοῦ πατριάρχου, κυρίου Ἰερεμίου. Ἐτει ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας, ἀρπα!.

л. α 1: Μαξίμου ταπεινοῦ Κυθήρων ἐπισκόπου (так! — Б. Ф.). На нижнем поле оборота этого листа той же рукой, что и в кодексе ГИМ, № 500 (см. выше), сделана помета: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυθήρων*.

⁶⁷ Владимир, с. 726—727.

⁶⁸ Подробнее см.: Фонкич Б. Л. Московская рукопись Фукидида, с. 150—152.

⁶⁹ Лебедева И. Н. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, с. 85—86.

⁷⁰ Отождествлено по почерку, см.: Лебедева И. Н. Греческие рукописи с Афона, с. 274—275.

* Указатели к данной статье см. в конце тома.

К. К. ПΑΠΟΥΛΙΔΙΣ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КОНЦА XVI—НАЧАЛА XVII В.

(О происхождении московского патриарха Игнатия)

Существует мнение, что московский патриарх Игнатий, занимавший патриарший престол в течение 11 месяцев в 1605—1606 гг. и 5 месяцев в 1611 г., был кипрским греком¹.

Мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах появился Игнатий в России. По свидетельству архиепископа елассонского Арсения, он прибыл в Россию как представитель Александрийского патриархата для венчания на царство Федора Ивановича. «Понравившись Годунову», он остался в Москве и в 1603 г. был поставлен рязанским архиепископом². В июле 1605 г. грек Игнатий, признавший Лжедмитрия I законным сыном Ивана Грозного, был возведен новым царем в московские патриархи³. Как патриарх, Игнатий, главным образом, известен тем, что в июле 1605 г. венчал на царство Лжедмитрия I⁴, в мае 1606 г. благословил брак царя с дочерью сандомирского воеводы Мариной Мнишек, которая придерживалась римско-католического вероисповедания⁵, наконец, рукоположил в ростовские митрополиты взшедшего позднее, в 1619 г., на московский патриарший престол Филарета, родственника

¹ См.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 52, 370, 493, 539—540, 545, 578, 581, 582, 662, 655, 657, 732, 736, 739, 743, 865, 937—938, 990, 1293, 1296, 1424; ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 48, 67, 69—70, 109; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 193, 235, 410. См. также: ЧОИДР: 8, 1848, с. 37—41; Игнатъев Р. Лжепатриарх Игнатий. Вильна, 1879, с. 42; Левицкий Н. Лжепатриарх Игнатий. — «Странник», 1881, 3, с. 193—234; *его же*. Игнатий патриарх Московский (Историко-биографический очерк). — «Христианское чтение», 1886, 11—12, с. 546—590; 1887, 1—2, с. 20—53; *его же*. Игнатий. — «Православная богословская энциклопедия», т. 5. СПб., с. 790—793; Митрополит Макарий. История русской церкви, т. X. СПб., 1881, с. 99—122; Кантрев Н. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913, с. 23—36.

Из греческой литературы об Игнатии укажем лишь следующее:

Ζαμπέλιος Σπ. Καθίδρους Πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ. Ἀθήναι, 1859, σ. 70. Παπαδόπουλος Χ. Οἱ πατριάρχαι Ἱεροσολύμων ὡς πνευματικοὶ χειραγωγοὶ τῆς Ῥωσσίας κατὰ τὸν 15' αἰ. Ἱεροσόλυμα, 1907, σ. 39, 42. Σκουτοφίδης Γ. Α. Γ. Κύριος πατριάρχης Μόσχας. — «Κυπριακὰ Χρονικά», 2 (1924), σ. 175—176. Καψαμπέλης Ἐ. Γ. Ὁ πατριάρχης Ἰγνάτιος ὁ Ἑλληὴν καὶ ἡ ἐποχὴ τοῦ ψευδο-Δημητρίου. — «Τί ὀφείλει ἡ Ῥωσσία εἰς τὴν Ἑλλάδα». Ἀθήναι, 1947, σ. 172—179. Παπουλίδης Κ. Κ. Μητροπολιτικοὶ πίνακες Κιέβου καὶ Μόσχας. — «Ἐκκλησία», 37 (1960), σ. 378—379. Κύρσης Π. Κ. Διάγραμμα ἱστορίας τῶν ρωσσοκυπριακῶν πολιτιστικῶν σχέσεων. — «Μόρφωσις», 26 (1970), σ. 15—17, 36.

² Дмитриевский А. А. Архиепископ елассонский Арсений (Суздальский тож) и его открытые исторические мемуары. — ТГДА, 1898, с. 578.

³ Левицкий Н. Игнатий патриарх Московский, с. 567—568.

⁴ 21 июля 1605 г. — согласно мнению митрополита Макария, 30 июля — по Соловьеву и Костомарову. Ср.: Левицкий Н. Игнатий патриарх Московский, с. 20—26.

⁵ Левицкий Н. Игнатий патриарх Московский, с. 20—26.

Ивана IV и отца царя Михаила (1613—1645), основателя династии Романовых⁶.

С приходом к власти Василия Шуйского патриарх Игнатий в мае 1606 г. был заключен в Чудов монастырь, где и находился в течение пяти лет⁷. Московский патриарший трон занял третий по счету патриарх — Гермоген. В июне 1610 г. Василий Шуйский был низложен и принял монашескую схиму в том же монастыре, где находился в заточении Игнатий⁸. В 1611 г., в один из самых критических моментов Смутного времени, поляки, захватившие в плен патриарха Гермогена, решили использовать в своих интересах Игнатия и в марте 1611 г. вновь возвели его на патриаршество⁹. Однако Игнатий, спустя 5 месяцев¹⁰, бежал в Польшу¹¹. Позднее он оказался в Троицком монастыре в Вильне, где стал ушагом¹². В 1616 г. в письме Владислава, сына польского короля Сигизмунда III, об Игнатии говорится как о кандидатуре поляков на московский патриарший трон¹³. Мы не располагаем конкретными сведениями о жизни Игнатия после 1616 г.; известно только, что его прокатоллическая деятельность 1605—1606 гг. была осуждена Московским собором в 1620 г., при патриархе Филарете¹⁴, и что он умер в преклонном возрасте ок. 1640 г. и был похоронен в Троицком монастыре в Вильне¹⁵.

Большинство источников сообщает, что Игнатий прибыл в Россию за «милостыней»¹⁶ и что он был прежде архиереем на Кипре¹⁷. Ни один из источников не сообщает о том, что Игнатий родился на Кипре; они говорят о том, что он сам, придя в Россию, объявил, будто он кипрский архиерей и был изгнан с острова во время взятия его турками в 1571 г. Можно считать установленным, что Игнатий явился в Россию как архиерей или (согласно свидетельству Арсения Елассонского) в 1584 г., в качестве представителя Александрийского патриарха, для венчания Федора Ивановича, или (как об этом сообщается многими источниками) около 1595 г.

Игнатий объявил в России о том, что он был архиереем на Кипре до 1571 г.; на этом основании, нам кажется, его биографы и относят время его рождения к 1540 г., полагая, что он мог стать архиереем примерно в 30-летнем возрасте.

Ни одного надежного свидетельства о пребывании Игнатия на Кипре в качестве архиерея до сих пор не обнаружено. Известно, что во время латинского, а затем венецианского господства на острове, с начала XIII в. до 1571 г., кипрская архиепископия была упразднена, число православ-

⁶ Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. II, 2. СПб., 1908, с. 1844 (там же и соответствующая библиография).

⁷ Говоря о заточении Игнатия в Чудов монастырь, Н. Левицкий (указ. соч., с. 32) пишет: «(москвиты) убили в Игнатии и то малое чувство расположения к нашему отечеству, которое могло быть у него».

⁸ Иконников В. С. Указ. соч., т. I, 4, с. 621.

⁹ Левицкий Н. Игнатий патриарх Московский, с. 32.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ См. отрывок письма бояр к польскому королю Сигизмунду III в кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. IV, т. 7—8. М., 1960, с. 665.

¹² Макарий. Указ. соч., с. 158. Автор труда «Российские иерархи» (т. I, с. 42) указывает, что Игнатий отправился в Рим, однако по мнению Н. Левицкого («Игнатий патриарх Московский», с. 36), это не соответствует истине.

¹³ См.: АИ, т. III, 1841, № 72. См. также: Левицкий Н. Игнатий патриарх Московский, с. 36—37; Каргашев А. В. Очерки по истории Русской церкви, т. II. Париж, 6. г., с. 79.

¹⁴ Каргашев А. В. Указ. соч., с. 95—99.

¹⁵ Акты Западной России, т. IV. СПб., 1846—1853, с. 129. См. также: Левицкий Н. Игнатий патриарх Московский, с. 37—38; Каргашев А. В. Указ. соч., с. 79.

¹⁶ См. прим. 1.

¹⁷ Мы говорим «архиереем», так как большинство летописей употребляют термин «архиепископ». Возникает вопрос: употребляется ли этот термин согласно русской практике (что более вероятно), когда архиепископ — степень между митрополитом и епископами, или согласно практике греческой, где архиепископ — глава митрополитов?

ных епископов было ограничено четырьмя, они находились в положении хорепископов при латинских епископах и, по крайней мере формально, были подчинены римской церкви¹⁸. В 1572 г. константинопольская церковь приняла меры к тому, чтобы назначить на остров православных иерархов; известны их имена — Тимофей, Афанасий и Митрофан¹⁹. Но из этого следует, что Игнатий, изгнанный с Кипра турками, не отправился в Константинополь.

Биографы Игнатия говорят, что он предпочел отправиться не в Константинополь, а в Рим, так как, будучи архиереем на Кипре, отличался своей приверженностью к католицизму. В Риме он стал униатом или тайно исповедовал католицизм. Они приходят к этому выводу, пытаясь заполнить в жизнеописании Игнатия период с 1571 г., когда он, по-видимому, был изгнан с Кипра, до времени его появления в России в 1584 или 1595 гг. и принимая во внимание его прокатолическую деятельность в 1605—1606 гг. Из всего этого делается неосновательное заключение о том, что Игнатий находился в Риме и — более того — учился в Италии.

Резюмируя все сказанное выше, мы должны признать, что сведения о Кипре как о месте рождения Игнатия, его собственное сообщение об архиерейском служении на Кипре, предположения о переселении после 1571 г. в Рим, тайном исповедовании католицизма и обучении в Италии не опираются на фактический материал и являются необоснованными.

Укажем на следующие данные.

1. Арсений Елассонский, живший много лет в Москве и находившийся там, когда Игнатий был еще рязанским архиепископом, и тогда, когда он стал московским патриархом (Арсений, кстати, присутствовал на бракосочетании Лжедмитрия I с Мариной Мнишек в 1606 г.²⁰), сообщает нам, что Игнатий прибыл в Россию с Афона и был епископом Иериссо²¹.

2. «Сказание и Повесть о еже содеяся в царствующем граде Москве и о растрге о Гришке Отрепьеве и похождении его»²², памятник, составитель которого враждебно настроен по отношению к Игнатию, имеет его «цареградцем».

3. «Антигодуновский» Хронограф 1617 г., проявляющий то же отношение к Игнатию, что и предыдущий памятник, сообщает о нем: «родом страны италянския»²³.

4. «Новый Летописец», являющийся апологией самодержавия эпохи после Смутного времени и также с антипатией описывающий деятельность Игнатия, говорит, что пришли к царю (речь идет о Борисе Годунове) с просьбой о милостыне из святых мест митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены и старцы, среди которых находился архиепископ из Кипра Игнатий, оставшийся в России²⁴.

5. О. А. Белоброва, изучая круг древнерусских памятников письменности, упоминающих о Кипре, сопоставила дары, принесенные в Москву Игнатием, с дарами других приходивших в то время в Россию киприотов и пришла к выводу, что дары Игнатия никак не связаны с Кипром²⁵.

Нам представляется, что кипрское происхождение Игнатия доказано быть не может.

¹⁸ См.: *Ἀγιάντος Κ. Σύντομος ἱστορία τῆς Κύπρου*. Ἀθήναι, 1956, с. 92—96.

¹⁹ Хэджет I. — Παπαϊωάννου Χ. I. Ἱστορία τῆς Ὁρθόδοξης Ἐκκλησίας τῆς Κύπρου, Α'. Ἀθήναι, 1923, с. 259—261. Нелюбов В. Кипрская православная церковь. Краткий исторический очерк. — ЖМП, 1964, 6, с. 44.

²⁰ Дмитриевский А. А. Указ. соч., с. 564.

²¹ Дмитриевский А. А. Указ. соч., с. 562; см. также с. 578.

²² РИБ, т. XIII, 713 сл. См. также: *Ростомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, т. 1. СПб., 1904, с. 209; *Левицкий Н.* Игнатий патриарх Московский, с. 550.

²³ РИБ, т. XII. СПб., 1902, стлб. 1273—1322. См. также: *Попов А. Н.* Указ. соч., с. 193, 235, 440; *Левицкий Н.* Игнатий патриарх Московский, с. 550.

²⁴ ПСРЛ, т. XIV. СПб., 1910, с. 48, 67, 69—70, 109.

²⁵ *Белоброва О. А.* Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972, с. 18.

ПУБЛИКАЦИИ

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ
«МАЛОГО НОВГОРОДСКОГО СИОНА»

Среди изделий древнерусского прикладного искусства, хранящихся в Гос. Новгородском историко-художественном музее-заповеднике, находится модель храма — так называемый «малый сион».

«Малый сион» представляет собой сборное произведение, состоящее из двух ярусов и главки с крестом¹. На навершии купола, в месте его соединения с крестом, помещается пластинка — диск (дл. 5 мм, выс. 7 мм) с греческой надписью.

Существующая в литературе датировка памятника не предусматривает рассмотрения его как единого целого. Считается, что «нижний ярус его был изготовлен в новгородских мастерских в середине XII в., верхний — по заказу одного из Никифоров в Киеве в XII в., и тогда же он был переделан. Сборка его произошла в Новгороде»². В. Л. Янин пишет: «... верхняя часть сиона древнее нижней. Она, кроме того, иного происхождения. Если нижний ярус сиона выполнен новгородским художником середины XII в., то его верхний ярус является произведением киевского художника 1113—1121 гг.»³

Вопрос хронологической атрибуции верхней части «сиона» несомненно связан с надписью на диске.

Надпись впервые была опубликована в 1914 г. Н. В. Покровским⁴:

8
 ΠΡΟΤΕΔΡ8
 ..... VΚ
 Κ..... Ν
 .....CPO
 .... ΦOP8
 Μ

К чтению надписи были привлечены известные специалисты по греческой палеографии В. В. Латышев и И. И. Соколов. По мнению первого, во 2—4 строках семистрочной надписи сохранившиеся буквы представляют собой концы коротких строчек, начало которых находятся на левой стороне, закрытой главкой. В нижней строке (верхняя дана полностью), возможно, приведен конец имени [Νικη]φόρου. Таким образом, В. В. Латышев был склонен видеть в надписи упоминание какого-либо епископа или патриарха Никифора (τοῦ προῦδρου... Νικηφόρου). И. И. Со-

¹ Воспроизведение и описание памятника см.: *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, с. 28—29, илл. 13.

² Там же, с. 29.

³ *Янин В. Л.* Из истории русской художественной и политической жизни XII в. — СА, 1957, № 1, с. 130.

⁴ *Покровский Н. В.* Древняя ризница Софийского собора в Новгороде, т. I. М., 1914, с. 1, 3.

колов, читая: τὸν προέδροῦ [τῶν ἱεροσολύμων] καὶ ... Νικηφόρου, усматривал здесь указание на «иерусалим» (= сион) патриарха Никифора. «Если эти догадки, — заключает Н. В. Покровский, — заслуживают вероятия, то ясно, что новгородский иерусалим прислан в Софийский собор патриархом Никифором»⁵. Из трех одноименных патриархов он отдает предпочтение иерусалимскому патриарху Никифору (ок. 1048 г.).

В 1957 г. к анализу надписи «сиона» обращается В. Л. Янин. Следует заметить, что им были допущены две существенные ошибки, которые, войдя в научный обиход, породили ряд неверных представлений в области истории русской художественной жизни XII в.: во-первых, В. Л. Янин следует за Н. В. Покровским в приписывании надписи не малому, а большому «сиону»; во-вторых, в отличие от чтения В. В. Латышева и И. И. Соколова, он считает Никифора протопроедром, а не проедром⁶. В. Л. Янин подробно разбирает значение звания «протопроедр», привлекая большое число русских печатей с греческими надписями, где встречается тот же титул. «Можно думать, — пишет он, — что сан митрополита вообще сочетался с саном протопроедра», протопроедров же В. Л. Янин считает «ближайшими советниками и помощниками русских князей»⁷. При рассмотрении изображений и надписей верхней части большого «сиона» он обращает особое внимание на изображение Василия Великого. «Это изображение не может быть случайным. Человек, носивший христианское имя Василий, должен иметь непосредственное отношение к изготовлению сиона. С этим изображением сочетается имя другого участника создания купольной части сиона — протопроедра Никифора. В протопроедре Никифоре, в силу самой специфики рассматриваемой вещи, мы можем предполагать духовное лицо, одного из русских митрополитов или епископов. В таком случае Василием должен быть тот из русских князей, протопроедром которого был Никифор»⁸. С протопроедром Никифором В. Л. Янин отождествляет киевского митрополита Никифора I (1104—1124)⁹.

Поскольку и у В. Л. Янина речь идет о большом «сионе», датировки верхней части малого «сиона» фактически не существует.

В 1972 г. в ходе реставрационных работ во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации был снят припой с центра диска, где находилась греческая надпись. Надпись открылась полностью: ни припой, ни отверстие в центре диска не уничтожили и не повредили ни одной буквы. Нельзя не заметить, что резчик вырезал надпись, рассчитав заранее прикрепление креста к навершью купола. Фотография и копия пластинки были переданы в январе 1972 г. в Эрмитаж для прочтения греческого текста. Его изучение показало, что перед нами, за исключением одного ранее уже читаемого слова, — совершенно новая надпись.

⁵ Покровский Н. В. Древняя ризница Софийского собора в Новгороде, с. 4.

⁶ Янин В. Л. Указ. соч., с. 124.

⁷ Там же, с. 128—129.

⁸ Там же, с. 129.

⁹ Там же, с. 130.

Надпись передана в виде крестообразной монограммы имени в сочетании с расположенными по сторонам креста четырьмя строками текста: Κωνσταντίνου, προέδρου, μυστικοῦ καὶ μεγάλου τροπαιοφόρου («Константина, проедра, мистика и великого тропайофора»).

Отметим следующие особенности надписи. 1. Имя Константин передано в виде крестообразной монограммы. Аналогию этому дает византийская сфрагистика; среди монограмм имен, встречающихся на моли-

вдовулах, Г. Закос приводит монограмму имени Константин¹⁰:

2. Примеры использования лигатуры $\mathcal{M}$ для слова μέγας, μεγάλου также дают византийские печати. 3. Сокращение соединительного союза καὶ в виде $\mathcal{K}$. 4. Расстановка ударений. Надпись вырезана уверенной и опытной рукой резчика-художника, мастерски расположившего слова надписи, проявившего в начертании букв признаки индивидуальности и не допустившего фонетических или орфографических ошибок. Все это говорит о том, что надпись сделана человеком, хорошо владеющим греческим языком.

Константин назван в надписи проедром, мистиком и великим тропайофором. «Проедр» — звание, которое в Византии с середины X в. давалось, как известно, и светским и духовным лицам. «Мистик» — должность. Мистик исполнял — по крайней мере, в первые столетия после введения должности — обязанности секретаря императора, был начальником его собственной канцелярии. Носители этой должности известны в византийских источниках с IX по XIV вв.¹¹

Сочетание титула «проедр» и должности «мистик» известно: его можно встретить на печати Михаила Филокали, XI в.¹²

Сложнее обстоит дело с толкованием слов «μεγάλου τροπαιοφόρου». Если сравнить их место в надписи с расстановкой титулатуры в легендах печатей, то эти слова должны означать *должность* человека, названного в надписи. Такая должность нам неизвестна, хотя, возможно, существовала и где-нибудь даже зафиксирована. В переводе на русский язык μέγας τροπαιοφόρος — «великий трофееносец» (или «победonosец»). Быть может, в обязанности человека, исполнявшего эту должность (если она существовала), входило несение знамен победы или ценных трофеев во время торжественных церемоний? Или μέγας τροπαιοφόρος как-то связан с церковью и монастырем в Манганах в Константинополе, посвященным св. Георгию Победonosцу? Г. Шлюмберже опубликовал несколько печатей должностных лиц τoῦ Τροπαιοφόρου¹³.

Попытаемся определить личность проедра Константина, а также принадлежность его к светским или духовным лицам.

Нельзя не согласиться с В. Л. Яниным, что сама специфика рассматриваемого памятника предполагает указание надписи не на светское, а на духовное лицо. В византийской церкви проедрами называли себя епископы и митрополиты¹⁴. «Титул «проедр» в византийской сфрагистике постоянно используется в качестве синонима при обозначении архиреев, и употребление его для обозначения киевского митрополита закономерно»¹⁵. Это замечание важно для нас, ибо в истории русской церкви встречается и само имя Константин. Известны два киевских митрополита: Константин I, поставленный митрополитом в 1156 г. и смещенный

¹⁰ Zacos G. and Vegler A. Byzantine lead seals, vol. 1. Basel, 1972, pl. 237, N 292.

¹¹ Guiland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Le mystique. — REB, 26, 1968, p. 279—296.

¹² Laurent V. La collection C. Orghidan. Paris, 1952, N 78.

¹³ Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884, p. 150.

¹⁴ Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, vol. V, 1. Paris, 1963, p. XXXI—XXXIII.

¹⁵ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, с. 48.

в 1158 г. (умер в 1159 г.), и Константин II (1167 г.; он удалился с митрополичьей кафедры, по одним данным, в 1171 г., по другим, он еще упоминается в 1174 г.).

Известны и русские печати, которые приписываются этим двум митрополитам. Одна из них была издана В. Лораном¹⁶. На лицевой стороне — поясное изображение Богоматери, на обороте — греческая надпись: «Печать проедра Константина» (2-я пол. XII в.). Три экземпляра другой печати (один из них редчайший, так как оттиснут не на свинце, а на серебряных позолоченных пластинках) указывают: «Константин божьей милостью митрополит всея Руси». Они включены в свод актовых печатей древней Руси, опубликованный В. Л. Яниным, и рассматриваются им как две разновидности: первая печать приписана им Константину I (первая разновидность), две другие (вторая разновидность) — Константину II.¹⁷

Нам кажется, что возможно отождествить Константина, проедра надписи малого «сиона», с Константином, проедром России, печать которого сохранилась. В этом случае греческую надпись «сиона» следует отнести ко времени киевского митрополита Константина I, т. е. к 1156—1158 гг. Не противоречит ли такому отождествлению наличие в надписи слова «мистик» в том значении, о котором уже говорилось выше? Кажущееся противоречие может быть снято: достаточно припомнить факт из истории Византии X в., когда мистик Николай был поставлен в 901 г. константинопольским патриархом¹⁸. Вопрос о значении слов *μύστας τροπαιοφόρος* остается пока открытым.

Если наша идентификация оправдана¹⁹, то для русской истории XII в., снова будет интересно обратиться к факту, упоминаемому под 1156 г. В 1156 г. в Киев на встречу с новым митрополитом Константином I, присланным из Константинополя, отправляется новгородский епископ Нифонт, друг и единомышленник смоленского епископа грека Мануила (оба они выступали противниками избрания митрополитом Климента).

Константин проедр, названный в надписи модели храма, скорее всего является заказчиком малого «сиона». Не исключено, что верхняя его часть имеет византийское происхождение. Хотя из двух Константинов предпочтение отдано нами Константину I, хронологический разрыв между двумя митрополитами невелик, поэтому датировку верхней части малого «сиона» можно отнести к 50-м—60-м годам XII в.

Публикуемая надпись открывает перед нами еще одну страницу в истории взаимоотношений Византии и Руси XII в.

¹⁶ Laurent V. Le corpus, vol. V, 1, N 789.

¹⁷ Янин В. Л. Актовые печати, т. I, с. 49.

¹⁸ История Византии, т. II, М., 1967, с. 180.

¹⁹ Идентификация не бесспорна: эпиграфические особенности надписи говорят скорее об XI, нежели XII в. Некоторое сомнение в полноте надписи оставляет третья строка: не было ли в ней еще нескольких букв (хотя следов их не видно), за которыми скрывается иное содержание надписи, дающее, быть может, указание на определенное должностное лицо?

И. П. МЕДВЕДЕВ

ДОГОВОР ВИЗАНТИИ И ГЕНУИ
ОТ 6 МАЯ 1352 Г.

Весь длительный период со времени реставрации Византийской империи в 1261 г. и вплоть до конца XVI в. характеризуется постоянной борьбой Генуи и Венеции за монополию торгового мореплавания в бассейне восточного Средиземноморья и Черного моря. Особой остроты эти конфликты достигли в середине XIV в., когда положение еще больше осложнилось в результате вмешательства каталанов. Значительные привилегии, которыми пользовалась в Византии Генуя еще до прихода к власти Иоанна VI Кантакузина (особенно важным для нее было установление своего господства на Хиосе¹), были подтверждены и Кантакузином. Однако Венеции удалось склонить византийского императора на свою сторону и настроить его против генуэзцев, что и привело к возникновению открытой войны, в которую оказались вовлеченными почти все наиболее крупные державы Средиземноморья. Главные эпизоды этих событий хорошо известны². Мы остановимся кратко лишь на тех фактах, которые непосредственно предшествовали заключению мира между Византией и Генуей.

В 1351 г. конфликт перерос локальные рамки и распространился на все Средиземноморье. В союзе против Генуи объединились Венеция, каталаны и Византия. Согласно взятым на себя перед союзниками обязательствам, Венеция снарядила и отправила на Восток 22 галеры под командованием Николо Пизани. В ответ Генуя собрала и вооружила флотилию из 60 галер под командованием своего адмирала Паганино Дориа³. Флотилия взяла курс на восток в июле 1351 г. и вскоре уже осаждала Негропонт, в котором был заперт венецианский флот. Однако Паганино Дориа был вынужден отступить к Хиосу, чтобы избежать встречи с объединенным венецо-каталанским флотом. Лишь осенью 1351 г. генуэзская флотилия добирается до Перы, опустошив по пути Тенедос и Гераклею на Мраморном море, после чего возникает длительная пауза: в Константинополе ждет помощи своих венецианских и каталанских союзников византийский император, в Пере, ощущая нехватку в снаряжении, занимают выжидательную позицию генуэзцы. С прибытием в Константинополь в первых числах февраля 1352 г. союзнического флота на Босфоре завязывается сражение, причем большие потери в нем несут обе стороны, за исключением греков, которые играли роль скорее наблю-

¹ *Argenti Ph. P.* The occupation of Chios by the Genoese and their administration of the island 1346—1566, described in contemporary documents and official dispatches. Cambridge, 1958.

² См.: *Kyrris C. P.* John Cantacuzenus and the Genoese (1321—1348). — «Miscellanea Storica Ligure», III, Milano, 1963, p. 7—48; *idem.* John Cantacuzenus, the Genoese, the Venetians and the Catalans (1348—1354). — «Byzantina», IV, 1972, p. 331—356.

³ Этой экспедиции посвящена специальная работа Балара, не использованная в последней из указанных выше статей Кирриса: *Balard A.* L'expédition génoise de Paganino Doria à Constantinople (1351—1352). — ТМ, 4, 1970, p. 431—469.

дателей, чем участников сражения. Наконец венецианцы и каталаны вынуждены оставить поле сражения и после почти двухмесячных маневров (в апреле 1352 г.) вообще покидают Константинополь, оставив один на один генуэзцев и византийцев. Блокировав с помощью турок столицу империи, генуэзцы вынудили Кантакузина сложить оружие: 6 мая 1352 г. между Византией и Генуей был заключен мирный договор, значительно расширявший также торговые привилегии генуэзцев на Леванте⁴.

Нас в данном случае интересует это событие не само по себе, а только в отношении его документального оформления, т. е. с точки зрения дипломатики. Как известно, оригинал договора в настоящее время утерян. Однако о нем можно составить довольно ясное представление из тех латинских копий, которые дошли до нас и сохранили текст договора. Самой известной из них (в значительной степени благодаря тому, что только она одна указана в упомянутой работе Дэльгера) является латинская копия, которая до сих пор хранится в частном архиве генуэзской семьи Спинола (насколько известно, в настоящее время владельцем архива является Паоло Спинола). К сожалению, нам не удалось получить фотокопию этого документа. Все, однако, заставляет думать, что это очень несовершенная, неофициальная (не заверенная нотарием), «литературная» (как отмечено Дэльгером) копия, изобилующая ошибками и сохраняющая текст договора неполностью. Во всяком случае, именно таким предстает перед нами этот документ в издании Лодовико Саули, осуществленном на основе копии из архива Спинола («из частного архива маркиза Массимилиано Спинола», отмечено Саули)⁵. В этом издании, в частности, точками обозначены обширные лакуны, а сам текст документа завершается следующей фразой: *Instrumentum hujusce pacis rogatum fuit per Thomam Octonem notarium communis Janue in Constantinopoli in sacro palacio Brachernarum coram testibus Grecis et Januensibus, anno a constitutione mundi secundum cursum Imperii Romeorum sexto milleno octavo centeno sexagesimo, ab incarnatione vero domini nostri Jeshu Christi anno MCCLII secundum cursum Latinorum die sexta Madii* («Документ, оформляющий данный мирный договор, был совершен нотарием генуэзской коммуны Томмазо Оттоне в Константинополе во Влахернском дворце в присутствии греческих и генуэзских свидетелей в год 6860 от сотворения мира по византийскому летоисчислению, или 6 мая 1352 г. от воплощения господина нашего Иисуса Христа по латинскому летоисчислению»). На основании этой записи можно заключить, что копия из фамильного архива Спинола была списана с документа, скрепленного подписью генуэзского нотариуса Томмазо Оттоне, к которому нам еще предстоит вернуться.

Изданный Саули текст документа был в 1857 г. перепечатан (с некоторыми улучшениями, но без обращения к рукописи) Цахариз фон Лингенталем⁶. В том же году появилось издание Рикоттиуса⁷ — громоздкое и неудобное для пользования (большого формата, текст сплошной, без прописных букв и почти без пунктуации), но тем не менее гораздо более надежное, нежели издание Саули, так как оно основывалось на хорошо сохранившейся, добротной, заверенной нотарием латинской копии середины XIV в. Этот документ (фотокопией которого мы располагаем благодаря любезности директора Генуэзского государственного архива

⁴ *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, 5. Teil München—Berlin, 1965, № 2991.*

⁵ *Saui L. Della Colonia dei Genovesi in Galata, II. Torino, 1831, № XI, p. 216—222.*

⁶ *Zachariae a Lingenthal C. E. Jus Graeco-Romanum, III. Lipsiae, 1857, Nov. LIII, p. 706—711.*

⁷ *Ricottius H. Liber Jurium Rei Publicae Genuensis, t. II. Turin, 1857, N CCIII, col. 601—606.* Отметим также отрывки документа, напечатанные (со ссылкой на издание Саули и Рикоттиуса) в кн.: *Belgran L. T. Documenti riguardanti la colonia Genovese di Pera. Genova, 1888, № XVI, c. 124—125.*

профессора Альдо Агосто) дошел до нас в составе сборника официальных генуэзских актов и договоров — так называемой *Liber Jurium*, *Archivio di Stato di Genova*, sez. — *Manoscritti*, *Codice B*, f. 302—303. Тексту документа редакторы сборника (но не писец самого документа) предположили заглавие: *Pax et convencio facta cum domino Imperatore Romeorum*, MCCCLII. Собственно, копия совершенна и подписана как будто даже двумя нотариями: первая из подписей принадлежит нотарию Томмазо Оттоне, уже упоминавшемуся в копии из семейного архива Спинола (*Ego Thomas Octonis de Sexto auctoritate imperiali notarius et cancellarius Comunis Janue rogatus scripsi*); вторая гласит следующее: *Ego Antonius de Credentia quondam Conradi publicus imperiali auctoritate notarius et Comunis Janue cancellarius subscriptum presens instrumentum dicte pacis et convencionis ut supra exactum sumptum et exemplatum de autentico publico dicti instrumenti in pergameno, subscripto et putato manu dicti Thome Octonis de Sexto notarii vidi, legi, correxi et diligenter ascultavi cum dicto autentico (так!) publico ut supra et utcumque concordare inveniens me subscripsi et publicavi cum signo et nomine, meis in instrumentis apponi solitis, in testamentum premissorum, habens superinde auctoritatem, licentiam et potestatem ex invincto mihi custodie privilegiorum, dicti comunis officio attributam.* («Я, Антонио да Креденция, некогда императорской властью Конрада публичный нотариус и коммуны Генуи канцелярий, настоящий подписанный документ вышеназванного мирного договора, точно исполненного и снятого в виде копии с подлинного публичного акта названного документа, писанного на пергаменте, подписанного и совершенного рукой названного Томмазо Оттоне, нотариуса по назначению Секста, видел, читал, исправил и прилежно сверил с вышеназванным подлинным публичным актом и, только найдя, что согласен, подписал и придал ему официальную форму, скрепив знаком и именем, которые обычно прилагаю в моих документах, имея полномочия, власть и право вследствие возложенной на меня службы по охране привилегий названной коммуны»).

Как видим, запись в высшей степени интересна как по форме, так и по содержанию. Из нее явствует, что сама данная копия из сборника официальных актов Генуи были снята с какого-то «аутентичного» экземпляра договора, совершенного и подписанного нотариусом Томмазо Оттоне, очевидно, того самого, с которого была изготовлена и копия из архива Спинола. Более того, запись нотариуса Антонио да Креденция (при том, что она столь необычно пространна и подробна) ничего не говорит об участии Томмазо Оттоне в оформлении этой генуэзской копии, хотя его подпись фигурирует под документом первой. Невольно напрашивается мысль о том, что она не принадлежит руке самого Томмазо Оттоне, а была воспроизведена писцом генуэзской копии при списывании текста документа с «аутентичного» экземпляра, действительно подписанного (и написанного) Томмазо Оттоне.

Таким образом, П. Шрайнер, объявивший дошедшую до нас в составе генуэзской *Liber Jurium* копию «наиболее близкой к оригиналу»⁸, не совсем прав, ибо эта копия более близка к оригиналу по сравнению с копией из архива Спинола, но менее близка к нему по сравнению с тем экземпляром, с которого она списана. Что касается последнего, то до сих пор о нем не было ничего известно. Вплоть до недавнего времени этот «аутентичный» экземпляр договора находился, очевидно, в генуэзском архиве: несомненно, о нем было записано какой-то позднейшей рукой в самом начале генуэзской копии (справа на поле): *est in fasciculo privilegiorum* (этой же рукой проставлена старая нумерация страниц

⁸ *Schreiner P.* La chronique brève de 1352. Texte, traduction et commentaire. — OChP, XXXIV (1), 1968, p. 57, n. 3; ср.: *Kyrris C.* John Cantacuzenus, the Genoese, the Venetians and the Catalans, p. 347.

Liber Iurium: 328—329, сделаны другие пометы: 1352; Gallata donata Janu:).

Сейчас нам представилась возможность пролить свет и на этот вопрос: нет сомнения, что речь идет о документе, который в составе коллекции академика Н. П. Лихачева хранится в настоящее время в собрании западноевропейской секции Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (шифр 5/137)⁹. Этот документ, написанный рыжими чернилами на толстом пергамене, отличается внушительными размерами (53×42 — пергамен; 49×36,5 — текст), кое-где уже начинает портиться (потертости, загрязнения, повреждения от мышей). На обороте документа имеется одна древняя помета (ныне стершаяся, с трудом читаются только слова *Alia convencio vet...*) и несколько позднейших: *Constantinopolis*; *C. Anteva* (или *Antera?*); 1352, 6 *Madii Johannis Imperatoris*; *est in libro Iurium secundo pagina 328*. Последняя из помет указывает на копию нотариа Антонио да Креденция из сборника генуэзских актов, и стоит только нам посмотреть на почерк, каким сделана эта и другие позднейшие пометы ленинградского документа, как мы сразу же признаем почерк помет генуэзской копии. Ясно, что и ленинградский документ происходит из Генуи (обстоятельства и точное время приобретения его Н. П. Лихачевым, как и большинство материалов его итальянской коллекции, неизвестны), ибо и все прочие признаки его совпадают с описанием «аутентичного» экземпляра Томмазо Оттоне, содержащимся в приведенной выше записи нотариа Антонио да Креденция.

Главным из этих признаков является, конечно, подпись самого нотариа: *Ego Thomas Ottonis de Sexto auctoritate imperiali notarius et cancellarius comunis Janue rogatus scripsi* (обратим внимание на написание его фамильного имени: *Otonis*, а не *Octonis*, как в генуэзской рукописи, да и в целом почерк явно отличается, хотя его характерный нотариальный знак, в котором соединились *Ego* и инициал его имени — буква «Т» — воспроизведен на генуэзской рукописи очень точно). Что касается личности этого нотариа, то она достаточно хорошо известна: с 14 июня 1351 г. по 13 августа 1352 г. он вел счета адмирала Паганино Дориа, на галере которого он находился в качестве скрибы (на каждой галере упомянутой выше генуэзской флотилии счета вел свой писец, который регистрировал ежедневные расходы и поступления; две таких книги дошли до нас, послужив важным источником для Балара в освещении экспедиции Паганино Дориа)¹⁰. Из текста нашего документа мы узнаем, что Томмазо Оттоне принял непосредственное участие в заключении договора между Византией и Генуей 6 мая 1352 г. (*in presentia mei Thome Ottonis... etc.*), что именно он был тем писцом и нотарием, который по поручению Иоанна Кантакузина (*mandavit dictus dominus Imperator*) и другой договаривающейся стороны отредактировал латинский экземпляр договора (*dicti sindici et procuratores... rogaverunt per me Thomam Ottonis, notarium et cancellarium comunis Janue debere fieri publicum instrumentum*), совершенного в Константинополе, во Влахернском дворе (*actum in urbe magna Constantinopoli in Sacro Palatio Brachernarum*). И здесь мы вплотную сталкиваемся с проблемой оригинала.

Как известно, особенностью византийских договорных актов (*συμβόλη*) было их двуязычие — греческий текст переводился на язык договаривающейся стороны, причем если до Нимфейского договора Византии и Генуи (1261 г.) латинский перевод помещался внизу, под подписью императора, то теперь он располагается рядом с греческим, а подпись императора тянется через весь лист под обоими текстами¹¹. Другой и, пожалуй, еще

⁹ В «Путеводителе по Архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР» (М.—Л., 1958) этот документ не зафиксирован и, видимо, именно поэтому остался совершенно неизвестным.

¹⁰ *Balarà M.* Op. cit., passim.

¹¹ *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. I. Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 100. О документах этого типа и их составе в целом см.:

более важной особенностью византийских договорных актов было то, что независимо от того, заключала ли империя с каким-либо правителем или государством выгодный или невыгодный для нее договор, византийцы в соответствии с их политической доктриной рассматривали этот договор как привилегию, как акт милости, оказанной императором иноземному правителю, облекая договор в форму жалованной грамоты — хрисовула логоса или хрисовула сигиллия. Начиная с XIII в. договорные документы утрачивают многие элементы хрисовула логоса (в них, в частности, отсутствуют так называемые «красные слова», *pertinentia*, обязательная для хрисовула логоса заключительная формула: ἐν ᾧ καὶ τὸ ἡμέτερον εὐσεβὲς καὶ θεοπρόβλητον ὑπεστημίγατο κράτος), и сам документ называется уже не χρυσόβουλλος λόγος, но *privilegium sacramentatum*, χρυσόβουλλον, *treva*, ὀρκωμοτικὸν χρυσόβουλλον, или просто ὀρκωμοτικὸν¹². В них усиливается элемент двусторонности, определения условий со стороны договаривающегося с Византией партнера. И все-таки структура жалованной грамоты не изживается до конца: документ составляется от имени императора, ясно проглядывает стремление представить статьи договора как благо для империи и адресата, оригинал подписывается императором пурпурными чернилами (*sacrum encaustum*) и снабжается вислой золотой печатью.

Все эти особенности византийских договорных актов отражал, несомненно, и оригинал договора Византии и Генуи от 6 мая 1352 г., что особенно хорошо видно из следующей фразы нашего документа: *Ad quorum omnium (sc. pactorum et conventionum) cautellam et evidenciam plenioram presens privilegium sacramentalle aurea bulla munitum Imperii nostri fieri iubsimus, translactum in Greco et Latino de nostro mandato, interpretante et dictante familiari nostro, magno interprete Imperii nostri, domino Nicolao Sigiro litteris rubeis manu nostra propria more solito subscriptum et aurea bulla predicta inferius apenssa roboratum* [«Для большего обеспечения и гарантии всех этих договорных статей (в греческом оригинале, несомненно, должно было стоять обычное εἰς τὴν περὶ τούτου δῆλωσιν καὶ ἀσφάλειαν. — И. М.) мы повелели изготовить настоящий, скрепленный присягой льготный акт, переведенный по нашему поручению, при редактировании и под диктовку нашего придворного (*familiaris* = οἰκεῖος¹³), великого толмача нашей царственности (*magnus interpretes* = μέγας διερμηνευτής¹⁴) господина Николая Сигира на греческий и латинский языки, подписанный по обычаю нашей собственной рукой пурпурными буквами и скрепленный подвешенной ниже золотой печатью»].

Таким образом, практическое документальное оформление договора (в его двуязычном варианте) было возложено на Николая Сигира¹⁵, об

ibid., S. 94—104; Дуйчев И. С. Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров. — ВВ, 15, 1959; Heinemeyer W. Die Verträge zwischen dem oströmischen Reiche und den italienischen Städten Genua, Pisa und Venedig vom 10. bis 12. Jh. — «Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde», 3, 1957, S. 79—161; Miller D. A. Byzantine treaties and treaty-making: 500—1025 AD. — BS, 32, 1971, p. 56—76.

¹² Dölger F., *Karayanopoulos J.* Op. cit., S. 99—100.

¹³ О социальном статусе этой категории византийской феодальной знати см.: Verpeaux J. Les οἰκεῖοι. Notes d'histoire institutionnelle et sociale. — REB, 23, 1965, p. 89—100.

¹⁴ При заключении договоров в Константинополе почти всегда присутствует μέγας διερμηνευτής. См.: Dölger F. Op. cit., N 2891. Об использовании переводчиков на дипломатической службе в Византии см.: Kyrris K. P. Δι γλώσσας τῆς βυζαντινῆς διπλωματίας ἀπὸ τῶν ἀρχῶν μέχρι τῆς Δ' Σταυροφορίας. — «Στασίσις», 1, 1963; Медведев И. П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи. — ВВ, 33, 1972, с. 129—139.

¹⁵ О нем см.: Pertusi A. L'omero inviato al Petrarca da Nicola Sigero ambasciatore e letterato Bizantino. — «Mélanges Eugène Tisserant», III. Città del Vaticano, 1964, p. 113—139; Weiss G. Johannes Kantakusenos — Aritokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969, S. 76 und Anm. 507.

участии же Томмазо Оттоне в составлении оригинала договора речи нет. Очевидно также, что именно данной фразой и завершался текст оригинала, за которой следовала лишь подпись императора, а все то, что говорилось выше об изготовлении «публичного документа» (*publicum instrumentum*), совершенного по поручению императора и представителей коммуны Генуи Томмазо Оттоне, происходило уже за рамками процедуры подписания оригинала и было включено Томмазо Оттоне в текст изготовленного им документа. Сама по себе мысль о необходимости изготовления такого дополнительного аутентичного экземпляра вполне понятна. По существовавшему в императорской канцелярии обычаю, публичный акт, скрепленный подписью императора, выпускался только в одном экземпляре. Естественно, что изготовление копий (или канцелярских, т. е. изготавливавшихся самой императорской канцелярией одновременно с оригиналом документа, или собственных копий получателя) при такой практике было просто необходимым¹⁶. Именно такой собственной и прямой, т. е. снятой непосредственно с оригинала, копией получателя (ибо в свете изложенной византийской концепции договорного акта как жалованной грамоты Генуя была получателем, адресатом) и был *publicum instrumentum*, совершенный и заверенный Томмазо Оттоне. В соответствии с нормами итальянской юридической и нотариальной практики этот документ обладал всеми признаками подлинности, был, собственно, тем же оригиналом, его аутентичным экземпляром¹⁷.

Что касается структуры акта, то она тоже типична для такого рода византийских документов и характеризуется следующими элементами: 1) протокол, включающий в себя инвокацию и интитуляцию (обращает на себя внимание написание имени Христа в смешанной греко-латинской передаче — *in Xristo*, которое в изданиях передается в чисто латинской форме — *in Christo*); 2) текст, состоящий из *narratio* (прооймион отсутствует), в которой кратко резюмируется предыстория договора, указаны имена послов (Оберто Гаттелузи и Раффо Эрминео — синдики генуэзского дожа; Фредерико де Лорто и Ланфранко де Подио — полномочные представители адмирала Паганино Дориа), упомянуты их верительные грамоты (*publicum instrumentum* от 3 июля 1351 г., писанный рукой нотариуса Конрада де Креденция, — для двух первых; *publicum instrumentum* от 30 апреля 1352 г., писанный Томмазо Оттоне, — для двух последних); следуют 19 статей договора (см. ниже), клятва императора и деспота Матфея Кантакузина на священном писании (до 1342 г. клятва императора предвляла пункты договора¹⁸), клятвы упомянутых выше генуэзских послов; специально оговаривается необходимость принесения клятвы на верность договору властями Генуи (дожем, адмиралом Паганино Дориа, другими высшими должностными лицами коммуны) в присутствии византийского «посла или послов». Завершают текст упоминание писца и переводчика, и *corroboratio*; 3) несомненно, в оригинале документа присутствовали и все элементы эсхатокола, т. е. латино-византийская датировка договора, упоминание свидетелей и подпись императора, но в документе Томмазо Оттоне все они (за исключением, естественно, подписи императора) перенесены в его собственную приписку, о которой уже шла речь. Эта запись Томмазо Оттоне (стр. 151 сл.) имеет свою дипломатику: она также начинается инвокацией; называет обе договаривающиеся стороны (разумеется, в документе итальянского нотариуса все становится на деловую юридическую почву, от высокомерия

¹⁶ Dölger F., *Karayannopulos J.* Op. cit., S. 25—26, 129—134; ср.: Медведев И. П. Византийская дипломатика в свете некоторых новейших исследований. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, III. Л., 1970, с. 365.

¹⁷ См. литературу об итальянском нотариате, указанную в статье: Кононенко А. М. К истории итальянского нотариата XI—XIII вв. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, VI. Л., 1974, с. 318—330; см. также: Amelotti M., *Costa magna G.* Alle origini del notariato italiano. Roma, 1975.

¹⁸ Dölger F., *Karayannopulos J.* Op. cit., S. 103.

византийского императора не остается и следа, и он рассматривается как обычный партнер по договору); еще раз упоминает о клятвах представителей сторон на священном писании (Византию представляют император Иоанн VI Кантакузин и его сын Матфей); отмечает личное участие нотариуса в заключении договора и совершении документа, место его издания («в великом городе Константинополе, в священном Влахернском дворце»), латинско-византийскую датировку и присутствие свидетелей.

Наконец, необходимо хотя бы вкратце изложить содержание самих договорных статей. Стороны согласились о следующем (стк. 19 сл.). 1. Подтверждаются все ранее заключенные договоры, новые и старые, однако остаются также в силе соглашения адмирала Паганино с турецким адмиралом Урханом. 2. Его царственность «из милости» дает генуэзцам Галаты в качестве дара земельный участок в том месте, где проходит ров, шириной в 100 локтей, расположенный между Галатой и замком Санта Кроче и простирающийся от названного замка до башни Траверрия; запрещается возводить на этом участке какое-либо латинское или греческое строение. 3. Не разрешается предоставлять снаряжение или пристанище судам каталанов и венецианцев на время войны ни на пристани в Константинополе, ни в других укрепленных местах, если последние в состоянии защитить себя; если же нет, то захват каталанскими и венецианскими судами продовольствия в таких пунктах не ведет к разрыву договора. 4. Под угрозой ссылки греки не должны вмешиваться в раздоры, которые возникают в империи между генуэзцами, с одной стороны, и каталанами и венецианцами — с другой, однако соответствующие должностные лица империи (*capitanei nostri*) обязаны в таких случаях задержать зачинщиков раздора и выдавать соответственно: генуэзцев — подеста Перы, венецианцев — байюлу. 5. Если константинопольская пристань во время войны будет предоставлена судам венецианцев или каталанов с байюлом или послом на борту, то это не противоречит статьям настоящего договора (в частности, статье третьей). 6. По случаю заключения договора стороны должны взаимно освободить пленных. 7. Не разрешается взимать пошлину с грека, который покупает товары у генуэзца, и наоборот. 8. Если грек продает в Пере или в других генуэзских местах (*in burgis*) вино, то он платит ту же пошлину, что и генуэзцы; соответственно столичные коммерции должны взимать с генуэзцев, которые продают в Константинополе вино, ту же пошлину, которую платят и греки; эта статья имеет силу на время войны каталанов и венецианцев с генуэзцами. 9. В случае нарушения мира одной из сторон другая сторона через специального посла заявляет протест и уведомляет о разрыве договора, но в течение восьми месяцев с момента конфликта не может начинать враждебные действия (*facere aliquas offensas*); лишь по истечении восьми месяцев стороны могут считать себя свободными от условий договора. 10. Греческие суда не должны плавать в Тану или в море Таны, когда туда не плавают суда генуэзцев; в каждом таком случае император должен отправлять к дожу посольство за получением особого разрешения. 11. Греки, захваченные генуэзцами на каталанских или венецианских судах (будь то наемники или волонтеры), должны быть взяты в плен; если они были вынуждены к этому силой, то генуэзцы должны их освободить; данная статья имеет силу в течение трех месяцев с момента заключения договора до 1 августа 1353 г.; соответственно те же обязательства имеют силу и для генуэзцев. 12. Запрещается на время войны греческим судам посещать места каталанов и венецианцев; исключение может быть сделано только в том случае, если император по каким-то собственным причинам (*aliquibus suis de causis*) захочет послать туда военный корабль (*lignum armatum*). 13. Вся недвижимая собственность генуэзцев в империи (в том числе земли) возвращается им такой, какая она есть; те доходы с нее, которые поступили

в императорский вестиярий (казну), удерживаются. 14. Какие-либо владения, земли или виноградники могут быть куплены генуэзцем у грека только с разрешения императора, в противном случае покупатель теряет уплаченную цену. 15. Долговые отношения между греками и генуэзцами восстанавливаются в том виде, какими они были до войны; из вестиярия ничего не возвращается. 16. Имущество генуэзцев, конфискованное во время войны каталанами или венецианцами и проданное грекам, и наоборот, имущество греков, конфискованное и проданное генуэзцам, считается потерянным и в отношении его не допускается больше никакого расследования. 17. Взаимные иски на возмещение убытков от войны приостанавливаются. 18. В отношении Хиоса и Фокеи между императором и дожем Генуи должны состояться специальные переговоры. 19. Греки и генуэзцы, осужденные во время войны, получают амнистию.

Итак, мы видели, что латинский текст договора между Византией и Генуей от 6 мая 1352 г. неоднократно публиковался в прошлом веке. Тем не менее мы предлагаем еще одно издание, необходимость которого очевидна, во-первых, потому, что мы располагаем наиболее близким к оригиналу документом, изготовленным непосредственно в Константинополе во время заключения договора официальным лицом, очевидцем события; во-вторых, потому, что предыдущие издания содержат ряд весьма существенных недостатков и, кроме того, являются исключительной библиографической редкостью не только в библиотеках СССР (издания Рикоттиуса и Бельграно, если не ошибаемся, вообще у нас отсутствуют), но и (как нам сообщил Альдо Агосто) в библиотеках Италии. Издавая документ, мы отказались от сплошного воспроизведения текста, как он представлен в рукописи, выделили статьи договора (собственно, это сделал еще Цахариз фон Лингенталь) и пронумеровали их в целях большего удобства при пользовании ими. При публикации текста употребляются следующие условные обозначения:

[ ] — поврежденный текст ленинградского документа восстановлен с помощью копии из Liber Iurium генуэзского государственного архива.

G — копия генуэзского архива.

R — издание Рикоттиуса.

S — издание Саули, представляющее копию из частного архива Спинола.

Z — перепечатка Цахариз фон Лингенталья.

In nomine Domini amen. Iohannes in Xp(ist)o¹ Deo fidelis Imperator et moderator Romeorum Catacosinos.

Cum inter Imperium nostrum ex una parte et comune Janue ex alia² interuenirint scandalla propter que mota est guerra inter nos et ipsum comune et t[andem] pluribus colloquiis habitis inter Imperium nostrum et nobiles uiros dominos Obertum Gatiluxium³, Raffum Ermineum⁴, syndicos illustris domini ducis et comunis J[anue, et]iam Fredericum de Lorto⁵ et dominum Lanfranchum de Podio, nomine et parte nobilis uiri domini⁶ Paganini de Auria, amirati comunis Janue, nec non sin[dici et sindic]ario nomine dicti domini ducis et comunis Janue, prout apparet instrumento publico scripto manu Conradi de Credentia notarii MCCCLI⁷ die tercia iullii⁸, per quod in[strumentum apparet] dominum ducem et eius consilium promisisse habere et tenere rata grata et firma omnia et singula que per ipsum dominum amiratum et sub[stituendum ab eo] facta gesta et promissa et recepta fuerint cum quibuscumque dominis quocumque titulo dignitatis existant. Et qui Obertus Raffus, Fredericus et Lanfr[anchus sunt substit]uti actores et procuratores dicti domini amirati cum tota

¹ SZR Christo ² SZGR altera ³ SZ Gatuluzium; *G* Gatelusium; *R* gataluxium
⁴ SZ Ermireum ⁵ SZ del Orto ⁶ SZ domini отсудетвует ⁷ SZ 1350; *R* MCCCL
⁸ SZ Junii

potestate, quam ipse habet pro predictis tenere instrumenti publici scripti manu Thome⁹ Ott[onis¹⁰ notarii anno] presenti die trigessima¹¹ aprilis. Igitur nostrum Imperium cum predictis nobilibus uenit ad infrascriptam pacem ut infra.

1. Primo uidelicet quod firmauimus¹² con[uentiones nouas] et ueteres, que sunt inter Imperium et comune Janue, cum reseruacione tamen, quod pax et ea pacta, gesta per dominum amiratum cum Orcanibey a[mirati, sint] firma non obstantibus conuentionibus predictis.

2. Item per pactum Imperium nostrum de gratia domationem facit comuni Janue de Gallata cum terreno, prout fossatum tendit usque ad castrum sancte Crucis et ultra dictum fossatum gubitus¹³ centum, infra quos¹⁴ non possit hedificium latinum uel grecum nec aliqua alia nouitas fieri. Ita quod¹⁵ gubitus¹⁶ centum isti sint in facie incipiendo a capite Gallata usque ad castrum sancte Crucis recta linea et a castro sancte Crucis usque ad turrem Trauerere.

3. Item extitit per pactum et promissum per Imperium nostrum, quod galleis aliquibus catalanorum et uenetorum, que uenirent in Constantinopoli, non debeat ipsum¹⁷ Imperium nostrum seu greci dare aliquod refrigerium uel¹⁸ receptum, nec dimittere eos ponere scallam¹⁹ nec in aliis forensibus castris secundum²⁰ potenciam²¹ dictorum castrorum. Ita tamen, quod in illis castris in quibus non est potencia deffendi²² se ab illis galleis, si ille gallee ibi refrescamentum acciperent, non intelligatur propterea destructio pacis uel contrafecisse nostrum Imperium iuramento nostro. Hec autem habeant locum durante guerra inter catalanos, uenetos et januensses.

4. Item extitit per pactum et promissum per Imperium nostrum, quod si casus adueniret, quod in nostro Imperio uel in aliqua parte ipsius uel etiam in Constantinopoli quod aliqua briga uel rissa²³ uel offenssiones fierent inter catalanos, uenetos cum januenssibus et januensses cum catalanis et uenetis, quod greci ipsius Imperii aequaliter²⁴ non debeant de ricta rixa uel briga se impedire. Et si quis dictorum grecorum se impediret de predictis, banniatur ab Imperio nostro uel puniatur per nostrum Imperium. Tamen debent capitanei nostri in locis illis Imperii ubi se inuenirent, quod²⁵ esset briga uel rixa inter predictos januensses, uenetos et catalanos, tenere eos qui facerent brigam et miterere januensses quidem ad potestatem Peyre, uenetos autem ad bauillum²⁶ uenetorum.

5. Item extitit per pactum, quod si gallea catalanorum uel uenetorum ueniret in Constantinopoli durante dicta guerra cum bauillo²⁷ uenetorum uel aliquo ambaxiatore, quod eo casu tunc²⁸ ponetur scalla²⁹, non intelligatur contrafecisse pacem.

6. Item extitit per pactum, quod Imperium nostrum occasione dicte pacis dare debeat dicto domino amirato omnes januensses, quos habent nostri greci in Imperio et quos etiam Imperium nostrum habet carceratos uel detemptos, et libere eidem domino amirato eos dimitat³⁰, et similiter dominus amiratus libere dimitat omnes grecos quos habet in comune tantum et qui sunt in comuni.

7. Item extitit per pactum, quod Imperium nostrum non debeat ponere uel accipere comergium³¹ a greco qui emat mercimonia a januensse, et si esset in conuentionibus, quod possit uel debeat recipere dictum comergium³², quod non accipitur³³, nisi accipiat generaliter a nostris grecis ementibus ab aliis grecis mercimonia, et similiter faciat comune ianuenssibus suis ementibus mercimonia a grecis.

8. Item extitit per pactum, quod si aliquis grecus uendiderit in Peyra uel in burgis unum, quod comergium³⁴ impositum secundum ordinationem sindicorum communis³⁵ huiusmodi grecus debeat soluere prout alii januensses et similiter comergiarum Imperii nostri coligant et accipiant impositum per nos comergium a januenssibus unum uendentibus in Constantinopoli prout ab aliis grecis. Et predicta locum habeant durante guerra catalanorum et uenetorum cum januenssibus uel quousque comergium unum esset disobligatum si pignoretur occasione³⁶ dicte guerre.

⁹ R tome   ¹⁰ SZGR Octonis   ¹¹ R III   ¹² SZR firmamus.   ¹³ SZ cubitorum
¹⁴ SZGR quod   ¹⁵ SZ Itaque   ¹⁶ SZ cubitus   ¹⁷ SZ istum   ¹⁸ SZR nec
¹⁹ SZ stalam   ²⁰ SZ sive   ²¹ SZ patenciam Z в аппарате указывает: lege potencia
²² SZ deffendi.   ²³ SZGR rixa   ²⁴ SZRG aequaliter стоят после non debeant
²⁵ SZ quibus   ²⁶⁻²⁷ R bauillum   ²⁸ S sit hunc   ²⁹ SZ poneret stallam; GR scallam
³⁰ demittat.   ³¹⁻³²⁻³⁴ SZ comerchium R comerihium   ³³ GR accipiat   ³⁵ SZGR
следует Janue   ³⁶ SZ occasione отсутствует и точками обозначена большая лагуна
в тексте, которой на самом деле не существует в рукописях

9. Item extitit per pactum, quod si casus accideret, quod absit, quod uideretur Imperio nostro, quod per januenses esset factum, dictum uel operatum contra pacem, taliter quod intenderet Imperium nostrum mouere uel habere guerram cum januensibus tunc, teneatur³⁷ uinculo iuramenti per suum certum noncium et specialem ad potestatem Peyre eidem denunciare et protestari³⁸ de predictis, ut a die qua hoc fecerit usque ad octo menses tunc proxime uenturos non possit non obstantibus predictis fieri aliqua offensio inter partes aliqua occasione uel modo. Et similiter si potestati Peyre uideretur quod per Imperium nostrum et grecos suos contraueniretur paci predictae, teneatur potestas illud idem similiter ut predictum est et protestari et denunciare Imperio nostro, nec possint dicte partes similiter usque ad octo menses tunc proxime uenturos facere aliquas offensas, quibus octo mensibus elapsis dicte partes sint et esse debeant in eorum libertate non obstante dicta pace.

10. Item extitit per pactum, quod nauigia grecorum non nauigent nec nauigare debeant ad Tanam uel in mari Tane, nisi quando nauigia januensium illuc nauigarent, saluo semper, quod cum Imperium nostrum intendat de predictis ad dominum ducem suam ambaxiatam transmittere³⁹ ad impetrandum, quod illuc dicta nauigia grecorum possint nauigare, et si dominus dux concedet quod ea possint illuc nauigare quod possint ire nec moueatur guerra propterea inter partes.

11. Item extitit per pactum, quod si per januenses super nauigia⁴⁰ inimicorum eorum, catalanorum uidelicet et uenetorum, caperentur greci, qui cum dictis inimicis essent ad soldum uel sua spontanea uoluntate, quod illi tales greci possint teneri, saluo si dicti greci ibi essent per uim capti, quod tunc januenses illos talles grecos relaxare debeant. Et predicta locum habeant elapsis tribus mensibus incipientibus⁴¹ a die fiende pacis et fiendis in kallendis augusti proxime uenturi. Et e conuersso si nostrum Imperium inuenerit januenses aliquos cum nostro inimico⁴² rege raxie quod eos debet tenere.

12. Item extitit per pactum, quod aliqua nauigia grecorum non possint ire uel redire ad loca catalanorum et uenetorum durante guerra predicta, excepto si Imperium nostrum aliquibus suis de causis uellet ad dicta loca⁴³ unum lignum armatum transmittere, quod tunc licite possit dictum lignum transmittere quotienscumque uoluerit.

13. Item extitit per pactum et contentum, quod omnia mobilia terre et possessiones januensium, que essent in Imperio, restituantur januensibus talia, qualia sunt, saluo quod si de aliquibus possessionibus peruenisset in nostrum uestiarium aliqua peccunia, quod⁴⁴ minime restituatur et⁴⁵ teneatur.

14. Item extitit per pactum et promissum, quod aliquis januensis non possit emere aliquas possessiones uel terras seu uineas ab aliquo greco, nisi de mandato Imperii nostri, et si aliquis ianuensis emere⁴⁶ sine mandato Imperii nostri, dimitat⁴⁷ precium dicte possessionis.

15. Item, quod debita, que sunt inter grecos et ianuenses, sint in eo statu et iure, quibus erant ante guerram, excepto quod si aliqua peruenissent in uestiario Imperii nostri uel in comuni Janue uel Peyre, illa talia restitui non debeant.

16. Item extitit per pactum et conuentum, quod si aliqua bona januensium capta per catalanos et uenetos uendita essent tempore guerre presentis grecis et similiter aliqua bona grecorum capta uel uendita essent januensibus, quod⁴⁸ essent amissa nec de ipsis amplius fieri possit requisitio aliqua.

17. Item, quod omnia dampna data tempore presentis guerre et facta per presentes, uidelicet per grecos januensibus et per januenses grecis, sint remissa nec de ipsis aliquo modo possit fieri aliqua requisitio uel emendatio seu restitutio.

18. Item extitit per pactum, de Syo et Folia, quod Imperium nostrum debeat audire ambaxiatores suos. Et si ipsi dicent⁴⁹ Imperio nostro rem que placeat ei uel non, tunc de predictis Imperium nostrum possit transmittere ad dominum ducem et comune Janue, et quidquid⁵⁰ de predictis se conueniet et faciet⁵¹ cum domino duce et do-

³⁷ SZRG intelligatur ³⁸ GR proptestari ³⁹ R transmittere ⁴⁰ SZ nauigio
⁴¹ SZ incipientibus. ⁴² SZGR imperio, после чего в SZ лакуна до слова quod
⁴³ SZ loco ⁴⁴ SZ ipsa ⁴⁵ GR restituere ⁴⁶ GR emerit ⁴⁷ SZGR amittat. ⁴⁸ GR
quod ⁴⁹ SZ dicet Z в анапаре ормечае: lege dicent ⁵⁰ R quicquid ⁵¹ SZ
faciat

minus dux⁵² cum Imperio nostro illud intelligatur esse factum. Et si non placebit Imperio nostro ordinacio quam faciet dominus dux de predictis, quod possit Imperium nostrum transmittere ad dominum ducem totiens quotiens uoluerit ad conueniendum se cum eo. 120

19. Item extitit per pactum, quod januensses non teneantur querere sanguinem grecorum uel alicujus extranei qui sit sub Imperio nostro per comune Janue uel Peyre bannitorum, et similiter Imperium nostrum indulgentiam dat omnibus januensibus contra quos habebat aliquod grauamen.

20. Que omnia et singula suprascripta Imperium nostrum et dilectissimus filius noster dominus Matheus Catacusinus jurauimus⁵³ ad sancta Dei euangelia et in animabus nostris, corporaliter tactis sacris scripturis firma et rata et grata perpetuo habere⁵⁴ et in nullo contrafacere uel uenire de jure uel de facto, modo uel ingenio, 130 sed ea cum effectu et sine diminutione aliqua obseruare et facere inconcusse obseruari. Et teneatur similiter alius dispoti⁵⁵ eminentissimus⁵⁶ filius noster dominus Manuel Cantacusinus, cum uenerit cooperante domino⁵⁷ Constantinopoli, iurare attendere, complere et obseruare omnia et singula, prout nos. Et per similem modum dicti domini Obertus, Raffus, Fredericus, et Lanfranchus, nominibus predictis jurauerunt ad sancta Dei euangelia, corporaliter tactis sacris⁵⁸ scripturis et in animabus dicti domini amirati et domini ducis et comunis Janue, omnia supradicta et singula habere perpetuo firma, rata, grata, et in nullo contrafacere uel uenire, de jure uel de facto, modo uel ingenio, et ea cum effectu et sine diminutione obseruare et facere inconcusse obseruari et quod teneantur dictus dominus⁵⁹ amiratus, domini Lanfranchus Cataneus, Martinus de Mauro, Cataneus Spinulla et Antonius de Sarzano⁶⁰ consiliarii dicti domini amirati, jurare semper ad uoluntatem Imperii nostri attendere omnia et singula ut supra, nec non etiam jurent isti omnes, quod dominus dux jurare teneatur in presentia ambaxiatoris uel ambaxiatorum Imperii nostri, quod predictam pacem, pacta et conuentiones et singula supradicta habebit et tenebit firma, rata et grata. Ad quorum omnium cautellam et euidenciam plenioram presens priuilegium sacramentalle aurea bulla munitum Imperii nostri fieri iussimus translactum in greco et latino de nostro mandato interpretante⁶¹ et dictante familiari nostro, magno interprete⁶² Imperii nostri, domino Nicolao Sigiro⁶³, litteris rubeis manu nostra propria more solito subscriptum et aurea bulla predicta inferius apenssa roboratum⁶⁴. 140

In nomine dei et beate Marie uirginis matris eius et totius Curie Celestis Amen. Sit omnibus notum, quod Serenissimus et Illustrissimus dominus Iohannes in Xp(ist)o⁶⁵ Deo fidelis Imperator et moderator romeorum Catacusinus ex una parte et nobiles uiri domini Obertus Gatiluxius, Raffus Ermirius⁶⁶ syndici illustris domini domini Iohannis de Ualente Dei gratia januensium ducis et populi deffensoris et comunis Janue et Fredericus de Lorto et Lanfranchus de Podio nomine et pro parte egregii et nobilis uiri domini Paganini de Auria amirati felicis armate comunis Janue et qui dominus amiratus est syndicus et sindicario nomine dicti domini ducis et comunis Janue. Ex alia in presentia mei Thome Ottonis notarii et cancellarii comunis Janue infrascripti et testium infrascriptorum, uidelicet baronorum dicti domini et Serenissimi domini Imperatoris et januensium infrascriptorum jurauerunt ad sancta Dei euangelia corporaliter tactis scripturis attendere, complere et obseruare et obseruari facere omnia et singula contenta in pace ordinata inter partes predictas, ut supra, et in omnibus et per omnia prout supra dicitur nec in aliquo contrafacere uel uenire de jure uel de facto modo aliquo uel ingenio. Tenor quidem cuius pacis obseruande cum conuentionibus et pactis⁶⁷ in ipsa contentis talis est ut supra continetur. Et similiter jurauerunt corporaliter tactis scripturis ad sacra⁶⁸. Dei euangelia dictus dominus Chirmatheus⁶⁹ in omnibus et per omnia prout dictus dominus Imperator et in 150

⁵² SZ за словом Дух следует запятая и ut; Z в примечании к слову Дух в аппарате пишет: Videtur aliquid excidisse. ⁵³ SZR juramus ⁵⁴ SZR следует et tenere ⁵⁵ SZGR dispo, после чего в SZ точками обозначена большая лакуна, а в G писцом оставлено небольшое (для двух—трех букв) пустое место, которое не отмечено в R ⁵⁶ SZ carissimus ⁵⁷ S due Z Deo ⁵⁸ следует SZ et sanctis; GR sanctis ⁵⁹ SZG dicti dominus, R dicti domini ⁶⁰ SZ на месте Sarzano — лакуна ⁶¹ SZ interpetrante ⁶² SG interprete; ZR interprete ⁶³ SZ Sagieo; R Sagiro ⁶⁴ на этом заканчивается текст документа у SZ ⁶⁵ R christo ⁶⁶ GR ermineus. ⁶⁷ et pactis в GR отсутствует ⁶⁸ R sancta ⁶⁹ G Chirmatheus R chiria matheus

dicta pace, ut ⁷⁰ supra continetur, ipsum debere iurare. De quibus omnibus mandavit
170 dictus dominus Imperator et dicti syndici et procuratores ut supra dictis nominibus
rogauerunt per me Thomam Ottonis, notarium et cancellarium comunis Janue debere
fieri publicum instrumentum, actum in urbe magna Constantinopoli in sacro palatio
Brachernarum ⁷¹, anno a constitutione mundi secundum cursum Imperii Romeorum,
sexto milleno octauo centeno sexagesimo ab incarnatione uero domini nostri Ihesu
Xp(ist)i ⁷², anno millesimo trecentesimo quinquagesimo secundo ⁷³ secundum cursum
latinorum die sexta madii, presentibus testibus baronibus grecis ⁷⁴, scilicet ⁷⁵ dillec-
tissimo fratre Imperii predicti, domino Michaelae Assano et dillectissimo consanguineo
dicti Imperii domino Andrionico ⁷⁶ Assano et dillectissimo genero suo protestatore ⁷⁷
domino Georgio Facrasseno ⁷⁸, et etiam presentibus magno drogario uigilie domino
180 Johanne de Peralta, et magno eteriarcha ⁷⁹ domino Georgio Astra, familiaribus Impe-
rii et nunc existentibus capitaneis Constantinopoli, et presentibus testibus latinis,
domino Centuriono Jacharia, domino Andaro de Mari, domino Oberto de Guagno ⁸⁰,
Nicolao de Porta, Bartholomeo Portonario, Lanfrancho Gambono et Bonifacio de
Sauro, ciuibus et burgensibus Peyre:

Ego Thomas Ottonis de Sexto auctoritate impe-
riali notarius et cancellarius comunis Janue ro-
gatus scripsi

---

⁷⁰ GR prout   ⁷¹ R brachiniarum   ⁷² R christi   ⁷³ R MGCCLII   ⁷⁴ G grecis
baronibus   ⁷⁵ R scilicet отсутствует   ⁷⁶ R andronico   ⁷⁷ R proptestatore.
⁷⁸ R fracrasseno   ⁷⁹ R eteriacha   ⁸⁰ R goagno

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ВИЗАНТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
ИНФОРМАЦИЯ КОМИССИИ**

**ПО ИЗДАНИЮ «CORPUS FONTIUM HISTORIAE BYZANTINAE»
О СОСТОЯНИИ ПУБЛИКАЦИЙ (МАЙ 1976 Г.)**

Опубликованы:

- T.1. Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik — R. J. H. Jenkins. Washington, Dumbarton Oaks², 1967 (DOT 1).
- T.2. Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque, ed. R. Keydell. Berlin, de Gruyter, 1967 (Series Beroeinensis).
- T.2A. Agathias. The Histories, transl. by J. D. Frendo. Berlin, de Gruyter-Berlin, de Gruyter, 1967 (Series Berolinensis).
- T.3. Nicetae Choniatae Orationes et epistulae, ed. I. A. von Dieten. Berlin, de Gruyter, 1972 (Series Berolinensis).
- T.4. Ioannis Caminiatae De expugnatione Thessalonicae, ed. G. Böhlig. Berlin, de Gruyter, 1973 (Series Berolinensis).
- T.5. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum, ed. I. Thurn. Berlin, de Gruyter, 1973 (Series Berolinensis).
- T.6. Nicolai I Constantinopolitani Patriarchae epistolae, ed. R. J. H. Jenkins — L. G. Westerink. Washington, Dumbarton Oaks, 1973 (DOT 2).
- T.7. Athanasii I Patriarchae Constantinopolitani epistulae CXV, ed., anglice vertit et commentario instruxit Alice Mary Maffry Talbot. Washington, Dumbarton Oaks, 1975 (Series Washingtonensis — DOT 3).
- T.10. Ignoti auctoris Chronica Toccorum Cephallenensium, recensuit et italice vertit J. Schirò. Roma, Accademia Nazionale dei Lincei, 1975 (Series Italica).
- T.11/1—2. Nicetae Choniatae Historia, ed. J. A. van Dieten. Berlin, de Gruyter, 1975 (Series Berolinensis).
- T.12/1. Chronica Byzantina Breviora, ed. P. Schreiner. 1. Einleitung und Text. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975 (Series Vindobonensis).

Находятся в печати:

- T.8. Manuel II Palailogos, Briefe, ed. G. T. Dennis (Series Washingtonensis).
- T.9. Nicephoros Bryennios, ed. P. Gautier (Series Bruxellensis).
- T. 12/2.3. Chronica Byzantina Breviora, ed. P. Schreiner, 2.3. Kommentar, Übersetzung, Indices (Series Vindobonensis).

Готовятся к изданию:

- Chronicon Paschale, ed. O. Mazal (Series Vindobonensis).
- Demetrios Chomatenos, ed. G. Prinzing.
- Ephraim, ed. O. Lampsidis.
- Eustathios von Thessalonike, ed. P. Wirth (Series Berolinensis).
- Georgios Pachymeres, ed. V. Laurent — A. Failler.

- Gregorios Akindynos. Epistulae, ed. Angela Hero.
 Gregorios Nazianzenos. Carmen de vita sua, ed. J. Th. Cummings (Series Washingtonensis).
 Ignatios Diakonos, Epistulae, ed. C. Mango.
 Ioannes Anagnostes, ed. J. Tsaras (Series Berolinensis).
 Ioannes Kantakuzenos, ed. T. Miller.
 Ioannes Kinnamos, ed. P. Wirth.
 Ioannes Malalas, ed. K. Weierholt — I. Thurn (Series Berolinensis).
 Ioseph Genesios, ed. A. Lesmüller-Werner — I. Thurn (Series Berolinensis).
 Kekaumenos. Strategikon, ed. Charlotte Wrinch-Roueché.
 Konstantinos Manasses, ed. O. Lampsidis.
 Konstantinos Porphyrogennetos. De legationibus, ed. O. Kresten (Series Vindobonensis).
 Leon Diakonos, ed. N. M. Panagiotakis (Series Berolinensis).
 Leon Grammatikos, ed. Ch. Hannick (Series Vindobonensis).
 Manuel II, Epitaph auf Theodoros, ed. Juliana Chrysostomides.
 Maurikios. Strategikon, ed. G. T. Dennis — J. Witta.
 Michael Attaleiates, ed. E. Tsolakis.
 Michael Clykas, ed. Sultana Mauromati-Katsouyiannopoulou.
 Michael Kritobulos, ed. D. Reinsch.
 Laonikos Chalkokondyles, ed. A. Lolos.
 Michael Psellos. Chronographia, ed. K. Snipes.
 Miracula s. Demetrii, ed. P. Lemerle.
 Nikephoros Gregoras, ed. J. A. van Dieten (Series Berolinensis).
 Ps.-Symeon Logothetes, ed. A. Markopoulos (Series Berolinensis).
 Stephanos Byzantios, ed. R. Keydell (Series Berolinensis).
 Synodicon Vetus, ed. J. Duffy.
 Theodoros Metochites. Basilikoi Logoi, ed. I. Ševčenko (Series Vindobonensis).
 Theophanes Continuatus, ed. C. de Boor — I. Ševčenko.
 Theophylaktos von Ohrid. Briefe und Reden, ed. P. Gautier.
- Тексты, издание которых желательно в «Corpus Fontium Historiae Byzantinae»
- а) в первую очередь:
 Georgius Continuatus; Konstantinos Porphyrogennetos, De ceremoniis; Leo VI, Taktika; Nikephoros Kallistos Xanthopoulos; Photius, Epistulae; Theodoros Skutariotes; Theodoros Studites, Epistulae.
- б) прочие:
 Andreas Libadenos, Dorotheos von Monembasia, Dukas, Ekthesis Chronike und Chronicon Athenarum, Eparchikon Biblion, Georgios Amirutzes, Georgios Kedrenos, Georgios Monachos, Georgios Sphrantzes, Ioannes Antiocheus, Ioannes Kanabutzes, Ioannes Zonaras, Ioel, Ps.-Stephanos von Alexandria.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества».
Межвузовский научный сборник, вып. 1. Л., 1974, 148 с.

В 1974 г. вышел в свет первый выпуск издаваемого Ленинградским университетом межвузовского научного сборника «Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества» (отв. редактор Г. Л. Курбатов). Выпуск охватывает широкий круг вопросов экономического, социального, политического и культурного развития феодальной эпохи. Однако центральное место в сборнике занимают статьи, посвященные истории Византии, и потому интересный для всякого историка средних веков сборник не может не привлечь особого внимания византистов.

Сборник открывается большой статьей З. В. Удальцовой и К. А. Осиповой «Типологические особенности феодализма в Византии». Неповторимое своеобразие исторического развития Византии продолжает волновать умы историков на протяжении трех столетий, и хотя, казалось бы, этот вопрос изучен почти с исчерывающей полнотой, четкое определение сущности и причинной обусловленности своеобразнейшего феномена византийского феодализма до сих пор словно не дается в руки. Если вдуматься, это не удивительно: чем полнее и, главное, под новыми углами зрения, в новых плоскостях изучается история Византии, тем многоплановее, в сложной взаимозависимости различных своих сторон и проявлений она предстает перед нами. Авторы статьи тем не менее попытались сказать свое слово в этом «вечном» вопросе, обосновав и четче определить типологическую специфику византийского феодализма. И, скажем сразу, попытка эта оказалась весьма плодотворной как в сделанных наблюдениях и выводах, так и в постановке некоторых вопросов.

Прежде всего (при всей ограниченности места) авторы постарались возможно более полно учесть и осмыслить опыт современного византиноведения — как советского, так и зарубежного. Отвергая рассмотрение византийской истории с точки зрения абстрактного противопоставления Востока и Запада или в качестве одной из «моделей» в ряду обособленных и эквивалентных мировых цивилизаций, они отводят как неубедительные и попытки континуитивистов отрицать историческую цезуру между поздней античностью и средневековой Византией, и продолжающих ту же методологическую линию сторонников «автохтонного развития», для которых социально-творческое воздействие варварско-общинных порядков представляется абсолютно несущественным и вся сложнейшая эволюция средневековой Византии легко и просто объясняется силой римского наследия.

В противовес этим статичным, в сущности внеисторическим концепциям авторы статьи стремятся взглянуть на средневековую Византию как на конкретное сочетание общего и особенного в развитии феодальной формации, как на своеобразный результат взаимодействия противоборствующих тенденций. Это позволяет им прежде всего глубже понять особенности развития аграрных отношений в Византии, которое во многом определялось борьбой между частновладельческими, мелкокрестьянско-общинными и государственными формами земельной собственности. Устойчивость института частной собственности, присущая византийскому землевладению на протяжении всей его истории, решительно отличает его от аграрных

порядков средневекового Востока. Государственная собственность на землю никогда не имела в Византии тех всеобъемлющих масштабов, что на Востоке, а императорская власть не обладала титулом собственности на все земли подданных.

Однако, хотя масштабы государственного землевладения в Византии на протяжении ее истории менялись, оно всегда оставалось значительным и всегда было существенной опорой императорской власти. Несомненно, ход развития приводил к возникновению на этих землях церковно-монастырского, а затем и светского частного землевладения — проний и гониконов, но процесс этот всячески тормозился императорской властью, и, видимо, прониары, прежде чем стать реальными обладателями вещных прав на землю, долгое время оставались лишь обладателями права сбора налогов с пожалованных земель. Более или менее значительную роль в экономической жизни страны феодально-провианное землевладение начинает приобретать только в XII в. Но даже и тогда в Византии не получил достаточно полного развития феодальный иммунитет, а с ним и вотчинный аппарат внеэкономического принуждения — этот важнейший атрибут развитого феодализма.

Основу аграрного строя феодализма образует прежде всего система эксплуатации непосредственного производителя, формы присвоения его прибавочного труда. И здесь Византия с самого начала обнаруживает разительные отличия от феодальных обществ Западной Европы: основная масса прибавочного труда византийских крестьян присваивалась в виде государственного налога, который постепенно превратился в своеобразную централизованную феодальную ренту. Естественно, что при этих условиях частновладельческая вотчина не могла получить сколько-нибудь значительных возможностей развития, и даже при наличии фискального иммунитета это развитие не могло стать интенсивным.

Не требуют ли в этой связи некоторых коррективов общепринятые представления об античном наследии в Византии? Прочность и сила влияния этого наследия не подлежат сомнению. Но не забудем, что речь идет о наследии не классической, а поздней античности, об институтах и порядках *поздней* Римской империи, когда неизменно разросшийся аппарат центральной власти и всепоглощающие императорские налоги стали всеобщим тягчайшим бременем. И хотя позднеримские колоны, несомненно, были предшественниками средневековых крепостных, первые в отличие от вторых страдали не столько от вотчинной анноны, сколько от непомерных государственных налогов, которые в первую очередь и побуждали их бежать из поместий, а императоров — принудительно возвращать их и закрепощать.

Разумеется, было бы неправильно механически переносить в жизнь позднейшей Византии все эти позднеримские порядки в их первоначальном виде: развитие рабовладельческой системы в восточных провинциях, как известно, не достигло тех крайних пределов, что на Западе, эти провинции были менее развиты, но потому и менее истощены, здесь сохранилось неизмеримо больше свободного крестьянства; по тем же причинам здесь были сохраннее и жизнеспособнее города; наряду с ощущаемой и здесь тенденцией к упадку действовала и противоположная тенденция: процесс отделения ремесла от земледелия в рамках старой общественной системы здесь, по всей видимости, себя еще не исчерпал. Не в этом ли следует искать одну из причин известной интенсификации городской, торгово-ремесленной жизни в ранней Византии, особенно в крупнейших центрах?

При всем том не подлежит сомнению, что Византия унаследовала порядки и учреждения *поздней* античности, когда старый экономический строй уже угасал и лишь пытался как-то приспособиться к одолевшей его действительности, а новые силы, способные вывести из тупика, себя еще не проявили. Как известно, Восточная Римская империя тоже не избежала варварской колонизации, могучее воздействие свободно-общинных порядков немало способствовало постепенной трансформации византийского общества в сторону феодализма. Но в отличие от западной половины империи волна варварской колонизации не смыла в Византии императорской власти, этого главного оплота неизжитой старины.

Какое это имело значение, можно видеть, если сопоставить пути средневекового аграрного развития в Византии и, например, в Италии и Южной Галлии, где, как известно, римское наследие также отличалось немалой прочностью, где абсолютно преобладающей осталась унаследованная от позднеримских, колонатных

времен продуктовая форма присвоения прибавочного труда зависимого держателя, но где, несмотря на фактическое исчезновение из жизненной практики римских правовых норм (по крайней мере, до XI—XII вв.), частновладельческая феодальная вотчина стала безраздельно господствующей. В Византии же сохранение сильной центральной власти, развитой бюрократии и несокрушимой системы фискальной эксплуатации помешало не только складыванию феодальной иерархической лестницы, но, что еще важнее, не дало сложиться системе интенсивных, экономических активных частновладельческих вотчин¹.

Не здесь ли прежде всего следует искать причину и крайней замедленности вызревания в Византии интенсивно-феодальных форм производства и эксплуатации, и сравнительной успешности общинно-охранительной политики исаврийских императоров — наряду с полной безуспешностью сходных попыток Каролингов, — и заторможенности процесса складывания в Византии единого класса феодально-зависимого крестьянства, и постоянного сохранения особого слоя государственных париков — всего того, что в статье справедливо определяется как проявление *незавершенности* процесса феодализации в Византии (с. 22)? Так проблема исторического типа развития (именно типа, реально порожденного стихией исторического процесса, а не «модели», конструируемой историком) превращается вместе с тем в проблему *этапа* развития. Но это не снимает его типологического значения. Марксистской типологии чужда статичность структуралистского моделирования: исторический тип — это тип *развития*, т. е. конкретное проявление диалектической противоречивости исторического движения — его непрерывности и его дискретности. Определенные силы исторического консерватизма закрепляют данный этап, придают ему устойчивость и длительность, он становится типом развития.

В отмеченной незавершенности, неинтенсивности византийского феодализма следует, видимо, искать объяснение и специфики исторических судеб византийского города. Его сравнительная устойчивость (при несомненности исторической цезуры) была обусловлена не только известной запоздалостью кризиса рабовладения в восточной половине империи, но в немалой мере также исключительной ролью центральной власти: блестящий расцвет Константинополя и двух-трех тесно связанных с ним крупнейших портовых центров (особенно в ранний период) происходил за счет захирения и исчезновения многих мелких и средних городов внутренних районов страны (с. 25—26)². Эта односторонность не исчезла и в период подъема, в IX—XII вв. Да и самый этот подъем оказался недолговечным и в отличие от Западной Европы не вызвал коренной перестройки социально-экономической жизни византийского феодального общества (с. 27).

Как показано в статье, это было связано с преобладанием консервативных сил и тенденций, оплотом которых была императорская власть. То, что первоначально было стимулом подъема, затем превратилось в неодолимый тормоз. Привязанный целиком к потребительским, административным, военным и фискальным интересам короны, двора, знати и бюрократии, византийский город так и не смог стать тем, чем стал его западноевропейский собрат, — цитаделью свободы и вольного труда³, очагом *качественно новой экономики*, не породил ни свободных и активных ремесленных цехов, ни могучего освободительного коммунального движения, ни сплоченного и влиятельного сословия горожан, способного противостоять феодалам (с. 27—28). Не удивительно поэтому, что он не смог подготовить почву для зарождения раннекапиталистических отношений.

Разумеется, интенсивно развивающийся город мог возникнуть только на почве интенсивного типа развития феодализма. Несомненно также, что исключительность роли центральной власти в Византии сама была глубоко обусловлена своеобразием социально-экономической структуры восточных провинций, наличием

¹ Между тем в Византии, как это справедливо отмечается в статье, римские правовые нормы, охранявшие частную собственность, и, в частности, в сфере землевладения, никогда не утрачивали своей юридической силы.

² См.: *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; *Курбагов Г. Л.* Ранневизантийский город (Ангиохия в IV в.). Л., 1962; *его же.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971.

³ См.: *Сказкин С. Д.* Избранные труды по истории. М., 1973, с. 171.

здесь определенных социальных сил, заинтересованных в сохранении и поддержке этой власти. Но именно поэтому гипертрофированная императорская власть явилась средоточием и оплотом всех тормозящих сил, самым существенным и активным воплощением присущих византийскому феодализму незавершенности и консервативного своеобразия. Сопоставление византийского варианта феодализма с западноевропейским показывает, сколь решающее значение при переходе от античности к средневековью имело разрушение рабовладельческой государственности. Только при этом условии высвобождались могучие силы созидания новых общественных отношений и могла в полную меру проявиться социально-творческая роль варварской свободной общины, создавшей обширную питательную среду для рождения нового общества.

Рецензируемая статья З. В. Удальцовой и К. А. Осиповой представляет собой важный шаг в осмыслении византийского типа феодального развития и вместе с тем побуждает к новым поискам. Позволим себе отметить только два вывода, к которым убедительно подводит материал и наблюдения авторов: во-первых, важность учета в ходе типологических разысканий роли политической надстройки: при всей социально-экономической обусловленности она обладала определенной самостоятельностью, высокой активностью и при известных условиях могла стать одним из решающих факторов, определяющих данный тип развития; во-вторых, рассмотрение *особенных* типов развития снова и снова приводит к выводу о решающей важности *общих* закономерностей данного процесса и о значении понятия *классического* типа развития — понятия, которым широко пользовались Маркс и Энгельс и которое означает не наибольшую распространенность или заурядность, а вариант наиболее полного и последовательного раскрытия возможностей данного общественного процесса. Это объективный критерий и основа типологических построений.

К рассмотренной статье близко примыкает работа Г. Л. Курбатова «К проблеме типологии городских движений в Византии». И здесь типологическая задача решается строго исторически: тот тип городских движений, который так ярко проявил себя в Восточной Римской империи V—начала VI в. и который более всего интересует автора, он стремится осмыслить как определенный *этап* в развитии социальных движений, связанный с эволюцией всего общественного строя Византии и прежде всего самого города как особого социального организма (с. 47).

В III и на протяжении большей части IV в. как городские движения, так и участие масс народа в обороне городов от варваров возглавлялись куриалами, что отражало и тесную связь с курией привилегированной верхушки городского плебейства, и еще известную жизнеспособность античной полисной организации, и значительную еще сохранность муниципального землевладения. В последней трети IV в. положение меняется: влияние курий заметно падает, широкие массы горожан уже не хотят защищать от натиска варваров сделавшийся нестерпимо тяжелым императорско-муниципальный строй, так что государство уже не доверяет горожанам оружия и, что всего существеннее, возрастает активность широких слоев городского населения, обнаруживается тенденция к образованию народных политических группировок (с. 54—55).

Именно в этих новых явлениях, а не в пережитках античных форм политической жизни города, полагает автор, следует искать объяснения той новой формы городских движений — борьбы димов и факций, которая так ярко окрашивает историю крупнейших городов Византии в последующие полтора столетия. Наивысшая активность масс в этой борьбе приходится на конец V—начало VI в., а затем, после восстания Ника, эта активность падает (к чему императорская власть прилагает немало усилий), а вместе с нею приходит в упадок и реальное значение партий, и сходит со сцены связанная с ними яркая форма социальной борьбы, которую Г. Л. Курбатов определяет как второй типологический этап в развитии городских движений в Византии (с. 59). В VII—VIII вв. городские движения сливаются с сельскими, специфически городская окраска сменяется религиозной. Налицо совершенно иной тип народных движений.

Объяснение этой эволюции, и прежде всего причин подъема и изживания того исторического типа городских движений, который его более всего интересует, автор

ищет в судьбах позднеантичного полиса, в упадке и расхищении муниципальной собственности, приводившим к распаду старых общеполисных связей (с. 55—56). Это истолкование представляется весьма обоснованным, но достаточно ли такого, преимущественно негативного объяснения? Могло ли столь выразительное общественное движение, отмеченное активнейшим участием масс, родиться только из разложения античной городской общины, только из *упадка* старой полисной организации (с. 56)?

В статье приводятся (частью они содержатся и в более ранних исследованиях автора) немаловажные данные о существенной активизации в этот период торгово-ремесленной жизни крупнейших городов Византии, о возрастании роли городских корпораций (в том числе даже низших профессий), а также ремесленных, купеческих, ростовщических слоев горожан (с. 57). Не заставляет ли это предположить, что небывалый подъем борьбы городских партий был связан с определенным оживлением экономической жизни ведущих восточноримских городов в V—первой половине VI в., когда возможности отделения ремесла от земледелия в условиях старого общества еще не были исчерпаны, а силы дезурбанизации еще не возобладали? Очевидно, этим экономическим подъемом были обусловлены и рост самостоятельности широких слоев городского населения (с. 54), и дальнейший упадок городского (полисного и куриального) землевладения и его политической роли. Не случайно свертывание деятельности городских партий в VI—VII вв. совпадает с сокращением численности и самостоятельности торгово-ремесленного населения, упадок городских корпораций, в особенности «массовых» профессий (с. 59—60). Думается, что учет отмеченных экономических явлений может лишь упрочить предложенное определение данного типа и этапа городских движений в Византии и представление о его исторической закономерности.

Византийской проблематике посвящена и статья Г. Е. Лебедевой «Эволюция терминов, обозначающих рабов, в ранневизантийском законодательстве». Справедливо полагая, что для решения проблемы рабства в позднеримском-ранневизантийском обществе весьма важно изучить эволюцию юридической терминологии, обозначающей рабов, автор сосредоточивает свое внимание на соответствующей терминологии кодексов Феодосия и Юстиниана. Подсчеты и наблюдения исследовательницы позволяют ей прийти к выводу о значительности роли рабства (в том числе производственного) в IV—VI вв. Об этом же, по ее мнению, говорит и наблюдаемая в источниках тенденция к унификации «рабской» терминологии.

Учитывая значимость этих наблюдений, не следует, думается нам, преувеличивать их значение. Закрепление данной юридической терминологии отнюдь не всегда означает стабилизацию данного экономического и социального явления, а порою, как свидетельствует история, может скрывать за собой уже принципиально иные производственные отношения. Ведь и сама исследовательница признает, что, говоря о значительности роли рабского труда в императорских и частных поместьях в V—VI вв., она имеет в виду преимущественно рабов с пекулием, т. е. рабов, наделенных землей (с. 106).

К статьям византинистов примыкают работы славяноведческие. В статье «Корпорации ремесленников в средневековом далматинском городе» М. М. Фрейденберг в плане рассмотрения вопроса о цеховом и так называемом «свободном» ремесле в средневековом городе анализирует немногочисленные источники о ремесленных корпорациях городов Задара, Шибеника, Сплита, Трогира и затем более подробно останавливается на корпорациях мореходов Задара, Сплита и Котора по уставам XIV—XV вв. Поставив вопрос о соотношении цеховых и «свободных» ремесел, автор приходит к выводу, что, хотя далматинское городское производство и «не является типичным „свободным ремеслом“, но в близости к этому ремеслу ему нельзя отказать... Очевидно, перед нами особая разновидность ремесленной организации» (с. 43). Вместе с тем, заключает Фрейденберг, в XIII—XIV вв. «в наиболее развитых, традиционных и важных для города занятиях — мореходстве, кожевенном деле — из общей массы рыхлых братовщин выделяются те, которые можно сблизить с западноевропейскими цехами» (с. 44).

В статье В. А. Якубского «К вопросу о причинах развития фольварочной системы в Польше» поставлена интересная и до сих пор нерешенная проблема.

Она давно уже привлекает внимание автора, о чем свидетельствует и целый ряд опубликованных им работ по аграрной истории Польши, и его монография «Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши» (Л., 1975), и автореферат его докторской диссертации «Проблемы аграрной истории Польши XVI—XVII вв.» (Л., 1975). Отметив положительные результаты, достигнутые советскими полонистами в изучении барщинно-крепостнической системы хозяйства, В. А. Якубский вместе с тем отвергает попытки дать однозначный ответ на вопрос о причинах развития фольварочной системы: «Дело не может быть сведено к какой-то одной причине — действовал комплекс разнородных факторов» (с. 81). Отвергнув широко распространенный в советской и польской литературе тезис о решающей роли в этом процессе внешнего рынка, автор считает перспективной гипотезу о том, что барщина на первых порах могла быть менее болезненной для крестьянства и встречала с его стороны меньше сопротивления, чем попытка увеличить оброк. На наш взгляд, эта гипотеза не лишена убедительности, и она, несомненно, будет способствовать дальнейшим плодотворным поискам ответа на этот чрезвычайно сложный вопрос.

В статье «Проблемы Возрождения» В. И. Рутенбург продолжает начатую им ранее⁴ полемику против новейших попыток расширительного истолкования культуры Возрождения как некоего всеобъемлющего, «глобального» явления, свойственного будто бы самым различным странам (особенно восточным) в самые различные эпохи — от II в. до н. э. до XVIII в. Автор убедительно выявляет методологическую несостоятельность таких концепций «кочующей культуры всеобщего Ренессанса». Они лишены строго научного критерия в отношении как идейного содержания каждой данной культуры, так и ее социально-экономических предпосылок. Ссылки на появление «зародышей товарно-денежных отношений» не выдерживают критики, ибо, как показала история феодализма и на Западе, и на Востоке, даже развитой средневековый город с его мелкотоварным ремеслом не в состоянии породить принципиально антифеодальной идеологической системы, какой явился ренессансский гуманизм: экономические, социальные, идейные потребности этого города были оппозиционны феодализму, но не антагонистичны ему. Только зарождение капиталистического уклада и начало превращения средневекового бюргерства в класс буржуазии создало реальную почву для возникновения культуры Возрождения в Италии XIV—XV вв. Игнорирование этой важнейшей *качественной* грани, как и вообще пренебрежение проблемой соотношения количества и качества в истории, породило бесчисленные построения о всевозможных мнимых «Ренессансах» до Ренессанса. Культура Возрождения была конкретным историческим явлением, и она требует к себе строго исторического подхода. Сравнительно-исторический метод может быть плодотворным только тогда, когда сами сравниваемые объекты, их социально-экономические предпосылки, объективное содержание и реальное историческое значение осмыслены глубоко и всесторонне.

К только что рассмотренной тесно примыкает статья А. Н. Немилова «О хронологических рамках и специфике эпохи Возрождения в Германии». Выявить специфику немецкого Возрождения автор стремится как особенное проявление общих оснований и проявлений Ренессанса как культуры, рождающейся на почве раннекапиталистических отношений. Обращаясь более всего к истории искусства, автор делает попытку обосновать научную периодизацию немецкого Проторенессанса и раннего Возрождения. Возражая против распространенного истолкования немецкого Возрождения как «христианского», он утверждает, что, напротив, первые выступления немецких гуманистов имели не религиозную, а светскую направленность — антиклерикальная оболочка была здесь не первичным, а вторичным явлением.

Помимо указанных работ в рецензируемом сборнике публикуются статьи, посвященные различным вопросам средневековой истории Англии и Франции.

В целом первый выпуск ленинградского межвузовского сборника по медиевистике оставляет самое благоприятное впечатление. Сборник, поставивший на своем титуле привлекательное и очень ответственное название, не обманул чита-

⁴ Рутенбург В. И. Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое». — ВИ, 1969, № 11.

теля: в основных его статьях действительно подняты, интересно поставлены большие, научно актуальные вопросы современной медиевистики. Статьи по конкретным историческим вопросам в значительной мере примыкают к этому ряду. В других случаях они, как правило, содержат возможность постановки значительных исторических проблем, и было бы желательно, чтобы эта возможность была полнее реализована.

А. И. Озолин

Античная древность и средние века, сб. 10. Свердловск, 1973, 322 с.

В 1973 г. вышел в свет очередной, десятый, выпуск сборника «Античная древность и средние века», посвященный 80-летию одного из виднейших представителей советского византиноведения профессора Уральского университета Михаила Яковлевича Сюзюмова¹. Как известно, сборник под таким названием (первый был напечатан в 1960 г.) представляет собой «в значительной мере результат трудов и энтузиазма М. Я. Сюзюмова, сумевшего вырастить и сплотить вокруг себя группу византинистов, и его ближайших сотрудников». За короткий срок «сборники превратились в общий орган византинистов, античников и медиевистов Свердловска и соседних областей»².

В десятом выпуске АДСВ приняли участие 55 авторов из восьми стран. Всего в этом выпуске 56 статей. Открывается сборник статьей ученика М. Я. Сюзюмова Р. Г. Пихоя (Свердловск), содержащей биографические данные о юбиляре и обзор его научной и педагогической деятельности; списка трудов М. Я. Сюзюмова здесь нет, поскольку такой список (114 названий) был напечатан ранее³.

Тематика помеченных в сборнике статей разнообразна, но преобладают работы, связанные с проблемами, интересующими юбиляра. Таковы касающиеся истории византийского и итальянского города статьи Н. А. Бортника (Свердловск), И. Караяннопулоса (Фессалоника), Г. Г. Литаврина (Москва), М. М. Шитикова (Свердловск). Муниципальная организация города в византийском Египте VI в. рассматривается И. Ф. Фихманом со свойственной этому ученому тщательностью и глубоким анализом документального папирологического материала.

Различные вопросы политической и социально-экономической истории империи исследуются в статьях Д. Ангелова (София), Р. М. Бартияна (Ереван), Н. Г. Гарсоян (Нью-Йорк), И. Дуйчева (София), Е. Э. Липшиц (Ленинград), К.-П. Мачке (Лейпциг), Г. Цанковой-Петковой (София) и некоторых других авторов.

Наибольшее число статей посвящено источниковедению и литературе Византии. Сюда относятся работы П. Аликсандера (Беркли, США), Р. А. Гусейнова (Баку), С. Г. Каухчипвили (Тбилиси), С. Н. Лишева (София), Ж. Норе (Брюссель), С. В. Поляковой (Ленинград), И. С. Чичурова (Москва). К источниковедческим работам следует отнести также статью одного из первых учеников Сюзюмова, В. В. Кучмы (Волгоград), изучающего военные трактаты византийцев.

¹ О работе М. Я. Сюзюмова по организации центра византиноведения и исторических исследований в Уральском университете см.: *Кривошеева В. М.* Работы по истории Византии в научном студенческом обществе при Свердловском педагогическом институте. — ВВ, VIII, 1956, с. 391; *Поляковская М. А.* Студенческие работы по истории Византии в Уральском гос. университете в 1962/63 учебном году. — ВВ, XXV, 1964, с. 283—284; *ее же.* Некоторые проблемы античности и средневековья в работах аспирантов Уральского университета. — В кн.: *Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967*, вып. 2. Всеобщая история. Свердловск, 1968, с. 59—67; *Бармина Н. И.* Византиноведческие исследования в Уральском университете за 10 лет (1961—1971). — ВВ, 34, 1973, с. 303—306; *Мавродин В. В., Курбагов Г. Л., Петрова В. А.* Межвузовские сборники университетов РСФСР. — ВИ, 1975, № 4, с. 139—141.

² См.: *Курбагов Г. Л., Рутенбург В. И.* Рец. на кн.: *Античная древность и средние века. Сборники статей по истории древнего мира и средних веков кафедры всеобщей истории Уральского гос. университета им. А. М. Горького*, вып. 1—5, под ред. М. Я. Сюзюмова. Свердловск, 1960—1966. — ВВ, 30, 1969, с. 243—247.

³ ВВ, 35, 1973, с. 303—306.

Весьма интересна статья ученицы Сюзюмова М. А. Поляковской (Свердловск) об Алексее Макремволите, в которой идет речь о морально-политических взглядах византийцев в XIV в. Прекрасно написан этюд Я. Н. Любарского о некоем монахе Илье, образ которого автор со свойственным ему талантом и знанием дела воссоздает по письмам Михаила Пселла; нельзя согласиться с составителями «Послесловия» сборника, определившими статью Любарского как работу, посвященную только эпистолографии. Эта литературоведческая статья может служить образцом своеобразного и глубокого изучения источника.

Девять статей отведено археологии и истории Крыма; это статьи Н. И. Барминой (Свердловск), Е. В. Веймарна (Бахчисарай), О. И. Домбровского и Е. А. Паршиной (Симферополь), Н. В. Пятышевой (Москва), А. И. Романчук (Свердловск), И. В. Соколовой (Ленинград), Э. И. Соломоник (Симферополь), Д. Л. Талиса (Москва), А. Л. Якобсона (Ленинград).

Несколько особняком стоят работы И. Ирмшера (Берлин) и учеников Михаила Яковлевича — И. П. Медведева (Ленинград) и В. А. Сметанина (Свердловск). Статья Ирмшера называется «Входит ли классическая филология в марксистско-ленинскую систему наук?» Как известно, нашего немецкого коллегу постоянно занимают вопросы теории науки, науковедения; в данном случае Ирмшер отвечает на поставленный им в заголовке вопрос положительно, подкрепляя свое мнение основательными соображениями. Работы И. П. Медведева и В. А. Сметанина (первая содержит библиографию исихастских споров, вторая представляет собой учет эпистолярного наследия поздних византийских писателей) носят, казалось бы, характер справок, несмотря на свой небольшой объем, свидетельствуют о прекрасном знании их авторами изучаемого материала, об умении в этом материале ориентироваться, оценить его.

Наконец, просопографии — одной из актуальных тем современного византиноведения — посвящены работы Р. Гийана (Сент-Марселлен, Франция) и А. П. Каждана (Москва, две статьи).

«Ценность вклада, внесенного ученым в науку... лучше всего может быть проверена и измерена жизненностью направления, данного ученым, т. е. главным образом наличием работ его учеников и продолжателей»⁴. Десятый выпуск АДСВ, составленный учениками, друзьями и почитателями М. Я. Сюзюмова, свидетельствует о жизненности избранного им направления и о значимости вклада, внесенного и вносимого им в общее дело советского и зарубежного византиноведения.

Е. Э. Гранстрем

Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма. М., 1975, 336 с.

В истории средневековой Сербии исследуются главным образом экономика и аграрные проблемы, и монография Е. П. Наумова по своей тематике выделяется как одна из немногих среди советских и зарубежных работ. За последние десятилетия к темам, исследуемым автором, чаще обращались югославские искусствоведы и литературоведы, чем историки.

В I главе — «Сербское общество в эпоху развитого феодализма» — дан анализ экономики и сословной системы Сербии в XII—XV вв. Основными являются главы II и III — «Структура феодальной земельной собственности и феодального класса в Сербии XIII—XV вв.» и «Развитие сербской феодальной государственности (XIII—XV вв.)». Такое построение монографии позволяет понять причины, обусловившие изменения в структуре земельной собственности, определявшие положение господствующего класса в обществе и особенности государственного строя Сербии на разных этапах ее истории.

⁴ Люблинская А. Д. Значение трудов О. А. Добиап-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР. — СВ, 29, 1966, с. 173.

Во введении дана историография и обзор источников. Хронологические рамки исследования шире указанных в заглавии — автор начинает с последних десятилетий XII в., со времени правления великого жупана Стефана Немани.

Скудость сведений источников второй половины XII—XIII вв. не дает возможности восстановить с полной определенностью этапы развития феодальной собственности в этот период. Исследователем установлено отсутствие «единой терминологии для обозначения не только феодального класса, но и феодальной собственности и держаний» (с. 112). Е. П. Наумов отмечает непропорциональность распространенного в литературе мнения о преобладании в этот период «баштины» — полной феодальной земельной собственности. Но при анализе терминов, обозначающих феодальную собственность, автор опускает такой термин, как «имение», употребляемый в житиях.

Формированию феодальной собственности в Сербии, по наблюдениям Е. П. Наумова, присуща следующая особенность: рост церковных и монастырских земель шел за счет пожалований сербских государей, а не светской знати. Важным представляется вывод о развитии и укреплении феодальной земельной собственности на рубеже XIII—XIV вв., выразившийся в росте земельных владений и привилегий духовных и светских феодалов, что привело к уравниванию прав мелкого, среднего и крупного дворянства.

Неразработанность в науке вопроса о статусе и значении мелкого дворянства в середине XIV в. во многом объясняется отсутствием в источниках указаний на социальную принадлежность мелких землевладельцев и держателей земли (Дечанские грамоты, Архангельская грамота и другие источники). Заслуживает внимания проведенный Е. П. Наумовым сравнительный анализ положения и происхождения сербских властеличиц с византийскими архонтопулами. Принятое в литературе истолкование термина «властеличиц» как «вассал властеля» он считает недостаточно обоснованным.

Рассматривая феодальное землевладение в первой половине XIV в., Е. П. Наумов исследовал на примере Котора и такую его категорию, как землевладение автономных городов Сербского государства. Земли Котора (жупа Грбаль, Биела, Крушевица, Леденица) считались центральным правительством Сербии баштинами, дарованными, по выражению сербских грамот, «властелям которским». Такая форма землевладения определена автором как «своеобразная разновидность феодального владения, обусловленная принадлежностью владельца к числу полноправных граждан коммуны и верховной ее собственностью» (с. 129). Мнение исследователя подтверждается тем, что владельцами этих земель, по свидетельству которских судебно-нотариальных актов, были не только патриции, но и другие граждане Котора.

Если первая половина XIV в. — эпоха блестящих внешнеполитических успехов Сербского государства, его территориального расширения — привлекала к себе особое внимание исследователей, то вторая половина столетия — время распада Сербогреческого царства — изучалась сравнительно мало. Не исследовались, в частности, изменения, происшедшие в феодальном землевладении. Разрабатывая этот вопрос, Е. П. Наумов использовал локальные источники, которые дают возможность представить особенности землевладения в Сербии во второй половине XIV в., как, например, грамоту Уроша от 1363 г. об обмене города и жупы князя Воислава на город и жупу чельника Мусы, которая показывает превращение «державы» из держания во владение самостоятельного или полузависимого правителя. Е. П. Наумов отмечает для второй половины XIV в. увеличение числа проний за счет конфискаций баштин неверных или ненадежных феодалов; вместе с тем проявляется тенденция превращения условного держания-пронии в наследственное или в обычную баштину (показателен приведенный автором пример создания вотчин властеля Радича); имеют продолжение и секуляризационные тенденции.

Несомненен вывод автора о сложности и противоречивости процесса развития феодальной собственности и связанных с ним изменений в положении и составе господствующего класса. Правильно и его обобщение относительно сложности и противоречивости развития аграрных отношений в Сербии, представляемых иногда в историографии в упрощенном виде. Изменения в политическом строе, в положении господствующего класса исследуются автором в сочетании с анализом появ-

лявшихся в то время политических теорий (по житиям, грамотам и другим источникам). Например, в книге показано выполнение определенного социального «заказа» монахом Феодосием, создавшим не ранее конца XIII в. житие св. Саввы, первого сербского архиепископа (1219—1233). Житие, написанное Феодосием, по своей политической направленности резко отличалось от других житий св. Саввы.

Е. П. Наумовым проделан вдумчивый, интересный анализ сербской агнографической литературы. Авторы житий, ранее упрекаемые историками за излишнюю риторичность и сухость, «заговорили», причем не только как простые свидетели, но и как активные участники политической борьбы, порой весьма напряженной и острой. Более широко использованы в работе и сербские грамоты как документы феодальной идеологии.

Е. П. Наумов, рассматривая сепаратистские тенденции феодалов, закономерно уделил большое внимание Хуму и Зете (Дукле). Для восстановления сложной, противоречивой истории политического развития Сербского государства в конце XIII—середине XIV в., для представления о внутреннем устройстве сербских удельных княжеств интересным и важным является установленный им факт созыва удельных властельских соборов, существование которых свидетельствует о степени феодальной раздробленности (с. 249—254).

В качестве одного из важных факторов политической истории Сербии Е. П. Наумов исследует города, причем в отличие от его предшественников не только приморские, но и континентальные: Брсково, Призрен, Ново Брдо. Справедливо отмечено правление Милутина (1282—1321) как время, когда горожане становятся одной из опор королевской власти в ее борьбе за централизацию страны. Своим современникам за рубежом, например в Италии, имевшей экономические и культурные связи с Сербским государством, король Милутин представлялся правителем, оказывавшим поддержку своим городам. Эти представления иностранцев о Милутине были предметом изучения в одной из статей Е. П. Наумова¹ и можно лишь сожалеть, что отдельные положения этой статьи не вошли в рецензируемую монографию.

Обычно Сербское государство рассматривали в основном в его взаимоотношениях с Византийской империей; только в последние годы появились работы, в которых анализируется политика балканских государств в более широком аспекте. В монографии Е. П. Наумова рассмотрены политические связи Сербии с Венгрией, Дубровницкой республикой и другими государствами.

Монография Е. П. Наумова, являясь новым этапом в изучении средневековой Сербии, в разрешении спорных или неисследованных проблем ее истории, ставит перед историками и новые задачи исследования. Автором монографии проанализированы политические теории, возникавшие в ходе долгой, сложной борьбы за укрепление Сербского государства, показано участие православной церкви в формировании феодальной идеологии. Разумеется, в сербских землях роль церкви католической не была столь значительна, но и ее определение, особенно в Приморье, требует внимания историков.

Детально прослежена Е. П. Наумовым борьба Рашки с Дуклей, закончившаяся поражением последней; в известной мере продолжением этой борьбы явились сепаратистские тенденции, сохранившиеся в Зете (Дукле). Известно, что города Зеты — Бар, Улцинь — были резиденциями правителей временных уделов. Позицию, которую занимало городское население в этой борьбе, предстоит еще выяснить.

Книга Е. П. Наумова посвящена исследованию динамики феодального хозяйства и общества в Сербии и это делает возможным сравнение уровня и тенденции ее развития с развитием других балканских государств и государств средневековой феодальной Европы, способствует выяснению общих проблем типологии феодализма на Балканах.

Л. А. Шаферова

¹ Наумов Е. П. Завистник венецейского чекана. — В кн.: Дантовские чтения. М., 1973.

Несколько новых сборников в серии Variorum Reprints

Мы отмечали уже выход первых сборников статей известных византинистов в лондонской серии Variorum Reprints¹ и останавливались на внешней характеристике этого издания. Появление первых сборников позволяло констатировать значение новой серии: сгруппированные вместе работы того или иного ученого не только облегчали доступ к его разпыленным публикациям, что имело бы чисто утилитарное значение, но и позволяли отчетливее представить его концепцию. Недаром в новых томах мы встретим и статьи, увидевшие свет в широко распространенной периодике типа BZ или BS, и фрагменты из книг (например, в сборнике Г. Хунгера — № X и XXV), даже книги целиком (Д. Закифинос, № X). Теперь, когда томов стало больше, обнаруживается, что значение серии еще более широко: группируя сборники по тематике, можно дать отчет о тех новых тенденциях, которые пробивают себе дорогу в современном зарубежном византиноведении. В кратком обзоре я остановлюсь на двух широких проблемах — византийская литература и социально-экономическое развитие Византии.

I

R. J. H. Jenkins. *Studies on Byzantine History of the 9th and 10th centuries.* London, 1970, 388 p.;

H. Hunger. *Byzantinische Grundlagenforschung.* London, 1973, 468 S.;

A. Garzua. *Storia e interpretazione di testi bizantini.* London, 1974, 476 p.;

F. Halkin. *Martyrs Grecs. IIe—VIIIe s.* London, 1974, 324 p.

Всем четырем сборникам присуще одно общее свойство, отраженное в названии книги Г. Хунгера: все четыре автора обращаются не только к источникам, но и к самым истокам византиноведческих знаний, прежде всего к рукописям литературных текстов, но также к документам (в том числе папирусам) и печатям. Ф. Алькэн, А. Гарсиа, Р. Дженкинз и Г. Хунгер ввели в свое время в науку много нового материала, переиздаваемого в рецензируемых сборниках.

Для нашего читателя, к примеру, весьма интересен опубликованный Хунгером (VIII, 375 и сл.) питатакий Иоанна V Палеолога (1341—1391), адресованный (видимо, в 70-е или 80-е годы) митрополиту Трапезунда и «эксарху всея Лазики» по поводу афонской Лавры, в котором упоминаются щедрые дары, полученные лаврскими монахами от сербов, болгар, ивиров, русских, франков и других иноземцев. И все-таки мне кажется, что значение таких сборников заключается не в воспроизведении публикаций источников — поневоле случайных, разнородных и отрывочных, которые при репринте желательно было бы видеть объединенными по содержанию, а не по авторству издателя: в самом деле, мы можем восхищаться широтой интересов Хунгера, кодиколога (№ I—II), папиролога (№ III—V), издателя актов (№ VI—IX) и печатей (№ XII), но нельзя не признать, что десять изданных Хунгером печатей должны затеряться среди его статей на иные темы и что куда резоннее было бы видеть эту статью в специальном сборнике сигиллографических работ. И даже публикации Алькэна, объединенные гораздо более узкой темой — византийские «мученичества», дают *исчерпывающее* представление отнюдь не об этом литературном жанре, но только об издательском методе патриарха современной греческой агиологии. Повторю еще раз, что для меня значение этих сборников, если отвлечься от их узкоутилитарного назначения, — в возможности уловить концепцию авторов.

Проблема византийской литературы, как она стоит в настоящее время, неразрывно связана с оценкой роли античного наследия. Эта проблема естественным образом оказывается в центре внимания Хунгера. Если византийцы после VI в. сравнительно редко обращались к античному мифо-историческому материалу (XV, 19), они тем не менее сохранили стилистические принципы античности и

¹ См.: ВВ, 36, 1974, с. 204—206.

интенсивно подражали классическим авторам: мифологические образы и мотивы перешлетались с библейскими (XV, 23; XVI, 64), цитаты из Гомера, Аристофана и других древних писателей сочетались с сохранением атических образов фонетики, морфологии и стилистики (XV, 29—31). Проследивая развитие темы филантропии — от Эсхила до Феодора Метохита, Хунгер подчеркивает, что «византийское тысячелетие» верно хранило и множило античные традиции (XIII, 20). И Цец, по мысли Хунгера (XIV, 52), используя три традиционных типа аллегорического толкования мифа, выступал хранителем наследия древних. В литературе и живописи палеологовского времени он в первую очередь выделяет «сознательное восприятие отдельных античных эллинических элементов» (XX, 154).

Конечно, не приходится отрицать наличие сильной античной литературной традиции в Византии. В этом отношении весьма показательны наблюдения Алькэна над текстами «мученичеств» — памятников, фактическую скудость и стереотипность которых он сам неоднократно фиксирует. Даже эти «наставительные истории», до абсурдности героизирующие подвиги христианских мучеников, обрушивающиеся с гневными инвективами на языческий мир, даже они не свободны от античных воздействий: некоторые герои греческих легенд оказываются сколками с мифологического Орфея (I, 249 и сл.); надо думать, что у св. Феодора Тирона, убивающего дракона на глазах принцессы Евсевии (IX, 318), тоже был мифологический прототип; в стиле иных «мученичеств» отчетливо проступают классические реминисценции (IV, 300 и сл.). Проблема, однако, сложнее простой констатации *наличия* традиций — следует решить, была ли византийская литература только попури на классические темы или она черпала побудительные импульсы также (и может быть, прежде всего) из какой-то иной сферы?

Прежде всего, не следует представлять себе усвоения античных традиций византийской литературой в виде утомительно ровной долины без нарушающих ее однообразие холмов и оврагов. Вернемся снова к уже отмеченному наблюдению Хунгера (XV, 19): после VI в. византийские писатели избегают прямо использовать мифологические сюжеты. Хунгер отмечает исключения — это возникшие в XII в. сочинения Иоанна Цеца. Можно было бы добавить (см.: Гарсия, XVI, 70—74; XVII, 477—479), что другие авторы XII в., как, например, Василиаки, перерабатывали античные мифы. Возникает вопрос, было ли обращение к мифологическому содержанию в то время случайностью или оно совпадает с другими феноменами, которые дают нам право говорить о *нарастании* интереса к античным традициям именно в XII столетии. Хунгер трактует Феодора Метохита как византийского предтечу гуманизма (XXI, 19) — и опять-таки следует задуматься, являются ли отмеченные им черты Метохита (энциклопедичность, возрождение интереса к астрономии, имитация Плутарха, любовь к книге, гармоничное соединение научных занятий с практической деятельностью, высокое представление о собственной личности) индивидуальной особенностью этого ученого, политика, писателя и покровителя искусств или они свойственны его времени.

Внедрение фактора времени, своего рода временной координаты — настоятельная потребность истории византийской литературы. Это может оказаться плодотворным даже при изучении «мученичеств», если подходить к этим памятникам не с позиций исторического или псевдоисторического факта (легенда о святом), но с точки зрения авторства. Алькэн затрагивает двух писателей X в. — Никиту Пафлагонца и Никифора Урана: первый был предшественником Симеона Метафраста (VIII, 174), второй — другом Симеона (IX, 309). Симеоновская «кодификация житий» стояла в тесной связи с деятельностью других агиографов и отвечала каким-то потребностям эпохи, вообще отличавшейся тягой к систематизации и упорядочиванию накопленного фонда сведений. И, может быть, «систематизация» окажется более существенной характеристикой византийского X века, нежели бессодержательная этикетка «македонский ренессанс», которая нередко к нему прилагается.

Что же, однако, определяло эволюцию форм византийской литературы, если таковую действительно можно констатировать? Р. Дженкинз, один из лучших знатоков византийской истории рубежа IX—X вв., признает, что в это время искусство и литература Византийской империи переживали переходный период от чисто средневекового, «феофановского» изображения людей как аллегорий добра и зла

к гуманистическому, «пселловскому» портретированию индивидуального человека с его светлыми и темными чертами (IV, 14 и сл.). Он констатирует нарастание интереса к человеческой фигуре в живописи X в. и переход от анналистики (интересные данные о ее существовании на рубеже IX—X вв. см. III, 96, 112) к повествованию по «царствам», когда в центре рассказа оказывается характеристика правителя. Этот интерес к человеку, возрождающийся с конца IX в., Дженкинз объясняет исключительно прямым воздействием античных образов, прежде всего Плутарха. От Плутарха зависит и образ Михаила III, созданный в «Жизнеописании Василия» (I, 73) по образцу Плутарховых Антония и Нерона, и образ его антипода Василия I, восходящий, по Дженкинзу (IV, 24), к не дошедшей до нас энциклопедической биографии Августа. Но были ли какие-то жизненные, социальные обстоятельства, породившие возрождение интереса к человеческой личности, наметившееся на рубеже IX—X вв. и достигающее зенита под пером Пселла и писателей XII вв.? Такой вопрос Дженкинзом не поставлен.

По существу, его ставит Хунгер, хотя и с большой осторожностью. Рассматривая литературу XII в., Хунгер выступает против ходячих обвинений ее в «классицистической оторванности от жизни» (XVI, 72); он отмечает отражение византийской реальной жизни и в позднем романе — в «Бельтандре и Хрисанце» (XVII, 158) и особенно в «Каллимахе и Хрисорое» (XIX, 422). Этот тезис может показаться противоречащим его собственным настоятельным утверждениям о господстве античных традиций, но Хунгер стремится выйти из противоречия, констатируя «антиномно последовательной подражательности в целом и щедрого своеобразия деталей» (XV, 33) — мне, впрочем, кажется, что слово «антиномия» только намечает проблему, еще не решая ее.

Для постановки и решения этой кардинальной проблемы очень важное значение имеют работы А. Гарсии, которые до сих пор не были должным образом оценены — отчасти в силу нетрадиционности хода его мыслей, отчасти же благодаря разорванности его интересов: Синесий на рубеже IV и V в. (№ II, XXI—XXVIII), Михаил Пселл в XI в. (№ V—VI), Никифор Василяки в начале XII в. (№ VIII—XII, XVI—XVII), Григорий Кипрский в конце XIII в. (№ XIII) и т. п. Теперь, когда основные работы Гарсии сведены вместе, его концепция предстает яснее, чем прежде.

Суть воззрений Гарсии может быть сформулирована следующим образом: хотя восходящие к античности представления и проблемы продолжали обсуждаться в византийском обществе, это обсуждение не было только данью традиции и соответственно признаком окостенения и духовного оскудения, но отвечало насущным социально-экономическим и культурным задачам. Так, во времена Синесия чрезвычайно остро стояли вопросы образования, причем дискутировались те же темы, что и в древности: соотношение общего «гуманитарного» воспитания, *παιδεία* и специальной подготовки (I, 306 и сл.; III, 4); противоположность философии и риторики (I, 310 и сл.; II, 7 и сл.); понимание задачи воспитания как морального совершенствования или как углубления интеллекта (I, 316 и сл.; II, 11 и сл.). Однако в условиях IV столетия, когда произошла «демократизация культуры» (I, 305), когда социальная природа господствующего класса изменилась, приведя к обострению противоречий между сенаторской аристократией и «открытой» социальной группой чиновничества (I, 306), когда, наконец, распространилось христианство с его аскетическими идеалами, защита Синесием и его единомышленниками гуманитарной «пайдеи» против технизации знаний, широкого, свободного мировоззрения — против псевдофилософии и формального ораторского красноречия, наконец, интеллектуальной жизни — против жизненного идеала египетских монахов — все это было актуально, все это порождалось жизненными потребностями.

И в XII в. споры о двух грамматиках и двух схедаграфиях (VII, 3—6; VIII, 619) явились не пустой риторической болтовней, но отражали «феномен распространения культуры вширь» и противоречие между аристократической *τέχνη* и более доступной «первой грамматикой», или «первой схедаграфией». Литературная полемика затронула и другие сферы. Среди деятелей византийской культуры XII в. Гарсия особо выделяет Михаила Италика — своеобразного мыслителя, выступившего с критикой деконкретизирующих приемов традиционной риторики (VII, 6—10),

универсально образованного защитника философии, стремившегося к активной деятельности (VII, 13 и сл.), — настоящего предшественника Феодора Метохита (см. о нем выше).

Наконец, говоря о расцвете византийской филологии в начале XIV в., Гарсиа ищет корни этого явления опять-таки в «интеллектуальной и социальной жизни Византии той эпохи» (XIV, 84). Правда, в этом случае важный тезис оказывается скорее абстрактной прокламацией, нежели итогом конкретного анализа. И все же Гарсиа прав в своих поисках социально-исторических основ византийской культуры, в своей критике эрудитства, обладающего великолепной исследовательской техникой, но творчески бесплодного и не обогащающего историю культуры (VII, 1). Над этой горькой истиной, видимо, следует задуматься всем историкам византийской цивилизации. Никакие самые совершенные издания, никакие тончайшие комментарии, никакие классификации жанров, никакие раскрытия филиации образов — от Гомера и Эсхила до Михаила Италика и Феодора Метохита — не заменят историю византийской литературы и — шире — культуры как выражения живой активности общества, идеи и идеалы которого менялись, но, по-видимому, более интенсивно, нежели облачавшая их словесная ткань.

II

D. Zakythinos. *Byzance: Etat — Société — Economie*. London, 1973, 424 p.

D. Jacoby. *Société et démographie à Byzance et en Romanie latine*. London, 1975, 372 p.

Собранные в обеих книгах статьи заметно различаются своим характером. Работы Д. Якоби, если отвлечься от первой из них, посвященной численности населения Константинополя², довольно четко ограничены временными рамками XIV столетия; в центре внимания автора — взаимоотношения греческого населения с латинянами в социально-политической, финансовой, административной и культурной сферах; частные наблюдения опираются на детальный источниковедческий анализ, сопровождающийся подчас публикацией латинских документов (II, 221—227; V, 103). Статьи же Д. Закифиноса, кроме работ о монетном кризисе XIII—XV вв. (№ XI) и о феме Кефалиния (№ VIII), — это опыты генерализирующей характеристики Византии и таких коренных явлений ее жизни, как византийский город (VII, 75—90) или процесс феодализации (XIII, 1—16). Если общая концепция Закифиноса выражена в предельно обнаженной форме, то взгляды Якоби предстают перед нами в строительных лесах аргументации, которая кажется исследователю более существенной, чем самое здание, или, во всяком случае, заслоняет его. И все же концепция в его книге наличествует, отличаясь довольно большой определенностью.

В двух словах концепция Якоби может быть сформулирована следующим образом: феодализм — феномен специфически западноевропейский, и Византия до 1204 г. не знала ни условного землевладения, ни вассалитета (VI, 439—445); только в результате контакта с латинским миром в Морее (именно эта область является предметом пристального внимания Якоби) происходит внедрение феодальных институтов в греческую среду, хотя окончательного слияния «архонтов» с морейским рыцарством не произошло (VI, 473—477). И если во франкской Морее греки — привилегированные архонты и несвободные вилланы — составили в XIV в. наследственные, юридически строго определенные классы (VI, 468), то в византийских владениях в Македонии палеологовского времени парики обладали мобильностью и на законном основании могли покидать земли своих господ (III, 184 и сл.).

Конечно, различие между западноевропейским миром и Византией существовало, но было ли оно столь значительным, как это представляется Якоби? Якоби с полным основанием отмечает неадекватность западных понятий и описываемой ими византийской реальности (VI, 439), но можем ли мы быть уверены, что отсутствие в византийской терминологии особых слов для обозначения омажа и вас-

² См. о ней: ВИ, 1962, № 5, с. 191 сл.

сальных связей (VI, 476) не проистекает из аналогичной неадекватности сложившихся в действительности отношений и понятий римского права, которым продолжали оперировать византийские юристы? Не выражали ли византийские правоведы и нотариусы с помощью традиционных формул *новые* отношения, как и византийские литераторы в своих внешне антикизирующих сочинениях?

Якоби придает очень большое значение различию форм наследования у морейских рыцарей и греческих архонтов: последние не знали ни первородства, ни нераздельности лена, но делили собственность поровну между наследниками обоого пола (VI, 452—457). Однако он заблуждается, видя в эгалитарном разделе отрицание феодальной природы собственности: как известно, эгалитарная система наследования существовала не только в Византии, но и в таких областях, как Нормандия и Фландрия, и, следовательно, она вполне вписывается в феодальный порядок.

Срастание греческой аристократии архонтов с морейским рыцарством, которое так убедительно прослежено Якоби, возможность совместной эксплуатации вилланов в греко-франкской ко-сеньории в форме так называемой *casaux de raçon* (VIII, 111—125), появление таких фигур, как Иоанн Ласкарь Калофер, греков, представших в латинское общество (№ IX—X), — все это, на мой взгляд, свидетельствует об отсутствии принципиальной противоположности между западной и византийской знатью. Византийцы знали и вотчинную юрисдикцию, и систему феодальных институтов, и наследственную аристократию, хотя и в своеобразных, отличных от Запада формах.

Статьи Закифиноса как раз и свидетельствуют, что Византия была много ближе к Западу, чем это подчас представляют. Правда, процесс феодализации он рассматривает преимущественно на материале истории XIV—XV вв., хотя — в отличие от Якоби — на территории собственно византийской, а не на завоеванной франками. Но уже в XII в., накануне IV крестового похода, Закифинос констатирует в Византии черты «феодальной раздробленности» (XIII, 3 и сл.). Только до XI в., полагает Закифинос (X, 142 и сл.), Византия сохраняла античные «системы и методы» в сфере социально-экономической жизни, после чего «узкие рамки позднеимперского этагизма» сделали препятствием для ее дальнейшего развития. Он понимает феодализм не только как «ослабление и раздробление власти», но и как тенденцию к «натурально-хозяйственной экономике» (XIII, 16) — такой подход совершенно чужд Якоби, а эта тенденция обнаруживает себя не только и даже не столько в XIV—XV вв. Если в книге 1948 г. Закифинос писал о «маразме греческих городов» в палеологовский период (XI, 146), то в докладе 1971 г. он утверждает, что в это время «городское общество переживает новый подъем» (XII, 10). Такая переоценка роли поздневизантийского города связана с новой идеей Закифиноса — с его концепцией «цезуры» VII—IX вв.

Подобно тому как исследователь подчеркивает наличие в Византии антиномии между централизацией и раздробленностью (XII, 8; XIII, 3), он констатирует и противоречие континуитета и прерывистости в ее развитии (вспомним в связи с этим отмеченную Хунгером антиномию традиционности и своеобразия в византийской литературе — см. выше). С одной стороны, Византия — наследница богатых традиций, не только римских, как подчеркивала историография века Просвещения, но и эллинских или эллинистических (I, 45; II, 668; III, 372), а с другой — этот континуитет не был однообразно-непрерывным. С середины VII по середину IX в. Византия переживает период «всеобщего упадка общественной жизни» (IV, 13). На это время приходится «прогрессирующая дезурбанизация города» (VII, 83), резкое сокращение обращения монеты (V, 311), и натурально-хозяйственная экономика определяет лицо нового общества (V, 320). Начало подлинного возрождения города Закифинос относит уже ко второй половине X в. (VII, 86).

О социальной структуре византийского общества «темных веков» мы знаем мало. По мнению Закифиноса, тогда, как и в последующие столетия, господствовала земельная аристократия (IV, 20). Тезис этот весьма спорен, и в последнее время противоположную концепцию отстаивала даже ученица Закифиноса Э. Арвайлер³. Важно, однако, не наличие в книге Закифиноса тех или иных спорных

³ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975, p. 25—27.

или сомнительных положений (такова, к примеру, его полемика против тезиса о «славянизации Греции» в VII в. — V, 314—316), а его стремление понять Византию в противоречивости форм ее бытия: в самом деле, Византии были свойственны централизация и частная, сеньориальная власть, автократия и элементы феодальных институтов, континуитет греко-римских традиций и относительный перерыв континуитета в «темные века». Эта мысль Закифиноса как бы возвращает нас к проблеме, обсуждавшейся в 1-й части нашего обзора, и проливает свет на судьбы античного литературного наследия в Византии: поскольку империя была живым, изменяющимся организмом, не могло не меняться и отношение к античной литературе; это изменение определялось в конечном счете жизненными потребностями и задачами.

А. К.

III

J. Meyendorff. Byzantine Hesychasm: historical, theological and social problems. Collected Studies. London, 1974, 292 p.

Книга включает 16 статей, опубликованных автором на протяжении 19 лет (1953—1974). Переиздание снабжено специально для него написанным авторским предисловием. Обсуждение связанных с исихазмом проблем, отмечает Дж. Мейендорф, идет сейчас в науке интенсивно и носит междисциплинарный характер; это может привести к важным открытиям при условии, однако, если будет достигнута договоренность относительно методологии и смысла терминов.

Исихастские споры XIV в. Мейендорф рассматривает как очередной эпизод в начавшейся в Византии еще в IX в. долгой борьбе между сторонниками и противниками «внешней» мудрости. Осуждение в XI в. Иоанна Итала и внесение в Синодик анафемы всем тем, кто почитает лжемудрость философов, сделало, по мнению автора, невозможным в Византии новый синтез античного наследия с христианством, какой был осуществлен на Западе в XII—XIII вв. после «открытия» Аристотеля и неоплатонизма, с расцветом схоластики. Восточная церковь сохранила верность первому синтезу, осуществленному «отцами» IV в. В итоге наследие античной Греции стало цениться на Западе выше, чем в самой Византии.

С вопроса о том, могут ли богословы применять методы античных философов, началось расхождение Варлаама Калабрийского и Григория Паламы, постепенно переросшее в конфликт гуманистического по своему характеру богословского агностицизма с христоцентрическим мистическим реализмом. Сочетая логические принципы Аристотеля с апофатическим методом Дионисия Ареопагита, Варлаам отвергал всякую возможность безотносительных «аподиктических» суждений в богословии, допуская лишь относительные «диалектические», базирующиеся на изучении тварного бытия. Последователем западной схоластики, как показывает Мейендорф, он при этом не был.

Согласно Паламе, богослов может опираться только на реальный (церковный и личный) опыт богообщения, а никак не на условные постулаты. Мейендорф опровергает утверждение некоторых ученых, что Палама говорил о «божестве» или «божественности» во множественном числе — как о божественности высшей (*θεότης ὑπερκαρμένη*) и низшей (*θεότης ὑφαρμένη*). Это утверждение основывалось на неверном прочтении слов Паламы, поскольку цитата была взята не прямо из неизданного тогда письма Паламы, а из далекого от беспристрастности антипаламитского памфлета, современного спорам.

Драму Григория Акиндина, главного противника Паламы в период 1342—1347 гг., Мейендорф видит в том, что тот понимал верность православию как простое повторение патристических формулировок, исключаящее какой бы то ни было органический синтез их содержания. По сути дела Акиндин уклонился в спорах сразу в две противоположные стороны: монофиситства и несторианства. Если бы тенденция к символическому истолкованию евхаристии нашла широкий отклик, она могла бы, считает автор, доставить доктринальные элементы восточной Реформации. В паламизме же Мейендорф видит аналог будущей западной контрреформации: его торжество в Византии своевременно предотвратило назревавший в православной церкви внутренний кризис и возможный раскол.

До какого-то момента, замечает Мейендорф, спор Варлаама и Паламы можно рассматривать как конфликт двух экзегетов сочинений Дионисия Ареопагита. Автору кажется, что Паламе пришлось проделать большой труд, приспособлявая мысли Дионисия к своим, нежели Варлааму. С этим трудно согласиться. Особенностью мысли Дионисия, обеспечившей его произведением столь долгий успех, является поразительная по внутреннему напряжению антиномичность — напряженное равновесие между «положительным» и «отрицательным» методами. Кто же ближе к Дионисию в этом основном его качестве — Варлаам или Палама? Несомненно, Палама: именно ему с помощью понятия «божественной энергии» удается примирить трансцендентность божества с его имманентностью. А Варлаам к этому, кажется, и не стремится, ему близка одна сторона Дионисиевой мысли — апофатическая, у него «коромысло» выходит из равновесия. Трудно также согласиться с мнением Мейендорфа, что свойственное Паламе представление о благодати включает Дионисиево представление об иерархическом размещении форм бытия. Здесь, мне кажется, автор сам выводит «коромысло» из равновесия — на этот раз в сторону, противоположную той, куда склонял его Варлаам.

Касаясь сочинений Псевдо-Макария, имевших почти такое же большое распространение, как сочинения Дионисия Ареопагита, Мейендорф опровергает появившийся в науке взгляд на них как на мессалианские. Ранее монашество, пишет он, подвергалось двум искушениям: мессалианства и платонического спиритуализма. Резко расходясь в понимании человека (наивный материализм, с одной стороны, и интеллектуальный спиритуализм — с другой), эти два направления сходились в том, что оба предполагали антисоциальный индивидуализм, отвержение церкви как института отправления таинств и бегство от ответственности за видимый мир. Столкнувшись с этими двумя искушениями, каппадокийские отцы начали долгий процесс интеграции христианской духовности. «Макарий» тоже был одним из зачинателей этого процесса. Истинная цель его сочинений — обеспечить монашеское движение альтернативой мессалианству.

В завершающей сборник статье Мейендорф прослеживает путь, которым в христианской традиции шло истолкование софиологических текстов: идея Премудрости, поглотив «премудрость» греческой философии и Ветхого завета, стала служить для обозначения воплощенного Слова, а затем также и динамического образа воплощения (сотворение плоти-материи вообще, воплощение в Деве, воплощение в церкви). Григорий Палама и патриарх Филофей говорили в XIV в. о Премудрости и как об ипостаси воплощенного Слова, и как об энергии, общей всем трем божественным ипостасям, орудии создания мира, продолжающей действовать в членах церкви.

Вернемся теперь к поставленному в предисловии вопросу: что такое исихазм. Мейендорф отмечает четыре существующих в специальной литературе толкования этого термина: отшельническое подвижничество с применением «чистой молитвы», известное с IV—VI вв.; психосоматический метод молитвы, обсуждавшийся в XIV в.; «паламизм», т. е. разработанная Паламой теория «божественной энергии»; «политический исихазм» — культурно-политическая идеология, распространившаяся в XIV в. из Византии в ряде стран Восточной Европы. Смысл решения терминологической проблемы самим Мейендорфом таков: отмеченные четыре толкования термина не идентичны, но и не противоречат друг другу — разных людей, о которых при этом может идти речь, объединяло общее представление о человеке и его духовной жизни, удерживавшее их от самоопределения в терминах их эллинского наследия и от компромиссов в религиозных вопросах с целью получения помощи Запада против турок. Все они имели одну культурно-общественную и религиозную ориентацию⁴.

Нетрудно заметить, что автор смотрит более внутрь, чем на историческую поверхность феномена исихазма. Но его метод в целом позволяет преодолеть разрыв между статичной и неизменной сущностью явления и «посторонними» эфемерными обстоятельствами его существования.

Г. П.

⁴ Более подробно эта мысль развита нами в статье «О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в.» — ТОДРЛ, т. XXIX, 1974, с. 291—305.

О построении истории византийской цивилизации: от И. Г. Краузе к А. Гийу

По случайному стечению обстоятельств Центральный антиквариат ГДР выпустил фотомеханическое воспроизведение «Средневековых византийцев» И. Г. Краузе¹ в тот же год, когда в серии «Великие цивилизации» появилась «Византийская цивилизация» А. Гийу². Первая книга по византийской культуре, увидевшая впервые свет более ста лет назад, вновь появилась одновременно с наиболее современной книгой о культуре Византийской империи, наиболее современной не только по дате выхода, но и по своей структуре, по использованию опыта, накопленного историками западноевропейской средневековой цивилизации. Так сама судьба этих изданий, их временное совпадение подталкивают нас к вопросу о том, как далеко ушла наша дисциплина за столетие между первым опытом характеристики византийской культуры и, я бы позволил себе сказать, первым на Западе опытом³ представить византийскую цивилизацию в соответствии с современными стандартами медиевистической культурологии.

Разумеется, монография Краузе была основана на очень ограниченном круге источников: достаточно сказать, что он писал о византийском ремесле, еще не располагая «Книгой энарха», а о налоговой системе — не ведая о податных трактатах Эшбернера и Караяннопулоса (на с. 276 он специально оговаривает отсутствие таких трактатов). Знание памятников византийского искусства было к 1869 г. совершенно мизерным, а при характеристике византийской администрации Краузе громоздит одну ошибку на другую⁴. Но мне кажется, что сейчас не надо высокомерно или снисходительно отмечать недочеты книги столетней давности, скорее следует удивляться, как вообще автор мог в ту пору создать целостный рассказ о византийской жизни, опираясь почти исключительно на нарративные источники и заполняя лакуны в своих знаниях с помощью общих соображений и интуиции⁵.

Книга Краузе удивительна еще и тем, что в эпоху, когда негативное отношение к Византии было нормой и модой, он попытался реабилитировать империю. Подчас эта реабилитация наивна и строится на неоправданном противопоставлении Византии и «испорченной» современности: в Византии пролетариат еще не добился столь угрожающих успехов, и рабочие ассоциации Лассаля казались бы там глупыми и невероятными (с. VIII); современный обычай регулярно проводить время в ресторане был византийцам, как и римлянам, неизвестен (с. 84 и сл.). Но когда Краузе подчеркивает экономическую активность обитателей империи (с. 73, 278, 284), хорошую обеспеченность столицы продовольствием (с. 87), ограниченность императорской власти (с. 93), заботу государей о престарелых и бедных (с. 110), превосходство византийского вооружения (с. 134), высокий уровень образованности (с. 293, 305 и сл.), он вступает на путь, по которому пошла значительная часть византинистики конца прошлого и начала этого века с ее идеализацией византийского централизованного государства. При этом Краузе не закрывает глаза и на пороки империи: на возможность карьеры ловкого, но бездарного чиновника (с. 207 и сл.), на конфискации частной собственности (с. 281), на парази-

¹ Krause J. H. Die Byzantiner des Mittelalters in ihrem Staats-, Hof- und Privatleben insbesondere vom Ende des zehnten bis gegen Ende des vierzehnten Jahrhunderts nach den byzantinischen Quellen. Halle, 1869 (Leipzig, 1974).

² Guillou A. La civilisation byzantine. — In: Collection des Grandes Civilisations dirigée par R. Bloch. Arthaud, Paris, 1974.

³ К сожалению, мне остались недоступными две новые книги: Bon A. The Ancient Civilization of Byzantium. London, 1972; Arnott P. D. The Byzantines and their World. London, 1973.

⁴ Так, титул деспота Краузе (с. 210) считает следующим после кесаря и обнаруживает его еще до Алексея I; титул проэдра соответствовал, по его мнению, понятию «сенатор» (с. 228), великий логофет — это титул полководца (с. 254), а в великом доместике он видит ранг, близкий к кесарю (с. 215). Приводя отрывок из «Книги церемоний» Константина VII, Краузе замечает, что комментарий к нему и труден, и излишен (с. 239).

⁵ Вот характерный пример таких общих соображений: общественные сооружения, дворцы императоров и частных лиц были щедро украшены произведениями искусства и особенно мелкой пластикой, терракотами, бронзой, мраморными статуэтками, рельефами, «о которых до нас не дошли никакие известия» (с. 44). В современной книге, пожалуй, такое рассуждение было бы невозможным.

ческий характер монашества (с. 75), но они отступают в его изображении перед картиной общего хозяйственного благополучия и правовой устойчивости.

Несмотря на эту идеализацию, книга Краузе трезва. Основной предмет его внимания — сфера материальной жизни. После описания Константинополя с его дворцами и храмами (с. 15—47) следует характеристика различных ремесел и искусств: изготовления мозаик (с. 48—50), сосудов (с. 50—52), предметов культа (с. 53 и сл.), ювелирных изделий из слоновой кости (с. 55 и сл.; 68—72), автоматов, часов, музыкальных инструментов, военных механизмов (с. 56—58), а также ткачества (с. 58—61), живописи (с. 61—65) и монетной чеканки (с. 66—68). Соответствующего описания сельскохозяйственной деятельности византийцев у Краузе нет. За ремеслом естественно следует характеристика быта и нравов городского, прежде всего константинопольского, населения — его социального состава (с. 72—76), его динамичности (с. 76—82), его одежды (с. 83 и сл.) и развлечений (с. 84—89), наконец положения женщины (с. 89—93). Только после этого Краузе переходит к большому разделу об императорах и придворной жизни (с. 93—206), к администрации, войску, дипломатии и финансам (с. 206—286), завершая книгу рассказом об образовании (с. 286—308) церкви и монастырях (с. 308—379) и, наконец, об астрологии и магии (с. 380—405). Такая структура придает книге определенное единство: автор как бы восходит от материальных форм существования общества через его административное устройство к внешним формам духовной жизни. Я подчеркиваю здесь слово «внешние», поскольку Краузе не ставит вопроса о специфике сознания, мышления людей средневековья: его византийцы действуют по тем же законам логики, что и римляне или люди нового времени.

После выхода в свет «Византийцев» Краузе приток нового разностороннего материала невиданно обогатил византиноведение. Колоссальную роль в этом обогащении сыграла «этнологическая» деятельность Ф. Кукулеса, собравшего данные письменных источников относительно разных сторон византийского быта⁶. Но накопление материала на первых порах привело к утрате единства структуры: начиная от книги С. Рансимена⁷ вплоть до второй части коллективного тома «Византийская империя» в «Кембриджской средневековой истории»⁸ общие работы по византийской цивилизации строятся как суммы независимых отделов, освещающих разрозненные стороны социальной структуры и духовной жизни империи. Кембриджская история, в частности, складывается из следующих глав, написанных разными авторами и не связанных никакой общей идеей: Администрация, Право, Социальная жизнь, Церковь, Музыка и литургия, Монашество, Богословие, Литература, Наука, Архитектура и искусство, Место Византии в средневековом мире.

Первой попыткой восстановить целостное восприятие византийской культуры явилась книга Г. Хунгера «Империя с новым центром»⁹, однако в отличие от «Византийцев» Краузе она была написана с последовательно идеалистических позиций: материальные условия жизни общества не нашли себе места на страницах «Империи» Хунгера, а главной связующей идеей книги стал процесс христианизации византийского быта, политической структуры и мироощущения.

Чтобы оценить значение книги Гийу, необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство — неопределенность понятия византийской культуры, наличие тенденции смешивать историю цивилизации Византии с политической и церковной историей. Возьмем для примера одну из новых работ по византийской культуре — роскошное издание К. Весселя, выпущенное в авторитетной серии «Пособие по истории культуры»¹⁰. В разделе «Господство знати», охватывающем время от се-

⁶ Koukoules Ph. Vie et civilisation byzantines, vol. I—VI. Athènes, 1948—1957. За ней последовали более суммированные очерки византийского быта: Talbot Rice T. Everyday Life in Byzantium. London, 1967; Walter G. La vie quotidienne à Byzance au siècle des Comnènes (1081—1180). Paris, 1966.

⁷ Hunciman St. Byzantine Civilization. London, 1933 (изд. 3 — London, 1948). Переведено на ряд языков.

⁸ The Cambridge Medieval History, IV: The Byzantine Empire, pt. 2. Government, Church and Civilization. Cambridge, 1967.

⁹ Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz—Wien—Köln, 1965.

¹⁰ Wessel K. Die Kultur von Byzanz (Handbuch der Kulturgeschichte, hrsg. von Eu. Thurner). Frankfurt a. M., 1970.

редины XI в. до 1204 г., политическая история занимает 13 страниц, церковная — 12, что вместе составляет 25 из 75, т. е. треть объема; в предшествующем разделе «Расцвет Византийской империи» их место еще больше — соответственно 15 и 10 страниц, т. е. 25 из 67. Остальные параграфы отведены праву (вернее, перечислению юридических памятников) и военному устройству, ремеслу, торговле и быту, так что наука и литература умещаются на нескольких страницах, а изобразительное искусство растворяется вовсе.

Книга Гийу принципиально отличается своей структурой от всех предшествующих западных историй византийской цивилизации. Политическая история — в противоположность работе Весселя — в ней отсутствует вовсе, зато книга открывается очерком (гл. 1—2) византийской исторической географии, очерком тем более необходимым, что его, как правило, не включают в себя ни курсы политической истории, ни истории византийской культуры¹¹. Правда, географический экскурс Гийу предельно нарративен, это скорее перечисление областей и городов, нежели осмысление особенностей природы и климата византийского мира. И все-таки важный шаг сделан: ясно, что без понимания специфики географической среды наши представления о византийской цивилизации будут неполными. Драма византийской истории разворачивалась в определенном реальном пространстве; кстати сказать, и Краузе интуитивно чувствовал это, но у него «реальное пространство» ограничивалось Константинополем, его топографией и особенно его художественной атмосферой (совокупностью памятников искусства), Гийу же рассказывает прежде всего о провинции — от Италии с Сицилией и Сардинией (предмета его специальных интересов) до Сирии, Египта и Ливии.

За географическим экскурсом следуют четыре большие главы: Государство, Общество, Хозяйство, Культура (имеется в виду Духовная культура). Достаточно сравнить это оглавление с перечнем глав «Кембриджской истории», чтобы понять коренное различие структур обоих трудов: главы Гийу — не изолированные частицы, но взаимопереливающиеся части единого целого. И хотя нашему читателю порядок государство — общество — хозяйство кажется обратным¹²; внутренняя, глубинная взаимосвязь «четырех элементов» Гийу несравнимо очевиднее, чем связь примыкающих глав Музыка и Монашество, Литература и Наука в кембриджском издании.

Органическое единство присуще и внутренней структуре глав. Глава о государстве начинается с положения императора и с императорского культа (с. 103—108), после чего рассматривается чиновничество в общем виде (с. 108—120), его основные должности в столице (с. 121—128) и провинции (с. 128—131) и особо «ассамблеи», собрания «народа» и высших чинов («сенат», или синклит). От организации чиновничества Гийу логично переходит к его функционированию — к пяти большим ведомствам византийской администрации: финансовому (с. 133—149), судебному (с. 149—157), дипломатическому (с. 157—164), военному (с. 164—175) и церковному (с. 175—193). Рассмотрение церкви как особого государственного ведомства резко отличает книгу Гийу от большинства западных работ по византийской цивилизации: церковь лишается своего сверхреального ореола и включается в сеть вполне земных учреждений.

Столь же четко организованы и две следующие главы — об обществе и хозяйстве. При этом Гийу рассматривает общественные классы и профессии (с. 203—212), общественные связи (с. 212—222), собственность на землю (с. 243—246), обработку земли (с. 246—259), положение крестьян (с. 260—263), городскую жизнь в Константинополе и провинции (с. 263—304), ремесло и торговлю (с. 304—316). Правда, грань между социальными и экономическими феноменами не всегда достаточно убедительна и; с моей точки зрения, вопросы о положении париков (с. 261 и сл.) или о принадлежности земли государству (с. 243 и сл.) скорее должны относиться к главе об обществе, чем о хозяйстве, но взятые вместе эти главы дают

¹¹ Если я не ошибаюсь, единственное исключение — книга: *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки по истории Византии и южных славян. М., 1958.

¹² Ср. аналогичную структуру в моей «Византийской культуре» (М., 1968): гл. 1. Присвоение мира (=Хозяйство); гл. 2. Социальные связи (=Общество); гл. 3. Власть (=Государство).

последовательное и глубокое представление о византийской хозяйственной и общественной структуре, освещая такие ее стороны, которых не касался не только Краузе, но и более поздние западные историки византийской культуры.

Целостность «Цивилизации» Гийу отчетливо обнаруживается также в опыте характеристики основных категорий византийской культуры, своего рода параметров, пронизывающих разнородные сферы жизни: таковы прежде всего разделы «Образ мышления» (с. 222—241), где рассматривается представление византийцев о времени, труде, свободе, порядке и т. д., и «История эмоциональности» (с. 378—397), посвященная символам, понятию о прекрасном, вере, молитве и народным верованиям (самое сочетание таких феноменов должно было бы показаться авторам «Кембриджской истории» еретическим).

Целостное восприятие византийской культуры сочетается у Гийу (и это опять-таки отличает его от его предшественников, и особенно от Краузе) со стремлением представить ее в адекватных ей понятиях, не модернизировав византийцев и не «подтягивая» их до наших современников или до античных греков. «Хотя о государственной конституции в современном смысле слова, — так начинает Краузе главу об императорской власти (с. 93), сразу же отталкиваясь от привычных ему понятий, — здесь не могло быть речи, тем не менее абсолютный самодержец был куда более ограничен и к тому же подвержен большим опасностям, чем какой-нибудь монарх в наши дни». Соответствующая формулировка «Кембриджской истории» кажется противоположной, но при этом остается в том же круге представлений: «В Византийской империи концепция супрематии монаршей власти укоренилась прочнее и меньше подвергалась сомнениям, чем где-либо в средневековой Европе», — эти вводные слова В. Энслина к главе об администрации (с. 1) исходят из сложившихся понятий современного государственного права. По-иному у Гийу: его глава о государстве открывается определением Иоанна Дамаскина (с. 103), а не рассуждениями о супрематии и конституции — и это не случайно. То же относится и к следующей главе: характеристику контрастов византийского общества Гийу вводит противопоставлением рабов и свободных, как его давали византийские юристы (с. 197). И глава о хозяйстве открывается противоречием самого византийского мышления — между идеей о том, что земля, подобно солнцу и воздуху, есть собственность бога, и концепцией принадлежности земли государю или государству (с. 243). Задача Гийу — приблизиться к сознанию самих византийцев, к их пониманию своей экономики, своих общественных противоречий, своих этических и эстетических проблем, и эту задачу, повторю еще раз, не ставили перед собой не только Краузе, но и авторы «Кембриджской истории».

Это отнюдь не значит, что Гийу вообще пренебрегает современными научными понятиями. Он пользуется термином «господствующий класс» (с. 203), он анализирует общественные отношения (*liens de dépendance*) и приходит к выводу об индивидуализме как характерной черте связей (*cohésion*) в византийском обществе (с. 212). Все эти термины: господствующий класс, общественные отношения, индивидуализм, связи в обществе — не имеют византийских аналогов. Но Гийу наполняет их византийским содержанием: он стремится показать, как византийцы понимали семью и брак (с. 213) и какие специфически византийские условия определяли «слабость монастырской общины» (с. 220).

Осмысление Византии в адекватных Византии понятиях ведет к отказу от оценочного подхода к ней: Гийу не имеет в виду ни осудить, ни реабилитировать (как Краузе) империю ромеев — он хочет понять ее в ее неповторимой специфике.

Стремление представить византийский мир в адекватных ему образах придает книге Гийу конкретность: здесь мы найдем не общие рассуждения в стиле Краузе, но богатый фактический материал.

Книга Гийу современна по характеру привлеченных источников: это не только нарративные памятники, лежавшие в основе труда Краузе, но документы, письма, речи, трактаты, богословские сочинения — все написанное пером рассматривается теперь как памятник культуры и потому как источник для ее изучения. Привлекаются и иноязычные свидетельства — западных и восточных наблюдателей. В очень широком масштабе используются археологические и нумизматические материалы и произведения искусства, что позволяет увидеть и изобразить в конкретных очер-

таниях ремесленное производство и быт империи. При этом в самой книге постоянно присутствуют и выразительные цитаты, и археологические планы, и свежие иллюстрации из лицевых рукописей. Византия глазами византийцев — это не только принципиальная идея книги, но и принцип ее оформления.

Но есть один существенный пункт, в котором Гийу не пошел дальше Краузе и других своих предшественников. В подзаголовке книги Краузе стоит: «преимущественно с конца X до конца XIV в.» Осторожное словечко «преимущественно» не мешает Краузе, как только ему не хватает источников X—XIV вв., обращаться к ранневизантийским авторам — Прокопию, Аммиану Марцелину и т. п. Хотя во введении Краузе выделяет некоторые периоды византийской истории (с. XIX—XXI), в ходе изложения он не принимает во внимание собственной периодизации, и это по-своему последовательно, ведь для него изменяется только политическая ситуация и успехи чередуются с неудачами, но сами византийцы остаются теми же людьми, довольно похожими на римлян и на современников Краузе в одно и то же время. Апелляция к ранним источникам — плод не только бедности материала в середине XIX в., но и результат концепции социокультурной неподвижности Византии.

Идея социокультурной неподвижности Византии доминирует в современной исторической науке. По-прежнему, как во времена Краузе, историю культуры излагают обычно без оглядки на время, и если Вессель в цитированной выше книге (см. прим. 10) разделяет материал на несколько периодов, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что практически со временем мало что менялось (см., например, с. 314, 338, 366), — нигде он не пытается взглянуть на тот или иной период как на органическое целое, связанное определенным внутренним единством. Сравнительно недавно А. Тойнби справедливо писал: «Если спросить нашего образованного современника с Запада, какая идея ассоциируется прежде всего в его мозгу со словом «византийский», — он назовет, скорее всего, «консерватизм»¹³. Устоявшееся представление о византийской консервативности Тойнби подвергает критике¹⁴, впрочем довольно ограниченной, ибо он больше говорит об отличии византийского мира от античности, нежели об имманентной самой Византии эволюции.

Гийу допускает известные перемены в характере византийского общества. Он признает, к примеру, перестройку господствующего слоя в X—XII вв. (с. 204), говорит о постепенной эволюции административной организации (с. 116). Но, подобно Краузе, он ограничивает периодизацию лишь политико-географической сферой: у него чередуются Византия как владычица Средиземноморья, Византия, отнесенная к северу Средиземноморья, Империя в Эгейском бассейне, Империя на Проливах... Ну, а социокультурная трансформация? Ее словно и не было.

Один из основных вопросов, на которые должен ответить византист, — пережила ли империя экономический спад в VII в. В 1955 г. я выдвинул мысль, что византийский город с конца VII до середины IX в. находился в состоянии хозяйственного упадка, а его новый подъем приходится на XI—XII вв.; в 1970 г. сходные взгляды были высказаны М. Хенди¹⁵, который опирался примерно на тот же круг археологических и нумизматических данных. Мне кажется, что эта периодизация экономической истории города не менее существенна для понимания развития его духовной культуры (в частности, расцвета литературы и искусства в XI—XII вв.), чем эволюция географического ареала. Но в большом разделе о городах Гийу практически не затрагивает этот вопрос, несмотря на многообещающую (хотя и не очень ясную) вводную фразу о «тесном параллелизме между эволюцией крупной земельной собственности и зависящим от нее подъемом городской экономики» (с. 263): из его книги создается впечатление, что, кроме Герасы, исчезнувшей в середине VIII в. (с. 297 и сл.), все позднеримские города в неизменном виде влились в византийское общество.

¹³ *Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his World. London—New York—Toronto, 1973, p. 524.*

¹⁴ *Ibid., p. 525—574.*

¹⁵ *Hendy M. F. Byzantium, 1081—1204. An Economic Reappraisal. — «Transactions of the R. Historical Society», 20, 1970, p. 31—52. Там и литература вопроса.*

И как развитие города заменено описанием городов, так и развитие литературы и искусства заменено описанием жанров. Вместо проблемы «Человек в византийском искусстве и литературе» (а именно она должна быть предметом культурологической трактовки прежде всего), вместо анализа эволюции художественных приемов и средств мы найдем у Гийу параграф о литературной продукции (с. 334—360), причем слово «литературный» пренебрежительно берется в кавычки; в этом параграфе перечисляются — вне временной связи — разные жанры: экзегеза, аскетические наставления, роман, история, риторика, философия, поэзия и т. д. Но что дает такой каталог для понимания отношения византийцев к миру, их самосознания? А ведь именно этот принцип положен самим Гийу в основу его анализа.

Когда Краузе отказывался от изображения культурной и бытовой эволюции Византии, это, как мы видели, отвечало его общей историко-философской концепции. Аналогичное вневременное построение византийской культуры у Гийу, напротив, противоречит тому новому подходу к византийской цивилизации, который отличает книгу французского ученого. Византия представляла собой особый культурный феномен, особую цивилизацию, но эта цивилизация не была неизменно однородной: она прошла определенные этапы, имевшие собственное лицо, — империя Пролитов была не просто меньше Средиземноморской империи, но поднимала иные культурные проблемы и решала их иными средствами.

Краузе не мог ставить вопрос о социокультурном развитии Византии еще и потому, что в его время доступный науке круг фактов был ничтожно мал. Теперь мы стали куда более богатыми. Проблема развития встает при изучении самых разных сторон византийской жизни — от социальных отношений до книжной миниатюры. Остается выяснить, было ли это «частное» развитие, наблюдаемое в разных социокультурных сферах, независимым или мы имеем дело с закономерными и взаимосвязанными процессами, знаменующими переход от одного этапа к другому.

А. П. Каждан

Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974, 216 с.

Средневековая Таврика остается до сих пор слабо изученной страной, особенно ее южные районы, наиболее заселенные в древности, а ныне наиболее застроенные; археологическое исследование их поэтому сильно затруднено. Появление сборника статей, содержащих материал, добытый раскопками, производившимися здесь свыше 10 лет (1957—1968), вызывает, естественно, большой интерес, тем более что материал этот весьма разнообразен: он включает и сельские поселения, и крепости, и культовые постройки, и массовую керамику — бытовую и строительную. Авторы статей стремятся исторически осмыслить этот материал: они ставят значительные и глубокие проблемы.

Сборник состоит из двух неравных частей: первая (7 статей) названа «Археологические исследования», вторая (4 статьи) — «Свидетельства источников». Статьи первого раздела основаны на впервые публикуемых археологических материалах, добытых раскопками преимущественно в южнобережной Таврике. Статьи второго раздела посвящены Солхату и Кафе генуэзских времен, и только одна — более раннему времени: «восстанию Иоанна Готского», т. е. событиям конца VIII в.

Самой крупной в первом разделе является статья О. И. Домбровского «Средневековые поселения и „исары“ Крымского Южнобережья» (с. 5—56). Работа охватывает обширный район от Ласпи до Алушты, где на протяжении 1957—1968 гг. работала экспедиция Института археологии АН УССР. В статье приводятся краткие описания, схемы планировки средневековых поселений, крепостей и пр. Материал этот — наиболее существенная часть статьи О. И. Домбровского, содержащая немало вновь открытых памятников; к ним относится укрепление Алушты, поселения в Ласпинской долине, в районе Симеиза с монастырем Панеа (где открыт мозаичный пол), монастырь на горе Ай-Годор, замок на горе Хачла-Каясы, укрепление Исар-кая над Гаспррой, храм в верхней Массандре и др.

Однако ценность публикации этого материала значительно снижается в силу следующих обстоятельств:

1) памятники изданы в слишком схематических чертежах, не позволяющих судить о деталях;

2) датировка привлекаемого материала — поселений, крепостей, монастырей — лишь декларирована и почти нигде не обоснована. При этом даты нередко даются в столь широких пределах, что вообще лишаются смысла. Так, храм в монастыре Панае отнесен к X—XIII вв. (с. 28), одноэтажное здание на сторожевом городище Исар-кая — к X—XII вв. (с. 31), большой одноапсидный храм на вершине Ай-Тодора — к XII—XV вв. (с. 42). Дата протяженностью в три-четыре столетия отнюдь не помогает пониманию памятника, тем более, что автор оставляет читателя в неведении, относится ли эта трех-четырёхвековая дата к возникновению памятника или охватывает весь период его существования. У читателя создается впечатление, что автор просто не находит достаточных аргументов для более определенной датировки памятников. Пытаясь датировать церковь в с. Фуны, автор говорит об «армяно-малоазийских, восточно-византийских элементах» сооружения (с. 44, см. также с. 113—115). На самом деле — это поздняя (скорее всего, XVII в.) постройка, эклектически сочетающая в себе различные местные и малоазийские элементы в позднейшей переработке. Абсолютно ничего армянского и византийского в здании и его декоре нет. Многие памятники оставлены даже без самой общей датировки, так что читателю остается гадать, с каким историческим материалом он имеет дело. Таковы, например, средневековые поселения в районе Алушты «с керамическим материалом и кузнечными мастерскими» (с. 43). Вне времени рассматриваются и некоторые исторические явления. Так, на с. 50 говорится об орудиях труда и занятиях населения — о земледелии, скотоводстве, виноградарстве, ремеслах; находки сопровождаются монетами, сведения о происхождении и датировке которых в статье отсутствуют.

Однако отсутствие конкретных и обоснованных дат памятников, иначе говоря, отсутствие определенной хронологической канвы, не мешает автору довольно свободно оперировать этими в сущности неопределёнными памятниками, классифицировать их, строить различные схемы и в результате делать далеко идущие исторические заключения о процессах феодализации Таврики.

Недостаток этот, на наш взгляд, наиболее существенный: произвольные заключения способны внести только путаницу в представление об истории Таврики. Особенно показательны в этом отношении рассуждения на с. 47 и 50. Автор пишет об иерархии социальных верхов «средневековой Таврики»: во главе свободных сельских общин стояли «димогеронты» («некто вроде» коллеги старейшин), наряду с ними — некие «протосы» («некто вроде старосты»), связанные с генуэзскими властями. Выше стоят «тимариоты» — землевладельцы («очевидно, среди них имелись и хозяева зависимых крестьян»). Рядом с ними автор ставит топархов и архонтов — «представителей служилой знати — начальников крепостей и гарнизонов». «Все это, по-видимому, было подчинено номинально византийским властям, а на деле, особенно после катастрофы 1204 г., „господину Феодору“ — бывшему „господину Дороса“ и архонту фемы Климагов, который с начала XIII в. сменил здесь византийского стратига».

Надо сказать, что весь этот пассаж полностью лишен каких-либо ссылок на источники. Автор ограничивается намеком на то, что термины эти относятся к генуэзским временам, т. е. к XIV—XV вв., но в таком случае излишним оказывается упоминание о «византийской власти», которая, если и существовала после русско-византийской войны конца X в., то лишь очень недолго, а с возникновением княжества Феодоро во главе с Гаврасами (не позднее XII в.), и вовсе перестала ощущаться в Таврике¹. Совершенно произвольна и ссылка на фему Климагов, которая во времена генуэзцев вообще не упоминается — очевидно, она уже не существовала. Что касается приведенных социальных терминов, то тут у автора — полная пута-

¹ Об отпадении Таврики от Византии в XII в. см.: *Васильев А. А.* Готы в Крыму. — ИГАИМК, V, 1927, с. 273—275; *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес XII—XIV вв. М., 1950 (МИА, № 17), с. 28—29.

пища. Прежде всего, «димогогеронты» (знатные) — термин городской и к деревне вряд ли имеет отношение. Означает он главарей так называемых димов, во времена генуэзцев уже не существовавших. Не имеет отношения к этому времени и протевон: источники XIV—XV вв. его не знают. Термин же «тимариот» относится, наоборот, к более позднему времени — времени Османской империи, к XV и следующему векам. Тимариоты — это владельцы (или, вернее, держатели) «тимаров», раздававшихся султаном с обязательством участвовать в походах во главе снаряженных всадников, число которых зависело от доходов, получаемых с тимаров. Как видим, О. И. Домбровский искусственно соединил самые различные термины и события разных времен, что отнюдь не способствует пониманию истории Таврики.

Далее следует классификация жилищ, раскопанных экспедициями автора в южной Таврике (с. 51—54). Однако и она лишена хронологии, а тем самым и историчности. Автор глухо говорит о «самых ранних поселениях», о поселениях «более поздних» (с. 51). Лишь относительно «паутинообразных» поселений (термин, конечно, условный, но мы не назвали бы его удачным) говорится, что они начали формироваться в XI—XII вв. (с. 53), однако, и здесь отсутствует обоснование датировки. Некоторые из таких поселений приобрели ремесленный характер и «даже почти городской облик» (там же). Далее перечисляются Тепсень, Алустан, Горзувиты, Эски-кермен, Мангун, т. е. поселения, возникшие в раннее средневековье, но прекратившие существование в разное время. Раннесредневековый период существования большинства из них — Алустана, Горзувита да и Мангуна — остается малоисследованным, поэтому объединение их в одну группу не вносит ясности. К тому же непонятно, в чем автор видит указание на «многоэтничность» жилищ (с. 51): это осталось в статье без всякого разъяснения. Между тем многоэтничность поселений в эпоху зрелого и позднего средневековья — в эпоху сложения единой средневековой народности в Таврике — вообще маловероятна.

По мнению автора, публикуемый им материал раскопок поселений и крепостей «в сумме дает наглядное представление о том, каким образом в Таврике начиная с X—XI вв. происходило вытеснение родо-племенного уклада непрерывно формировавшимися феодальными отношениями» (с. 54). Вполне вероятно, что в X—XI вв. процесс этот действительно имел место, но автор исходит лишь из самых общих соображений, а не из археологических фактов, ибо сам материал статьи большей частью так и остался в хронологически неопределенном и расплывчатом виде, т. е. лишенным качества исторического источника.

Далее в работе говорится: «Нашествие хазар и иконопочитательская иммиграция окончательно направили Таврику на путь феодального развития. После того, как прекратилось хазарское владычество, процесс этот непрерывно усиливался» (с. 54). Роль хазар в жизни Таврики автор, нам кажется, сильно преувеличивает (см. об этом ниже). Еще меньше оснований говорить о массовой «иконпочитательской иммиграции» монахов, бежавших из центральных областей Византии в разные страны, в том числе и в Таврику, о чем упоминает Житие Стефана Нового, о созданных ими в VIII—IX вв. в Таврике «укрепленных монастырях» (с. 55). Это совершенно произвольный тезис, ни на каких фактах не основанный (подробно об этом см. ниже, в связи со статьей И. Баранова).

В статье Е. Паршиной «Средневековая керамика южной Таврики» (с. 56—94) публикуется обширный материал по гончарному ремеслу из раскопок О. И. Домбровского. Особенно важны многочисленные знаки на черепицах из раскопок укрепленных и монастырей. Интересны находки грушевидных амфор типа VIII—IX вв., производившихся в печах, открытых в районе Ливадии и в самой Ялте (с. 59) и вполне аналогичных изготовлявшимся в Чабан-куле и в Канакской балке (в двух вариантах — более крупном и меньшем). Факты существования этих печей расширяют наши представления об определенном экономическом подъеме южнобережной Таврики (до сих пор была известна лишь печь того же времени в Мискоре, открытая и раскопанная В. П. Бабенчиковым). Но затем, видимо, и здесь наступил перерыв. По крайней мере, массового материала, типичного для IX—XI вв., на южном берегу Крыма крайне мало: не встречаются здесь ни типичные для этого времени амфоры, столь многочисленные в Херсоне (Херсонесе), почти нет находок привозной (из Византии) белоглинной поливной керамики X в. и византийской полив-

ной посуды XI в. (на незначительность этих находок указывает Е. Паршина — с. 65). Автор отмечает наличие и позднесредневековых плоскодонных амфор, известных в Херсоне и Эски-кермене. Однако, в работе уделено мало внимания большим амфорам с горизонтальными ручками (с. 63 и рис. 7), поздняя дата их (XIII—XIV вв.) осталась нераскрытой.

Мы не можем согласиться с некоторыми предлагаемыми Е. Паршиной датировками поливной керамики. Чашу № 4 со светло-красным черепком (с. 69 и рис. 9, 3) вернее отнести к XI, если не к XII в. Тонкое сграфито появляется в Византии также в XI в., поэтому тарелка № 6 (с. 69—70) — не ранее этого времени. Миски с вертикальным бортом вряд ли можно отнести к XIII в. — вернее их датировать XIV—XV вв. К сожалению, не иллюстрирована керамика с извилистыми прожилками «под мрамор» (с. 73); неясно поэтому, о чем идет речь (думаем, что это керамика, скорее всего, XV—XVI вв.).

Обратимся к черепицам и к знакам на них. Конечно, на многие, наиболее существенные вопросы, которые возбуждает анализ черепиц с их многочисленными знаками, сейчас еще не может быть дан полный и бесспорный ответ. Тем более непросто оставить без внимания две печи, открытые экспедицией и предназначенные, по словам автора, специально для обжига черепиц, — в Батилимане и Чабан-таше (в Ласпийской котловине) (с. 81). Печи только упомянуты в тексте, не приводится ни их описание, ни чертежи, ни фотографии. Ничего не сказано и о материале, который помог бы датировать печи. Между тем датировке черепиц с их знаками автор уделяет немало места (с. 79—81).

Е. Паршина, следуя за другими исследователями, отмечает две основные группы черепиц: 1) со светло-красным черепком, большей частью с треугольным в сечении бортиком и знаками, отличающимися тонкой рельефной линией; 2) с темно-красным крупнозернистым (комковатым) черепком, массивными бортиками и со знаками, образованными широкими сильно рельефными линиями. Оба типа черепиц резко отличаются друг от друга. Однако в верхнем слое Херсона они часто встречаются совместно. Отсюда Е. Паршина заключает, что оба типа одновременны. А так как они охватывают вообще большую часть средневековых черепиц Таврики, то вопрос о хронологической классификации их и, соответственно, знаков на них практически отпадает: все они, по мнению автора, — одного времени.

При этом игнорируется тот хорошо известный факт, что в нижележащих слоях Херсонеса, особенно в слое X в., т. е. в слое времени подъема Херсона и интенсивного строительства в городе, находят только черепицы второго вида, который, следовательно, древнее первого². Черепицы первого типа в слоях X в. не встречаются. Однако в статье об этом ничего не говорится.

Далее, вызывает удивление вывод автора, что в Херсоне, да и во всей Таврике, одновременно употребляли два абсолютно различных типа черепиц. Ничего подобного не наблюдается ни в одной отрасли материальной культуры ни в античную, ни в средневековую эпохи. Доказательство единой поздней даты для столь различных видов черепиц автор видит в «надежно датированной поливной или другой равноценной в этом отношении керамике» (с. 80). В качестве примера Е. Паршина приводит поселения в Ласпи и Ореанде (с. 80 и 89). Но в Ласпийской котловине (где, кстати сказать, и открыты черепицеобжигательные печи) известно немало обследованных в свое время автором этих строк поселений и VIII—IX вв., которые были тесно связаны с соседней Байдарской долиной и районом с. Поляна (бывш. Маркур), переживавших экономический подъем именно в то время³. Оттуда, из разрушенных построек, и могли быть взяты более древние черепицы. Да и сама Е. Паршина на с. 81 и 86 приводит без всяких оговорок более ранние даты черепиц второго типа, в свое время предлагавшиеся мной и Д. Л. Талисом (IX—X вв.). Черепицы храма в Панае в Симеизе также отнесены к более раннему времени (IX—X вв.) (с. 28 и 81, рис. 27).

² Кстати, только второй тип черепиц обнаружен и при раскопках двух черепицеобжигательных печей на северном берегу Херсонеса, относящихся к XI в. См.: *Яковсон А. Л.* Указ. соч., с. 153—164.

³ *Яковсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. Л., 1970 (МИА, № 168).

В действительности совместная находка в Херсонесе двух контрастно различающихся типов черепиц легко объясняется вторичным и массовым использованием более древних целых черепиц в позднесредневековую эпоху, когда город сократился и явно нищал⁴. Поэтому в то время широко использовались дорогие черепицы, еще пригодные для кровли. Однако автор по непонятной причине отрицает такое объяснение (с. 79).

Е. Паршина касается также вопроса о значении рельефных знаков на черепицах. Она видит в них обозначение «различных партий изделий», причем «отдельные метки могли являться одновременно и знаком заказчиков» (с. 91). С этими заключениями едва ли можно согласиться. На черепицах, покрывавших одну и ту же кровлю, обычно наблюдаются самые различные знаки, в том числе и знаки, состоящие из раздельно начертанных букв и знаков. Наиболее логичной представляется трактовка рельефных знаков, вырезанных на формах-матрицах, как знаков ремесленников. Однозначные знаки, вырезанные на разных формах, принадлежали, очевидно, одной мастерской.

Ценность статьи Е. Паршиной не в произвольных заключениях, а в публикации очень интересного и исторически важного материала.

Следующая статья сборника принадлежит Л. В. Фирсову — «Археологические разведки на Исар-кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г.» (с. 94—108). Более подробное описание этих памятников автор дал в своей ранее опубликованной брошюре⁵.

Нет сомнения, что тема статьи — средневековая дорога из Байдарской долины на южный берег — интересна и значительна. Автор дает и общие планы дороги, и планы укрепления на Исар-кая, господствующего над дорогой. Мы, однако, продолжаем считать, что правильнее эту дорогу называть тропой: ее длина всего 220—230 м, ширина, как указывает автор, 1,5 м; искусственные сооружения дороги лишь «отдаленно напоминают подпорные стенки» (с. 98). Резко отличается от нее Мордвиновская дорога, сооруженная в XIX в. и ведущая из с. Орлиного (бывш. Байдар) к Чертовой лестнице, — длина ее около 6 км, ширина — 6—6,5 м, ясно видны крепиды (рис. 5). Остается неясным время функционирования средневековой «дороги», а также вопрос о том, в какие центры она вела. На этот счет указания автора (и в данной статье, и в указанной брошюре) неопределенны: о густой заселенности южного берега Крыма свидетельствуют, по его мнению, поселения «греко-византийской эпохи»; «средневековая керамика разнообразна и в основном типична для средневековых поселений и укреплений всего южного бережья» (с. 96; ср. 107, где также говорится о средневековье вообще). Но изолированные находки рядом с дорогой обломков разновременной керамики, даже античной (с. 101), мало что могут разъяснить.

Существенные данные могло бы дать исследование Исар-кая, связанного с дорогой (с. 101). Здесь сохранились остатки крепостных стен нерегулярной кладки, типичной не вообще для средневековья (с. 104), а для позднего средневековья (XIII—XIV вв., не раньше), чему не противоречит и характер известкового раствора, и простейшая церквушка (с. 105). Что касается керамики, то на этот счет в статье ничего определенного опять-таки не сказано, кроме того, что «раннесредневековых типов черепиц здесь почти не найдено», а «амфоры и кувшины... датируются VIII—X вв. и более поздним временем» (с. 106). Кстати сказать, в упомянутой брошюре («Чертова лестница», с. 55) керамика из Исар-кая отнесена к XII—XIV вв. Возможно, что такое заключение ближе к истине, но при полном отсутствии в статье воспроизведения самой керамики, судить о ней невозможно.

Следующие четыре статьи носят отчетно-информационный характер. Такова краткая заметка Ю. М. Скобелева об археологических разведках на г. Крестовой в Верхней Ореанде. На основании анализа керамики автор заключает, что поселение здесь возникло в VIII в. и просуществовало с перерывами до XIV в.

Статья К. К. Когонашвили и О. А. Михевой посвящена средневековой Фуле (у западного подножия горного массива Демерджи). В статье речь идет о поздне-

⁴ Кстати, Эски-кермен, вопреки мнению автора (с. 81), в XIV в. уже не существовал. Как выяснил Н. И. Репников, город погиб в конце 1299 г.

⁵ Фирсов Л. Чертова лестница. Симферополь, 1973.

средневековом укрепленном поселении с церковью, возникшем, судя по керамике, в конце XIII в. (с. 116). Первоначальную дату церкви авторы не называют, а перестройку ее относят к XVII—XVIII вв. (с. 117). Орнаментика здания (рис. 5), нам кажется, не противоречит такой дате. Авторы говорят при этом о «романских формах» и «сельджукском стиле» (с. 117—118); в действительности же мы имеем дело с позднейшими реминисценциями крымской орнаментики. Наиболее важная часть статьи — публикация погребального комплекса второй половины VI в. из разграбленной могилы (с. 122—123). Этот материал, несомненно, очень важен для истории раннесредневековой Таврики и особенно его южнобережной полосы.

Коллективная статья Е. В. Веймарна, И. И. Лободы, И. С. Пиоро и М. Я. Чорефа излагает результаты археологических исследований столицы княжества Феодоро—Мангуца (с. 123—139). Добыт очень показательный материал: остатки храма (№ 5, с. 130, рис. 4), наос которого ориентирован с севера на юг, — такая планировка, отражающая греко-восточные традиции, характерна для средневековой общинной культовой архитектуры; важны массовые находки раннесредневекового керамического материала (амфоры с глубоким рифлением) под восточным обрывом Тешклибурун (с. 138, рис. 8).

Однако общее заключение авторов, что «Большой Мангуп» за пределами Тешкли-буруна возник только «после VIII в., а то и в начале IX в.» (с. 139) — после падения Эски-кермена (с. 125), в статье не обосновано. Этому выводу противоречит не только раннесредневековая керамика, но и куртина раннесредневековых крепостных стен, сохранившихся около древних ворот (в Капу-дере, под обрывом Тешкли-бурун), и недавно открытые части стен вдоль западного края Чампу-буруна, а также фрагмент надписи с именем Юстиниана⁶. Вернее признать одновременное существование в раннее средневековье обоих поселений-крепостей — и Мангуца, и Эски-кермена.

Статья М. А. Фронджуло «Раскопки в Судак» (с. 139—150) посвящена итогам раскопок не только в самой крепости, но и на примыкающих к ней территориях. Эти раскопки дают совершенно новое представление о довенецианской и догенуэзской Судак — Солдайе. В прибрежной части открыты остатки раннесредневековых (VI в.) укреплений, поселений VIII—IX вв., найден русский крестный крест начала XIII в. (с. 144), изготовленный в Поднепровье и идентичный кресту, найденному в Херсоне, — он свидетельствует о пребывании здесь русских семей, спасавшихся от татарских погромов городов Киевской Руси и нашедших в Крыму убежище. Наконец, найден клад византийских монет императоров Михаила VIII, Андроника II и Андроника II совместно с Михаилом IX (монеты охватывают время с 1261 по 1320 г.) (с. 147), указывающих на определенное оживление торговых связей с Византией в то время. Из заключений автора отметим его тезис об «особой северо-причерноморской культуре», к которой относится и Судак, возможно, связанной с салтовской культурой (с. 150). Однако этот существенный тезис остался нераскрытым и неразъясненным.

Второй раздел книги содержит три статьи о Солхате и Кафе в период господства итальянцев (XIII—XV вв.). Лишь первая статья этого раздела, принадлежащая И. А. Баранову, посвящена более отдаленному прошлому — восстанию Иоанна Готского, т. е. событиям конца VIII в. (с. 151—162). Автор рисует новую картину истории южной Таврики в VIII—IX вв.

Первый тезис автора, однако, не нов: в VIII—IX вв. происходит «резкое изменение всей экономической, социальной и политической ситуации в Таврике» (с. 153). Имеется в виду экономический подъем края. Положение это иллюстрируют картосхемы Крыма в VI в. и в конце VIII в., наглядно подтверждающие наблюдения исследователя (с. 155). Автор пишет о возникновении «ряда замков, убежищ, укрепленных монастырей, торжищ...» (с. 154), о вновь выявленных поселениях VIII—X вв. (в том числе и пещерных), что существенно дополняет картину, которую дает изучение юго-западного Крыма⁷. Далее говорится об изу-

⁶ *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России. — ИАК, вып. 65, 1918, с. 18—19.

⁷ См.: *Яковсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, гл. I.

ченных на южном берегу Крыма десяти некрополях с плитовыми могилами. Этот несомненный экономический подъем автор связывает с «массовым переселением в Таврику из восточных областей Византии греков-иконопочитателей, гонимых иконоборческим правительством» (с. 153). Упомянутые некрополи с плитовыми могилами на южном берегу Крыма также возникли, по его мнению, «в результате наплыва иконопочитателей» (с. 154). Исходя из этого положения о «массовом переселении монахов», которое И. А. Баранов оставляет без всяких доказательств, автор рисует широкую картину деятельности вновь возникших (а вернее сказать — воображаемых) монастырей — и в экономической, и в социальной сферах (насаждение передовых методов хозяйствования, распространение «нового для Таврики экономического и социального уклада»); новоявленные монахи «могли способствовать уничтожению сложившегося при Юстиниане различия в экономическом и социальном развитии южноречной и юго-западной Таврики» (с. 156).

Таким образом, весьма опутимые экономические сдвиги в Таврике, начавшиеся в VIII в. и развивавшиеся в IX в., это подлинное возрождение обширного края, археологически прослеженное на территории всей южной части Крыма, начиная с Керченского полуострова, являлось, по утверждению И. А. Баранова, результатом деятельности монахов, бежавших из центральных областей Византии.

На чем основана эта концепция автора? Он пишет: «Об интенсивности иконопочитательской эмиграции в Крым из Малой Азии известно из византийской агрографии» (с. 156). В примечании к сказанному (прим. 31) перечисляются эти источники: жития Стефана Нового, Феодора Студита, Иосифа Песнописца, Иоанна Психаита, Стефана Сурожского, Иоанна Готского. Между тем, только в житии Стефана Нового говорится об одной из волн монашеской эмиграции «на северные склоны Эвксинского Понта»⁸, другие жития об этом умалчивают. В письмах Феодора Студита речь идет о внутренней борьбе среди монахов Таврики, а не о переселении их сюда. В житии Иоанна Готского говорится лишь об одном монастыре (Апостолов в Партепитях), возникшем задолго до VIII в. В житии Иоанна Психаита упоминается только один монах-ремесленник (медник), работавший в Херсонесе (Херсонесе). Ничего не сказано о монашеской эмиграции в Таврику и в других названных автором житиях. Таким образом, представления И. А. Баранова о бегстве монахов в Северное Причерноморье оказываются весьма преувеличенными. Судить об интенсивности монашеской эмиграции в Таврику лишь по одному ее упоминанию едва ли возможно. «Интенсивность» эта вообще маловероятна: во-первых, монахи бежали отнюдь не только в Таврику, но и в Южную Италию (преимущественно именно туда), в Малую Азию (а не из Малой Азии, как сказано у автора на с. 156), в Сирию и Палестину, на Кипр; во-вторых, византийские монастыри, как известно, были большей частью немногочисленны; в-третьих, автору не удалось обнаружить остатки самих укрепленных монастырей (непонятно, почему изучаемые им укрепления автор считает именно монастырями) или хотя бы их перечислить. На карте (с. 155) отмечено 9 монастырей VIII в., но где доказательства того, что они возникли именно в то время? Чем можно аргументировать возникновение и существование монастырей в VIII в. в Сюрени, на Мангупе, Ласпи, Ай-Годоре? Не обоснована не только датировка этих памятников, но и трактовка их в качестве монастырей, ибо наличие пещерной церкви среди других пещерных комплексов отнюдь не является достаточным признаком монастыря.

Таким образом И. А. Баранов сильно преувеличил приток монахов из Византии в Таврику и значение этого явления. Да и способна ли произвести резкие экономические и социальные перемены в жизни края какая бы то ни было монашеская иммиграция? Ведь речь идет не о нескольких монастырях (пусть даже десятках, хотя и это будет сильным преувеличением), а о сотнях новых поселений, возникших одно за другим, нередко на пепелище давно запустевших раннесредневековых поселений⁹. Монашеская иммиграция не могла иметь и не имела в этом

⁸ *Васильевский В. Г. Житие Стефана Нового.* — «Труды В. Г. Васильевского», II, вып. 2. СПб., 1912, с. 324—325; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. М., 1908, с. 38—39.

⁹ См.: *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, с. 74, 193.

процессе решающего значения. Гипотеза И. А. Баранова хотя и оригинальна, но совершенно произвольна. Подлинным «героем» всех экономических и социальных перемен, носителем новой культуры Таврики VIII—IX вв. могли быть не переселившиеся монахи, а новое явившееся сюда население — масса полукочевников, продвигавшихся из Хазарии в Таврику в VII и VIII вв. и всколыхнувших жизнь всей Таврики. Это были болгарские племена, вошедшие в контакт со старой местной эллинизированной культурой. Они, несомненно, испытали на себе ее сильное влияние, но и сами, в свою очередь, внесли в нее немало нового (едва ли можно думать, что монахи привезли в Таврику салтово-маяцкую керамику и выработали ее местные варианты), населили огромное количество вновь возникших сельских поселений, повсеместно открываемых археологами. Здесь не место возвращаться к этой большой проблеме, которой посвящены целые исследования, даже не упомянутые автором¹⁰.

Нельзя обойти и некоторые другие вопросы, как, например, вопрос о нахождении области Дори, которую некоторые археологи Крыма помещают на южном берегу полуострова, оставляя за ее пределами весь юго-западный Крым, т. е. область, наиболее насыщенную средневековыми поселениями, в том числе и ранне-средневековыми. О неубедительности новой локализации Дори нам уже приходилось писать¹¹. Присоединяясь к взгляду о нахождении Дори в прибрежной полосе (с. 152), автор противоречит себе, подтверждая «отсутствие на южном берегу Крыма постоянно обитаемых сельских поселений дохазарского, иначе говоря — доиконоборческого, времени» (с. 153). Это действительно так. Но в таком случае выходит, что страна Дори в раннее средневековье была безлюдной. Не проще ли предположить, что эта область вовсе здесь и не находилась и что замечание Прокопия, будто Дори — страна прибрежная, надо понимать в самом общем смысле (ведь сам Прокопий в Таврике, как известно, не бывал).

Бросается в глаза и другое противоречие в статье И. А. Баранова. Справедливо говоря об экономическом оживлении Таврики в VIII—IX вв. и даже о появлении «этнически нового населения» (с. 154), автор неожиданно заявляет, что юго-западный Крым, «судя по археологическим данным, в VIII—X вв. пришел в упадок» (с. 162), а немного выше пишет, что ко второй половине VIII—первой половине IX в. «относятся следы пожарниц и разрушений в большинстве населенных пунктов предгорий и южнобережной Таврики» (с. 157; ср. с. 154 и картосхему, свидетельствующие об обратном). При этом автор говорит о разрушении Эски-кермена, Гурзуфской крепости, городищ Пампук-кая и Кыз-кермена именно в это время: «Тогда же замирает жизнь в сельских поселениях низовий рек и предгорий», — со ссылкой на мою работу («Средневековый Крым»). Л., 1964, с. 34), хотя там утверждается обратное. На Пампук-кая и Кыз-кермене я сам вел раскопки и смею утверждать, что к VIII—IX вв. относится именно существование этих поселений, жизнь на них, а не их разрушение¹². Таким образом, массовый археологический материал красноречиво свидетельствует о возрождении южной и юго-западной Таврики в VIII—IX вв. О Гурзуфской крепости О. И. Домбровский в рецензируемом сборнике (с. 11) говорит лишь, что первый период ее существования определяется керамикой V—VII вв. и что вплоть до X в. крепость вообще пустовала. О разрушении крепости в VIII—IX вв. в статье ничего не сказано.

Не более обоснованной представляется датировка гибели Эски-кермена в VIII в. Н. И. Репников¹³ в свое время исходил при этом из очень неопределенного признака — появления «нового» типа пещерного храма, а также ссылаясь на слова греческого топарха, резиденцией которого, как он считал, был именно Эски-кермен. Но, во-первых, «Записка греческого топарха» относится к X в., а во-вторых, как

¹⁰ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон. М., 1958, (МИА, 62), с. 145—148; Яковсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, с. 490 слл.

¹¹ СА, 1971, № 3, с. 298—301.

¹² Яковсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, с. 103—111, 121—125. И. А. Баранов явно пренебрег опубликованным там материалом.

¹³ ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932, с. 209 (а не 181 слл., как у И. А. Баранова).

теперь признает большинство исследователей, к Таврике этот источник вообще не имеет отношения¹⁴. Археологические же данные, по Н. И. Репникову, дают лишь самое общее указание — «конец первого тысячелетия»¹⁵. Е. В. Веймарн датирует гибель Эски-кермена VIII веком по вещам из усыпальниц, возникших после разрушения стен¹⁶, следуя в этом отношении за весьма обобщенной датировкой Н. И. Репникова (VIII—IX вв.), но отмечает, что аналогичные вещи из усыпальниц Херсона сопровождаются относящимися к X в. монетами императора Романа I¹⁷. Таким образом, и дата гибели Эски-кермена в VIII в. отнюдь не определяется археологическим материалом.

Далее И. А. Баранов переходит к вопросу о роли хазар в Таврике и к восстанию против хазар, о котором говорится в житии Иоанна Готского (с. 159—162). По мнению автора, хазары господствовали в Таврике не только во второй половине VIII в., но и в первой половине IX в. (с. 158). Однако это неверно. Хазарское иго в Таврике было, в сущности, очень кратковременным: источники указывают лишь на вторую половину VII (вернее — на конец его) и на самое начало VIII в. (когда хазарские правители находились в Фанагории, на Боспоре, в Сугдее, Фуллах и, вероятно, в Доросе). В дальнейшем политический союз Византии и хазарского каганата, подтвержденный в 732 г. браком сына императора Льва III с дочерью хазарского кагана (в крещении Ириной), исключал владычество хазар в Таврике, продолжавшей оставаться византийским владением хотя бы номинально. Занятие хазарами Дороса в конце VIII в. также не может служить бесспорным указанием на ухудшение хазаро-византийских отношений потому, что власть Византии в Таврике к этому времени крайне ослабела и вряд ли вообще ощущалась. А в 30-х годах IX в. западные границы Хазарии находились, как известно, очень далеко от Таврики — на Дону, где византийцы построили для хазар их пограничную крепость Саркел.

Что касается жития Иоанна Готского, то мы встречаем в рецензируемой работе лишь совершенно произвольные рассуждения, которыми сопровождается изложение содержания памятника (например, рассуждение о двух политически автономных районах Готии — одним из которых управлял якобы Иоанн Готский, другим — «господин Готии» (с. 160)¹⁸.

Три последние статьи, как сказано выше, посвящены Солхату и Кафе в XIII—XV вв. Статья М. К. Старокадомской «Солхат и Кафа в XIII—XIV вв.» (с. 162—173) содержит материал по торговле с Солхатом (Сурхатом) кожами, мехами и шелком. Эта торговля, как убедительно показывает автор, была посреднической. Статья — В. В. Бодяна и А. М. Чипериса «Торговля Кафы в XIII—XV вв.» (с. 174—189) представляет собой общий обзор, основанный на неоднократно использованных источниках (свидетельства Рубрука, Контарини, Барбаро, Батуты, Пегалотти и др.). Некоторые заключения авторов — относительно непосредственных торговых сношений генуэзских купцов Кафы со Средней Азией, Индией и Китаем — спорны. Мнение автора предыдущей статьи (М. К. Старокадомской), отрицающей непосредственность таких связей (с. 172), нам представляется более убедительным. Наконец, содержательная статья Э. В. Даниловой «Кафа в начале второй половины XV в. (по документам „Codice“)» (с. 189—214) основана на официальной переписке

¹⁴ См., например: *Левченко М. В.* Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X в. («Записка греческого топарха»). — ВВ, IV, 1951, с. 63—68; *Артамонов М. И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 15, Этнография. Л., 1970, с. 31—32.

¹⁵ ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932, с. 209.

¹⁶ *Веймарн Е. В.* Оборонительные сооружения Эски-кермен. — В кн.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 25—26.

¹⁷ Там же, прим. 28.

¹⁸ Ограничимся здесь только этим примером, а также оставим в стороне множество мелочей, как, например, именование А. А. Васильева «церковным историком» (с. 151), небрежное цитирование литературы (прим. 22 — с многочисленными опечатками, прим. 40 и 47 — не указано, где напечатаны статьи Е. Веймарна и О. Домбровского, прим. 50 — с ошибочной ссылкой на заметку А. Л. Якобсона: (неверное указание на страницы и отсутствие в заметке положений, на которые ссылается автор) и т. д.

правления банка св. Георгия в Генуе, в ведение которого в 1453 г. перешли все генуэзские колонии Причерноморья (центром их являлась Кафа), и правителями этих колоний. Переписка охватывает время с 1453 по 1475 г. и дает обширный материал для характеристики всех сторон жизни колоний, особенно Кафы. Представленный материал, интересно изложенный, безусловно, обогащает советскую литературу по истории позднесредневекового Крыма.

Отмеченные нами недостатки, однако, не умаляют большого значения самого материала по истории Таврики, публикуемого в сборнике «Феодальная Таврика», ценность которого благодаря этому несомненна.

А. Л. Якобсон

В. А. Кузнецов. Алания X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, 245 с.

В начале X в. на далекой северо-восточной периферии Византийской империи возникло новое политическое образование — Алания, на целых три столетия привлекавшее к себе внимание византийских политиков. В их расчетах Алании отводилась роль аванпоста в борьбе против давних врагов империи хазар, кочевавших в южнорусской степи печенегов и даже далеких от Алании дунайских болгар. В росписи придворного церемониала эксусиократор Алании занял место более почетное, чем правители Руси и Хазарии. Константинопольский патриархат начал в Алании усиленную пропаганду христианства. Вслед за его проповедниками в Аланию потянулись строители, творения которых до сих пор возвышаются в уездных Верхней Кубани.

До последнего времени Алания не имела своей истории. Сравнительно небольшие очерки З. Н. Ванева и Б. В. Скитского лишь намечали контуры политической и социально-экономической жизни этой страны. Построенные на основании скудных данных письменных источников экскурсии в историю Алании и алан В. Ф. Миллера, Ю. А. Кулаковского, Б. Е. Деген-Ковалевского, М. И. Артамонова, В. Б. Ковалевской и ряда других авторов ни в коей мере не соответствовали тому значению, которое имеет исследование взаимоотношений Византийской империи и ее «варварской» периферии, и той роли, которую сыграла Алания в истории этнических общностей, населяющих области Большого Кавказа. Монография В. А. Кузнецова заполняет этот пробел в отечественной историографии. Она представляет собой полный исторический очерк Алании периода ее максимальной политической активности, глубоко и всесторонне вскрывающий существо социально-экономических процессов, происходивших в центральной части Северного Кавказа.

Монография состоит из четырех глав, краткого введения и заключения. Своё внимание автор концентрирует на проблеме развития феодализма у алан, поэтому основные разделы работы посвящаются анализу важнейших факторов, характеризующих степень зрелости социально-экономических отношений аланского этнического массива в X—XIII вв. Во II—IV главах исследуются уровень развития производительных сил (гл. II «Основы хозяйства»), экономическая и социальная значимость городов в жизни средневековой Алании (гл. III «Возникновение городов»), структура аланского общества и формы его политической организации (гл. IV «Общественный строй»). Первая глава монографии («Политическая история») содержит определение этнической территории аланского массива и очерк политической истории Алании. Эта глава вводит читателя в атмосферу сложных межэтнических взаимоотношений, возникших в прилегающих к Большому Кавказу областях вслед за падением влияния Хазарской державы на севере и усилением византийско-грузинских контактов на юге.

Изложение материала в I и IV главах строится преимущественно на основе письменных источников, привлекаемый для решения поставленных в них вопросов археологический материал играет здесь подсобную роль. II и III главы базируются на данных археологических изысканий. Помимо интересных выводов и наблюдений автора читатель находит в книге новую, значительную по объёму информацию, важную для широкого круга историков, разрабатывающих проблемы социально-экономической истории Восточной Европы, Кавказа, Крыма, Балкан, Средиземноморья.

В I главе книги В. А. Кузнецова исследуются проблемы этнотерриториального и этнополитического единства Алании, взаимоотношений Алании с Хазарией, Византией, Грузией, русами, вопрос о монголо-татарском завоевании Северного Кавказа. Автор приходит к выводу о формировании в X—XIII вв. средневековой ираноязычной аланской народности, которая сконцентрировалась в предкавказских равнинах и предгорьях — от притока Кубани Урупа на западе до притока Терека Аргуна на востоке (с. 15). Определение этнических границ Алании и утверждение о формировании в ее пределах этнокультурной общности типа феодальной народности, видимо, не вызовут возражений у исследователей, знакомых с конкретным археологическим материалом; однако для читателя, не знакомого с ним, эти выводы могут оказаться неожиданными и недостаточно обоснованными. Автору необходимо было отослать читателя к своей же монографии, в которой подробно рассмотрены проблемы этнокультурных взаимоотношений в Предкавказье IV—XII вв.¹ Это же замечание относится и к вопросу о внутреннем делении Алании на восточную и западную: определив территорию Алании X—XIII вв. и правильно отметив основную тенденцию этнических процессов, проходивших на этой территории, автор уклоняется от рассмотрения этнических проблем. Незавершенность и некоторая априорность выводов этого раздела монографии — в значительной степени следствие недостаточной изученности раннесредневековых этносов Северного Кавказа, их расселения, социальной структуры, культурно-бытовой специфики и межэтнических контактов. Взаимоотношения ираноязычных алан, тюркоязычных болгар и хазар, адыгских племен, вайнахов и многочисленных дагестанских этнических групп все еще не вполне ясны. Только в последние годы стали входить в научный обиход материалы раннесредневековых городищ Терско-Сулакской низменности, Ставропольской возвышенности, низменных районов Осетии и Кабарды. До сих пор весьма затруднительно хронологическое расчленение материала на археологических памятниках типа селищ и городищ, что в свою очередь усложняет изучение динамики этнических процессов. Таким образом, лаконизм автора при изложении этнической истории алан может быть оправдан.

Начало самостоятельной истории Алании В. А. Кузнецов связывает с ослаблением политического влияния Хазарии, которое стало ощущаться на рубеже IX—X вв. Источники свидетельствуют о постепенном умирании в течение X в. Хазарского государства и возвышении на его южных границах Алании. Автор высказывает весьма плодотворную мысль о том, что ослабление хазарского господства в Предкавказье должно было повлечь за собой переход в руки алан части северокавказской степи, что, безусловно, стимулировало развитие у алан отгонного скотоводства. Это обстоятельство помогает удовлетворительно объяснить отношения, сложившиеся в X в. между Аланией и Сериром (горная область Западного Дагестана), царь которого являлся не только союзником царя Алании в борьбе против хазар, но и был данником алан. Можно предположить, что, кочуя все далее в направлении Терско-Сулакской низменности, аланы закрывали серирцам выход на равнинные пастбища и могли нарушать цикличность их скотоводческого хозяйства. Автор прав, оспаривая тезис Ю. А. Кулаковского о том, что в известном пассаже Константина Багрянородного об аланах, могущих препятствовать движению хазар к Саркелу, Херсону и Климатам (*De adm. imperio*, 11), имеются в виду какие-то «припонтийские» аланы. Константин имеет здесь в виду, несомненно, алан Центрального Предкавказья, установивших в середине X в. свой контроль над северокавказской степью. В политической борьбе алан и хазар за степь отразилась, как явствует из дальнейших разделов книги, насущная потребность аланской экономики в расширении скотоводческой территории, сдерживаемая до X в. хазарским могуществом.

Константин Багрянородный говорит также о возможности нападения алан на хазарские климаты, прилегающие к Алании (*De adm. imperio*, 10). Климатов, областей, откуда проистекает все благосостояние Хазарии, по Константину, девять.

¹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962 (МИА СССР, вып. 106).

Позволим себе не согласиться с В. А. Кузнецовым, локализующим климаты Хазарии только в Нижнем и Среднем Прикубанье, ибо эта локализация не вытекает из данных источника. Области, зависимые от Хазарии, охватывали на Северном Кавказе значительно более обширную территорию. Борьба за влияние в этих областях и приводила к возникновению алано-хазарских конфликтов, результатом которых явилось «возвышение» Алании.

В политической истории Алании X в. существенную роль сыграли походы русских дружин на Каспий и в Закавказье. Во время похода 943—944 г. на Бердаа, как свидетельствует ряд источников, русы выступали в составе коалиции, включавшей алан и лезгов (под последними следует понимать не только лезгин, как делает В. А. Кузнецов, но и другие этнические группы Дагестана, возможно, союзных аланам серирцев). В 965/66 г. русы нанесли последний удар Хазарскому каганату. Вслед за разгромом Итиля и Семендера, лежавших в области Прикаспийской Хазарии, дружины Святослава прошли по Предкавказью на запад, где вступили в контакт с ясами (аланами) и касогами (адыгские племена). В. А. Кузнецов в своей оценке похода 965/66 г. присоединяется к разделяемому большинством историков мнению М. И. Артамонова о том, что поход Святослава представлял собой хорошо продуманную и организованную акцию, направленную на разгром экономических центров Хазарии. Мы не можем с этим полностью согласиться, так как рассказ летописи главной целью похода Святослава называет подчинение Киеву вятичей, обитавших в далеких от Предкавказья приокских лесах². Поход на Волгу и Каспий был вызван необходимостью покончить с хазарской ориентацией некоторых восточно-славянских племен, которая препятствовала их объединению в составе Киевского раннефеодального государства. Но внезапный и энергичный рейд Святослава в глубь Хазарии действительно привел к полному разгрому и падению этого государства, подготовленным всем ходом его экономического и политического развития. Появление дружин Святослава в Центральном Предкавказье завершило борьбу Алании с хазарами за независимость. Политические интересы Руси и Алании в период борьбы с Хазарией, несомненно, совпадали.

Стремление алан добиться независимости от хазар и в противовес им создать в Предкавказье свое политическое объединение не осталось незамеченным в Константинополе. Согласно данным Кембриджского анонима, к 30-м годам X в. византийская агентура сумела настолько глубоко укорениться в Алании, что ей удалось инспирировать открытое выступление Алании против хазар, закончившееся ее поражением. Автор, безусловно, прав, указывая на то, что на новом этапе алано-хазарских отношений зависимость Алании от каганата выглядела в значительной степени номинальной (с. 23); Алания по-прежнему играла видную роль в системе «политического равновесия», которую Византия стремилась создать вдоль северных границ империи. Во второй половине X—XII вв. взаимоотношения Алании и Византии укрепляются и приобретают новые формы: аланские отряды сражаются под знаменами ромеев в Италии на Балканах; к помощи алан Византия прибегает при осуществлении своих планов в Закавказье; представители аланского нобилитета рождаются с ее крупнейшими феодальными династиями (Комнины, Дуки). Столь же многосторонние связи устанавливаются между Аланией и Грузией.

Анализ политических связей алан в XI—XII вв. приводит В. А. Кузнецова к обоснованному выводу о том, что во второй половине XII в. в Алании начался период феодальной раздробленности (с. 33). Сплочение аланского этнического массива, достигнутое в ходе борьбы с Хазарией, видимо, было весьма непрочным. Через всю историю Алании красной нитью проходит политический сепаратизм ее западной и восточной частей. Причины этого явления, к сожалению, остались в книге без объяснения. Можно лишь догадываться о том, что автор усматривает их в неполной этнической консолидации различных по происхождению и диалекту родо-племенных групп. Причиной политической диссимилиации, обнаружившейся в XII в., автор считает далеко зашедшую феодализацию аланского общества (с. 34). С этим положением трудно не согласиться.

² Гадло А. В. Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутороканского княжения). — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1974, с. 59—68.

Завершая I главу книги, В. А. Кузнецов ставит закономерный вопрос: какова дальнейшая судьба населения Алании после татаро-монгольского погрома; ведь после 1239 г. с политической карты Кавказа не только исчезает аланское государственное объединение, но и резко сокращаются границы расселения ираноязычных родо-племенных групп. Потомки алан осетины (грузинские «овсы») сосредоточились на сравнительно небольшой территории бассейна верхнего Терека в пределах современной Осетии. В. А. Кузнецов обращает внимание на то, что аланское население исчезло главным образом в верховьях Кубани, и объясняет это массовыми миграциями алан в XIII в., которые коснулись в основном Западной Алании (с. 44). Автор признает, что решающих аргументов для такого вывода нет и высказываемое им положение следует рассматривать как одну из гипотез.

В. А. Кузнецов полагает, что Западную Алалию (верховья Кубани и Пятигорье) населяли ираноязычные этнические группы ас-дигор (асы), родственные собственно аланам-иранцам (карта, рис. 1, с. 14). Он допускает возможность «проникновения в глубь аланской территории группы полукочевого тюркского населения», которое распространилось в районе Кисловодска и в восточном Карачае в VIII в. и, по его наблюдениям, прослеживается археологически до X в.

Не оспаривая в целом созданную автором этническую картину, мы считаем нужным обратить внимание на тот факт, что возвышение Западной Алании произошло не в VIII, а в середине X в., т. е. совпало с исчезновением на Ставропольской возвышенности массы поселений, существовавших там в хазарский период (эти поселения были открыты в последние годы экспедицией Ленинградского университета). Ставропольские поселения принадлежали носителям так называемой салтово-маяцкой культуры, которая в своем южном степном варианте, по мнению абсолютного большинства исследователей, принадлежала древнеболгарским родо-племенным группам, входившим в число данников Хазарии. В керамике поселений и городов Алании, в особенности Западной Алании, X—XII вв. прослеживаются связи с салтово-маяцким культурным ареалом. Создается впечатление, что население Ставропольской возвышенности ушло в X в. из степи в предгорья, где стало существенной силой, вызвавшей экономический подъем, характерный для Алании X—XIII вв. Исчезновение ираноязычного населения в Западной Алании (современный Карачай), таким образом, можно объяснить ассимиляцией в этом районе ираноязычных групп болгарскими тюркоязычными группами, имевшей место в течение X—XIII вв. Уничтожение или вынужденная миграция местной аланской аристократии в период монгольского нашествия и ассимиляция алан тюрками привели к тому, что на территории Западной Алании в XIV—XV вв. оказалось не ираноязычное, а тюркоязычное население, предки современного карачаевского народа³.

Во второй главе рецензируемой книги анализируются материалы хозяйственного развития аланского этнополитического объединения. В. А. Кузнецов рассматривает здесь данные о земледелии, скотоводстве, ремесленном производстве и промыслах (охота, рыболовство, бортничество) алан. В отличие от исследователей, считавших, что в основе хозяйства алан лежало скотоводство, В. А. Кузнецов доказывает ведущую роль земледелия в хозяйственном комплексе алан X—XIII вв.

Вопрос о происхождении аланского земледелия и степени его развития весьма не прост, но, умело сопоставляя отрывочные данные письменных источников и археологических находок, В. А. Кузнецов получает, на наш взгляд, надежные результаты. Справедливо отмечая, что тенденция к переходу от кочевого скотоводческого уклада хозяйства к оседлому земледельческому наметилась у племен сармато-аланского этнического массива уже в самом начале нашей эры, автор определяет основные вехи этого процесса — от неполной оседлости в V—VII вв. к стабильному земледелию в плодородной зоне равнин и предгорий в VIII—IX вв. Говоря о причинах, приведших алан к смене хозяйственного уклада, В. А. Кузнецов отмечает три фактора: разгром алан гуннами в IV в., внутреннее развитие

³ Гадло А. В. Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 3. Л., 1976. с. 99—103.

аланских кочевых общин и длительное общение с древним автохтонным населением Предкавказья. Некоторой коррекции, по нашему мнению, заслуживает определение первого фактора. Гуннское вторжение на Северный Кавказ, как и в другие области, лежащие к западу от Волги, безусловно, стимулировало рост экономической и социальной дифференциации внутри аланских родо-племенных групп и привело к вытеснению ряда этих групп из степи в предгорья. Однако оно было не единственным событием подобного рода. В IV—VII вв. в южнорусской степи идет систематическое расширение территорий, заселенных родо-племенными группами тюркского гунно-болгарского этнического круга. Начало же стабилизации и появление многочисленных оседлых поселений по границам степи, в поймах больших рек, на морском побережье и в предгорьях совпадают только с политическим возвышением Хазарского каганата⁴.

Тщательный анализ данных (письменные свидетельства, случайные находки предметов сельскохозяйственного инвентаря, материалы из раскопок, этнографические параллели, наблюдения палеоботаников, ландшафтоведов и климатологов) приводит автора к важному заключению о том, что для Алании X—XIII вв. было характерно сочетание трех систем земледелия, которые соответствовали вертикально-зональному ландшафту страны и особенностям ее природной среды. Относительно высокая культура земледелия обеспечивала в течение X—XIII вв. аланским земледельческим общинам стабильный и, видимо, значительный прибавочный продукт, что не могло не сказаться на динамике социальных отношений в Алании.

Высокий уровень скотоводческого комплекса в хозяйстве алан не вызывает сомнений у исследователей. В. А. Кузнецов полагает, что ведущей отраслью скотоводства у алан было овцеводство. Нам представляется, что это положение нуждается в дополнительном обосновании. Палеозоологи, на наблюдения которых опирается автор, не всегда имеют возможность определить по костным остаткам количество особей козы и овцы. Приводимые же свидетельства письменных источников недостаточно показательны. Между тем за соотношением количества особей того и другого вида в стаде скрываются две специфические системы скотоводства и различные этнические и культурно-хозяйственные традиции. Если в дальнейшем палеозология докажет, что в стаде у алан действительно преобладала овца, то предположение В. А. Кузнецова о существовании у алан отгонного (яйлажного) скотоводства, требовавшего использования под зимние пастбища низменных районов северокавказской степи, окажется верным. В соответствии с этим получают надежное подтверждение и выводы автора относительно политических и экономических взаимоотношений алан с хазарами и половцами. Точно так же нуждаются в подкреплении предположения автора относительно доли крупного рогатого скота в скотоводческом хозяйстве алан и доли свиноводства. Необходимо также уточнить роль лошади как животного, мясо которого употреблялось в пищу. Выводы относительно роли скотоводства у алан станут убедительными лишь после палеонтологических исследований массового костного материала бытовых памятников, обладающих четкой и хорошо датируемой стратиграфией.

Раздел книги, посвященный ремесленному производству, является самым обширным. Автор анализирует источники, характеризующие черную металлургию (кузнечное дело) и металлообработку, ювелирное дело (обработку цветных металлов), гончарное производство, производства, связанные с обработкой камня, дерева и кожи.

Топография находок железных шлаков, связанных с памятниками VIII—XII вв. на территории Алании, приводит В. А. Кузнецова к выводу о том, что металлургическое производство было сосредоточено в основном в горной и предгорной зонах. Равнинные земледельческие районы, видимо, импортировали железо и изделия специализированных кузнечных мастерских, которые тяготели к расположенным в зоне предгорий городским поселениям. К заключению о наличии специализации в кузнечном производстве приводит обширная (до 40 наименований) номенклатура изделий местных кузнецов и технологическая сложность изготовления дошедшей до на-

⁴ См.: Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967 (МИА СССР, вып. 142).

шего времени кузнечной продукции. Ряд производств (например, производство оружия, конского снаряжения, воинских доспехов) вызывал потребность в кооперации кузнецов-металлургов с мастерами кожевенного дела, медниками, резчиками по дереву, ювелирами. Как убедительно показывает автор, литейное и ювелирное дело в Алании X—XII вв., подобно специализированной черной металлургии, приобрели характер самостоятельных ремесел, работавших на рынок.

Тот же вывод делает В. А. Кузнецов при анализе керамического производства в Алании X—XII вв. Он полагает, что гончарное производство получает в городах Алании «характер самостоятельного ремесла, работавшего на заказ и на рынок» (с. 132). К XIII в., по мнению автора, относится появление в городах мастеров, работавших на совершенном гончарном круге, и отмечается начало дифференциации форм городской и сельской керамики.

К сожалению, изученность средневековой керамики Северного Кавказа пока не позволяет использовать этот вид источников для установления взаимосвязей городского ремесла Алании и закавказских ремесленных центров. Точно так же источники не дают основания для сопоставления уровня развития ремесла в аланском городе и византийских городах, расположенных в близком к Алании причерноморском районе. Однако основания для постановки такого вопроса имеются. Крупное церковное строительство, начавшееся в X в. в верховьях Кубани и Большого Зеленчука, не могло не привлечь в Аланию мастеров черепичного дела и керамистов, специализировавшихся на производстве кирпича (В. А. Кузнецов отмечает находки черепиц с грузинскими клеймами и плинфы). Весьма вероятно проникновение на Северный Кавказ технологических традиций обработки глины из Закавказья вместе с мастерами строительной керамики. Церковное строительство не могло не привлечь и ремесленников других специальностей: каменотесов, строителей, металлургов, плотников и т. д. Оно интенсифицировало связи, передачу технических навыков, способствовало установлению производственных контактов между мастерами разных специализаций, разрушало традиционную скованность домашнего ремесла, расширяло профессиональный кругозор.

В. А. Кузнецов заключает данный раздел монографии общей оценкой уровня развития ремесленного производства в стране — он был, бесспорно, весьма высоким. Читателю, однако, хотелось бы помимо констатации фактов, изложенных на страницах книги, ознакомиться со сравнительным анализом уровня развития ремесла в Алании и в других подобных раннесредневековых этнополитических образованиях. Тогда выводы автора о структуре аланского общества и уровне развития в Алании экономических и общественных отношений, содержащиеся в последующих главах, были бы более обоснованы.

Третья глава монографии посвящена аланскому городу. В. А. Кузнецов предлагает по существу первое обобщение результатов археологических исследований северокавказских раннесредневековых городских поселений. Глава состоит из двух разделов: в первом разбираются письменные и археологические данные о городах Алании, во втором анализируются материалы Нижне-Архызского городища, расположенного в верховье р. Большой Зеленчук, которое в настоящее время является одним из наиболее исследованных раннесредневековых городских поселений Северного Кавказа.

В первом разделе рассматривается проблема локализации топографических показаний письменных источников. В. А. Кузнецов начинает очерк с анализа свидетельства VIII в. («Хождение Епифания»), где упомянут аланский город Фуст. Недоверие В. А. Кузнецова к более ранним сведениям Захарии Ритора, на наш взгляд, вполне оправдано: трудно предполагать наличие у алан в V—VI вв. городов — средоточий специализированного ремесленного производства и торговли. Локализация Фуста на плато Рим-гора (в 18 км к западу от Кисловодска), предложенная В. А. Кузнецовым, исключительно интересна. Рим-гора представляет собой действительно крупнейший пункт, населенный аланами (или скрытой под их этнонимом группой) на вероятном пути Епифания в Авазгию. Относительно локализации второго аланского города — столицы алан Магаса — В. А. Кузнецов присоединяется к гипотезе В. Б. Виноградова, отождествляющего Магас с Алхан-Калинским городищем на р. Сундже (в районе Грозного). Третий аланский город, известный

в русских источниках под именем Дедякова, В. А. Кузнецов отождествляет с городищем Верхнего Джулата-Татартупа, приводя в пользу этого предположения ряд веских соображений. Подход автора к вопросу о локализации аланских городов импонирует строгостью и осторожностью в обращении с весьма противоречивыми источниками. Из наименований аланских городов, встречаемых в различных источниках, он выбирает только те, реальность существования которых не вызывает сомнения.

Нижне-Архызское городище привлекает к себе особое внимание исследователя не только как наиболее изученный аланский город, но и как вероятный центр Аланской епархии X—XIII вв. Это одно из крупнейших городищ западной Алании. До настоящего времени в его северной части возвышаются храмы, воздвигнутые в X в., с городищем связан ряд памятников греко-византийской и мусульманской эпиграфики. В. А. Кузнецов сжато, но обстоятельно характеризует топографию, бытовые и хозяйственные сооружения города, сохранившиеся на его территории архитектурные памятники, окружающие его могильники, наиболее важные вещественные и эпиграфические находки.

Город, по мнению В. А. Кузнецова, возник в X в., когда одновременно с возведением трех крупных храмов и монастыря стала заселяться и прилегающая к ним долина Большого Зеленчука. Город находился на важной магистрали, связывающей Северный Кавказ с Абхазией и через нее — с Византией и Средиземноморьем. В XI—XII вв. городские кварталы подвергались реконструкции и перестройкам, которые были вызваны ростом численности населения и естественной сегментацией заселявших его родовых групп и семей.

Анализ архитектурных особенностей архызских храмов привел автора к важному заключению «об осязатом византийском влиянии на население и район Нижнего Архыза в X—XIII вв.» (с. 176). Активную роль в распространении этого влияния, по его мнению, играли представители возвысившейся в X—XIII вв. феодальной Абхазии (с. 176). В то же время памятники эпиграфики убедительно свидетельствуют о существовании на территории города, главным образом в районе монастыря, колонии лиц, владевших греческим языком и письменностью. В. А. Кузнецов предполагает, что среди них могли находиться и византийские греки, причастные к клиру епархии. Вместе с тем эпиграфика свидетельствует и о наличии в городе мусульманской колонии. В. А. Кузнецов не останавливается на вопросе о происхождении мусульманской колонии в Архызе, он лишь фиксирует ее наличие и подчеркивает сложность религиозной ситуации в Алании X—XII вв. Бесспорным подтверждением этого являются материалы, полученные при исследовании могильников городища. Население города, как свидетельствуют могильники, не только не было сплошь христианским в начале заселения его территории, но и не перешло полностью в христианство в течение трех столетий его существования.

В. А. Кузнецов вслед за В. Ф. Миллером считает Нижне-Архызское городище центром Аланской епархии и одним из основных опорных пунктов Византии в ее экспансии в западную часть Алании (с. 194). Сопоставляя материалы Нижнего Архыза с материалами Рим-горы, Верхнего Джулата, Алхан-Калы, Нижнего Джулата и других крупных поселений Алании, автор приходит к выводу о формировании в предгорном районе городских центров, осуществлявших экономические связи как международного, так и местного значения. Анализ развития хозяйства Алании в X—XIII вв., содержащийся в предыдущем разделе книги, делает этот вывод вполне обоснованным. Отделение ремесла от земледелия и скотоводства, специализация ремесел и появление товарной ремесленной продукции неминуемо должны были сочетаться с формированием городских поселений.

Выводы III главы заставляют нас вновь вернуться к высказанным выше положениям относительно причин быстрого возвышения Алании. Появление архызского центра относится к X в. В X—XI вв. превращаются в города (с соответствующей перепланировкой кварталов) другие поселения Карачаево-Черкесии (Гиляч, Адиюх, Рим-гора). К западу от Нижнего Архыза, на собственно адьгской и пограничной с ней территории, также известны крупные городища, эпоха расцвета которых соответствует эпохе расцвета нижнеархызского центра. Это городище, лежащее при впадении р. Кривой в р. Кыфар, городище на р. Куве, притоке р. Урупа, городище

у аула Ахмет-Кая на р. Лабэ, городище на р. Монашка, притоке р. Кизинки, и др. Все они близки по своему типу к городищу Нижнего Архыза. Видимо, процесс образования городских поселений в предгорном районе охватил не только этническую территорию алан, но и территорию соседних адыгов. Этот процесс не мог проходить вне связи с политическим ослаблением Хазарии и отливом в предгорья населения северокавказской степи под натиском ее новых хозяев — печенежско-гузских родо-племенных групп.

Четвертая глава рецензируемой книги посвящена социальной структуре аланского объединения. Автор анализирует материалы, характеризующие территориальную общину, класс феодалов, зависимые группы населения и государственную организацию алан. В работах Б. Е. Деген-Ковалевского, Е. И. Крупнова, Б. В. Скитского, З. Н. Ванеева, Е. П. Алексеевой уже была сделана попытка дать периодизацию процесса становления классового общества у алан. Не рассматривая подробно ранние этапы этого процесса, В. А. Кузнецов присоединяется к мнению о зарождении и становлении феодальных отношений у алан в VIII—IX вв. Свое внимание автор сосредоточил на исследовании общественных отношений в Алании начиная с X в. В сфере его внимания оказываются две основные социально-экономические ячейки раннефеодального общества: сельская территориальная община и складывающееся феодальное хозяйство. Для характеристики эволюции этих ячеек В. А. Кузнецов привлекает значительную группу фактов, полученных в результате археологических исследований, удачно объясняя их при помощи этнографических параллелей.

Анализ топографии аланских поселений VIII—XIII вв. приводит автора к убедительному выводу о далеко зашедшем у алан равнинно-предгорной зоны процессе распада родовых отношений и сложении крупных территориальных ассоциаций, территориальных общин. Характерное для алан гнездовое расположение поселений, при котором к сильно укрепленному большому городищу тяготеет группа менее значительных, приводит В. А. Кузнецова к выводу о том, что в аланском обществе еще были сильны элементы родовых связей. Малые поселения (городища) он рассматривает как места обитания патронимических групп, входивших в территориальную общину. Существование родовых групп и их относительная стабильность подтверждается анализом топографии погребений в аланских могильниках X—XII вв. Вместе с тем В. А. Кузнецов отмечает факты, свидетельствующие, по его мнению, о процессе выделения и обособления малой семьи, за которым скрывалось одно из глубочайших изменений в экономике общества — возникновение частной собственности на землю.

В связи с тем, что количество исследованных до сих пор аланских поселений незначительно, В. А. Кузнецов при характеристике процесса выделения господствующего класса в Алании вынужден вновь обратиться к внешней, устанавливаемой визуально топографии поселений. Определяемые им вслед за другими исследователями аланских памятников (А. А. Иессен, Б. Е. Деген-Ковалевский, Т. М. Минаева, Е. П. Алексеева) черты социальной дифференциации общины вряд ли могут быть оспорены. Действительно, аланские городища VIII—XII вв. характеризуются наличием обособленных внутри них участков, которые принято трактовать как места обитания феодализирующейся родо-племенной аристократии.

Классовое расслоение аланского общества в X—XIII вв. В. А. Кузнецов иллюстрирует материалами раскопок могильника у станицы Змейской, где был обнаружен ряд исключительно богатых захоронений представителей местной аристократии. Статистические подсчеты показали, что богатые погребения составляли всего 5% от общего числа погребений в могильнике. В. А. Кузнецову удалось выделить погребения конных и пеших воинов, составлявших, по его мнению, «крестьянское ополчение». На территории могильника было обнаружено несколько погребений, давших основание определить погребенных как рабов. Предположение В. А. Кузнецова о существовании в Алании рабовладения достаточно обосновано. Следует подчеркнуть лишь тот факт, что рабовладение, вероятнее всего, имело свои основные источники не внутри, а вне аланского этноса.

Исследование скудных по содержанию и малочисленных источников для изучения структуры государственной власти в Алании X—XIII вв. привело В. А. Куз-

нецова к выделению в истории аланской государственности двух этапов: 1) периода централизации — X—XI вв. (на наш взгляд, более удачным был бы термин «консолидация») и 2) периода децентрализации — XII—первая половина XIII в. Первый период характеризуется наличием сильной «царской» власти, второй период — время феодальной раздробленности и возрастающего сепаратизма отдельных властителей (алдаров).

В. А. Кузнецов полагает, что подготовленное существовавшим до X в. союзом аланских племен аланское раннефеодальное государство возникает на местной, «варварской» основе и восходит к военно-демократическому устройству общества, явные признаки разложения которого обнаружили уже в VIII в. Тезис о временном единении аланского этноса и, возможно, соседних неираноязычных этнических групп в рамках одного политического образования, которое складывается, вероятнее всего, к первой четверти X в., обоснованный автором монографии, не нуждается в коррекции. Византийские, арабо-персидские, хазарские источники X в. знают одного государя в Алании и представляют Аланию достаточно целостным и консолидированным этнополитическим образованием.

Книга В. А. Кузнецова является многоплановым исследованием, всесторонне анализирующим жизнь аланского этнополитического объединения X—XIII вв. Автору удалось создать картину зарождения и созревания феодальных отношений в одном из наименее освещенных письменной традицией районов «варварского» мира.

В работе В. А. Кузнецова представлен весь комплекс сведений об аланском этнополитическом объединении, которым располагает современная наука, намечены главные направления будущих исследований в данной области. Этим определяется значение книги для современных и будущих историков-кавказоведов.

Книга В. А. Кузнецова имеет, однако, не только региональное значение. В ней представлен итог изучения конкретного этнического массива в период разложения родо-племенных связей и вызревания феодальных социально-экономических отношений. В. А. Кузнецов наглядно показывает, как в специфических формах хозяйства, общественно-политической организации, межэтнических и культурных связей, верований и быта проявляются общие закономерности становления классового общества и действуют универсальные законы перехода от первобытнообщинного строя к феодальной формации.

А. В. Гадло

Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 5. Греческие рукописи. Составитель И. Н. Лебедева. Л., 1973, 242 с.

Собрание греческих рукописей Библиотеки АН СССР в Ленинграде одно из крупнейших в нашей стране. Оно насчитывает 293 рукописи VI—XIX вв. и занимает четвертое место — после ГПБ, ГИМ и ГБЛ — среди наших основных хранилищ. По времени сложения и способу комплектования это собрание является типичным для большинства советских коллекций греческих манускриптов: оно было сформировано главным образом на протяжении XIX—начала XX в. усилиями отдельных ученых, занимавшихся изучением культуры христианского Востока.

В науке греческие рукописи БАН до недавнего времени были известны сравнительно мало: несколько работ, посвященных отдельным рукописям, — вот все, чем располагали исследователи. Заслуга в деле ознакомления специалистов с этим рукописным фондом принадлежит Е. Э. Гранстрем и И. Н. Лебедевой. Е. Э. Гранстрем в 1958 г. опубликовала большой обзор греческих коллекций БАН, а затем в своем «Каталоге греческих рукописей ленинградских хранилищ» впервые подробно описала 84 академических кодекса византийского периода¹. И. Н. Лебедева на

¹ Гранстрем Е. Э. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, с. 272—284. Каталог Е. Э. Гранстрем опубликован в следующих томах «Византийского временника»: вып. 1—т. XVI (1959), вып. 2—т. XVIII (1961), вып. 3—т. XIX (1961), вып. 4—т. XXIII (1963), вып. 5—т. XXIV (1964) и т. XXV (1965), вып. 6—т. XXVII (1967) и т. XXVIII (1968), вып. 7—т. 31 (1971), вып. 8—т. 32 (1972).

протяжении десятилетия публиковала исследования отдельных рукописей БАН, в которых излагала результаты текстологического и кодикологического анализа как ранневизантийских фрагментов Нового Завета, так и списков послевизантийского хронографического свода Псевдо-Дорофея Монеувасийского. Интересы исследователя были направлены также на выяснение судьбы некоторых рукописей, в частности рукописей, побывавших на своем пути в Россию в святогорских монастырях². Итогом длительной работы И. Н. Лебедевой по изучению греческого рукописного фонда БАН явился рецензируемый каталог, составивший 5-й том серии «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР».

Эта аккуратная и удобная в пользовании — благодаря многочисленным указателям — книга делает теперь доступным для специалистов *все* греческое собрание БАН. Только теперь можно в полной мере представить себе, какие важные — для филолога, палеографа, историка, искусствоведа — материалы находятся в БАН. Появившиеся отклики на эту работу И. Н. Лебедевой говорят о том интересе, который вызвала у специалистов публикация каталога³.

Перед составителем каталога стояли две трудности.

1. Большая часть рукописей БАН не была никогда описана. Те, кто сам занимался подобной работой, хорошо знают, насколько при описании обширных собраний ее облегчает наличие предшествующих каталогов.

2. Более двух третей греческого собрания БАН составляют рукописи позднегреческие, XVI—XIX вв. Рукописи этого периода греческой истории изучены в науке в целом значительно меньше, чем книжность византийской эпохи, а это означает, что каталогизатор во многих случаях лишен возможности прибегать к помощи различных справочных пособий, которыми располагает византист, не может пользоваться уже разработанными приемами отождествления текста, должен знать специфику позднегреческой рукописной книги — как в плане новогреческого языка и литературы, так и в плане кодикологии и более узко — палеографии.

И. Н. Лебедева успешно преодолела эти трудности. Ее каталог помимо основной роли, которую должно играть каждое издание такого рода, — информировать исследователей о составе и особенностях собрания рукописей, — призван сыграть еще одну (и для исследователей советских собраний греческих рукописей очень важную) роль: в наших хранилищах (ГПБ, ГБЛ, ЦНБАН УССР и др.) остаются неописанными сотни греческих рукописей XVI—начала XX в.; эта работа предстоит, и для ее исполнителей каталог И. Н. Лебедевой будет являться настольной книгой.

Думаем, что почти всякая работа по описанию большого рукописного фонда, которая ведется на протяжении длительного времени и имеет дело с бесконечным числом всевозможных данных, неизбежно должна иметь недостатки. Практически почти невозможно быть всегда абсолютно точным в различных подсчетах и измерениях рукописей, определить все встречающиеся в рукописях филигранные (тем более что позднегреческий рукописный материал в существующих альбомах водяных знаков почти не учтен), отождествить все полные тексты или фрагменты (особенно в сложных греческих сборниках послевизантийского времени), установить писцов в книгах без колофонов и т. п. Одни недостатки будут связаны с опытом каталогизатора, его пристрастием как исследователя к определенным темам и рукописям, другие будут объясняться состоянием изученности того или другого раздела науки, его обеспеченностью инструментами для работы.

Имеются недостатки и в каталоге И. Н. Лебедевой. Характеризуя ее работу в целом как крупное явление в науке, мы тем не менее считаем необходимым обратить внимание на некоторые из этих недостатков. Мы могли проверить сведе-

² Лебедева И. Н. Неизвестные фрагменты греческого Евангелия в собрании Библиотеки АН СССР. — ПС, 15 (78), 1966, с. 117—129; *ее же*. Списки Хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза. — ВВ, XXVI, 1965, с. 100—109; *ее же*. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968 (=ПС, 18/81); *ее же*. Греческие рукописи с Афона в собрании БАН СССР. — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению, II. Л., 1970, с. 268—278.

³ Anal. Boll., t. 91, 1973, fasc. 3—4, p. 428—431 (J. Noret); REB, 32, 1974, p. 398—399 (J. Darrouzès).

ния каталога И. Н. Лебедевой, обратившись непосредственно к рукописям БАН, и получили тем самым возможность сделать отдельные замечания, уточнения и дополнения.

Главным недостатком рецензируемого каталога является отсутствие истории собрания греческих рукописей БАН. Здесь можно было бы найти оправдание: во-первых, вся серия каталогов рукописей БАН не предусматривает составления истории отдельных коллекций и фондов, а во-вторых, история трех основных греческих фондов БАН («Иностранные рукописи», собрание РАИК, собрание А. А. Дмитриевского) не настолько как будто сложна, чтобы требовалось специальное ее исследование. И тем не менее при издании данного каталога нельзя было исходить из тех же принципов составления подобного рода изданий, которые сложились еще в начале XX в. (мы имеем в виду первый том «Описания Рукописного отделения Библиотеки императорской Академии наук» В. И. Срезневского и Ф. И. Покровского, вышедший в свет в 1910 г.) и были приняты за основу при создании последующих томов каталогов рукописей БАН: во-первых, все эти тома были составлены по тематическому признаку (который с самого начала предполагает, если можно так выразиться, неполноценное описание рукописи, с акцентом на интересующие составителей тексты и пренебрежением в известном смысле к их окружению), а каталог И. Н. Лебедевой включил в себя греческий фонд БАН полностью; во-вторых, принципы описания рукописей начала XX столетия едва ли могут удовлетворить исследователя и каталогизатора греческих рукописей наших дней, когда прошло более 25 лет после рождения такой науки, как кодикология, с ее повышенным интересом к происхождению и истории рукописных фондов.

Изданный Е. Э. Гранстрем в 1958 г. обзор греческих рукописей БАН в каталоге И. Н. Лебедевой, на наш взгляд, должен был быть переработан в развернутое и точное исследование истории греческих коллекций библиотеки. Никто лучше составителя каталога, имеющего дело с каждой рукописью, изучающего судьбу каждой единицы хранения, не может знать историю описываемых фондов, и долг такого специалиста — предпослать описанию кодексов подробную историю сложения и изучения входящих в каталог рукописных собраний.

Другой недостаток работы — отсутствие фотографий описанных рукописей. И здесь причина «зла», по-видимому, в принципах, на которых основано издание всей серии каталогов рукописных фондов БАН. И вновь строгость в следовании этим принципам порождает досадный недостаток важной работы. В последние годы развитие кодикологии привело к тому, что публикация хотя бы нескольких фотографий отдельных рукописей в каталогах стала совершенно необходимой, ибо она позволяет палеографам рукописи, доступные до того лишь по описаниям, вовлечь в круг материалов для изучения писцов и скрипториев. В качестве наиболее удачных примеров можно указать каталоги Н. Вейса и Л. Политиса-М. Мануссакаса⁴. «Позволить себе» публикацию каталогов греческих рукописей без фотографий могут в наши дни разве что Ватиканская и Парижская национальная библиотеки, фонды которых известны в науке значительно больше, чем многие другие собрания; к тому же две эти библиотеки неоднократно издавали и издают разнообразные альбомы своих греческих манускриптов. Палеографы должны брать пример со специалистов по западноевропейской старопечатной книге — каждый каталог инкунабулов обязательно сопровождается целой серией фотографий (нередко цветных) наиболее интересных экземпляров той или иной коллекции. А ведь почти любой памятник печати гораздо «менее уникален», чем рукопись!

Сопроводить рецензируемый каталог двумя-тремя десятками фотографий наиболее интересных (с разных точек зрения) манускриптов было необходимо и потому, что рукописи БАН в науке почти неизвестны, и потому, что греческие коллекции БАН, на наш взгляд, необычайно интересны, особенно — как мы это покажем далее, в наших дополнениях, — рукописи XVI—XVIII вв. Иллюстрации еще больше приблизили бы вводимый в науку И. Н. Лебедевой фонд к исследователям, лишенным возможности обращаться непосредственно к самим кодексам, и позво-

⁴ Βέης Ν. Α. Τὰ χειρόγραφα τῶν Μεταώρων, τ. 1 Ἀθήναι, 1967; Πολίτης Α., Μανούσας Μ. Ι. Συναπληρωματικοὶ κατάλογοι χειρογράφων Ἀγίου Ὁρους. Θεσσαλονίκη, 1973.

лили бы надежнее установить связь между рукописями БАН и греческими фондами многих других хранилищ. Наконец, иллюстрации были необходимы еще и потому, что с их помощью можно было бы разобраться в тех многообразных типах греческого книжного письма, названия которых мы находим в каталоге (об этом см. ниже).

После всего сказанного обратимся к тексту каталога.

И. Н. Лебедевой опубликовано описание 293 единиц хранения; с добавлением описаний смытых текстов (2) число описанных памятников греческой книжности составляет 295. В каталог следовало бы также включить подробное описание еще одной рукописи — 17.16.10, содержащей текст Наказа Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения. На лл. 19 об.—114 об. рукописи находится греческий перевод текста документа, писанный рукой Евгения Вулгариса⁵. Рукопись, правда, уже была однажды кратко описана в одном из каталогов БАН⁶, но это не исключало повторного описания ее в каталоге *греческих* рукописей; в крайнем случае необходимо было бы упомянуть этот манускрипт со ссылкой на имеющееся его описание 1971 г.

Ряд наших замечаний относится к кодикологическому аспекту описания греческих рукописей БАН.

1. Приводя описание пергаменных рукописей, И. Н. Лебедева определяет тип их разлиновки, пользуясь, как это принято, классификацией разлиновок минускульных рукописей, разработанной К. и С. Лейк. Однако нам кажется излишним применять эту систему разлиновок и для *унциальных* рукописей (см. с. 19, 20), а также для свитков, содержащих литургические тексты (с. 41, 50, 51, 63). Обычно не регистрируется в каталогах разлиновка *бумажных* рукописей (см. с. 51).

При определении разлиновки минускульных кодексов не раз встречается формулировка такого рода: «тип разлиновки близок к...» (с. 26, 35, 42, 45). В этих случаях было бы желательно указать те особенности, которые отличают ту или иную разлиновку от типа альбомов Лейк. В рукописи РИИК № 90 И. Н. Лебедевой зарегистрирован тип разлиновки, не встречающийся в справочниках (с. 38), — необходимо было привести его подробное описание. При наличии двух и более типов разлиновки в рукописи, написанной несколькими писцами, как это встречается в кодексе РИИК № 80 (с. 40), важно было бы указать границы не только почерков (что в каталоге сделано), но и типов разлиновки.

2. Ряд неточностей содержится в описании тетрадей манускриптов и местонахождения сигнатур. Так, в рукописи РИИК № 86 недостаточно было простой фиксации числа тетрадей и их характера (с. 63) — нужно было бы указать, какие именно тетради являются квинионами, кватернионами и тернионами.

В наши дни, когда усилия многих исследователей направлены на изучение писцов рукописей, большое значение при описании манускриптов придается точности определения тех моментов, которые характеризуют работу переписчика. Одной из таких характеристик является место номеров тетрадей (сигнатур).

В рецензируемой работе мы встречаем на этот счет следующие характеристики: сигнатуры находятся «на нижнем поле первого и последнего листов тетради» (с. 64, 89, 94, 111), «на нижнем поле последнего листа тетради» (с. 95, 126), «на нижнем поле первого и оборота последнего листов тетради» (с. 100), «на нижнем поле первого листа тетради» (с. 107), «на нижнем поле оборота последнего листа тетради» (с. 131, 145, 173) и т. д. Этих определений недостаточно: следовало бы указать, где именно на нижнем поле листа (в левом/правом углу, ближе/дальше от вертикалей разлиновки, в центре поля и т. п.) расположены сигнатуры. Такого рода точные указания в каталоге имеются (с. 114, 115, 180), и нужно было распространить их на все случаи описания сигнатур.

⁵ На эту рукопись обратил наше внимание американский исследователь С. К. Баталден, изучавший в советских хранилищах документы и материалы, связанные с деятельностью Евгения Вулгариса в России.

⁶ Бубнов Н. Ю., Копанев А. И. и др. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVII—XIX вв. Л., 1971, с. 298—299.

3. Одним из интереснейших разделов описания И. Н. Лебедевой является типология письма греческих рукописей. Здесь во многом составитель выступает новатором, вводя наряду с принятыми в науке характеристиками типов письма (унциал, минускул, библейский унциал, литургический минускул) новые определения: книжное письмо (т. е. каллиграфический вариант), книжная скоропись и др. Эта интересная находка И. Н. Лебедевой, однако, не может быть оценена в полной мере, во-первых, из-за отсутствия подробных разъяснений относительно каждого типа почерка, а во-вторых, из-за отсутствия альбома, в котором каждый из этих типов был бы представлен. Некоторые определения типов письма следует признать удачными: «письмо нотных рукописей» (с. 87, 94, 159 и др.), «поздний литургический минускул» (с. 88, 89, 104 и др.). Другие по указанным выше причинам остаются для читателя каталога неясными: «минускул, переходящий в курсив» (с. 53, 61, 69), «скоропись и минускул» (с. 67), «минускул, переходящий в скоропись» (с. 71), «книжное письмо» (с. 83, 96, 101, 114), «поздний минускул» (с. 90, 91), «книжная скоропись» (с. 104, 143). Вместе с тем в каталоге И. Н. Лебедевой отсутствуют принятые в специальной литературе такие определения типов почерка, как «Perl-schrift», «Fettaugenstil» и некоторые другие, хотя в БАН имеются рукописи, писанные почерками этих типов.

4. При наличии в рукописи нескольких почерков необходимо было бы давать точное указание на их границу, как это сделано И. Н. Лебедевой, например, на с. 109, 128, 149. В ряде случаев, однако, такая точность отсутствует — с. 103, 135 (о почерках РАИК № 179 см. ниже), 146, 188.

5. Чрезвычайно важным моментом при описании и публикации находящихся в рукописи более поздних записей и помет является их датировка. До недавнего времени это положение не было осознано составителями каталогов, однако с ростом понимания больших возможностей кодикологического исследования манускриптов и необходимости такого исследования каталоги греческих рукописей стали наполняться сведениями о времени написания более поздних по сравнению с письмом основного текста помет, приписок, схолий, дополнений текста, различных записей. Не всегда, правда, почерки такого рода поздних дополнений поддаются достаточно точному датированию, однако и в этих случаях значительную помощь исследователям способны оказать даже приблизительные датировки, например: «владельческая запись рукой XVI—XVII вв.», и т. п. Каталог И. Н. Лебедевой не может не радовать кодиколога, многократно встречающегося на страницах работы достаточно точные или приблизительные датировки поздних почерков, заметок, приписок (см., например, с. 20 — РАИК № 82, с. 61 — РАИК № 117, с. 63 — Дмитр. № 20, с. 74 — О № 128, с. 83 — Дмитр. № 18, с. 108 — РАИК № 139, с. 133 — Дмитр. № 5, с. 138 — РАИК № 49, с. 140 — РАИК № 25 и др.). Тем не менее в ряде случаев такого рода датировки, к сожалению, отсутствуют: с. 12 — РАИК № 109 (верхний текст), с. 18 — РАИК № 74, с. 28 — РАИК № 68, с. 33 — РАИК № 71, с. 41 — РАИК № 1, с. 49 — РАИК № 76, с. 53 — Q № 10, с. 89 — РАИК № 88.

6. Ряд записей писцов и владельцев издан не полностью; оставшиеся неизданными части записей иногда занимают в рукописи три строки. Правда, неизданные части записей являются, как правило, типичными формулами проклятия похитителю книги, однако едва ли правильно пренебрегать даже таким материалом, если учесть, во-первых, что многие рукописи БАН впервые вводятся в науку, а во-вторых, что изучению писцов и владельцев греческих рукописей сейчас уделяется специалистами особенное внимание. В рецензируемом каталоге оказались не полностью изданными как раз очень интересные и важные записи — колофон знаменитого каллиграфа Луки Угровлахийского (с. 118, РАИК № 189), владельческая запись митрополита Филиппа и Драмы 1652 г. (с. 131, Дмитр. № 23), запись известного диаскала Бухарестской академии Георгия Трапезундского 1730 г. (с. 152, РАИК № 140), колофон писца Михаила из Веррии (с. 186, РАИК № 119).

В заключительном разделе рецензии мы приведем те исправления и дополнения к описанию отдельных рукописей, которые появились в процессе нашего изучения греческих фондов БАН.

с. 18—19, РАИК № 74. Текст защитных листов рукописи относится не к X, а, как указано на с. 52—53, к XIII или, как нам кажется, к XII в.

с. 23—26, Q № 9. Запись иеромонаха Кирилла (с. 26) находится не на л. 1, а на л. 268. Ее следует датировать не 1388, а 1387 г., так как свой приход в Ксиропотам Кирилл относит к ноябрю 6896 г. В изданный текст записи нужно внести несколько поправок: 2-я строка — τὸ μοναστήριον, 10-я — ὁμοίως, 11-я — τῶν ἐν...; ἀρχίων, ἰνδ. ἔκτῃς. На л. 267 об. трижды писано рукой библиотекаря XVI в.: τὸ παρὸν βιβλίον ἔχει λόγους εἰκοσι καὶ πέντε. Помета Ватопедского монастыря — в форме τῆς Βατοπεδίου. Арсений Суханов привез рукопись в Москву не в 1653, а в 1655 г.

с. 46—48, Дмитр. № 28. К библиографии рукописи следует добавить исследования самого А. А. Дмитриевского (1. Служба в честь византийского императора Никифора Фоки. — ТГДА, 1906, № 2, с. 237—252; 2. То же. — В кн.: Serta Borysthenica. Сборник в честь заслуженного профессора имп. Университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911, с. 96—110), из сопоставления которых с описанием И. Н. Лебедевой явствует, что речь идет именно об этом манускрипте, происходящем из Симонопетрского монастыря на Афоне, а также работу: D. Parachrysanthou. L'Office ancien de S. Pierre l'Athonite. — Anal. Boll., t. 88, 1970, fasc. 1—2, p. 27—41 (с отнесением рукописи скорее к XIII в.).

с. 48—49, РАИК № 76. Кроме двух листов пергаменной Триоди, в той же папке находится отрывок из Пчелы на одном бумажном листе, написанный писцом первой половины XVII в.

с. 55—58, Q № 1. Нам представляется более правильной датировка рукописи концом XIII—началом XIV в.: почерки второго и третьего писцов позволяют отнести их к кругу Димитрия Триклиния. Первым писцом писан текст на лл. 1—66 об., вторым — на лл. 67—78 об. Нумерация первых 149 страниц рукописи не принадлежит X. Ф. Маттеи.

с. 60—61, РАИК № 16. Мы бы отнесли эту рукопись не к XIII—XIV, а к XV в.

с. 63—64, РАИК № 2. И. Н. Лебедева, опираясь на наблюдения Г. М. Прохорова, относит рукопись к числу автографов известного каллиграфа второй половины XIV—начала XV в. Иоасафа. Между тем Г. М. Прохоров в своей работе не столь категоричен: отождествляя по почерку писца свитка, он ставит рядом с его именем вопросительный знак⁷. Эта идентификация нам представляется ошибочной и рукопись, по нашему мнению, следует датировать XV в.

с. 65—66, РАИК № 155. Почерк основного писца рукописи чрезвычайно близок к почерку кипрского писца первой половины XIV в.; см.: A. Turyn. Codices graeci Vaticani saeculis XIII et XIV scripti annorumque notis instructi. In Civitate Vaticana, 1964, tab. 96.

с. 67—69, РАИК № 153. Судя по почеркам, рукопись происходит из Южной Италии.

с. 69—70, РАИК № 101. Об этой рукописи см. также: Ф. И. Успенский. Константинопольская Серальская рукописная псалтырь с толкованиями. — ВВ, XXIII, 1923, с. 118—133, особенно с. 123—133.

с. 78—79, F № 1, л. 112—112 об. — без текста. Владельческую помету Германа Нисского на л. 2 следует читать так: Ἐκ τῶν τοῦ Γερμανοῦ μητροπολίτου Νύσσης βιβλίων.

с. 79—81, Q № 14. Самые ранние части этого сборника были переписаны в конце XVI в. писцами из окружения константинопольского патриарха Иеремии II⁸: I — лл. 1—49 об., 47—47 об., 135 об.—136, 155 об. (=VII об.); II — лл. 115—117; III — лл. 117 об.—120; IV — лл. 120 об.—134 об. Без текста также лл. 98 об., 114 об.

с. 83—84, Дмитр. № 21. Запись писца Иоанникия имеется также на л. 49 об.

с. 85—86, F № 193. Владельческая помета на л. 1 читается так: Ἐκ τῶν Μαξίμου ἐπισκόπου Κυβήρων.

с. 89, РАИК № 88. Рукопись сохранила первоначальный переплет XVI в.

с. 89—90, РАИК № 126. Помета Дионисия сделана его рукой и читается так: Διονυσίου ἀρχιμανδριτοῦ Ἰβηρίτου. Архим. Дионисий прибыл в Россию не в 1653, а в 1655 г. (как верно указано на с. 86).

⁷ Prochorov G. M. A codicological analysis of the illuminated Akathistos to the Virgin (Moscow, State Historical Museum, Synodal gr. 429). — DOP, 26, 1972, p. 243, fig. 6

⁸ См.: Фонкич В. Л. Новые работы по истории греческой культуры послевизантийского периода. — ВВ, 36, 1975, с. 195, 197.

с. 103, Q № 6. Рукопись правильнее датировать второй половиной XVI—XVII вв. Писцы: I — Герасим Влах (отождествлено по почерку⁹), лл. 1—10 об., 184—192, 195—210, 211—213 об. (?), 214—227 об.; II — лл. 11—55; III — лл. 57—68 об.; IV — Антоний Епископопулос (отождествлено по почерку¹⁰), лл. 69—98 об., 99 об.—110, 113—162 об., 163 об., 164—174; V — л. 99—99 об.; VI — лл. 163, 164; VII — лл. 175—182 об. Без текста также лл. I—IV об., 11, 21 об., 56а—56а об., 183—183 об., 183а—в, 210 об., 228—233 об.

с. 134—135, Дмитр. № 24. Запись 1690 г. говорит о вкладе рукописи в храм неживинской греческой общины.

с. 135, РАИК № 179. Рукопись определяется в каталоге как «Сборник риторический». Однако это неверно, так как из почти 200 листов кодекса лишь лл. 1—22 об. заняты четвертой книгой трактата «Περὶ τέχνης ῥητορικῆς», все же остальные тексты содержат либо трактаты об искусстве писать письма (лл. 22 об.—39 об., 40—49), либо письма отдельных лиц. Текст на лл. 86—197 определен суммарно как «Письмовник»; между тем письмовник в собственном смысле слова находится на лл. 86—102, на лл. 107—127 об. переписаны 16 посланий Иосифа Вриенния, на лл. 128—160 об. — письма Георгия Лекапина, на лл. 162—182 об. — письма Ливания и т. д.

Сборник писан четырьмя писцами: I — лл. 1—91 об., 128—160 об.; II — лл. 92—102; III — лл. 107—127 об., 162—182 об.; IV — лл. 183—199 об., V об. (конечный). Владычельскую помету на л. 1 следует читать так: Παύλου Βλαστάρη Λεσβίου 1673 νοεμβρίου 23.

с. 136—137, РАИК № 169 и с. 155—156, РАИК № 170. Текст толкований Феофила Коридалева на «Метафизику» Аристотеля см.: Théophile Corydalée. Commentaires à la Métaphysique. Bucarest, 1973.

с. 139—140, Дмитр. № 9. Предположение И. Н. Лебедевой о принадлежности синодика «греческой церкви в России» абсолютно верно: это синодик греческой общины в Нежине. На л. 1 не «поминаются... (Лихуды?)», а сама запись сделана Иоанниким Лихудом (отождествлено по почерку¹¹).

с. 148, Дмитр. № 7. В каталоге указано, что записи церковных треб доведены до 1754 г. В действительности последняя запись датирована 27 августа 1738 г.

с. 152—153, РАИК № 140. В изданный текст записи писца нужно внести следующие исправления: 3-я строка — διὰ προσταγήν (вм. πρόσταγμα); последняя строка — τῆς ἐν Βουκορεστίῳ ἀθηνετικῆς σχολῆς καὶ δούλου πιστοτάτου τῆς αὐτοῦ ὑψηλότητος.

с. 162, Дмитр. № 16. лл. 52—55 — Πίναξ τοῦ παρόντος βιβλίου.

с. 163—165, F № 3. К библиографии рукописи нужно добавить еще две работы, появившиеся после выхода в свет рецензируемого каталога: И. П. Медведев. Византийские и поствизантийские копиянные книги. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, VI, 1974, с. 308—309; Б. Л. Фонкич, Николай Караджа и Ленинградский сборник византийских документов (Из истории византийской дипломатики). — ВВ, 37, 1976, с. 140—146.

с. 165—166, РАИК № 151. На л. 96 об. — не имя писца XVIII в., а имя торговца рукописями Хаджи Димитрия (см. с. 170, собр. Никольского № 118).

с. 172—173, O № 185. Владычельская помета на л. 1 читается так: Καὶ τῶς ἐν τοῖς ἄλλοις Γρηγορίου Μπασαράμπα Μπραχούβανου.

Б. Л. Фонкич

E. Cruikshank Dodd. Byzantine Silver Treasures, Abegg Stiftung, Bern, 1973, 76 p., XV pl.

В работе Э. Круиксханк Додд «Византийские серебряные изделия. Собрание Абегг» рассматриваются десять ранневизантийских памятников, несколько лет назад

⁹ Ср.: Τατάκης Β. Ν. Γεράσιμος Βλάχος ὁ Κρητῆς (1605/7—1685), φιλόσοφος, θεολόγος, φιλόλογος. Βενετία, 1973, πιν. 2.

¹⁰ Ср.: Omont H. Facsimilés de manuscrits grecs des XVe et XVIe siècles. Paris, 1887, pl. 4.

¹¹ Ср.: ГБЛ, ф. 173, № 329.

вошедших в это собрание¹. Это два кувшина, лампада, два потира, два диска, сосуд с «бусинным» краем, ложка, печать, согласно надписи принадлежавшая Иоанну, епископу Кирении. Все перечисленные предметы были найдены в Сирии: кувшины происходят из известногоклада, обнаруженного еще в начале XX в. в Рихе, лампада найдена в Стуме, потиры, диски и печать, а также крест, находящийся ныне в собрании Думбартон Окс², — в районе Латакии, а сосуд с «бусинным» краем и ложка были открыты в 1962 г. в Северной Сирии в составе большогоклада, другие вещи из которого попали затем в музей Виргинии³ и Кливленда⁴ и в коллекцию П. Меллона.

Некоторые из перечисленных памятников известны по предварительным публикациям⁵, другие — потиры, дискос с изображением креста и четырех райских рек, печать епископа Иоанна — издаются и исследуются впервые.

Книга Э. Круиксханк Додд делится на две части: каталог и специальный раздел, озаглавленный «Императорские мастерские по обработке серебра и мастерские Сирии». Расположение вещей в каталоге не подчинено хронологическому принципу. Вначале помещены наиболее значительные памятники VI в. — кувшины и лампада, датируемые клеймами: первые — временем Маврикия Тиберия (582—602), вторая — временем Тиберия Константина (578—582); затем — дискос без клейм с изображением голгофского креста и райских рек. Названные предметы интересны прежде всего своими посвяжительными надписями, в которых упоминаются те же лица, что и на известных дискосах со сценами евхаристии из Рихи и Стумы.

Автор прослеживает карьеру одного из видных константинопольских сановников — Мегала, ставшего за 20 лет экс-консулом, патриархом и куратором⁶. Э. Круиксханк Додд интересуют также возможные взаимоотношения Мегала с аргиропротом Сергием, ставшим со временем трибуном. Она высказывает предположение, что Мегал, донатор дискоса со сценой евхаристии и кувшинов из Рихи, и Мегал, имя которого в виде монограммы присутствует на блюде, поднесенном аргиропротом Сергием (клад из Стумы), — одно и то же лицо. Отсюда делается вывод, что Мегал, будучи причастным к клеймению серебра в период между 577 и 582 гг., мог своей властью выдать Сергию серебряное блюдо с пятью клеймами, но без изображений. Тот же скопировал дискос, ранее поднесенный Мегалом, кое в чем видоизменив детали изображения и выполнив его еще более условно, чем это было в оригинале. В результате, по мнению Э. Круиксханк Додд, первый дискос (из Рихи) может рассматриваться как образец столичного стиля, а второй (из Стумы) — провинциального сирийского⁷.

Характеризуя ту часть книги, которая содержит каталог, следует прежде всего отметить значение интересного, вновь введенного в науку материала и ценность любопытных, хотя и не бесспорных выводов.

Эта часть работы, однако, не лишена отдельных недостатков. Хотя автор при исследовании каждого конкретного памятника стремится дать исчерпывающий список аналогий и использованной литературы, в книге не учтены как некоторые специальные работы, так и отдельные памятники, иконографически и стилистически близкие рассматриваемым. Так, Э. Круиксханк Додд, очевидно, неизвестна работа А. В. Банк «К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства»⁸,

¹ *Cruikshank Dodd E. Byzantine Silver Treasures. Abegg Stiftung. Bern, 1973 (далее — BST), p. 5.*

² *Ross M. C. Catalogue of the byzantine and early mediaeval Antiquities in the Dumbarnton Oaks Collection, vol. I. Washington, 1962, N 14.*

³ *Ross M. C. Luxuries of the Eastern Empire. Arts in Virginia, t. VIII, N 1-2. Richmond, 1967—1968, p. 56—59.*

⁴ *Wixom W. D. A mystery Spoon from the fourth Century. — «Bulletin of the Cleveland Museum of Art», 1970, May, p. 141—148.*

⁵ *Stettler M. Abegg-Stiftung. Bern in Riggisberg, 1968, N 22, 24; Stettler M., Otavsky K. Abegg-Stiftung. Bern in Riggisberg, Bern, 1971, Taf. 13; Ross M. C. Luxuries of the Eastern Empire, p. 58—59, fig. 4.*

⁶ BST, p. 10—11; см. также специальную статью: *Cruikshank Dodd E. Byzantine Silver Stamps: Supplement II. — DOP, XXII, 1968, p. 143—149.*

⁷ BST, p. 48.

⁸ *Банк А. В. К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства. — В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967, с. 77—83.*

где детально рассматриваются обе патены из Рихи и Стумы и приводятся доводы в пользу значительной роли Сирии в византийском искусстве. Кроме того, приводя многочисленные аналогии, среди которых фигурируют серебряные предметы с изображениями в медальонах, Э. Круиксханк Додд не отмечает, что отдельные сопоставления эмесской вазы, херсонесского реликвария, кливлендских потиров и некоторых других памятников уже имели место в работах Н. М. Беляева⁹, А. В. Банк¹⁰, В. Ф. Фольбаха¹¹, Е. Кош де ля Ферте¹², Ж. Леруа¹³. Кроме того, автором не учитываются четыре предмета с изображениями в медальонах, которые, по нашему мнению, примыкают к названной группе: два медальона, украшавшие крест, с изображениями благословляющего Христа (найден в Хаме), фрагмент реликвария с изображениями богородицы и Христа¹⁴ (найден в Антиохии) и потир, почти аналогичный кливлендским (недавно появившийся в Лондоне на антикварном рынке)¹⁵.

Датировка потира (№ 5 каталога), украшенного шестью стоящими рельефными фигурами, VI веком недостаточно обоснована и не может быть решена без ответа на вопрос о том, существовали ли в столь раннее время изображения святых воинов, представленных в воинском облике. Привлекая в качестве аналогии кливлендские потиры, автор определяет их датировку — VI в., ссылаясь на Г. Доуни. Вывод Доуни, однако, не столь категоричен: «Данные надписи на кливлендском серебре, самые тексты по своему содержанию и характеру начертания букв не дают решающих оснований для датировки их между IV и VII вв.»¹⁶. Что касается точки зрения Л. Брейе, датировавшего эти предметы концом IV—началом V в.¹⁷, то она автором не рассматривается вовсе.

Также далеко не бесспорны переводы некоторых посвятельных текстов. Надписи на диске (№ 7 каталога) и на кресте из Думбартон Окс переводятся Э. Круиксханк Додд соответственно следующим образом: 1. «Во спасение и за упокой Сабинианы, Марфы и Марии в церковь Богородицы в деревне Фела» — ΥΠΕΡ ΣΩΤΗΡΙΑΣ Κ(ΑΙ) ΑΝΑΠΑΥΣΕΩΣ ΣΑΒΙΝΙΑΝΗΣ Κ(ΑΙ) ΜΑΡΘΑΣ Κ(ΑΙ) ΜΑΡΙΑΣ ΤΗΣ ΘΕΟΤΟΚΟΥ ΚΩΜ(ΗΣ) ΦΕΛΑ; 2. «В пресвитерство Иоанна подношение в церковь Богородицы в деревне Фела» — ΕΠΙ ΙΩΑΝΝΟΥ ΠΡΕΣΒΥΤΕΡΟΥ ΤΗΣ ΘΕΟΤΟΚΟΥ Κ(Ο)Μ(ΗΣ) ΦΕΛΑ. Однако если название места, данное к тому же в родительном падеже, следует за именами донаторов, то обычно его принято трактовать как место происхождения последних¹⁸, а не как место нахождения храма, в который приносится дар. Едва ли также правильно переводить в данном случае *κώμη Φέλα* как «деревня (village) Фела», поскольку словом *κώμη* нередко назывались небольшие, необнесенные стенами города или отдельные кварталы города¹⁹. Некоторые монастырские комплексы Северной Сирии также иногда назывались *κώμαι*²⁰. Наиболее вероятно предположить, что именно таким религиозным центром и была Фела; тогда станет понятным и ее название «τῆς Θεοτόκου».

Едва ли также правильно считать, что лицо, обозначенное в надписях на подношениях Мегала в родительном падеже как *Νόννου*, — жена Мегала.

⁹ Беляев Н. М. Очерки по византийской археологии. II. Херсонесская мощехрани- тельница. — СК, III, 1929, с. 125—128.

¹⁰ Bank A. Monuments des arts mineurs de Byzance (IVe—VIIe siècles) au Musée de l'Ermitage. — В кн.: IX Corso di cultura sull'arte ravennata e bizantina. Ravenna, 1962, p. 114; Банк А. В. Указ. соч., с. 82.

¹¹ Volbach W. F. Frühchristliche Kunst. Die Kunst der Spätantike im West und Ostrom. München, 1958, S. 91.

¹² Coche de la Ferté E. L'antiquité chrétienne au Musée du Louvre. Paris, 1958, p. 107.

¹³ Leroy J. Les manuscrits syriaques à peintures conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient. Paris, 1964, p. 49—50.

¹⁴ Coche de la Ferté E. Op. cit., N 41, 45.

¹⁵ «The Burlington Magazine», vol. CXV, N 843, June, 1973, p. 30.

¹⁶ Downey G. The Dating of the Syrian Liturgical silver Treasure in the Cleveland Museum. — «Art Bulletin», XXXV, N 2, 1953, p. 144.

¹⁷ Bréhier L. Un trésor d'argenterie ancienne au Musée de Cleveland. — «Syria», t. XXVIII, 1951, p. 256—264.

¹⁸ Diehl Ch. Un nouveau trésor d'argenterie syrienne. — «Syria», t. VII, 1926, p. 112.

¹⁹ «Thesaurus Graecae Linguae», s. v.

²⁰ Seyring H. Inscriptions grecques. Villages antiques de la Syrie du Nord, vol. III. Paris, 1958, appendice II, p. 7—9.

Второй раздел книги посвящен локализации описанных в каталоге памятников и в связи с этим — вопросу о роли Сирии в ранневизантийском искусстве. Не касаясь всех аспектов этой проблемы, автор тем не менее считает возможным говорить о незначительной роли сирийцев в формировании иконографических принципов византийского искусства и сложении стиля; им отводится только роль посредственных копистов столичных изделий²¹. К этим выводам Э. Круиксханк Додд приходит, сопоставляя по стилистическим и техническим признакам две пары предметов: блюда и рипиды из Рихи и Стумы. По ее мнению, предметы, найденные в Рихе, выполнены в Константинополе и являются характерными образцами столичного искусства, предметы же из Стумы — их копии, изготовленные в Сирии. Наличие пяти клейм на тех и на других объясняется возможными взаимоотношениями между причастным к клеймению серебра Мегалом и аргиропратом Сергием. Утверждая, что клейма не могут служить точным указанием на место декорирования вещи, автор противоречит своим же заключениям, сделанным в специальной работе о византийских клеймах на серебре²².

Данные письменных источников о художественной обработке металла в Сирии византийского времени²³ не подтверждают наблюдений исследовательницы об упадке ремесла в VI в. и о невозможности производства в это время высокохудожественных изделий из дорогих металлов. Кроме того, выводы Э. Круиксханк Додд не представляются нам убедительными по двум существенным пунктам: а) они сделаны только на основании анализа памятников VI в., б) из их числа произвольно исключены некоторые важные образцы сирийской торевтики, как, например, потир с изображением апостолов из Галереи Уолтера в Балтиморе. Заключение о том, что патрикий Мегал мог передавать жившему в Сирии аргиропрату Сергию клейменные в Константинополе предметы для их последующей обработки, представляется любопытной, но никак серьезно не аргументированной гипотезой.

Между тем обращение к сирийским изделиям из металла и других материалов позднеримского и ранневизантийского времени позволяет установить, что грубоватый, экспрессивный стиль изображений и особый характер интерпретации иконографических изводов, за которым укрепилось название «исторического» и нарративного, возник именно в Сирии в соответствии с некоторыми догматическими установками сирийской школы богословия и был подготовлен всем изобразительным строем искусства предшествующего периода. Так, образцы сирийской скульптуры и глиптики²⁴, исполненные в так называемой «штриховой манере», показывают, что те стилистические принципы, которые Э. Круиксханк Додд приписывает Константинополю, имели достаточно глубокие сирийские корни. Непосредственными стилистическими предшественниками изделий из Рихи и Стумы можно считать изображения на реликварии из Исаврии, датированной серединой V в., и на относящейся к тому же времени серебряной пластинке с изображением Богоматери из Хамы²⁵. Так же обстоит дело и с группой дисков с гравированным крестом в центре, которые Круиксханк Додд, не дифференцируя, относит к VI в.

Детальный анализ двух из них (из Галереи Уолтера и из Кливлендского музея)²⁶ позволяет отнести названные памятники к более раннему времени и уста-

²¹ BST, p. 53. В настоящее время эта точка зрения является достаточно распространенной.

²² *Cruikshank Dodd E. Byzantine silver Stamps. Washington, 1961.*

²³ См.: *Залесская В. Н. Письменные источники о художественной обработке металла в византийской Сирии. — ИС, 49 (82), 1969, с. 185—194.*

²⁴ *Abdul-Hak S. Catalogue illustré du département des antiquités gréco-romaines du Musée de Damas. Damas, 1951, p. 56, pl. IV, 1; pl. VIII, 1; pl. X; pl. XIII, 1—2; pl. XV, 1; pl. XVII, 1—2; pl. XIX, 1—2; pl. XXV; Parlasca K. Zur syrischen Kunst der frühen Kaiserzeit. — «Archäologischer Anzeiger», Bd. 82, H. 4, 1968, S. 547—563; Mouterde R. Objets magiques, recueil S. Ayvaz. — «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», t. XXV, 1942/43, p. 105—126; Festugière A. J. Pierres magiques de la collection Kofler (Lucerne). — «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», t. XXXVII, 1960/61, p. 285—293.*

²⁵ *Buschhausen H. Frühchristliches Silberreliquiar aus Isaurien. — JÖBG, Bd. XI—XII, 1962—1963, S. 137—167, Abb. 1—4; Grabar A. Un reliquaire provenant d'Isaurie. — «Cahiers archéologiques», t. XIII, 1962, p. 57; Ross M. C. A second byzantine silver treasure from Hamah. — «Archaeology», t. III, N 3, 1950, p. 162—163, fig. 5.*

²⁶ BST, p. 27—28, fig. 23—24.

новить их несомненную связь с Сирией. Формула посвяtitельной надписи²⁷, характер начертания букв²⁸, а также местоположение и форма хризмы²⁹ (дискос из Галереи Уолтера) говорят в пользу датировки обоих памятников V в. На дискосе из Галереи Уолтера имеется греческая посвяtitельная надпись, говорящая о том, что этот предмет — подношение святейшего (ἀγιώτατος)³⁰ архиепископа Амфилохия. Как свидетельствуют источники, в V в. известен только один церковный деятель, носивший это имя, — епископ Сиды (Памфилия)³¹. Он принимал участие в ожесточенных церковных спорах на третьем и четвертом вселенских соборах³², одно время был сторонником секты мессалиан и Нестория³³, затем примкнул к монофиситам. Известно, что Сиды, где находилась кафедра Амфилохия (426—458), была одним из значительных центров монофиситства в Малой Азии³⁴. Учитывая, что на многих предметах из того же клада (Хама) имеются надписи, которые, как доказал Г. Доуни, взяты из литургии сирийских яковитов³⁵ (это обстоятельство нигде не отмечено в книге Э. Круиксханк Додд), можно предположить, что Амфилохий — епископ-монофисит и Амфилохий, упоминаемый в надписи на дискосе, тождественны. По заключению Г. Доуни, посвяtitельные надписи, обычные для предметов, находимых на территории Сирии, — ὑπὲρ ἀναπαύσεως καὶ σωτηρίας («за упокой и во спасение») или ὑπὲρ ἐδούλης καὶ σωτηρίας («по обету и во спасение») — входят в одну из молитв в отпустной части литургии яковитов³⁶. В этой молитве упоминание ἀνάπαυσις и σωτηρία сделано в указанном порядке и в том же смысле, как на вотивных блюдах.

Дискос из Кливлендского музея связан с Сирией как по месту находки, так и по месту посвящения: он был поднесен в храм св. Сергия в местности Венмисона (χω[ρίον] Β[ε]ν[ι]μισόνα или χω[ρίον] Β[η]θ[ι]μισόνα). Г. Доуни полагает, что здесь имеется в виду местность Venemissin в окрестностях Сидона, упоминаемая в сообщениях крестоносцев³⁷. Г. Сейриг, хотя и не определяет точно местоположение этого центра, тем не менее считает, что он должен был находиться в Сирии, на что указывают как его семитическое название, так и употребленный в посвяtitельной формуле глагол προσήνευξεν, характерный для ряда надписей на мозаиках V в. в Сирии³⁸.

Таким образом, анализ этих двух памятников позволяет установить, что данный тип дискосов сложился в Сирии в V в. и был связан с литургией монофиситов. Что касается образцов VI в., имеющих клейма, то они были изготовлены в Константинополе, но, по всей вероятности, также использовались для нужд литургии яковитов. На такую возможность прямо указывает ряд данных, содержащихся в истории Иоанна Эфесского. Иоанн Эфесский сообщает о многочисленных общинах монофиситских монахов в Константинополе и об основанном ими в начале VI в. монастыре, имевшем свою церковь и ксенодохии³⁹. В этой церкви,

²⁷ *Beaudouin M., Pottier E.* Collection de M. Péretié. Inscriptions. — BCH, t. III, 1879, N. 18—21; *Seyrig H.* Antiquités syriennes. — «Syria», t. XXV, 1939, p. 194.

²⁸ *Diehl Ch.* Op. cit., p. 115; *Bréhier L.* Op. cit., p. 256—261.

²⁹ См.: *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, fasc. XXVIII—XXIX. Paris, 1912, col. 1486—1533.

³⁰ Термин, обычный для архиепископа; см.: *Jarry J.* Trouvailles épigraphiques à Saint Symeon. — «Syria», t. XLIII, fasc. 1—2, 1966, p. 105—114; *Avi-Jonah M.* An Addendum to the Episcopal List of Tyre. — «Israel Exploration Journal», vol. 16, N 3, 1966, p. 209—210.

³¹ *Jalabert L., Mousterde R.* Inscriptions grecques et latines de la Syrie, vol. V, Paris, 1959, p. 33.

³² *Mansi J. D.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, vol. V, col. 587, vol. VII, col. 16.

³³ PG, t. 103, col. 88—89.

³⁴ *Honigmann E.* Evêques et évêchés monophysites d'Asie antérieure au VI-me siècle. — «Corpus scriptorum christianorum orientalium», vol. 127. Subsidia, t. 2. Louvain, 1951, p. 134—136.

³⁵ *Downey G.* The Inscription on a silver Chalice from Syria in the Metropolitan Museum of Art. — AJA, vol. 55, 1951, N 4, p. 349—352.

³⁶ *Brightmann F. E.* Liturgies Eastern and Western, vol. I. Oxford, 1896, p. 105—106.

³⁷ *Downey G.* The Dating of the Syrian Liturgical silver Treasure, p. 144.

³⁸ *Seyrig H.* Op. cit., p. 39.

³⁹ *Дьяконов А. П.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, с. 58, 83—87.

несомненно, должны были находиться необходимые при литургии культовые предметы. Нам представляется, что появление в Константинополе церковной утвари с надписями, характерными для литургии сирийских яковитов, и имеющей изображения, выполненные в стиле, явно чуждом изделиям столицы, следует объяснять влиянием значительной монофиситской общины. Едва ли это влияние могло стать органической частью столичного искусства, вероятнее всего, оно так и осталось чужеродным элементом.

Для понимания стиля и иконографии сирийских серебряных изделий VI в. особенно важен потир из Галереи Уолтера с изображениями фигур апостолов под арками. Относительно этого памятника Э. Круиксханк Додд ограничивается кратким замечанием о том, что этот предмет, хотя и не имеет клейм, выполнен в Константинополе, а не в Сирии⁴⁰. Однако детальный анализ памятника позволяет доказать обратное. В верхней части потира имеется посвятельная надпись: + ΕΥΧΗ ΠΕΛΑΓΙΟΥ ΒΑΣΙΑΝΟΥ ΚΕΜΕΛΙΟΝ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΣΕΡΓΙΟΥ ΚΩΜΗΣ ΚΑΠΡΟΚΟΡΑΩΝ («обет Пелагия Басиана, сокровище св. Сергия из селения Капрокораон»). Упоминание этой же местности, правда в различной транскрипции (*καπροκοράων*, *κατερκοράων*, *καπροκοράων*, *καπρολοκοράων*), в посвящениях св. Сергию фигурирует на различных серебряных предметах, найденных в Хаме: потире без изображений, кувшине, двух подсвечниках⁴¹. Обращаясь к интересующему нас памятнику, следует отметить, что уже Ш. Диль обратил внимание на то, что слова ΕΥΧΗ ΠΕΛΑΓΙΟΥ ΒΑΣΙΑΝΟΥ выгравированы немного выше над линией, чем остальная часть надписи, и исполнены хуже; между началом и концом надписи оставлено непропорционально большое пространство⁴². К этим наблюдениям Ш. Диль следует еще добавить, что крест, начинающий надпись, и крест, ее завершающий, различаются как по форме, так и по характеру гравировки: крест в конце дан пунктиром, крест в начале — сплошными линиями. Расстояния между буквами в первой части надписи малы, буквы почти вплотную примыкают друг к другу; во второй части буквы расположены свободно и почти через равные интервалы. Создается впечатление, что первые три слова присоединены к существовавшей надписи позднее, по всей вероятности, по желанию дарителя, который приобрел чашу с уже существовавшим на ней посвящением св. Сергию и названием *καπροκοράων*. Данный пример показывает, что подобные votivные предметы изготовлялись впрок, на них была только надпись, указывавшая характер подношения, а имя дарителя добавлялось позднее. Учитывая, что это имя первоначально отсутствовало в надписи, а клад, из которого происходит рассматриваемый потир (23 серебряных предмета), вероятнее всего, мог принадлежать самому известному в Сирии храму св. Сергия, а именно храму св. Сергия в Резафе⁴³, следует заключить, что данное географическое название может относиться только к центру, где вещь была выполнена. Κώμη Καπροκοράων (*Каперкоράων*), таким образом, может рассматриваться как место изготовления исследуемого памятника и, следовательно, всех других вещей с тем же названием из клада в Хаме. *Καπροκοράων* или *Κατερκοράων* — родительный множественного числа греческого названия места, воспроизводящий арамейское *Карар Qara* или *Карер Qara*⁴⁴. Последнее могло бы относиться к городу *Кара* (античный *Καρόπολις*)⁴⁵.

Исследования Г. Сейрига, а также Л. Жалабера и Р. Мутерда показывают, что филологически такое превращение возможно (пример Г. Сейрига: *Καπροζάρα* — *El-Bara*). Поскольку отпадение первой части слова (греч. *Καπρο*, араб. *Карар* (*Karar*), араб. *Kar*) довольно часто встречается в названиях ряда центров в Сирии⁴⁶, можно полагать, что город *Кара*, находившийся на дороге, ведущей в Резафу —

⁴⁰ BST, p. 54.

⁴¹ *Diehl Ch. Op. cit.*, pl. XXVIII, XXIX; *Jalabert L., Mouterde R. Op. cit.*, vol. VI. Paris, 1959, p. 39, N 2045.

⁴² *Diehl Ch. Op. cit.*, p. 106.

⁴³ С такой атрибуцией согласны все исследователи вещей из данного клада, в том числе и Э. Круиксханк Додд; см.: BST, p. 56—57.

⁴⁴ *Jalabert L., Mouterde R. Op. cit.*, vol. VI, p. 32.

⁴⁵ *Dussaud R. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale.* — Bibliothèque archéologique du Haut-Commissariat, IV. Paris, 1927, carte X (в этом случае слово *φλη* следует понимать как небольшой город).

⁴⁶ *Seyrig H. Op. cit.*, p. 7—9, 162.

Сергиополь, был интересующим нас центром. Он находился вблизи Сергиополя, к тому же на дороге, которой пользовались паломники, следовательно, его мастера вполне могли снабжать последних необходимыми им votivными вещами. Таким образом, зная, что рассматриваемый памятник был сделан в Сирии, а его посвятителем был сириец, — имя Пелагий было распространено в Сирии и неоднократно встречается на эпиграфических памятниках в районе Хамы⁴⁷, его следует считать одним из наиболее характерных изделий сирийских серебряных дел мастеров.

Приведенные данные показывают несостоятельность выводов, сделанных Э. Круиксханк Додд во второй части ее работы. Проведенный анализ ряда памятников говорит о деятельном участии сирийцев в разработке иконографии и стиля византийского искусства и о том, что их роль была значительной и для VI в.

В целом надо отметить, что книга Э. Круиксханк Додд ценна как работа, вводящая в научный оборот целый ряд новых памятников ранневизантийской торевтики, но неубедительна в той ее части, где автор делает далеко идущие выводы, привлекая ограниченный материал и произвольно толкуя его данные.

В. Н. Залеская

---

⁴⁷ Jalabert L., Mouterde R. Op. cit., № 2016, N 2030; Abdul Hak S. Op. cit., p. 69, N 12.

АННОТАЦИИ

G. Zacos, A. Vegler y. Byzantine Lead Seals, vol. I, parts 1—3. Basel, 1972, p. XXXIV+1965, 260 pl.

Г. Закос и А. Веглери издали в этом огромном томе 4150 византийских свинцовых печатей (последний номер — 3231, но ряд моливдовулов имеет номера bis или представлен в двух и более параллельных экземплярах); многие из них публикуются впервые. Нет необходимости пространно говорить о значении этого колоссального материала, пополнившего фонд источников византиноведения: чтобы осветить его значение, потребуются много времени, но и сейчас уже видно, что в свете этой публикации ряд вопросов придется пересматривать. В первую очередь это относится к организации таможенного дела и государственных мастерских в Византии VI—начала IX в. Количество печатей коммерциариев, эргастирiarхов, архонтов влатия и т. п. лиц значительно пополнилось (134 новых печатей), и, надо сказать, издатели достойно оценили важность этой группы моливдовулов и обработали ее с особенной тщательностью: они не только разработали новые принципы датировки (с. 134), но и составили удобные таблицы, в которых сгруппированы данные, относящиеся к отдельным должностным лицам, позволяющие проследить их карьеру, и данные, относящиеся к отдельным таможенным пунктам.

Рассматриваемая публикация не только обогащает нас новым материалом, но и позволяет исправить ошибки старых издателей. Вот один пример: Г. Шломберже опубликовал в свое время печать, на одной стороне которой был изображен, судя по легенде, «Алексей деспот (=император) Комнин», на другой — Константин; в них Шломберже усмотрел Алексея I и его племянника Константина¹. Появление Константина на царском моливдовуле было неожиданным, и мне, по правде говоря, хотелось видеть в Константине печати Константина Дуку, жениха Анны и наследника престола. Публикация Закосом и Веглери трех образцов печати (№ 110) решает загадку: на них представлен св. Константин. Императором издатели считают Алексея III, что, правда, наталкивается на некоторые трудности: конечно, Алексей III назвал себя Комнином, но издатели атрибутируют ему также моливдовулу с легендой «Алексей деспот Ангел» (№ 109). К тому же эмблемы на печатях различны: на одной, как мы знаем, — св. Константин, на другой — Христос.

Идентификация владельцев печатей, уточнение чтения легенд и датировок — все эти вопросы неминуемо будут еще подниматься в конкретных исследованиях при использовании богатейшего материала, которым снабдили нас Закос и Веглери. Сами издатели в конце тома публикуют список расхождений в чтениях и датировках, предложенных ими и принятых В. Лораном в 3-й части «Корпуса печатей» (с. 1960—1965). Сейчас мне хотелось бы остановиться на более общем вопросе — на принципах отбора и организации материала.

Закос и Веглери вводят совершенно новый принцип классификации печатей — хронологический: в первый том публикации они включают моливдовулы VI—IX вв. Думаю, что это удачное и чрезвычайно важное нововведение: благодаря ему становится отчетливее эволюция не только самих сигиллографических памятников, но и запечатленных на них элементов византийской общественной жизни. Так, ма-

¹ Schlumberger G. La sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884, p. 263 sq.

териал новой публикации прекрасно подтверждает наблюдение о практическом отсутствии фамильных имен (патронимов) в ранневизантийский период.

Однако хронологический принцип не выдержан издателями до конца. Прежде всего в том включены печати императоров, императриц и узурпаторов от Евдоксии, жены Валентиниана III, до Иоанна VIII Палеолога (№ 1—128 bis и добавления: № 2759—2760); кроме того, публикуются печати Мануила I (№ 2727), Феодора II Ласкаря (№ 2755) и Андроника II (№ 2757). Как видим, хронологический принцип при публикации печатей императоров не соблюдается. Разве такое нарушение последовательности не осложнит изучение развития сигиллографической техники, иконографии, шрифта и т. п.? Мне думается, что было бы резоннее ограничиться в первом томе императорами VI—IX вв. (к V в. принадлежит только печать Евдоксии № 2759).

То же самое относится и к членам императорских семей (№ 2672—2758), печати которых доведены до XIV в. Кстати сказать, в этот раздел попали болгарский хан Тервел (№ 2672) и «архонт России» Андрей (князь Всеволод Ярославич) (№ 2694). Печати византийской знати (преимущественно XI—XII вв.) очень интересны: перед нами проходит ряд лиц, известных по нарративным источникам, упоминаются титулы и должности², но все это должно было бы найти свое место среди моливдулов более поздних, с которыми эта группа тесно связана.

Внутри тома печати разделены на ряд групп по формально-стилистическому принципу. Оставляя в стороне упомянутые главы о печатях императоров и императорской родни, которые, кстати сказать, подчиняются не этому, но «владельческому» принципу, мы видим в томе следующие типы моливдулов:

- 1) печати, датированные индиктом (№ 129—285; 2761—2765);
- 2) печати с монограммами, составляющими преимущественно два подтипа: крестообразные и образующие «блок», в основе которого находится унциальная вписанная в квадрат буква: H, M, N или Π (№ 286—584, 2766—2838);
- 3) печати с изображением орла, имевшим в Византии символическое значение (№ 585—730; 2839—2858); на ряде печатей этого типа имеются крестообразные монограммы;
- 4) печати с «билатеральными», линейными (в несколько строк) надписями на обеих сторонах памятника (№ 730A—1095; 2859—2937);
- 5) «иконографические» печати, несущие изображение Христа (№ 1096—1107, 2938—2939), богородицы (№ 1108—1238; 1325—1349A, 2940—2959, 2979—2985), святых (№ 1239—1324, 1350—1351; 2960—2978, 2986—2987), креста (№ 1352—1372; 2988—2993) и нерелигиозных объектов (№ 1373—1392; 2994—3005)³, среди которых мужской бюст, крылатая Победа, Пегас, коня, львы, колесничий; печати с изображением орла выделены в особый тип;
- 6) печати с invocativными монограммами типа «Господи, помоги», в большинстве своем — крестообразной формы (№ 1393—1689; 3006—3069); в нескольких случаях монограммы организованы двойными ромбами или двойными окружностями (№ 1522, 1645, 1684. Ср. еще № 650 — с изображением орла);
- 7) печати с крестообразными invocativными монограммами и надписью ΤΩ—ΣΩ—ΔΟΥ—ΑΩ («твоему рабу»), размещенной на четырех полях вокруг креста (№ 1690—2671 A, 3070—3231).

Значение формально-стилистической классификации моливдулов весьма велико, и, несомненно, она будет способствовать выработке более точных критериев

² Чрезвычайно интересно, в частности, довольно частое употребление титула «деспот» на печатях XII в. (№ 2722, 2722 bis, 2730, 2730 bis), в том числе и первой половины столетия. Еще не став формальной *ἀξία* (см. № 2752), титул деспота уже сделался эпитетом не только императора, как было до XI в., но и виднейших членов империи, прежде всего кесаря. Мне думается, что просто отмахнуться от этого нового словоупотребления нельзя, хотя выдвинутая мною прямолинейная гипотеза о раннем происхождении титула «деспот» нуждается в смягчении. См.: Каждан А. П. Севастократоры и деспоты в Византии XII в. — ЗРВИ, 14—15, 1973 и возражения: Ферганчић В. Юп једном о почецима титуле деспота. — Там же. Ср. еще: Wirth P. Die Genesis der byzantinischen Despotenwürde im Lichte der zeitgenössischen höfischen Titulatur. — «BYZANTINA», 5, 1973.

³ Сюда включено и некоторое количество экагнев — стеклянных разновесок. Правоммерно ли такое смешение источников?

датировки сигиллографического материала. Трудности, однако, проявляются уже в том, что принципы классификации издателей не являются взаимоисключающими: так, на «иконографических» печатях встречаются монограммы обоих подтипов — крестообразные и образующие блок, и, следовательно, возникает потребность в выделении переходного типа, отличающегося признаками 2-го и 5-го типов. Далее, печати с изображением орла — по самому определению не самостоятельный тип, а подтип иконографических моливдовулов.

Формально-стилистическая классификация связывается с хронологическим принципом, но не последовательно. Только печати первого типа располагаются в строгой хронологической последовательности, и это, кстати сказать, позволяет лучше представить изменение формулы таможенных моливдовулов: около 730 г. личная формула: «Такой-то (имя и титул) коммерциарий такого-то «склада» (ἀποθήκη)» — заменяется безличной: «(Печать) царских коммерциев такой-то местности» (с. 135 и сл.). Иконографические печати разделены на три периода: доиконоборческий, иконоборческий и послеиконоборческий, а внутри периодов — на группы по характеру изображений. Во всех остальных случаях печати располагаются в алфавитной последовательности имен их владельцев, т. е. без какой-либо попытки периодизации или классификации. Алфавитная последовательность годна лишь для ориентации и дается в индексе. Если бы и здесь расположить материал в ориентировочно-хронологической (по большим периодам) последовательности, можно было бы заметить некоторые особенности развития моливдовулов. Так, можно было бы видеть, что изделия 6-го типа крайне редки во второй половине IX в. (только два — № 1412 и 1521), тогда как среди печатей 7-го типа я насчитал 102 памятника второй половины IX в. и 21 — конца IX—начала X в. Не вправе ли мы предполагать, что печати с простыми инвокативными монограммами уступают в IX в. место более сложному виду печатей с надписью, размещенной на полях вокруг креста?

Присматриваясь к классификации Закоса и Веглери, мы замечаем, что рубеж IX—X вв. выбран в качестве грани, завершающей первый том, довольно случайно. В самом деле, печати 1-го типа перестали изготовлять вскоре после 832 г. (№ 285 — последний среди них); в истории иконографических печатей иконоборчество явилось существенным поворотным моментом, во всяком случае, печати с изображением орла не возродились после иконоборчества (с. 489), и, по-видимому, то же самое относится к печатям с изображением Христа; моливдовулы 6-го типа практически исчезают к середине IX в. Моливдовулы с билатеральными надписями издатели доводят в этом томе тоже только до 850 г. (с. 549). Короче говоря, собранный в книге материал показывает, что середина IX в. была бы более естественной гранью, нежели избранный издателями рубеж IX и X в.

Ценность публикации Закоса и Веглери неоспорима. Отмечу в заключение, что она содержит и печати, непосредственно относящиеся к истории нашей родины, в том числе печати должностных лиц Херсона: архонтов (№ 1973, 2345, 3106, 3113), экусиаста (№ 2526), стратига (№ 2325 А). Удобные индексы облегчают использование этой важной книги.

А. К.

Nicetas Magistros. *Lettres d'un exilé (928—946). Introduction, édition, traduction et notes par L. G. Westerink.* Paris, 1973, 154 p.

О писателе по имени Никита Магистр К. Крумбахер мог сообщить лишь весьма скудные сведения: он знал только, что сочинения Никиты сохранились в рукописи Бодлеянской библиотеки (Bodl. Miscell. 242, XVI в.) — в сборнике писем «последних времен империи»¹. Теперь Л. Вестеринк, издатель сочинений Арефы², опубликовал наследие Никиты, используя шесть рукописей, в том числе Vindob. phil. gr. 342,

¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur.* München, 1897, S. 497. Впрочем, к этому времени уже существовало издание А. Май (*Mai A. Nova Patrum Bibliotheca*, VI, 2. Romae, 1853), опубликовавшего несколько писем Никиты по Ватиканской рукописи.

² См.: ВВ, 35, 1973, с. 275—276.

XI в. и Vatic. gr. 306, XIII—XIV в. Многие письма были изданы уже до него: по Бодлеянской рукописи — С. Ламбросом, по Ватиканской — А. Май (текст Ватиканской рукописи в настоящее время читается плохо, и Вестеринку приходилось во многом полагаться на прочтение Май).

31 послание Никиты поражает бедностью реального содержания: беглое упоминание руги (№ 18.13; ср. № 22.46) да рассказ о реке Гермос, выносящей «железо», которое затем море выбрасывает на берег в виде песка, а прибрежные жители выплавляют в горнах (№ 5.12—24), — вот как будто и все, что Никита сообщает о хозяйстве и обществе Византии X в., если не считать титулатуры и просопографических данных. Сохранились в письмах и кое-какие намеки на события политической истории: так, Никита пишет о трехлетней отлучке патрикия и мистика Иоанна, ездившего с посольством к варварам-язычникам; Никита спрашивает Иоанна, не чтили ли его варвары как бога, принося ему в жертву златорогого быка (№ 11.20—28). Кто эти варвары, из письма неясно: Вестеринк предполагает (с. 36; ср. с. 81), что ими могли быть венгры, печенеги, русские или хазары.

Гораздо важнее письма Никиты для понимания атмосферы, царившей в среде византийских интеллектуалов — современников Константина VII. Античная образованность захлестнула Никиту: письма его изобилуют цитатами из античных авторов, аллюзиями на мифы и исторические события древности. Вестеринк отмечает 46 случаев цитирования Гомера, 21 — Гермодена, 16 — Геродота, 10 — Плутарха, 9 — Еврипида и т. д., тогда как Ветхий завет цитируется 21 раз, Новый — 28, а из отцов церкви отмечен лишь один пассаж Григория Богослова, цитированный трижды (с. 148—150). Зевс упомянут 10 раз — столько же, сколько встречается слово θεός, бог (с. 142: я оставляю в стороне те случаи, когда θεός обозначает Аполлона или употреблено во множественном числе); впрочем, одно из этих упоминаний «бога» (№ 22.31) явно относится к языческому божеству. Для «настущения» античной историко-мифологической лексики очень показателен пассаж из письма патрикию Иоанну, где Никита просит своего адресата: «Ты будь всем для всех, как рассказывают об Алкивиаде» (№ 12.31). Но выражение «был всем для всех» — слова из послания Павла (I Кор., 9.22), у Никиты же античный образ как бы заслонил новозаветную традицию.

Творчество Никиты — отличный образец того псевдоренессанса X в., который получил недавно столь безжалостную характеристику П. Лемерля и наиболее заметными выразителями которого явились Арефа и Константин Багрянородный: усвоение античного наследия остается поверхностным, формальным, затрагивающим скорее номенклатуру эллинистической культуры, нежели ее сущность.

И все-таки в письмах Никиты иногда проступают такие мотивы, которые затем, в XI и XII вв., приобретут особое значение. Он прославляет не только родовитость (γένος), воспитание и знания своего корреспондента (№ 23.2), что могло бы быть топомосом античной энкомиастики, но и с гораздо большей страстностью — дружбу: «То, что посоветует друг, свободно от подозрений», — восклицает Никита (№ 22.54—55), — мысль, которая была бы близка Пселлу, но от которой в ужасе отшатнулся бы Кекавмен.

Во введении Вестеринк восстанавливает жизненный путь Никиты. Кроме самих писем, материалом ему служат упоминания в хрониках: в 919 г. Никита был одним из ближайших сподвижников Романа Лакапина; дочь Никиты София, вышедшая замуж за Христофора Лакапина, считалась одно время августой, а ее дочь Мария вышла за болгарского царя Петра. Однако блестящая карьера магистра Никиты оборвалась: он был обвинен в том, что подстрекал Христофора против отца, и в наказание сослан и пострижен. Именно ко времени изгнания (928—946) и относятся публикуемые письма с их традиционными жалобами на трудности и беды. Впрочем, Никита сохранил какие-то земли (γῆδον), возделывать которые он был непривычен (№ 19.12), и оказался в состоянии возвести там церковь (№ 8.28), а позднее друзья выхлопотали ему ругу. Иоанну, патрикию и мистика, он обещал прислать лошадь, но хотел обязательно найти хорошую, а не жалкую конягу (№ 18.17—21).

Для восстановления биографии Никиты Вестеринк допускает ряд гипотез, из которых наиболее важны две: 1) письма Никиты расположены в рукописях в хро-

нологическом порядке; 2) Никита Магистр, автор «Жития Феоктисты», идентичен автору писем. Последнее предположение позволяет установить некоторые факты из жизни Никиты до 919 г.: агиограф сообщает там, что он служил под командованием Имерия (при Льве VI) и участвовал в переговорах с арабами.

Никита происходил из Лариссы (№ 23.7—8). Он был близок к магистру Косме (№ 17) и его брату Сергию (№ 28) — племянникам патриарха Фотия, занимавшим высокие посты при Романе I. «Фотианские» связи хорошо соответствуют тому месту в интеллектуальной среде, какое занял вельможа — магистр Никита. По всей видимости, он принадлежал к той части византийской провинциальной аристократии, которая поддержала «выскачку» Лакапина.

Письма публикуются с переводом и комментариями. Отмечу два-три спорных места в переводе. № 12.29: *οἰκονομῆς* Вестеринк переводит: «выполнять обязанности эконома», но по контексту скорее: «заботиться [о павших, тогда как другие бес- сильны помочь]». № 12.37: *μεσιτέω* — «первый министр»; на самом деле речь идет о том, что Иоани является посредником или заступником перед василевсом. № 20.9: *τῆ δὲ ἑλλάδος κλίματι* означает не «широты Геллеспонта», а «область Геллеспонта».

Прозопографический словарь и удобные индексы завершают издание.

А. К.

R. Maisano. L'Apocalisse apocriфа di Leone di Costantinopoli. Napoli, 1975, 179 p.

Итальянский ученый Р. Маизано критически издал апокрифический апокалипсис Льва Константинопольского, принадлежащий к типу видений Псевдо-Даниила. Текст (с. 67—112) снабжен критическим аппаратом, где указываются источники апокрифа (библейские и небиблейские) и рукописные разночтения; он сопровождается лингвистическим комментарием (с. 121—148), итальянским переводом (с. 149—167) и указателями имен и наиболее примечательных греческих слов (с. 171—177). Во введении Маизано характеризует рукописную традицию (с. 55—63), литературные (с. 25—31) и языковые (с. 43—54) особенности памятника, его историческое содержание (с. 33—41). Суммируя все эти данные, исследователь восстанавливает историю апокрифического апокалипсиса Льва.

Памятник дошел до нас только в поздних списках, древнейший из которых, Ватиканский № 1865, датируется XIV в. Маизано разделяет рукописи на три редакции: *a*, *b* и *c*, что, впрочем, является некоторой натяжкой, так как второй по старшинству манускрипт, Афинский № 2187, XV в., не принадлежит ни к одной из этих редакций (с. 56) и выпадает из стройной схемы. Согласно гипотезе Маизано, история памятника весьма сложна: «первоначальное ядро» охватывало гл. 1—3 и 13—20; затем к нему была прибавлена история Стефана (гл. 4—11) и других мучеников (гл. 12). Так образовалась анонимная редакция *b*, возникшая в начале IX в., при Никифоре I (802—811), в правление которого Псевдо-Даниил ожидает наступление конца света (с. 19 и сл.). В XII в. другой автор переработал текст, прибавив, в частности, гл. 21—30 и введя рассказ о борьбе Еноха и Илии против Антихриста. На двух рукописях этой редакции (*a*) стоит имя Льва Константинопольского, которого Маизано считает автором переработки XII в. Однако он отказывается от идентификации Льва с константинопольским патриархом Львом Стипом (1134—1143), чье имя стоит в надписании в Венецианской рукописи (Marcianus gr. II, 104, XV—XVI вв.), но считает Льва священником в соответствии с Андросской рукописью (Агиа 9, нач. XVI в.) (с. 22 и сл.). Правда, на мой взгляд, возражения против авторства Льва Стипа недостаточно строги. Наконец, еще позднее появилась другая переработка — редакция *c*, основанная исключительно на версии *b* в 20 главах.

Маизано, несомненно, прав, подчеркивая, что апокриф вышел из монашеской среды (с. 23, 40): по мысли Льва (стк. 689—709), монашество — единственный общественный разряд, который после Страшного суда, безусловно, попадет в рай. Но у меня нет уверенности, что первоначальное ядро апокрифа действительно сло-

жились уже в начале IX в. Исторические аллюзии памятника настолько смещены, что их трудно связать с историческими персонажами так называемого иконоборческого времени. В самом деле, при несомненной иконопочитательской тенденции памятника Ирина (восстановительница иконопочитания!) обрисована с явной неприязнью (стк. 412—417). Ее преемник Константин оказывается не ее сыном, а пришельцем из аравийского города Авситиды (стк. 417—429); он погубил нечестивую царьцу, уничтожил идолопоклонство и восстановил церковь и монашество. Дитя, родившееся в царских покоях и названное Архелаем, — малорослое, темнолицее, с разными по величине глазами и густыми волосами (стк. 430—433) — Маизано уверенно идентифицирует с Никифором I и одновременно с его сыном Ставракием (с. 40), хотя точки соприкосновения крайне условны (во всяком случае, ни тот, ни другой не родились в царских покоях — в отличие, допустим, от багрянородного Мануила I, темнолицего и занявшего престол юношей).

При этом возникает вопрос: как мог анонимный автор, писавший при Никифоре I, широко использовать хронику Феофана (так полагает Маизано — см. с. 34), завершленную уже после смерти Никифора (она доведена до 813 г.)?

Маизано очень остроумно усматривает в редакции *a* отражение полемики против катаров (богомиллов), для которых Енох и Илия были эманациями бога Ветхого завета (с. 20), и на этом основании относит редакцию *a* к XII в. Но мне кажется, что некоторые черты, восходящие к ситуации XII в., могут быть прослежены и в той части апокрифа, которую Маизано считает редакцией *b* и датирует началом IX в. Когда Псевдо-Даниил предсказывает, что «в последние дни» будут воздвигаться города (стк. 19—20, 75), то этому «пророчеству» Маизано (с. 35) тщетно ищет параллель в рассказе Феофана о реконструкции Валентинианова акведука: VIII столетие было временем упадка городской жизни¹, тогда как на XI—XII вв. как раз приходится относительно возрождение городов. Предсказание, что царь будет почитать «племена» и преклоняться перед инородными иноверцами (стк. 75—76), лишь с большой натяжкой может быть отнесено к принятию иконоборческой доктрины (с. 37 и сл.), но отлично сходится с господствовавшей в XII в. оценкой отношения Комнинов к латинянам. Этому должно предшествовать возвышение «руских» (Ἕσθηταί) народов — эпитет, часто применявшийся к жителям Запада, — которые уничтожат церкви и утвердят «не-квасное» (χιρλοβαίν τον ἄζυρον) (стк. 57—59), в чем естественно усматривать намек на споры об опресноках, развернувшиеся в XI—XII вв. Предвещание крещения иноплемеников (стк. 74) навряд ли можно сопоставлять с крещением евреев и монтеистов при Льве III (с. 37) — только начиная с середины IX в. византийские миссии действуют активно, и еще в XII в. происходит массовое крещение сельджуков. В описании голода в гл. 16 можно усмотреть аллюзию на события 927/8 г., ибо то же выражение: «Некому было хоронить мертвецов» (стк. 447—448), восходящее, впрочем, к Мефодию Патарскому, встречается в хрониках, повествующих о бедствиях этой страшной зимы².

Апокрифический апокалипсис — особый жанр, отличающийся сугубой деконкретизацией и туманностью намеков, и Маизано убедительно показывает, как легенда о мученике Стефане, включенная в апокалипсис, лишается «агиографических координат» (с. 26). Исторические факты сплетаются здесь в причудливую смесь: мы встретим царя по имени Авар (стк. 71), который именуется «великим зверем» (стк. 65), в чем можно было бы усмотреть намек на Льва III (θηρίον в византийской образной системе часто «лев»), хотя Маизано (с. 36) отождествляет Авара с Константином V. А наряду с этим — факты, отражающие события более поздних веков.

Отнесение памятника к XII в. согласуется и с именем Льва, Константинопольского патриарха, хотя оно стоит только в одной редакции. Поэтому, может быть, и не следует так усложнять историю апокалипсиса, как это сделал Маизано: воз-

¹ См. об этом в самое последнее время: *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin*. Paris, 1975, p. 29.

² См.: *Joannis Scylitzae Synopsis historiarum*. Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 225.93.

можно (хотя и недоказуемо), что он сложился в XII в., был написан Львом Стипом (или приписан ему) и отражал идеологию воинствующего монашества, критически относящегося к церковной иерархии: осуждению епископов в редакции *b* (стк. 45—50), кстати сказать, соответствует в редакции *a* предсказание, что епископы — пьяницы, грабители, безжалостные насильники — будут осуждены последним судом (стк. 679—684). Напротив, к светским властям — василевсам и архонтам — автор апокалипсиса сохраняет почтение и обещает «добрым» правителям, не проливающим крови, царствие небесное (стк. 667—671). Может быть, это покажется чересчур смелым, но в апокалипсисе Льва Константинопольского мне чудится мировоззрение, прямо противоположное взглядам Евстафия Солунского.

А. К.

Ст. И. Маслев. Прочувания върху някои произведения на Теофилакт Охридски, архиепископ български (1090 — около 1126) («Гръцки извори за българската история», IX, 1). София, 1974, с. 181, илл.

Серия «Греческих источников по болгарской истории», выпускаемая Болгарской Академией наук, хорошо известна нашему читателю: каждый том ее состоит из фрагментов греческих, преимущественно византийских, авторов с болгарским переводом, кратким реальным комментарием и небольшими вводными замечками, относящимися к данному писателю или произведению. Аннотируемая здесь 1-я часть IX тома коренным образом отличается от всех предшествующих выпусков — она представляет собой монографическое исследование, которое как бы предваряет текст Теофилакта Охридского, предназначенный, видимо, для 2-й части. В какой-то мере подобная особенность, может быть, объясняется важностью Теофилакта для изучения экономики, администрации и культуры Болгарии на рубеже XI—XII вв., но разве другие византийские авторы, как историки, так и эпистографы, не сообщают первостепенные сведения по болгарской истории? Особый характер аннотируемого тома может быть объяснен и низким качеством имеющихся изданий Теофилакта, особенно его писем, но опять-таки мы не располагаем до сих пор критическими изданиями и других авторов, например византийской хронографии X в. — так называемой хроники Симеона Логофета, а критическая публикация писем Николая Мистика появилась совсем недавно, уже после выхода соответствующего тома «Извори». Видимо, сказалось еще одно обстоятельство: в ходе многолетней работы над сводом греческих источников выросли требовательность и зрелость болгарских исследователей, и от полупопулярной хрестоматии, где перевод был главным и подчас единственным новым элементом, они переходят теперь к подготовке критических публикаций текста.

Книга С. Маслева состоит из двух разделов. Во втором из них (с. 88—174) он обосновывает ряд существенных поправок к греческому тексту писем Теофилакта и «Мученичества 15 Тивериопольских мучеников» (краткое перечисление рукописей на с. 12 и сл. не дает представления о рукописной традиции — надо надеяться, что ее характеристика найдет место во второй части тома). Первый раздел (с. 16—87) — опыт датировки писем Теофилакта и определения их адресатов. Несмотря на то что этому вопросу уделяли много внимания крупные византинисты от В. Г. Васильевского до Г. Г. Литаврина, многое еще остается неясным, и Маслев предлагает в ряде случаев новые остроумные атрибуции. Так, в частности, он приходит к выводу, что письма, адресованные «кесарю» и «кесарю Мелисину», на самом деле были направлены Алексею I, поскольку адресат именуется в них деспотом и другими эпитетами, предназначавшимися обычно императору (с. 45—49)¹. Следовало бы, однако, учесть наличие серебряной печати или монетовидной медали Никифора Мелисина, на которой он именуется деспотом, как и адресат Теофилакта². Разумеется, совпадение могло быть и случайным, но игнорировать его

¹ См.: *Maslev St.* Les lettres de Theophylacte de Bulgarie à Nicéphore Mélissènos. — REB, 30, 1972.

² *Waddington W. H.* Nicéphore Mélissène, prétendant au trône de Byzance. — «Revue numismatique», 8, 1963, p. 993. См. о ней: *Ферjanчић Б.* Још једном о почещима титуле деспота. — ЗРВИ, 14—15, 1973.

не следует. Большие трудности порождает группа писем, адресованных севасту, сыну севастократора: севастократор — это Исаак, брат Алексея I. Но кто из его сыновей имеется в виду? В одном случае адресат прямо назван Иоанном, в другом — Константином; Маслев, расходясь с В. Н. Златарским, полагает, что не названный по имени сын Исаака был Иоанном (с. 49—59). Не претендуя на решение спорного вопроса, я хотел бы отметить, что одно из писем этой группы (PG, t. 126, col. 533 C sq.) отличается эпитетами, приложенными к адресату (например, ἡ εὐγενεῖα σου — col. 536 A), и содержанием: Феофилакт просит адресата о защите церковных владений перед царем. Можно ли считать, что оно было направлено иному лицу, чем остальные послания этой группы? В этой связи следует вернуться к одному из писем, адресованных кесарю, где Феофилакт выражает соболезнование по поводу смерти «несравненного севастократора» (col. 377 B sq.). Не было ли оно адресовано одному из сыновей Исаака? ³

Маслев располагает письма по группам в хронологической последовательности: первые впечатления от прибытия в Охрид (около 1090 г.), первый обмен письмами с близкими в Константинополе, борьба за автономию Охридской архиепископии (около 1090—1092 гг.), попытки отстоять сел. Могила и другие земли архиепископии (1091—1094), путешествие в Константинополь и Никомидию (1094), наступление жупана Рашки Волкана на византийские владения (1094), I Крестовый поход (1096—1097), борьба против фискальных чиновников и недовольных болгар в 1097—1105 и в 1105—1106 гг., попытки облегчить податное бремя духовенства в 1097—1105 гг., столкновения с клиром (около 1100, 1103 и 1108 гг.), путешествие в лагерь Алексея I (1107—1108), тяжелые меры податных, административных и военных властей в период войны с Боемундом (1107—1108), крещение армян (около 1108 г.), смерть севастократора Иоанна Комнина (после 1109—1111 гг.) (с. 84). Периодизация очень удобная — следует только подчеркнуть, что в обеих Ватиканских рукописях (432 и 509), равно как и в Будапештской, письма Феофилакта расположены в одинаковой последовательности, которая отнюдь не совпадает с гипотетической последовательностью, конструируемой Маслевым. Уже пора оставить старую и путаную нумерацию писем (по Ламию, Меурсию и Финети), но чем ее заменить? Последовательностью рукописной традиции (как это сделано в издании Николая Мистика) или хронологической последовательностью? Ответ на этот вопрос совсем не простой.

А. К.

W. Hörandner. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974 («Wiener byzantinistische Studien», XI), 605 S.

Почти через 70 лет после высказанного (но не осуществленного) намерения С. Д. Пападимитриу приступить к публикации всех произведений Феодора Продрома¹ вышло первое полное критическое издание «Исторических стихотворений» византийского литератора, подготовленное учеником Г. Хунгера Вольфрамом Хэрэнднером. Под «Историческими стихотворениями» понимаются поэтические произведения историко-биографического содержания, относимые Хэрэнднером к собственно Феодору Продрому, поэтому сюда не входит, например, «манганский цикл» или народноязычные стихи, не принадлежащие, по Хэрэнднеру, Продрому. Таким образом, в издании помещены 80 произведений, многие из которых публикуются впервые: описание торжественного возвращения Иоанна II Комнина после взятия Кастамона (№ 6), стихи к Иоанну после его похода на киликийцев, парфиян, сирийцев, «персов» (№ 11) и др. (№ 35, 36, 37, 43, 68, 73, 76, 77, [80]). Некоторые произведения были известны до сих пор лишь в небольших фрагментах (№ 50, 57, 63, 74). Переиздание уже печатавшихся сочинений проведено с привлечением большого количества рукописей, сохранивших сочинения византийского писателя.

³ Митроп. Симеон («Писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ български». — Сб. БАН, кн. XXVII, клон. ист.-филол. 15. София, 1931, с. 59) безоговорочно считает кесарем Константина.

¹ Пападимитриу С. Д. Феодор Продром. Одесса, 1905, с. 404.

Во введении автор публикации указывает более 500 манускриптов с перечислением произведений Феодора Продрома и приводит краткое описание 34 списков собственно «Исторических стихотворений», положенных в основу настоящего издания. Рукописная традиция этих сочинений представлена в виде нескольких стемм (с. 135—174). В вводном разделе также анализируются словоупотребление, риторические обороты, синтаксические и грамматические особенности языка издаваемых произведений, метрика стихов (с. 111—133).

Издание каждого стихотворения (с приведением параллельных мест, литературных аллюзий, стереотипов) предваряется изложением его содержания и заключается комментарием, посвященным вопросам хронологии, реалиям, просопографии, словоупотреблению и терминологии. В некоторых случаях, правда, комментарии кратки и отдельные вопросы — толкование встречающихся в тексте этнонимов и др. — обойдены. Например, интересна интерпретация непрокомментированного места по случаю рождения Алексея — сына севастократора Андроника Комнина (№ 44.112). В этом произведении при перечислении народов, подвластных Византии и опасавшихся ее, упоминаются «галаты». Не так давно было высказано предположение, что здесь имеется в виду Галицкая Русь². Если это так, то перед нами — уникальное свидетельство о каких-то событиях в истории русско-византийских отношений в первой половине XII в. Думается, однако, что нет оснований для локализации «галатов» Феодора Продрома (см. также № 1.91—95; № 4.225) недалеко от области «скифов» и страны далматов: порядок перечисления этносов у Продрома в этом и других пассажах не связан жесткой системой — вместе с «мидийцами» и «персами» — «кельты», рядом с «кельтами» упоминаются арабы и жители Подунавья и т. д. К тому же в византийских источниках XII в. для наименования как Галицкой Руси, а также ранской крепости Галич существовал топоним *Γάλιτσα* (*Cinn.*, 102.24; 232.7; *N. Ch.* 168.17; 171.5; 172.7; 172.18). Конечно, при заимствовании русское название могло изменить свой облик в византийском тексте; но естественнее думать, что под «Галатией» здесь имеется в виду малоазийская территория (ср. с. 183). Такое значение этого термина зафиксировано в памятниках XII в. (например, *Cinn.*, 288.8; 291.16). Впрочем, возможно, что выражение *Δαλμάται καὶ Γαλάται*, неоднократно встречаемое у Продрома, — просто общее место его энцикластики.

Следует отметить, что издание Хэрэнднера имеет и принципиальное значение: оно ведет к систематической публикации сочинений Феодора Продрома: в книге представлена классификация всех известных ныне продромовских произведений (с. 37—72). Последняя работа такого рода, предпринятая Пападимитриу, давала основу лишь для *сводного*, а не систематического изучения литературного наследия Продрома. Все 250 фиксируемых Хэрэнднером продромовских сочинений делятся на три группы: 1) подлинные сочинения Феодора Продрома; 2) сочинения, аутентичность которых сомнительна; 3) произведения, атрибуция которых Феодору Продрому неправомерна. Внутри этих групп проводится деление тематическое (сочинения исторические и биографические, богословские, философские, риторические и т. д.) и жанровое (стихи, речи, письма и т. д.). Конечно, данные Хэрэнднера будут в дальнейшем уточняться, новые исследования и публикации внесут свои коррективы, но важно то, что в рецензируемой работе сделана попытка объединить последние наблюдения, полученные в результате изучения отдельных продромовских произведений.

Систематический подход к литературному наследию Феодора Продрома позволяет дать цельный анализ его жизненного и творческого пути. Однако такой анализ, видимо, еще впереди. Пока же издатель счел целесообразным дать во введении суммарный очерк биографических сведений о Продроме — отчасти самостоятельный, в основном же в русле имеющейся историографической традиции (с. 21—35). Такой путь в известной степени оправдан и без того большим объемом книги, но здесь встречаются и свои трудности. Рождение писателя Хэрэнднер относит к началу XII в. (1100±4), и это согласуется с последними исследованиями.

² *Каждан А. П.* Два новых византийских памятника XII столетия. — ВВ, XXIV, 1964, с. 77.

Что же касается происхождения Феодора Продрома, его родни, то здесь пересказ устаревших положений Пападимитриу явно неудовлетворителен (с. 23—24). Как известно, в ямбах против Вариса Продром говорит о своих предках, которые его воспитали: дед, который носил имя Продрома, т. е. Предтечи, и дяде, который именовался Христом и был епископом Русской земли (№ 59.183—191). Последний был отождествлен Пападимитриу с киевским митрополитом Иоанном II. В научной литературе не только отмечена натянутость принятого Хэранднером перетолкования текста Э. Курцем («воспитан отцами»), но и доказана неоправданность идентификаций Пападимитриу: дед Продрома должен был носить имя Мануил; неизвестно, звали ли его Продром; в тексте указывается только, что дед прозывался именем Предтечи, а это, кстати, могло означать — Иоанн³. Таким образом, отпадает одна из важнейших посылок для доказательства ранней даты рождения Феодора Продрома (70-е годы XI в.).

По мнению Хэранднера, самым ранним из издаваемых им сочинений следует считать стихи на коронацию Алексея Комнина — старшего сына василевса Иоанна II, датированные 1122 г. (№ 1; см. с. 182)⁴. Относительно даты смерти писателя Хэранднер высказывается осторожно, воздерживаясь от категорических заключений, — он останавливается на времени между 1154 и 1158 гг. (с. 32). Но следует отметить существование и другой точки зрения, а именно — что Продром дожил примерно до 1170 г.⁵

Если жизненный путь Феодора Продрома, атрибуция его произведений, анализ их сведений по византийской истории являлись традиционным предметом продромовских исследований, то вопрос о социальных и эстетических воззрениях писателя, литературного значения его произведений поставлен сравнительно недавно. В этом плане закономерен раздел книги Хэранднера, посвященный функции издаваемых сочинений, анализирующий их идейное содержание (с. 73—109). Особенно важными здесь являются данные для характеристики представлений об императорской власти в Византии (Kaiseridee). Результаты, которые могут быть получены на основе исследования издаваемых материалов, соответствуют существующим на сегодняшний день представлениям о мировоззрении Феодора Продрома, придворного поэта, славословящего и идеализирующего императора, его деяния. Такой вывод, вытекающий из анализа сочинений Продрома, в целом, видимо, справедлив. Однако, имея возможность исследовать всю совокупность элементов образной системы писателя, рассмотреть эти элементы на уровне метафор, сравнений, в потоке риторических тропов, мы можем взглянуть на его произведения под несколько иным углом зрения.

Сказанное относится к цветовой символике, занимавшей важное место в ряду мировоззренческих категорий у византийцев. Роль пурпура и золота как царских цветов в хроматической иерархии общеизвестна. И у Феодора Продрома можно найти много примеров традиционного значения этих цветов. Но несколько раз стандартные связи нарушаются. Пурпур — цвет императорской власти — в превращенном виде становится цветом крови. При описании триумфального шествия Иоанна Комнина после взятия Кастамона выразительно зримо представлена четверка белоснежных коней, вездущих колесницу; контрастно выделяются на белом фоне поводья багряного цвета. Писатель вводит для сравнения экфразу: это зрелище напоминает голубку, растерзанную орлом над белеющей скалой, окропленной кровью жертвы, — так же на белейшей коже лошадей царской колесницы горят багровые поводья. Кони покрыты алыми попонами (№ 6.83—97). Возникает не столько торжественное, сколько напряженное, даже трагическое ощущение: конкретность и какая-то человечность описания гибели голубки от «острых когтей стремительного» хищника создают образ, переносимый невольно на объект сравне-

³ Каждан А. П. Указ. соч., с. 66—67.

⁴ Хэранднер не дает точной даты свадьбы Алексея — сына Никифора Форвина, которой посвящено одно из «Исторических стихотворений» (№ 43; см. с. 403). Эпиталамией по этому случаю считались первыми произведениями Продрома (1118).

⁵ Каждан А. П. Указ. соч., с. 68.

ния не только в отношении зрительного, но и глубинного эмоционального содержания.

Или неоднократно встречаемый в византийской литературе мотив царской порфиры, обгаренной кровью варваров. Сам по себе этот символ является тоже традиционным элементом *Kaiseridee*, знаменуя торжество императора над нечестивыми (например, № 31а, 1—6; № 44.174—176), но своеобразная возвышенность образа снижается конкретностью и наглядностью описания безжалостного истребления «персидских» жителей — детей и женщин — ромейским оружием (№ 11.201—210). Казалось бы, здесь нет ничего необычного — стереотипные темы, банальные слова; но различие в эмоциональном контексте при сравнении двух планов приводит к эффекту внутренней противоречивости описания и оценки. У Никиты Хониата функционирование цветовой системы осуществлялось по близким, но несколько другим направлениям — по линии словоупотребления⁶. У Продрома же личный элемент вообще сведен к минимуму: он — в области языковой и речевой формы (ср. также № 11.51—67, 211—220; № 45.1—10, 81—90). Отрицательный смысл нигде внешне не проявлен. Но за прямыми словесными декларациями не улавливается ли нечто, не совпадающее с высказываемыми формулировками? Такой эффект возможен вне сферы словесного выражения — он может, получиться и неосознанно, вопреки идейной установке автора. И в этом случае важно уловить внутреннее чувство, эмоциональный подтекст.

Эти замечания в высшей степени гипотетичны. И все же хотелось бы поставить вопрос о возможности иного осмысления творчества Феодора Продрома. Подход к Продрому как к творческой личности, самостоятельно мыслящей и по-своему выражающей идеи, уже определен в византистике⁷.

Сейчас В. Хэранднер готовит издание речей и писем Феодора Продрома. Новая работа, несомненно, даст материал для дальнейших доказательств, наблюдений и уточнений.

М. В. Бибиков

Два памятника поздневизантийской литературы
Mazaris' Journey to Hades. Greek Text with Translation, Notes, Introduction and Index by Seminar Classics 609. State University of New York at Buffalo. «Arethusa», 1975, XXXVIII+134 p.

A. Byzantine Iliad. The Text of Par. Suppl. Gr. 926. Edited with Critical Apparatus, Introduction and Indexes by L. Nørgaard and O. L. Smith. «Museum Tusulanum». Copenhagen, 1975, 75 p.

«Путешествие в ад» Мазариса — давно известный памятник византийской литературы XV в. На русский язык оно было переведено С. П. Кондратьевым и опубликовано в ВВ, XIV, 1958, с. 318—357 с обширной вводной статьей Т. М. Соколовой. Новое издание выполнено группой американских филологов в составе: Дж. Барри, М. Шеа, Э. Смесиз и Л. Вестеринк. В отличие от первых изданий, основанных на Парижской рукописи, американские издатели привлекли также Берлинскую рукопись (Berol. gr. 173) XV в., дающую существенные разночтения. Третий манускрипт Мазариса (Urb. gr. 434, XV в.) — явная копия Парижской рукописи, не отличающаяся от нее ничем существенным; он привлекается лишь в редких случаях — там, где вывели чернила в заголовках Парижского списка.

Текст сопровождается английским переводом и комментарием. Во введении Э. Смесиз характеризует ситуацию в Византии на рубеже XIV—XV вв., ставит вопрос об авторе «Путешествия» и о содержащихся в «диалоге» исторических данных. Скучность и неопределенность свидетельств Мазариса не позволяют сделать сколько-нибудь существенные новые выводы о положении в Пелопоннесе. Как известно, Мазарис рисует в самом черном свете и пелопоннесских «топархов» («баронов», как передают этот термин переводчики), и столичное чиновничество. Что это —

⁶ *Kajdan A. П.* Цвет в художественной системе Никиты Хониата. — В кн.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973, с. 132 сл.

⁷ *Hunger H.* Der byzantinische Katz-Mäuse-Krieg. Graz—Wien—Köln, 1968, S. 51 ff.

законы жанра (Лукиановой сатиры) или действительная общественная позиция автора? Вопрос этот, к сожалению, не поставлен издателями. Для нашего читателя значительный интерес представляет упоминание Мазарисом славян (с. 76.22) среди многоплеменного населения Пеллопоннеса.

Второй памятник издается впервые. Это написанная на разговорном языке поэма о Троянской войне, состоящая из трех частей: первая повествует о событиях накануне войны, вторая — о самой войне, третья — своего рода эпилог, подчеркивающий (на примере Ахилла) христианскую идею о бренности всего сущего. Проникновение библейских элементов в поэму сказывается и в некоторых деталях сюжета: легенда о Парисе видоизменяется под воздействием истории Моисея. Троянский миф испытывает в поэме также влияние византийской действительности: Парис, к примеру, собирается стать монахом (стк. 425); разговор «василевса» Приама с непокорным «вассалом» Селинием (стк. 248—256) вызывает в памяти аналогичную сцену из «Дигениса Акрита».

Поэма издается по Парижской рукописи (Paris. Suppl. gr. 926) XVI в.

А. К.

D. G. Tsames. Δαβίδ Δισυπάτου Λόγος κατὰ Βαρλαάμ και Ἀκινδύνου πρὸς Νικόλαον Καβάσιαν. — «Βυζαντινά κείμενα καὶ μελέται», 10. Thessalonike, 1973, 115 p. + ill.

Давид Дисипат — византийский писатель и церковный деятель второй четверти XIV в., активный участник паламитских споров. Его краткая история «дурной ереси» Варлаама и Акиндина была впервые издана Порфирием Успенским в «Истории Афона» как анонимное сочинение, а в 40-е годы XX в. переведена испанским византинистом М. Кандалем¹; затем Р. Браунинг опубликовал ямбы Дисипата против Акиндина², и теперь издается «Слово против Варлаама и Акиндина».

Для издания «Слова» Д. Цамис привлек пять рукописей, среди которых он считает лучшей Paris. gr. 1247, XV в.; к ней близка Marc. gr. 153, XV в. Более ранний манускрипт (XIV в.), принадлежащий Дионисиеву монастырю на Афоне (Dionys. 194), отражает, по мнению издателя, тенденцию выправить, разъяснить или упростить авторский текст, но подчас эти поправки проистекают из ложного понимания рукописи и искажают смысл. Другой Парижский кодекс (Paris. gr. 1238, XIV—XV вв.) содержит только конец «Слова», за которым следуют стихи Дисипата против Акиндина. Наконец, в Ватиканском манускрипте (Vatic. gr. 704, XIV—XV вв.), где на лл. 152—173 об. по каталогу значилась «Книга против патриарха Иоанна Калеки», оказались также отрывки из «Слова» Дисипата.

Во введении Д. Цамис собирает скудные сведения о Давиде Дисипате, сохранившиеся в сочинениях современников, и отделяет достоверное от необоснованного; так, он отвергает предположение, которое принимал и покойный В. Лоран, будто Давид был родом из Солуни (с. 15 и сл.). Несмотря на бедность информации, Дисипат предстает довольно любопытной фигурой. По-видимому, первоначально его позиция в идеологической борьбе была недостаточно определенной: в начале 1341 г. Акиндин (его письмо сохранилось) призывал его в Константинополь, чтобы помочь Паламе против Варлаама; вместе с тем Акиндин, расходясь с Паламой, рассчитывал и на поддержку Дисипата. В свою очередь и Палама обратился к авторитету Давида. Как известно, в 1341 г. размежевание борющихся сил произошло: на одной стороне оказалась группировка Иоанна Кантакузина, провозглашенного 26 октября императором, на другой — сторонники мегадука Апокавка, управлявшего от лица царицы-матери Анны Савойской. Патриарх Иоанн Калека, порвав с Кантакузиным, перешел в лагерь Апокавка; Акиндин, покончив с колебаниями, также принял сторону легитимистов. Напротив, Палама, державшийся Кантакузина, оказался в немилости, попал в тюрьму и даже подвергся отлучению. Давид в этих трудных условиях поддерживает паламитов и в ямбах, адресованных Акиндину, с сочувствием описывает бедствия Паламы.

¹ См.: Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 731.

² Browning R. David Dishypatos' Poem on Akindynos. — Byz., 25—27, 1955—1957, p. 723—739.

Последнее известие о Дисипате — послание к нему Паламы летом 1354 г. Цамис убедительно полемизирует с И. Мейендорфом, считавшим, что письмо Паламы адресовано другому Давиду: по мнению Цамиса, в письме (манускрипт Uppsala. 28a) вставка «Дисипату» сделана рукой самого писца и относится к лемме, а не к тексту (как думал Мейендорф); поэтому письмо Паламы свидетельствует не о смерти Дисипата (умер другой Давид, — по мысли Цамиса, духовный отец Дисипата), а наоборот, о том, что в 1354 г. он был еще жив и находился в переписке с Паламой (с. 21—23).

Издаваемое им «Слово» Цамис датирует приблизительно летом 1342 г. (с. 27). Это обстоятельство заставляет его пересмотреть традиционную дату рождения того лица, которому Дисипат адресовал свое сочинение — Николая Кавасилы. Принято считать, что он родился около 1320 г. Однако Цамис, исходя из того, что Давид обращается к нему как к «мудрому» человеку (с. 89.11), пользующемуся уважением, не допускает, что Кавасиле было в ту пору только 20 с малым лет, и предлагает отодвинуть дату его рождения к 1307 г. (с. 29).

«Слово» Давида Дисипата посвящено богословской стороне борьбы. О разворачивавшейся в 1342 г. гражданской войне он говорит мимоходом и в весьма общих выражениях (с. 38.1—5, 90.3—10.93.5—8), сосредоточиваясь на обосновании православности учения Паламы об энергиях. Подобно своему противнику антипаламиту Никифору Григоре, Дисипат наполняет аргументацию обильными цитатами из отцов церкви. Но в отличие от Григоры Давид избегает риторики: его изложение сухо, лишь изредка он позволяет себе напрашивающуюся игру слов. Так, Акиндин именуется «преемником двойных опасностей», порожденных Варлаамом (с. 92.24; см. прим. 2); по-гречески опасность — *κίνδυνος*, и аллюзия очевидна. Редки у него и сравнения — одно, впрочем, примечательно: Дисипат сравнивает своих противников с дурными зверями, которые убегают от света и скрываются в глухой чаще, всеми силами стараясь укрыться от охотников (с. 39.7—12). Сравнение могло бы показаться традиционным, но в данном контексте оно приобретает «второй смысл»: ведь антипаламиты сосредоточивали свою критику на учении Паламы о свете (о Фаворском свете, в котором Палама усматривал проявление энергии, или «силы» божьей), отчего Дисипат и примирение называет «светом истины», предсказывая гибель тем, кто суть мрак и по учению, и по деяниям (с. 93.8—10).

«Слово» Давида Дисипата — еще один памятник, созданный в условиях острой идейной и политической борьбы, подготовившей катастрофический упадок Византийской империи.

А. К.

Th. St. Nikolau. *Αι περί πολιτείας και δικαίου ιδέαι τού Γ. Πλήθωνος Γενναίου.* — «Βυζαντινά κείμενα και μελέται», 13. Thessalonike, 1974, 138 p.

Николау в «Прологе» начинает с утверждения, что политическое мышление характерно для всей эллинской истории философии вплоть до Плифона. Исходя из классического тезиса Аристотеля, что «человек — общественное существо», Плифон свои сочинения в основном посвящает гражданину (*πολίτης*), который должен быть «человеком для других», а не одиночкой-индивидуалистом (*μονώτης*). По мнению Николау, вся жизнь и деятельность Плифона была связана с проблемой спасения греческой независимости. Автор выражает сожаление, что наиболее важные сочинения Плифона о государстве были сожжены патриархом Геннадием Схоларием, но, между прочим, приводит некоторые извиняющие обстоятельства для этого «очерняющего» Схолария акта.

Обрисовывая безнадежное положение Византии XIV—XV вв., Николау уделит внимание исихазму; по его мнению, Плифон не склонялся ни к Варлааму, ни к Паламе, но только эклектически воспринимал некоторые их положения (с. 4). Мистицизм Николау считает вообще свойственным эллинскому мышлению — от празднеств Дионисия, Элевсинских мистерий, пифагорейцев, Филона, Плотина, Прокла вплоть до отцов церкви и мистики богословия. По Николау, исихастский спор по своей роли в византийском обществе XIV в. был равен иконоборческому,

когда ортодоксальная мистика противопоставлялась более прогрессивным веяниям. Общее у Плифона с Варлаамом автор видит в признании Платона и во враждебном отношении к быту монашества, у Плифона с Паламой — в идее доступности познания бога, элементах мистицизма. Но в основном политические идеи Плифона были связаны, по Николау, с платонизмом, причем Плифон не «переписывал» Платона, а стремился использовать его идеи в применении к византийскому обществу первой половины XV в. В своих политических планах Плифон имел в виду не только Пелопоннес, который был для него *οἰκοτέρα χώρα* эллинов, но думал о спасении Византии в целом (хотя, добавим от себя, из сочинений Плифона мы не видим, чтобы он анализировал проблемы внешнеполитического и экономического положения Византии того времени).

Вторая часть книги посвящена понятию гражданственности в произведениях Плифона. Под влиянием Платона, Аристотеля и Плутарха Плифон признает гражданина только в *πολιτικῆ τάξις*, городской общественности. Ревностное участие во всех делах государства — часть основной добродетели. Жизнь хорошего гражданина должна быть отдана обществу. Рассмотрев античные теории происхождения государства, Николау приходит к выводу о том, что по Плифону, как и у Аристотеля, в основе государства лежит *λόγος*: мудрецы создали идею государства, показав, как людям лучше жить. Человек — *λογικὸν ζῶον* (с. 57). Создание государства вызывает нужда индивида в духовном и материальном. Но Плифон в то же время признает и божественное происхождение «государства богов» олимпийской религии, подобием которого и является человеческое государство. Концепции Плифона касались не только современности. Он полагал, что его «Законы» будут и в дальнейшем сохранять значение для людей, желающих сделать жизнь красивей и лучше.

Николау считает, что Плифон в принципе стоит за монархию как форму государства, могущую выбирать все лучшее, если монарх окружен советниками-философами. В то же время монархия должна опираться и на общественный строй, подобный спартанскому, ибо он был близок платоновскому. При этом просвещение граждан Плифон считает наиболее важной задачей власти (с. 86).

Плифон против равенства: нельзя ставить паравне благородную работу лошади и низкую — осла. В класс правителей-архонтов включаются и судьи, затем следуют «охранители»-стражники, за ними — «обслуживающий» класс. Последний Плифон сопоставляет со спартанскими илотами. Николау смущает этот термин, и он старается доказать, что у Плифона «илот» — просто работник, земледelec, платящий налоги. Но спрашивается, почему же Плифон не назвал их налогоплательщиками, а употребил термин, имеющий специфическое историческое значение, — «илот»? Плифон имел в виду идеализированное крепостничество, и попытки Николау модернизировать его неудачны. Николау подчеркивает, что у Плифона нигде не упоминается институт рабства и что Плифон не ставил вопроса об отмене частной собственности несмотря на то, что этот вопрос поднимался при его жизни Береклюджи Мустафой (*Doucas* 21, 112). Согласно Николау, Плифон не был сторонником ни платоновской, ни древнехристианской «общей» собственности. Он считал, что раз человек работает в интересах общества, то, укрепляя свою частную собственность, он укрепляет и собственность общественную (с. 95).

Самым главным для сохранения греческой народности Плифон считал народное самосознание. Из трех элементов, из которых сложилась Византия — эллинизм, римское влияние и христианство, Плифон решительно отстаивал только эллинизм в его античном состоянии, понимая под ним как язык, так и направление мысли, народной психики и даже социальных учреждений. Нужно сказать, что сохранение народности, языка и народного самосознания вовсе не должно быть связано с сохранением старинной политической и социальной идеологии и институтов, как считал Плифон.

Последняя часть труда Николау посвящена правовым воззрениям Плифона. Вопрос в основном связывается с этикой, понятием справедливости. Автор высоко ценит влияние христианства на развитие права, что, надо сказать, прямо противоречит основному содержанию его труда, превозносящего отнюдь не христианские положения Плифона. По Николау, идеи Плифона о праве исходят из понятия доб-

родетели, которое определяется как свойство души, склонной к справедливости. Автор считает, что Плифон в данном случае больше приближался к стоикам, причем особенно выделяет он метафизические положения Плифона о роли богатства. В этом идеи Плифона как бы сближались с христианским учением о благодати (с. 111). Именно эта «красота души» и упражнения в добродетели определяли сущность «добродетели» как отношение индивида к окружающей его общественности в четырех видах: мудрости, справедливости, мужества, благоразумия. Справедливость, по Плифону, не изобретена людьми, но возникла из естественного права (при этом идеи Плифона Николау сближает с идеями XVII—XVIII вв.). Но «лучшие законы», согласно Плифону, могли быть созданы индивидуально только философами. Законы должны быть не только лучшими, но и господствующими и действительными — только тогда общество станет лучшим. Но законы станут господствующими, если сами архонты будут соблюдать добродетель.

Николау утверждает, что положения Плифона о государстве и законах вовсе не были утопическими, но выражали потребность того времени. Вряд ли можно принять такую характеристику трудов Плифона. Хорошо известные византийской интеллигенции положения о правителе-философе, об идеальном гражданине, о мудрых и действенных законах, устаревшие идеи о разделении на три касты в XV в., когда в Европе широко развивалось товарное хозяйство, уже появились элементы капитализма и кое-где возникли идеи представительного управления, были скорее архаически-утопическими формулами, чем проектом законодателя, обладавшего чувством реальности. Труды Плифона имели большое влияние в Италии, где они способствовали тенденциям Ренессанса, увлечению античной философией, но ничего не давали для спасения греческой независимости.

М. Я. Сюзюмов

P. Lakatos. Quellenbuch zur Geschichte der Gepiden. «Acta Universitatis de Attila József nominatae. Acta antiqua et archaeologica», t. XVII. Szeged, 1973, 135 S.

Гепиды — одно из германских племен, игравшее существенную роль во время Великого переселения народов. Согласно Иордану, гепиды вместе с готами переправились с острова Скандза к устью Вислы и к середине III в. достигли Дуная. Эфемерное королевство гепидов возникло после победы их вождя Ардариха над преемниками Атиллы около 454 г. на р. Недао. Они расселились по Тиссе и вели упорную борьбу с остготами и лангобардами, то вступая в союз с Византийской империей, то воюя против нее. В 567 г. одновременное вторжение лангобардов и аваров привело к разгрому гепидского варварского королевства, их король Куниmund пал в бою¹.

Небольшая книга П. Лакатоша — сводка источников по истории гепидов. Она открывается вводной статьей С. Садецкого-Кардоша и содержит две основные части. Первая охватывает текст главных источников: Иордана, Прокопия Кесарийского и Павла Диакона (с. 9—45). Латинский и греческий текст приведен здесь без перевода и комментария. Вторая часть — перечисление в хронологической последовательности основных событий истории гепидов: Лакатош излагает тот или иной факт, приводит его дату и прилагает относящиеся к этому факту свидетельства источников: на Иордана, Прокопия и Павла даются лишь отсылки к первой части, остальные авторы, законодательные памятники, надписи и т. п. приводятся в оригинале (кроме восточных источников, публикуемых в переводе)². В заключение

¹ Краткое изложение истории гепидов см. в кн.: *Иордан. О происхождении и деяниях гетов*. М., 1960, с. 206—208.

² Анонимная армянская география VII в. («Апхарацуйц») используется (с. 114) во французском переводе 1881 г. Русский перевод К. Патканова не упоминается вовсе. См. об этом памятник: *Еремян С. Т. «Апхарацуйц»* (Армянская география VII века) — выдающийся памятник географии и картографии древнего мира. — ВОН АН АрмССР, 1968, № 5, с. 43—60; Г. Б. Петросян («Проблема авторов Апхарацуйца». — ВОН АН АрмССР, 1971, № 10, с. 54—60, на арм. яз.) считает вопреки Еремяню автором Географии Анания Ширакаци.

каждого пассажира сообщается литература — русские работы не учитываются³. Вторая часть в свою очередь распадается на четыре раздела: от переселения гепидов до конца гуннского владычества (с. 47—56); от победы Ардариха при Недао до 40-х годов VI в., когда начинаются войны гепидов с лангобардами (с. 56—77); от лангобардо-гепидского конфликта до падения Гепидского королевства (с. 77—90); остатки гепидского населения после 567 г. (с. 90—117). В основном автор привлекает ранние источники (до 900 г.), хотя изредка цитируются и поздние авторы, как, например, Кедрий (XII в.).

Удобная сводка источников привлечет заново внимание к судьбе малоизвестного варварского королевства в Паннонии; она существенна также и для истории взаимоотношений Византии с варварским миром, и для ранних судеб славянства, с которым у гепидов существовали тесные отношения. В этой связи можно напомнить о деятельности лангобарда Хильдегиса (Ильдигиса), бежавшего в 40-е годы VI в. к славянам, потом к гепидам, а затем вместе с гепидской дружиной снова перебравшегося к славянам. Оттуда с 6-тысячным отрядом (состоявшим, по мнению З. В. Удальцовой, из гепидов и склавинов)⁴ Хильдегис намеревался соединиться с Тотилой, но после первых успехов отказался от своего плана (с. 77 и сл.). В 551 г. гепиды оказали славянам поддержку при переправе через Дунай (с. 81 и сл.). Еще в конце VI в. гепиды жили, по-видимому, среди славян и хорошо знали местность по Нижнему Дунаю (с. 105 и сл.). В 626 г. гепиды вместе со славянами, протоболгарами и аvaraми участвовали в осаде Константинополя (с. 112 и сл.). Все это показывает, в частности, насколько мало обоснованы попытки разграничить по чисто этническому принципу характер действий различных варварских групп во время переселения народов.

А. К.

A. N. Stratos. *Tò Βυζαντινὸν στὸν ζ' αἰῶνα*, т. I—V. Athenai, 1965—1974, 960+271+334+195 p.

VII столетие в истории Византии — один из самых темных периодов. И не потому, что это время не богато историческими событиями: напротив, те исследователи, кто вообще признает кардинальные сдвиги в общественно-политическом устройстве империи, как правило, связывают их с VII столетием¹. Скудость источников — вот причина скудости наших знаний о Ромейской империи за время между ближайшими преемниками Юстиниана I и установлением так называемой Исаврийской династии. А. Стратос прекрасно отдает себе отчет в том, как беден источниками VII век. Поэтому он, восстанавливая ход событий, неторопливо взвешивает каждое свидетельство греческих, латинских и восточных авторов, разбирает толкования, предложенные его предшественниками, и выверяет установившиеся объяснения, факты и датировки. Именно такие частые экскурсы составляют наиболее содержательные разделы его труда.

Книга охватывает время от переворота Фоки в 602 г. до смерти Константина IV в 685 г. Автор рассматривает главным образом отношения Византии с соседними государствами и племенами: основное место в I—II томах уделено войнам Ираклия с Персией, в III т. — арабскому нашествию в 634—641 гг., в IV т. — войнам с арабами до перемирия 659 г. и, наконец, в V т. события на Балканском полуострове привлекают не меньшее внимание, нежели арабская война. При этом Стратос отводит специальные главы характеристике соседних областей и народов: Кавказа (т. II, гл. 15), арабского мира (с. III, гл. 2; т. IV, гл. 6), Италии (т. IV, гл. 4; т. V, гл. 3), болгар (т. V, гл. 5). Среди этих глав нашего читателя особенно заинтересует глава, посвященная славянским вторжениям (т. IV, гл. 7; ср. также т. V, гл. 4); по мнению Стратоса, вторжения аваров, славян и протоболгар в импе-

³ О взаимоотношениях гепидов с Византией при Юстиниане I см.: Кулаковский Ю. История Византии, т. II. Киев, 1912, с. 214—218.

⁴ Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959, с. 394, прим. 94.

¹ См. статью с характерным названием: Thomas C. B. The Seventh Century Revolution — East and West. — «Classica et mediaevalia», 28, 1969.

рию имели место уже в VI в., но расселение этих народов затронуло тогда только северные области Балканского полуострова (т. IV, с. 185); в начале VII в. славяне продвигаются на юг, достигая Крита. Исследователь объявляет необоснованным утверждение (не названных им авторов), будто местное население встречало варваров с распростертыми объятиями (с. 187). Число расселившихся в Греции славян Стратос считает небольшим, да и те, по его мнению, быстро подверглись эллинизации (с. 188 и сл.), — точка зрения, надо заметить, вообще господствующая в греческой историографии.

Главы о внутреннем состоянии государства и внутренней политике императоров имеются в каждом из томов, однако характеристика внутреннего строя односторонняя и неполная. Стратос останавливается преимущественно на финансовом гнете и чеканке монеты, а также на перестройке администрации и армии (в основном все сведено к установлению фем). Важнейший вопрос о социальных сдвигах VII в. почти не затронут, а ответственное утверждение, будто мероприятия Ираклия по раздаче земель стратиотам воспрепятствовали утверждению феодализма в Византии (т. II, с. 696), оставлено без какой-либо аргументации. Конечно, можно опять-таки сослаться на скудость источников, — но Стратос не использует археологический материал, который совершенно в новом свете представляет судьбу позднеримского города в VII в.², и очень бегло привлекает нумизматические и сигиллографические данные. Думаю также, что просопография могла бы послужить продуктивным средством при анализе сдвигов в структуре господствующего класса, как и при изучении церковной борьбы.

Всю вину за создавшийся к концу VI в. кризис Стратос возлагает на Юстиниана I и его ближайших преемников (т. I, с. 29 и сл.), тогда как деятельность Маврикия он оценивает более благоприятно (с. 31, резче — на с. 100 и сл.). Ираклий представляется исследователю подлинным реформатором (именно с ним — вопреки А. Пертузи — Стратос связывает организацию первых фем; т. II, с. 717), хотя уступки Ираклия церкви Стратос считает важной его ошибкой (с. 694). На самом деле, вероятно, перестройка византийской общественной структуры была результатом не столько политики тех или иных императоров и патриархов, сколько итогом спонтанных социально-экономических, этнических и культурных движений эпохи.

Короче говоря, Стратос предложил нам *описание* внешнеполитических и церковных событий VII в. — описание объективное и критическое, основанное на многообразных (преимущественно нарративных) источниках, к которым автор относится осторожно и строго, что позволяет ему высказать ряд остроумных объяснений и переосмыслить некоторые факты. Но читателю второй половины XX в. этого уже мало — он хочет думать о тех процессах, которые движут обществом. В этой сфере книга Стратоса дает немного: мы извлекаем из нее надежную хронологию походов Ираклия на персов, но она не объясняет нам, сохранился ли в VII в. античный общественный организм с его феноменом урбанизации или по какой-то причине он уступил место иному типу общества.

Книга Стратоса переведена на английский язык³.

А. К.

R. Browning. *Byzantium and Bulgaria*. London, 1975, 232 p.

Работа Р. Браунинга представляет собой первый опыт сравнительного исследования экономического, политического и культурного развития двух обществ, византийского и болгарского, в период раннего средневековья. Книга состоит из следующих глав: 1. Введение. 2. Балканский полуостров в период поздней античности и происхождение Болгарского государства. 3. Болгаро-византийские отноше-

² Я очень сомневаюсь, например, в правильности тезиса Стратоса (т. II, с. 691) о том, что персидские победы приводили к реальному переселению крестьян в города.

³ *Stratos A. N. Byzantium in the VIIth Century*, vol. I—III. The Hague—Amsterdam, 1968—1972.

ния в IX—X вв. 4. Земельные владения. 5. Города. 6. Ремесло и торговля. 7. Политическая структура. 8. Религия. 9. Культура. 10. Быт и нравы. 11. Заключение и приложения — хронологическая таблица, библиография, указатель.

В предисловии автор наметил основные вопросы, которые затронуты в его работе: чем отличался образ жизни в Болгарии от образа жизни в Византии; привели ли несколько веков оторванности Болгарии от цивилизации Средиземноморья к необратимым изменениям в структуре и функциях болгарского общества; каким образом разница в уровнях экономического развития Болгарии и Византии влияла на их отношения и на внутреннее развитие каждой из стран; почему славяне, находившиеся в непосредственной близости от Византии, сохранили свой этнический облик и культуру. Решение этих вопросов, по мнению автора, имеет огромное значение. «Отношения между Болгарией и Византией имеют далеко не местное и временное значение. Благодаря им сформировались определенные устойчивые черты православного славянского мира, оказавшие влияние на развитие европейской истории вплоть до сегодняшнего дня» (с. 16).

В период с IV по IX в. Балканский полуостров в результате нашествия варваров полностью изменил свой этнический облик. Основным населением полуострова стали славяне, частично поглотившие местное население¹. Автор отмечает, что симбиоз византийского и славянского населения начался довольно рано. К концу IX в. славянам в Греции и Южной Македонии, не создавшим собственной политической организации, грозила опасность поглощения византийской цивилизацией и утраты этнических особенностей. Иной была картина на севере полуострова. Здесь славяне, объединенные в государство протоболгарам, в котором они, однако, играли доминирующую роль, не утратили своего языка и культуры.

Нашествие варваров явилось, по мнению автора, главной причиной быстрых изменений в поземельных отношениях Византии. «Крупные имения с рабами и колонами исчезли, и их место заняли общины свободных крестьян — свободных в том смысле, что они не были зависимы ни от кого, кроме центрального правительства» (с. 83).

Проводя сравнительный анализ развития поземельных отношений Болгарии и Византии, автор приходит к выводу, что оно шло в одном направлении: от свободной крестьянской общины к формированию вотчины, складыванию личной зависимости крестьян. Свообразие этого процесса в каждом из государств, обусловленное рядом географических, исторических, политических условий, заключалось в следующем: «Первое — формирование крупной вотчины в Болгарии началось позже и происходило медленнее. Слой свободного крестьянства был еще очень велик, когда Василий II положил конец независимости Болгарии. Второе — в Болгарии, по всей видимости, не было военных держаний. Болгарская армия представляла собой народное ополчение, собиравшееся по призыву властей, в то время как византийская армия была профессионально-элитарной. Третье — последствия разрушения общины в Болгарии были более решительными. Крестьяне, оторванные по той или иной причине от земли, не могли найти работу из-за отсталости болгарской экономики и легко попадали в долговое рабство» (с. 87—88).

Отмечая отсталость болгарской экономики (отсутствие денежного обмена, узость внутреннего рынка, слабость купеческого сословия), Браунинг полагает, что главными факторами, тормозившими развитие Болгарии, были близость Византии, сковавшей развитие болгарского ремесла и торговли, и нужды армии, вызванные постоянными войнами.

К сожалению, в книге нет специального анализа социальных отношений в византийском и славянском обществе.

Что касается политической структуры, то Браунинг отмечает, что болгары заимствовали некоторые элементы византийской административной системы еще до 1018 г., «однако это еще не было полным повторением византийской политиче-

¹ Касаясь вопроса о происхождении славян, автор повторяет старый тезис о сарматском происхождении хорватов, давно отвергнутый историками; см.: *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1974, с. 47.

ской организации, которое мы видим во Втором Болгарском царстве после почти двухвекового византийского владычества» (с. 130)².

В области культурного развития автор отмечает, что, хотя Болгария стала провинцией византийского мира, восприняв византийские христианские традиции, она, однако, сохраняла и развивала свои самобытные черты.

В краткой заключительной главе Браунинг формулирует четыре основных различия между болгарским и византийским обществом: 1) византийское общество автор называет «тоталитарным» в том смысле, что существовало непосредственное подчинение каждой личности императорской власти, тогда как в Болгарии принадлежность к общине, племени зачастую являлась для личности более важной, чем подданство царю; 2) византийцы сознавали свою «уникальность» в мире, болгарин же считал себя принадлежащим не только к болгарскому народу, но и частью огромного славянского мира; 3) в Византийской империи земля была объектом купли-продажи, в Болгарии в IX—X вв. общинная земля не могла на законном основании переходить из рук в руки, что придавало более патриархальный характер всем общественным отношениям; 4) отсутствие денежных отношений в Болгарии обуславливало значительно меньшую социальную мобильность общества по сравнению с Византией (с. 195—197).

Эти коренные различия в жизни болгарского и византийского общества, по мнению Браунинга, сделали невозможным для Болгарии принятие византийской модели развития. В период правления Бориса и Симеона сложился образ жизни, хотя и заимствованный частично у Византии, но самостоятельный по существу. Он и стал основой возникновения народного самосознания, послужившего главным препятствием для поглощения Болгарии византийской цивилизацией.

О. Иванова

Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973, 167 с.

Написанная по-грузински и (в сокращенном варианте) по-русски¹, книга Г. А. Меликишвили привлекает логической стройностью: несмотря на скудость — по меркам медиевиста — доступных источников, автору удалось нарисовать внутренне непротиворечивую и убедительную картину, связав становление единого Грузинского государства в XI—XII вв. с локальными особенностями развития здесь феодальных отношений. Меликишвили выделяет в пределах Грузии два основных региона, отличавшихся темпами социально-экономического развития. Картли (Иберия, Восточная Грузия) и Тао-Кларджети уже в позднеантичное время опережали Кахетию, Лазское царство и Авастию (Абхазию), и в дальнейшем процесс феодализации пошел там быстрее. В IX—X вв. в Картли и Тао-Кларджети господствовали азнауры — феодальные сеньоры, сложилась иерархическая структура собственности и вассалитет, а монарх был «первым среди равных» (с. 145). Напротив, в Кахетии и Абхазии сохранялись массы свободных общинников, особенно среди горцев, и феодальное землевладение не стало господствующим. Эти войны-земледельцы, а также мелкие феодалы и торгово-ремесленное население городов составляли опору царской власти в ее борьбе против независимости картлийских и таосских азнауров (с. 148—150).

Исходя из этого Меликишвили выступает против традиционного представления о Тао-Кларджети как центре и двигателе объединения Грузии. Инициатором объ-

² Утверждение автора, что политическая система Второго Болгарского царства была точной копией византийской системы, без специального анализа источников кажется сомнительным.

¹ В русском варианте, в частности, отсутствует изложение третьей главы, опубликованное по-русски отдельно: Меликишвили Г. А. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековье. — В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 14.

единения были правящие круги более монолитного Абхазского царства, поддерживавшие Баграта III, тогда как азнауры Картли и Тао, опираясь на помощь Византии, всячески препятствовали объединению. Такая концепция позволяет автору дать новое истолкование грузино-византийских отношений при Давиде Куропалате и Василии II: хотя первоначально Давид предполагал сделать Баграта III, царя Абхазии, своим наследником, в дальнейшем он передал Тао Византии, — по всей видимости, под давлением азнауров, недовольных политической линией «абхазского царя», стремившегося подчинить Картли абхазской администрации (с. 136—138). В XI в. западногрузинская (абхазская) знать, как правило, поддерживает царя, тогда как действующий в тесной связи с Византией противник централизации Грузии Липарит Багваши становится правителем Картлийского и Месхетского княжеств (с. 147).

С конца XI в. тенденции к централизации в Грузии явно берут верх над сепаратистским (партикуляристским) устремлением феодальных синьоров. Меликишвили связывает это с усилением военно-паразитических начал в условиях постоянной военной борьбы, наступления на соседние мусульманские страны, притока добычи, дани, пленных, превращения войска (особенно наемных — осетинских и половецких — отрядов) в самостоятельную силу. «Подобная ситуация как будто должна была способствовать централизации внутри государства, переходу страны на рельсы если не азиатского, то во всяком случае византийского феодализма, для которых характерно наличие привилегированного класса в основном в виде военно-служилой аристократии, сохранение основной массой народа статуса юридически свободных людей и т. д.» (с. 153). Однако централизация оказалась в Грузии недолговечной: развитой институт частной собственности, давние традиции индивидуального хозяйства, а также наличие множества замкнутых территориально-племенных объединений определили ход феодального развития Грузии по западноевропейскому пути.

В свете такой расстановки сил Меликишвили интерпретирует борьбу вокруг супруга царицы Тамары Юрия, сына Андрея Боголюбского, изгнанного в 1187—88 г. Воспитанный на Руси, Юрий Андреевич выступил против того засилья феодальной знати, которое утвердилось при дворе Тамары. На стороне Юрия оказалась преимущественно Западная Грузия, область менее интенсивной феодализации, тогда как Тамару поддерживали феодалы Восточной Грузии и Северной Армении, а также половецкие отряды. Поражение Юрия знаменовало по сути дела неудачу централистских тенденций — сеньоры-«дидебулы» стали превращаться в суверенных князей (с. 155—158).

Монолитность Абхазского царства явилась основным фактором, обеспечившим объединение феодальной Грузии в XI—XII вв. А это в свою очередь «обусловило довольно раннее образование в Грузии крупной народности, вобравшей в себя все стоящие близко друг к другу этнические группы»². Грузинская народность не потеряла своего единства даже в условиях общего партикуляризма, восторжествовавшего в XIII в.

А. К.

J. Darrouzès. Deux lettres inédites de Photius aux Arméniens. — REB, XXIX, 1971, p. 137—181

С середины IX в. Византийская империя заметно активизировала свою политику в Армении, находившейся еще под арабским владычеством. Отражением этого явилась, в частности, переписка, которую вел с армянами патриарх Фотий (858—867 и 877—886). Фотий понимал, каким препятствием для осуществления византийских планов в Армении являлся конфессиональный партикуляризм армян, и предпринимал настойчивые попытки привести армян в лоно имперской церкви. Переписка велась вокруг основного вопроса, который разделял армян и ромеев, — отношения к Халкидонскому собору и соответственно признания у Христа одной или двух природ.

² Меликишвили Г. А. Указ. соч., с. 11.

До недавнего времени были известны следующие документы армяно-византийских отношений, так или иначе связанные с патриархом Фотием: а) послание Фотия армянскому католику Захарии. Послание сохранилось в составе своеобразного досье материалов на армянском языке, относящихся к церковному собору в Ширакаване 862 г.; б) послание Фотия князю князей Великой Армении Ашоту Багратуни, ответ Ашота и ответ Никиты Византийца на послание Ашота, написанное по поручению Фотия. Первые два послания сохранились на армянском языке, третье — на греческом¹. Отметим, что названные документы продолжают оставаться предметом дискуссии: подвергается сомнению подлинность послания католику Захарии, ведутся споры относительно времени переписки с Ашотом Багратуни.

Своей публикацией Ж. Даррузес вводит в научный оборот еще два послания Фотия. Первое из них озаглавлено в рукописи «О ереси теопасхитов» и адресовано светскому лицу, второе — «Послание к армянам», адресатом является духовное лицо (далее — письмо I и письмо II). Оба письма извлечены из рукописи Atheniensis B. N. 2756, лл. 120 б.—169 б. и 169 б.—176 б., которая датируется XIV в. (REB, XII, 1954, p. 183—186). Письмо I опубликовано с большой купюрой (лл. 122 б.—168 а. рукописи). Конец письма II, по мнению издателя, не сохранился. Издание сопровождается французским переводом. Подлинность обоих писем сомнений не вызывает, при этом грамоты дошли до нас на языке оригинала. Как и следовало ожидать, основное содержание обоих посланий по преимуществу догматическое, но в них имеются указания, важные также для понимания политических моментов.

По определению Ж. Даррузеса, письмо II адресовано католику Захарии Дзагеци (855—876), оно отправлено после Ширакаванского собора 862 г., но около этого времени. Письмо проникнуто недовольством по поводу того, что основная масса армян, в том числе и адресат, продолжают упорствовать в своих заблуждениях, т. е. отказываются принять халкидонитство. Письмо II — одно из нескольких посланий, направленных Фотием Захарию Дзагеци.

Из письма I выясняется личность посланца Фотия, доставившего в Армению грамоту патриарха и присутствовавшего на Ширакаванском соборе. Это Иоанн, архиепископ фракийского города *Ники* (а не митрополит *Ники* Ваан, как это следовало из некоторых армянских известий²). Фотий утверждает, что благодаря его призыву (подобного призыву, содержащемуся в данном послании, уточняет он) и в результате деятельности архиепископа Иоанна часть армян обратилась в халкидонитство и соответственно исправилась (с. 141.15—20). Помимо данного письма, пишет Фотий, он отправил грамоту Захарии и армянам-ортодоксам: «ты, разумеется, знаешь, что я говорю о таронитах, проживающих в Четвертой Армении» (с. 147.25—28). Отметим, что об успехах византийской пропаганды в Тароне можно было судить и по другим признакам, но этот пассаж — единственное конкретное указание на наличие в Тароне значительной массы армян-халкидонитов.

По мнению Ж. Даррузеса, получатель этого письма — князь князей Ашот Багратуни. Так же как и второе, оно было отправлено вскоре после 862 г. Действительно, датировка этого послания временем, близким к Ширакаванскому собору (во всяком случае, первым правлением Фотия, завершившимся в 867 г.), представляется наиболее вероятной. Вполне вероятным представляется также определение адресата письма III как католика Захарии Дзагеци. Что же касается личности получателя письма I, то в этой части выводы издателя вызывают сомнение.

Фотий информирует своего корреспондента, что он надеялся на успех своего предприятия. Обращение в истинную веру прочих именитых армян, явившееся результатом как его, Фотия, первых призывов, так и деятельности архиепископа Иоанна, заставляет автора задуматься над лучшими качествами адресата (с. 141.15—20). Эта фраза могла быть обращена скорее к лицу, стороннему к деятельности Ширакаванского собора, чем к Ашоту Багратуни, бывшему там, наряду с католиком, центральной фигурой. Сопоставление письма I с перепиской Фотия и

¹ PG, t. 105, col. 487—665; ППС, XI, вып. 4, 1892, с. 179—226, рус. пер., с. 226—279.

² См.: Grumel V. L'envoyé de Photius au catholicos Zacharie: Jean de Nikè. — REB, XIV, 1956.

Ашота, известной на армянском языке (по мнению Ж. Даррузеса, и эта переписка имела место около 862 г.), также наводит на раздумья. Если предположить, что эта переписка происходила до письма I, тогда мы вправе допустить, что это письмо является ответом на грамоту Ашота и что именно ее имел в виду патриарх, говоря о послании своего корреспондента, что оно длиннее «Илиады» и пространнее печальных трагедий (с. 147.21—23). Но текст этой грамоты уместается всего на 13 страницах обычного формата «Палестинского сборника». При самом пылком воображении объем ее не может вызвать ассоциации с 15 700 стихами гомеровской поэмы. Главное же, нам известен ответ на послание Ашота. Это сочинение Никиты Византийца, написанное от имени Фотия и содержащее множество цитат из грамоты Ашота. Своим враждебным тоном оно резко отличается от письма I.

Допустим, далее, что переписка с Ашотом Багратуни происходила после письма I. И в этом случае отождествление адресата этого письма с Ашотом весьма затруднительно. Фотий, как правило, не упускает случая сослаться на предшествующую переписку с тем или иным корреспондентом. В своем послании Ашоту он напоминает, что несколько раз писал католикосу, но ничего не говорит о какой-либо переписке с самим Ашотом. По всем признакам, это первая грамота константинопольского патриарха, направленная князю князей Армении.

Мне представляется, что адресат письма I не может быть отождествлен с Ашотом Багратуни и остается пока анонимной фигурой. Фотий замечает, что его знатный адресат возлюбил общее для всех христиан царство, т. е. Византийскую империю, с глубокой страстью и с намерением ей подчиниться (с. 153.12—14). По-видимому, это один из армянских князей, который почувствовал новые веяния и, не уступая в вероисповедных вопросах, принял византийскую ориентацию.

Письма Фотия, опубликованные Ж. Даррузесом, — важный и в то же время трудный для полного понимания источник. Настоящие заметки не претендуют на окончательное решение поставленных здесь вопросов. Но как бы их ни трактовать, образцовая публикация Ж. Даррузеса представляет безусловный интерес как для византиноведения, так и для арменистики.

К. Ю.

Б. Ферьянчић. Тесалија у XIII и XIV веку. Београд, 1974, XIV+305 с., карта

Один из важных пробелов византиноведческой научной литературы — отсутствие надежных исследований по локальной истории. Скудость источников по истории провинции заставляет византиноведа мыслить чересчур общими понятиями, распространяя подчас на всю территорию империи наблюдения, относящиеся к какому-то конкретному району. Только в последние годы стали появляться серьезные очерки географии, экономики и политико-административной истории отдельных областей империи ромеев¹. К числу таких монографий относится и труд югославского ученого Б. Ферьянчича о Фессалии XIII—XIV вв.

Фессалия играла весьма важную роль в политической жизни поздней Византии, особенно в XIV в., однако источники по ее истории, прежде всего по ее хозяйственной жизни, крайне скудны; так, Ферьянчич может привлечь лишь несколько грамот для характеристики положения фессалийских крестьян (с. 80—84) и довольно ограниченные материалы о венецианских интересах и владениях в Фессалии (с. 153—164). Можно ли ждать в дальнейшем расширения круга источников по этой теме? Еще X. Г. Бек писал о неизданных проповедях ларисского епископа Антония: «Они представляются ценными для истории византийской провинции»². Возможно, что большего (во всяком случае для истории фессалийского

¹ Здесь в первую очередь следует назвать работы Э. Арвейлер о Смирне (ТМ, I, 1965, р. 1—204) и П. Лемерля о Восточной Македонии (*Lemerle P. Philippes et Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945*).

² *Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 774.*

города) можно ждать от археологии, которая до сих пор ограничивает себя преимущественно церковной архитектурой³, от нумизматики⁴ и сигиллографии⁵.

В центре внимания Ферьянчича — политическая история. Если история Фессалии в период существования Латинской империи, тесно переплетавшаяся тогда с судьбами эфемерного Эпирского государства, освещена в литературе довольно хорошо, то правление Иоанна I Ангела (1268—1289) монографически обрисовано впервые Ферьянчичем (с. 95—126). При этом следует обратить внимание на два момента: во-первых, Иоанн I носил византийский придворный титул севастократора и выступал как вассал Михаила VIII, но вместе с тем действовал как самостоятельный правитель, что соответствовало нормам феодального политического правосознания: во-вторых, играя на ненависти православного клира к унионистским стремлениям Михаила VIII, Иоанн I тем не менее активно сотрудничал с жесточайшим врагом Византии Карлом Анжуйским.

Хотя правительству Андроника II все же удалось поставить Фессалию под контроль византийских властей, феодальные силы в этой провинции оставались весьма могущественными. Марино Санудо в меморандуме от 1325 г. упоминает фессалийских вассалов императора, державших от него *castra* и другие владения; в одном из них Ферьянчич (вслед за А. Соловьевым и Р. Лэнерпом) усматривает Стефана Гаврилопула, владевшего, по Кантакузину, Стагами, Трикалой, Фанарионом и другими крепостями (с. 168 и сл.). Как и Иоанн I Ангел, Стефан носил титул севастократора (с. 170). После смерти Стефана в 1332 г. Фессалия становится объектом борьбы между правителями Эпира, деспотом Иоанном II Орсини и Андроником III Палеологом, победа которого, однако, не означала ликвидации феодального обособления Фессалии: грамота Михаила Гаврилопула архонтам Фанариона от 1342 г. свидетельствует, что семья Гаврилопулов продолжала сохранять власть во всяком случае над значительной частью провинции. Ферьянчич (с. 183 и сл.) подчеркивает при этом «необычное развитие феодальных отношений», отраженное в этой грамоте. К 1342 г. относится и союз Кантакузина с фессалийским «рыцарством» (*στρατιά*) и знатью городов (с. 246), в результате которого в качестве главы (*κεφαλῆ*) «Влахии» (т. е. Фессалии) был поставлен кравчий Иоанн Ангел, выступавший не царским наместником, но скорее феодальным сеньором провинции (с. 221 и сл.).

В подчеркивании феодальной природы организма власти в Фессалии конца XIII—первой половины XIV в. состоит основная новизна и ценность концепции Ферьянчича.

Последний период независимой истории Фессалии связан с деятельностью императора Симеона Палеолога (1359—1370), сводного брата Стефана Душана, сумевшего объединить греческих и сербских феодалов и пользовавшегося поддержкой церкви. Однако эта независимость оказалась эфемерной: сперва в Фессалии была восстановлена власть Палеологов, а управление провинцией перешло в руки кесаря Алексея Ангела Филантропина (его преемником был Мануил Ангел Филантропин), затем в 1393 г. Фессалию завоевали турки-османы.

А. К.

³ Общий (и уже устаревший) обзор см.: *Soteriu G. A. Βυζαντινά μνημεῖα τῆς Θεσσαλίας γ' καὶ ἰδ' αἰῶνος*. — *ΕΕΒΣ*, 4, 1927. Есть несколько очерков истории отдельных фессалийских городов, например: *Kalogianes B. Τὸ φρούριον τῆς Λαρίσης*. Larisa, 1971.

⁴ О «фессалийском» клade, зарытом около 1255 г., и его значении для изучения монетного обращения на Балканах XIII в. см.: *Metcalf D. M. Coinage in the Balkans*. 820—1355. Thessaloniki, 1965, p. 126, 229, 232.

⁵ Изданные В. Лораном в «Корпусе» моливдовулы, относящиеся к митрополии Ларисы (№ 674—678, 1760—1761), датируются не позднее XII вв. Однако для рассматриваемого Ферьянчичем (с. 7 и сл.) вопроса о значении термина «Фессалия» существенно было бы привести печати, где солунский митрополит именуется проэдром или пастырем фессалийцев (№ 459, 461, 1728) либо же «пименархом Фессалитиды» (№ 462).

Р. М. Джанполадян. Средневековое стекло Двина IX—XIII вв. Ереван, 1974

Исследование Р. М. Джанполадян о средневековом стеклоделии Армении построено на материалах из Двина. В работу входит каталог, введение на армянском, русском и английском языках и альбом иллюстраций.

Все входящие в каталог изделия представлены на фотографиях, среди которых немало цветных. Кроме того, на 20 таблицах рисунков изображены все формы и орнаменты стеклянных сосудов, включенных в каталог, а также профили обломков венчиков, ножек и ручек, из-за своей фрагментарности и схожести с другими вещами не имеющих отдельных номеров в каталоге.

Библиография (92 названия) характеризуется весьма продуманным подбором литературы, знакомство с которой необходимо для понимания истории средневекового восточного стеклоделия.

Каталог с его краткими и четкими описаниями содержит также весьма существенные замечания о происхождении форм и назначения изделий. Указаны аналогии на широкой территории от Западной Европы до Средней Азии. Сейчас при обилии нового массового археологического материала едва ли возможно дать полную сводку аналогий. Однако автору, как правило, удается достаточно определенно очертить географические и хронологические пределы находок аналогичных предметов.

Большое разнообразие двинской коллекции, тщательность издания и продуманный учет аналогий делают книгу Р. М. Джанполадян своего рода краткой энциклопедией стеклоделия на Ближнем Востоке IX—начала XIII в. В наши дни эта книга продолжает традицию классических трудов К. Ламма, вышедших с конца 20-х до начала 40-х годов.

К сожалению, раскопки Двина дают довольно широкие даты комплексов, из которых происходит публикуемый материал. Поэтому археологические даты, хотя и способствуют уточнению некоторых вех в истории стеклоделия, в ряде случаев не улучшают принятые в литературе несколько обобщенные датировки. К важным уточнениям надо отнести расширение датировки толстостенных чаш со шлифованными фасетками, которые производились не только в VI—VII вв., но и в VIII—начале IX в. Отмечаются привоз таких чаш из сасанидского Ирана (и Месопотамии) и изготовление подобных изделий на месте. Для IX в. в Двине наблюдается сосуществование дорогостоящих резных и шлифованных сосудов с более дешевыми, выполненными простым дутьем и дутьем в форму. Позднее сложные и дорогие типы постепенно исчезают, что автор связывает с наблюдаемым во всех видах ремесла переходом к массовому, рассчитанному на широкий рынок производству (с. 37). С XII в. широко распространяются накладные орнаменты из «нитей, точек, капель и аппликаций» (с. 38).

В какой мере картина, полученная по материалам Двина, характерна для всего средневосточного региона? В Средней Азии со второй половины VIII в. и особенно в IX в. наступает подлинный расцвет дутой в форму стеклянной посуды, однако резное и шлифованное стекло здесь, видимо, не производилось, а его редкие находки можно объяснить привозом из Ирана и Ирака.

Интересны полученные Р. М. Джанполадян данные по международным связям Армении. Характерная для IX в. ориентация на центр аббасидского халифата сменяется в X—XI вв. связями с Византией и Сирией. В XII—XIII вв. отмечаются связи Армении с Сирией и Грузией. Принимая эти важные выводы, надо учитывать, однако, что такие сирийские по своему происхождению приемы, как декор из накладных нитей, в период после распада халифата распространяются на восток вплоть до Ирана и Средней Азии.

В целом обзор международных связей Армении указанного времени сделан с подлинной объективностью, без столь обычного в археологической литературе вышачивания местных достижений. Тем не менее важное значение Двина как ремесленного и торгового центра выступает с полной очевидностью. Выявлены даже особенности отдельных мастерских.

Экскурсы о лабораторной посуде, об уникальном византийском расписном сосуде, о расписном стекле XII—начала XIII в. представляют особый интерес. Этим

материалам автором были посвящены отдельные работы, получившие признание специалистов. В связи с лабораторной посудой заметим, что в некоторых случаях функции сосудов могли быть не столь специализированными. Сосуды № 122, 125, 126 в отличие от «аламбиков» № 123, 124, конечно, могли использоваться в качестве лабораторной посуды, однако кувшин № 122 принадлежит к распространенному типу сосудов, приспособленных для задерживания осадка, а это могло пригодиться не только в научных экспериментах, но и в быту; сосудики же № 125, 126 могли применяться не только алхимиками, но и цирюльниками при кровопускании.

В целом работа Р. М. Джанполадян по своему научному значению, безусловно, выходит за рамки закавказской проблематики. Она станет настольной книгой каждого, кто занимается стеклоделием Кавказа, Византии, Древней Руси, Ирана и Средней Азии.

В. И. Маршак

D. Renner. Die koptischen Stoffe im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Wiesbaden, 1974, 89 S., Taf. I—IV, 1—40.

Каталог коптских тканей Музея Мартина фон Вагнера в университете Вюрцбурга, составленный Доротеей Реннер, представляет собой по существу первую серьезную публикацию названной коллекции. Сведения об этой коллекции появились в печати дважды, в 1897 и 1938 гг., и содержали лишь краткие данные.

Коллекция, сложившаяся в 1894—1906 гг., невелика, в ней всего 57 тканей. Однако счастливой особенностью этого собрания является то, что известно происхождение всех тканей, кроме четырех: 17 тканей, купленные у Р. Форрера, происходят из Ахмима-Панополиса; того же происхождения 18 тканей, приобретенные из коллекции Т. Графа; другие 18 тканей, полученные музеем в дар от Немецкого восточного общества, были найдены при раскопках Апмуниена.

Уже одно это обстоятельство придает важность коллекции и делает ее публикацию весьма желательной и полезной в первую очередь для всех, занимающихся вопросами определения, датировки коптских тканей. В коллекции нет шедевров, в ней собраны вещи ординарные, не отличающиеся от обычных находок в большинстве коптских некрополей. С известной точки зрения, это даже интереснее, ибо позволяет представить средний уровень ткацкого ремесла коптов.

Каталог состоит из краткого предисловия, введения (с. 1—9), расположенных по хронологическому принципу каталожных описаний (с. 13—84), указателей (с. 85—89) и таблиц с цветными и черно-белыми воспроизведениями всех тканей коллекции. Во вступительной статье автор излагает теоретические положения, на которых основана вся работа, и подвергает всестороннему рассмотрению исследуемый материал. Для удобства предлагаются несколько параллельных группировок тканей: 1) по материалу — лен с шерстью и шелк; 2) по окраске — пурпурные и полихромные; 3) по технике — петельчатые и гобеленные ткани и вязаные изделия; 4) по хронологическому признаку — эллинистическо-римские, коптские и ткани с сасанидским влиянием.

Д. Реннер сознательно избегает вопросов технологии, состава красителей, отсылая читателей к уже имеющимся трудам на эти темы. Подробная библиографическая справка делает излишним повторение опубликованных данных.

Отметив, что большинство вюрцбургских тканей представляет собой фрагменты вещей, разрезанных на мелкие куски для распродажи, и предположив, что другие части тех же вещей можно обнаружить в разных собраниях мира, Д. Реннер провела сравнительное изучение вюрцбургских тканей с экспонатами других хранилищ и доказала единство их происхождения (с. 3—4). Некоторым тканям найдены очень близкие аналогии (с. 4).

При датировке тканей Д. Реннер опирается на наблюдения таких авторитетных специалистов, как Кендрик, О. Вульф, В. Ф. Фольбах и др. Она учитывает также и новейшие методы установления возраста тканей, предлагаемые Дж. Бэковисом, П. дю Бурге и Г. де Франковичем.

Обширный каталог доминирует по объему над вступлением и является, безусловно, самой существенной частью публикации. Аннотации в каталоге строятся по следующим разделам: инвентарный номер, размер, материал, техника, происхождение вещи, описание вещи, узора или сюжета изображения, состояние ткани, подробнейший перечень имеющихся в других коллекциях аналогий рассматриваемому образцу (автор использует материал 24 музеев и коллекций), датировка ткани.

В результате проведенного Д. Реннер исследования вюрцбургская коллекция оказалась теснейшим образом связанной с другими, уже известными собраниями. С другой стороны, рецензируемая работа расширяет возможности определения некоторых, еще не изученных собраний коптских тканей. Издание каталога в том виде, как его сделала Д. Реннер, представляет интерес не только для коптологов, но и для специалистов более широкого диапазона.

При определении тканей Д. Реннер не ограничивается только исследованием памятников ткацкого ремесла. Она учитывает также и памятники других видов искусства, справедливо полагая, что в создании коптских тканей нашли отражение многие стороны единого процесса эволюции современного им искусства.

Р. Шуринова

Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII века. Л., 1975, 351 с.

Рецензируемая книга является продолжением лексикографических исследований Л. С. Ковтуна — первая работа под названием «Русская лексикография эпохи средневековья», посвященная лексикографии XI—XVI вв., вышла в свет в 1963 г. Обе книги составляют как бы корпус по истории древнерусской лексикографии.

Тема избрана не случайно. Лексикография представляет собой один из самых ранних этапов в развитии филологических штудий и имеет тесную связь с образованностью. Поэтому исследование Л. С. Ковтуна важно для истории русского образования и русской культуры в целом.

Выполнить работу по истории русской лексикографии невозможно без привлечения греческого языка и без византиноведческих знаний, без ориентировки в *instrumenta studiorum* византиноведения. Византийская филология была самым плодотворным разделом византийской науки. Восприняв традиции и методику филологов эллинистического времени, выработанные ими на основе критики античных текстов, византийские филологи расширили круг исследуемых текстов и подвергли филологической обработке произведения раннехристианской письменности. В течение тысячелетнего существования Византийской империи образованные византийцы тщательно сохраняли, собирали и переписывали памятники античной литературы. В 272 г. указом императора Валента в императорскую библиотеку было назначено семь писцов для переписки текстов из ветхих папирусных свитков в новые пергаменные кодексы; вторично такая же работа в широком плане была предпринята в IX в. и продолжалась вплоть до XII в. Сосредоточенная при главном книгохранилище империи, работа по транслитерации текстов проводилась при участии и под руководством видных ученых; в VII в. — грамматика Георгия Хировоска, в IX в. — патриарха Фотия, в конце IX—начале X в. — архиепископа кесарийского Арефы, в XII в. — Евстафия Солунского и т. д. Навысшего развития византийская филология достигла в XIII—начале XIV в., когда работал Димитрий Триклиний.

Однако византийская филология не была ограничена только критикой текстов. Изучение произведений античной и раннехристианской литературы, разъяснение неясных или испорченных слов и выражений способствовали развитию грамматических и лексикографических штудий. Словарей было много, разнообразного состава и назначения: ономастиконы, толковые словари греческого языка, энциклопедические словари.

После падения империи византийская филология не прекратила своего существования. Большое число образованных греков уже в XIV в. перебралось в Италию; многие греки оставались на территории бывшей империи, где продол-

жали свои занятия; наконец, многие греки перешли в южнославянские земли и на Русь.

В то время как роль греческих филологов в истории итальянского и вообще западноевропейского гуманизма давно является объектом изучения, деятельность их в развитии русской образованности почти не выяснена. В свое время И. В. Ягичем был собран обширный материал, необходимый для исследований по данному вопросу; существуют и некоторые другие работы, посвященные отдельным памятникам или аспектам этой темы. Однако впервые исследование этой темы по разделу лексикографии осуществлено в вышедшей в 1963 г. книге Л. С. Ковтун. В рецензируемой работе тема продолжена на материале XVI и XVII вв.

Внимание автора обращено прежде всего на деятельность Максима Грека, на его роль в создании Азбуковника, на его значение для истории русской культуры и русского просвещения. Максим Грек был высокообразованным филологом, он учился у своих соотечественников, переселившихся в Италию. На Афоне, откуда Максим приехал в Москву, среди греческих монахов всегда были образованные люди, при которых существовали как бы небольшие школы, группы учеников. Роль Афона как культурного центра для народов, оказавшихся под турецким владычеством, известна, однако, пока еще лишь в общих чертах. Поэтому представляется весьма важным сам замысел Л. С. Ковтун — определить значение Максима Грека как представителя греческой учености в развитии русской культуры, русской лексикографии, русской науки о языке и значение Азбуковника в том же плане.

В предисловии автор не говорит об одной важной стороне своего исследования, именно — о выявлении совершенно новой страницы в судьбе византийской филологии: о существовании древних русских и славянских переводов с греческого языка известно, на эту тему имеется обширная литература, но о роли греческой филологии для развития филологических штудий в Московском государстве XVI в. до сих пор не было известно ничего; эта проблема впервые поставлена в книге Л. С. Ковтун, впервые в этой книге рассмотрена. Тем самым автор открывает пути и для дальнейших исследований в указанном направлении.

Автор полемизирует с Л. П. Якубинским относительно задержки в развитии русского литературного языка, вызванной «отсутствием в XV—XVI веках переводов церковных книг на русский язык обиходного типа». Полагаю, что возражения Л. С. Ковтун против приведенного положения Л. П. Якубинского можно подкрепить и другими, еще не обследованными (с точки зрения истории языка) фактами: 1) в XV—XVI вв. уже существовал пантеон русских святых, жития которых были не переводными, а оригинальными произведениями. В этих житиях нередко встречается обиходный язык; 2) существовали церковные книги обиходного содержания (я имею в виду в первую очередь требники), в которых встречались не только переводные, но и русские молитвы. В требниках особенно интересны апокрифические молитвы и заговоры, ведущие свое происхождение из глубокой древности, от давно забытых народных верований, и представляющие собой совершенно не исследованные (с точки зрения истории языка) памятники русского фольклора¹.

Важный раздел книги составляет сопоставление и разъяснение христианских имен у Максима Грека. Л. С. Ковтун подметила тенденцию Максима толковать языческие имена также на христианский лад; в этих случаях Максим определяет корни слов подчас искусственно, стараясь скрыть языческую основу имени (см., например, его рассуждения об имени «Океан»).

В книге содержится неопечатый край ценнейших, впервые выявленных сведений о русском языке XVI—XVII вв., его истории, истории развития литературного языка, русской образованности, а также данные о значении взглядов Максима Грека для истории теории познания. Особенно много таких сведений содержится в гл. III.

¹ См.: Алмазов А. И. Врачевальные молитвы (к материалам и исследованиям по истории русского требника). Одесса, 1900.

В связи с рассмотрением этих вопросов автор должен был обратиться к переводам толковой псалтири, которая, как известно, была в средние века одним из важнейших учебных пособий, а экзегетика была основным методом обучения. Говоря об условиях возникновения Азбуковника как особой рукописной книги, автор подчеркивает значение экзегезы в славянской письменности, а в дальнейшем процесс «все более заметной эмансипации словарного дела от задач экзегезы, богословского истолкования текста» (с. 220). Таким же был ход развития словарного дела в Византии.

Как известно, Максим Грек во время работы над переводом церковных книг диктовал текст приставленным к нему для этой цели толмачам Димитрию Герасимову и Власию. В Византии существовала такая же практика диктования текста — она применялась как метод обучения и в творческом процессе²; так, агиограф X в. Симеон Метафраст диктовал свои сочинения писцам, специально к нему для этой цели приставленным.

Рецензируемая книга представляет собой выдающееся исследование, проведенное на высоком профессиональном уровне, богатое содержанием. Она принадлежит к числу книг, открывающих новые темы и намечающих новые пути в исследовании древнерусской культуры; она важна для специалистов разных профилей — лингвистов, литературоведов, историков — как славистов, так и византинистов.

Е. Э. Гранстрем

---

² *Richard M. 'Από φωνῆς. — Byz.*, 20, 1950, p. 191—222.

ХРОНИКА

С. Г. КАУХЧИШВИЛИ

(К 80-летию со дня рождения)

В октябре 1975 г. одному из крупнейших советских специалистов по византиноведению и классической филологии, Симону Георгиевичу Каухчишвили, исполнилось 80 лет.

С. Г. Каухчишвили родился 14 октября 1895 г. в Кутаиси. Здесь же он получил среднее образование, а в 1913 г. поступил на отделение классической филологии Историко-филологического факультета Петербургского университета, где его учителями были Ф. Ф. Зелинский, С. А. Жебелев, А. А. Васильев, Г. Ф. Церетели и др. Одновременно С. Г. Каухчишвили изучает грузино-армянскую филологию на факультете восточных языков под руководством Н. Я. Марра и И. А. Джавахишвили. После окончания Петербургского университета в 1917 г. С. Г. Каухчишвили возвращается в Грузию и некоторое время ведет педагогическую работу. С 1918 г. вся его деятельность неразрывно связана с Тбилиским университетом.

В 1921 г. С. Г. Каухчишвили был командирован в Грецию и Германию. В Берлинском университете в течение двух лет он работает под руководством У. Вилламовица-Меллендорфа, Э. Мейера, Х. Дильса, Б. Шульце, П. Масса и др. В 1923 г. молодой ученый возвращается в Тбилисский университет и приступает к педагогической и научно-исследовательской деятельности. Здесь он преподает классические языки, читает курсы греческой литературы и истории Византии, специальные курсы по различным вопросам классической филологии и византиноведения.

В 1927 г. С. Г. Каухчишвили защитил докторскую диссертацию и ему была присуждена степень доктора византиноведения, а в 1930 г. он был избран профессором греко-византийской филологии. С 1927 по 1938 гг. он заведовал кафедрой византинологии Тбилисского университета, а с 1940 по 1954 гг. руководил кафедрой классической филологии, профессором которой он является и поныне.

В 1939—1940 гг. С. Г. Каухчишвили работал в Москве, в Отделе античной литературы Института мировой литературы АН СССР, где он был привлечен к составлению плана-конспекта многотомника истории греческой литературы. С 1945 г. С. Г. Каухчишвили руководил сектором византиноведения Института истории АН ГССР, а с 1960 г. и по сей день возглавляет Отдел византиноведения Института востоковедения АН ГССР.

Плодотворная научно-педагогическая и общественная деятельность С. Г. Каухчишвили получила высокую оценку. Ему присуждено звание заслуженного деятеля

науки, в 1950 г. он был избран членом-корреспондентом АН ГССР, а в 1970 г. — ее действительным членом. С. Г. Каухчишвили награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени.

Что касается научно-исследовательской деятельности С. Г. Каухчишвили, то при ее характеристике мы сталкиваемся с непреодолимой трудностью: эта деятельность столь разнообразна и многогранна, что ее оценка оказывается не под силу специалисту одной какой-либо отрасли. Являясь учеником выдающихся филологов-классиков и византинистов, С. Г. Каухчишвили был вместе с тем и учеником И. А. Джавахишвили; это обстоятельство способствовало формированию основного направления всей его деятельности: блестящее знание классических языков, литературы и византийской культуры он поставил в первую очередь на службу грузиноведению, и, наоборот, глубокое знание грузинских древностей он умело использовал для изучения классической и византийской филологии.

Трудно даже поверить, что один человек может исследовать столь разнообразные области науки: история Грузии и грузинской литературы, история Византии, история греческой литературы, греческая эпиграфика, научная публикация древнегрузинских источников, проблемы языкознания, лексикологическая работа — вот далеко не полный перечень того круга вопросов, который С. Г. Каухчишвили избрал предметом своей научной деятельности. Причем в каждую из этих отраслей знаний он внес значительнейший вклад, всюду оставил неизгладимый след.

Само собой разумеется, что даже беглый обзор столь многообразной деятельности ученого выходит за рамки наших возможностей; мы коснемся лишь некоторых, основных моментов деятельности С. Г. Каухчишвили как византиниста.

Еще в самом начале своей научной деятельности, в 1920 г., С. Г. Каухчишвили издает древнегрузинский перевод XII в. «Хронографии» Георгия Амартола. Изучив четыре списка перевода и установив на их основе критический текст, автор исследовал ряд вопросов взаимоотношения греческого и грузинского текстов. В 1926 г. С. Г. Каухчишвили публикует вторую часть этого труда, где дается подробный анализ как грузинского перевода, так и подлинного текста¹. Это исследование внесло значительный вклад в изучение сочинения Георгия Амартола и вообще византийской хронографии.

В дальнейшем ученый изучил и опубликовал целый ряд древнегрузинских памятников, восходящих к византийским текстам. Изучая грузинские переводы таких авторов, как Прокл Диадох, Михаил Пселл, византийского романа «Галактион и Эпистимия» и др., а также переводы и оригинальные труды Иоанна Петрици, Арсена Икалтоели и т. д., С. Г. Каухчишвили выявил множество фактов, весьма значительных не только для исследования грузинской литературы, но и для истории византийской литературы, общественной мысли, греческого языка².

Особое место в научной продукции С. Г. Каухчишвили занимает «История византийской литературы»³, остающаяся по сей день в советской византистике единственным обобщающим обзором всей истории византийской литературы. Эта книга целиком основана на выдвинутом С. Г. Каухчишвили еще в 1939 г. и развитом им в последующих трудах положении относительно сущности византизма, согласно которому византизм сложился из четырех начал: эллинского, римского, христианского и восточного. В создании византийской культуры огромную роль сыграли народы Востока: славяне, сирийцы, армяне, грузины, копты и др.⁴ Сама византийская литература, согласно С. Г. Каухчишвили, является не рабским подражанием и бледным отражением древнегреческой литературы, как

¹ Эта работа явилась докторской диссертацией автора.

² См., например, его работы: *Иоанн Петрици*. Труды, т. 1, груз. текст издал и исследованением снабдил С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1940; Одно «Объяснение» Михаила Пселла. — «Сообщение АН ГССР», т. II, № 1—1, 1941; Византийский роман шестого века «Галактион и Эпистимия». — ИИЯИМК, т. XIV, 1944; Ефрем Мдире и вопросы греко-византийского стихосложения. — Труды ТГУ, т. XXVII—В, 1946.

³ Является III томом «Истории греческой литературы», издан дважды — в 1963 и 1973 гг.

⁴ История греческой литературы, схема-план, разд. X. М.—Л., 1939, с. 24; ср.: *Каухчишвили С. Г.* Лекции по истории Византии, кн. 1. Тбилиси, 1948.

доказывали некоторые зарубежные исследователи, а оригинальной литературой, развившейся в условиях византизма. Автор подробно излагает историю возникновения и развития художественных форм византийской литературы, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, дает ее периодизацию, характеризует основные периоды и показывает своеобразие каждого этапа развития. При всем этом автор насыщает свой труд целым рядом оригинальных исследований, касающихся, к примеру, вопросов развития неоплатонизма и ареопагитики, происхождения романа «Варлаам и Иоасаф», «Лимонария» Иоанна Мосха и т. д. Здесь впервые показаны роль и место грузинских деятелей в развитии византийской культуры.

Замечательным плодом многолетней деятельности С. Г. Каухчишвили является созданная им серия — «Сведения византийских писателей о Грузии», или «Георгика», состоящая из 8 томов, которые содержат тексты и грузинские переводы всех византийских источников V—XV вв., содержащих сведения о Грузии. Тексты сопровождаются подробными историко-филологическими комментариями. «Георгика» является настольной книгой для всех, кто занимается историей Грузии и Кавказа. Кроме того, С. Г. Каухчишвили сверял тексты оригиналов со всеми существующими изданиями и зачастую проводил сложный текстологический анализ. Анализ сведений отдельных источников, оценка и характеристика самих этих источников в комментариях делают этот труд С. Г. Каухчишвили важным и для собственно византиноведения.

Следует отметить, что в 1974 г. С. Г. Каухчишвили основал новую серию — «Сведения древнегрузинских источников о Византии» (Georgica—Byzantina), — первый том которой уже увидел свет.

Несомненной заслугой С. Г. Каухчишвили перед советским византиноведением является и тот факт, что он воспитал многочисленную группу грузинских византистов. Созданная С. Г. Каухчишвили грузинская школа византиноведения успешно работает, широко известна и пользуется заслуженным авторитетом.

И сегодня С. Г. Каухчишвили продолжает активно трудиться на научном и педагогическом поприще, с неиссякаемой энергией исследует, переводит, публикует, и мы уверены, что еще не раз будем читателями его новых научных трудов и публикаций.

Н. Ю. Ломоури

«ВИЗАНТИЙСКИЙ ДЕНЬ» НА XIV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В САН-ФРАНЦИСКО (АВГУСТ 1975 г.)

В последнее десятилетие установилась хорошая традиция проводить во время международных конгрессов исторических наук так называемый «византийский день» под эгидой Международной ассоциации византистов. Так было в 1965 г. в Вене, в 1970 г. в Москве и, наконец, в 1975 г. в Сан-Франциско.

23 августа в отеле Фермонт состоялся традиционный «византийский день», посвященный рассмотрению темы: «XV столетие и конец Византии». Интерес к этой проблеме, возросший в 50-х годах в связи с 500-летием падения Константинополя, временно ослабел. Однако в последнее время в различных странах появилось немало работ, посвященных гибели Византии. Национальный комитет византистов США задумал широкую постановку данной проблемы: одной из основных задач ее рассмотрения было не только выяснение причин и последствий турецкого завоевания Византии, но и откликов на это событие в различных государствах Европы.

Президентом на заседаниях был глава американских византистов профессор Гарвардского университета и председатель Национального комитета византистов США И. Шевченко. В начале заседания с краткими приветствиями выступили З. В. Удальцова (СССР), М. Берза (Румыния), Д. Ангелов (Болгария) и И. Шевченко (США).

На первом заседании с докладом «Падение Византии и Восточная Европа. Отклики на завоевание Константинополя турками в Русском государстве» выступила *Э. В. Удальцова* (Москва). Она показала, что турецкое завоевание Византии имело для стран Юго-Восточной Европы и Руси негативные последствия в сфере экономики, политики и культуры. Это событие получило широкий резонанс в Русском государстве. Центральное место в докладе занял анализ русского памятника конца XV в. «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера. Эта «Повесть», как ныне установлено, представляет собой записки русского воина, служившего в армии турок и участвовавшего в осаде Константинополя в 1453 г. Как рассказ очевидца-участника событий, это произведение имеет большую научную ценность. Докладчица подробно осветила политическую и конфессиональную позицию автора повести, его мировоззрение, дала оценку произведению Нестора Искандера не только как исторического источника, но и как литературного памятника, изложила причины огромной популярности «Повести» на Руси¹.

Рассказ о впечатлении, произведенном гибелью Византии в Восточной Европе, был дополнен в содокладе *М. Д. Лорджипанидзе* (Тбилиси) «Отклики на завоевание Константинополя турками в Грузии». Падение Византии явилось большой трагедией для Грузии и вызвало там многочисленные сочувственные отклики. Грузия в союзе с папским престолом и державами Западной Европы приняла активное участие в подготовке в 1461 г. крестового похода против турок. Борьба против турок способствовала внутреннему объединению Грузии и временному прекращению феодальных усобиц.

По докладу *Э. В. Удальцовой* развернулась оживленная дискуссия. Выступавшие ученые *Э. Кондураки* и *Э. Станеску* (Румыния), *И. Караяннопулос* (Греция), *Э. Арвейлер* (Франция) подчеркнули ценность «Повести» Нестора Искандера как исторического источника и необходимость ее дальнейшего изучения в текстологическом аспекте. *И. Шевченко* высказал некоторые, правда, еще не аргументированные сомнения в том, что «Повесть» Нестора Искандера была написана очевидцем взятия Царьграда турками, и предположительно отнес памятник в XVI в. Эта гипотеза не встретила поддержки у других специалистов. В заключительном слове *Э. В. Удальцова* отстаивала принятую в советской науке датировку памятника.

В докладе *Спироса Вриониса* (Лос-Анжелес) «Халкокондил и оттоманский бюджет» была сделана попытка вычислить доходы и расходы Османского государства в XV в. по данным *Лаоника Халкокондила*. Основное значение доклада, на наш взгляд, состоит в тщательной проверке известий *Халкокондила* путем их сравнения с данными *генуэзского купца Джакомо де Промонторио*, который провёл много лет при дворе султана *Мехмеда II* и оставил описание финансов турецкого государства, а также с ранними оттоманскими документами. Общий вывод докладчика сделан в пользу достоверности рассказа *Халкокондила*. Афинский историк XV в. был хорошо знаком со структурой центральной и провинциальной администрации турок и достаточно точно описал доходы казны самого султана, его придворных и, наконец, провинциальных правителей. Он делит все налоги на 7 категорий и приводит большой цифровой материал. *С. Врионис* допускает, что цифры *Халкокондила* несколько преувеличены, но при их сравнении с другими источниками это завышение кажется не столь уж значительным. Ценность рассказа *Халкокондила* состоит в том, что он в отличие от *Джакомо де Промонторио*, отсек детали и сумел выделить главное, представив общий очерк административной и фискальной системы турецкого государства в правление *Мехмеда II*. Он дает возможность определить пропорцию между доходами казны султана и провинциальной администрации. *Халкокондил* ясно показал, кроме того, что основная тяжесть налогов в Османской державе ложилась на плечи не мусульман, а покоренного христианского населения. Еще до падения Константинополя турецкие султаны, как свидетельствует *Халкокондил*, располагали огромными средствами, значительную часть которых составляла не только военная добыча, захваченная турками во время завоеваний Малой Азии и Балканского полуострова, но и богатства,

¹ Доклад публикуется в настоящем томе «Византийского временника», с. 19—29.

собранные турками в виде налогов и всякого рода контрибуций с покоренного населения. Докладчик тщательно изучил данные Халкокондила о технике и формах взимания турками налогов в завоеванных областях Византийской империи. Известия Халкокондила о налоговом обложении в турецкой державе, обобщенные и систематизированные Врионисом, убедительно опровергают, на наш взгляд, тезис турецкой историографии о незначительности поборов турецких властей с завоеванного населения.

Эрист Вернер (Лейпциг) в докладе «Восток и Запад в средневековой истории Юго-Восточной Европы и отражение их взаимоотношений в деятельности шейха Бедреддина (1359—1416)» осветил политические аспекты учения этого мыслителя. В области философии Бедреддин был склонен к философскому пантеизму и рационализму, отдавал предпочтение разуму перед верой, богом для него была вселенная, а божественными силами — законы природы. Воскресение и воплощение он отрицал как противоестественные и противоречащие правде и здравому смыслу. Подобно философам Возрождения, он восхвалял земное бытие как истинное поле деятельности людей. В религиозном учении Бедреддина господствовали идеи синкретизма, примирения христианской и мусульманской религий. В его теологических построениях исчезали грани между исламом и христианством; он призывал христиан и мусульман к взаимной веротерпимости. В сфере политики Бедреддин был сторонником создания федеративного государства мусульман и христиан. Стремление к свободе православных греков и славян должно было послужить к их объединению с турками в исламо-христианской империи, политика которой была бы направлена против устремлений к экономическому и духовному порабощению со стороны Запада. Концепция латино-греческой церковной унии был противопоставлен синтез религий в исламо-христианской империи. В социальной сфере учение Бедреддина проповедовало создание новой социально-политической общности, в которой исчезала бы вражда между господами и слугами, племенами и народами, победителями и побежденными и прекращались религиозные распри. Восстание Бедреддина в 1416 г. потерпело поражение, а он был казнен. Как убедительно показал Э. Вернер, поражение было вызвано, не в последнюю очередь, ошибочными и туманными идеями Бедреддина о социальной гармонии и общности. С разгромом этого движения и особенно с жестоким подавлением восстания ученика Бедреддина Берклюджи Мустафы у населения Румелии исчезла последняя надежда на компромисс с завоевателями на основе религиозного и юридического равенства. Идеи Бедреддина о веротерпимости, его стремление к созданию разумной земной религии смягчали суннитскую ортодоксальность и деспотизм мусульман, с одной стороны, и мистический исихазм христиан, с другой. Э. Вернер исследовал влияние учения Бедреддина и его последователей на народно-еретические движения крестьянских масс Малой Азии, Балканского полуострова и всей Юго-Восточной Европы в XV в. Весьма показательно, что в восстании Бедреддина принимали участие представители различных национальностей, в том числе турок и греков, общая антифеодальная борьба и общие классовые интересы объединили, пусть временно, народные массы завоевателей и покоренного населения Малой Азии. Восстание Бедреддина нанесло серьезный урон турецкому правительству и замедлило завоевание османами остальной территории Византийской империи.

На вечернем заседании 23 августа состоялся доклад *Димитра Ангелова* (София) «О некоторых проблемах борьбы болгар против османов в первой половине XV века». Докладчик, на основании изучения византийских и славянских источников, привел новые факты о гайдукском движении в завоеванной турками Болгарии и о сопротивлении народных масс Балканского полуострова, в частности Болгарии, турецкому завоеванию.

Большой интерес и самую оживленную дискуссию вызвал доклад *Николая Икономидиса* (Монреаль) «Монашество и монастыри во время оттоманского завоевания». Н. Икономидис в архивах монастырей Афона обнаружил новые документы (поземельные описи, акты, жалованные грамоты), которые, по его мнению, говорят о том, что большая часть афонских монастырей вступила в сотрудничество с турками и такой ценой сохранила, а в некоторых случаях даже приумножила свои земельные владения в первые годы после турецкого завоевания. На Афоне

турецкие власти сами пошли на компромисс с влиятельной верхушкой православного монашества и пожаловали афонским монастырям, при условии сохранения лояльности, важные привилегии, в том числе охранные грамоты на их земельные владения.

Сознвая фрагментарность афонских документов, докладчик на основании их предварительного изучения останавливается лишь на трех вопросах: «политические» отношения монахов к туркам, экономическая роль монастырей в период и после завоевания, модификация этнического состава монашества в это время. В XIV в., когда монахи Афона, страдая от набегов турок, искали убежища в труднодоступных местах, население монастырей в прибрежных областях резко сократилось; после поражения христиан при Марице в 1371 г. охваченные паникой афониты были принуждены в 1383 г. признать власть турок, причем это произошло без кровопролития, на основе компромисса. Монастыри сохранили свои владения, за которые платили налоги, в частности харадж, в то время как имущество многих светских землевладельцев было конфисковано и передано мусульманским поселенцам. Такие факты засвидетельствованы в актах Эсфигмена. Более того, монахи с разрешения турецкого правительства могли выкупать у новых турецких владельцев земли и присоединять к имениям монастыря. Монастыри Афона, монастырь Неа Мони сохранили свои домены, однако другие монастыри иногда их теряли. После падения Фессалоники в 1430 г. монахи Афона явились к султану Мураду II и добились от него признания особого статуса Афона. Афонские монастыри признали сюзеренитет турок еще до завоевания последними Македонии. В обстановке общей нестабильности монастыри, пользуясь защитой турок, приобрели репутацию единственно стабильных и неприкосновенных учреждений. Укрепив свои земельные владения, монастыри стали обращать в деньги излишки урожая путем продажи так называемых аделфатов — натуральной ренты, которая ранее давалась монахам или беднякам в целях благотворительности, а теперь продавалась за довольно высокую цену светским лицам с правом передачи ее по наследству. XIV—XV вв. характеризуются и изменением этнического состава афонского монашества. До XIV в. на Афоне преобладал греческий элемент. Византийская администрация и местные правители монастырей препятствовали продаже земли на Афоне лицам негреческого происхождения. В XIV—XV вв. участились случаи продажи земель славянам: сербам и болгарам. С установлением османского господства славянское население на Афоне явно увеличивается. Так, славянские подписи на афонских документах в первой половине XV в. составляют 25%, во второй половине XV в. — 43%, а в первом двадцатилетии XVI в. — 50%. Во многих монастырях, некогда греческих, в XV—XVI вв. славяне стали преобладающим этническим элементом. Приток славян на Афон, как показал докладчик, был вызван изменением общей политической обстановки на Балканах и прежде всего уничтожением славянских государств в ходе турецкого завоевания.

В дискуссии по докладу Н. Иконоmidиса приняли участие И. Караяннопулос, директор Греческого института византийских и послевизантийских исследований в Венеции М. Мануссакас, Э. Арвейлер, С. Врионис, И. Шевченко, Э. Вернер, М. Д. Лордкипанидзе. Многие из выступавших подвергали сомнению правомерность распространения приведенных данных об афонских монастырях на другие монастыри Греции и подчеркивали эпизодический и даже «исключительный» характер сотрудничества православных монастырей Афона с турками. Некоторые ученые объясняли причину политики заигрывания турецких властей с греческим духовенством Афона сложной для Османской империи внешнеполитической ситуацией второй половины XV в. Почти все выступавшие акцентировали внимание на временном характере сотрудничества монастырей Афона с турецким правительством и указывали на то, что в последующий период именно монашество и монастыри стали центрами сопротивления турецкому господству. Н. Иконоmidис, однако, отстаивал свои позиции и приводил в их защиту свидетельства документов.

На заключительном заседании Комиссии византийских исследований итоги «византийского дня» в Сан-Франциско подвел И. Шевченко. Он отметил высокую научную ценность всех докладов и творческую обстановку, царившую во время дискуссий.

На заседании 23 августа присутствовали такие крупные византилисты и медиевисты, как Д. Ангелов, В. Велков (Болгария), Э. Вернер (ГДР), Э. Кондураки, М. Берза, Э. Станеску, Ш. Штефанеску (Румыния), М. Мануссакас, И. Караяннопулос (Греция), Э. Арвейлер (Франция), И. Шевченко, С. Врионис, В. Александер, П. Топинг, Б. Крекич (США), Н. Икономидис (Канада), члены советской делегации М. Д. Лордкипанидзе, Я. Н. Щапов, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова.

Византиноведческая проблематика заняла видное место и на заседаниях секции медиевистики. Эти заседания проходили 26—28 августа и были посвящены рассмотрению темы «Встреча цивилизаций в Европе к 1300 году».

Непосредственное отношение к истории Византии имели два доклада, прослушанные и обсужденные на заседаниях этой секции, — доклад Э. Арвейлера «Греция на переломе: XIII век» и доклад П. Топинга «Греки и латиняне в XIII—XIV вв. Некоторые аспекты их сосуществования и культурного взаимодействия». Основной задачей доклада Э. Арвейлера было выяснение роли Греции во взаимоотношениях Востока и Запада и определение места XIII столетия в историческом развитии греческого мира. Под Грецией этого времени Э. Арвейлер подразумевает области с грекоязычным населением в пределах Византийской империи или греческих государств, возникших на ее территории. С географической точки зрения эта Греция была одновременно и азиатской и европейской, идеологически она базировалась на идеях Римской империи и православного христианства.

Докладчица справедливо считает XIII век временем решающего поворота в истории Византии. В это столетие Византия перестала быть мировой державой и не могла более претендовать на главенство в христианском мире. XIII век положил предел господству идеи политического универсализма и религиозного ойкименизма Византийской империи, хотя и титулатура ее императора, который оставался римским, и титулатура ее патриарха, который продолжал быть вселенским, остается прежней. Решающие перемены были подготовлены всем предшествующим историческим развитием византийского государства. Находясь между Востоком и Западом, Византия к XIII в. потеряла своих естественных союзников — западных христиан и осталась в изоляции, которая усугублялась отпадением от империи народов, ранее находившихся в орбите ее политического влияния. Все это совпало с внутренним ослаблением Византии, ростом сепаратизма провинций, недовольных великодержавной политикой Константинополя. Раскол между Константинополем и провинциями привел к тому, что в 1204 г., во время осады столицы крестоносцами, провинции не подали ей руку помощи. Ненависть к Константинополю, по мнению докладчицы, объясняет враждебное поведение населения пригородов столицы в отношении терпящей бедствие константинопольской знати. Авторитет центральной власти пал, полунезависимые правители провинций сотрудничали с иноземными завоевателями, были случаи отпадения населения от православия, в стране возобладал политический регионализм. Все это противоречило коренным интересам греческой нации, ибо Запад ставил своей задачей полное уничтожение Византии, искоренение религиозных и культурных традиций греческого народа.

Поэтом вполне естественно, по мнению Э. Арвейлера, что катастрофа 1204 г. привела к возрождению греческого патриотизма, потерянный Константинополь вновь стал желанным, а из символа деспотизма опять превратился в символ былого величия Византийской державы. Отвоение Константинополя стало основной задачей греческих государств, хотя каждое из них шло к этой цели своим путем. XIII век был для византийцев временем переоценки всех ценностей. Именно в этот период, по утверждению некоторых современных ученых, родился новогреческий мир. С этого времени можно говорить уже о греках, а не о византийцах, Византия превратилась в моноэтническое греческое государство, единое по национальному составу, языку, культуре и религии. Еретическое по отношению к православной церкви население теперь интегрировалось в составе других политических образований. Идея возрождения Византийской империи и отвоения Константинополя у латинян питала религиозную ненависть к католикам, рупором которой стала церковь, помогла возродить союз с православными народами Балкан, послужила основой политической идеологии, которую Э. Арвейлер называет

идеологией «великой греческой идеи». Греки Эпира, Никей и Трапезунда осознали свою общность как византийцев несмотря на то, что внутренние и внешние интересы этих государств зачастую противоречили этому единству. Объединившая их общая цель — отвоевание Константинополя — одновременно их и разъединяла, ибо каждое греческое государство стремилось самостоятельно вернуть столицу Византии. Борьба между ними существенно ослабляла греческий мир. Противоборство греческих государств объясняет факты поддержки поселившихся в Греции латинян со стороны Эпира дружественные отношения Никей с Иконийским султанатом.

Однако в силу преимуществ своей внутренней организации именно Никее удалось отвоевать Константинополь. Упорядочение государственного аппарата и налаживание финансов помогли Никейскому государству восстановить национальную армию, наладить более «справедливое распределение богатств», что проявилось в аграрной политике Ласкаридов (создание военных земельных участков, крестьянских держаний, стратиотских проний и т. п.). Отвоение Константинополя не привело, однако, к миру с Западом, борьба с латинянами продолжается и достигает своего апогея в столкновениях Михаила VIII Палеолога и Карла Анжуйского. В этой борьбе Византия и Запад как бы забыли об общем враге — турках-османах. Византия вновь мобилизовала все силы для отпора Западу, ценой забвения интересов населения Малой Азии, что открыло туркам дорогу в Европу.

XIII век начался с того, что предоставил христианским государствам контроль над Средиземным и Черным морями, столкнул армии христиан с другими христианами, чтобы и их поставить лицом к лицу с Азией. XIII век окончился триумфом этой «неистоимой» Азии, которая стала угрожать самому очагу христианства на Западе. Но Запад более думал о походе «против греков», чем о походе «против турок». Выиграли от раздоров христиан в XIII в. лишь итальянские купцы, которые основали свою колониальную державу в восточной части Средиземноморья. XIII век похоронил идею универсальной Византийской монархии. Сведенная отныне к своим балканским владениям, Византия медленно умирала.

В докладе П. Топинга исследовано различие в судьбах двух завоеванных крестоносцами областей Византийской империи: французского княжества Морей (Ахеи) и венецианской колонии Крит. Проблему «встречи цивилизаций», греческой и латинской, автор рассматривает в двух главных аспектах: социально-политическом (изменения в структуре господствующего класса и отчасти крестьянства) и культурном (взаимное влияние греческой и латинской культур). И в Морее и на Крите, по его мнению, происходило сближение господствующего класса завоевателей и местной знати, однако шло оно различными путями. В Морее сближение произошло на уровне феодального класса: части греческих архонтов удалось получить земельные владения и занять место в военно-административной системе страны. Эти лагинизированные архонты принимали католицизм и становились апологетами папства и крестовых походов. Крестьянство осталось в стороне от сближения с латинянами, сохранило обычаи и веру и это в конце концов обусловило нестойкость латинского владычества в Пелопоннесе. Но, по мнению Топинга, «феодальные институты и общество, которое франки установили в Морее, составляли только надстройку, которая исчезла вместе с последними баронскими владениями и которая оставила незначительные следы как в стране, так и в психологии людей». На Крите же венецианцы установили суровый режим и высокие налоги, и на острове продолжались постоянные волнения вплоть до середины XIV в. Однако в течение XIV—XV вв. происходит сближение венецианцев и греков, в среде высших и средних классов, чему способствовала политика веротерпимости. Появляется новая греко-венецианская культура, которая переживает пышный расцвет в XVI—XVII вв. «Настойчивые купцы лагуны, — пишет Топинг, — оказались более выносливыми в своей колонии, чем франки в их княжестве». Однако критяне «сохранили себя как греки по своему национальному чувству, языку, религии и культуре». И хотя греки много получили от блестящей цивилизации Италии эпохи Ренессанса, греческий дух, пишет Топинг, снова создал нечто удивительно новое, вновь подтвердив слова Платона: «Что бы эллины ни получали от варваров, они приводили это к новому совершенству».

По докладу П. Топинга развернулись оживленные прения. В своем выступле-

нии З. В. Удальцова подчеркнула, что латинское завоевание не принесло в Романию феодальных отношений как таковых — феодализм в Византии существовал задолго до IV Крестового похода, хотя и имел свои типологические особенности. Франки не принесли в Морею новых, более прогрессивных отношений. Утвердившийся в Романии феодализм западного типа был для Европы XIII в. уже архаичной общественной формой. В Западной Европе в этот период росли города, развивались товарно-денежные отношения, начинает формироваться сословная монархия. В Романии же латинское завоевание способствовало консервации более отсталых форм феодализма с преобладанием аграрной экономики.

Проблему, поставленную в докладе, нельзя решить без рассмотрения вопроса о центробежных и центростремительных силах в Византийской империи накануне латинского завоевания и в период латинского владычества. Накануне IV Крестового похода в Византии уже начался процесс феодальной раздробленности. Латинское завоевание сперва ускорило этот процесс, дало импульс центробежным силам. Но вскоре владычество латинян пробудило невиданный подъем эллинского патриотизма, способствовало объединению вокруг Никеи всех центростремительных сил государства. З. В. Удальцова отметила особую ценность той части доклада П. Топинга, которая была посвящена анализу греко-венецианской культуры Крита, она полностью поддержала выводы автора о связи культуры Крита с итальянским гуманизмом. Что же касается искусственной франко-греческой культуры Морей, то, по ее мнению, она во многом оказалась пустозвонком. Цветок, принесший истинно прекрасные плоды, расцвел не в Ахее, а в Мистре, последнем центре византийской цивилизации. Но и здесь нельзя отрицать влияния западной, гуманистической культуры на византийскую образованность. Стоит хотя бы вспомнить такую фигуру, как Виссарион и отчасти Плифон. Иными словами, в XIV—XV вв. происходит взаимное обогащение греческой и латинской культуры и на почве Эллады.

Э. Станеску говорил о взаимном обогащении культур греческой и западноевропейской на почве Византии в различные периоды, а не только во время существования латинского государства. Голландский медиевист Верлинден высказал некоторые сомнения относительно роли венецианской культуры на Крите; он полагал, что культурное влияние Италии на этом острове не было столь значительным, как утверждал П. Топинг. С. Санчес (Испания) указал на необходимость дальнейшего изучения всех источников, проливающих свет на взаимное влияние греческой и латинской культур, в том числе и переводов с латинского, сделанных греками в различных странах (он, в частности, упомянул о необходимости издания и изучения такого рода текстов, хранящихся в библиотеках Ленинграда). М. Мануссакас поддержал тезис П. Топинга о сохранении греческой основы культуры Крита в XV—XVI вв. Он подчеркнул, что греки на Крите редко переходили в католичество, так же как и венецианцы редко принимали православие, и привел интересные факты о постоянном и тесном культурном общении Венеции и Крита в эту эпоху. В частности, Греческий институт византийских и послевизантийских исследований в Венеции недавно обнаружил на Крите богатую частную коллекцию предметов византийского искусства, составленную в течение XIV—XVI вв. знатной венецианской фамилией. Э. Арвейлер указала на факторы, которые затрудняли культурное общение и сближение греков и латинян как в Ахее, так и на Крите. По ее мнению, существовали три барьера: языковой, религиозный и социальный, которые мешали культурному «взаимопроникновению» латинян и греков на Пелопоннесе и Крите.

24 августа состоялось расширенное заседание Исполкома Международной ассоциации византистов. На этом заседании член бюро Э. Арвейлер по поручению президента ассоциации Д. Закитиноса сделала подробный доклад о подготовке к очередному XV Международному конгрессу византистов в Афинах (сентябрь 1976 г.). Были сообщены главные темы пленарных заседаний конгресса, имена докладчиков и содокладчиков по основным темам.

Дискуссия на заседании Исполкома Ассоциации развернулась по вопросу о секциях будущего конгресса, многие ученые высказались за сокращение числа секций и секционных докладов. Краткое сообщение о ходе подготовки к конгрессу сделал вице-президент Национального комитета византистов Греции М. Манус-

сакас. Кроме того, Э. Арвейлер рассказала о подготовке к выпуску в свет очередного номера Информационного бюллетеня Международной ассоциации византистов. Было особо отмечено, что национальный комитет византистов СССР своевременно и полно освещает деятельность советских византистов, регулярно посылая в бюллетень информационные статьи. Рассматривался вопрос о деятельности национальных комитетов византистов отдельных стран.

З. В. Удальцова, М. Д. Лордкипанидзе и Г. Г. Литаврин посетили Университет в Беркли. Встречи и беседы в Сан-Франциско еще более укрепили научные связи советских византистов с учеными многих стран.

З. В. Удальцова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ И БАЛКАНЫ» (ВАРНА, 15—20 СЕНТЯБРЯ 1975 г.)

С 15 по 20 сентября 1975 г. в Варне (Болгария) проходила международная конференция «Славянские культуры и Балканы», организованная в рамках «Проекта изучения славянских культур» ЮНЕСКО. На заседаниях 16, 17, 19 и 20 сентября в четырех секциях — «Славянские культуры и Балканы (IX—XVII вв.)», «Формирование национальной культуры южных славян в XVIII—XIX вв. в процессе развития европейской культуры», «Языкознание», «Фольклор» — было заслушано и обсуждено 122 доклада; кроме того, состоялись два заседания за круглым столом: «Текстологические и археографические проблемы издания древнеболгарских памятников» и «Богомилы и катары»¹.

Среди разнообразных вопросов истории и культуры балканских народов, исследовавшихся в докладах участников конференции, видное место принадлежало вопросам истории Греции византийского и послевизантийского периодов. Значительное число докладов было посвящено также культурным контактам греческого и славянского мира.

Прежде всего следует выделить доклады, в которых рассматривались вопросы о месте Византии в системе международных отношений на Балканах, ее роли в формировании идеологии и культуры славянских государств: *Г. Г. Литаврин*. Идея верховной власти в Византии и Древней Руси в X—XIII вв.; *Т. Василевский* (Польша). Роль Византии в образовании национальных славянских культур; *Г. Хауссиг* (ФРГ). Византийское наследие на Балканах; *А.-Э. Тахиаос* (Греция). Афон и образование славянских культур; *П. Харанис* (Греция). Славяне, Византия и историческое значение Первого Болгарского царства; *З. В. Удальцова*. Отклики на падение Константинополя в Русском государстве; *А. Гийу* (Франция). Славянская культура в византийском катепанате Италии (X—XI вв.).

Ряд докладов представлял собой исследования вопросов взаимоотношения византийской и средневековых славянских литератур, главным образом на примере изучения конкретных памятников письменности: *И. С. Дуйчев* (Болгария). Литературные связи Византии и славян в эпоху развитого средневековья; *В. К. Тыпкова-Займова* (Болгария). Легенда о Димитрии Солунском в византийских и славянских текстах; *Э. Вранусси* (Греция). Славянские топонимы у византийских авторов; *Д. Илиаду* (Греция). Славянские переводчики; *Ст. Кожугаров* (Болгария). Типологические параллели между византийской и славянской гимнографией.

Вопросы распространения на славянской почве одного из памятников византийского права были рассмотрены в докладе *Х. Папастатиса* (Греция) «„Шестикижие“ Арменопула в славянском мире».

Среди многочисленных докладов искусствоведов выделим лишь те, которые были посвящены сопоставлению памятников византийского и славянского искусства XI—XV вв.: *О. И. Подобедова*. Русская рукописная книга начального периода и общность ее иллюстраций с византийскими и славянскими миниатюрами; доклады *Е. Баваловой* и *Л. Маевдиновой* (Болгария), имевшие одинаковое название

¹ Подробную информацию о конференции см.: *Злыднев В., Рогов А.* Комплексная конференция в Варне по проблемам славянских культур. — «Советское славяноведение», 1976, № 2, с. 119—121.

«Связи между византийским и болгарским искусством в XIV в.»; Э. С. Смирнова. Трактовка мотивов позднепалеологовского искусства в новгородской иконописи конца XIV в.; О. С. Попова. Московские миниатюры конца XIV в. и их взаимосвязь с византийским и южнославянским искусством; Г. В. Попов. Периодизация русско-балканских связей XV в. по материалам живописи.

Наконец, назовем некоторые доклады, в которых исследовались вопросы истории греческой культуры после византийского периода, связи Греции и России: А. Каратанассис (Греция). Греческая община Венеции и ее связи с балканскими странами; Л. Вранусис (Греция). Греческие типографии и книги (XV—XIX вв.); К. Папулидис (Греция). Константинопольский патриарх Серафим и Россия; Г. Л. Арш. Россия и греческое просвещение начала XIX в.; Г. Статис (Греция). Иоасаф Рыльский и его «Εξήγησις»; М. Муцопулос (Греция). Морфология после византийских надписей Греции.

Б. Ф.

Х ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ В МОСКВЕ

С 3 по 5 ноября 1975 г. в Москве проходила X Всесоюзная конференция византистов, организованная Отделением истории АН СССР совместно с Институтом всеобщей истории АН СССР. Ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана, Свердловска, Волгограда, Севастополя, Краснодара, Тюмени заслушали и обсудили 50 докладов, отражающих основные направления исследовательской работы советских византистов за 4 года, прошедших со времени IX Всесоюзной сессии в Ереване (май 1971 г.). Работали секции: 1) «Внутренняя история Византии», 2) «Византия в системе международных отношений», 3) «Литература и язык, вспомогательные дисциплины и источниковедение».

Со вступительным словом к собравшимся обратился академик-секретарь Отделения истории АН СССР Б. А. Рыбаков. Он отметил большие успехи, достигнутые советским византиноведением за прошедшие годы и важность расширения фронта византиноведческих исследований. От имени всех присутствующих Б. А. Рыбаков тепло поздравил председательствовавшего на пленарном заседании 3 ноября академика АН Груз. ССР С. Г. Каухчишвили с 80-летием. Глава грузинского византиноведения, С. Г. Каухчишвили (Тбилиси) выступил с докладом «Происхождение греческого романа «Варлаам и Иоасаф», где привел новые аргументы в пользу принадлежности перевода романа на греческий язык Евфимию Ивиру.

С обстоятельным докладом «Типологические особенности византийского феодализма» выступила З. В. Удальцова (Москва). Широко сопоставление развития Византии и стран Западной Европы позволило докладчице уточнить критерии типологии и выявить направление эволюции и динамику феодального строя в Византии. Основными характерными чертами византийского феодализма были: 1) наличие в Византии развитой безусловной частной собственности на землю; 2) существование государственной поземельной собственности (хотя, как считает З. В. Удальцова, преувеличение ее масштабов было бы ошибочным); 3) длительное существование в империи крепкой сельской общины свободных, хотя и платящих налоги государству, крестьян; 4) относительная незавершенность иерархической структуры земельной собственности и ограниченность иммунитетных прав феодала; 5) сравнительно медленные темпы складывания феодальной вотчины; 6) отсутствие поляризации города и деревни, хотя динамика исторического развития постепенно приводила к преобладанию деревни над городом в поздневизантийский период (существенное отличие от западноевропейских государств). В докладе была предпринята интересная попытка определить черты социальной стратификации византийского общества, организации государственного управления, церковного строя, военного дела. Впервые как типологическая особенность было глубоко проанализировано своеобразие классовой борьбы за все время существования Византийского государства. По мнению исследовательницы, крестьянские движения в Византии были почти всегда одновременно направлены против государственного аппарата и представителей военно-феодальной знати. Нередко кре-

стьянские движения были связаны с борьбой за императорский престол. В истории Византии прослеживается постоянная смена ведущей роли то городских, то крестьянских восстаний: если весь ранний период проходит под знаменем более организованных городских движений, то средневизантийский период наполнен широкими антифеодальными выступлениями крестьян. В последние столетия византийской истории вновь наблюдается интенсификация городских движений, впрочем, ослабленных общим упадком византийских городов.

В докладе *К. А. Осиповой* (Москва) был дан анализ процесса образования византийского феодально-зависимого крестьянства. Отличительные особенности этого процесса докладчица усматривает в том, что в его ходе в ряды феодально-зависимых крестьян вливались унаследованные от рабовладельческого периода различные категории зависимых людей, государственные парики; однако основным источником формирования феодально-зависимого крестьянства была сельская община, долгое время успешно противостоявшая натиску и централизованного государства, и феодальных сил. Докладчица обратила внимание на институт присельничества как форму расслоения общины, показала двоякую роль государственной власти в процессе феодализации. По ее мнению, развивавшийся медленными темпами процесс консолидации класса феодально-зависимых крестьян так и не достиг окончательного оформления.

Заседания секции «Внутренняя история Византии» начались вечером 3 ноября докладом *В. В. Кучмы* (Волгоград) «К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки (602 г.)». Автор полагает, что правление Фоки не было отклонением от общего направления развития империи, а напротив, представляет собой один из самых ускоренных этапов этого развития в эпоху разложения рабовладельческой формации. Докладчик поддержал мнение *М. Я. Сюзюмова* о том, что правительство Фоки выполняло объективно прогрессивные функции. Важнейшим следствием рассматриваемых событий было увеличение удельного веса свободного крестьянства, укрепление общины. В значительной мере успехами своей реформаторской деятельности Иракий был обязан разрушительной энергии Фоки: «общая высота сооружения, воздвигнутого Иракием, включает в себя и глубину рва, вырытого Фоккой старому режиму».

Проблема ветеранов в ранневизантийском законодательстве была рассмотрена *Г. Е. Лебедевой* (Ленинград). В IV в. ветераны составляли значительный и привилегированный слой плебейского населения империи. Благодаря раздачах им городской территории укреплялся слой состоятельных плебеев. До конца IV в. ветераны оставались существенным резервом пополнения сословия куриалов. Однако в ветеранском землевладении правительству не удалось создать прочную основу пополнения армии. Со второй половины IV в. прекращается обязательное наделение ветеранов землей, падает значение этого слоя в местной и муниципальной жизни. Законодательство VI в. уже не уделяет существенного внимания ветеранскому землевладению.

А. С. Козлов (Свердловск) охарактеризовал политическую оппозицию в Византии в конце IV в. Автор выясняет социальную базу правления Руфина (столичная аристократия и верхушка крупных городов) и силы оппозиции. Основу последней составляла верхушка армии. В падении группы Руфина были заинтересованы и народные массы Константинополя.

Общезвестна роль крупных имений конца V—VII вв. в социально-экономической истории византийского Египта. В своем докладе «У истоков крупного землевладения в Оксиринхе» *И. Ф. Филман* (Ленинград) впервые собрал и проанализировал папирологические данные о зарождении крупного землевладения в III—первой половине V в. Этот материал показал, что на смену муниципальной аристократии и римской бюрократии постепенно приходят новые землевладельцы, устанавливающие иные отношения с держателями.

Ряд докладов был посвящен разным аспектам внутренней истории Византии IX—XI вв. *Г. Г. Литаврин* (Москва) обратился к рассмотрению роли государственных крестьян в империи в X—XI вв., детально разобрав одну из важнейших проблем экономической истории Византии. Докладчик критически пересмотрел представления ряда ученых о крестьянах-димосиарих.

Р. А. Наследова (Москва) выступила с докладом «Взаимоотношения македонских славян с Византией и Болгарией в IX—первой четверти X в.». В процессе быстрого роста могущества Болгарского государства, последнее вошло в соприкосновение со славянами, населявшими византийскую провинцию Македонию. По мнению докладчицы, славянское население подвластных Византии областей в силу этнической близости тяготело к Болгарскому государству. Но классовая политика болгарской правящей верхушки, приходившей на помощь Византии для подавления тех выступлений славян, которые носили антифеодалный характер, а также усиление феодального гнета в самой Болгарии, ослабили этот фактор. Внутренние процессы социально-политического развития македонских славян вплотную приблизили их в IX в. к созданию территориальных княжеств. Однако болгаро-византийские войны IX—начала X в. привели к разобщению славянского населения византийской Македонии, к потере им остатков политической самостоятельности.

Важные дополнения к «Каталогу моливдовулов» *Б. А. Панченко* сделала *В. С. Шандровская* (Ленинград). Проведенная реставрация моливдовулов из коллекции РАИК позволила выявить ряд разночтений, касающихся как личных, так и родовых имен, а также титулатуры владельцев печатей. В частности, обнаружена печать Григория Аршакида, отождествляемого докладчицей со знаменитым ученым-энциклопедистом и военным деятелем XI в. Григорием Магистром, выявлено новое чтение надписи, называющей анфипата, патрикия и стратига Сасуна Вигена. Ряд родовых имен на печатях прочтен *В. С. Шандровской* впервые.

Доклад *К. Н. Юзбашяна* (Ленинград) «Переписка Фотия с армянами» был посвящен анализу двух посланий известного патриарха, дошедших не в переводе на армянский язык, а в греческом оригинале. Докладчик показал, что попытки Фотия обратить Армению в лоно имперской церкви потерпели поражение. *К. Н. Юзбашян* солидаризировался с мнением издателя посланий *Ж. Даррузеса* в том, что второе послание было направлено католикосу Захарии Дзагеци (855—876), а адресатом первого был не князь князей Ашот Багратуни, а неизвестный армянский князь.

И. П. Медведев (Ленинград) в своем докладе подробно проанализировал дискуссию, возникшую в зарубежной историографии по поводу социальной терминологии «Морейской хроники». Докладчик привел новые соображения в пользу того, что сведения греческой версии хроники о пронии как в период франкского завоевания, так и до него, не могут считаться бесспорно достоверными.

В докладе *С. П. Карпова* (Москва) рассматривалась организуемая венецианским государством навигация галей в Трапезунд. В качестве критерия интенсивности торговых связей взяты показатели «инканти» — регистрируемых в документах венецианского Сената сумм фрахта галей. Установлены периоды развития венецианской торговли на Понте, их соответствие с политической конъюнктурой, общим состоянием переднеазиатской торговли венецианцев.

П. И. Жаворонков (Москва) выступил с докладом «Деятельность Константина XI Ласкаря в историографии». По его мнению, Константин XI, коронованный патриархом в Константинополе в ночь с 12 на 13 апреля 1204 г., должен считаться первым императором династии Ласкарей. До конца декабря 1204 г. Константин XI находился в Никее и считался вассалом. Отстранение его от власти и провозглашение императором его брата Феодора (май 1205 г.) были следствием успехов последнего в борьбе с латинянами.

И. В. Соколова (Ленинград) сделала доклад «Чин стратигов византийских фем IX—первой половины X в.». В его основу было положено изучение 120 моливдовулов из собрания Эрмитажа.

Вопросы торговли и экономики Херсонеса в V в., преимущественно по данным эпиграфики, были освещены в докладе *С. А. Беляева* (Ленинград).

А. И. Романчук (Свердловск) остановилась на проблеме изучения средневековых сельских поселений на территории бывшей хоры Херсонеса. На основании археологических раскопок у пос. Заря Свободы докладчица сделала вывод о том, что в VIII—начале IX в. связи сельских поселений с городом были слабы. Деревенские ремесленники сами удовлетворяли спрос односельчан на изделия ремесла. Лишь в XII—XIII вв., когда товарно-денежные отношения становятся господствующими, происходит интенсификация этих связей.

В секции «Византия в системе международных отношений» были представлены исследования взаимоотношений Византийской империи со странами двух тесно связанных с ней регионов — славянского и закавказского. Современное состояние изученности вопроса о походах росов на Византию в первой половине IX в. было проанализировано *Д. Л. Талисом* (Москва). В докладе *Е. П. Наумова* (Москва) «Сербия и византийские государства после 1204 г. (Политические отношения, планы, теории)» изучались сербские источники по истории сербо-византийских связей начала XIII в. Автор показал важность Студеницкой надписи 1209 г. для определения позиции Сербии по отношению к византийским государствам после IV Крестового похода. *Я. Н. Щанов* (Москва) прочитал доклад «Памятники византийского права на Руси в XI—XIV вв. Состояние и задачи изучения».

Четыре доклада были посвящены политике Византии в Закавказье в XI—XII вв.: *И. М. Нодия* (Тбилиси) «Одна страница грузино-византийских взаимоотношений XI в.» и доклады *Р. М. Бартияна* (Ереван) «Миграция армян в XI в. Причины и последствия», *В. А. Аругюновой* (Ереван) «Экспансия Византии на Востоке у армянских историков конца XI—XII вв. Трансформация представлений» и *В. П. Степаненко* (Тюмень) «Последствия Манцикертской битвы для Грузии».

В секции «Литература и язык, вспомогательные дисциплины и источниковедение» было представлено 23 доклада, посвященных самым разнообразным вопросам истории византийской и позднегреческой литературы, а также проблемам истории греческого языка, хронологии, изучения греческих рукописей и др.

Тема связи культуры Византии с античной культурой, жизни античного наследия в философии и литературе средневековой Греции исследовалась в докладах *С. С. Аверинцева* (Москва) «Неоплатоническая теория символа на переходе от античности к Византии (толкования Прокла на «Государство» Платона)» и *Т. М. Соколовой* (Москва) «Античные традиции в византийской сатире».

Изучению греческих и восточных источников, содержащих сведения о взаимоотношениях Византии и Ирана на рубеже V—VI вв., был посвящен доклад *А. А. Чекаловой* (Москва). Отметив близость сведений Иешу Стилита и Феофана, с одной стороны, и Прокопия и Псевдо-Захарии — с другой, автор делает заключение о необходимости группировать указанные источники не по языковому принципу, как это делалось прежде, а по их содержанию.

Проблема установления языка оригинала двух памятников агиографии — «Повести о Евфимии, дочери Софии, (то есть) о чуде, совершенном святыми исповедниками Гурней, Шамуной и Хабибом» и «Жития Алексея божьего человека» — изучалась *А. В. Пайковой* (Ленинград) в докладе «Сирийские источники традиционной агиографии». Сравнительный анализ сирийского и греческого текстов этих памятников привел автора к выводу о том, что обе повести были написаны сначала по-сирийски, а затем переведены на греческий.

В докладе *И. С. Чичурова* (Москва) «Легенда о Константине I как источник по истории общественно-политической мысли Византии» рассматривается историографическая традиция повествований о правлении Константина I IV—начала IX в. с точки зрения византийского варианта парадигмы идеального монарха.

Два этапа истории греческого текста «Повести о Варлааме и Иоасафе» исследовались в докладах *И. Н. Лебедевой* (Ленинград) «К литературной истории греческого текста «Повести о Варлааме и Иоасафе» и *Э. Г. Хинтибидзе* (Тбилиси) «Афонская гора как место создания и распространения «Душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе». Предметом анализа *И. Н. Лебедевой* явился текст речи Нахора, во многом совпадающий с текстом сочинения II в. — «Апологии» Аристида. Автор полагает, что на основе текстологического изучения сирийской версии «Апологии», текста речи Нахора, армянского перевода первой части «Апологии», а также греческих фрагментов IV в. этого памятника можно говорить о существовании двух версий греческого текста «Апологии», причем «Повесть о Варлааме и Иоасафе» сохранила нам первичную из этих версий. В докладе *Э. Г. Хинтибидзе* вновь была предпринята попытка обосновать гипотезу о Евфимии Святогореце как создателе греческой версии романа о Варлааме; при этом были приведены как уже известные аргументы, так и новые соображения в пользу точки зрения автора. Появление в лемме Венецианского списка данных о переводе памятника Евфимием с грузинского на греческий *Э. Г. Хинтибидзе* относит ко времени между 1028 и 1048 гг.

Доклад на тему «Лексические особенности византийских стихотворных анонимных рыцарских романов XIII—XIV вв.» был прочитан *А. А. Белецким* (Киев). Цель исследования — установить в области лексики особенности языка романов «Каллимах и Хрисороя», «Вельтандр и Хрисанца», «Флориос и Пладзья-Флора» и «Имбериос и Маргарона» с учетом того, что эти особенности в какой-то мере отражают общее состояние не только литературного (письменного) языка, но и разговорной речи XIII—XIV вв.

Доклад *Т. И. Чернышевой* (Киев) «Фольклорный аспект критского произведения XVII в. «Жертва Авраама» начался с прослушивания записи этого критского памятника в том виде, как он сохранился до наших дней у греков Донецкой области Украинской ССР. Основу же доклада составлял анализ текста указанного произведения в сопоставлении с текстом его итальянского прототипа — трагедии Луиджи Гротто «Исаак», результатом которого явилось объяснение, с одной стороны, обилия текстуальных схождений между «Жертвой Авраама» и народными критскими песнями, а с другой — характера расхождений текста этого памятника и произведения Л. Гротто.

Помимо названных работ *А. В. Пайковой*, *И. Н. Лебедевой*, *Э. Г. Хинтибидзе*, изучению проблем переводной литературы — в Закавказье и славянских странах — были посвящены доклады *А. А. Симомян*, *Е. К. Пиотровской*, *Г. М. Прохорова* и *С. В. Поляковой*.

Доклад *А. А. Симомян* (Ереван) «Армянский перевод «Повести об Александре Македонском» Псевдо-Каллисфена» явился результатом многолетнего изучения рукописей армянской версии указанного памятника. Армянский перевод Псевдо-Каллисфена был осуществлен в V в. XIII—XIV столетия — время своеобразной литературно-художественной обработки «Повести», когда в ее прозаический текст вплетаются особые четверостишия — песни с определенными метрическими особенностями, так называемые кафы. Исследование армянских списков памятника с кафами и было предметом специального анализа в докладе *А. А. Симомян*.

Вопросы истории славянского перевода «Летописца вскоре» патриарха Никифора нашли свое отражение в докладе *Е. К. Пиотровской* (Ленинград) «О времени перевода «Летописца вскоре» патриарха Никифора на славянский язык». Выявив и изучив более 50 русских списков XIII—XIX вв. текста памятника, сопоставив его с текстом греческого оригинала, хронологическими выкладками «Изборника Святослава» 1073 г. и сочинением Кирика Новгородца, *Е. К. Пиотровская*, во-первых, исключила рассматриваемые тексты «Изборника» и сочинения Кирика из числа памятников, связанных с переводом «Летописца вскоре», а во-вторых, пришла к выводу о появлении сочинения Никифора среди первых переводных памятников славянской письменности в конце IX — начале X вв., о связи текста «Летописца вскоре» с историей кормчих книг на Руси.

Исследованию жизни сочинений Псевдо-Дионисия Ареопита на русской почве был посвящен доклад *Г. М. Прохорова* (Ленинград). На конференции был зачитан также доклад *С. В. Поляковой* (Ленинград) «Украинские реплики византийской легенды о Марии Египетской».

Изучение памятников средневековой грузинской письменности дало материал для интересных наблюдений над произношением византийского греческого XI—XIII вв., которые были изложены в докладе *Н. А. Махарадзе* (Тбилиси).

Сложные вопросы истории календаря на христианском Востоке исследовались в докладе *П. М. Мурадяна* (Ереван) «Цикл Эаса Александрийского и начало «армянской эры». Изучив данные нарративных источников, памятные записи армянских рукописей, многочисленные надписи, докладчик выявил особенности летосчисления по армянским источникам, отметил ошибки в интерпретации хронологических данных, существующие в работах специалистов, создал базу для правильного истолкования хронологии памятников письменности христианского Востока VII—XV вв.

Большой интерес у участников конференции вызвало сообщение *Я. Н. Любарского* (Ленинград) о новой рукописи «Истории» Михаила Пселла. Рукопись была обнаружена несколько лет тому назад в Ватиканской библиотеке П. Шрайнером, который передал все материалы для исследования *Я. Н. Любарскому*. В докладе были изложены итоги предварительного обследования текста Ватиканского списка.

В докладе *В. Д. Лихачевой* (Ленинград) «Императорский скрипторий и его роль в оформлении константинопольских рукописей конца XI в.» были изучены иллюминированные рукописи, вышедшие во второй половине XI столетия из книгописной мастерской василевсов, а также написанные в столичных скрипториях по заказу императоров. В этой связи докладчицей предлагается расширить понятие «императорский скрипторий», включив в него тесно связанные с дворцом другие книгописные центры Константинополя.

Вопросы книжного дела в Византии и Греции послевизантийского периода исследовались также в докладах *З. Г. Самодуровой* (Москва) «Краткая хроника из греческой рукописи № 406 Исторического музея в Москве» и *Б. Л. Фонкича* (Москва) «О происхождении Ленинградского списка Хроники Михаила Глики».

Второй доклад *И. П. Медведева* (Ленинград) на этой конференции был посвящен вопросу о солнечном культе в философии Плифона. Полемизируя с Э. Гареном, который называет Плифона «пророком и верховным жрецом» соляристской идеологии в эпоху Ренессанса, а его религиозный культ — «платонизирующим солнечным культом», И. П. Медведев показал, что для такого вывода нет оснований.

В докладе *О. А. Белобровой* (Ленинград) «Кипр и Московская Русь» были изложены результаты всестороннего обследования всех без исключения памятников письменности (литературные произведения, «Греческие», «Крымские», «Турецкие» и др. дела ЦГАДА, переводы) и материальной культуры, свидетельствующих о связях Кипра со средневековой Россией. Одно из интересных направлений в изучении данного вопроса, которое разрабатывается О. А. Белобровой, — выявление и исследование разнообразных памятников материальной культуры кипрского происхождения, хранящихся в музеях СССР.

В. А. Сметанин (Свердловск) в докладе «О трех ступенях эпистолографического исследования» обосновал необходимость выделения эпистографии как новой вспомогательной исторической дисциплины и предложил методику изучения и введения в научный оборот памятников эпистолярной литературы.

В докладе *С. Б. Авруниной* (Ленинград) «Всесоюзные византиноведческие конференции» была раскрыта одна из страниц истории советского византиноведения, проанализирована работа десяти всесоюзных сессий (1944—1975 гг.).

На заключительном пленарном заседании 5 ноября с докладом «Отличительные черты византийской культуры XI—XII вв.» выступил *А. П. Каждан* (Москва). В разработке истории византийской культуры, указал докладчик, следует переходить от обособленного изучения разнородных видов деятельности, жанров к созданию «целостной» картины культуры, где разнородные элементы и категории были бы связаны общим принципом. Такой принцип — человек как мера культуры, а человек воспринимает окружающий его мир в комплексе. Докладчик на многочисленных примерах показал неверность традиционного представления о неизменности византийской культуры. Культура IX—X вв. характеризуется предельным выражением византийской «таксис», систематизацией и упорядочением всех основных явлений социо-культурной жизни. В XI в. начинается критика этой «таксис» со стороны мистики и рационализма. В XI—XII вв. возникают социально-экономические предпосылки византийского предренессанса. Прослеживаются элементы демократизации культуры с параллельным усилением аристократических тенденций, с конца XI в. имеют место жанровые сдвиги. Особенности византийской культуры XI—XII вв. — в сочетании архаизма и новаторства. Основные принципы традиционного мировоззрения еще не подорваны. С конца XII в. они даже вновь дают о себе знать с новой силой.

Интересные сообщения «Византийская выставка в Эрмитаже» и «Новые открытия в Херсонесе» сделали *А. В. Банк* (Ленинград) и *С. А. Беллев* (Ленинград).

Итоги работы конференции были подведены руководителями секций, единодушно отметившими, что конференция проходила на высоком научном уровне, в значительной мере определила перспективы византиноведческих исследований на последующий период. X Всесоюзная конференция византинистов в Москве продемонстрировала успехи советского византиноведения накануне XV Международного конгресса византинистов в Афинах.

С. П. Карпов, Б. Л. Фонкич

ВИКТОР НИКИТИЧ ЛАЗАРЕВ

(1897—1976)

1 февраля 1976 г. на 79-м году жизни умер Виктор Никитич Лазарев, всемирно известный ученый в области византийского, древнерусского и западноевропейского искусства. Множество людей разных поколений восприняли его смерть и как тяжелую общественную, и как глубокую личную утрату.

В. Н. Лазарев был человек динамического темперамента, быстрого и точного ума, четкой определенности суждений и настойчивой решительности поступков, благородного отношения ко всем явлениям жизни и культуры, настоящей и прошлой. Это был человек большой творческой активности и деятельной энергии, много сделавший для русской науки и культуры.

Русская наука о средневековом искусстве, еще в XIX в. заслужившая всемирную славу, была продолжена В. Н. Лазаревым на том же высоком уровне. Он написал двухтомную «Историю византийской живописи» (М., 1947, 1948) — наиболее монументальное исследование по византийскому искусству. Он создал совместно с И. Э. Грабарем «Историю русского искусства», где первые четыре тома посвящены древней Руси и где все разделы по истории русской живописи XI—XV вв. написаны самим Виктором Никитичем. В этом обширном исследовании изучение древнерусской стенописи и иконописи впервые по-настоящему было поставлено на строго научную почву. Весь материал, классифицированный по стилистическим признакам, предстал в широкой панораме, где ярко вырисовывались эпохи и местные школы, где тема духовного и культурного родства с Византией звучала рядом с темой национальной специфичности русского искусства. Все разрозненные до тех пор знаточеские сведения, реставрационные наблюдения, иконографические штудии влились в цельную картину, охватывающую величественный процесс рождения и расцвета средневекового русского искусства. Кроме этих капитальных исследований по средневековой живописи В. Н. Лазареву принадлежит трехтомный труд «Происхождение итальянского Возрождения» (т. I, II. М., 1956, 1959; т. III будет издан посмертно), представляющий собой столь же широкую картину становле-

ния гуманистического искусства Ренессанса. Каждое из этих трех обобщающих сочинений было дополнено целым рядом монографий об отдельных, самых любимых им мастерах и огромным количеством исследовательских и атрибуционных статей. Однако круг научных интересов В. Н. Лазарева был еще более широким и включал в себя искусство и всех стран византийского влияния, и различных государств Западной Европы XVII—XVIII вв. Такая энциклопедичность подхода к истории искусства, грандиозность охвата материала чрезвычайно редка, если не сказать исключительна в искусствознании XX в.

В. Н. Лазарев был не только большим ученым — историком искусства, но и прекрасным писателем об искусстве. Он любил жанр кратких этюдов об отдельных художниках и памятниках (Старые итальянские мастера. М., 1972; Старые европейские мастера. М., 1974). Рассчитанные отнюдь не только на профессионалов, но в большой мере на широкий круг любителей живописи, эти очерки являются и оригинальным осмыслением темы, и одновременно простым и в самом благородном смысле популярным рассказом об искусстве, совсем лишенном сложной академической учености и подкупающим своей человечностью и искренностью. Эти этюды с их сверкающей литературной формой, несомненно, принадлежат к числу лучших образцов особого, очень трудного и в современном искусствознании мало распространенного жанра, сочетающего историческую точность и эссеистическую свободу, требующего как большой эрудиции, так и большого таланта.

Кроме научной работы жизнь В. Н. Лазарева была полна разнообразной и всегда чрезвычайно плодотворной практической деятельности. Он реорганизовал Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, расширил его коллекции, фактически создал в нем картинную галерею, много занимался атрибуцией его новых и часто первоклассных памятников. Он с блеском продолжил дело, начатое в свое время основателем музея проф. И. В. Цветаевым. Период работы здесь В. Н. Лазарева, с 1924 по 1936 г. (заведующим картинной галереей и заместителем директора по научной части), был вторым расцветом музея. По размаху собирательской и научной деятельности, по страстной увлеченности работой, по живой творческой атмосфере внутримузеевской жизни этот период был сравним только с начальными годами существования музея, когда он создавался И. В. Цветаевым при широкой поддержке русской интеллигенции. Центральная фигурой, вдохновителем и душой возрождения музея 20—30-х годов по праву можно назвать В. Н. Лазарева.

Кроме работы в ГМИИ Виктор Никитич трудился в Отделе комплектования Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, сотрудничал в Большой советской энциклопедии, заведовал кафедрой истории искусства в Московском художественном институте им. В. И. Сурикова (1937—1949). В 1943 г. В. Н. Лазарев был избран членом-корреспондентом АН СССР и вскоре стал одним из создателей Института истории искусств, где с 1945 по 1960 г. возглавлял сектор живописи и скульптуры и вместе с академиком И. Э. Грабарем работал над составлением, написанием (т. I—III) и редактированием 12-томной «Истории русского искусства», руководил периодическими изданиями института («Ежегодник Института истории искусств», «Сообщения Института истории искусств»). До конца своих дней он был членом редколлегии «Византийского временника» и томов «Древнерусского искусства». Вся эта разнообразная, подвижная деятельность происходила всегда на фоне основной работы В. Н. Лазарева — преподавательской. Он начал чтение лекций в Московском университете в 1924 г. и продолжал его до конца своей жизни, познакомив в течение десятилетий сменяющиеся аудитории с множеством основных и специальных курсов по искусству Италии, Европы, Византии, по истории европейского рисунка и гравюры, анализу памятников, методике атрибуции и др. Лекции и семинары Виктора Никитича всегда проходили в атмосфере сосредоточенности и напряженного внимания.

Три основные темы научных исследований прошли через всю жизнь В. Н. Лазарева: византийское, древнерусское и итальянское искусство. Специализация историка искусства обычно ограничивается лишь одной из них. Работы В. Н. Лазарева в каждой из них пользуются мировой известностью. Трудно даже сказать, в какой из этих сфер его творческая инициатива проявила себя более плодотворно и бо-

гато, настолько много сделано им в любой из них. В этой статье мы будем говорить о роли его исследований по византийскому искусству. Она была высоко оценена в мировой науке: В. Н. Лазарев был избран почетным президентом Международной ассоциации византистов, членом Британской, Итальянской, Австрийской и Сербской академий наук, Венецианского института наук, литературы и искусств, Флорентийской и Сицилийской академий искусств.

Вероятно, наибольшую популярность приобрел двухтомный труд В. Н. Лазарева «История византийской живописи», являющийся самым большим и одновременно самым последним полным историческим исследованием о византийском искусстве, предпринятым в XX в. Он включает в себя все периоды существования византийской живописи — от ее рождения до умирания, все художественные школы — от Константинополя до далеких окраин православного мира, все виды изобразительного искусства — от монументальных мозаик и фресок до миниатюр и все известные на сегодняшний день памятники, разбросанные по сотням музеев, библиотек, монастырей и частных коллекций мира. Книга является обширным и последовательным историческим повествованием и вместе с тем уникальным справочником. Широта исторического обзора сочетается в ней с точнейшей документальностью. По общему типу этот труд напоминает большие научные сочинения XIX—начала XX в. с их неторопливой взвешиваемостью отношения к материалу, отсутствием потребительской хватки, доброкачественностью использования фактов. Исследования XX в., а тем более современные развиваются в другом направлении, остром и углубленном, но, несомненно, более узком. Книга В. Н. Лазарева обладает утраченной теперь величественной монументальностью построения и охвата. Сейчас если и пишутся столь грандиозные по замыслу труды, то они являются уже обычно созданиями целых авторских коллективов. Книга В. Н. Лазарева особенно впечатляет масштабностью картины и вместе с тем подкупает цельностью мыслей и стиля изложения. Ей присущ оттенок своеобразного благородного архаизма, порождающего своей основательностью и вызывающего полное научное доверие. Однако метод изучения материала в книге — не только совершенно современный, но в годы ее написания — новый для византистики. Это метод формально-стилистического анализа, разработанный Вельфлинным и венской школой и использовавшийся при изучении западноевропейского искусства. Отдельные опыты приложения этого метода к византийской живописи были, однако они не перерастали в стройную систему. Именно В. Н. Лазарев впервые широко и блестяще применил его в своей «Истории византийской живописи», просмотрев все искусство Византии не только со стороны иконографических схем, как делали по существу все его предшественники, но главным образом с точки зрения особенностей самой живописи как искусства, ее стилистических качеств, эстетической оценки и смысловой интерпретации. Византийская живопись была тем самым введена в историю мирового изобразительного искусства на равных правах с произведениями Ренессанса, барокко и других эпох. На основе точного и тонкого анализа весь имеющийся материал, в огромной своей части безымянный, отнюдь не всегда имеющий какие-либо опорные точки для атрибуции, можно было распределить по периодам и школам с большой степенью точности. Художественная выразительность памятников и артистическая гибкость их анализа служили, таким образом, выяснению исторической правды.

Но, пожалуй, не менее важно, что в работе впервые в византийском искусствоведении ясно и четко были сформулированы основные категории византийского стиля. Они были обрисованы как явление совершенно индивидуальное в истории мировой культуры, глубоко содержательное и художественно оригинальное, а не просто как сумма признаков античного и восточного искусства, соединившихся на промежуточной почве. Византийская живопись описывалась как драгоценный феномен, как тончайшее художественное создание, обладающее своими особыми секретами мастерства. Метод стилистического анализа и талантливое владение им, объективная точность в использовании его законов и личная интуиция, оградившая агора от жестких схем и интеллектуального насилия над материалом, позволили В. Н. Лазареву придерживаться ряда позиций и идей, существенно верных и часто новых в византистике. Все это превратило его труд не только в гигант-

ский компендиум о византийском искусстве, но в оригинальное научное исследование.

Вместе с тем В. Н. Лазарев широко использовал и старый иконографический метод, свойственный русской и европейской византистике XIX—начале XX в., однако значительно обновил и углубил его, связав со смысловой сущностью произведения и применяя для объяснения содержания памятника. Возможности различных типов искусствоведческого анализа были использованы им одновременно для интерпретации каждого произведения средневекового искусства.

Общее композиционное построение «Истории византийской живописи» подобно стройному, внешне ясно обозримому зданию, имеющему вместе с тем сложное и богатое внутреннее устройство. Вся история византийской живописи развертывается по хронологическим периодам, внутри же каждого из них прослеживаются судьбы искусства Константинополя и многочисленных периферийных школ. На глазах читателей крупными концентрическими кругами расходятся духовные и художественные импульсы из столицы, своеобразно преломляясь на местах и все более затухая на далеких окраинах, где ослабляется интенсивность столичных художественных влияний. Основной стержень книги — искусство Константинополя, его судьба на протяжении столетий, что существенно верно и для всей культуры Византии, с централизованным и церемониальным стилем ее жизни, что характерно и для личных вкусов автора, любившего во всяком искусстве высокое качество, живописные достоинства, блеск мастерства. Но кроме главного стержня существуют и боковые ответвления, кроме личных вкусов — интерес к исторической полноте, уважение ко всяким, даже малым явлениям культуры. Поэтому в книге учтены все вторичные для византийского искусства, провинциальные и узконациональные его варианты. Четкость конструкции сочетается со сложным переплетением художественных явлений и взаимовлияний. Точно так же основная идея развертывается на фоне множества параллельных или взаимопроникающих 'мыслей'. Подобно тому как главная тема книги — искусство столицы, так главный замысел ее — образ византийского стиля, а через него образ самого понятия «византизм». Существование этого стиля на протяжении веков, неизменного в основных своих очертаниях, интересует автора не меньше, чем проблематика сложения его из классических и восточных элементов. Не сумма составных признаков, а оригинальность целого, внутреннее содержание и способы воплощения этого целого составляют истинную цель его книги.

Но кроме этого в книге поставлено и разрешено множество конкретных проблем, и эти «боковые» течения исследовательской мысли разнообразны и увлекательны. Здесь и компоненты византийского стиля, их происхождение и удельный вес, кристаллизация национальных школ, роль аристократической и народной среды и др.

Исследования о византийском искусстве обычно писались и часто пишутся и сейчас как бы с позиции классической культуры, ее несомненного превосходства, ее истинного совершенства, с желанием увидеть в византийских созданиях их классический корень, их классическую родословную. Античность через Византию, византийская античность — эти слова могли бы быть эпиграфом ко многим сочинениям прошлого и настоящего по византийскому искусству. В. Н. Лазареву такой взгляд на византийскую культуру совершенно чужд. Он усматривает в византийских памятниках их духовную специфику, связанную с христианским спиритуализмом, и наиболее полное художественное воплощение его принципов считает наивысшими удачами византийского искусства (отсюда — акцент на живописи второй половины X—XII вв.). Рецидивы античности он рассматривает как своеобразное отступничество, не принесшее византийской живописи высоких творческих удач и сбивавшее ее иногда (миниатюры первой половины X в.) в русло эклектизма.

Еще одна особенность воззрений В. Н. Лазарева-византиниста представляется нам весьма важной для интерпретации византийского искусства. Он остро ощущал неоднородность византийской и европейской культуры, понимал неуместность приложения к Византии таких европейских понятий, как быстрая динамика историко-культурных процессов, последовательное чередование стилей, неумолимая и прямолинейная логика развития. На византийскую культуру он смотрел как бы

изнутри. Ощущение ее неподвижности, мысль об идеальной найденности и малой подвластности времени стиля византийской живописи проходит через всю его книгу. В. Н. Лазарев много раз говорил о том, что неверно искать в византийской живописи строгую и стройную эволюцию, когда стили сменяют друг друга через два-три десятилетия, что это был бы сугубо европейский и принципиально не-византийский процесс. И вместе с тем В. Н. Лазарев описывал тысячелетнюю жизнь византийского искусства как подлинный историк-документалист, ценящий факты и чутко относящийся ко всем градациям исторического процесса и их влиянию на искусство. В работах В. Н. Лазарева всегда сохраняется это трудное для византиниста равновесие: понимание общности византийского стиля, проходящей через века, и смысловые и художественные вибрации его, зависящие от исторических реалий и духовного климата каждой конкретной эпохи.

Столь же велико значение работ В. Н. Лазарева о древнерусской живописи и искусстве итальянского Возрождения. Все три темы взаимно обогащают друг друга, ибо автор может взглянуть на европейскую культуру средневековья и Ренессанса не с позиции исследователя одного узкого ее звена, а на всю ее панораму, оценивая общность и различия ее частей, наблюдая целостность ее течения и вклад в нее разных наций. Отсюда — своеобразие и увлекательность проблематики в его трудах: взаимоотношение Константинополя и национальных школ византийского круга, связи русского искусства с византийским и западноевропейским, роль Византии в итальянском искусстве Дученто и Треченто и др.

Научная работа, вечно будоражащий исследовательский темперамент, бесчисленные часы, проведенные за письменным столом, несомненно, составляли главный стержень жизни Виктора Никитича. Научная работа не была для него профессией, но скорее неизбежной и ничем не заменимой внутренней потребностью. Эта потребность основывалась на остром, никогда не угасавшем интересе к истории, к явлениям прошлых культур, на почтительном уважении к ним, а иногда личном, лирическом переживании их (особенно итальянского Ренессанса). Эта потребность возникала и из постоянно присущего ему осознания важности исторической памяти, понимания преемственности культур, чувства благодарности к предшественникам, желания не потерять ничего из их опыта.

Подлинный историзм характерен и для самого способа мышления Виктора Никитича, и для всех его работ, исполненных высокой ответственности в осознании истории. У него был дар совершенно реального и живого восприятия прошлого. Во всех его трудах, чему бы они ни были посвящены, ясно проступают ощущение исторической реальности, пластическая очерченность культур, выпукло обрисовывается все самое характерное в их структуре. Он создал широкую панораму художественной жизни целых эпох, в которой каждая из местных школ имела свой неповторимый достоверный облик, подобный портрету реальной исторической личности.

Во всех научных вопросах, как и в жизни, В. Н. Лазарев всегда занимал позицию прямого человека и объективного ученого, с уважением и любовью относящегося к высоким достижениям человеческой культуры.

Круг людей, которых потрясла смерть В. Н. Лазарева, очень широк. Эта смерть казалась совсем неожиданной, хотя Виктор Никитич тяжело болел перед своей кончиной, неожиданной потому, что он был на редкость живым и деятельным человеком. Масштабы потери кажутся сейчас огромными. В памяти и сознании очень многих друзей Виктора Никитича, его коллег и учеников навсегда останутся и высокое уважение, и большая любовь к нему, и чувство истинной благодарности за все доброе, которое он для всех нас делал, активно или даже простым фактом своего существования и присутствия.

О. С. Попова

ШАЛВА ЯСОНОВИЧ АМИРАНАШВИЛИ

(1899—1975)

9 февраля 1975 г. скончался Шалва Ясонович Амиранашвили, член-корреспондент АН СССР, действительный член АН Грузинской ССР, директор Музея искусств Грузинской ССР, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой искусствоведения Тбилисского государственного университета, один из основоположников грузинского искусствоведения.

Ш. Я. Амиранашвили родился 26 марта 1899 г. в Они, в семье народного учителя. В 1917 г. он окончил классическую гимназию в Потти и поступил в только что основанный Тбилисский университет. После его окончания в 1922 г. он был оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре истории и теории искусств. Учителями Шалвы Ясоновича были видные ученые: И. А. Джавахишвили, Е. С. Такайшвили, Г. Н. Чубинашвили. В 1923 г. он получил годовую командировку в Москву и Ленинград для усовершенствования (в частности, в области древнерусского и византийского искусства), где пользовался консультациями Д. В. Айналова, Н. Я. Марра, Б. В. Фармаковского, Л. А. Мацулевича и др. К этому же году относится и его первая статья «Образ святого Георгия из Хоби» («Исторический вестник». Тбилиси, 1923). В 1929 г. вышла в свет монография Ш. Я. Амиранашвили «Убиси. Материалы по истории грузинской стеновой живописи», затрагивавшая тему, к которой он вернулся в своей последней книге «Грузинский художник Дамианэ» (Тбилиси, 1974).

Общее число научных работ Шалвы Ясоновича превышает сто названий; среди них — целая серия монографий. В сущности нет такой сферы истории грузинского искусства на всем протяжении его существования, к которой не обращался бы Шалва Ясонович. Однако прежде всего его интересовало средневековое: его книги посвящены грузинской миниатюре (М., 1966), грузинским эмальям (Париж, 1962), «Хахульскому триптиху» (Тбилиси, 1972), художественным сокровищам

Грузии (Прага, 1971). К сожалению, осталась незавершенной «История грузинской монументальной живописи» (т. I, Тбилиси, 1957). Дважды была издана монография «Бека Опизари» (Тбилиси, 1939 и 1956), посвященная замечательному мастеру-торевту, жившему во второй половине XII—начале XIII в. Широкой известностью пользуется книга Ш. Я. Амиранашвили «История грузинского искусства». После изданий, вышедших на грузинском и русском языках (М., 1950 и 1963), в 1973 г. вышел ее перевод на польском языке, со значительными дополнениями.

Все отмеченные работы покойного автора имеют большое значение для византинистов. Шалва Ясонович никогда не замыкался в пределах собственно грузинского материала: его интересовали связи Грузии с Древней Русью и Ираном, но в первую очередь с Византией (что получило свое яркое выражение в первом издании «Истории грузинского искусства»).

В изучении истории грузинского искусства Шалва Ясонович был «первопроходцем»: он мог ошибаться в отдельных деталях, датировках и атрибуциях, но именно эта его роль одного из первых исследователей огромного раздела науки бесконечно велика. Он был подлинным пропагандистом грузинского искусства — и как автор работ, вышедших на многих языках, но, может быть, в первую очередь как директор Государственного музея искусств Грузинской ССР. Более 35 лет жизни отдал делу собирания, хранения, экспонирования драгоценных памятников искусства. Он руководил археологическими экспедициями, собирал многочисленные, исполненные по заказам музея копии стеновых росписей, интересовался вопросами консервации и реставрации. По поручению Советского правительства в 1945 г. ученый был командирован в Париж для возвращения на родину национальных художественных ценностей, вывезенных меньшевиками в 1921 г.

Специалисты, посещавшие Музей искусств, никогда не забудут богатырскую фигуру его директора, его добрую улыбку, внимательное отношение заботливого «хозяина», щедро делившегося своими знаниями. Таким запомнили его и участники VII Всесоюзной конференции византинистов, состоявшейся в Тбилиси в 1965 г.

А. В. Банк

**УКАЗАТЕЛЬ
К СТАТЬЕ Б. Л. ФОНКИЧА**

«Материалы для изучения библиотеки Максима Маргуня»

1. Писцы рукописей, схолий, записей и помет (кроме Максима Маргуня)
Амвросий-Лев Ноланский — 150
Анонимный писец Виссариона Никейского (предполагаемый Андроник Каллист) — 151, 152
Антоний Дамилас — 153
Аристобул Апостолидис (Арсений Монеувасийский) — 149, 152, 153
Бартоломео Занетти — 151
Бернардо Феличано — 153
Георгий Хрисококк — 152
Досифей, иерусалимский патриарх — 146—148
Захария Скордилис — 144, 145
Иоанн Росос — 152
Мануил Мосхиотис — 142, 146, 148
Мелетий Пигас — 144
Михаил Лигизос — 153
Фома Вициманос — 153
2. Владельцы рукописей (кроме Максима Маргуня)
Балтазар Мелиавакка — 149, 152
Джованни Баптиста Разарио — 150—153
Досифей, иерусалимский патриарх — 143
Мануил Мосхиотис — 141
Николай Лолі — 148
Панайотис Никусиос — 143, 148
Рафаил Созомен — 142
3. Использованные рукописи
Афон, Пантелеймонов монастырь, № 750 — 141, 142
Ватиканская библиотека, Palatinus gr. 268 — 148
Reginensis gr. 133 — 152
Ленинград, БАН, F № 193 — 142, 150, 151, 153
Москва, ГИМ № 7 — 142, 148; № 28 — 142, 149; № 48 — 142, 149; № 78 — 142, 149; № 109 — 142, 149; № 112 — 142, 149; № 215 — 142, 149; № 238 — 142; № 244 — 142—144; № 245 — 142, 144—146, 148; № 252 — 142, 146—148; № 432 — 142, 149; № 441 — 142, 147, 148; № 446 — 143, 149; № 463 — 142, 149, 151; № 465 — 142, 149, 150, 152; № 467 — 142, 150; № 469 — 142, 150, 151; № 471 — 142, 150, 151; № 472 — 142, 151; № 474 — 142, 150, 151; № 475 — 142, 150—153; № 476 — 142, 151; № 498 — 142, 150, 151; № 499 — 142, 143, 150, 151; № 500 — 143, 149, 151, 153; № 504 — 142, 150, 151; № 506 — 142, 152; № 507 — 142, 152; № 508 — 142, 150—153; № 509 — 142, 143, 152; № 510 — 142, 152, 153
4. Старопечатные книги
ЦГАДА, БМСТ, № 3040 — 142, 143, 153

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
 АИ — Акты исторические
 БАН — Библиотека Академии наук СССР. Ленинград
 БМСТ — «Библиотека Московской синодальной типографии» (ЦГАДА)
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — «Вестник древней истории»
 ВИ — «Вопросы истории»
 ВОН АН
 Арм. ССР — «Вестник общественных наук» АН Арм. ССР
 ГБЛ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина
 ГИМ — Гос. Исторический музей
 ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
 ЖМП — «Журнал Московской патриархии»
 ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
 ЗРВИ — Сборник Радова. Византологички институт
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
 ИОРЯС — Известия Общества русского языка и словесности
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 ИФЖ — «Историко-филологический журнал»
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
 ППС — Православный Палестинский сборник
 ПС — Палестинский сборник
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РАИК — Русский археологический институт в Константинополе
 РИБ — Русская историческая библиотека
 СА — «Советская археология»
 СВ — Средние века
 ТГУ — Тбилисский гос. университет
 ТКДА — Труды Киевской духовной академии
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
 УЗ МГПИЛ — Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина
 ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов
 ЦНБАН УССР — Центральная научная библиотека АН УССР
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
 л. с. — лицевая сторона
 о. с. — оборотная сторона

- AC — «L'antiquité classique»
 AJA — «American Journal of Archaeology»
 Anal. Boll. — Analecta Bollandiana
 APF — Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete
 BASP — The Bulletin of the American Society of Papyrologists
 BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique
 BS — «Byzantinoslavica»
 BSOAS — Bulletin of the Society of Oriental-African Studies
 Byz. — Byzantion
 BZ — «Byzantinische Zeitschrift»
 ChE — Chronique d'Égypte
 CPh — «Classical Philology»
 DOP — Dumbarton Oaks Papers
 EEBΣ — Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
 JHS — «The Journal of Hellenic Studies»
 JJP — «The Journal of Juristic Papyrologie»
 JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
 MGH SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum
 OChP — Orientalia Christiana Periodica
 PG — *J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca*
 PL — *J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina*
 REB — «Revue des études byzantines»
 RHC — Recueil des Historiens des Croisades
 RIL — Rendiconti del r. Istituto Lombardo di scienze e lettere
 SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
 SK — Seminarium Kondakovianum
 TM — Travaux et Mémoires
 W. Chrest. — *L. Mitteis, U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, I, 2. Chrestomathie. Leipzig—Berlin, 1912*
 ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft»
 ZPE — «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik»

Таблица I. Печати 1. Феофилакты Сплиниара, 2. Михаила Сагиара, 3. Евфимия Ака. н. (Акаши?), 4. Никиты Кендистина, 5. Георгия Армигианососи?, 6. Иоанна Саги, 7. Георгия Контонан. н.

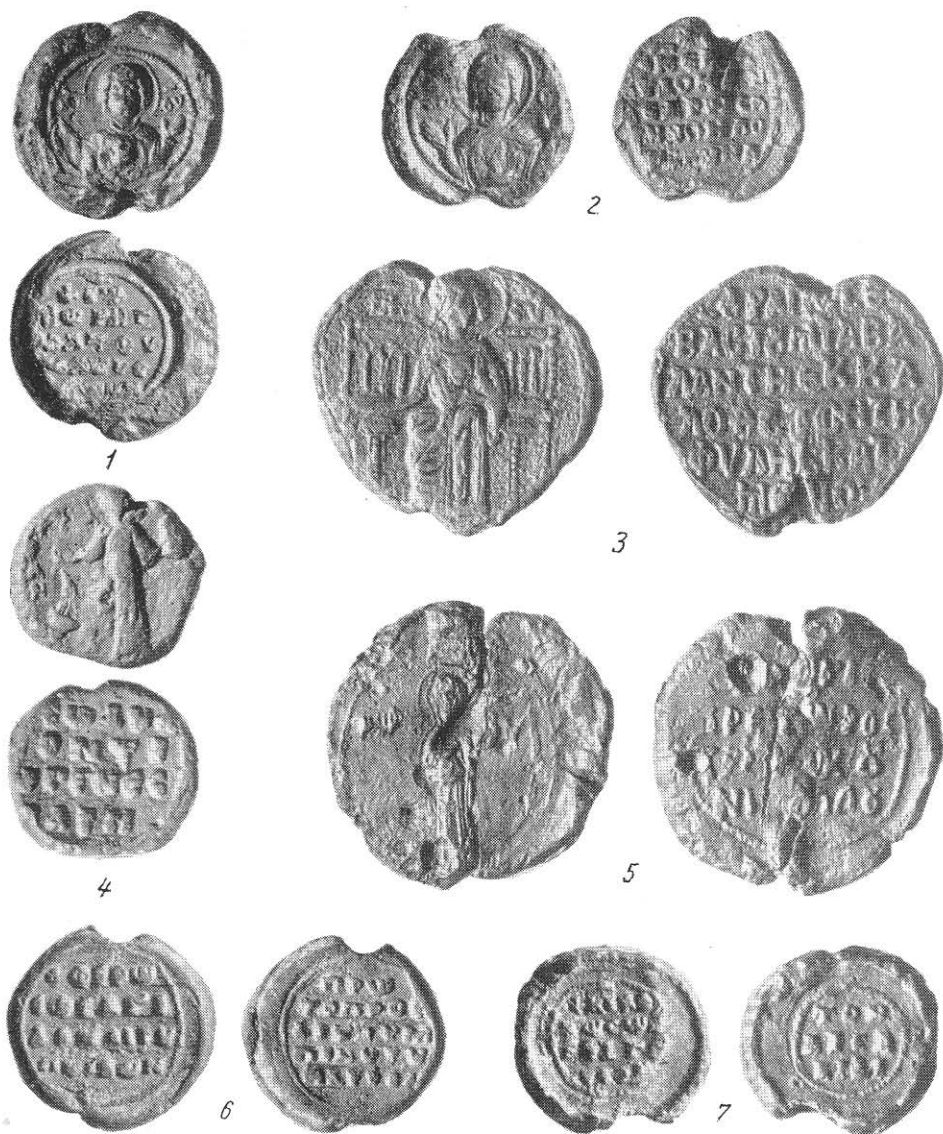

Таблица II. Печати 1. Иоанна Мавродзома, 2. Евдокии Филокалины, 3. Михаила Аваланта, 4. Льва Генес., ари, 5. Николая Трипсеха, 6. Константина Вариса, 7. Григория Арсакида.

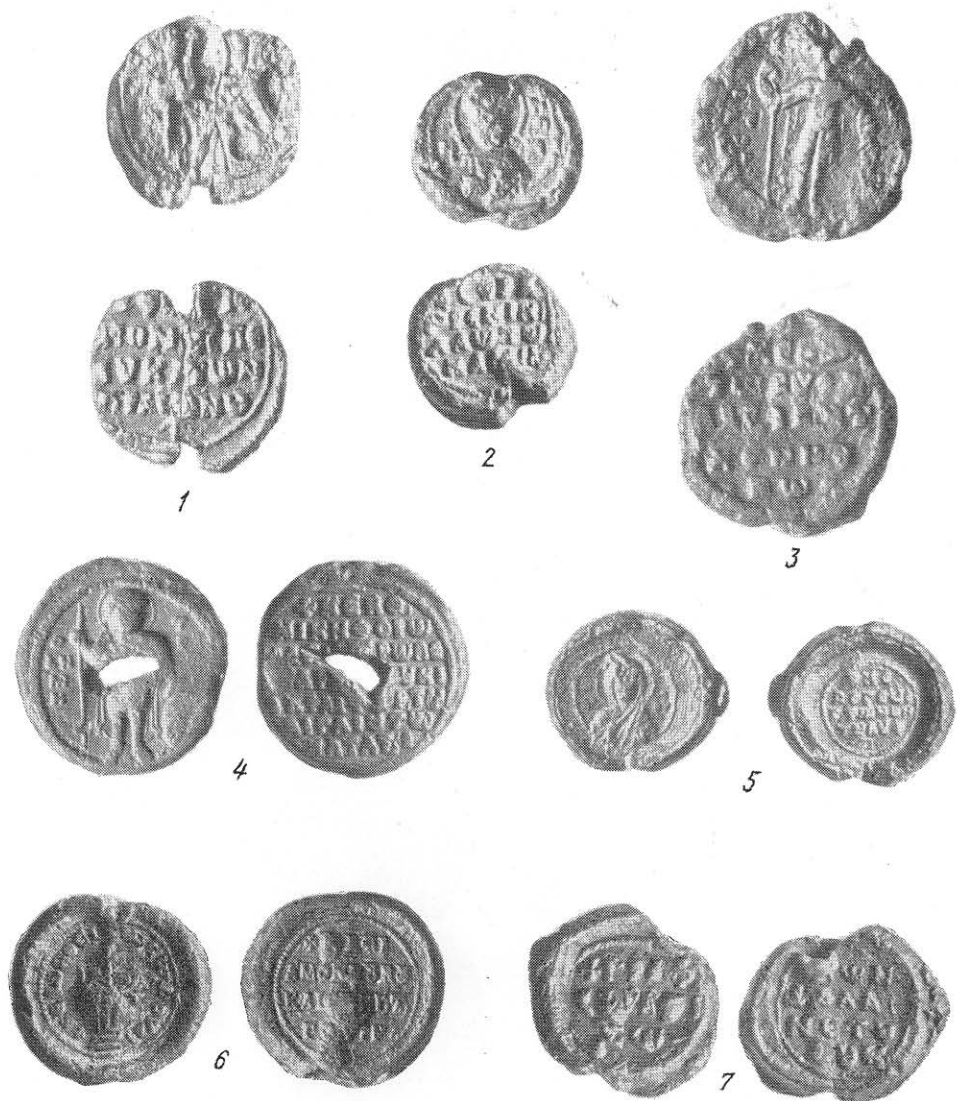

Таблица III. Печати 1. Праспана, 2. Николая Камина, 3. Адриана Комнина, 4. Никифора Ватаца, 5. Георгия Мунгулуфа, 6. Василия Гурна, 7. Константина Далассина Дуки.

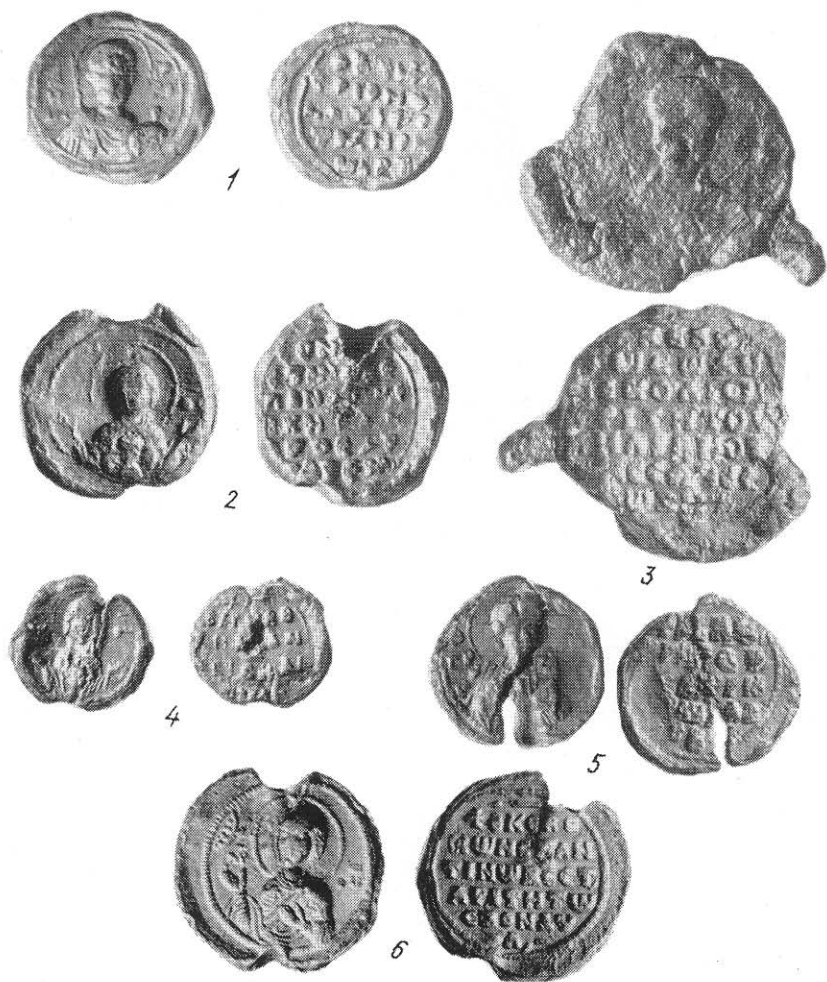

Таблица IV. Печати 1. Дмитрия Фотиана, 2. Никиты Арема?, 3. Николая Ксира?,
4. Романа Склира, 5. Григория Халкуца, 6. Константина Спондила.

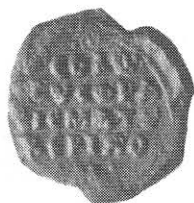
1

3

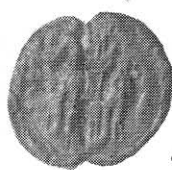
2

4

5

6

Таблица V. Печати 1. Вигена, 2. Льва, 3. Ирины Антиохиссы, 4. Феодора Веривои, 5. Иоанна Марулика, 6. Мануила Хумна.

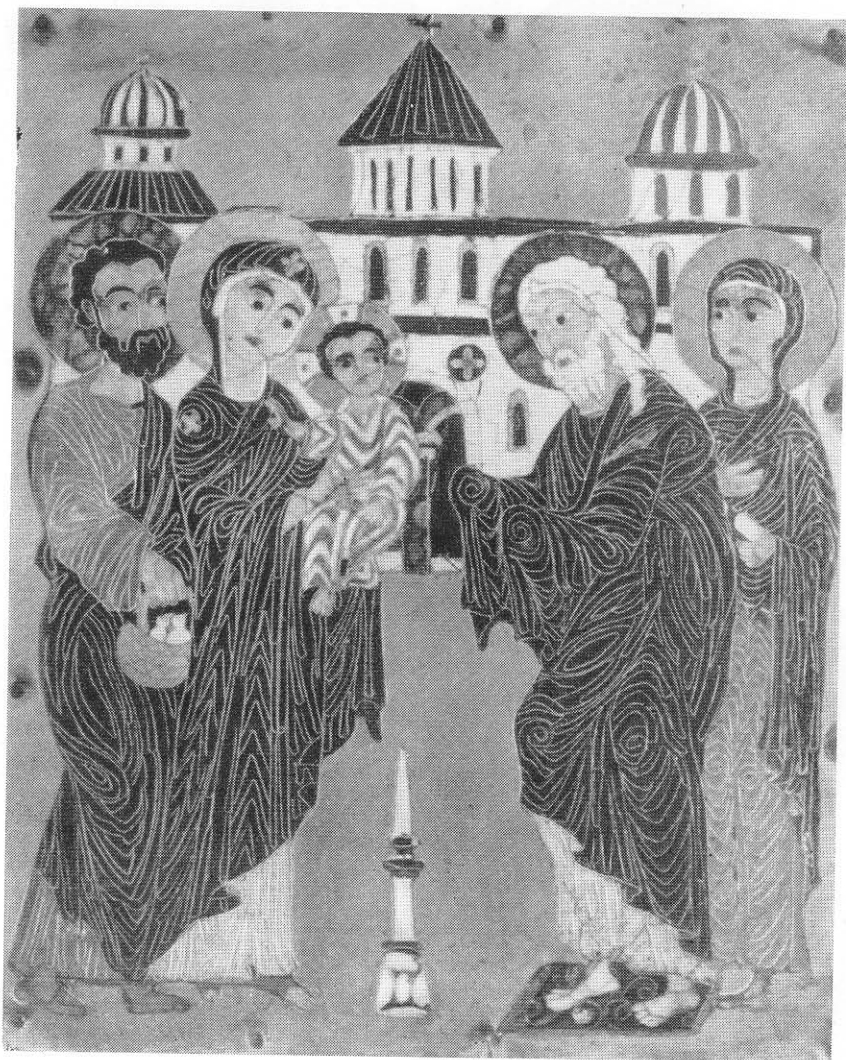

Рис. 1. Гос. Музей искусств Грузии. № 3223. Сретенье.

Рис. 2. Гос. Музей искусств Грузии, № 3222. Воскрешение Лазаря.

Рис. 3. Гос. Музей искусств Грузии, № 3224. Сошествие св. духа.

Рис. 1. ГПБ, № 01, 58, л. 34. Евхаристия (левая часть композиции)

Рис. 2. ГПБ, № 01, 58, л. 47 об. Композиция «Не рыдай мене мати» и святые.

Рис. 3. ГПБ, № 01, 58, л. 48 об. Аллегорическая фигура месяца октября и святые.

К статье В. С. ШАНДРОВСКОЙ
«Греческая надпись «Малого новгородского сиона»»

Надпись на навершии купола «Малого новгородского сиона»

К статье И. П. МЕДВЕДЕВА
«Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г.»

Рис. 1. Архив ЛОИИ АН СССР, 5/137. Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. Верхняя половина

Handwritten Latin text, likely a historical document or treaty, written in a dense, cursive script. The text is arranged in multiple columns and includes a large, stylized initial or signature at the bottom center.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 1977г.

Рис. 2. Архив ЛОИИ АН СССР, 5/137. Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. Нижняя половина

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Х. Кэпштейн</i> (Берлин, ГДР). О процессе социальной дифференциации по «Земледельческому закону»	3
<i>В. Б. Застерова</i> (Прага, ЧССР). Кирилло-мефодиевская миссия и становление Великоморавского государства	9

Статьи

<i>И. Ф. Фихман</i> (Ленинград). У истоков крупного землевладения в Оксирихе	12
<i>З. В. Удальцова</i> (Москва). Отклики на завоевание Константинополя турками в Русском государстве	19
<i>П. И. Жаворонков</i> (Москва). У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря)	30
<i>С. П. Карпов</i> (Москва). Трапезундская империя и русские земли	38
<i>Я. Н. Шапов</i> (Москва). Прохирон в восточнославянской письменности	48
<i>Г. В. Хауссиг</i> (Мюнхен, ФРГ). К вопросу о происхождении гуннов	59
<i>В. П. Степаненко</i> (Тюмень). О причинах и датировке передачи Васпуракана Византии	72
<i>В. А. Арутюнова-Фиданян</i> (Ереван). Фема Васпуракан.	80
<i>В. В. Кучма</i> (Волгоград). Из истории византийского военного искусства на рубеже IX—X вв. Подготовка и проведение боя	94
<i>В. С. Шандровская</i> (Ленинград). Поправки и дополнения к «Каталогу молдавовулов» Б. А. Панченко	102
<i>М. В. Кривов</i> (Солнечногорск). «Эфиопия» в «Откровении» Псевдо-Мефодия Патарского	120
<i>Л. З. Хускивадзе</i> (Тбилиси). Группа грузинских эмалей рубежа XII—XIII вв.	123
<i>В. Д. Лишачева</i> (Ленинград). Отношение к образцам грузинских миниатюристов XIV столетия (на примере рукописи ГПБ)	136
<i>Б. Л. Фонкич</i> (Москва). Материалы для изучения библиотеки Максима Маргуния	141
<i>К. К. Папулидис</i> (Фессалоники, Греция). Из истории русско-греческих связей конца XVI—начала XVII вв.	154

Публикации

<i>В. С. Шандровская</i> (Ленинград). Греческая надпись «Малого новгородского сиона»	157
<i>И. П. Медведев</i> (Ленинград). Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г.	161
Международная Ассоциация византийских исследований. Информация Комиссии по изданию «Corpus Fontium Historiae Byzantinae» о состоянии публикаций (май 1976 г.)	173

Критика и библиография

Рецензии

<i>А. И. Озолин</i> (Саратов). Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Межвузовский научный сборник, вып. 1. Л., 1974	175
<i>Е. Э. Гранстрем</i> (Ленинград). Античная древность и средние века, сб. 10. Свердловск, 1973	181
<i>Л. А. Шаферова</i> (Тюмень). Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975	182
Несколько новых сборников в серии Variorum Reprints	185
<i>А. П. Каждан</i> (Москва). О построении истории византийской цивилизации: от И. Г. Краузе к А. Гиёу	192
<i>А. Л. Якобсон</i> (Ленинград). Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974	197
<i>А. В. Гадло</i> (Ленинград). В. А. Кузнецов. Алагия X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971	206
<i>Б. Л. Фонкич</i> (Москва). Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 5. Греческие рукописи. Составитель И. Н. Лебедева. Л., 1973	214
<i>В. Н. Залеская</i> (Ленинград). E. Cruikshank Dodd. Byzantine Silver Treasures, Abegg Stiftung. Bern, 1973	220

Аннотации

G. Zacos, A. Vegliery. Byzantine Lead Seals, vol. I, parts 1—3. Basel, 1972	227
Nicetas Magistros. Lettres d'un exilé (928—946). Paris, 1973	229
R. Maisano. L'Apocalisse apocrifa di Leone di Constantinopoli. Napoli, 1975 . .	231
Ст. И. Маслев. Проучвания върху някои произведения на Теофилакт Охридски, архиепископ Български. София, 1974.	233
W. Hörandner. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974	234
Два памятника поздневизантийской литературы	237
D. G. Tsames. Διαβιβή Δισυπάτου Λόγος κατά Βαρλαάμ και Ἀκινδύνου πρὸς Νικόλαον Καβάσιλαν. Thessalonike, 1973.	238
Th. St. Nikolau. Διὰ περὶ πολιτείας καὶ δικαίου ἰδέαι τοῦ Γ. Πλήθωνος Γεμιστοῦ. Thessalonike, 1974.	239
P. Lakatos. Quellenbuch zur Geschichte der Gepiden. Szeged, 1973.	241
A. N. Stratos. Τὸ Βυζάντιον στὸν ζ' αἰῶνα, т. I—V. Athenai, 1965—1974.	242
R. Browning. Byzantium and Bulgaria. London, 1975	243
Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973.	245
J. Darrouzès. Deux lettres inédites de Photius aux Arméniens. — REB, XXIX, 1971	246
Б. Ферјанчић. Тесалија у XIII и XIV веку. Београд, 1974. . .	248
Р. М. Джанполадян. Средневековое стекло Двина IX—XIII вв. Ереван, 1974.	250
D. Renner. Die koptischen Stoffe im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Wiesbaden, 1974	251
Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII века. Л., 1975.	252

Хроника

С. Г. Каухчишвили (К 80-летию со дня рождения)	255
«Византийский день» на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (август 1975 г.)	257
Международная конференция «Славянские культуры п Балканы».	264
X Всесоюзная конференция византинистов в Москве	265
Виктор Никитич Лазарев (Некролог)	271
Шалва Ясонович Амиранашвили (Некролог)	276
Указатель к статье Б. Л. Фонкича «Материалы для изучения библиотеки Максима Маргуния»	278
Список сокращений	279

Византийский временник, том 38

Утверждено к печати

Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор **Б. Л. Фонкич**. Редактор издательства **Ф. Н. Арский**
Художественный редактор **Н. Н. Власик**. Технический редактор **Н. И. Плохова**

Сдано в набор 16/IX 1976 г. Подписано к печати 10/V 1977 г. Формат 70×103¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 25,9. Уч.-изд. л. 28,7. Тираж 2000. Т-10202. Тип. зак. 1543. Цена 2 руб.

Издательство «Наука» 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12